Russ. 230 $\frac{k}{(2}$ Kostomarov

Ident. 2. Ausg. = 4 Russ. 60 b-2 = ~~IF~~

MB 447,4 + 448,1

<36632847310019
<36632847310019
Bayer. Staatsbibliothek
4412/12

РУССКАЯ ИСТОРІЯ

ВЪ

ЖИЗНЕОПИСАНІЯХЪ ЕЯ ГЛАВНѢЙШИХЪ ДѢЯТЕЛЕЙ

Н. Костомарова.

ТОМЪ ВТОРОЙ:

ГОСПОДСТВО ДОМА РОМАНОВЫХЪ ДО ВСТУПЛЕНІЯ НА ПРЕСТОЛЪ ЕКАТЕРИНЫ II.

XVII-ое **СТОЛѢТІЕ**.

ТРЕТЬЕ ИЗДАНІЕ

САНКТПЕТЕРБУРГЪ
Типографія М. М. Стасюлевича, В. О., 2 л., 7.

1886

BAYERISCHE
STAATS-
BIBLIOTHEK
MUENCHEN

ТИПОГРАФІЯ
М. СТАСЮЛЕВИЧА
В.О. 2 Л. 7

1092

ОГЛАВЛЕНІЕ ВТОРОГО ТОМА

		Стр.
I.	Царь Михаилъ Θедоровичъ	1
II.	Кіевскій митрополитъ Петръ Могила	59
III.	Царь Алексѣй Михайловичъ	97
IV.	Патріархъ Никонъ	157
V.	Малороссійскій гетманъ Зиновій-Богданъ Хмельницкій	221
VI.	Преемники Богдана Хмельницкаго	287
VII.	Стенька Разинъ	325
VIII.	Сибирскіе землеискатели XVII вѣка	345
IX.	Галятовскій Радивиловскій и Лазарь Барановичъ	355
X.	Епифаній Славинецкій, Симеонъ Полоцкій и ихъ преемники	385
XI.	Юрій Крижаничъ	429
XII.	Царь Θедоръ Алексѣевичъ	459
XIII.	Царевна Софья	475
XIV.	Ростовскій митрополитъ Димитрій Туптало	519

BAYERISCHE STAATS-BIBLIOTHEK MUENCHEN

I.

ЦАРЬ МИХАИЛЪ ѲЕДОРОВИЧЪ.

Мало въ исторіи найдется примѣровъ, когда бы новый государь вступилъ на престолъ при такихъ крайне печальныхъ обстоятельствахъ, при какихъ избранъ былъ шестнадцатилѣтній Михаилъ Ѳедоровичъ. Съ двумя государствами: Польшею и Швеціею, не окончена была война. Оба эти государства владѣли окраинами московской державы и выставляли двухъ претендентовъ на московскій престолъ — двухъ соперниковъ новоизбранному царю. Третьяго соперника ему провозглашала казацкая вольница въ Астрахани въ особѣ малолѣтняго сына Марины, и Заруцкій, во имя его, затѣвалъ двинуть турокъ и татаръ на окончательное разореніе Московскаго Государства. Ожидали-было еще соперника царю и въ габсбургскомъ домѣ. Въ 1612 году цезарскій посланникъ Юсуфъ, проѣзжая черезъ Московское Государство, изъ Персіи, видѣлся въ Ярославлѣ съ Пожарскимъ, и, услышавши отъ него жалобы на бѣдственное состояніе Московскаго Государства, замѣтилъ, что хорошо было бы, если бы московскіе люди пожелали избрать на престолъ цезарскаго брата Максимиліана. На это Пожарскій, какъ говорятъ, отвѣчалъ, что если бы цезарь далъ на московское государство своего брата, то московскіе люди приняли бы его съ великою радостью. Объ этомъ узнали въ Германіи; императоръ прислалъ Пожарскому похвальное слово; но Максимиліанъ, отговариваясь старостью, отказывался отъ русскаго престола. Императорскій посланникъ прибылъ въ Москву съ грамотою къ боярамъ въ то время, какъ уже избранъ былъ Михаилъ, и предлагалъ боярамъ въ цари другого императорскаго брата. Это встревожило новое правительство, и царь отправилъ по-

BAYERISCHE STAATS-BIBLIOTHEK MÜNCHEN

словъ въ Австрію съ такимъ объясненіемъ: мы никогда этого не слыхали, да и въ мысли у бояръ и воеводъ и всякихъ чиновъ людей Московскаго Государства не было, чтобы выбирать государя не греческой вѣры. Если Пожарскій такъ говорилъ, то онъ поступалъ безъ совѣта всей земли, а быть можетъ, вашъ посланникъ Юсуфъ или переводчикъ сами это выдумали, чтобы выманить жалованье у своего государя [1]).

Внутри государства многіе города были сожжены до-тла, и самая Москва находилась въ развалинахъ. Повсюду бродили шайки подъ названіемъ казаковъ, грабили, сожигали жилища, убивали и мучили жителей. Внутреннія области сильно обезлюдѣли. Поселяне еще въ прошломъ году не могли убрать хлѣба и умирали отъ голода. Повсюду господствовала крайняя нищета; въ казнѣ не было денегъ и трудно было собрать ихъ съ разоренныхъ подданныхъ. Одна бѣда вела за собою другія, но самая величайшая бѣда состояла въ томъ, что московскіе люди, по мѣткому выраженію матери царя, „измалодушествовались“. Всякій думалъ только о себѣ; мало было чувства чести и законности. Всѣ лица, которымъ повѣрялось управленіе и правосудіе, были склонны для своихъ выгодъ грабить и утѣснять подчиненныхъ не лучше казаковъ, наживаться насчетъ крови бѣднаго народа, вытягивать изъ него послѣдніе соки, зажиливать общественное достояніе въ то время, когда необходимо было для спасенія отечества крайнее самопожертвованіе. Молодого царя тотчасъ окружили лживые и корыстолюбивые люди, которые старались захватить себѣ какъ можно болѣе земель и присвоивали даже государевы дворцовыя села. Въ особенности родственники его матери, Салтыковы, стали играть тогда первую роль и сдѣлались первыми совѣтниками царя, между тѣмъ какъ лучшіе, наиболѣе честные дѣятели Смутнаго времени оставались въ тѣни заурядъ съ другими. Князь Дмитрій Пожарскій, за нежеланіе объявлять боярство новопожалованному боярину Борису Салтыкову, выданъ былъ ему головою [2]). Близъ молодого царя не было людей, отличавшихся умомъ и энергіей: все

[1]) Важныхъ послѣдствій изъ этого не было никакихъ, но, тѣмъ не менѣе, до 1616 года отношенія къ императору были холодныя: въ особенности по причинѣ неумѣнія русскихъ пословъ вести себя прилично, и только въ этомъ году императоръ приказалъ увѣрить московскаго государя, что онъ не будетъ помогать польскому королю войскомъ и деньгами и не дозволитъ полякамъ нанимать ратныхъ людей въ своихъ владѣніяхъ.

[2]) Обычай этотъ соблюдался такимъ образомъ: по царскому приказанію дьякъ или подьячій велъ „выдаваемаго головою“ пѣшкомъ (что уже составляло безчестіе) во дворъ соперника, ставилъ его на нижнемъ крыльцѣ и объявлялъ, что царь выдаетъ такого-то головой. Пожалованный билъ царю челомъ за милость и дарилъ дьяка или подья-

только одна рядовая посредственность. Прежняя печальная исторія русскаго общества приносила горькіе плоды. Мучительства Ивана Грознаго, коварное правленіе Бориса, наконецъ, смуты и полное разстройство всѣхъ государственныхъ связей выработали поколѣніе жалкое, мелкое, поколѣніе тупыхъ и узкихъ людей, которые мало способны были стать выше повседневныхъ интересовъ. При новомъ шестнадцатилѣтнемъ царѣ не явилось ни Сильвестра, ни Адашева прежнихъ временъ. Самъ Михаилъ былъ отъ природы добраго, но, кажется, меланхолическаго нрава, не одаренъ блестящими способностями, но не лишенъ ума; за то не получилъ никакого воспитанія и, какъ говорятъ, вступивши на престолъ, едва умѣлъ читать.

Въ высшей степени знаменательно сужденіе одного голландца о тогдашнемъ состояніи Россіи: „Царь ихъ подобенъ солнцу, котораго часть покрыта облаками, такъ что земля московская не можетъ получить ни теплоты, ни свѣта... Всѣ приближенные царя—несвѣдущіе юноши; ловкіе и дѣловые приказные—алчные волки; всѣ, безъ различія, грабятъ и разоряютъ народъ. Никто не доводитъ правды до царя; къ царю нѣтъ доступа безъ большихъ издержекъ; прошенія нельзя подать въ приказъ безъ огромныхъ денегъ, и тогда еще неизвѣстно, чѣмъ кончится дѣло: будетъ ли оно задержано или пущено въ ходъ“. Смутное время, однако, сдѣлало большую перемѣну въ строѣ государственнаго правленія противъ прежнихъ временъ: оно выдвинуло значеніе собора всей Земли Русской. Въ половинѣ XVII вѣка русскій эмигрантъ Котошихинъ писалъ, что царя Михаила Θедоровича, какъ и всѣхъ царей послѣ Грознаго, выбрали съ записью, въ которой избранный государь обязывался никого безъ суда не казнить и всѣ дѣла дѣлать съобща съ боярами и думными людьми. Такой записи не сохранилось, и нѣтъ основанія предполагать, что она существовала; но на дѣлѣ происходило дѣйствительно такъ, какъ-бы и на самомъ дѣлѣ существовала эта запись; во все свое царствованіе, а въ первыхъ годахъ въ особенности, царь Михаилъ Θедоровичъ въ важныхъ дѣлахъ собиралъ земскую думу изъ выборныхъ всей земли и вообще во всѣхъ дѣлахъ дѣйствовалъ за-одно съ боярскимъ приговоромъ, какъ и значится въ законодательныхъ актахъ того времени. Это объясняется новостью династіи и тѣмъ, что Михаилъ былъ посаженъ на царство волею собора; при смут-

чаго подарками, а выданнаго себѣ головою отпускалъ домой, но не дозволяя ему садиться на лошадь у себя на дворѣ. Выданный головою, обыкновенно, при этомъ ругался всѣми способами, и пожалованный не обращалъ на то никакого вниманія. Иногда же царь за ослушаніе, кромѣ выдачи головою, приказывалъ наказывать виновнаго батогами.

ныхъ обстоятельствахъ онъ долженъ былъ, для собственной безопасности, опираться на волю земли. Такое участіе земской силы въ правленіи не могло обратиться во что-нибудь прочное, какъ по грубости нравовъ и невѣжеству, не дававшему народу достигнуть яснаго сознанія раздѣленія властей, такъ еще болѣе по причинѣ того „малодушества“, которое тогда господствовало въ народѣ, особенно въ высшихъ его слояхъ. До какой степени были грубы въ то время нравы, показываетъ то, что близкіе къ царю люди почти на глазахъ его ругались и дрались между собою и не смущались тѣмъ, когда ихъ били по щекамъ или батогами [1]). Участіе земскихъ соборовъ въ правленіи не могло остановить лихоимства, неправосудія и всякаго рода насилій, дозволяемыхъ себѣ воеводами и вообще начальными людьми, потому что какъ бы ихъ ни смѣщали, кѣмъ бы ихъ ни замѣняли, все-таки неизбѣжно происходили однѣ и тѣ же явленія, коренившіяся во всеобщей порчѣ нравовъ. Поэтому-то Масса, голландецъ, чужой человѣкъ, наблюдавшій и близко знавшій русскую жизнь, говоря о началѣ царствованія Михаила, выразился такъ: „надѣюсь, что Богъ откроетъ глаза юному царю, какъ то было съ прежнимъ царемъ Иваномъ Васильевичемъ; ибо такой царь нуженъ Россіи, иначе она пропадетъ; народъ этотъ благоденствуетъ только подъ дланью своего владыки и только въ рабствѣ онъ богатъ и счастливъ“. Сужденіе голландца довольно поверхностно: иностранецъ не вникъ въ то обстоятельство, что эпоха Ивана Грознаго способствовала тому состоянію общественной нравственности, какое онъ видѣлъ въ Россіи; но какими бы путями ни дошла Русь до тогдашняго состоянія нравственности, приговоръ этотъ, высказанный свободнымъ гражданиномъ республики о необходимости суроваго самодержавія для русскаго народа, очень знаменателенъ. Иностранцамъ, жившимъ въ Россіи, оно было по-сердцу, потому что, при безусловной силѣ верховнаго правительства, имъ легче было добывать себѣ такія привилегіи, какихъ бы имъ не далъ никакой соборъ, составленный, между прочимъ, изъ лицъ торговыхъ и промышленныхъ, чувствовавшихъ на себѣ невыгоду льготъ и преимуществъ, даваемыхъ иностранцамъ передъ русскими. По увѣренію того же голландца, молодой Михаилъ Ѳедоровичъ сознавалъ свое положеніе. Когда ему доложили объ одномъ господинѣ, котораго слѣдовало наказать за важный учиненный имъ про-

[1]) Такъ, напримѣръ, одного, по имени Леонтьева, за жалобу на князя Гагарина, думный дьякъ билъ по щекамъ, а другого, Чихачева, за жалобу на князя Шаховскаго, бояре приговорили высѣчь кнутомъ, но думный дьякъ Луговскій и бояринъ Иванъ Никитичъ Романовъ сами собственноручно тутъ же, во дворцѣ, отколотили его палками.

ступокъ, то царь отвѣтилъ: „вы развѣ не знаете, что наши московскіе медвѣди въ первый годъ на звѣря не нападаютъ, а начинаютъ только охотиться съ лѣтами".

Первою заботою новаго правительства былъ сборъ казны. Это было естественно, потому что какъ только новый царь вступилъ на престолъ, такъ къ нему обратились всякихъ чиновъ служилые люди, представляли, что они проливали кровь свою за Московское Государство, терпѣли всякую нужду и страданія, а между тѣмъ ихъ помѣстья и вотчины запустѣли, разорены, не даютъ никакихъ доходовъ; недостаетъ имъ ни платья, ни вооруженія. Они просили денегъ, хлѣба, соли, суконъ и безъ обиняковъ прибавляли, что если имъ царскаго денежнаго и хлѣбнаго жалованья не будетъ, то они отъ бѣдности станутъ грабить, воровать, разбивать проѣзжихъ по дорогамъ, убивать людей, и не будетъ никакой возможности ихъ унять. Царь и соборъ разослали повсюду грамоты, приказывали собирать скорѣе и точнѣе подати и всякіе доходы, слѣдуемые въ казну, сверхъ того умоляли всѣхъ людей въ городахъ, монастыряхъ давать въ казну взаймы все, кто что можетъ дать: денегъ, хлѣба, суконъ и всякихъ запасовъ. Приводилось въ худой примѣръ то, что московскіе гости и торговые люди въ прошлые годы пожалѣли дать ратнымъ людямъ денегъ на жалованье и черезъ то потерпѣли страшное разореніе отъ поляковъ. Такія грамоты посылались преимущественно въ сѣверо-восточный край, менѣе другихъ пострадавшій, и въ особенности къ богатымъ Строгоновымъ, оказавшимъ важное пособіе Пожарскому и Минину.

То, что поступило въ казну, оказывалось недостаточнымъ. А между тѣмъ нужно было много чрезвычайныхъ усилій для поддержанія порядка и огражденія государства, котораго части съ трудомъ подчинялись единству власти. Въ Казани, нѣкто Никаноръ Шульгинъ затѣвалъ, при помощи казаковъ, возмутить поволжскій край; ему это не удалось; казанцы остались вѣрны Михаилу; Шульгинъ былъ схваченъ и сосланъ въ Сибирь, гдѣ и умеръ. Но понадобилось нѣсколько лѣтъ, чтобы расправиться съ Заруцкимъ и съ буйными казацкими шайками, бродившими по Россіи. Въ 1614 году правительство снова просило денегъ и должно было бороться со всякаго рода сопротивленіемъ. Дворяне и дѣти боярскіе бѣгали со службы; ихъ принуждены были ловить и въ наказаніе отбирать треть имущества на государя. Иные приставали къ казакамъ. Посадскіе люди не платили положенныхъ на нихъ податей по 175 руб. съ сохи и другихъ поборовъ, тѣмъ болѣе, что сбор-

щики и воеводы наблюдали при этомъ свои противозаконныя выгоды [1]). Но въ то время, когда тяглыхъ посадскихъ и волостныхъ людей доводили до ожесточенія сборами и правежами, монастыри, одинъ за другимъ, выпрашивали для себя и своихъ именій льготы, жаловались на разореніе и дѣйствовали въ этомъ случаѣ черезъ посредство богомольной матери государя, которая тогда записывала имъ и вотчины [2]).

Такъ, 1614—15 годы проходили въ усиленной борьбѣ съ внутреннимъ неустройствомъ. На юго-востокѣ въ іюнѣ 1614 года порѣшили съ Заруцкимъ. Но множество другихъ казацкихъ шаекъ продолжали разорять государство почти во всѣхъ его предѣлахъ. Въ осташковскомъ уѣздѣ безчинствовали черкасы и литовскіе люди подъ начальствомъ Захарія Заруцкаго, въ Пусторжевѣ—подъ начальствомъ полковника Яська; въ уѣздахъ: ярославскомъ, бѣжецкомъ, кашинскомъ, пошехонскомъ, бѣлозерскомъ, углицкомъ, свирѣпствовала огромная шайка, состоявшая изъ казаковъ и русскихъ „воровъ", преимущественно боярскихъ холопей. Между атаманами отличался особеннымъ звѣрствомъ Баловень; разбойники его шайки не только грабили гдѣ что могли и не давали правительственнымъ сборщикамъ собирать денегъ и хлѣбныхъ запасовъ въ казну, но съ необыкновенною свирѣпостью мучили людей. У нихъ было обычною забавою насыпать порохъ людямъ въ уши, ротъ и т. п. и зажигать. Шайка, состоявшая также на половину изъ черкасъ, литовскихъ людей и русскихъ воровъ, въ числѣ болѣе 7,000 чел., разбойничала на сѣверѣ около Холмогоръ, Архангельска, на Вагѣ, около Каргополя, и, наконецъ, была истреблена въ заонежскихъ погостахъ и близъ Олонца. Однако, эта шайка оставила по себѣ печальные слѣды: во всемъ краѣ по р.р. Онегѣ и Вагѣ, какъ доносили царю воеводы, осквернены были Божьи церкви, выбитъ скотъ, сожжены деревни; на Онегѣ нашли 2,325 труповъ замученныхъ людей и некому было похоронить ихъ; другіе найдены были дышащими, но страшно искалѣченными; многіе, разбѣжавшись по лѣсамъ, погибли отъ

[1]) Такъ въ Бѣлозерскѣ посадскіе люди не давали собирать положенную на нихъ дань, и когда воеводы, по обычаю, поставили ихъ за то на правежъ, то они ударили въ набатъ и чуть не побили воеводъ и сборщиковъ. То же дѣлалось и въ другихъ мѣстахъ. Въ отдаленной Чердыни жители не хотѣли давать ратнаго сбора и прибили присланнаго за этимъ дѣломъ князя Шаховскаго.

[2]) Такимъ оброзомъ въ бѣлозерскомъ уѣздѣ вымучивали подати съ тяглыхъ крестьянъ, а вотчины Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря были изъяты отъ нихъ. Такую же свободу получили тогда всѣ вотчины Волоколамскаго монастыря. Инымъ монастырямъ въ это время всеобщей нужды и безденежья давались права на безпошлинную торговлю солью и другими предметами.

холода и голода, а послѣ усмиренія разбойниковъ жителямъ нечего было ѣсть. Въ Вологдѣ буйствовалъ сибирскій царевичь Арасланъ, грабилъ у жителей запасы и вѣшалъ людей вверхъ ногами. Были тогда разбойничьи шайки и около Перми. Въ Казанскомъ краѣ, по усмиреніи Шульгина, поднялись татары и черемисы, брали въ плѣнъ и убивали русскихъ людей, захватили дорогу между Казанью и Нижнимъ и покушались даже нападать на города. Другіе разбойники, также называвшіе себя казаками, бродили и безчинствовали въ украинныхъ городахъ [1]). Напрасно правительство предписывало воеводамъ строить засѣки, собирать ратныхъ людей, вооружать жителей и всѣми мѣрами ловить и истреблять разбойниковъ; разбойниковъ стало очень много; они нападали внезапно: пограбятъ, пожгутъ, перемучатъ людей въ одномъ мѣстѣ и исчезаютъ, чтобы появиться въ другомъ: ратные люди, прибывшіе въ то мѣсто, гдѣ по слухамъ объявились воры, заставали тамъ пепелища да обезображенные трупы людей, а о ворахъ уже шли слухи изъ другихъ мѣстъ.

Для прекращенія бѣдъ, въ сентябрѣ 1614 года земскій соборъ постановилъ послать къ ворамъ духовныхъ, бояръ и всякаго чина людей, уговаривать ихъ прекратить свои безчинства и идти на царскую службу противъ шведовъ. Всѣмъ объявлялось прощеніе. Обѣщали давать имъ на службѣ жалованье, а крѣпостнымъ людямъ, которые отстанутъ отъ воровства, обѣщана была свобода. Часть воровъ поддалась увѣщаніямъ и отправилась къ Тихвину на царскую службу противъ шведовъ; другіе упорствовали и пошли внизъ по Волгѣ, но были на-голову разбиты въ балахонскомъ уѣздѣ бояриномъ Лыковымъ; третьи, съ которыми былъ самъ Баловень, двинулись къ Москвѣ, въ огромномъ числѣ, подъ видомъ какъ-будто идутъ просить прощенія у государя; но на самомъ дѣлѣ оказалось, что у нихъ были коварныя намѣренія. Ихъ отогнали отъ Симонова монастыря, преслѣдовали и окончательно разбили на рѣкѣ Лужѣ. Болѣе 3.000 плѣнныхъ приведено было въ Москву. Простымъ казакамъ объявили прощеніе; Баловня съ нѣсколькими товарищами, особенно отличавшимися злодѣяніями, повѣсили; другихъ атамановъ разослали по тюрьмамъ. Этотъ успѣхъ ослабилъ разбои, но не искоренилъ ихъ. По разнымъ мѣстамъ продолжали появляться отдѣльно разбойничьи шайки, чему способствовало то, что правительство пыталось возвращать

[1]) Замѣчательно, что за многими изъ разбойничьихъ шаекъ слѣдовала толпа женъ, вѣнчанныхъ и невѣнчанныхъ.

на прежнія мѣста жителей, которые въ Смутное время вышли съ этихъ мѣстъ [1]).

Между тѣмъ въ Сѣверской странѣ началъ свирѣпствовать Лисовскій съ нѣсколькими тысячами разнаго сброда, носившими общее названіе „лисовчиковъ". Быстрота, съ которою въ продолженіе 1615 года прогуливался Лисовскій по обширному пространству Московскаго Государства, изумительна. Сначала Пожарскій гонялся за нимъ въ Сѣверской землѣ. Лисовскій, не успѣвши ничего сдѣлать Пожарскому подъ Орломъ, отступилъ къ Кромамъ; Пожарскій—за нимъ, Лисовскій—къ Болхову, потомъ къ Бѣлеву, къ Лихвину и Перемышлю. Лисовскій имѣлъ обыкновеніе оставлять утомленныхъ лошадей, бралъ свѣжихъ и бросался съ неимовѣрною быстротою туда, гдѣ не ожидали его, а на пути все истреблялъ, что попадалось. Пожарскій, утомившись погонею, заболѣлъ въ Калугѣ. Лисовскій со своею шайкой проскочилъ на сѣверъ между Вязьмою и Смоленскомъ, напалъ на Ржевъ, перебилъ на посадѣ людей и, не взявши города, повернулъ къ Кашину и Угличу, а потомъ, прорвавшись между Ярославлемъ и Костромою, началъ разорять окрестности Суздаля; оттуда прошелъ въ Рязанскую землю, надѣлалъ тамъ разореній; изъ Рязанской земли прошелъ между Тулою и Серпуховымъ въ алексинскій уѣздъ. Воеводы по царскому приказанію гонялись за нимъ съ разныхъ сторонъ и не могли догнать; только князь Куракинъ вступилъ съ нимъ въ бой подъ Алексинымъ, но не причинилъ ему большого вреда. Наконецъ, Лисовскій, надѣлавши Московскому Государству много бѣдъ, ушелъ въ Литву. На слѣдующій 1616 годъ Лисовскій снова появился въ Сѣверской землѣ, но нечаянно упалъ съ лошади и лишился жизни. Его шайка избирала другихъ предводителей и долго еще существовала подъ старымъ именемъ „лисовчиковъ", производя безчинства не только въ Московской, но впослѣдствіи и въ своей Польской землѣ.

Такимъ образомъ, Русская земля, пострадавшая и обѣднѣвшая въ Смутное время, потерпѣла новое разореніе отъ разбойниковъ и Лисовскаго, а между тѣмъ угрожающее положеніе со стороны

[1]) Такимъ образомъ велѣно было отыскивать разныхъ тяглыхъ людей, приписанныхъ къ Москвѣ и другимъ городамъ; то же постановлялось и о вотчинныхъ крестьянахъ: въ этотъ годъ двумя грамотами велѣно было возвращать на прежнее мѣсто жительства троицкихъ крестьянъ, выбывшихъ съ 1605 года. Крестьяне сопротивлялись, не хотѣли возвращаться, а иногда и землевладѣльцы, къ которымъ они приставали, не отпускали ихъ. Такіе-то, сбѣжавшіе съ прежнихъ мѣстъ, не желая подвергаться тяглу, наполняли разбойничьи шайки.

Швеціи и Польши требовало увеличенія ратныхъ силъ и, вслѣдствіе этого, умноженія денежныхъ средствъ. Сдѣланы были распоряженія о новыхъ поборахъ. Строгоновы обѣщали давать деньги въ казну и съ ихъ прикащиковъ велѣно было взять 13,810 рублей. Положено было брать во всѣхъ городахъ со двора по гривнѣ, а съ уѣздовъ всѣхъ волостей—съ сохи по 120 рублей; но когда дѣло дошло до сбора, то въ разныхъ мѣстахъ опять началось сопротивленіе. Воеводы должны были употреблять на ослушниковъ ратныхъ людей, но въ то же время сами воеводы, сборщики и разные приказные люди, пріѣзжавшіе для царскихъ дѣлъ, брали прежде всего съ народа на себя то, чего имъ не слѣдовало брать—лишнее, отягощали жителей кормами (сборомъ продовольствія) въ свою пользу, а потомъ уже правили съ нищихъ посадскихъ и крестьянъ годударственныя подати: многихъ забивали и замучивали до смерти на правежахъ и доносили въ Москву, что нечего взять. Посадскіе изъ городовъ посылали челобитчиковъ жаловаться на утѣсненія въ Москву, но это стоило также лишнихъ денегъ. Въ Москвѣ, въ приказахъ, съ челобитчиковъ брали взятки; да и сами челобитчики, пріѣзжавшіе въ столицу отъ своихъ обществъ, присвоивали себѣ порученныя имъ мірскія деньги. Тогда правительство думало усилить свои доходы продажею напитковъ, приказывало вездѣ строить кабаки, курить вино, запрещало служилымъ и посадскимъ держать напитки для продажи; и это средство не могло принести много пользы: для того, чтобъ пить, нуженъ былъ достатокъ; тѣ же, которые пропивали послѣднюю деньгу, могли доставить только ничтожный доходъ казнѣ и за то менѣе были въ состояніи платить прямые налоги. Эти сборы были недостаточны, а служилымъ надобно было платить; и дѣти боярскіе, вытребованные на службу, роптали, что не получаютъ жалованья, и разбѣгались. Въ это время правительство старалось умножить и усилить въ войскѣ отдѣлъ стрѣльцовъ, какъ болѣе организованное войско; на нихъ тогда полагались всѣ надежды и потому по городамъ приказано было набирать въ стрѣльцы охочихъ вольныхъ людей, умѣющихъ стрѣлять. Состоя подъ управленіемъ своихъ головъ, стрѣльцы пользовались правомъ собственнаго суда, кромѣ разбойныхъ дѣлъ.

Правительство, не въ силахъ будучи сладить съ поборами, созвало въ 1616 году земскій соборъ. Приказано было выбрать лучшихъ уѣздныхъ посадскихъ и волостныхъ людей для „великаго государева земскаго дѣла на совѣтъ“. Этотъ соборъ постановилъ всемірный приговоръ: собрать со всѣхъ торговыхъ людей пятую деньгу съ имущества, непремѣнно деньгами, а не това-

рами, а съ уѣздовъ по 120 рублей съ сохи. Со Строгоновыхъ, по разсчету, приходилось взять 16,000 рублей, но, кромѣ того, соборъ наложилъ на нихъ еще 40,000. „Не пожалѣйте своихъ животовъ—писалъ къ Строгоновымъ царь—хоть и себя приведете въ скудость. Разсудите сами: если отъ польскихъ и литовскихъ людей будетъ конечное разореніе россійскому государству, нашей истинной вѣрѣ, то въ тѣ поры и у васъ, и у всѣхъ православныхъ христіанъ животовъ и домовъ совсѣмъ не будетъ“.

Нужно было такъ или иначе покончить со шведами. Новгородъ оставался въ ихъ рукахъ. Вмѣстѣ съ Новгородомъ захвачена была Водская пятина, города: Корела (Кексгольмъ), Ивангородъ, Ямъ, Копорье, Ладога, Порховъ, Старая Руса. Шведы поставили вездѣ своихъ воеводъ, но, вмѣстѣ съ шведскими, были и русскіе начальники. Избраніе Михаила поставило новгородцевъ въ затруднительное положеніе относительно шведовъ: волею-неволею они присягали на вѣрность королевичу Филиппу съ тѣмъ, что онъ будетъ царемъ всей Руси; но теперь въ Москвѣ избранъ другой царь, и шведскій намѣстникъ Эвертъ Горнъ, заступившій мѣсто Делагарди, объявилъ новгородцамъ, что такъ какъ Москва не хочетъ королевича Филиппа, то королевичъ не желаетъ быть на одномъ государствѣ новгородскомъ; по этой причинѣ, Новгородъ, съ своею землею, долженъ присоединиться къ шведскому королевству. Новгородцы не были согласны на присоединеніе къ Швеціи, и, спрошенные черезъ своихъ пятиконецкихъ старостъ, они упирались, отвиливали, говорили, что, давши разъ присягу королевичу Филиппу, желаютъ оставаться вѣрны своей присягѣ. Нѣкто князь Никифоръ Мещерскій возбуждалъ тогда новгородскій народъ ни за что не присягать шведскому королю, не соглашаться на присоединеніе Новгорода къ Швеціи и ни въ какомъ случаѣ не отлучать его отъ Московскаго Государства. Шведы за это засадили подъ стражу Мещерскаго. Народъ не успокоивался, не давалъ требуемаго согласія на присоединеніе къ Швеціи, и, наконецъ, митрополитъ Исидоръ попросилъ у шведскаго намѣстника дозволенія отправить въ Москву посольство для убѣжденія бояръ признать царемъ королевича Филиппа. Шведы согласились. Посломъ отъ Новгорода поѣхалъ хутынскій архимандритъ Кипріанъ, который прежде участвовалъ въ посольствѣ новгородцевъ къ шведамъ въ Выборгъ и казался расположеннымъ къ Швеціи: съ нимъ поѣхали двое дворянъ [1]). Вмѣсто того, чтобъ уговаривать бояръ отступить отъ Михаила (что́ было слиш-

1) Яковъ Бабарыкинъ и Матвѣй Муравьевъ.

комъ опасно для посланныхъ), новгородскіе послы били челомъ боярамъ, чтобъ царь Михаилъ Өедоровичъ простилъ новгородцамъ невольное цѣлованіе креста и заступился за Новгородъ, который ни за что не хочетъ отрываться отъ русской державы. Царь допустилъ новгородскихъ пословъ къ себѣ, обласкалъ и приказалъ дать имъ двѣ грамоты: одну отъ бояръ, явную, съ суровымъ выговоромъ всѣмъ новгородцамъ за то, что они отправили къ нимъ посольство съ совѣтомъ измѣнить царю, а другую, тайную—отъ царя; въ ней царь Михаилъ Өедоровичъ прощалъ новгородцамъ всѣ ихъ вины и обнадеживалъ своею милостью. Царскую грамоту стали раздавать въ спискахъ тайкомъ между новгородцами для поддержанія упорства, но въ Москвѣ нашелся измѣнникъ, благопріятель шведовъ—думный дьякъ Третьяковъ: онъ написалъ объ этой тайной грамотѣ шведскому намѣстнику. Тогда Эвертъ Горнъ посадилъ подъ стражу ѣздившихъ пословъ и принялся за Кипріана: его мучили на правежѣ, морили голодомъ и морозомъ.

Военныя попытки противъ шведовъ были неудачны для русскихъ. Князь Дмитрій Тимоѳеевичъ Трубецкой, подобравши съ собой казаковъ, обѣщавшихся вѣрно служить царю, потерпѣлъ пораженіе. Но самъ шведскій король не былъ намѣренъ добиваться слишкомъ многаго. Завязываться въ долговременную и упорною войну было опасно для Швеціи, такъ какъ она находилась тогда въ непріязненныхъ отношеніяхъ и съ Польшею, и съ Даніею; самое обладаніе Новгородомъ представляло для Швеціи болѣе затрудненій и хлопотъ, чѣмъ пользы. Новгородцы не хотѣли добровольно быть подъ шведскимъ владычествомъ; Швеціи надобно было держать ихъ насильно и черезъ то находиться во всегдашнихъ непріязненныхъ отношеніяхъ къ Москвѣ: понятно, что тогда Новгородъ, ненавидя шведское правленіе, будетъ постоянно обращаться къ Москвѣ и вооружать ее противъ Швеціи. Густавъ-Адольфъ хотѣлъ только воспользоваться запутаннымъ состояніемъ Московскаго Государства, чтобъ отнять у него море и тѣмъ обезсилить опаснаго для Швеціи на будущее время сосѣда. Онъ обратился къ англійскому королю, Іакову I, съ просьбою принять посредничество въ спорѣ съ Московскимъ Государствомъ. Къ тому же Іакову еще прежде, въ 1613 г., послалъ новоизбранный царь Михаилъ Өеодоровичъ дворянина Алексѣя Зюзина, съ просьбою заступиться за Московское Государство противъ шведовъ и снабдить его оружіемъ, запасами и деньгами тысячъ на сто руб. [1]).

[1]) Іаковъ принялъ московскаго посла отлично и, зная щепетильность русскихъ въ соблюденіи внѣшнихъ обрядовъ, во время пріема дозволилъ московскому послу

Англія намѣревалась добиться отъ Россіи новыхъ торговыхъ выгодъ, и потому для нея былъ большой разсчетъ оказать Россіи услугу, чтобы имѣть право требовать возмездія. Англійскій король обѣщалъ прислать уполномоченнаго съ тѣмъ, чтобы примирить русскаго царя съ шведскимъ королемъ. Въ 1614 году съ такою же цѣлью отправлены были московскіе послы, Ушаковъ и Заборовскій, въ Голландію. Эти послы были такъ бѣдны, что въ Голландіи принуждены были дать имъ 1000 гульденовъ на содержаніе. Голландскіе штаты также обѣщали свое посредничество въ дѣлѣ примиренія Россіи съ Швеціею. Голландцы надѣялись черезъ это получить себѣ торговыя выгоды, преимущественно разсчитывая нанести ущербъ англичанамъ, съ которыми они находились тогда въ сильномъ соперничествѣ.

Въ Москву пріѣхалъ отъ англійскаго короля, въ качествѣ посредника, Джонъ Мерикъ, извѣстный русскимъ купецъ, пожалованный англійскимъ королемъ въ рыцари. Со стороны голландцевъ прибылъ въ Россію Николай Ванъ-Бредероде съ товарищами.

При посредствѣ этихъ пословъ состоялось совѣщаніе между русскими и шведами въ селѣ Дедеринѣ. Со стороны русскихъ были: окольничій князь Даніилъ Мезецкій и дворянинъ Алексѣй Зюзинъ съ товарищами. Со стороны шведовъ—Яковъ Делагарди, Генрихъ Горнъ и другіе. Шведскій король осаждалъ Псковъ, но неудачно, и потерявши Эверта Горна, отступилъ отъ города.

Голландскіе посланники въ своихъ донесеніяхъ оставили любопытныя черты тогдашняго бѣдственнаго состоянія сѣвера Россіи. Край былъ сильно обезлюденъ. Иностранцы должны были ѣхать зимою по пустынѣ, гдѣ встрѣчались разоренныя деревни; въ избахъ валялись непогребенныя мертвыя тѣла. Волки и другіе хищные звѣри бродили стаями. Въ лѣсахъ скрывались казаки и „шиши“. Они вели партизанскую войну со шведами и убивали всякаго шведскаго воина, котораго случалось имъ схватить на дорогѣ, если онъ былъ отправленъ съ какимъ-нибудь порученіемъ отъ своего начальства. Старая Руса представляла кучу развалинъ каменныхъ церквей и монастырей. Городъ, прежде многолюдный, въ это время опустѣлъ до того, что въ немъ оставалось не болѣе 100 чел., едва имѣвшихъ насущный хлѣбъ. Вся окрестность была опустошена, негдѣ было найти продовольствія и оно достав-

надѣть шапку, когда самъ былъ безъ шапки, изъ уваженія къ царскому имени. Посолъ отказался отъ предоставленной ему чести, но былъ очень доволенъ; и въ Москвѣ, когда узнали объ этомъ, то были также очень довольны.

лялось посламъ съ большимъ трудомъ изъ отдаленныхъ мѣстъ. Шведскіе и русскіе послы помѣстились въ отдѣльныхъ селахъ и съѣзжались на переговоры въ Дедерино къ англійскому послу. Совѣщанія происходили въ шатрѣ, разбитомъ среди поля на снѣгу, потому что нельзя было найти для этого довольно просторной избы. Сначала русскіе упрекали Делагарди за прежнее его поведеніе. Тотъ защищался и сваливалъ вину на русскихъ. Наконецъ, приступили къ дѣлу. Шведы пытались поднять вопросъ о выборѣ въ московскіе цари королевича Филиппа; русскіе и слышать объ этомъ не хотѣли. Переставши толковать о королевичѣ Филиппѣ, шведы потребовали большихъ уступокъ земель или огромной суммы денегъ. Русскіе объявили, что скорѣе лишатся жизни, чѣмъ уступятъ горсть земли [1]). Шведы нѣсколько разъ грозились уѣхать ни съ чѣмъ; англичанинъ удерживалъ ихъ, наконецъ, русскіе согласились отдать одну Корелу, а вмѣсто другихъ городовъ, которыхъ домогались шведы, предлагали сто тысячъ рублей. Не порѣшивши окончательно на этомъ, обѣ стороны заключили перемиріе отъ 22 февраля до 31 мая 1616 года, и по истеченіи срока положили снова съѣхаться для заключенія мира. Не ранѣе, однако, какъ въ концѣ декабря 1616 года съѣхались шведскіе послы съ русскими въ селѣ Столбовѣ, все-таки при посредничествѣ Мерика. Новгородцы умоляли русскихъ пословъ поскорѣе окончить дѣло, потому что шведы и ихъ угодники изъ русскихъ жестоко тѣснили новгородцевъ, требуя присяги шведскому королю, и мучили правежами, вымогая у нихъ кормъ и подводы для войска. Эти жалобы новгородцевъ побудили, наконецъ, русское правительство къ уступчивости. Проспоривши почти два мѣсяца, 27 февраля 1617 года подписали договоръ вѣчнаго мира, по которому шведы возвращали русскимъ Новгородъ, Порховъ, Старую Русу, Ладогу, Гдовъ и Сумерскую волость; а русскіе уступали Швеціи приморскій край: Ивангородъ, Ямъ, Копорье, Орѣшекъ и Корелу съ уѣздами; кромѣ того, обязались заплатить 20,000 рублей готовыми деньгами. По выходѣ шведовъ изъ Новгорода, 14 марта, русскіе послы вступили туда съ чудотворною иконою, взятою изъ Хутынскаго монастыря. Митрополитъ Исидоръ встрѣчалъ ихъ со всѣмъ народомъ, ко-

[1]) Англійскій посолъ держалъ себя хладнокровно и безпристрастно, и когда русскіе пытались вооружить его противъ шведовъ и указывали ему, что шведы не воздаютъ ему должной чести, англичанинъ отвѣчалъ, что честь дана ему отъ своего государя и ее никто отнять у него не можетъ, а до почета со стороны шведовъ ему нѣтъ дѣла.

торый громко плакалъ. Новгородъ былъ въ самомъ жалкомъ состояніи. Болѣе половины домовъ было сожжено. Жителей оставалось уже немного. Иные разбѣжались, другіе померли отъ голода, который свирѣпствовалъ въ Новгородѣ, его окрестностяхъ и въ Псковской землѣ, въ такой степени, что жители питались нечистою пищею и даже ѣли человѣческіе трупы.

Какъ ни тяжелы были для Московскаго Государства условія Столбовскаго мира, отнимавшаго у Россіи море и потому носившаго въ себѣ зародышъ неизбѣжныхъ кровавыхъ столкновеній въ будущемъ, но въ то время и такой миръ былъ благодѣяніемъ, потому что оставлялъ теперь Московское Государство въ борьбѣ съ одною только Польшею.

Устроивши примиреніе, Джонъ Мерикъ прибылъ въ Москву и заявилъ со стороны Англіи требованіе важныхъ торговыхъ привилегій. Онъ просилъ, между прочимъ, дозволить англичанамъ ходить для торговли Волгою въ Персію, рѣкою Обью въ Индію и Китай. Русское правительство отдало эти вопросы на разрѣшеніе думы, составленной изъ торговыхъ людей. На основаніи приговора этихъ торговыхъ людей, бояре отказали въ главномъ, чего домогался Мерикъ, подъ благовидными предлогами отсрочки на будущее время. „Теперь русскіе торговые люди оскудѣли“—говорили бояре Мерику.— «Они у англичанъ покупаютъ въ Архангельскѣ товары и продаютъ въ Астрахани персіянамъ: отъ этого прибыль и имъ, и казнѣ, а если англичане сами начнутъ торговать въ Персіи, то этой прибыли не будетъ. Притомъ же въ Персіи теперь небезопасно: персидскій шахъ воюетъ съ турксвимъ царемъ, да и на Волгѣ плавать опасно. Надобно отложить до другого времени». Что касается до пути въ Индію и Китай черезъ Сибирь, то бояре сказали англійскому послу, что „Сибирь страна студеная и трудно черезъ нее ходить: по рѣкѣ Оби все ледъ ходитъ, по Сибири кочевыя орды бродятъ, ходить опасно, да и про китайское государство говорятъ, что оно не велико и не богато, а потому государь, по дружбѣ къ англійскому королю, прикажетъ прежде разузнать, какими путями туда ходить и каково китайское государство: стóитъ ли туда добиваться“. Такимъ образомъ, благодаря силѣ торговыхъ людей, Мерикъ, при всѣхъ своихъ услугахъ Россіи, не добился цѣли стремленій англичанъ на востокъ, хотя получилъ отъ царя, въ знакъ благодарности и вниманія, золотую цѣпь съ царскимъ портретомъ и разные подарки, преимущественно мѣхами.

Голландцы, также добивавшіеся для себя торговыхъ льготъ, получили нѣкоторыя выгоды, но не въ такой степени, какъ англичане. Еще въ 1614 году компаніи голландскихъ гостей подтверждена была грамота царя Василія Ивановича на свободную торговлю во всемъ государствѣ, а во вниманіе къ разоренію, понесенному голландскими купцами, позволено имъ торговать безпошлинно на три года. Когда срокъ этотъ минулъ, голландцы не добились такого расширенія своихъ торговыхъ правъ, которое бы могло подорвать англійскую торговлю, однако, по собственному ихъ сознанію, въ 1616—17 годахъ, русскіе такъ снисходительно смотрѣли за голландцами, что послѣдніе платили за свои товары гораздо менѣе пошлинъ, чѣмъ съ нихъ слѣдовало [1]). Шведамъ по Столбовскому договору предоставлена была свободная торговля, но съ платежемъ обычныхъ полныхъ пошлинъ.

Въ то время, когда шли переговоры о мирѣ со шведами, въ жизни царя произошло печальное семейное событіе. Молодой царь находился въ покорности инокини матери, которая жила въ Вознесенскомъ монастырѣ, имѣла свой дворъ и была окружена монахинями; самою приближенною изъ нихъ къ царской матери была мать Салтыковыхъ, старица Евникія. Царь не смѣлъ ничего начинать безъ благословенія матери а главная сила ея состояла въ томъ, что царь приближалъ къ себѣ и слушалъ совѣты тѣхъ людей, которымъ она благопріятствовала. Вмѣстѣ съ матерью Михаилъ часто совершалъ благочестивыя богомолья къ Троицѣ, къ Николѣ на Угрѣшѣ и въ разныя святыя мѣста, какъ въ самой Москвѣ, такъ и въ ея окрестностяхъ. Жизнь царя была опутана множествомъ обрядовъ, носившихъ на себѣ болѣе или менѣе церковный или монашескій характеръ. Это приходилось по нраву Михаила, который вообще былъ тихъ, незлобивъ и сосредоточенъ. Въ 1616 году, когда ему наступилъ двадцатый годъ, рѣшено было женить его. Созвали, по давнему обычаю, толпу дѣвицъ—дочерей дворянъ и дѣтей боярскихъ; Михаилу приглянулась болѣе всѣхъ Марья, дочь дворянина Ивана Хлопова. Выбранная невѣста немедленно была взята „на верхъ“ (во дворецъ, собственно въ теремные хоромы царицъ) и велѣно ей оказывать почести какъ *царицѣ*; дворовые люди ей крестъ цѣловали, и во всемъ Московскомъ Государствѣ велѣно

[1]) Предметами привоза у голландцевъ были: вина, сукна, нюренбергскія издѣлія мелочные товары и болѣе всего холстъ, который славился тогда во всей Европѣ. Изъ Россіи голландцы вывозили преимущественно восточные товары: сырой шелкъ, краски, москательные товары, камлотъ, парчи, штофныя издѣлія (дамасты) и др.

поминать ея имя на ектеніяхъ. Ее нарекли Анастасіей. Отецъ и дядя нареченной невѣсты были призваны во дворецъ; государь лично объявилъ имъ свою милость. Такимъ образомъ родъ Хлоповыхъ, совершенно незначительный до того времени, вдругъ возвысился и сталъ въ приближеніи у царя. Это возбудило во многихъ зависть, какъ и прежде всегда бывало въ подобныхъ случаяхъ. Болѣе всѣхъ не взлюбили Хлоповыхъ могущественные Салтыковы, опасавшіеся, чтобы Хлоповы не вошли въ довѣріе царя и не оттѣснили ихъ самихъ на задній планъ.

Однажды царь ходилъ въ своей оружейной палатѣ и разсматривалъ разное оружіе. Михаилъ Салтыковъ показалъ ему турецкую саблю и похвастался, что такую саблю и въ Москвѣ сдѣлаютъ. Царь передалъ саблю Гаврилѣ Хлопову, дядѣ царской невѣсты, и спросилъ: „какъ ты думаешь, сдѣлаютъ у насъ такую саблю?“ Хлоповъ отвѣчалъ: „чаю, сдѣлаютъ, только не такова будетъ какъ эта!“ Салтыковъ съ досадою вырвалъ у него изъ рукъ саблю и сказалъ: „ты говоришь не знаючи!“ Они тутъ же побранились крупно между собою.

Салтыковы не простили Хлоповымъ, что они смѣютъ имъ перечить, рѣшились удалить ихъ отъ двора и разстроить бракъ государя. Они очернили Хлоповыхъ передъ царскою матерью и разными наговорами внушили ей непріязнь къ будущей невѣстѣ. При нареченной царевнѣ находились постоянно: бабка ея, Ѳедора Желябужская, и Марья Милюкова, одна изъ придворныхъ сѣнныхъ боярынь. Другіе родные навѣщали ее сначала изрѣдка, потомъ каждый день. Вдругъ нареченная невѣста заболѣла. Съ нею началась постоянная рвота. Сперва родные думали, что это сдѣлалось съ нею отъ неумѣреннаго употребленія „сластей“ и уговаривали ѣсть поменьше. Она послушалась и ей стало какъ-будто получше, но потомъ болѣзнь опять возобновилась, и родные должны были донести объ этомъ царю. Тогда царь приказалъ своему крайчему Салтыкову позвать доктора къ своей невѣстѣ; Михаилъ Салтыковъ привелъ къ ней иноземца доктора, по имени Валентина, который нашелъ у больной разстройство желудка и объявилъ, что болѣзнь излечима и „плоду-де и чадородію отъ того порухи не бываетъ“. Такое рѣшеніе было не по сердцу Салтыкову; прописанное лекарство давали царской невѣстѣ всего два раза, и доктора Валентина болѣе къ ней не призывали. Послѣ того Салтыковъ призвалъ другого, младшаго врача, по имени Балсыря, который нашелъ у больной желтуху, но не сильную, и сказалъ, что болѣзнь излечима. Лекарствъ у него не спрашивали и къ больной болѣе не звали. Салтыковы взду-

мали потомъ сами лечить царскую невѣсту: Михайло Салтыковъ велѣлъ Ивану Хлопову взять изъ аптеки стклянку съ какой-то водкой, передать дочери и говорилъ, что „если она станетъ пить эту водку, то будетъ больше кушать“. Отецъ отдалъ эту стклянку Милюковой. Пила ли его дочь эту водку—неизвѣстно; но ей стали давать святую воду съ мощей и камень „безуй“, который считался тогда противоядіемъ. Царской невѣстѣ стало легче.

Между тѣмъ Салтыковъ донесъ царю, будто врачъ Балсырь сказалъ ему, что Марья неизлечима, что въ Угличѣ была женщина, страдавшая такою же болѣзнью и, проболѣвши годъ, умерла. Царь не зналъ, что̀ ему дѣлать. Мать настаивала удалить Хлопову. Просто сослать ее съ „верху“ казалось зазорно, такъ какъ она уже во всемъ государствѣ признана царской невѣстою. Созванъ былъ соборъ изъ бояръ для обсужденія дѣла. Напрасно Гаврило Хлоповъ на этомъ соборѣ билъ челомъ не отсылать царской невѣсты съ „верху“, увѣрялъ, что болѣзнь ея произошла отъ сладкихъ ядей и теперь уже почти проходитъ, что Марья скоро будетъ здорова. Бояре знали, что царская мать не любитъ Хлопову и желаетъ ее удалить; въ угоду ей произнесли они приговоръ, что Хлопова „къ царской радости непрочна“, т.-е., что свадьбы не должно быть.

Сообразно этому приговору, царскую невѣсту свели съ „верху“. Это было въ то время, когда во дворцѣ происходили суетливыя приготовленія къ ея свадьбѣ. Хлопову помѣстили у ея бабки на подворьѣ, а черезъ десять дней сослали въ Тобольскъ съ бабкою, теткою и двумя дядями Желябужскими, разлучивъ съ отцомъ и матерью. Каково было въ Тобольскѣ изгнанникамъ—можно догадываться изъ того, что въ 1619 году, уже какъ-бы въ видѣ милости, они были переведены въ Верхотурье, гдѣ должны были жить въ нарочно построенномъ для нихъ дворѣ и никуда не отлучаться съ мѣста жительства, а царская невѣста, испытавшая въ короткое время своего благополучія роскошь двора, получала теперь на свое скудное содержаніе по 10 денегъ на день.

Этотъ варварскій поступокъ не былъ дѣломъ царя Михаила Ѳеодоровича. Царь, повидимому, чувствовалъ привязанность къ своей невѣстѣ и грустилъ о ней, но не смѣлъ ослушаться матери. Тѣмъ не менѣе онъ не соглашался жениться ни на какой другой невѣстѣ. Это событіе показываетъ, что въ то время молодой царь былъ совершенно безвластенъ и всѣмъ управляли временщики, угождавшіе его матери, которая, какъ видно, была женщина хотя богомольная, но злая и своенравная.

Уладивши дѣло со шведами, Москва должна была покончить и съ Польшею. Но это было гораздо труднѣе. Сигизмундъ сожалѣлъ объ утраченномъ Московскомъ Государствѣ. Сынъ его Владиславъ, придя въ совершенный возрастъ, также плѣнялся мыслью быть московскимъ царемъ и затѣвалъ попытаться возвратить себѣ утраченный престолъ.

Русское правительство искало противодѣйствія Польшѣ въ Турціи и въ Крыму и думало-было воспользоваться недоразумѣніями, возникавшими тогда между Турціей и Польшей. Турки злобствовали на поляковъ, но не вполнѣ дружелюбно смотрѣли и на Московское Государство, за нападеніе донскихъ казаковъ. Русскіе посланники нѣсколько лѣтъ сряду въ Константинополѣ раздавали мѣха визирямъ и другимъ султанскимъ вельможамъ, и терпѣливо выслушивали отъ турокъ колкости и упреки за казаковъ; за то, по крайней мѣрѣ, утѣшались обѣщаніями турокъ начать войну съ Польшею. Крымскій ханъ, съ своей стороны, бралъ съ русскихъ деньги и мѣха и за это обѣщалъ имъ тревожить поляковъ, но медлилъ. Московское правительство обращалось, кромѣ того, къ нѣмецкому императору и просило о посредничествѣ въ дѣлѣ примиренія Москвы съ Польшею. Императоръ отправилъ отъ себя посредникомъ Ганделіуса. При стараніи этого посредника съѣхались подъ Смоленскомъ русскіе послы, князь Иванъ Михайловичъ Воротынскій и его товарищи, съ польскими послами: кіевскимъ епископомъ Казимирскимъ, литовскимъ гетманомъ Ходкѣвичемъ и канцлеромъ Львомъ Сапѣгою. Ганделіусъ явно мирволилъ польской сторонѣ: онъ не только считалъ правильною уступку Рѣчи Посполитой земель, завоеванныхъ ею отъ Руси, но полагалъ, что русскіе, признавши Владислава царемъ, обязаны были вознаградить его за утрату царскаго достоинства. Воротынскій велъ себя настойчиво; имъ за это былъ недоволенъ царь, потому что, естественно, боялся за своего родителя, находившагося въ плѣну у поляковъ, болѣе всего желалъ его возвращенія и готовъ былъ на большія уступки, лишь бы добиться освобожденія Филарета. Несмотря на уступчивость своего царя, русскіе послы не поддались излишнимъ притязаніямъ поляковъ, и съѣзды подъ Смоленскомъ прекратились. Война была неизбѣжна.

Въ 1616 году королевичъ Владиславъ издалъ окружную грамоту ко всѣмъ жителямъ Московскаго Государства: напоминалъ, какъ его выбрали на московскій престолъ всею землею; обвинялъ митрополита Филарета, который будто бы поступалъ вопреки наказу, данному всею землею; изъявлялъ сожалѣніе о бѣдствіяхъ Московскаго Государства; объявлялъ, что, пришедши

въ совершенный возрастъ, идетъ самъ добывать Московское Государство, данное ему отъ Бога, и убѣждалъ всѣхъ московскихъ людей бить ему челомъ и покориться, какъ законному московскому государю; обѣщалъ, наконецъ, поступать съ Михаиломъ, Филаретовымъ сыномъ, сообразно своему царскому милосердію, по прошенію всей земли.

Притязанія польскаго королевича грозили внести новое междоусобіе въ несчастное государство.

Но правильныя военныя дѣйствія между Польшею и Москвою начались не ранѣе 1618 года (какъ мы указали въ жизнеописаніи Филарета). Война эта требовала крайняго напряженія силъ, а между тѣмъ Московское Государство еще не успѣло поправиться отъ прежнихъ бѣдствій и испытывало новыя въ томъ же родѣ, какъ въ предшествовавшіе годы. Разбойничьи шайки продолжали бродить и разорять народъ; самый образъ веденія войны съ Владиславомъ увеличивалъ число такого рода враговъ, потому что главныя силы польскаго королевича состояли изъ казаковъ и лисовчиковъ, а тѣ и другіе вели войну разбойническимъ способомъ. Литовскіе люди, за-одно съ русскими ворами, проникали на берега Волги и Шексны и разбойничали въ этихъ мѣстахъ. Города были такъ дурно укрѣплены и содержимы, что не могли служить надежнымъ убѣжищемъ для жителей, которымъ небезопасно было оставаться въ своихъ селахъ и деревняхъ [1]). Между тѣмъ правительство принуждено было усиленными мѣрами собирать особые тяжелые налоги съ разореннаго народа. То были запросныя деньги, наложенныя временно, по случаю опасности, которыя должны были платить всѣ по своимъ имуществамъ и промысламъ, и кромѣ того, разные хлѣбные поборы для содержанія служилыхъ людей; наконецъ, народъ долженъ былъ нести и посошную службу въ войскѣ. Правительство приказывало не давать народу никакихъ отсрочекъ и править нещадно деньги и запасы. Воеводы, исполняя такія строгія повелѣнія, собрали посадскихъ и волостныхъ людей, били ихъ на правежѣ съ утра до вечера; ночью голодныхъ и избитыхъ держали въ тюрьмахъ, а утромъ снова выводили на правежъ и очень многихъ забивали до смерти. Жители разбѣгались, умирали отъ голода и холода въ лѣсахъ

[1]) Состояніе города Углича, напр., представляется по современнымъ извѣстіямъ въ такомъ жалкомъ видѣ: „мосты погнили, башни стоятъ безъ кровли, ровъ засыпался, а кое-гдѣ и вовсѣ не копанъ. Ратныхъ людей почти нѣтъ, стрѣльцовъ и воротниковъ ни одного человѣка, пушкарей только шесть человѣкъ и тѣ голодные. Пороха нѣтъ, хлѣбныхъ запасовъ нѣтъ. Посадскіе люди отъ нестерпимыхъ правежей почти всѣ разбѣжались съ женами и дѣтьми. Волости кругомъ выжжены, опустоше-

или попадали въ руки непріятелямъ и разбойникамъ. Бѣдствія, которыя народъ русскій терпѣлъ въ этомъ году отъ правительственныхъ лицъ, были ему не легче непріятельскихъ разореній. Монастыри же, какъ и прежде, пользовались своими привилегіями и если не вовсе освобождались отъ содѣйствія общему дѣлу защиты отечества, то гораздо въ меньшемъ размѣрѣ участвовали въ этомъ дѣлѣ; нѣкоторые изъ нихъ тогда же получали новыя льготныя грамоты. Служилые люди неохотно шли на войну; одни не являлись вовсе, другіе бѣгали изъ полковъ; въ Новгородской землѣ служилые люди въ то время имѣли поводъ особенно быть недовольными, потому что правительство отбирало у нихъ помѣстья, розданныя при шведскомъ владычествѣ изъ дворцовыхъ и черныхъ земель.

Въ такомъ состояніи былъ народъ, когда Владиславъ, идя къ Москвѣ въ августѣ 1618 г., снова возмущалъ русскихъ людей своею грамотою, увѣрялъ, что никогда не будетъ ни разорять православныхъ церквей, ни раздавать вотчинъ и помѣстій польскимъ людямъ, что поляки не станутъ дѣлать никакихъ насилій и стѣсненій русскому народу; напротивъ—сохраняемы будутъ прежніе права и обычаи. „Видите-ли—писалъ Владиславъ—какое разореніе и стѣсненіе дѣлается Московскому Государству, не отъ насъ, а отъ совѣтниковъ Михайловыхъ, отъ ихъ упрямства, жадности и корыстолюбія, о чемъ мы сердечно жалѣемъ: отъ насъ, государя вашего, ничего вамъ не будетъ, кромѣ милости, жалованія и призрѣнія“.

Избранный народною волею царь противопоставилъ этому покушенію своего соперника голосъ народной воли. 9 сентября 1618 года собранъ былъ земскій соборъ всѣхъ чиновъ людей Московскаго Государства, и всѣ чины единогласно объявили, что они будутъ стоять за православную вѣру и своего государя, сидѣть съ нимъ въ осадѣ „безо всякаго сумнѣнія, не щадя своихъ головъ будутъ биться противъ недруга его, королевича Владислава, и идущихъ съ нимъ польскихъ и литовскихъ людей и черкасъ“. Грамоты Владислава прельстили немногихъ изъ русскихъ людей. Какъ ни тяжело было русскому народу отъ тогдашняго своего правительства, но онъ слишкомъ зналъ поляковъ, познакомившись съ ними въ Смутное время. Дружба съ ними была невозможна. Дѣло Владислава было окончательно проиграно.

Въ сентябрѣ и октябрѣ русскіе дружно отстояли свою

ны, а между тѣмъ въ Угличѣ сидѣли въ тюрьмѣ болѣе сорока человѣкъ разбойниковъ“. Тѣ же черты можно было встрѣтить и въ другихъ городахъ большей части государства.

столицу, отбили приступы непріятеля и не поддались ни на какія предложенія принять Владислава. Когда непріятельскія дѣйствія по временамъ прекращались и начинались переговоры, Левъ Сапѣга, съ свойственнымъ ему краснорѣчіемъ, исчислялъ русскимъ уполномоченнымъ всѣ выгоды, какія получитъ Русь отъ правленія Владислава; русскіе отвѣчали ему: „вы намъ не дали королевича, когда мы его избрали; и мы его долго ждали; потомъ—отъ васъ произошло кровопролитіе и мы выбрали себѣ другого государя, цѣловали ему крестъ; онъ вѣнчанъ царскимъ вѣнцомъ и мы отъ него не отступимъ. Если вы о королевичѣ не перестанете говорить, то нечего намъ съ вами и толковать". Въ концѣ-концовъ поляки должны были отказаться отъ мысли посадить на московскомъ престолѣ Владислава. 1-го декабря 1618 года подписано было деулинское перемиріе на 14 лѣтъ и 6 мѣсяцевъ. Правда, Московское Государство много потеряло отъ этого перемирія, но выигрывало нравственно, отстоявши свою независимость. Теперь уже недоразумѣнія могли возникать только о тѣхъ или о другихъ границахъ государствъ, но уже Московское Государство рѣшительнымъ заявленіемъ своей воли отразило всякія поползновенія Польши на подчиненіе его тѣмъ или другимъ путемъ [1]).

Въ іюнѣ 1619 года прибылъ Филаретъ, отецъ государя, и былъ посвященъ въ патріархи. Дѣла пошли нѣсколько иначе, хотя система управленія осталась одна и та же. Стала замѣтною болѣе сильная рука, управлявшая дѣлами государства. Господствующимъ стремленіемъ было возвратить государство въ прежній строй, какой оно имѣло до Смутнаго времени, и, несмотря на стремленія назадъ, новыя условія жизни вызывали новые порядки. Наступило невиданное еще въ исторіи Московскаго Государства явленіе. Главою духовенства сдѣлался отецъ главы государства. Отсюда на время патріаршества Филарета возникло двоевластіе. Царь самъ заявлялъ, что его отцу, патріарху, должна быть оказываема одинаковая честь, какъ и царю. Всѣ грамоты писались отъ имени царя и патріарха. Царь во всѣхъ начинаніяхъ испрашивалъ у родителя совѣта и благословенія, и часто разъѣзжая съ своей благочестивой матерью по монастырямъ, на то время поручалъ отцу своему всѣ разныя государственныя дѣла. Въ церковныхъ дѣлахъ Филаретъ былъ полнымъ государемъ. Область, непосредственно подлежавшая его церковному управленію, обнимала все, что прежде вѣдалось въ приказѣ

[1]) Замѣчательно, что, по окончаніи перемирія, русское правительство не наказывало смертью тѣхъ русскихъ, которые поддавались Владиславу, а только ссылало ихъ, наказавши, предварительно, нѣкоторыхъ изъ нихъ кнутомъ.

Большого Дворца, и заключала въ себѣ всѣ московскія владѣнія, кромѣ архіепископіи новгородской; но и архіепископъ новгородскій, хотя имѣлъ свое отдѣльное управленіе, находился, однако, въ подчиненіи у Филарета. Собственно для себя Филаретъ, въ годъ своего посвященія въ патріархи, въ 1619 г., получилъ въ вотчину на Двинѣ двѣ трети волости Варзуги, съ правомъ полнаго управленія надъ тамошними крестьянами, кромѣ разбойныхъ дѣлъ и татьбы съ поличнымъ. По извѣстію иностранцевъ, съ прибытіемъ Филарета перемѣнены были должностныя лица во всѣхъ вѣдомствахъ, и съ этихъ поръ начинается рядъ правительственныхъ распоряженій, клонящихся къ исправленію законодательства, къ пресѣченію злоупотребленій, къ установленію порядка по управленію и, мало-по-малу, къ облегченію народныхъ тягостей. Одною изъ важнѣйшихъ мѣръ была посылка писцовъ и дозорщиковъ для приведенія въ извѣстность состоянія всего государства, но эта мѣра не достигла полнаго успѣха по причинѣ нравственнаго зла, таившагося въ московскихъ людяхъ. Писцамъ и дозорщикамъ, за крестнымъ цѣлованіемъ, вмѣнялось въ обязанность поступать по правдѣ, дѣлать опись государства такъ, чтобы сильные и богатые съ себя не сбавляли государственныхъ тягостей, а на мелкихъ и убогихъ людей не накладывали лишнихъ; но писцы и дозорщики, работая полтора-два года, писали „воровствомъ", не по правдѣ, съ сильныхъ сбавляли, а на убогихъ накладывали, потому что съ сильныхъ и богатыхъ брали взятки. Правительство приказало ихъ посадить въ особую избу для исправленія своихъ писцовыхъ книгъ подъ надзоромъ окольничихъ и дьяковъ. Но и эта мѣра, какъ показываютъ послѣдствія, не достигла своей цѣли: жалобы на неправильность распредѣленія податей и повинностей долго и послѣ того не прекращались. Изъятія однихъ въ ущербъ другимъ видны и въ это время. Такъ, для сбора ямскихъ денегъ разосланы были денежные сборщики; ослушниковъ велѣли бить на правежѣ нещадно, а между тѣмъ вотчины Филарета, его монастырей и его дѣтей боярскихъ, вотчины митрополитовъ и многихъ важнѣйшихъ монастырей освобождались отъ этихъ поборовъ. Обратили вниманіе на то, что воеводы и приказные люди дѣлали невыносимыя насилія посадскимъ и крестьянамъ. Царская грамота запрещала воеводамъ и приказнымъ людямъ брать посулы и поминки, не дозволяла вымогать для себя безденежное продовольствіе, гонять людей на свои работы. Угрожали за нарушеніе этихъ правилъ пенею вдвое противъ того, что́ виновные возьмутъ неправильно, если челобитная, на нихъ поданная, окажется справедливою. Но, мимо

всякихъ угрозъ, воеводы и приказные люди продолжали поступать по прежнему, тѣмъ болѣе, что правительство, дѣлая имъ угрозы за злоупотребленія, повѣряло имъ большую власть въ управляемыхъ ими областяхъ, потому что оно только черезъ ихъ посредство и при ихъ стараніи могло надѣяться на собираніе налоговъ съ народа. Нѣкоторымъ городамъ и уѣздамъ (напр., Вагѣ, Устюжнѣ) подтвержденъ былъ старый порядокъ самоуправленія; въ другихъ его уже не было, да и тамъ, гдѣ онъ существовалъ, онъ имѣлъ разныя степени размѣра [1]), но вездѣ онъ, болѣе или менѣе, стѣснялся властію воеводъ; впрочемъ, самые выборные старосты дѣлали утѣсненія бѣднымъ людямъ, и правительство приказывало своимъ воеводамъ охранять отъ нихъ народъ [2]). Вообще въ это время, продолжая стараться всѣми мѣрами добывать себѣ деньги, правительство, однако давало народу и облегченія въ разныхъ мѣстахъ [3]). Покончено было дѣло съ англичанами. Еще во время осады Москвы Владиславомъ, царь занялъ у нихъ 20,000 р., а въ іюлѣ 1620 года пріѣхалъ въ Москву извѣстный тамъ Джонъ Мерикъ; онъ поздравлялъ Филарета съ освобожденіемъ, потомъ снова началъ просить пропуска англичанъ въ Персію по Волгѣ. Правительство снова отдало этотъ вопросъ на обсужденіе торговыхъ людей, которые дали такой совѣтъ, что англичанъ не слѣдуетъ пускать въ Персію иначе, какъ за большую пошлину. Мерикъ имѣлъ у себя инструкцію добиваться безпошлиннаго проѣзда въ Персію. Видя, что не добьется этого, онъ самъ отказался отъ всякихъ правъ на этотъ проѣздъ съ платежомъ пошлинъ и сказалъ: „если отъ нашей торговли будетъ убытокъ государевой казнѣ и вашимъ торговымъ людямъ, то и говорить больше нечего. Мой король не желаетъ убытка вашей казнѣ и московскимъ людямъ“. Долгъ англичанамъ былъ выплаченъ. Московское Государство осталось съ Англіею въ самыхъ лучшихъ, дружескихъ отношеніяхъ.

[1]) Напр. въ Новгородѣ выборные старосты и цѣловальники могли судить всякіе иски, исключая уголовныхъ дѣлъ. Въ Псковѣ судъ ихъ простирался на иски не свыше 100 р., но въ 1633 и псковскіе сравнены были съ новгородскими; въ другихъ мѣстахъ земскіе старцы и цѣловальники занимались только раскладкою податей и разверсткою повинностей.

[2]) Въ 1621—22 г. въ Чердыни и Соликамскѣ воеводамъ велѣно было оберегать народъ отъ злоупотребленій посадскихъ, волостныхъ старостъ и цѣловальниковъ, которые въ своихъ мірскихъ книгахъ дѣлали „бездѣльныя приписки“, налагали неправильно повинности и брали себѣ лишнія деньги въ посулы; за такое воровство имъ угрожали смертною казнью.

[3]) Такъ, калужанамъ дана льгота отъ государственныхъ повинностей на три года. Въ разныхъ мѣстахъ давались разныя льготы, напр., въ платежѣ ямскихъ денегъ вмѣсто 1,000 руб. съ сохи—только 468 руб.

Обогащеніе казны составляло главную заботу московскаго правительства. Постановили, чтобы впередъ всѣ живущіе въ посадахъ служилые люди несли тягло наравнѣ съ посадскими, а посадскіе впередъ не смѣли бы продавать своихъ дворовъ такимъ лицамъ, которыя по своему званію освобождались отъ тягла [1]). Установлены были таможенные и кабацкіе головы для сбора доходовъ съ таможенъ и продажи напитковъ, а къ нимъ придавались выборные изъ мѣстныхъ жителей цѣловальники. Въ пограничныхъ торговыхъ городахъ: въ Архангельскѣ, Новгородѣ, Псковѣ, всѣ дорогіе товары, такъ-называемые узорочные (къ нимъ причислялись золотыя и серебрянныя вещи), не прежде могли поступать въ продажу, какъ послѣ того, какъ таможенный голова отберетъ и купитъ въ казну все, что найдетъ лучшаго. То же соблюдалось и по отношенію къ иноземнымъ напиткамъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, вмѣсто того, чтобы держать головъ, таможенные и кабацкіе сборы стали давать на откупъ; и такая мѣра была особенно отяготительна для жителей, тѣмъ болѣе, что откупщики были большею частью люди дурные. Кабаки развелись повсюду; правительство постоянно приказывало стараться, чтобъ люди побольше пили и доставляли казнѣ выгоды. Очень многимъ лицамъ давались привилегіи приготовлять для себя, но никакъ не на продажу, напитки предъ большими праздниками или по поводу разныхъ семейныхъ торжествъ. Эти дозволенія служили поводомъ къ безпорядкамъ, потому что подавали возможность тайно продавать вино или же обвинять въ тайной продажѣ. Торговцы и промышленники, кромѣ таможенныхъ пошлинъ, облагались разными поборами: въ городахъ платили полавочное, на дорогахъ и перевозахъ—мыто. За продажу запрещенныхъ товаровъ (напр., соли, отправленной за-границу, или за провозъ въ Сибирь оружія, желѣзныхъ издѣлій и вина) брали заповѣдныя деньги [2]). Самыя повседневныя занятія облагались различными мелкими поборами, напр., за водопой скотины и за мытье бѣлья на рѣкѣ бралось пролубное, и для такого сбора изъ жителей выбирались особые цѣловальники, которые клали собираемыя деньги въ ящикъ за казенною печатью. Выборъ

[1]) Тягло обнимало въ то время много налоговъ, поборовъ и повинностей, какъ-то: подводная, ямскія деньги, стрѣлецкія деньги, и проч. Къ числу повинностей, отправляемыхъ тяглами, принадлежало тогда устройство деревянныхъ мостовыхъ въ городахъ и мѣры предупрежденія пожаровъ: съ послѣднею цѣлью въ Москвѣ выбирались изъ жителей „ярыжные"; жители должны были доставлять имъ на свой счетъ огнеспасительныя принадлежности.

[2]) Продажа табаку и картъ строго преслѣдовалась: за употребленіе табаку рѣзали носы.

цѣловальниковъ къ разнымъ казеннымъ сборамъ и работамъ, отправляемымъ съ тягла, въ значительной степени отягощалъ народъ; казенная служба отвлекала выбранныхъ отъ собственныхъ занятій, а общество должно было платить за нихъ подати.

При разстроенномъ состояніи Московскаго Государства, Сибирь была тогда важнымъ источникомъ поправленія финансовъ. Сибирскіе мѣха выручали царскую казну въ то время, когда невозможно было много собирать налоговъ съ разоренныхъ жителей внутреннихъ областей. Государь отдѣлывался соболями повсюду, гдѣ только нужно было платить и дарить. Правительство старалось преимущественно захватить въ свои руки мѣха передъ частными торговцами, и хотя послѣднимъ дозволялось ѣздить въ Сибирь для покупки мѣховъ, но они были стѣсняемы разными распоряженіями, отнимавшими у нихъ время и предававшими ихъ произволу воеводъ [1]).

Русскіе подвигались шагъ за шагомъ на востокъ и, съ каждымъ захватомъ новыхъ земель, строили остроги и облагали туземцевъ ясакомъ. Но чтобы Сибирь была прочно привязана къ Московскому Государству, необходимо было заселить ее, насколько возможно, русскимъ народомъ. Правительство принимало къ этому свои мѣры въ описываемое нами время.

Кромѣ служилыхъ, преимущественно казаковъ, ядро тогдашняго русскаго населенія въ Сибири составляли пашенные крестьяне, которые набирались изъ охотниковъ—вольныхъ, гулящихъ людей,—имъ давали земли, деньги на подмогу, и льготы на нѣсколько лѣтъ. Эти пашенные крестьяне обязаны были пахать десятую часть въ казну и этотъ хлѣбъ, называемый десятиннымъ, шелъ на продовольствіе служилыхъ.

При водвореніи пашенныхъ крестьянъ, землю, отводимую имъ, мѣряли на десятины, на три поля, и присоединяли къ ней сѣнные покосы и разныя угодья. Это дало немедленно поводъ къ тому, что нѣкоторые захватывали земель болѣе, чѣмъ слѣдовало, и стали продавать. Такъ было въ западной Сибири, напр., въ верхотурскомъ уѣздѣ, гдѣ населеніе было сравнительно гуще; правительство, узнавши объ этомъ, приказывало дѣлать пересмотры земель и за владѣльцами оставлять только ту землю, которую они дѣйствительно обработывали. Такимъ образомъ, положено было препятствіе къ захвату сибирскихъ земель въ частную собственность. Такъ какъ движеніе русской власти на востокъ совершалось быстро, то потребность въ пашен-

[1]) Мѣхами дорожили до такой степени, что когда не доискались пары соболей между мѣхами, посланными изъ Сибири въ царскую казну, то производили по этому поводу слѣдствіе.

ныхъ крестьянахъ превышала число охотниковъ поступать въ это званіе, и тогда правительство приказывало насильно сводить поселенныхъ уже пашенныхъ крестьянъ съ мѣстъ болѣе близкихъ на мѣста болѣе отдаленныя; такъ переводились крестьяне изъ Верхотурья и Тобольска въ Томскъ, и это насильное передвиженіе подавало поводъ къ побѣгамъ: явленіе, черезъ-чуръ обычное въ европейскихъ странахъ Московскаго Государства, очень скоро показалось и въ Сибири. Кромѣ пашенныхъ крестьянъ, позволяли заниматься земледѣліемъ всѣмъ вообще, какъ-то: духовнымъ, торговымъ людямъ, посадскимъ; съ нихъ брали такъ называемый выдѣльный снопъ [1]). Пашенные крестьяне и работавшіе съ выдѣльнаго снопа не могли доставить казнѣ хлѣба въ такомъ количествѣ, въ какомъ нужно было для продовольствія служилыхъ въ Сибири; поэтому хлѣбъ доставлялся изъ Пермской земли на счетъ тамошнихъ жителей, что называлось сибирскимъ отпускомъ—повинность эта была тяжелая, хлѣбъ скупался по таксѣ, по 25 алтынъ за четверть ржи (алтынъ=6 денегъ, а въ рублѣ=200 денегъ или 33 алтына 4 д.), а постройка судовъ и доставленіе подводъ лежали на жителяхъ.

Въ Сибири, какъ въ странѣ болѣе отдаленной, сильно проявлялись пороки тогдашнихъ русскихъ людей. Воеводы съ особенною наглостію брали взятки и дѣлали всѣмъ насилія; служилые люди обращались дурно съ туземцами и накладывали на нихъ лишній ясакъ, сверхъ положеннаго, въ свою пользу; наконецъ, пьянство въ Сибири дошло до такихъ предѣловъ, что правительство принуждено было поступать вопреки общепринятымъ мѣрамъ и велѣло уничтожить кабаки въ Тобольскѣ [2]). Церквей въ Сибири было мало; переселенцы удалены были и отъ богослуженія и отъ надзора духовныхъ и вели совсѣмъ неблагочестивый образъ жизни. Патріархъ Филаретъ въ 1621 году посвятилъ въ Сибирь перваго архіерея, архіепископа Кипріана. Но на слѣдующій же годъ оказалось, что русскіе сибиряки не хотѣли его слушать и отличались крайнею распущенностію нравовъ. Филаретъ послалъ въ Сибирь обличительную грамоту, съ приказаніемъ читать ее

[1]) Способъ собиранія выдѣльнаго снопа, а также и десятиннаго хлѣба съ казенныхъ крестьянъ приносилъ большія неудобства земледѣльцамъ. Послѣдніе не смѣли складывать въ клади сжатаго хлѣба, пока служилые люди не придутъ и не возьмутъ того, что слѣдуетъ въ казну, а такъ какъ село отъ села отстояло верстъ на сто-пятьдесятъ и болѣе, то служилые люди не успѣвали пріѣзжать во-время и хлѣбъ пропадалъ въ поляхъ отъ непогоды или былъ расхищаемъ птицею. Отъ этого народъ терпѣлъ нерѣдко голодъ.

[2]) Однако въ Верхотурьѣ оно не рѣшилось этого сдѣлать, потому что тамъ была главная сибирская таможня и всегда находилось скопленіе торговыхъ людей; они доставляли казнѣ слишкомъ много дохода потребленіемъ вина.

всенародно въ церквахъ. Онъ укорялъ русскихъ поселенцевъ Сибири, особенно служилыхъ людей, за то, что они не соблюдали положенныхъ церковью постовъ, ѣли и пили съ иновѣрцами, усвоивали ихъ обычаи, находились въ связи съ некрещеными женщинами, впадали въ кровосмѣшенія, брали себѣ насильно чужихъ женъ, закладывали, продавали, перепродавали ихъ другъ другу; пріѣзжая въ Москву съ казною, сманивали и увозили въ Сибирь женщинъ и, въ оправданіе своихъ безнравственныхъ поступковъ, показывали грамоту, будто данную имъ какимъ-то дьякомъ Андреемъ. Сибирское духовенство до крайности снисходительно относилось къ такому поведенію своей паствы, да и сами духовные нерѣдко вели себя не лучше мірскихъ людей. Мы не знаемъ, въ какой степени повліяло на сибиряковъ посланіе Филарета, но съ этихъ поръ стало заводиться въ Сибири болѣе церквей и монастырей.

Таково было положеніе въ Сибири, странѣ, какъ мы сказали, имѣвшей наибольшее значеніе для обогащенія казны Московскаго Государства.

Важенъ былъ для Россіи и край приволжскій, но значеніе его оставлялось еще будущимъ временамъ; нижняя часть его была при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ еще очень мало заселена. Начиная отъ Тетюшей внизъ, берега широкой рѣки были пусты; только три города: Самара, Саратовъ [1]) и Царицынъ, представлялись путнику, плывшему по Волгѣ; эти города были заселены исключительно стрѣльцами и были скорѣе сторожевыми острожками, чѣмъ городами. Осѣдлыхъ земледѣльцевъ въ этомъ краѣ не было. Встрѣчались кое-гдѣ только временно проживавшіе рыбаки, приманиваемые необыкновеннымъ изобиліемъ рыбы въ Волгѣ. Въ ущельяхъ горъ, окаймляющихъ правый берегъ рѣки, гнѣздились воровскіе казаки и, при удобномъ случаѣ, нападали на плывущія суда. Самое опасное въ этомъ отношеніи мѣсто было въ Жегулевскихъ горахъ, около впаденія рѣки Усы въ Волгу, гдѣ оба берега значительно высоки и были покрыты дремучимъ лѣсомъ. Поэтому плавать по Волгѣ было возможно только подъ прикрытіемъ вооруженныхъ людей. Въ описываемое время отъ Нижняго до Астрахани и обратно ходили, такъ-называемые, караваны—вереницы судовъ, плывшихъ въ сопровожденіи стрѣльцовъ, которые находились на передовомъ суднѣ. Караваны сверху въ Астрахань проходили весною, а снизу изъ Астрахани осенью, и привозимые въ Нижній восточные товары развозились

[1]) Саратовъ былъ построенъ не на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь, а на противоположной сторонѣ Волги въ четырехъ верстахъ отъ нея.

уже съ наступленіемъ зимняго пути на саняхъ. Плаваніе вверхъ по Волгѣ было очень медленно, и въ случаѣ противнаго вѣтра, гребцы и рабочіе выходили на берегъ и тянули суда лямкою; кромѣ судовъ, отправлявшихся съ караваномъ, нѣкоторые смѣлые хозяева пускались отдѣльно на своихъ стругахъ и носадахъ, но нерѣдко платились достояніемъ и жизнію за свою смѣлость. Городъ Астрахань возрасталъ, благодаря торговлѣ съ Персіею. Кромѣ персіянъ, въ Астрахани торговали бухарцы, но турецкихъ подданныхъ не пускали въ городъ. Персидская торговля въ это время была мѣновая. Важною вѣтвью торговой дѣятельности въ Астрахани была торговля татарскими лошадьми, но правительство, желая взять ее въ свои руки, стѣсняло ее въ Астрахани и приказывало татарамъ пригонять лошадей прямо въ Москву, гдѣ для царя отбирались лучшія лошади. Этотъ пригонъ лошадей въ столицу назывался ордобазарною станицею.

Вліяніе Салтыковыхъ при дворѣ ослабѣло тотчасъ съ прибытіемъ Филарета, но они держались нѣсколько лѣтъ, благодаря покровительству Марѳы Ивановны. Жертва ихъ злобы, Марья Хлопова, жила въ Верхотурьѣ до конца 1620 года. Въ этотъ годъ ее перевезли въ Нижній, означивши въ грамотѣ подъ именемъ Анастасіи, даннымъ ей при взятіи во дворецъ. Филаретъ думалъ-было женить сына на польской королевнѣ, потомъ на датской, но сватовство не удалось. Царь, изъ угожденія къ матери, долго сдерживалъ свои чувства, наконецъ, объявилъ родителю, что не хочетъ жениться ни на комъ, кромѣ Хлоповой, которая ему указана Богомъ. Произвели слѣдствіе о бывшей болѣзни царской невѣсты. Призваны были отецъ и дядя Марьи Хлоповой. При бояринѣ Шереметевѣ, чудовскомъ архимандритѣ Іосифѣ, ясельничемъ Глѣбовѣ и дьякѣ Михайловѣ, царь сдѣлалъ допросъ врачамъ, лечившимъ Хлопову. Эти врачи показали царю совсѣмъ не то, что доносили ему за семь лѣтъ предъ тѣмъ Салтыковы, будто бы со словъ этихъ самыхъ врачей. Эти врачи никогда не говорили Салтыковымъ, что царская невѣста больна неизлечимо и неспособна къ дѣторожденію. Изобличенные на очной ставкѣ съ докторами Салтыковы, бояринъ Борисъ и окольничій Михайло, были сосланы въ ихъ далекія вотчины, впрочемъ, безъ лишенія чиновъ. Но это не помогло несчастной Хлоповой. Мать царя упорно вооружилась противъ брака Михаила съ Хлоповой и поклялась, что не останется въ царствѣ своего сына, если Хлопова будетъ царицею. Царь Михаилъ Ѳедоровичъ и на этотъ разъ уступилъ волѣ матери. Въ грамотѣ отъ ноября 1623 года было объявлено Ивану Хлопову, что великій государь не соизволилъ взять дочь его Марью въ су-

пруги; приказано Ивану Хлопову жить въ своей коломенской вотчинѣ, а Марьѣ Хлоповой вмѣстѣ съ дядею своимъ Желябужскимъ оставаться въ Нижнемъ (гдѣ ей данъ былъ дворъ, нѣкогда принадлежавшій Козьмѣ Минину и послѣ смерти бездѣтнаго сына его, Нефеда, взятый въ казну, какъ выморочное владѣніе). Говорятъ, что Филаретъ сильно укорялъ сына за малодушіе, выказанное послѣднимъ въ дѣлѣ Хлоповой.

Въ сентябрѣ 1624 года царь, по назначенію матери, женился на дочери князя Владиміра Тимоѳеевича Долгорукова, Маріи, противъ собственнаго желанія. 19 сентября было совершено бракосочетаніе, а на другой день молодая царица оказалась больною. Говорили, что ее испортили лихіе люди. Неизвѣстно, кто были лихіе люди и дѣйствительно ли царица была жертвою тайнаго злодѣянія; только черезъ три мѣсяца съ небольшимъ, 6 января 1625 года, она скончалась. Современникъ лѣтописецъ указываетъ на это, какъ на Божіе наказаніе за насиліе, совершившееся надъ Хлоповой. 29 января 1626 года царь вступилъ во второй бракъ съ дочерью незнатнаго дворянина Евдокіею Лукьяновною Стрѣшневою, будущею матерью царя Алексѣя. Замѣчательно, что ее ввели въ царскій дворецъ и нарекли царицею только за три дня до брака, какъ-бы въ предупрежденіе придворныхъ козней, уже погубившихъ двухъ царскихъ невѣстъ.

Вскорѣ послѣ бракосочетанія царя послѣдовалъ указъ Филарета такого содержанія: въ мартѣ 1625 года прибылъ въ Москву посланникъ шаха Аббаса, грузинецъ Урусамбекъ, и привезъ золотой, осыпанный драгоцѣнными каменьями, ковчегъ, въ которомъ находился кусокъ старой льняной ткани, выдаваемой персидскимъ шахомъ за срачицу Іисуса Христа. Такъ какъ признать на вѣру справедливость свидѣтельства иновѣрнаго государя казалось соблазнительнымъ, то Филаретъ, для узнанія истины, прибѣгнулъ къ такому способу: наложилъ на недѣлю постъ, повелѣлъ носить присланную святыню къ болящимъ и наблюдать: будутъ ли чудеса отъ этой ризы Господней? Отъ марта до сентября 1625 года оказалось 67 чудесъ, а отъ сентября до марта 1626 года — 4 чуда. На этомъ основаніи риза признана подлинною; учреждено было празднество въ честь ея 27 марта; начались строиться церкви во имя Ризы Господней.

Время отъ второго бракосочетанія царя до второй польской войны ознаменовалось нѣкоторыми законодательными мѣрами къ исправленію дѣлопроизводства и къ устройству благочинія. Самою важнѣйшею изъ этихъ мѣръ было возобнов-

леніе въ 1627 году губныхъ старостъ. Это учрежденіе, общее въ XVI вѣкѣ, не было формально уничтожено, но значеніе его упало; уже во многихъ мѣстахъ не было вовсе губныхъ старостъ, въ другихъ они были, но часто не по выбору, а по назначенію, и возбуждали противъ себя жалобы за свои злоупотребленія: выпускали за взятки воровъ и разбойниковъ, научали колодниковъ оговаривать невинныхъ. Между губными старостами и воеводами происходили пререканія: губные старосты обличали воеводъ, а воеводы—губныхъ старостъ въ вопіющихъ злоупотребленіяхъ. Власть ихъ вообще была не разграничена отъ власти другихъ должностныхъ лицъ. Часто по возникавшимъ уголовнымъ дѣламъ посылались изъ Москвы нарочные сыщики, ненавидимые народомъ за свои злоупотребленія и насилія. Разбои не прекращались. Теперь велѣно было во всѣхъ городахъ произвести выборъ (людьми всѣхъ званій) губныхъ старостъ изъ зажиточныхъ дворянъ, хорошаго поведенія, и умѣющихъ грамотѣ, „которымъ бы можно въ государевыхъ дѣлахъ вѣрить“; имъ поручалось сыскивать всякія уголовныя дѣла, но отписывать объ нихъ въ Москву. Затѣмъ постановлено было не разсылать болѣе сыщиковъ по уголовнымъ дѣламъ. Но возстановленіе значенія губныхъ старостъ не удовлетворило, однако, вполнѣ общественной безопасности. Судъ губныхъ старостъ не былъ независимъ: они должны были относиться за рѣшеніемъ дѣлъ въ Москву, въ разбойный приказъ; разъ выбранные, они могли быть смѣняемы не иначе, какъ по волѣ правительства; иногда даже они (какъ дѣлалось передъ тѣмъ) назначались безъ выбора; наконецъ, въ ихъ дѣла и управленіе вмѣшивались воеводы. Неточность въ разграниченіи обязанностей была дѣломъ обычнымъ въ Московскомъ Государствѣ. Иногда, вмѣсто губнаго старосты, завѣдывалъ уголовнымъ дѣломъ воевода, а въ другомъ мѣстѣ губнымъ старостамъ поручались неуголовныя дѣла. Были случаи (напр., въ 1644 г. въ Дмитровѣ и Кашинѣ), что жители жаловались правительству на губныхъ старостъ и просили быть у нихъ, вмѣсто старостъ, воеводамъ.

Жалобы на разбои не прекращались послѣ этого учрежденія. Въ особенности разбойничали люди и крестьяне дворянъ и приказныхъ людей, а владѣльцы ихъ укрывали. Подобное случалось тоже и въ тяглыхъ обществахъ. Поэтому, черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ учрежденія губныхъ старостъ, правительство установляло брать пени съ обществъ, сотенъ, улицъ, селъ и пр: въ такихъ случаяхъ, когда жители покажутъ, что у нихъ нѣтъ разбойниковъ, а разбойники окажутся; или же

когда будетъ дознано, что люди не поспѣшили на крикъ разбиваемыхъ разбойниками. Но у людей того времени господствовали старинныя сбивчивыя понятія о преступленіяхъ: на уголовное дѣло смотрѣли, какъ на частную обиду; родственникъ, подававшій искъ на убійцу своего кровнаго, зачастую заключалъ съ нимъ мировую, и дѣло прекращалось. Такія мировыя и прежде запрещались закономъ, но продолжали совершаться. Новое запрещеніе послѣдовало при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, но и послѣ этого вторичнаго запрещенія видны примѣры стараго обычая. За убійство и разбои обыкновенно казнили смертью: тому же подвергались церковные воры, а равнымъ образомъ и всякій воръ, трижды попавшійся въ кражѣ. (За вторую и первую кражу обыкновенно отсѣкали руку). Но были случаи, когда убійство не влекло за собою казни: дворянинъ, сынъ боярскій или ихъ прикащикъ, убивши чужого крестьянина и сказавши подъ пыткою, что онъ убилъ его неумышленно, отвѣчалъ за убійство не самъ; изъ его помѣстья брали лучшаго крестьянина и отдавали тому, у кого убитъ крестьянинъ. Боярскій человѣкъ, убившій чужого боярскаго человѣка, отдавался съ женою и дѣтьми господину убитаго. Въ 1628 году было установлено, чтобы кабалы, даваемыя людьми на себя, были дѣйствительны только въ продолженіе пятнадцати лѣтъ, а ростъ на занятыя деньги—только въ продолженіе пяти лѣтъ, потому что въ этотъ срокъ проценты равнялись занятому капиталу. Относительно правежа сдѣлано было распоряженіе, указывающее замѣчательную черту тогдашнихъ нравовъ. Многіе, задолжавши, хотя владѣли имѣніями, но соглашались лучше подвергать себя правежу и позволять себя бить палками, чѣмъ отдать за долги свое имущество; и правительство постановило, чтобы впередъ такихъ должниковъ не держать на правежѣ болѣе мѣсяца, а сыскивать долги на ихъ имѣніяхъ. Новыя мѣры противъ пожаровъ предприняты были послѣ того, когда Москва два раза, въ 1626 и 1629 годахъ подвергалась опустошительнымъ пожарамъ, но эти мѣры, однако, были мало дѣйствительны, такъ какъ пожары и послѣ того повторялись, и въ Москвѣ, и въ другихъ мѣстахъ.

Въ это время сложилась и развилась правильная система государственнаго управленія посредствомъ приказовъ; по крайней мѣрѣ, съ этихъ годовъ постоянно упоминаются многіе приказы, о которыхъ прежде нѣтъ извѣстій [1]).

[1]) Патріаршій дворецъ, патріаршій судный приказъ, патріаршій разрядъ, новгородская четь, новая четь, устюжская четь, владимірская четь, галицкая четь, костромская четь, московскій судный приказъ, казенный дворъ, мастерская государева па-

Срокъ перемирія съ Польшею истекалъ, и въ 1631 году правительство начало готовиться къ войнѣ, такъ какъ во всѣ прежніе годы безпрерывныя недоразумѣнія съ Польшею показывали, что война неизбѣжна. Велѣно было дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ быть готовыми [1]). Съ монастырскихъ имѣній, со всѣхъ вотчинъ и помѣстій за даточныхъ людей положены были деньги: по 25 р. на коннаго и по 10 р. на пѣшаго. Между тѣмъ, сознавалась потребность водворенія правильнаго обученнаго войска на иностранный образецъ, и такъ какъ изъ русскихъ людей такого войска нельзя было составить въ скоромъ времени, то поневолѣ рѣшено было пригласить иностранцевъ. Узнавши объ этомъ желаніи, начали являться въ Россію разные иноземцы съ предложеніями нанимать за границею ратныхъ людей. Правительство дало порученіе такого рода полковнику Лесли и подполковнику Фандаму, служившему нѣкогда французскому королю; правительство приказало имъ нанять за границею полкъ ратныхъ людей всякихъ націй, но только не католиковъ, съ платою впередъ на 4 мѣсяца и съ правомъ, по желанію, удалиться въ отечество, оставивши, однако, въ Россіи свое оружіе; раненымъ обѣщана была награда. Лесли и Фандамъ, кромѣ наема людей, имѣли также порученіе купить за границей 10,000 мушкетовъ съ фитилями, для вооруженія иноземныхъ солдатъ (каждый мушкетъ обошелся тогда по $1\frac{1}{2}$ р.). Кромѣ того, выписано было изъ Голландіи нѣсколько людей, знающихъ городовое дѣло, и сдѣлана была закупка пороху, ядеръ и сабельныхъ полосъ. Правительство такъ дорожило наемными иноземными воинами, что, заслышавъ о прибытіи Лесли съ ратными людьми, выслало имъ на встрѣчу воеводу Стрѣшнева съ приказомъ продовольствовать ихъ харчевникамъ на пути пивомъ и съѣстными припасами и велѣло выбрать особыхъ цѣловальниковъ для наблюденія, чтобы харчевники не брали съ нихъ лишняго.

Въ апрѣлѣ 1632 года скончался польскій король Сигизмундъ III. Въ Польшѣ принялись за избраніе новаго короля. Пользуясь междуцарствіемъ, которое у поляковъ всегда сопровождалось безпорядками, царь и патріархъ приказали начать непріязненныя дѣйствія противъ Польши и прекратить сношенія съ Литвою, изъ опасенія какого-нибудь зла отъ литовскихъ людей. Не велѣно было покупать у нихъ хмѣль, потому

лата, сбору ратныхъ и даточныхъ людей приказъ, дворцовый судный приказъ, полоняничный приказъ (вѣроятно существовавшій раньше), приказъ сыскныхъ дѣлъ и пр., кромѣ прежде существовавшихъ.

[1]) Они были раздѣлены на статьи: принадлежащіе къ первой статьѣ получали 25 р. годового жалованья, къ средней 20, а къ меньшей 15.

что «баба-вѣдунья наговариваетъ на хмѣль, и они провозятъ моровое повѣтріе».

Созванъ былъ земскій соборъ. На немъ рѣшено было отомстить полякамъ за прежнія неправды и отнять у нихъ города, неправильно захваченные ими у русскихъ. На жалованье ратнымъ людямъ положено собрать по прежнему съ гостей и торговыхъ людей пятую деньгу, а бояре, окольничьи и думные люди, стольники, дворяне и дѣти боярскіе, дьяки, архіереи и всѣ монастырскія власти обязались давать, смотря по своимъ пожиткамъ, вспоможеніе, которое называлось „запросными деньгами", и доставлять въ скоромъ времени въ Москву князю Пожарскому съ товарищами, которымъ порученъ былъ этотъ сборъ. Главное начальство надъ войскомъ въ 32,000 человѣкъ поручено было боярину Михаилу Борисовичу Шеину и окольничему Артемію Измайлову (всего войска было болѣе 66,000 и 158 орудій). Шеинъ и Измайловъ должны были идти добывать Смоленскъ, а прочіе воеводы — другіе города. Дѣла шли удачно для Московскаго Государства; воеводы успѣли захватить нѣсколько городовъ и посадовъ; самъ Шеинъ окружилъ себя окопами подъ Смоленскомъ на Покровской горѣ. Поляки въ Смоленскѣ отбивались 8 мѣсяцевъ и уже, по недостатку припасовъ, готовились сдаться, какъ въ августѣ 1633 года, въ ту пору неожиданно, подошелъ къ городу король Владиславъ съ 23,000 человѣкъ войска. Въ это время, по наущенію Владислава, казаки и крымцы напали на украинные города Московскаго Государства. Услыхали объ этомъ служилые люди, помѣщики украинныхъ городовъ, бывшіе въ войскѣ Шеина; они вообразили себѣ, какъ въ ихъ отсутствіе враги станутъ убивать и брать въ плѣнъ женъ и дѣтей, и стали разбѣгаться. Войско Шеина значительно уменьшилось; онъ не могъ устоять противъ Владислава на Покровской горѣ, отступилъ и заперся вблизи въ острожкѣ. Поляки осадили его. Шеинъ выдерживалъ осаду до февраля 1634 года. Войско его страдало отъ цынги. Сдѣлался моръ, а изъ Москвы не посылали ему ни войска, ни денегъ. Царь, 28 января 1634 года, узнавши о бѣдственномъ состояніи Шеина, снова созвалъ земскій соборъ и жаловался, что сборъ запросныхъ и пятинныхъ денегъ шелъ хуже, чѣмъ въ прежніе годы, хотя Русская Земля съ тѣхъ поръ и поправилась. Соборъ постановилъ новый сборъ запросныхъ и пятинныхъ денегъ, который и порученъ былъ боярину Лыкову. Но пока могли быть собраны эти деньги и доставлено продовольствіе Шеину, его войско подъ Смоленскомъ пришло въ крайнее положеніе. Между тѣмъ, иностранцы, бывшіе при

Шеинѣ, начали сноситься съ королемъ. Это побудило, наконецъ, Шеина испросить у царя дозволеніе вступить въ переговоры съ поляками о перемиріи. Шеинъ заключилъ условіе, по которому русскому войску дозволялось безпрепятственно вернуться въ отечество, съ тѣмъ оружіемъ, какое оно имѣло на себѣ, положивши всѣ пушки и знамена передъ королемъ, а желающимъ предоставлялось вступить въ польскую службу: но изъ русскихъ людей нашлось такихъ только 8 человѣкъ, а иноземцевъ перешло довольно. 2,004 человѣка больныхъ воиновъ было оставлено подъ Смоленскомъ. Съ Шеиномъ ушло 8,056 человѣкъ. Шеинъ съ товарищами вернулся въ Москву.

Въ то время, когда Шеинъ стоялъ подъ Смоленскомъ, въ Москвѣ произошли большія перемѣны. Филаретъ скончался въ октябрѣ 1633 года. Вмѣсто него возведенъ былъ на патріаршескій престолъ псковскій епископъ Іосифъ, прежде гонимый Филаретомъ, а подъ конецъ назначенный имъ самимъ себѣ въ преемники. Съ кончиною Филарета подняли голову бояре, которые до того времени боялись строгаго патріарха, но нисколько не боялись добродушнаго царя. Немедленно возвращены были Салтыковы и снова стали близкими къ царю людьми.

Бояре вообще ненавидѣли Шеина. Онъ раздражалъ ихъ своею гордостію, озлобилъ заносчивостію: Шеинъ, гдѣ только могъ, не затруднялся выказывать свое превосходство передъ другими и выставлять неспособность своихъ товарищей; Михаилъ Борисовичъ не считалъ никого себѣ равнымъ. Лѣтописцы говорятъ, что и въ войскѣ, какъ начальникъ, онъ не былъ любимъ ратными людьми за то, что обращался съ ними надменно и жестоко. Бояре увидали случай отомстить ему за всѣ оскорбленія, которыя онъ дозволялъ себѣ по отношенію къ нимъ. Царь Михаилъ Ѳедоровичъ, по смерти родителя, не имѣлъ силы воли противостать боярамъ, а можетъ быть и самъ находился подъ ихъ вліяніемъ. Надъ Шеиномъ и его товарищами произвели слѣдствіе и 23 апрѣля 1634 г. въ приказѣ сыскныхъ дѣлъ приговорили казнить смертію Михаила Шеина, Артемія Измайлова и сына послѣдняго, Василія.

Когда осужденныхъ вывели за городъ на „пожаръ", мѣсто казни преступниковъ, то дьякъ Димитрій Прокофьевъ всенародно прочиталъ приговоръ, подробно исчислилъ „воровство" и измѣну приговоренныхъ къ смерти. Прежде всего поминалось большое жалованье царское бывшему боярину Шеину: царь, передъ отправкою его въ походъ, далъ ему изъ дворцовыхъ волостей большое село Голенищево съ приселками и деревнями и не велѣлъ брать никакихъ податей съ помѣстій и вотчинъ Шеина и Измай-

лова. Шеину поставили въ первую вину то, что, еще не уходя на службу, онъ передъ государемъ исчислилъ съ большою гордостію свои прежнія заслуги и выразился о другихъ боярахъ, что въ то время, когда онъ служилъ, они „за печью сидѣли и сыскать ихъ нельзя было". Царь, для своего государскаго и земскаго дѣла, не хотѣлъ его оскорбить и смолчалъ, а бояре, слыша такія грубыя и поносныя слова и видя, что государь къ нему милостивъ, не хотѣли государя раскручинить. Здѣсь проглядываетъ настоящая причина злобы противъ Шеина; опираясь на покровительство сильнаго Филарета, онъ былъ слишкомъ смѣлъ, и въ то же время, отправляясь на войну, слишкомъ надѣялся на самого себя; вышло ему на зло: онъ проигралъ въ войнѣ; а Филарета не стало и некому было защитить его. Ему съ Измайловымъ поставили въ вину разныя военныя распоряженія, между прочимъ и то, что они велѣли свести въ одинъ острожекъ ратныхъ людей, находившихся по разнымъ острожкамъ, отдали королю пушки и обезчестили имя государя тѣмъ, что клали передъ королемъ царскія знамена. Припомнили Шеину, какъ онъ, пятнадцать лѣтъ тому назадъ, воротившись изъ Польши, гдѣ былъ плѣнникомъ, не объявилъ государю о томъ, что цѣловалъ крестъ польскому королю. Его поступокъ подъ Смоленскомъ толковался такъ, какъ будто Шеинъ хотѣлъ исполнить свое прежнее крестное цѣлованіе королю. Сынъ Артемія Измайлова, Василій, былъ обвиненъ въ томъ, что пировалъ съ поляками и русскими измѣнниками, находившимися у Владислава, и произносилъ такія слова: „какъ можетъ наше московское плюгавство биться противъ такого монарха? Каковъ былъ царь Иванъ, да и тотъ противъ литовскаго короля своей сабли не вынималъ!"

Имъ троимъ отрубили головы 27 апрѣля.

Другого сына Измайлова и съ нимъ двухъ человѣкъ наказали кнутомъ и сослали въ Сибирь въ тюрьму за произнесеніе передъ литовскими людьми непристойныхъ словъ. Сосланъ былъ сынъ Шеина и черезъ нѣсколько дней умеръ. Ссылка постигла совершенно безучастнаго въ этомъ дѣлѣ брата Измайлова Тимоѳея, единственно за измѣну Артемія.

Трудно рѣшить: были ли виноваты Шеинъ и его товарищи въ ошибкахъ, въ которыхъ обвинялись. Мы не знаемъ, что̀ представляли они въ свое оправданіе, но, безъ сомнѣнія, измѣны за ними не было, иначе они бы и не воротились въ Москву. Шеинъ заключилъ перемиріе не добровольно, а съ дозволенія царя. Невозможность спасти пушки объясняется крайнимъ положеніемъ войска. Приговоръ, произнесенный надъ Шеинымъ, противорѣчитъ фактамъ; Шеина обвиняли въ

томъ, что онъ стянулъ все войско въ одинъ острожекъ, а между тѣмъ царь за это хвалилъ Шеина въ свое время.

Несчастіе подъ Смоленскомъ, за которое поплатился Шеинъ съ товарищемъ, оказало печальныя послѣдствія. Московскому Государству теперь уже чрезвычайно трудно было собрать ратныя силы и деньги для веденія войны. Оставалось просить мира, но къ счастію Польша предупредила въ этомъ Москву. Король изъ-подъ Смоленска отправился къ Бѣлой и никакъ не могъ взять ее, а между тѣмъ въ его войскѣ открылся большой недостатокъ жизненныхъ запасовъ; въ то же время къ королю приходили угрожающія вѣсти, что турецкій султанъ намѣревается напасть на Польшу, а съ другой стороны шведы хотятъ отказаться отъ участія въ нѣмецкой тридцатилѣтней войнѣ и устремиться на Пруссію, принадлежавшую въ то время Польшѣ. Поэтому польскіе сенаторы первые прислали русскимъ боярамъ предложеніе о мирѣ. Тогда изъ Москвы отправлены были въ мартѣ 1634 года бояринъ Ѳедоръ Шереметевъ и Алексѣй Львовъ-Ярославскій. Они съѣхались съ польскими коммиссарами, хелминскимъ епископомъ Яковомъ Жадикомъ и другими панами, на рѣчкѣ Поляновкѣ. Переговоры затянулись до 4 іюня. Поляки хотѣли сорвать съ Московскаго Государства 100,000 рублей за отказъ Владислава отъ царскаго титула. Московскіе послы долго упирались, наконецъ согласились дать 20,000 рублей. На этой суммѣ и порѣшили. Обѣ стороны согласились заключить „вѣчный миръ". Поляки добивались самаго тѣснаго союза, предлагали проектъ, чтобы по смерти короля избраніе совершалось вмѣстѣ съ чинами Московскаго Государства, чтобы царь былъ избранъ польскимъ королемъ и, въ знакъ совершеннаго равенства, короновался отдѣльно въ Москвѣ и Польшѣ, но такъ, чтобы польскій посолъ возлагалъ на царя въ Москвѣ корону московскую, а московскій въ Польшѣ—польскую, наконецъ, чтобы царь, для соблюденія равенства между его державами, жилъ попеременно по году въ Москвѣ, Польшѣ и Литвѣ. Московскіе послы отклонили эти предположенія. Поляки просили дозволить строить въ Московскомъ Государствѣ костелы, подданнымъ обоихъ государствъ вступать между собою въ бракъ и пріобрѣтать вотчины полякамъ въ Московскомъ Государствѣ, а русскимъ—въ Польшѣ. Московскіе послы наотрѣзъ отказали, понявши, вѣроятно, что поляки этими путями хотѣли всосаться въ московскую Русь и мало-по-малу пріобрѣсть тамъ нравственное господство, какъ это сдѣлалось въ западной и южной Руси. Составили договоръ, по которому царь уступалъ Польшѣ навсегда земли, находившіяся у поляковъ по

Деулинскому договору [1]). Обѣ стороны постановили не помогать врагамъ которой-либо изъ двухъ державъ, рѣшили дозволить свободную торговлю въ обоихъ государствахъ, выпустить обоюдно всѣхъ плѣнныхъ и впередъ выдавать бѣглыхъ преступниковъ. Польскій король признавалъ Михаила Ѳедоровича царемъ и братомъ. [2]).

Государи самолично подкрѣпили этотъ миръ; польскіе послы прибыли въ Москву въ началѣ февраля 1635 года. Имъ былъ сдѣланъ торжественный пріемъ, сообразно обычаямъ того времени. Сначала послы въ Грановитой палатѣ представлялись царю, который сидѣлъ на тронѣ въ царскомъ нарядѣ и вѣнцѣ; по бокамъ трона стояли рынды въ длинныхъ бѣлыхъ одеждахъ, бѣлыхъ сапогахъ, въ рысьихъ шапкахъ, съ топорами на плечахъ и золотыми цѣпями на груди. Пословъ допустили къ цѣлованію царской руки [3]) и затѣмъ окольничій явилъ ихъ подарки. Въ другой день пословъ позвали въ отвѣтную палату на докончаніе. Обрядъ этотъ происходилъ такимъ образомъ: сначала послы говорили съ боярами въ отвѣтной палатѣ и читали договоръ; затѣмъ ихъ позвали къ царю въ золотую па-

[1]) Черниговскую землю съ городами: Черниговомъ и Новгородомъ-Сѣверскимъ уступали собственно Польшѣ, а Смоленскую съ городами: Смоленскомъ, Рославлемъ, Бѣлою, Трубчевскомъ, Невелемъ, Сѣбежемъ, Стародубомъ и др.—Литвѣ.

[2]) Для предосторожности на будущія времена поляки домогались, чтобы Михаилъ Ѳедоровичъ не писался царемъ „всея Руси", а только „своея Руси", на томъ основаніи, что часть Руси находится подъ польскимъ владѣніемъ. Московскіе послы уперлись и заставили поляковъ отказаться отъ этого требованія. Поляки легкомысленно сами требовали, чтобы московскій царь ежегодно давалъ запорожскимъ козакамъ жалованье, не предвидя того, что такія дружелюбныя отношенія Московскаго Государства къ запорожскимъ козакамъ приведутъ черезъ двадцать лѣтъ къ роковымъ послѣдствіямъ для Польши. Какъ черты различія въ понятіяхъ двухъ народовъ можно привести нѣкоторыя частности этихъ переговоровъ. Поляки хотѣли, чтобы миръ утвержденъ былъ присягою всѣхъ чиновъ Московскаго Государства. „Это дѣло нестаточное,—отвѣчали послы,—мы холопы государя нашего и во всей его царской волѣ". По заключеніи договора поляки сказали: „мы такое великое и славное дѣло совершили, чего прежніе государи никакъ сдѣлать не могли. Для вѣчнаго воспоминанія на томъ мѣстѣ, гдѣ стояли наши шатры, нужно насыпать два кургана и поставить два каменныхъ столба, и на нихъ написать имена государей нашихъ, годъ и мѣсяцъ и имена пословъ, совершившихъ такое великое дѣло". Шереметевъ отвѣчалъ: „У насъ такихъ обычаевъ не повелось, да и дѣлать этого незачѣмъ; все сдѣлалось волею Божіею съ повелѣнія нашихъ великихъ государей и записано на память въ посольскихъ книгахъ". Царь похвалилъ за это Шереметева и прибавилъ съ своей стороны, что „доброе дѣло совершилось по волѣ Божіей, а не для столповъ и бугровъ бездушныхъ".

[3]) По русскому обычаю, царь, давши поцѣловать руку иновѣрцамъ, тотчасъ же умывалъ руки изъ стоявшаго тутъ рукомойника съ полотенцемъ. Обычай этотъ сильно не нравился иноземцамъ и оскорблялъ ихъ.

лату. Царь былъ въ полномъ царскомъ облаченіи. По его приказанію, царскій духовникъ принесъ изъ Благовѣщенскаго собора животворящій крестъ на золотой мисѣ, подъ пеленою. Царь велѣлъ спросить пословъ о здравіи и приказалъ сѣсть. Немного погодя, царскій печатникъ приказалъ посламъ и боярамъ подойти поближе. Царь всталъ; съ него сняли вѣнецъ, взяли у него скипетръ. Утвержденную грамоту положили подъ крестъ; царь приложился ко кресту, велѣлъ печатнику отдать грамоту посламъ и отпустить ихъ. Въ концѣ марта пословъ пригласили къ царскому столу въ Грановитой палатѣ. Царь сидѣлъ за особымъ серебрянымъ столомъ, въ нагольной шубѣ съ круживомъ и въ шапкѣ. Бояре и окольничьи сидѣли въ нагольныхъ шубахъ и черныхъ шапкахъ, дворяне въ чистыхъ охабняхъ. Для пословъ былъ особый столъ. У столовъ: царскаго, боярскаго и посольскаго, были особые поставцы съ посудою, которыми завѣдывали во время пировъ придворные по назначенію. Дворецкій, крайчій, чашники и стольники, разносившіе кушанье и напитки, были въ золотномъ платьѣ и высокихъ горлатныхъ шапкахъ. Царь, по обычаю, посылалъ посламъ со своего стола подачи. Подали красный медъ. Государь всталъ и сказалъ посламъ: „Пью за здоровье брата моего, государя вашего, Владислава короля". Затѣмъ царь посылалъ посламъ въ золотыхъ братинахъ пиво, и послы, принявъ чашу, вставали съ своихъ мѣстъ, пили и опять садились за столъ.

Дня черезъ два польскихъ пословъ послѣ царскаго стола отпустили домой.

Въ томъ же году 23 апрѣля, въ присутствіи московскаго посла князя Алексѣя Львова-Ярославскаго, король съ шестью сенаторами присягнулъ въ костелѣ на храненіе договора, а затѣмъ далъ посламъ веселый пиръ, за которымъ пилъ за здоровье брата своего, царя московскаго. Великолѣпная иллюминація заключила это празднество.

Въ 1634 году пріѣзжало въ Москву голштинское посольство, описанное извѣстнымъ Олеаріемъ, оставившимъ подробное и драгоцѣнное путешествіе по тогдашней Россіи. Царь дозволилъ голштинскимъ купцамъ торговать съ Персіею на десять лѣтъ, съ платежемъ въ казну 600,000 ефимковъ, считая въ фунтѣ по 14 ефимковъ [1]). Вообще, по окончаніи польской войны возрастало

[1]) Компанія голштинскихъ купцовъ имѣла право возить безпошлинно свои товары въ Персію, но не развязывая ихъ въ Россіи, а изъ Персіи привозить сырой шелкъ, драгоцѣнныя краски и другіе товары, исключая тѣхъ, которые предоставлены были русскимъ торговцамъ, а именно: разныя ткани, крашеный шелкъ, хлопчатую

сближеніе Московскаго Государства съ иностранцами. Правительство приглашало знающихъ иностранцевъ для разныхъ полезныхъ учрежденій. Такъ, въ 1634 году переводчикъ Захарія Николаевъ отправленъ былъ въ Германію для найма мастеровъ мѣдноплавильнаго дѣла. Иноземецъ Фимбрандтъ получилъ на десять лѣтъ привилегію поставить въ помѣстныхъ и вотчинныхъ земляхъ, гдѣ придется, но вдали отъ распашныхъ полей, мельницы и сушилы для выдѣлки лосинныхъ кожъ, причемъ запрещалось всѣмъ другимъ торговать этими предметами. Другой иноземецъ шведъ Коэтъ получилъ право устроить стеклянный заводъ близъ Москвы. Въ 1644 году гамбуржцу Марселису съ дѣтьми (получившему еще въ 1638 году право на оптовую торговлю на сѣверѣ государства и въ Москвѣ), и голландцу Филимону Акему позволено устроить по рр. Шекснѣ, Костромѣ и Вагѣ и въ др. мѣстахъ желѣзные заводы съ правомъ безпошлинной продажи издѣлій, на 20 лѣтъ, внутри и внѣ государства.

По свидѣтельству Олеарія, въ то время въ Москвѣ жило много имоземцевъ и въ томъ числѣ 1000 протестантскихъ семействъ. Они сначала невозбранно селились въ Москвѣ, повсюду ставили на своихъ дворахъ молитвенные дома (кирки), закупали у русскихъ дворовыя мѣста по хорошей цѣнѣ; но противъ этого вооружились священники въ тѣхъ видахъ, что сближеніе русскихъ съ нѣмцами вредно дѣйствуетъ на религіозность русскихъ. По такимъ соображеніямъ было запрещено нѣмцамъ покупать и брать въ закладъ дворы и велѣно сломать кирки, которыя нѣмцы завели близъ русскихъ церквей. Вмѣсто этого въ Москвѣ отведено имъ было особое мѣсто подъ кирку. Около царя были иноземцы, доктора, аптекари, окулистъ, алхимистъ, лекари, переводчики, часовыхъ и органныхъ дѣлъ мастера [1])—всѣ подъ вѣдомствомъ аптекарскаго приказа. Имъ давалосъ жалованье деньгами или мѣхами; кромѣ того, они получали извѣстное количество пива, вина, меду, овса и сѣна. Лекарей посылали иногда для леченія ратныхъ людей. Царь Михаилъ Ѳедоровичъ сознавалъ пользу науки, какъ видно изъ его желанія пригласить на службу Адама Олеарія, о которомъ царю „извѣстно учинилось, что онъ

бумагу, ковры, доспѣхи, клинки, шатры, нашивки, пояса, ладонъ и всякіе москательные товары. Главнымъ предметомъ торговли голштинцевъ были краски.

[1]) Царь повидимому особенно любилъ часы, такъ какъ во время торжественныхъ обѣдовъ возлѣ него всегда стояло двое часовъ. Органный мастеръ Мельхартъ доставилъ ему двухъ часовыхъ дѣлъ мастеровъ, которые обязались выучить русскихъ своему мастерству. Мельхартъ сдѣлалъ такой искусный органъ, что какъ онъ заиграетъ, то запоютъ сдѣланныя на немъ птицы, соловей и кукушка. Царю очень понравилась такая выдумка и онъ подарилъ мастеру 2,676 рублей.

гораздо наученъ и извыченъ астрономіи и географусъ и небеснаго круга и землемѣрію и инымъ многимъ надобнымъ мастерствамъ и мудростямъ, а намъ великому государю такой мастеръ и годенъ". Михаилъ Өедоровичъ вообще интересовался географіей и велѣлъ сдѣлать дополненіе и объясненіе къ картѣ Московскаго Государства, составленной по приказанію Бориса Годунова, извѣстной подъ названіемъ: „Большой чертежъ Русской земли" [1]). Иноземные солдаты съ этихъ поръ составляли уже неизмѣнную принадлежность русскаго войска: они вели себя дурно и дѣлали разныя насильства жителямъ. Правительство хлопотало о пріѣздѣ въ Россію иноземныхъ какъ служилыхъ такъ и торговыхъ людей. Русскіе купцы съ неохотою смотрѣли на такой наплывъ торговавшихъ иноземцевъ. Еще въ 1632 г. псковичи просили государя, чтобы нѣмцамъ запретили торговать во Псковѣ, но ихъ просьбу не уважили. Подобныя челобитныя подавались и отъ другихъ городовъ; роптали на иноземныхъ купцовъ, которые ѣздили по всему государству въ силу жалованныхъ грамотъ, повсюду торговали, а при этомъ вели тайно безпошлинную торговлю такіе иноземные купцы, которые и не имѣли жалованныхъ грамотъ. Русскимъ торговцамъ дѣлался подрывъ.

Позволяя иноземцамъ торговать по государству съ большими льготами, правительство старалось забирать, по возможности, разные предметы торговли исключительно въ свои руки, въ ущербъ русскимъ торговцамъ. Въ 1635 году правительство взяло себѣ монополію торговли льномъ, и прислало изъ Москвы гостя скупать въ Псковѣ ленъ по той цѣнѣ, какая была указана въ Москвѣ. „Тогда—говоритъ современный лѣтописецъ—было много насилія и грабежа; деньги даютъ дурныя, цѣна невольная, купля нелюбовная, и во всемъ скорбь великая, вражда несказанная, ни купить, ни продать никто не смѣетъ мимо гостя, присланнаго изъ Москвы". Подобное дѣлалось въ 1642 году по производству селитры, присвоенному себѣ казною. Посланный для этой цѣли Андрей Ступишинъ покупалъ для селитры золу и не додавалъ за нее денегъ, да еще стакнувшись съ таможенными откупщиками, задерживалъ крестьянъ, привозившихъ золу, придирался къ нимъ подъ разными предлогами, сажалъ въ тюрьму и билъ на правежѣ.

[1]) Сношеніе съ восточными народами указало царю на необходимость людей знакомыхъ съ восточными языками; и съ этой цѣлью 1644 году велѣно было послать подъячаго Полуэкта Звѣрева въ Астрахань для обученія арабскому, татарскому и персидскому языкамъ и грамотѣ на бухарскомъ дворѣ.

Разныя городскія занятія подвергались отдачѣ на откупъ въ пользу казны. Въ томъ же Псковѣ, напримѣръ, гдѣ казенная торговля льномъ возбуждала такія жалобы,—квасники, дегтяры, извощики и байники (банщики) были на откупу и притомъ съ торговъ—съ наддачею. Иногда и монастыри брали казенные откупы [1]). На откупъ отъ казны отдавались сборы на мостахъ и перевозахъ. Это были тяжелые для народа сборы. Откупщики брали лишнее противъ того, что имъ слѣдовало брать по грамотѣ. Правительство приказывало такихъ откупщиковъ бить кнутомъ, но услѣдить ихъ было трудно, особенно когда воеводы, наблюдавшіе надъ ними, брали съ нихъ взятки и покрывали ихъ злоупотребленія. Подражая правительству, нѣкоторые частные владѣльцы на своихъ земляхъ заводили мосты и мостовщины и отдавали на откупъ. Хотя правительство и запретило имъ такіе сборы подъ страхомъ пени въ пятьдесятъ рублей, но видно запрещеніе это дѣйствовало плохо; такія самовольныя, стѣснительныя для народа учрежденія существовали и по смерти Михаила Ѳедоровича.

Правительство пыталось производить поиски руды, съ цѣлью обратить найденное въ свою пользу. Въ Соликамскѣ начали добывать мѣдную руду: работали русскіе мастера плавильщики, а имъ приданы были сосланные дѣлатели фальшивой монеты (денежные воры). Дѣло пошло неудачно: заводы были плохо устроены, мастера были неумѣлые, а между тѣмъ этотъ новый промыселъ тотчасъ же палъ тягостію на народъ, какъ всякое казенное предпріятіе, потому что для народа, по этому поводу, являлись новыя повинности, какъ напр., возка лѣсу и т. п.

По прежнему, и въ эти годы правительство старалось объ удержаніи жителей на своихъ мѣстахъ, гонялось за бѣглыми, водворяло на прежнихъ мѣстахъ жительства. Въ случаѣ вторичнаго побѣга, виновныхъ стали теперь ссылать въ сибирскіе города. Крестьяне, жившіе на владѣльческихъ земляхъ, все болѣе теряли свои свободныя права; управленіе вотчинными и помѣщичьими крестьянами не было опредѣлено яснымъ закономъ, а подчинялось только обычаямъ. У нѣкоторыхъ владѣльцевъ были въ крестьянскихъ обществахъ выборные старосты, у другихъ одни прикащики; крестьяне обработывали владѣльческое поле, называемое десятинною пашнею, ранѣе своего поля, и кромѣ того были обложены разными мелкими поборами. Изъ раздѣльныхъ актовъ того времени видно, что кресть-

[1]) Такъ Спасо-евфиміевскій монастырь откупилъ въ Ковровѣ таможенную ярмарочную пошлину.

яне дѣлились между наслѣдниками, какъ всякое другое имущество, и не имѣли права продавать въ чужую вотчину своихъ дворовъ, лавокъ и угодій. Владѣльцы, вмѣсто себя, стали посылать на правежъ своихъ крестьянъ: и ничѣмъ неповинныхъ крестьянъ били, вымучивая съ нихъ долги ихъ господъ. Безпрестанные побѣги показываютъ, что крестьяне владѣльческіе были недовольны своимъ положеніемъ, особенно у небогатыхъ владѣльцевъ. Они во множествѣ уходили подъ покровительство монастырей или сильныхъ господъ. Дворяне и дѣти боярскіе жаловались, что ихъ крестьяне и холопы, убѣгая отъ нихъ въ монастырскія имѣнія, приходятъ назадъ и подговариваютъ другихъ крестьянъ и холопей къ побѣгу, а иногда и сожигаютъ владѣльческія усадьбы. Разбои усиливались. Для доставленія казенныхъ денегъ или товаровъ съ мѣста на мѣсто оказывалось необходимымъ посылать, для сопровожденія, ратныхъ людей. Нѣсколько разъ правительство дѣлало особыя распоряженія противъ разбойничьихъ шаекъ. Въ окрестностяхъ Шуи, Суздаля, Костромы свирѣпствовалъ атаманъ Толстой съ товарищами: губнымъ старостамъ приказано было набирать людей съ ратнымъ боемъ и идти противъ разбойниковъ; Толстой былъ пойманъ, но товарищи его еще долго бушевали, и въ 1637 году преступниковъ по разбойнымъ дѣламъ, содержавшихся въ тюрьмахъ, было такъ много, что потребовалось особаго денежнаго сбора на ихъ содержаніе. Съ этого времени разбойниковъ стали ссылать въ Сибирь. Въ этомъ же году распространилось дѣланіе фальшивой монеты. До того времени „денежныхъ воровъ" били кнутомъ, а съ 1637 года возобновили старый обычай заливать горло растопленнымъ оловомъ, хотя по царской волѣ эта казнь иногда замѣнялась ссылкою на казенныя работы. Пьянство, покровительствуемое правительствомъ, какъ источникъ доходовъ, способствовало шатанію съ мѣста на мѣсто, умноженію преступленій и вредно дѣйствовало на народное хозяйство. Какъ только случалась засуха, такъ народъ, пропивавшій все, что у него оставалось за ежедневными потребностями, не думавшій заранѣе подготовить себѣ запасы, терпѣлъ голодъ. Такое бѣдствіе, вмѣстѣ съ скотскимъ падежомъ, постигло Россію въ 1643 году, и правительство предпринимало только одну мѣру — всеобщее молебствіе о дождѣ.

Злоупотребленія со стороны воеводъ продолжались по прежнему; а жалобы на нихъ со стороны народа были часто не безопасны и навлекали на народъ новыя бѣдствія. Поступитъ на воеводу къ царю челобитная, пошлется по этой челобит-

ной слѣдователь: онъ запутаетъ жителей въ дѣло; начнутся правежи, сажаніе въ тюрьмы и всякаго рода притѣсненія [1]).

Строже всякихъ злоупотребленій по управленію, верховная власть наказывала малѣйшій, хотя бы не преднамѣренный, недостатокъ уваженія къ царской особѣ. Въ 1641 году кузнецкій подъячій, въ отпискѣ отъ имени воеводы о посылкѣ мѣховъ, сдѣлалъ какую-то незначительную описку въ царскомъ титулѣ. Подъячаго за это велѣно было высѣчь батогами, заключить на недѣлю въ тюрьму и отставить отъ службы, а самъ воевода за недосмотръ получилъ строгій выговоръ.

Въ видахъ защиты государства, правительство старалось удержать служилыхъ людей въ своемъ званіи, чтобы всегда имѣть готовую силу. Съ этою цѣлью въ 1640 году запрещено вступать въ холопы не только дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ, находившимся на службѣ, но и родственникамъ ихъ, еще не верстаннымъ въ службу, и такимъ образомъ этому сословію пресѣченъ былъ путь терять свои права по рожденію и поступать въ рабское состояніе. Убѣгая отъ тяжести военной службы, служилые люди женились на крѣпостныхъ женщинахъ, но теперь такихъ велѣно было возвращать въ служилое сословіе и давать имъ помѣстья. Такъ уничтожился древнѣйшій русскій обычай, по которому женившійся на рабѣ самъ становился рабомъ.

Опасность набѣговъ татаръ вызывала необходимость постройки новыхъ городовъ на югѣ Россіи и укрѣпленія старыхъ. Дѣятельность этого рода замѣтно усиливается съ 1635 года. Въ этомъ году былъ построенъ Тамбовъ (Танбовъ). По царскому приказанію велѣно было набрать служилыхъ людей на житье въ этотъ городъ изъ Москвы, а также изъ нѣкоторыхъ южныхъ городовъ. Самыя дѣятельныя мѣры къ оборонѣ юга происходили въ 1637—38 гг. Въ предшествовавшіе годы татары дѣлали нѣсколько набѣговъ, съ одной стороны на ряжскія, рязанскія и шацкія, а съ другой—на ливенскія, елецкія, чернскія, новосильскія и мценскія мѣста, перебили многихъ людей, жгли селенія и подгородныя слободы, погнали множество плѣнныхъ обоего пола и всякаго возраста. Отъ этого край терялъ населеніе; служилые не имѣли средствъ къ пропитанію себя и лошадей; бѣдствіе это вызвало потребность постройки городовъ. Для этой цѣли еще въ 1636 году построенъ городъ Козловъ; велѣно копать земляной валъ отъ

[1]) Такъ было въ Чердыни въ 1639 году по поводу челобитной на воеводу Христофора Рыльскаго.

этого города, а на валу ставить земляные городки съ „подлазами“ (земляными потаенными ходами). Два городка были поставлены на рѣкѣ Соснѣ. Въ 1637 году поставлены были Верхній и Нижній Ломовъ. Всего болѣе обращено было вниманія на утройство городковъ и остроговъ въ западной части украинныхъ земель, по рѣкамъ: Соснѣ, Осколу, по сосѣдству съ Бѣлгородомъ и Курскомъ. Тамъ пролегало три пути въ Крымъ: одинъ восточный (черезъ нынѣшнюю воронежскую губернію), называемый „калміускимъ шляхомъ“ или „калміускою сакмою“; другой—западный, называемый „изюмскою сакмою“; третій—„муравскій шляхъ“ лежалъ еще западнѣе, черезъ рѣку Ворсклу. Положили устроить на этихъ путяхъ жилые города и „стоялые“ острожки (т.-е. такіе, гдѣ не было постоянныхъ жителей, а куда отправлялись, по очереди, на временное пребываніе служилые люди). Наибольшее вниманіе обращено было на рѣку Сосну. Отъ новопостроенныхъ городковъ копали валы, укрѣпляли ихъ въ разныхъ мѣстахъ стоялыми острожками; а на рѣкахъ, гдѣ были броды и перелазы, и гдѣ обыкновенно переходили набѣгавшіе на Русь татары, подѣлали засѣки, вбивали сваи и дубовый „честикъ“ (для порчи лошадиныхъ ногъ). На издержки для устройства этихъ городовъ правительство назначило особый поборъ со всѣхъ тяглыхъ, дворцовыхъ, вотчинныхъ и помѣстныхъ земель по 10 алт. съ чети пашенной земли, а съ нѣкоторыхъ—по 20 алт., исключая тѣхъ городовъ, которые числились въ казанскомъ приказѣ и приказѣ большого дворца. Начали поправлять и возстановлять прежде существовавшіе украинные города, копать рвы, дѣлать лѣсныя засѣки; для этого учредили особыхъ „засѣчныхъ“ головъ и прикащиковъ, заправлявшихъ работами. На работу посылали ратныхъ людей, а также и сошныхъ, собранныхъ изъ селъ и деревень (съ трехъ дворовъ по человѣку съ ближнихъ, а съ пяти дворовъ по человѣку съ дальнихъ).

Донцы убили ѣхавшаго въ Москву турецкаго посланника Кантакузина, а 18 іюня 1637 году взяли у турокъ Азовъ. Они извѣстили объ этомъ царя и объявляли, что начали войну для освобожденія множества христіанскихъ плѣнныхъ. Царь сдѣлалъ выговоръ, однако не велѣлъ отдавать Азова и приказалъ казакамъ охранять границу отъ татарскихъ набѣговъ, которые должны были послѣдовать за казацкимъ нападеніемъ. Какъ ожидали, такъ и случилось: крымскій царевичъ Сафа-Гирей сдѣлалъ набѣгъ въ украинныя мѣста; онъ извѣстилъ царя, что это—мщеніе за взятіе Азова казаками, и угрожалъ новымъ нашествіемъ весною. Тогда, въ видахъ защиты отече-

ства, царь созвалъ соборъ всѣхъ чиновъ людей, и этотъ соборъ приговорилъ взять даточныхъ людей съ монастырскихъ имѣній, съ 10 дворовъ по человѣку, а съ вотчинъ и помѣстій—съ 20 дворовъ по человѣку. (На слѣдующій годъ съ церковныхъ имѣній поставка даточныхъ людей была замѣнена деньгами).

Набѣги повторялись. Однако, татары встрѣчали отпоръ и сами попадались въ плѣнъ; царь приказывалъ содержать плѣнныхъ по монастырямъ въ оковахъ и гонять на работы. Но всетаки русскихъ попадалось гораздо больше въ плѣнъ татарамъ: ихъ содержали въ Крыму „въ мукахъ и тѣснотѣ" и угрожали распродать въ разныя земли, такъ что въ началѣ 1641 года царь назначилъ особый сборъ пожертвованій по своему государству на выкупъ русскихъ плѣнныхъ. Азовъ оставался за казаками. Въ іюнѣ того же года явились турки на корабляхъ со множествомъ стѣнобитныхъ пушекъ. Съ ними были татарскія полчища и самъ крымскій ханъ. Ни пушечные выстрѣлы, ни подземные подкопы, ни копаніе рвовъ съ цѣлью засыпать осажденныхъ землею не помогли туркамъ. Они думали взять городъ измѣною и пускали въ Азовъ записки съ предложеніемъ большихъ денегъ за измѣну—и это не удалось. Казаки сидѣли въ осадѣ съ 7 іюня по 26 сентября. Турки почти разрушили Азовъ своими выстрѣлами, но съ казаками не могли ничего подѣлать и удалились. Царь послалъ донскому атаману Осипу Петрову и всему войску похвальную грамоту.

Теперь предстоялъ важный вопросъ: донцы просили государя принять подъ свою власть Азовъ. Но принять его значило отважиться на войну съ турками и татарами. Въ случаѣ успѣха, выгоды отъ этой войны были бы очень велики. Можно было бы оградить южныя области государства отъ татарскихъ набѣговъ; можно было бы и возобновить предпріятіе овладѣть Крымомъ, нѣкогда начатое при Грозномъ по внушенію Вишневецкаго и не доведенное до конца.

Въ январѣ 1642 года былъ опять созванъ соборъ. Члены его были выбраны изъ „лучшихъ, середнихъ и молодшихъ" людей всѣхъ чиновъ, „добрыхъ и умныхъ, съ кѣмъ о томъ дѣлѣ говорить можно" [1]). Соборъ собрался въ Столовой Избѣ. Думный дьякъ Лихачевъ изложилъ дѣло объ Азовѣ, извѣстилъ, что идетъ въ Москву посолъ турецкій и нужно дать ему отвѣтъ; наконецъ, задалъ собору такіе вопросы: воевать ли

[1]) Выборъ сдѣланъ былъ неравно: изъ большихъ статей отъ двадцати до семи человѣкъ, а изъ немногихъ людей отъ пяти до двухъ.

съ султаномъ или мириться и отдать Азовъ? Если воевать, то война протянется не одинъ годъ; нужны будутъ деньги и люди не одинъ годъ. Гдѣ ихъ взять? Эти вопросы были записаны и розданы выборнымъ людямъ; и они должны были отвѣчать письменно.

Духовные отвѣчали, что ратное дѣло подлежитъ разсмотрѣнію царя, бояръ и думныхъ людей; ихъ же дѣло Бога молить, а помогать будутъ по мѣрѣ силъ, если настанетъ война.

Стольники отвѣчали, что государь воленъ разрывать миръ или не разрывать съ турками, но ихъ мысль, чтобы государь велѣлъ донцамъ быть въ Азовѣ и дать имъ въ прибавку ратныхъ людей изъ охочихъ и вольныхъ людей, а запасы и деньги слѣдуетъ взять тамъ, гдѣ царь укажетъ.

Московскіе дворяне отвѣчали то же, что̀ и стольники, и совѣтовали только взять охочихъ людей изъ украинныхъ городовъ, такъ какъ послѣднимъ этого рода служба за обычай.

Никита Беклемишевъ и Тимоѳей Желябужскій подали особое, обстоятельно изложенное, мнѣніе. Они напоминали, что крымскій царь всегда обманывалъ русскихъ и нарушалъ договоры, крымцы дѣлаютъ нападенія и уводятъ людей въ плѣнъ; во время войны съ поляками, крымскій ханъ послалъ царевичей разорять украинные города, а отъ этого украинные люди изъ-подъ Смоленска отъѣхали; поэтому лучше, чѣмъ платить крымскому царю, употребить деньги на ратныхъ людей. По ихъ мнѣнію, на подмогу казакамъ должно послать охочихъ вольныхъ людей, которымъ быть въ Азовѣ подъ начальствомъ атамановъ, а московскихъ воеводъ туда не посылать, потому что казаки — люди своевольные и слушать ихъ не станутъ. Въ украинные же города послать для береженья даточныхъ людей. Если у государя денегъ не станетъ, то сдѣлать сборъ со всѣхъ, кромѣ служилыхъ, въ войскѣ находящихся, и поручить это дѣло добрымъ людямъ всякихъ чиновъ, выбравъ человѣка по два и по три, которые бы всѣмъ людямъ правду оказали и наблюдали разницу между многоземельными и малоземельными, такъ какъ послѣднимъ за первыми „не стянути“. Они указывали на важность Азова въ томъ отношеніи, что когда Азовъ будетъ за Россіею, то сосѣднія татарскія орды и кавказскіе горцы станутъ служить государю.

Стрѣлецкіе головы и сотенные во всемъ положились на государеву волю. Такъ же отнеслись къ этому дѣлу дворяне и дѣти боярскіе нижегородскіе, муромскіе, лушане (изъ Луха). Владимірскіе дворяне и дѣти боярскіе замѣтили, что государю и боярамъ извѣстна бѣдность ихъ города. Дворяне и

дѣти боярскіе другихъ городовъ заявляли себя за войну. Они видѣли указаніе Божіе въ томъ, что казаки отсидѣлись отъ турокъ. „Если не изволишь, государь,—говорили они,—принять Азова, и Азовъ будетъ у бусурманъ и образъ великаго крестителя Господня, — не навесть бы черезъ то на всероссійское государство гнѣва Божія и великаго свѣтильника и вышняго въ пророцѣхъ крестителя Господня Іоанна Предтечи и великаго святителя Николы!"

Дворяне и дѣти боярскіе сѣверныхъ уѣздовъ (Суздаля, Юрьева-Польскаго, Переяславля-Залѣсскаго, Бѣлой, Костромы, Смоленска, Галича, Арзамаса, В.-Новгорода, Ржева, Зубцова, Торопца, Ростова, Пошехонья, Новаго-Торга, Гороховца) между прочимъ указывали на бояръ и ближнихъ людей, надѣленныхъ помѣстьями и вотчинами, и разразились обличительными замѣчаніями на счетъ дьяковъ, церковныхъ властей и богатыхъ дворянъ ихъ же братіи, указывая на ихъ богатство, какъ на источникъ доходовъ для веденія славной войны. „Твои государевы дьяки и подъячіе пожалованы твоимъ государевымъ денежнымъ жалованьемъ, помѣстьями, вотчинами; будучи безпрестанно у твоихъ государевыхъ дѣлъ, они обогатѣли многимъ неправеднымъ богатствомъ, собраннымъ мздоимствомъ, покупали себѣ вотчины, состроили каменныя неудобосказаемыя палаты, какихъ при прежнихъ государяхъ не бывало. Вели, государь, взять съ ихъ помѣстій и вотчинъ ратныхъ конныхъ и пѣшихъ людей и обложить ихъ домы и пожитки деньгами на жалованье ратнымъ людямъ"... Они указывали на владычныя и монастырскія имѣнія, говорили, что нужно собрать съ нихъ даточныхъ людей и прибавили, что если кто утаитъ число принадлежащихъ имъ крестьянъ, то съ тѣми за то поступить по закону, а утаенныхъ крестьянъ отобрать на государя. Не пощадили дворяне и дѣти боярскіе сѣверныхъ городовъ и своихъ братій, служившихъ въ разныхъ должностяхъ. „Нѣкоторые наши братья, — говорили они, — не хотя тебѣ государю служить, записывались въ московскій списокъ и въ разные государевы чины, будучи въ городахъ у твоихъ государевыхъ дѣлъ, ожирѣли и обогатѣли и на свое богатство накупили себѣ вотчинъ; а дворовые твои государевы люди всякихъ чиновъ пожалованы помѣстьями и вотчинами, получаютъ ежегодно денежное жалованье, черезъ годъ и черезъ два посылаются прикащиками въ дворцовыя села, наживаютъ себѣ большіе пожитки, а полковой службы не служатъ. Вели, государь, съ нихъ со всѣхъ взять даточныхъ людей, а съ ихъ пожитковъ деньги". Они совѣ-

товали набрать стрѣльцовъ и солдатъ во всемъ государствѣ изъ охочихъ людей, но только не изъ крѣпостныхъ и старинныхъ холопей, принадлежащихъ имъ, дворянамъ, и себя самихъ выставляли разоренными, безпомощными, безпомѣстными, пустомѣстными и малопомѣстными. Въ заключеніе они совѣтовали взять для такого важнаго дѣла лежачую домовую казну у патріарха, митрополитовъ, архіереевъ и монастырей, и обложить всѣхъ торговыхъ и промышленныхъ людей, смотря по ихъ состоянію. „Вели, государь,—прибавляли они,—счесть, по приходнымъ книгамъ, всѣхъ приказныхъ государевыхъ людей, дьяковъ, подъячихъ и таможенныхъ головъ, въ Москвѣ и въ городахъ, чтобы твоя государева казна безъ вѣдомости у тебя не терялась; а деньги на жалованье ратнымъ людямъ вели собирать гостямъ и земскимъ людямъ. Вели, государь, быть на службѣ противъ нечестивыхъ бусурманъ всѣмъ тѣмъ, которые сидятъ въ городахъ на воеводствахъ и у приказныхъ дѣлъ, чтобы вся твоя государева земля была готова противъ нашествія нечестивыхъ бусурманъ. Вотъ наша, холопей твоихъ, мысль и сказка“.

Дворяне южныхъ городовъ (Мещеры, Коломны, Рязани, Тулы, Каширы, Алексина, Торусы, Серпухова, Калуги, Бѣлева, Козельска, Лихвина, Серпейска, Мещовска, Воротынска, Медыни, Малоярославца, Боровска, Болхова, Мценска, Ряжска, Карачева) подали сказку почти въ томъ же духѣ, какъ и предъидущая, но совѣтовали брать подати на войну не по писцовымъ книгамъ, а по числу крестьянскихъ дворовъ: у кого изъ служащихъ болѣе пятидесяти крестьянъ,—съ тѣхъ брать деньги и запасы, а кто имѣетъ пятьдесятъ крестьянъ,—тотъ самъ долженъ идти. Что касается до нихъ самихъ, то они выразились такъ: „Мы, холопи твои, пуще, чѣмъ отъ туркскихъ и крымскихъ бусурмановъ, разорены отъ московской волокиты, неправдъ и неправедныхъ судовъ“... За всѣмъ тѣмъ, эти дворяне находили, что Азовъ нужно непремѣнно принять и стоять за него крѣпко, потому что нагаи, кочующіе недалеко отъ Азова, будутъ служить тому, за кѣмъ будетъ Азовъ.

Служилые люди стояли за войну; но сказка гостей и торговыхъ людей не выражала этого желанія. Отвѣтъ ихъ носитъ обличительный характеръ и составляетъ важный современный источникъ для исторіи быта и положенія торговаго класса. Полагаясь на волю государя, они говорили такъ: „судить объ устройствѣ ратныхъ людей и о запасахъ есть дѣло служилыхъ, за которыми твое государево жалованье вотчины и помѣстья, а мы торговые людишки питаемся въ городахъ

своими промыслишками; за нами вотчинъ и помѣстій нѣтъ. Службы твои, государевы, мы служимъ на Москвѣ и въ городахъ безпрестанно, и отъ этихъ службъ, да отъ пятинныхъ денегъ, что мы давали въ смоленскую службу ратнымъ и служилымъ людямъ на подмогу, много оскудѣли и обнищали до конца. Мы, будучи на твоихъ государевыхъ службахъ въ Москвѣ и городахъ, собирали твою государеву казну за крестнымъ цѣлованіемъ съ большою прибылью: гдѣ при прежнихъ государяхъ, да и при тебѣ, государѣ, собиралось сотъ по пяти, по шести, тамъ собирается нынѣ съ насъ и со всей земли нами же тысячъ по пяти, по шести и болѣе. Торжишки наши, государь, стали гораздо худы: отняли ихъ у насъ въ Москвѣ и городахъ иноземцы, нѣмцы и кизильбашцы (персіяне), которые пріѣзжаютъ въ Москву и въ другіе города съ большими торгами и торгуютъ всякими товарами. Въ городахъ всякіе люди оскудѣли и обнищали до конца отъ твоихъ государевыхъ воеводъ; а торговые людишки, которые ѣздятъ по городамъ для своихъ промыслишекъ, отъ воеводскихъ насильствъ и задержанія въ проѣздахъ потеряли торги свои. При прежнихъ государяхъ въ городахъ вѣдали губные старосты, и посадскіе люди судились промежъ себя сами, а воеводыпосылались съ ратными людьми только въ украинные города для береженія отъ татаръ. Мы, холопы твои и сироты, просимъ милости твоей, государь, пожаловать твою государеву вотчину, воззрѣть на нашу бѣдность". Затѣмъ они изъявляли готовность умереть за святую вѣру и за многолѣтнее здоровье своего государя.

Наконецъ, послѣдовалъ отвѣтъ людей низшаго чина: черныхъ московскихъ сотенъ и слободъ, сотскихъ и старостъ отъ имени всѣхъ тяглыхъ людей. И они предоставляли государю судить о военномъ дѣлѣ, какъ ему Богъ извѣститъ, но описывали свое плачевное положеніе въ такомъ видѣ: „Мы, сироты твои тяглые людишки, по грѣхамъ своимъ оскудѣли и обнищали отъ великихъ пожаровъ, отъ пятинныхъ денегъ, отъ поставки даточныхъ людей, отъ подводъ, что мы, сироты твои, давали тебѣ государю въ смоленскую службу отъ поворотныхъ денегъ, отъ городоваго землянаго дѣла, отъ великихъ государевыхъ податей и отъ разныхъ службъ въ цѣловальникахъ, которыя мы служимъ въ Москвѣ вмѣстѣ съ гостями и кромѣ гостей. Всякій годъ съ насъ, сиротъ твоихъ, берутъ въ государевы приказы по ста-сорока-пяти человѣкъ въ цѣловальники; да съ насъ же берутъ человѣкъ семьдесятъ пять ярыжныхъ, да извощиковъ съ лошадьми, стоять безъ съѣзда безпрестанно на земскомъ дворѣ для пожарнаго случая, а мы

платимъ тѣмъ цѣловальникамъ, ярыжнымъ и извощикамъ каждый мѣсяцъ подможныя кормовыя деньги. И отъ великой бѣдности многіе тяглые людишки изъ сотенъ и слободъ разбрелись розно и покидали свои дворишки».

Здѣсь какъ нельзя рѣзче выразилось различіе и противоположность между интересами и взглядами двухъ половинъ, на которыя въ государственномъ отношеніи разбивался русскій народъ—служилыхъ и неслужилыхъ или „государевыхъ холопей", и „государевыхъ сиротъ", какъ они титуловались. Первые были за войну и сознавали важность ея для государственныхъ цѣлей; вторые, не высказываясь явно противъ войны, представляли только скудость средствъ для ея веденія. Но въ послѣднихъ была вся сила народнаго голоса. Правительству послѣ этого собора не оставалось ничего, какъ только поспѣшить помириться съ турками.

Въ Москву пріѣхалъ турецкій посолъ Чилибей; его приняли дружелюбно, обѣщали сдѣлать все угодное султану, и 30 апрѣля 1642 года царь послалъ Желябужскаго и Башмакова съ приказаніемъ казакамъ, чтобъ они возвратили Азовъ туркамъ, а сами вернулись въ свои курени. Въ слѣдующемъ 1643 году царь отправилъ въ Турцію пословъ: Илью Даниловича Милославскаго и дьяка Лазаревскаго, съ увѣреніями въ дружескомъ расположеніи и съ мѣхами для подарковъ. Посолъ, по царскому наказу, говорилъ визирю о казакахъ такъ: „Если государь вашъ велитъ въ одинъ часъ всѣхъ этихъ воровъ казаковъ побить, то царскому величеству это не будетъ досадно"... Казаки были очень раздражены, несмотря на то, что русскій посолъ, проѣзжая въ Турцію, привезъ имъ 2,000 р. царскаго жалованья и, кромѣ того, суконъ, вина и разныхъ запасовъ. Казаки перехватили царскую грамоту, въ которой они названы ворами. Послѣ этого, они грозили уйти съ Дона на Яикъ, а оттуда ходить на море и безпокоить персіянъ. Вслѣдствіе такихъ слуховъ, царь приказалъ астраханскимъ воеводамъ поставить въ Яицкомъ городкѣ ратныхъ людей и промышлять противъ казаковъ оружіемъ.

Подъ конецъ царствованія Михаила Ѳедоровича происходило событіе съ женихомъ царской дочери, очень любопытное по отношенію къ тогдашнимъ нравамъ и понятіямъ. Царю Михаилу Ѳедоровичу пришла мысль выдать свою дочь за какого нибудь иностраннаго принца, пригласивъ его въ Россію. Попытка въ такомъ родѣ была не первая, какъ показываетъ судьба Магнуса при царѣ Иванѣ Васильевичѣ и датскаго королевича Іоанна, умершаго при Борисѣ въ Москвѣ. Царь Михаилъ Ѳедоровичъ призвалъ къ себѣ довѣреннаго голландца Петра Марселиса,

разспрашивалъ его и узналъ отъ него, что у датскаго короля есть сынъ, принцъ Вольдемаръ, 22 лѣтъ. По разсказамъ Петра Марселиса, онъ показался царю подходящимъ женихомъ. Царь отправилъ въ Данію Ивана Ѳомина навести о женихѣ точныя справки и подкупить живописца, чтобы снялъ съ королевича портретъ, а чтобы скрыть главную цѣль, приказалъ снять портреты съ самого короля Христіана и его сыновей. Порученіе было странное. О немъ узнали при дворѣ, и одинъ вельможа сказалъ Ѳомину: „Ты подкупаешь снять портреты съ короля и королевичей; это дѣло невозможное, потому что живописецъ долженъ стоять передъ королемъ и королевичами и глядѣть на нихъ; но государь нашъ приказалъ снять съ себя и королевичей портреты и послать царю“. Однако въ Даніи смекнули, въ чемъ дѣло, и попытались, нельзя ли извлечь пользу изъ такого расположенія царя къ датскому владѣтельному дому.

Лѣтомъ 1641 года узнали въ Москвѣ, что ѣдетъ чрезвычайное датское посольство, а въ немъ принцъ Вольдемаръ [1]). Посольству этому, однако, не оказали особаго внимнія въ Москвѣ. Оно добивалось для датской торговли важныхъ выгодъ противъ иныхъ иноземцевъ и, не получивши ихъ, въ октябрѣ того же года вернулось домой. Въ Москвѣ посмотрѣли на принца.

Весною слѣдующаго года царь отправилъ въ Данію посломъ окольничаго Проѣстева съ товарищемъ съ предложеніемъ брака королевича Вольдемара съ царскою дочерью Ириною [2]). Посолъ этотъ, объявивши о предложеніи царя, не могъ дать никакого отвѣта на вопросъ: „какіе города и земли дастъ царь своему зятю“, а съ своей стороны заявилъ о необходимости королевичу креститься въ „христіанскую“ вѣру, на что послѣдовалъ отказъ. Самъ королевичъ видѣлся съ послами, обошелся съ ними очень любезно и говорилъ, что поступитъ такъ, какъ велитъ ему отецъ.

[1]) Велѣно было приставамъ на дорогѣ приглядываться и доносить, какъ обращаются члены посольства съ Вольдемаромъ и съ такимъ ли почтеніемъ, какъ съ царскимъ сыномъ; а между тѣмъ ему съ посольствомъ отведено было помѣщеніе въ домѣ думнаго дьяка Ивана Грамотина. Чтобы сдѣлать домъ думнаго дьяка сколько нибудь приличнымъ для помѣщенія иноземцевъ, велѣно было со двора свезти навозъ и щепы и посыпать пескомъ, а домъ убрать и произвести въ немъ починки.

[2]) Такъ какъ царь прежде нуждался въ портретѣ жениха, то предполагали, что въ Даніи король будетъ нуждаться въ портретѣ невѣсты, но снимать портреты съ особъ женскаго пола и разсылать ихъ было не въ обычаѣ, потому что боялись порчи и колдовства; и посолъ Проѣстевъ получилъ приказаніе, въ случаѣ, если заговорятъ о портретѣ будущей невѣсты, отвѣчать, что царскихъ дочерей никто не видитъ, кромѣ самыхъ близкихъ бояръ, и портрета съ нихъ не снимаютъ „для остереганья ихъ государскаго здоровья“. Но портрета не потребовали.

Царь былъ очень недоволенъ своими послами, которые, не смѣя отступить отъ буквы наказа, не съумѣли найтись, что̀ имъ отвѣчать на заданный вопросъ. Въ декабрѣ того же года царь выбралъ для посылки въ Копенгагенъ того же иноземца Марселиса, который ему далъ первое извѣстіе о Вольдемарѣ. Онъ поѣхалъ съ обѣщаніемъ отъ царя дать будущему царскому зятю Суздаль, Ростовъ и другіе города и предоставить ему свободу вѣроисповѣданія, какъ равно и всѣмъ пріѣхавшимъ съ нимъ людямъ.

Московская земля на западѣ Европы представлялась дикою страною и внушала страхъ. „Если—говорили датскіе вельможи Марселису—нашъ королевичъ туда поѣдетъ, то сдѣлается холопомъ на-вѣки, и что̀ обѣщаютъ, того не исполнятъ. Какъ нашему королевичу ѣхать къ дикимъ людямъ!"

Ловкій Марселисъ принялся расхваливать Московское Государство, увѣрялъ, что въ немъ отличный порядокъ и въ доказательство, что тамъ можно жить, приводилъ въ примѣръ самого себя.

Самъ королевичъ неохотно ѣхалъ въ московскую землю, тѣмъ болѣе, что первый пріемъ, испытанный имъ въ этой землѣ, не понравился ему. Но король отецъ хотѣлъ сбыть и пристроить своего сына. Марселисъ успокоивалъ принца, ручался своею головою, что ему будетъ хорошо. „А какая мнѣ польза въ твоей головѣ, если мнѣ будетъ дурно?"—отвѣчалъ ему королевичъ и соглашался ѣхать только по волѣ отца.

Марселиса отправили назадъ къ царю и поручили передать условія, на которыхъ королевичъ можетъ пріѣхать въ Москву. Требовалось, чтобъ королевичу не было никакого принужденія въ вѣрѣ, чтобы онъ зависѣлъ отъ одного только царя, чтобы удѣлъ, назначенный ему тестемъ, былъ наслѣдственнымъ, чтобы государь дополнялъ ему содержаніе денежнымъ пособіемъ, если доходовъ съ удѣла будетъ мало.

Царь на все далъ согласіе, уступалъ на вѣчныя времена зятю Суздаль, Ярославль и, вдобавокъ, обѣщалъ дочери приданаго 300,000 рублей.

Королевичъ, встрѣчаемый на своемъ пути въ Московскомъ Государствѣ хлѣбомъ-солью и дарами, прибылъ въ Москву 21 января 1644 года и былъ принятъ съ чрезвычайнымъ почетомъ. Стройные ряды служилыхъ и приказныхъ людей въ праздничныхъ одеждахъ сопровождали его до Кремля, а по улицамъ на пути его были разставлены стрѣльцы безъ оружія: то былъ особый почетъ, котораго не оказывали никому другому. Это означало, что царь считаетъ принца не гостемъ,

а членомъ своего царскаго дома, который, находясь въ безопасности посреди вѣрныхъ подданныхъ, не нуждается въ оружіи. По прибытіи принца въ назначенное для него помѣщеніе, поднесли ему отъ всѣхъ городовъ Московскаго Государства хлѣбъ-соль и разные дары, состоявшіе изъ золотыхъ, серебрянныхъ вещей, соболей и дорогихъ тканей. Англійскіе и голландскіе купцы также поднесли ему богатые дары.

Черезъ четыре дня царь первый посѣтилъ нареченнаго зятя и обласкалъ. 28 января ему сдѣланъ былъ торжественный пріемъ при дворѣ; царь, одѣтый въ свое царственное облаченіе, обнималъ, цѣловалъ его и посадилъ рядомъ съ собою по правую руку; по лѣвую сидѣлъ царевичъ Алексѣй Михайловичъ. Въ тотъ же день былъ торжественный обѣдъ, и принцъ опять сидѣлъ рядомъ съ царемъ. Послѣ обѣда принца одарили богатыми подарками отъ царя и царевича, а черезъ два дня царица прислала ему двѣ дюжины полотенецъ, имѣвшихъ символическое значеніе свадебнаго подарка.

Все шло, казалось, какъ нельзя лучше, какъ неожиданно 6 февраля царь прислалъ сказать принцу, чтобъ онъ принялъ греческую вѣру и тогда уже можетъ жениться.

Принцъ былъ пораженъ такимъ требованіемъ и сначала думалъ, не испытываютъ ли его. Онъ отвѣчалъ, что не приметъ греческой вѣры и ссылался на договоръ; увѣрялъ, что не пріѣхалъ бы, если бы зналъ, что поднимется рѣчь о вѣрѣ, и замѣтилъ, что бракъ уже, нѣкоторымъ образомъ, заключенъ; если расторгнутъ его, то отъ этого датской коронѣ будетъ нанесено оскорбленіе, а про царя пойдетъ дурная слава.

Вслѣдъ затѣмъ 13 февраля царь, пригласивши къ себѣ королевича, сказалъ: „король, твой отецъ, велѣлъ тебѣ быть у меня въ послушаніи; мнѣ угодно, чтобы ты принялъ православную вѣру“.

— Я кровь свою готовъ пролить за тебя,—отвѣчалъ королевичъ,—но вѣры не перемѣню. Въ нашихъ государствахъ ведется такъ, что мужъ держитъ свою вѣру, а жена свою.

— А у насъ — сказалъ царь — мужъ съ женою разной вѣры быть не могутъ.

Королевичъ просилъ отпустить его домой, но царь отвѣчалъ, что отпустить его „непригоже и нечестно, не соверша добраго дѣла“.

Съ тѣхъ поръ нѣсколько разъ Вольдемаръ письменно обращался къ царю, уличалъ его первою грамотою, въ которой сказано было прямо и положительно, что его не будутъ неволить въ вѣрѣ. Царь на это отвѣчалъ, что ему и теперь нѣтъ неволи; но въ грамотѣ, посланной къ датскому королю,

не сказано, чтобы королевича не призывать къ соединенію въ вѣрѣ. Королевичъ повторилъ свою просьбу отпустить его, но его не отпускали и продолжали уговаривать принять православіе.

Приходили къ нему бояре, увѣряли, что невѣста его хороша собою, умна и если онъ увидитъ ее, то непремѣнно полюбитъ: она не напивается пьяною, подобно московскимъ женщинамъ; для такой красавицы можно перемѣнить вѣру.

Присылалъ къ королевичу патріархъ, предлагалъ устроить диспутъ о вѣрѣ и убѣждалъ Вольдемара принять православіе. Королевичъ соглашался на диспутъ, замѣтивши, что онъ лучше всякаго попа знаетъ Библію. Потомъ патріархъ прислалъ ему длинное увѣщаніе, чуть не въ 48 саженъ, по замѣчанію датчанъ, но королевичъ, между прочимъ, отвѣчалъ ему: „Если я буду невѣренъ Богу, то какъ можно полагаться на мою вѣрность царскому величеству?“

Датскіе послы просили себѣ отпуска и требовали, чтобы вмѣстѣ съ ними отпустили и королевича. Но имъ сказали, что королевича не отпустятъ, потому что король отдалъ его царю на всю волю. Чтобы принцъ не убѣжалъ, стали надзирать за нимъ и держать какъ будто подъ стражею.

Ночью, 9 мая, королевичъ дѣйствительно сдѣлалъ попытку къ бѣгству, но его остановили стрѣльцы у Тверскихъ воротъ; съ тѣхъ поръ стали строже присматривать за нимъ и за его людьми и по прежнему уговаривали принять православіе.

Послѣ неудачной попытки къ бѣгству, принцъ рѣшился на диспутъ и поручилъ его вести за себя своему придворному пастору Матѳею Фильхаберу. Диспуты происходили нѣсколько разъ въ домѣ принявшаго православіе нѣмца Францбекова, Съ русской стороны былъ ключарь Насѣдка, нѣсколько грековъ и одинъ перекрещенный славянинъ, князь Димитрій Альбертовичъ Далмацкій. Споры вращались, главнымъ образомъ. около вопроса о способѣ крещенія. „Я — сказалъ пасторъ своимъ противникамъ — прочиталъ нѣмецкихъ, латинскихъ, греческихъ и еврейскихъ книгъ болѣе, чѣмъ вы видѣли ихъ и будете видѣть; только я никого хулить не хочу и имѣю надежду, что когда его царское величество заведетъ въ своемъ государствѣ школы и академію, тогда вы узнаете, чтó значитъ быть ученымъ и неученымъ“... Диспуты не привели ни къ чему. Въ концѣ іюня объявили королевичу, что царь отправитъ къ датскому королю одного изъ датскихъ пословъ и когда получитъ отъ короля письмо, тогда царь отпуститъ принца. Но потомъ снова стали уговаривать Вольдемара принять православіе; онъ далъ рѣшительный отказъ.

Съ тѣхъ поръ, однако, долго не тревожили принца увѣщаніями. Съ нимъ обращались очень почтительно. Царь приглашалъ его къ столу; устроивали для него охоту. 17 сентября царь, вмѣстѣ съ царевичемъ, былъ у него на обѣдѣ, проводили время весело, и когда дворецкій Морозовъ вздумалъ-было заговорить о вѣрѣ, царь и царевичъ прогнали его.

29 ноября подано было царю письмо отъ датскаго короля. Король просилъ царя: если ему угодно нарушить договоръ, то пусть тотчасъ отпуститъ его сына въ Данію. На это письмо не было дано никакого отвѣта; принцъ добивался рѣшенія своей участи; ему говорили, что царь нездоровъ. Между тѣмъ, царевичъ Алексѣй бывалъ у него и обращался съ нимъ по дружески. Наконецъ, въ концѣ декабря, царь пригласилъ королевича къ себѣ и убѣдительно просилъ принять греческую вѣру. Королевичъ сказалъ на-отрѣзъ, чтобъ царь либо совершилъ свадьбу, либо отпустилъ его немедленно.

— Свадьбы совершить нельзя,—сказалъ царь,—пока ты останешься въ своей вѣрѣ, а отпустить тебя невозможно, потому что король прислалъ тебя состоять въ нашей царской волѣ и быть нашимъ сыномъ.

— Лучше я окрещусь въ собственной крови,— отвѣчалъ королевичъ.

Въ началѣ 1645 года королевичъ написалъ царю рѣзкое письмо, напоминалъ, что онъ и его люди не холопы царя; говорилъ, что царь поступаетъ такъ, какъ не поступаютъ невѣрные турки и татары, и что онъ, королевичъ, будетъ отстаивать свободу силою, хотя бы ему пришлось потерять голову. Письмо это осталось безъ отвѣта.

Ожидали пріѣзда польскаго посла. Думный дьякъ сообщилъ королевичу, какъ будто за тайну, что польскій посолъ хочетъ сватать царевну Ирину за своего короля и поэтому ему нужно подумать, чтобъ у него не отбили невѣсты. Королевичъ понялъ, что это уловка, засмѣялся и сказалъ: „Такъ, значитъ, и польскій король будетъ перекрещиваться!"

Пріѣхалъ польскій посолъ Гавріилъ Стемпковскій. Королевичъ обратился къ его посредству, писалъ и къ самому польскому королю, убѣждалъ вступиться за него. Стемпковскій, по приказанію своего короля, заговорилъ съ боярами о дѣлѣ королевича; но бояре стали, съ своей стороны, просить его, чтобъ онъ убѣждалъ Вольдемара принять православную вѣру, и представляли, что королевичъ получитъ большія выгоды; царь прибавитъ ему еще болѣе земель, чѣмъ обѣщалъ, даже Новгородъ и Псковъ отдастъ ему. Польскій посолъ подавалъ

совѣтъ королевичу, что не слѣдуетъ отказываться отъ такой выгодной женитьбы, но королевичъ отвѣчалъ, что на перемѣну вѣры могутъ соглашаться только люди, которые не дорожатъ совѣстью для временныхъ благъ, а онъ ничего теперь не желаетъ, кромѣ возвращенія на родину. Стемпковскій представилъ боярамъ, что королевича ничѣмъ нельзя склонить, а потому остается отпустить его. Бояре, въ отвѣтъ на такую просьбу, стали грозить, что если королевичъ будетъ упорствовать, то отъ него отдалятъ всѣхъ его людей и окружатъ русскими; если же и это не пособитъ, то самого принца сошлютъ въ какое-нибудь далекое мѣсто и станутъ помогать Швеціи противъ Даніи.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобъ тянуть дѣло, предлагали еще разъ религіозный диспутъ въ присутствіи царя и королевича.

Польскій посолъ передалъ слышанную имъ угрозу королевичу, и тотъ далъ такой отвѣтъ: „пусть царь ссылаетъ меня въ Сибирь; я готовъ переносить за вѣру всякое горе; пусть прикажетъ убить меня, лучше мнѣ умереть съ чистою совѣстью, чѣмъ жить въ почетѣ съ нечистою; а что онъ грозитъ Даніи, то пусть знаетъ, что Данія какъ прежде обходилась, такъ и теперь можетъ обходиться и безъ русской помощи!.. Пусть, однимъ словомъ, царь дѣлаетъ, что хочетъ, только поскорѣе“. Польскій посолъ передалъ все это боярамъ, но, по просьбѣ ихъ, еще разъ убѣждалъ королевича исполнить желаніе царя и согласиться на религіозный диспутъ.

Предложенный русскими диспутъ состоялся 4 іюля въ присутствіи польскаго посла, но безъ королевича и безъ царя. И на этотъ разъ спорили болѣе всего о крещеніи. Диспутъ ни къ чему не привелъ, а вслѣдъ затѣмъ кончина царя дала иной поворотъ этому дѣлу [1]).

Въ тѣ же послѣдніе годы царствованія Михаила Ѳедоровича происходило другое, не менѣе любопытное дѣло съ Польшею.

Назадъ тому тридцать лѣтъ, когда привезли Марину Мнишекъ съ сыномъ въ Москву съ Яика, былъ въ Москвѣ полякъ Бѣлинскій. Онъ составилъ планъ спасти сына Марины отъ смерти, на которую былъ осужденъ ребенокъ. Для этого онъ намѣревался подмѣнить сына Марины другимъ мальчикомъ, сыномъ убитаго прежде въ Москвѣ поляка Лубы, оставшимся сиротою въ чужой сторонѣ. Предпріятіе не удалось. Сына Марины повѣсили. Тогда Бѣлинскій вздумалъ назвать сыномъ Марины того мальчика, котораго прежде готовилъ на погибель

[1]) Королевичъ вернулся въ Данію въ слѣдующее царствованіе. Бракъ его съ Ириною не состоялся.

вмѣсто настоящаго. Онъ увезъ его съ собою въ Польшу, сталъ называть царевичемъ Иваномъ Димитріевичемъ и распространялъ разсказъ о томъ, какъ Марина, находясь еще въ Калугѣ, поручила ему увезти ея ребенка въ Польшу. По совѣту шляхты, Бѣлинскій донесъ объ этомъ королю. Король Сигизмундъ нашелъ, что такъ какъ съ Московскимъ Государствомъ дѣла еще не покончены, то не безполезно будетъ, на всякій случай, про запасъ, держать царевича, и приказалъ отдать его на сохраненіе литовскому канцлеру Льву Сапѣгѣ, назначивши на содержаніе мнимаго Ивана Дмитріевича по шести тысячъ золотыхъ въ годъ. Сапѣга отдалъ его въ обученіе игумену брестскаго Симеоновскаго монастыря Аѳанасію. У этого игумена мальчикъ пробылъ семь лѣтъ, а потомъ проживалъ во дворѣ Сапѣги, назывался царевичемъ и самъ былъ увѣренъ, что онъ царевичъ. При Владиславѣ, когда, послѣ новой войны съ Московскимъ Государствомъ, заключенъ былъ вѣчный миръ, король запретилъ называть Лубу царевичемъ. Разжалованный царевичъ обратился къ Бѣлинскому съ вопросомъ: кто онъ таковъ и кто его родители? Бѣлинскій объявилъ ему истину.

Между тѣмъ, Левъ Сапѣга скончался. Бывшій царевичъ остался безъ пріюта и безъ средствъ: ему перестали выдавать прежнее содержаніе. Онъ опредѣлился на службу къ пану Осовскому, а потомъ перешелъ къ пану Осинскому и жилъ у него писаремъ въ Брестѣ.

Воспитатель этого невольнаго самозванца, игуменъ Аѳанасій, вѣроятно желая подслужиться московскому царю, сообщилъ о немъ русскимъ посламъ, которые въ 1644 году пріѣзжали въ Польшу съ цѣлью толковать о разныхъ недоразумѣніяхъ, возникшихъ между порубежными жителями обоихъ государствъ. Аѳанасій представилъ письмо, писанное рукою Лубы.

Московскіе послы стали укорять канцлера Оссолинскаго и другихъ сенаторовъ въ томъ, что они держатъ и укрываютъ человѣка, затѣвающаго зло Московскому Государству. Паны объяснили, что этотъ человѣкъ назывался царевичемъ прежде, а теперь уже не называется этимъ именемъ, и объявили, что выдавать невиннаго человѣка противно всякимъ правамъ. Показали посламъ Лубу. Онъ разсказалъ о себѣ всю правду и увѣрялъ ихъ, что не называется болѣе царевичемъ. Но московскіе послы подали канцлеру письмо, писанное собственною рукою Лубы: въ этомъ письмѣ онъ хотя и подписался Иваномъ Фавстиномъ Лубою, но выразился, что письмо его писано на „царевичевомъ обѣдѣ“ въ „царевичевой господѣ“. Канцлеръ далъ посламъ такое объясненіе:

„Слова эти не показываютъ преступленія, есть много мѣстъ и селъ, называемыхъ „Царево или Королево"; онъ не подписывается царевичемъ, онъ подписался даже латинскимъ именемъ: это служитъ яснымъ доводомъ, что Луба себя царевичемъ не называетъ".

Наконецъ, паны объявили, что Луба пойдетъ въ ксендзы. Московскіе послы замѣтили, что первый воръ, назвавшій себя Димитріемъ, былъ постриженъ, а это не мѣшало ему затѣять воровское дѣло, и требовали выдачи самозванца на казнь.

Поляки рѣшили угодить московскому государю и послали въ Москву Лубу съ своимъ посломъ Стемпковскимъ; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, польскій король просилъ царя отпустить Лубу назадъ, какъ невиннаго человѣка.

Въ это время одинъ грекъ изъ Константинополя, архимандритъ Амфилохій, прислалъ въ Москву копію съ письма, писаннаго по-малорусски къ султану человѣкомъ, который называлъ себя московскимъ царевичемъ Иваномъ Димитріевичемъ. Амфилохій сообщалъ, что письмо это принесли ему какіе-то турки для перевода, такъ какъ онъ зналъ по-русски. Трудно рѣшить: былъ ли этотъ самозванецъ—Луба, или кто другой, или же самое письмо было выдуманное.

Начались въ Москвѣ толки о Лубѣ. Бояре домогались его выдачи. Польскій посолъ защищалъ Лубу, увѣрялъ, что онъ невиненъ, что онъ намѣренъ поступить въ духовное званіе и никакъ не можетъ быть опасенъ для царя [1]).

Среди этихъ переговоровъ смертельная болѣзнь поразила царя Михаила Ѳедоровича. Еще съ конца 1644 года государь, по болѣзни, не выходилъ изъ своихъ покоевъ. Въ апрѣлѣ слѣдующаго года болѣзнь его усилилась. Иностранные доктора находили, что недугъ, постигшій царя, произошелъ отъ многого сидѣнія, отъ холоднаго питья и меланхоліи, „сирѣчь кручины". По описываемымъ примѣтамъ, царь пораженъ былъ водяною. 12 іюня 1645 года онъ скончался.

Ближайшимъ къ нему лицомъ предъ смертью былъ бояринъ Морозовъ, дядька наслѣдника престола. Благословляя сына на царство, царь поручилъ своего юнаго преемника отеческой опекѣ этого боярина.

[1]) Преемникъ Михаила Ѳедоровича приказалъ отпустить Лубу съ тѣмъ, чтобъ король и сенаторы поручились за Лубу, что онъ не будетъ имѣть никакихъ притязаній на Московское Государство и не станетъ называться царскимъ именемъ.

II.

КІЕВСКІЙ МИТРОПОЛИТЪ ПЕТРЪ МОГИЛА.

Введеніе церковной Уніи было началомъ великаго переворота въ умственной и общественной жизни южной и западной Руси. Переворотъ этотъ имѣлъ важнѣйшее значеніе въ нашей исторіи по силѣ того вліянія, какое онъ послѣдовательно оказалъ на умственное развитіе всего русскаго міра.

Уніатское нововведеніе пользовалось особенною любовью и покровительствомъ короля Сигизмунда III; поддерживать его горячо принялись и іезуиты, захватившіе въ Польшѣ воспитаніе и черезъ то овладѣвшіе всемогущею польскою аристократіею;—а потому было вполнѣ естественно, что уніатская сторона тотчасъ же взяла верхъ надъ православною. Планъ римско-католической пропаганды состоялъ главнымъ образомъ въ томъ, чтобы отвратить отъ древней вѣры и обратить въ католичество русскій высшій классъ, такъ какъ въ Польшѣ единственно высшій классъ представлялъ собою силу. Орудіемъ для этого должны были служить школы или коллегіи, которыя однѣ за другими заводились іезуитами на Руси. Въ Вильнѣ іезуиты завели академію при Стефанѣ Баторіи. Затѣмъ явилась іезуитская коллегія въ Полоцкѣ. Въ концѣ XVI вѣка заведены были коллегіи въ Ярославлѣ галицкомъ и во Львовѣ. Въ первой четверти XVII вѣка возникли послѣдовательно іезуитскія коллегіи въ Луцкѣ, Барѣ, Перемышлѣ, во многихъ мѣстахъ Бѣлой Руси, въ 1620 году—въ Кіевѣ, въ 1624—въ Острогѣ. Позже онѣ возникли и на лѣвомъ берегу Днѣпра. Іезуиты съ необыкновеннымъ искусствомъ умѣли подчинять своему вліянію юношество. Родители охотно отдавали своихъ

дѣтей въ ихъ школы, такъ какъ никто не могъ сравниться съ ними въ скоромъ обученіи латинскому языку, считавшемся тогда признакомъ учености. Богатые паны жертвовали имъ „фундуши“ на содержаніе ихъ монастырей и школъ; но за то іезуиты давали воспитаніе бѣднымъ безденежно и этимъ поддерживали въ обществѣ высокое мнѣніе о своемъ безкорыстіи и христіанской любви къ ближнему. Они умѣли привязывать къ себѣ дѣтей, внушать имъ согласныя съ своими цѣлями убѣжденія и чувствованія, и такъ глубоко укоренять ихъ въ своихъ питомцахъ, что къ природѣ послѣднихъ какъ будто приростало навсегда то, что было пріобрѣтено въ іезуитской школѣ. Главною, можно сказать, исключительною цѣлью іезуитскаго воспитанія въ русскихъ краяхъ, въ то время, было какъ можно болѣе обратить русскихъ дѣтей въ католичество и вмѣстѣ съ тѣмъ, внѣдрить въ нихъ ненависть и презрѣніе къ православію. Для этого они употребляли не столько научные доводы и убѣжденія, сколько разныя легкія и дѣйствующія на юношескій возрастъ средства, какъ, наприм., показное богослуженіе, вымышленныя чудеса, видѣнія, знаменія, откровенія, устройство празднествъ, игръ и сценическихъ представленій, имѣвшихъ цѣлью незамѣтно прилѣпить сердце и воображеніе дѣтей къ римскому католичеству. Іезуиты обращали въ свою пользу свойственную молодежи склонность къ шалостямъ и не только не обуздывали въ дѣтяхъ дурныя побужденія, но развивали ихъ, чтобы обратить въ пользу своихъ завѣтныхъ цѣлей. Такъ, іезуитскіе наставники подстрекали своихъ учениковъ дѣлать разныя оскорбленія православнымъ людямъ и особенно ругаться надъ православнымъ богослуженіемъ: іезуитскіе ученики врывались въ церкви, кричали, безчинствовали, нападали на церковныя шествія и позволяли себѣ разныя непристойности, а наставники ободряли ихъ за это. Но чтобы не возбудить противъ себя православныхъ родителей и не заградить дороги къ поступленію православныхъ дѣтей въ свои училища, іезуиты часто увѣряли, что они вовсе не думаютъ обращать русскихъ въ латинство, говорили, что восточная и западная церковь одинаково святы и равны между собою, что они заботятся только о просвѣщеніи. Іезуиты, когда находили полезнымъ, наружно удерживали даже своихъ православныхъ питомцевъ отъ принятія католичества на томъ основаніи, что обѣ вѣры равны; но эти питомцы были подготовлены воспитаніемъ такъ искусно къ предпочтенію всего католическаго и къ презрѣнію ко всему православному, что сами, какъ бы вопреки совѣтамъ своихъ наставниковъ, принимали католиче-

ство; и тогда такое обращеніе приписывалось наитію свыше. Воспитанные въ іезуитской школѣ и принявшіе католичество, русскіе оставались на всю жизнь подъ вліяніемъ своихъ духовныхъ отцовъ, которыми были тѣ же іезуиты или же дѣйствовавшіе съ ними за-одно католическіе монахи другихъ орденовъ; духовные отцы поддерживали въ нихъ фанатизмъ на всю жизнь. Слѣдствіемъ того было, что въ первой половинѣ XVII вѣка распространеніе католичества и уніи пошло чрезвычайно быстро. Люди шляхетскихъ родовъ обыкновенно были обращаемы прямо въ латинство, а унія предоставлялась собственно на долю мѣщанъ и простого народа. Новообращенные, какъ католики, такъ и уніаты, отличались фанатизмомъ и нетерпимостью. Въ городахъ, при покровительствѣ со стороны короля, воеводъ и старостъ, всѣ преимущества были исключительно на сторонѣ католиковъ и уніатовъ: православныхъ не допускали до выбора въ должности; дѣлались всевозможныя стѣсненія для православныхъ мѣщанъ въ ихъ промыслахъ, торговыхъ и ремесленныхъ занятіяхъ, а православное богослуженіе подвергалось со стороны фанатиковъ поруганіямъ и оскорбленіямъ. Такое положеніе побуждало тѣхъ, которые были послабѣе въ благочестіи, мимо своей охоты, обращаться въ унію. До 1620 года не было у православныхъ митрополита, не стало и епископовъ, некому было посвящать священниковъ, и во многихъ приходахъ уніаты заступили мѣсто выбывшихъ православныхъ, а въ иныхъ мѣстахъ по смерти священниковъ церкви упразднялись и, къ соблазну православныхъ, обращались въ шинки. Въ имѣніяхъ панскихъ, а также въ староствахъ, гдѣ судьба подданныхъ находилась въ безотчетномъ распоряженіи владѣтелей, по приказанію послѣднихъ, изгонялись православные священники, замѣнялись уніатскими; подданные обращаемы были въ унію, а упорные подвергались всякаго рода насиліямъ и истязаніямъ. Во многихъ мѣстахъ владѣльцы не управляли сами своими имѣніями, а часто отдавали ихъ въ аренду іудеямъ. Подданные поступали въ распоряженіе арендаторовъ, и, вмѣстѣ съ ними, къ послѣднимъ поступали и православныя церкви. Іудеи извлекали для себя изъ этого новые источники доходовъ, брали пошлины за право богослуженія, такъ-называемые „дудки“ [1]) за крещеніе младенцевъ, за вѣнчаніе, погребеніе и т. д. Король и католическіе паны признавали законною греческою вѣрою только унію, а тѣхъ,

[1]) Первоначальное простонародное названіе монеты тройного гроша, по-нѣмецки düttchen.

которые не хотѣли принимать уніи, считали и обзывали „схизматиками", т.-е. отщепенцами, и не признавали за ихъ вѣрою никакихъ церковныхъ правъ. При отсутствіи іерархіи, число православныхъ священниковъ болѣе и болѣе уменьшалось, и православные, не хотѣвшіе принимать унію, выростали безъ крещенія, не исполняли никакихъ христіанскихъ обрядовъ.

Но пока еще іезуиты не успѣли обратить въ католичество всего русскаго высшаго класса, у православія оставались защитники между шляхетствомъ. За православіе стояли козаки. Въ 1620 году совершилось важное событіе, нѣсколько задержавшее быстрые успѣхи католичества. Черезъ Кіевъ проѣзжалъ въ Москву іерусалимскій патріархъ Ѳеофанъ. Здѣсь козацкій гетманъ Петръ Конашевичъ-Сагайдачный и русскіе шляхетскіе люди упросили его посвятить имъ православнаго митрополита. Ѳеофанъ рукоположилъ митрополитомъ Іова Борецкаго, игумена кіевскаго Золотоверхо-Михайловскаго монастыря и, кромѣ того, посвятилъ еще епископовъ: въ Полоцкъ, Владиміръ, Луцкъ, Перемышль, Холмъ и Пинскъ. Король Сигизмундъ и всѣ ревнители католичества были сильно раздражены этимъ поступкомъ. Сначала король, по жалобѣ уніатскихъ архіереевъ, хотѣлъ объявить преступниками и самозванцами новопоставленныхъ православныхъ духовныхъ сановниковъ, но долженъ былъ уступить представленіямъ русскихъ пановъ и противъ своего желанія терпѣть возобновленіе іерархическаго порядка православной церкви, такъ какъ въ Польшѣ, по закону, все-таки признавалась свобода совѣсти, по крайней мѣрѣ для людей высшаго класса. Это не мѣшало происходить по прежнему самымъ возмутительнымъ притѣсненіямъ тамъ, гдѣ сила была на сторонѣ католиковъ и уніатовъ. Тогда въ особенности прославился нетерпимостью къ православію уніатскій полоцкій епископъ Іосафатъ Кунцевичъ; онъ приказывалъ отдавать православныя церкви на поруганіе и мучить священниковъ, не хотѣвшихъ приступить къ уніи. Ожесточеніе народа противъ него дошло до такой степени, что въ 1622 году толпа растерзала его въ Витебскѣ. Папа, узнавши о такомъ случаѣ, убѣждалъ короля Сигизмунда наказать епископовъ, не признающихъ уніи, и самыми рѣшительными мѣрами истреблять „гнусную, чудовищную, схизматическую ересь" (православіе).

Но всѣ старанія римско-католической пропаганды, несмотря на блестящіе успѣхи, не могли однако скоро достигнуть конечной цѣли; за православіе съ одной стороны ополчались

козаки, съ другой—поддержало его возрождавшееся русское просвѣщеніе.

Братства были главнѣйшимъ орудіемъ такого возрожденія. Братства возникали одно за другимъ, а гдѣ появлялось братство, тамъ появлялось и училище. Братства отправляли лучшихъ молодыхъ людей въ западные университеты для высшаго образованія. Съ размноженіемъ училищъ и типографій увеличивалось число пишущихъ, читающихъ, думающихъ о вопросахъ, касающихся умственной жизни, и способныхъ дѣйствовать въ ея кругу. Виленское Троицкое братство прежде всѣхъ перестало существовать для Руси: оно приступило къ уніи. Но въ Вильнѣ православные, тотчасъ послѣ того, образовали другое братство при церкви св. Духа, завели училище и печатаніе книгъ въ защиту православія. Къ Кіевѣ братство началось, какъ полагаютъ, еще въ концѣ XVI вѣка, но его дѣятельное существованіе оказалось во второмъ десятилѣтіи XVI вѣка; въ то же время основалось братство въ Луцкѣ. Замѣчательно, что всѣ русскія православныя братства со своими учрежденіями были явленіями болѣе или менѣе кратковременными, не достигавшими своей главной цѣли. Братства эти могли держаться только до тѣхъ поръ, пока католическая пропаганда не успѣла обратить въ латинство все русское шляхетское сословіе и вмѣстѣ съ тѣмъ оторвать отъ русской народности. Это совершилось въ теченіи XVII вѣка: весь высшій классъ русскій олатинился, ополячился, и братства исчезли сами собой. Одно кіевское имѣло иную судьбу въ русской исторіи.

Кіеву, нѣкогда бывшему уже средоточіемъ русской политической и умственной жизни, опять выпала великая доля сдѣлаться средоточіемъ умственнаго движенія, которое открыло для всей Руси новый путь къ научной и литературной жизни. Въ 1615 году нѣкто Галшка, урожденная Гулевичъ, жена мозырскаго маршалка Стефана Лозки, подарила принадлежавшее ей дворовое мѣсто со строеніями и площадью въ Кіевѣ, на Подолѣ, съ тѣмъ, чтобы тамъ былъ основанъ Братскій монастырь съ училищемъ, который бы находился подъ вѣдомствомъ одного только константинопольскаго патріарха. Условіемъ этого дара было то, чтобы это мѣсто, со своими учрежденіями, ни въ какомъ случаѣ не выходило изъ православнаго владѣнія. Галшка оставила за своими потомками право отнять у братства подаренное ею мѣсто, если бы какими-нибудь путями оно перешло въ руки неправославныхъ, и обязывала ихъ въ такомъ случаѣ отдѣлить на своей собственной землѣ другое мѣсто для той же цѣли. Тогда

многія особы духовнаго и свѣтскаго чина вписались въ члены братства и обязались дружно и согласно защищать православную вѣру и поддерживать училище. Братство это, по церкви, построенной на дворѣ, подаренномъ ему Галшкою, назвалось Богоявленскимъ. Въ 1620 году патріархъ іерусалимскій Ѳеофанъ утвердилъ уставъ братства и благословилъ его, чтобы это братство съ своею церковью было патріаршею ставропигіею, т.-е. не подлежало никакому другому духовному начальству, кромѣ константинопольскаго патріарха. Въ то же время, по просьбѣ волынскихъ дворянъ и мѣщанъ, патріархъ благословилъ правомъ ставропигіи Крестовоздвиженскую церковь въ Луцкѣ, при которой основано было луцкое братство со школою, а константинопольскій патріархъ Кириллъ Лукарисъ далъ съ своей стороны грамоту, которою утвердилъ уставы братскихъ школъ въ Луцкѣ и Кіевѣ. При братской церкви должны были жить иноки, члены братства, подъ начальствомъ игумена, который былъ пастыремъ и благочиннымъ всего братства, надзиралъ съ монашествующею братіею за порядкомъ, давалъ наставленія и заступался за братство въ разныхъ дѣлахъ передъ судомъ. Игуменъ имѣлъ также надзоръ и за школою; изъ числа монаховъ выбирался ректоръ школы, но ни игуменъ, ни ректоръ, ни вообще состоявшія въ братствѣ монашествующія лица не могли дѣлать никакихъ распоряженій безъ согласія свѣтскихъ братьевъ. Изъ числа свѣтскихъ братьевъ выбирались два лица для наблюденія за школой. Школа луцкаго братства носила названіе *Еллино-словенской*, потому что въ ней преподавались два языка. Ученики раздѣлялись на три разряда: въ первомъ учились читать, во второмъ читали и учили наизустъ разные предметы, въ третьемъ разрядѣ объясняли выученное и обсуждали его. Въ ходѣ ученія обращалось вниманіе, чтобы ученикъ какъ можно болѣе усвоивалъ и понималъ выучиваемое; для этой цѣли, по окончаніи класса, ученики должны были пересказывать уроки другъ другу, списывать ихъ и повторять передъ родными и хозяевами, которымъ будутъ повѣрены, а на другой день, передъ началомъ новаго урока, отвѣчать учителю вчерашній. Предметами ученія были, кромѣ первоначальнаго чтенія и письма, греческая и словянская грамматика съ упражненіями, заучиваніе и толкованіе мѣстъ св. писанія, отцовъ церкви, молитвъ богослуженія, церковная пасхалія, счетная наука, а также мѣста изъ философовъ, поэтовъ, историковъ, риторика, діалектика и философія. При этомъ строго запрещалось читать и держать у себя ерети-

ческія и иновѣрческія книги. Для упражненія въ языкахъ постановлено было, чтобы ученики говорили не на „простомъ“ языкѣ, а на греческомъ или словянскомъ. Ученики могли учиться не всѣмъ наукамъ разомъ, а только нѣкоторымъ, смотря по ихъ способностямъ, по совѣту ректора или по желанію родителей. Въ школу принимались дѣти всѣхъ сословій и состояній, начиная отъ зажиточныхъ шляхтичей и мѣщанъ до бѣдняковъ, просившихъ милостыню на улицахъ; воспитателямъ строго постановлялось не дѣлать между ними никакихъ различій иначе, какъ по степени ихъ успѣховъ: всѣ они по очереди обязаны были исполнять должность слугъ, топить печи, мести школу, сидѣть у дверей и т. п. По отношенію къ нравственности, ученики должны были строго соблюдать правила благочестія, въ каждое воскресенье и праздникъ собираться къ богослуженію и передъ тѣмъ выслушивать приличныя нравоученія, а послѣ обѣда слушать объясненіе прочитанныхъ въ церкви мѣстъ св. писанія. Четыре раза въ годъ, въ посты, обязаны были они говѣть, а болѣе благочестивые, кромѣ того, причащались и исповѣдывались въ господскіе праздники. Школьное начальство слѣдило за ихъ поведеніемъ, какъ въ школѣ, такъ и внѣ ея, и наказывало розгами. Каждую субботу послѣ обѣда учитель читалъ имъ длинныя нравоученія, какъ они должны были вести себя, и для памяти давалъ имъ испить „школьную чашу“. Неисправимыхъ исключали. Надъ самими учителями имѣло надзоръ братство, и они подвергались изгнанію за дурное поведеніе. Изъ этого устава видно, что религіозное воспитаніе ставилось на первомъ планѣ, и это вполнѣ естественно, такъ какъ самая потребность въ школьномъ воспитаніи вызвана необходимостью защищать православную вѣру противъ іезуитовъ и уніатовъ. Кіевская школа въ это время имѣла вѣроятно такой же уставъ, съ тою только разницею, что, при греческомъ и словянскомъ, тамъ преподавался еще и латинскій и польскій языки, какъ показываетъ самое названіе кіевской школы, упомянутое въ грамотѣ Ѳеофана: „школа наукъ еллинославянскаго и латино-польскаго письма“. Кромѣ главныхъ школъ, находившихся при братствахъ, по всей Южной Руси было разсѣяно множество частныхъ школъ при монастыряхъ и церквахъ; такъ объ Іовѣ Борецкомъ есть извѣстіе, что, будучи священникомъ въ Воскресенской церкви на Подолѣ (въ Кіевѣ), онъ завелъ школу и отличался ревностью къ воспитанію юношества. Въ старости и онъ, и жена его постриглись. Іовъ, въ званіи игумена Михайловскаго Златоверхаго

монастыря, занимался воспитаніемъ дѣтей и впослѣдствіи, сдѣлавшись митрополитомъ, заботился о процвѣтаніи школъ.

Распространеніе школьнаго ученія дало Южной Руси ученыхъ людей, способныхъ выступить на литературную борьбу съ врагами православной вѣры, и мы видимъ въ первой половинѣ XVII вѣка возрастающую полемическую литературу въ защиту догматовъ и богослуженія православной вѣры. Однимъ изъ раннихъ писателей этой эпохи былъ Мелетій Смотрицкій. Еще при жизни Острожскаго онъ подвизался въ литературѣ и написалъ возраженія противъ новаго римскаго календаря, который занималъ тогда умы, и „Вирши на отступниковъ", напечатанныя въ Острогѣ въ 1598 году. Этотъ человѣкъ пріобрѣлъ обширное ученое образованіе, дополнилъ его путешествіемъ по Европѣ, въ качествѣ наставника одного литовскаго пана, и слушалъ лекціи въ разныхъ нѣмецкихъ университетахъ. По возвращеніи на родину въ 1610 году, онъ, подъ именемъ Ѳеофила Орѳолога, напечаталъ въ Вильнѣ по-польски: „Плачъ Восточной церкви", гдѣ въ живыхъ, сильныхъ и поэтическихъ образахъ представилъ печальное состояніе отеческой вѣры, жалуясь главнымъ образомъ на то, что знатные шляхетскіе роды одинъ за другимъ отступаютъ отъ ней. Сочиненіе это вызвало со стороны уніатовъ ѣдкое опроверженіе подъ названіемъ „Паригорія или Утоленіе плача". Въ 1615 году Смотрицкій сдѣлался учителемъ въ школѣ, находившейся въ Литвѣ въ Евью, гдѣ была одна изъ знаменитыхъ русскихъ типографій XVII вѣка. Здѣсь въ 1619 году Мелетій напечаталъ грамматику словянскаго языка, замѣчательную по своему времени и показывающую значительное филологическое образованіе ея автора, который даже, вопреки всеобщему обычаю своего времени писать силлабическіе стихи, угадывалъ возможность метрическаго стихосложенія для русскаго языка. Грамматика эта была принята для преподаванія въ школахъ и служила для распространенія знанія старословянскаго языка между русскими [1]).

Когда Ѳеофанъ возстановилъ русскую іерархію, Смотрицкій былъ посвященъ имъ въ санъ архіепископа полоцкаго и написалъ по-польски: „Оправданіе невинности", гдѣ доказывалъ право русскаго народа возстановить свою церковную іерархію и опровергалъ взводимыя на него клеветы, будто онъ хочетъ измѣнить Польшѣ и предаться туркамъ. Противъ этого сочиненія тотчасъ же появилось на польскомъ языкѣ со-

[1]) По ней учился Ломоносовъ.

чиненіе: „Двойная вина"; а вслѣдъ затѣмъ началась на польскомъ языкѣ сильная полемика между обѣими сторонами. Когда въ 1622 году былъ умерщвленъ уніатъ фанатикъ Іосафатъ Кунцевичъ, враги православія распространяли слухи, что главнымъ поджигателемъ этого убійства былъ Смотрицкій. Жизнь его была въ опасности; онъ уѣхалъ на Востокъ, странствовалъ три года, пріѣхалъ въ Римъ и тамъ принялъ унію. Возвратившись на родину, онъ написалъ по-русски „Апологію" своего путешествія, гдѣ оправдывалъ свое отступленіе и старался доказать, что въ православной церкви существуютъ заблужденія. Митрополитъ Іовъ Борецкій созвалъ соборъ въ 1628 году и пригласилъ на него Мелетія Смотрицкаго. Мелетій пріѣхалъ въ Кіевъ, увѣрялъ, что онъ хотѣлъ только подвергнуть критикѣ нѣкоторыя неправославныя мнѣнія, вкравшіяся въ сочиненія православныхъ защитниковъ вѣры, какъ равно и злоупотребленія, поддерживаемыя невѣжествомъ духовенства,—что игуменъ дубенскаго Преображенскаго монастыря, Кассіанъ Саковичъ, которому онъ повѣрилъ печатаніе своей книги, прибавилъ туда лишнее безъ его вѣдома, и что онъ остается по прежнему въ вѣдомствѣ православной іерархіи. Вскорѣ, однако, послѣ этого собора, Мелетій снова объявилъ себя уніатомъ и сталъ распространять свою „Апологію". Это вызвало со стороны православныхъ горячую полемику. Іовъ Борецкій написалъ противъ Смотрицкаго опроверженіе подъ названіемъ „Аполлія" (погибель). Протоіерей слуцкій Андрей Мужиловскій написалъ противъ „Апологіи" Смотрицкаго дѣльное сочиненіе на польскомъ языкѣ, называвшееся „Антидотъ". Были и другія сочиненія противъ Смотрицкаго.

Распространившееся въ Руси польское вліяніе было такъ велико, что русскіе люди, ратуя за свою вѣру, писали по-польски и это вредило успѣхамъ русской литературной дѣятельности того времени;—иначе русская письменность была бы гораздо богаче. Самый русскій языкъ въ ученыхъ сочиненіяхъ, писанныхъ по-русски, страдаетъ болѣе или менѣе примѣсью польскаго. Изъ болѣе выдающихся русскихъ писателей того времени мы укажемъ на Захарія Копыстенскаго, Кирилла Транквилліона, Исаію Копинскаго, Памву Берынду и др. Захарій Копыстенскій, іеромонахъ, потомъ архимандритъ Кіевопечерскаго монастыря, написалъ обширное сочиненіе, подъ названіемъ „Палинодія", въ которомъ подробно разсматривалъ главнѣйшіе пункты отличія восточной церкви отъ западной и защищалъ догматы и постановленія первой. Это сочиненіе важно по историческимъ извѣстіямъ о церков-

ныхъ событіяхъ того времени. Копыстенскій издалъ, кромѣ того, по-русски сочиненіе „О вѣрѣ Единой“, „Бесѣды Златоуста на посланія Апостола Павла“, того же Златоуста „Бесѣды на Дѣянія“ и „Толкованіе на Апокалипсисъ Андрея Кесарійскаго“. Въ своихъ предисловіяхъ къ этимъ книгамъ издатель выражаетъ желаніе, чтобы русскіе, какъ духовные, такъ и свѣтскіе, поболѣе читали и изучали св. писаніе. „Толкованіе на Апокалипсисъ“, изд. въ 1625 году, посвящено пану Григорію Далмату, уже отступившему отъ православія внуку ревностнаго православнаго Константина Далмата, которому авторъ посвящалъ прежніе свои переводы. Захарія убѣждаетъ Григорія возвратиться къ вѣрѣ отцовъ своихъ и говоритъ, что дѣдъ его возрадовался бы такому возвращенію; при этомъ, авторъ не затрудняется приводить примѣры изъ греческой миѳологіи: „Если — говоритъ онъ — между Геркулесомъ и Тезеемъ была такая любовь и дружба, что одинъ преемственно наслѣдовалъ добродѣтели другого и старался избавить послѣдняго отъ плѣненія въ тартарѣ, то еще большая любовь, неразрываемая смертью, должна существовать между вашимъ дѣдомъ и вами“. Это можетъ служить образчикомъ, какъ языческо-классическая мудрость внѣдрялась въ религіозное воспитаніе тогдашнихъ книжниковъ. При „Апокалипсисѣ“ приложено нѣсколько переводныхъ словъ и, по поводу „Слова Іоанна Златоуста на Пятидесятницу“, дѣлается такое замысловатое объясненіе извѣстнаго выраженія, которое католики постоянно приводили въ подкрѣпленіе о папскомъ главенствѣ — „Ты еси Петръ, и на семъ камнѣ созижду церковь Мою“: „Видите, Христосъ не сказалъ „на Петрѣ“, а сказалъ „на камнѣ“; не на человѣкѣ, а на вѣрѣ Христосъ построитъ церковь свою, такъ какъ Петръ сказалъ съ вѣрою: Ты еси Христосъ, сынъ Бога живаго. Не Петра, а церковь нарекъ онъ камнемъ“. Въ 1625 г. Захарія Копыстенскій, будучи уже архимандритомъ, напечаталъ рѣчь, произнесенную въ день поминовенія по своемъ предшественникѣ Плетенецкомъ, доказывалъ въ ней необходимость поминовенія усопшихъ и опровергалъ тѣхъ вольнодумцевъ, которые, слѣдуя протестантскимъ толкованіямъ, отвергали пользу молитвъ за усопшихъ и поминовеній,—изъ чего видно, что протестантскія мнѣнія продолжали волновать умы православныхъ. Но здѣсь же проповѣдникъ счелъ нужнымъ вооружиться противъ католическаго чистилища и доказывалъ, что ученіе св. отцовъ о мытарствахъ совсѣмъ не то, что́ ученіе о чистилищѣ. „Мытарства—говорилъ онъ—состоятъ только въ разныхъ препят-

ствіяхъ и безпокойствахъ, которыя причиняютъ разлученной отъ тѣла душѣ злые воздушные духи, подобно тому, какъ таможенные чиновники безпокоятъ проѣзжаго свободнаго человѣка на таможняхъ и заставахъ".

Въ русской православной церкви была ощутительная потребность въ правилахъ, которыми должны были руководствоваться священники при исполненіи своихъ требъ и обрядовъ и въ особенности исповѣди. При долговременномъ невѣжествѣ вкрались большіе безпорядки. Священники отправляли требы какъ попало, мало заботились объ удержаніи своихъ прихожанъ въ правилахъ благочестія, и это давало свободу всякаго рода языческимъ суевѣріямъ. Захарія Копыстенскій въ 1620 году напечаталъ книгу для руководства священникамъ, гдѣ собралъ въ сокращеніи разныя правила апостольскія, вселенскихъ и помѣстныхъ соборовъ, и св. отцовъ. Книга эта называется „Номоканонъ или Законоправильникъ". Здѣсь, между прочимъ, встрѣчаются любопытныя извѣстія о разныхъ суевѣріяхъ того времени, распространенныхъ въ народѣ [1]).

Кириллъ Транквилліонъ-Ставровецкій, прежде учитель въ львовскомъ братствѣ, а потомъ черниговскій архимандритъ,

[1]) Женщины надѣвали на дѣтей своихъ и на домашнихъ животныхъ чародѣйскіе „шолки" или „конуры", съ цѣлью предохранить отъ бѣдъ и болѣзней; принимали внутрь чародѣйскія снадобья, чтобы не рождать дѣтей; надѣвали на дѣтей своихъ „усерязи" въ великій четвертокъ. Чаровницы употребляли въ своихъ заговорахъ слова изъ псалмовъ, имена мучениковъ и, написавши ихъ, давали носить на шеѣ, носили змѣю за пазухой, а потомъ, содравши съ нея кожу, прикладывали къ глазамъ и зубамъ для здравія. Другія, съ цѣлью сдѣлать какое-нибудь зло или произвести безладицу въ семьѣ (кому зло житіемъ жити или нежительно ему житіе сотворити) или продолжить болѣзнь, призывали бѣсовъ надъ гробами (бѣсовъ злотворныхъ призываніе окрестъ гробъ... сице чарованія преименовашася отъ еже надъ гробы плача и воція), поили лихимъ зельемъ или давали въ пищу такое, чтобы свести человѣка съ ума, поссорить мужа съ женою или нагнать любовную тоску. Иныя прорицали будущее, предсказывали счастіе или несчастіе, толковали счастливые и несчастливые дни рожденія. Суевѣрные зазывали къ себѣ цыганокъ и гадальщицъ; гадали на воскѣ, на оловѣ, на бобахъ. Были и такіе, которые славились тѣмъ, что разгоняли облака, зачаровывали бури, угадывали, гдѣ находится украденная вещь и т. п. Номоканонъ обличаетъ также пляски на свадьбахъ, праздникъ русалокъ, совершаемый съ плясками на улицахъ, раскладку огней, что дѣлалось въ тѣ времена не только на Купала, но и наканунѣ другихъ праздниковъ и въ особенности въ день Вознесенія, съ чѣмъ соединялось особое гаданіе о счастіи (да отъ онаго счастіе свое разсмотрятъ). Авторъ вооружается противъ тѣхъ, которые, воображая себѣ, что мертвецъ встаетъ изъ гроба и ходитъ по землѣ, выкапываютъ тѣло изъ могилы и сожигаютъ его. Онъ говоритъ, что мертвецъ не можетъ вставать изъ гроба и ходить, но что діаволъ принимаетъ образъ мертваго и пугаетъ людей мечтами. Бѣсы, по его толкованію, пугаютъ разными мечтательными призраками тѣхъ, которые неосторожно призываютъ ихъ имя.

не менѣе Копыстенскаго отличался плодовитою литературною дѣятельностью, хотя сочиненія его страдаютъ многословіемъ, риторствомъ и самовосхваленіями. Около 1619 года онъ издалъ „Евангеліе учительное" или „Слова на воскресные и праздничные дни". Книга эта въ Московскомъ Государствѣ признана была неправославною. Важнѣе для насъ другое сочиненіе Кирилла „Зерцало богословія", напечатанное въ Почаевѣ въ 1618 году. Замѣчательно, что оба сочиненія посвящены знатнымъ панамъ; первое—Чарторижскому, а второе—молодому Ермолинскому съ цѣлью служить для него учебною книгою. Эти посвященія показываютъ, какъ литераторы нуждались въ знатныхъ покровителяхъ. „Мала тебѣ сдается эта книжечка,—говоритъ авторъ въ своемъ предисловіи,—но прочитай-ка ее: увидишь высокія горы небесной премудрости"!

„Зерцало богословія" раздѣлено на три части: первая толкуетъ собственно о существѣ Божіемъ [1]); вторая заключаетъ въ себѣ космографію, третья—о злосливомъ мірѣ или вообще о злѣ. Самая любопытная для насъ вторая часть, изображающая міровоззрѣніе тогдашнихъ ученыхъ людей.

Міръ раздѣляется на видимый и невидимый. Невидимый есть міръ ангеловъ [2]). Кириллъ принимаетъ древнее раздѣленіе ангеловъ на девять чиновъ (престолы, херувимы, серафимы, господство, силы, власти, начала, архангелы и ангелы), изъ нихъ собственно только ангелы распоряжаются видимымъ міромъ и надъ ними старѣйшина архистратигъ Михаилъ (той зо всѣмъ чиномъ своимъ стражъ и справца всего видимаго міра). Одни ангелы поставлены на стражѣ стихій и воздушныхъ явленій: огня, молній, воздуха, вѣтра, мороза и пр. Другіе содержатъ и обращаютъ кругъ звѣзднаго неба (одного изъ девяти небесъ); особые ангелы приставлены къ солнцу,

[1]) Вотъ опредѣленіе Бога у Кирилла: „Богъ есть существо пресущественное, албо бытность надъ всѣ бытности, сама истотная бытность презъ ся стоящая, простая, не сложная, безъ початку, безъ конца, безъ ограниченія, величествомъ своимъ объемлетъ вся видимая и невидимая".

[2]) Вотъ опредѣленіе ангела: „ангелъ есть безтѣлесное, неосязаемое, огневидное, пламеноносное, самовластное... Крѣпостію могъ бы единъ ангелъ зъ розказанія Божія увесь свѣтъ обвалити во мгновеніе ока и борзость его дивна, духъ бо вѣмъ есть скороходный, яко быстрость блискавицы и помыслу нашего; во мгновеніе ока зъ неба на землю сниде и за ся отъ землѣ на небо взыйде, тѣломъ нѣ единымъ, неудержимымъ, но скрозѣ всякое тѣло безъ забороны приходитъ, не задержатъ его нѣ стѣны муровъ каменныхъ, нѣ двери желѣзныя, нѣ печати. Мѣстомъ же ангелы описаны суть: если будетъ ангелъ на небѣ, на землѣ его нѣсть, а если на землѣ, въ небѣ его нѣсть. Языка до мовенія и уха до слышанія не потребуетъ, и безъ голоса и зноснаго слова подаютъ единъ другому разума своя".

лунѣ, морю, иные приставлены къ земнымъ государствамъ, другіе находятся при вѣрныхъ людяхъ. Если Богъ посылаетъ ангеловъ къ людямъ, то они надѣваютъ на себя „мечтательное“ тѣло, иногда съ вооруженіемъ; но это только призракъ, потому что гдѣ бы кузнецы взяли на небесахъ металлъ ковать ангеламъ вооруженіе? Діаволы, падшіе духи, темные и отвратительные, раздѣляются на три вида: воздушные, водяные и подземные. Воздушные дѣлаютъ человѣку зло разными измѣненіями воздуха: вихрями, бурями, градомъ, заразою воздуха и пр. Земные искушаютъ людей на всякое зло, но они власти не имѣютъ не только надъ людьми, но и надъ свиньями; они только подсматриваютъ за человѣкомъ, если у человѣка обнаруживается побужденіе къ дурному, они подстрекаютъ его. Они постоянные лгуны (уставичные лгареве), и если прорицаютъ, то имъ вѣрить не слѣдуетъ. Иногда они мечтательно принимаютъ на себя видъ звѣрей и чудовищъ, чтобы пугать людей.

Видимый міръ созданъ изъ четырехъ стихій, различныхъ и занимающихъ одна за другою мѣсто по своей тяжести. Низшая и самая тяжелая—земля; выше ея вода; надъ водою воздухъ, а выше его—самая легчайшая стихія, огонь. Огонь и вода непримиримые враги, но между ними миротворецъ—воздухъ. Вода двухъ родовъ: одна—надъ твердью небесною, другая—подъ твердью на землѣ. Твердь небесная есть сухая, легкая, непроникательная матерія, сверху которой Богъ разлилъ воду для предохраненія отъ верхняго эѳирнаго огня, который бы иначе зажегъ твердь; но, чтобы не было темно на землѣ, Богъ сотворилъ на тверди солнце, луну и звѣзды и вложилъ въ нихъ части эѳирнаго свѣта. Воздухъ есть та тьма вверху бездны, о которой говорится въ Библіи: къ землѣ онъ теплѣе, согрѣваемый солнечными лучами; средина его холодна, а верхніе слои горячіе. Гроза объясняется такимъ образомъ: пары поднимаются съ моря и достигаютъ верхнихъ слоевъ горячаго воздуха; отъ того дѣлается шумъ, подобно тому, какъ раскаленное желѣзо, положенное въ воду, производитъ шумъ. Кириллъ слыхалъ, что земля кругла какъ яблоко, и не противорѣчитъ этому. Онъ думаетъ, что земля окружена водою для предохраненія отъ эѳирнаго огня. Море солоно оттого, что вода въ немъ недвижима, и если бы не была солона, то загнилась бы и засмердѣла. Въ человѣкѣ изъ пяти чувствъ—четыре соотвѣтствуютъ стихіямъ: вкусъ—землѣ, обоняніе—водѣ, слухъ—воздуху, зрѣніе—огню, а осязаніе „почувательную нѣкую особую силу имать“. Какъ въ небѣ живетъ Богъ, такъ

въ верхней части человѣческаго тѣла, въ головѣ, въ безкровномъ мозгу—умъ, важнѣйшая сила души, а при немъ другія силы: воля, память, доброта, мысль, разумъ, хитрость, мечтаніе, разсужденіе, радость, любовь. Умъ и разумъ у него не одно и то же. Умъ—сила внутренняя, а разумъ приходитъ извнѣ: „Отъ кого иного научишься и разумѣешь—то разумъ". Кириллъ старается уподобить части человѣческаго тѣла стихійнымъ явленіямъ: „во главѣ очи, яко свѣтила, гласъ, яко громъ, мгновеніе ока, яко блискавицы".

Подъ „злосливымъ" міромъ авторъ разумѣетъ жизнь злыхъ людей, не слѣдующихъ повелѣніямъ Божіимъ. Подобно міру земному, состоящему изъ четырехъ стихій, злосливый міръ состоитъ изъ четырехъ стихійныхъ пороковъ: заздрости (зависти), пыхи (высокомѣрія), лакомства (алчности), убійства. Лакомство соотвѣтствуетъ водѣ; убійство — землѣ; заздрость и пыха—воздуху и огню. Дьяволъ есть творецъ и содержитель злосливаго міра.

Мы привели эти свѣдѣнія изъ сочиненія одного изъ видныхъ литературныхъ дѣятелей того времени, чтобы показать, какъ далека была тогдашняя ученость отъ прямого пути въ области мірскихъ знаній. Русскіе ученые выступали въ борьбу съ своими врагами съ запасомъ многихъ разныхъ свѣдѣній по части церковной исторіи и богословія, но были невѣждами во всемъ, что касалось природы и ея законовъ, хотя, какъ показываютъ ихъ сочиненія, и чувствовали потребность этого знанія. Они повторяли только старыя средневѣковыя нелѣпости. Ученость ихъ, поэтому, носила характеръ крайней односторонности; съ распространеніемъ такого рода просвѣщенія развивалась страсть къ риторической схоластической болтовнѣ, къ легкому и дешевому символизму. Это мы видимъ на томъ же Кириллѣ Транквилліонѣ. Въ главѣ о Вавилонѣ Темномъ онъ разбираетъ апокалипсическіе образы и даетъ полную волю всякимъ сопоставленіямъ и объясненіямъ, которыя могъ онъ отыскать въ изобиліи на всякіе лады у прежнихъ толкователей. Вавилонъ—это громада злыхъ людей, драконъ—дьяволъ, семь роговъ—семь смертныхъ грѣховъ, воды—народы, жена сѣдящая на водахъ—„пыха свѣту сего", пятно на челѣ—измѣны и обманы, чаша кровью исполненная—за́мки будовные, палацы и гмахи (чертоги) спанялые (великолѣпные); дщерь Сіона называется виноградомъ, вежею (башнею), на которой висятъ сто тарчовъ (щитовъ): это церковь съ ея писаніями; она—гора „тучная, упитанная зъ оброковъ небесной премудрости" и проч., и проч.

Какъ распространилась тогда риторическая словоохотливость, показываетъ вошедшій обычай сочинять молитвы. Въ Вильнѣ издана была книжка „Вертоградъ душевный“, въ которой помѣщаются дневныя богослуженія, т.-е. полунощница, заутреня, часы, вечерня, павечерница, и въ нихъ вплетены пространныя, сочиненныя вновь молитвы.

Монашеское направленіе, такъ долго господствовавшее въ православной церкви въ Южной Руси, и на этотъ разъ нашло себѣ представителей: какъ на замѣчательнѣйшее въ этомъ родѣ сочиненіе мы укажемъ на „Духовную Лѣствицу“ Исаіи Копинскаго. Авторъ былъ печерскимъ монахомъ, девятнадцать лѣтъ наблюдалъ антоніевы пещеры, потомъ былъ приглашенъ княземъ Михаиломъ Вишневецкимъ для устроенія Густинскаго монастыря (близъ Прилукъ), впослѣдствіи былъ кіевскимъ митрополитомъ. Его „Духовная Лѣствица“ отлична отъ извѣстной книги „Лѣствицы“ Іоанна Лѣствичника, бывшей въ большомъ ходу у благочестивыхъ людей въ старину. Исходная точка сужденій въ сочиненіи Исаіи очень своеобразна. Авторъ признаетъ началомъ грѣха безуміе, незнаніе, началомъ добродѣтели—разумъ и знаніе, а истинное познаніе достигается только путемъ ученія и уразумѣнія природы. Онъ находитъ, что, только изучивши природу, мы можемъ приступить къ познанію самихъ себя, и только изучивши свое существо, можемъ перейти къ познаванію Бога [1]). Никогда на Руси не раздавалось изъ устъ русскаго монаха бо́льшаго уваженія къ положительной наукѣ; но послѣ этого авторъ, такъ-сказать, круто поворачиваетъ на прежнюю торную дорогу монашескихъ сочиненій. У него разумъ двоякій—внѣшній и божественный, двоякая мудрость—внѣшняя и божественная, два знанія—внѣшнихъ и божественныхъ предметовъ, и оказывается, что Бога можно познать только высшимъ и божественнымъ разумомъ. Что касается до внѣшней мудрости, то она дѣлается почти ненужною. Путь къ высшему разумѣнію есть „умное дѣланіе“, подобно тому, какъ говорилъ когда-то Нилъ Сорскій,—монашеская созерцательность, воздержаніе, постъ, со-

[1]) Никто же не можетъ познати Бога, дондеже не познаетъ первие себе, не пріидетъ же совершеннѣ въ познаніе себе, дондеже первие не придетъ въ познаніе твари и всѣхъ вещей въ мірѣ зримыхъ и разумѣваемыхъ разсмотрѣнію. Егда же пріидетъ въ познаніе сихъ, тогда возможетъ прийти въ познаніе себе, тоже и Бога, и тако приходитъ въ совершенное зъ Богомъ любовію соединеніе... Первие всея твари разсмотрѣніе отъ чего и чесого ради сія суть, во еже ни единой вещи утаенной и недоумѣнной быти отъ него... Первие подобаетъ долняя вся разумѣти, таже горняя, не бо отъ горнихъ на нижняя восходити должни есми.

крушеніе сердца. Монашество—высшій образецъ; все плотское—гной, тлѣнь, прахъ. Авторъ думаетъ, что если бы Адамъ не согрѣшилъ, то люди бы не рождались младенцами, и рождались бы не такъ, какъ теперь рождаются [1]. „Человѣкъ,—говоритъ онъ,—рождаясь отъ женщины, стремится къ соединенію съ нею, но тѣмъ самымъ умираетъ душею; такъ какъ соль, хотя рождается отъ воды, но, соединяясь съ водою вновь,—исчезаетъ; такъ и человѣкъ, хотя рождается отъ женщины, но какъ соль растаеваетъ, „когда паки къ грѣховному плотскому соплетенію лѣпится". Авторъ, хотя не можетъ отрицать брака, но предоставляетъ ето въ видѣ снисхожденія только человѣческимъ существамъ низшаго разряда, тогда какъ люди высшіе, монахи, должны предпочитать безбрачную чистоту.

Далѣе все сочиненіе состоитъ изъ бесѣдъ о томъ, какъ слѣдуетъ монаху вести строго-постную жизнь, избѣгать хвастовства, высокомѣрія, сребролюбія и другихъ пороковъ.

Умственное движеніе, возникшее въ Южной Руси, получило новый толчокъ и новую силу съ наступленіемъ дѣятельности Петра Могилы.

Фамилія Могилъ принадлежитъ къ древнимъ знатнымъ родамъ молдавскимъ. Въ концѣ XVI вѣка, при помощи польскаго гетмана Яна Замойскаго, одинъ изъ Могилъ, Іеремія, сдѣлался господаремъ молдавскимъ, а въ 1602 году братъ его Симеонъ—господаремъ валашскимъ. Въ 1609 году Симеонъ сталъ также господаремъ и Молдавіи, но не надолго. Сначала онъ уступилъ господарство племяннику своему, Константину, а потомъ турки лишили эту фамилію господарства. Напрасно польскіе паны: Стефанъ Потоцкій, князья Корецкій и Вишневецкій, родственники Могилъ по женамъ, старались возстановить ихъ на господарствѣ. Могилы должны были искать пріюта въ Польшѣ. Сынъ Симеона, Петръ, учился, какъ говорятъ, въ Парижѣ, потомъ служилъ въ военной службѣ въ Польшѣ, а въ 1625 году постригся въ Печерской лаврѣ, еще не достигши 30 лѣтъ отъ роду. Вступленіе въ монашеское званіе лица, такого знатнаго и притомъ состоявшаго въ родствѣ съ могущественными польскими домами, давало поддержку православному дѣлу. Черезъ годъ скончался печерскій архи-

[1] Прилѣпися же къ несвойственному плотскому вождел̂нію, сего ради по нуждѣ подпаде тлѣнію, и смерти нетлѣнія бо и жизни отлучися, подпаде въ сицевое плотское неразумное сочетанье, отъ совершеннаго разума и возраста преступленіямъ изведе Адамъ естество наше въ дѣтскій возрастъ безсловесное младоуміе, во еже малыми немощесмотрящими отрочаты въ міръ раждатися намъ, по нуждѣ сице раждатися и быши въ міръ осужденны быхамъ.

мандритъ Захарія Копыстенскій. Тогда возникъ вопросъ о томъ, чтобы молодому молдаванину Могилѣ сдѣлаться архимандритомъ. Его связи и богатство представляли въ будущемъ большія надежды для лавры; но не вся печерская братія готова была выбрать его. Многіе не возлюбили его; другіе соблазнялись его молодостью; но за предѣлами монастыря у Могилы было много сильныхъ сторонниковъ, желавшихъ доставить ему видное и выгодное мѣсто архимандрита печерскаго. Два года шли объ этомъ толки; противникамъ Могилы, какъ видно, не давали избрать другого; наконецъ, Могила былъ избранъ, тѣмъ болѣе, что митрополитъ Іовъ Борецкій былъ за него. Въ 1628 году Сигизмундъ III утвердилъ его. Новый архимандритъ тотчасъ же заявилъ свою дѣятельность на пользу монастыря, завелъ надзоръ надъ священнослужителями въ селахъ лаврскихъ имѣній, незнающихъ изъ нихъ приказывалъ учить, а упрямыхъ и своевольныхъ подвергалъ взысканіямъ; подновилъ церковь, не жалѣлъ издержекъ на украшеніе пещеръ, подчинилъ лаврѣ Пустынно-Николаевскій монастырь, основалъ Голосѣевскую пустынь, построилъ на свой счетъ при лаврѣ богадѣльню для нищихъ, и задумалъ заводить при Печерскомъ монастырѣ высшую школу. Разсчитывая, что для послѣдней цѣли необходимы хорошіе учители, онъ прежде всего началъ отправлять молодыхъ людей за-границу на собственный счетъ. Въ числѣ ихъ были: Сильвестръ Коссовъ, Исаія Трофимовичъ, Игнатій Оксеновичъ-Старушичъ, Тарасій Земка и Иннокентій Гизель. Для новой школы онъ избралъ мѣсто съ огородомъ и садомъ, близъ больничной Троицкой церкви, поставленной надъ печерскими воротами, и далъ отъ себя фундушевую запись, которою обязывался содержать училище на собственный счетъ.

Въ 1631 году скончался митрополитъ Іовъ Борецкій. Мѣсто его занялъ Исаія Копинскій, бывшій въ то время архіепископомъ смоленскимъ и черниговскимъ. Посланные заграницу молодые люди стали возвращаться на родину, но тутъ, записанные въ братство православные духовные, дворяне, и козацкіе старшины съ гетманомъ Петрижицкимъ, отъ лица всего войска запорожскаго, обратились къ Петру Могилѣ съ просьбою не заводить особаго училища въ братствѣ, а обратить свои пожертвованія на существовавшее уже братское училище на Подолѣ. Просьба эта была вполнѣ разумна: не слѣдовало разрывать силъ, полезнѣе было соединять ихъ. Могила согласился. Въ декабрѣ 1631 года члены братства составили актъ, въ которомъ Петръ Могила назывался старшимъ

братомъ, блюстителемъ и пожизненнымъ опекуномъ кіевскаго братства. Въ мартѣ 1632 года гетманъ Петрижицкій, отъ лица полковниковъ и всего войска запорожскаго, обѣщалъ въ случаѣ нужды защищать оружіемъ церковь, монастырь, школы и богадѣльню братства; а кіевскіе дворяне, въ лицѣ выбранныхъ изъ среды своей старостъ, обѣщали заботиться о содержаніи училища.

Въ апрѣлѣ 1632 г. скончался король Сигизмундъ III. По польскимъ обычаямъ, по смерти короля, собирался сначала сеймъ, называемый „конвокаціоннымъ", на которомъ дѣлался обзоръ предыдущаго царствованія и подавались разныя мнѣнія объ улучшеніи порядка; потомъ собирался сеймъ „элекційный" уже для избранія новаго короля. Остатки православнаго дворянства сплотились тогда около Петра Могилы, съ цѣлью истребовать законнымъ путемъ отъ Рѣчи Посполитой возвращенія правъ и безопасности православной церкви. Главными дѣйствующими лицами съ православной стороны въ это время были: Адамъ Кисель, Лаврентій Древинскій и Вороничъ. При ихъ содѣйствіи, митрополитъ Исаія и все духовенство уполномочили ѣхать на сеймъ Петра Могилу. Православные требовали уничтоженія всякихъ актовъ и привилегій, запрещавшихъ православнымъ строить церкви и допускавшихъ вести противъ нихъ процессы по религіознымъ дѣламъ съ наложеніемъ секвестраціи на ихъ имѣнія, домогались возвращенія православнымъ всѣхъ запечатанныхъ церквей, всѣхъ епархій, требовали безусловнаго права заводить коллегіи, типографіи, возвращенія отобранныхъ уніатами церковныхъ имѣній и строгаго наказанія тѣмъ, которые будутъ наносить оскорбленія и насилія православнымъ людямъ. Вмѣстѣ съ просьбою дворянъ и духовныхъ, подали на сеймъ просьбу козаки въ болѣе рѣзкихъ выраженіяхъ, чѣмъ дворяне и духовные. „Въ царствованіе покойнаго короля,—писали они,—мы терпѣли неслыханныя оскорбленія... Униты отстранили отъ городскихъ должностей добродѣтельныхъ мѣщанъ нашей вѣры и засмутили сельскій народъ; дѣти остаются некрещеными, взрослые сожительствуютъ безъ брачнаго обряда, умирающіе отходятъ на тотъ свѣтъ безъ причащенія. Пусть унія будетъ уничтожена; тогда мы со всѣмъ русскимъ народомъ будемъ полагать животъ за цѣлость любезнаго отечества. Если, сохрани Боже, и далѣе не будетъ иначе, мы должны будемъ искать другихъ мѣръ удовлетворенія". Такой рѣзкій тонъ сильно раздражилъ пановъ, которые вовсе не хотѣли давать козакамъ права вмѣшиваться въ государственныя дѣла. „Они назы-

ваютъ себя членами тѣла Рѣчи Посполитой,—говорили паны,—но они такіе члены, какъ ногти и волосы, которые обрѣзываютъ". Но голосъ православнаго шляхетства не могъ быть оставленъ безъ вниманія. При посредствѣ королевича Владислава, составленъ былъ меморіалъ, въ которомъ предполагалось отдать православнымъ кіевскую митрополію, кромѣ Софійскаго собора и Выдубицкаго монастыря и всѣхъ митрополичьихъ имѣній, предоставить имъ, сверхъ того, львовское епископство, Печерскій и Жидичевскій монастыри съ ихъ имѣніями, дать по нѣскольку церквей въ нѣкоторыхъ городахъ, дозволять братствамъ распоряжаться школами, мѣщанамъ занимать городскія должности и пр. Дальнѣйшее рѣшеніе дѣла о свободѣ православнаго исповѣданія отложено было до „элекційнаго" сейма. Но и на элекційномъ сеймѣ козацкіе послы вновь появились съ рѣзкими требованіями. По поводу этихъ домогательствъ, начались сильныя и горячія пренія о вѣрѣ между панами. Ревностные католики не хотѣли утверждать даже того меморіала, на который согласился „конвокаціонный" сеймъ. Кисель и Древинскій пространно и сильно защищали права греческой религіи. Православные не были довольны самымъ меморіаломъ и хотѣли еще болѣе широкаго. Петръ Могила былъ душою ихъ совѣщаній и, наконецъ, вмѣстѣ съ православными дворянами, онъ лично обратился къ новоизбранному королю Владиславу. Такъ какъ Польша въ это время находилась въ непріязненныхъ отношеніяхъ съ Москвою, то Владиславъ понималъ, что расположеніе козаковъ и русскаго народа было чрезвычайно важно для короля и всей Польши; да и вообще Владиславъ былъ сторонникъ свободы совѣсти. Онъ далъ православнымъ „дипломъ", которымъ предоставилъ имъ болѣе правъ и выгодъ, чѣмъ тѣ, какія были написаны въ меморіалѣ, составленномъ на конвокаціонномъ сеймѣ. Предоставлена была полная свобода переходить какъ изъ православія въ унію, такъ и изъ уніи въ православіе. Митрополитъ кіевскій могъ по прежнему посвящаться отъ константинопольскаго патріарха. Отдавалась православнымъ немедленно луцкая епархія, а перемышльскую положено отдать послѣ смерти тогдашняго уніатскаго епископа; учреждалась новая епархія во Мстиславѣ; снимались всякія запрещенія, стѣсненія; запрещалось дѣлать оскорбленія православнымъ людямъ. Православные дворяне, бывшіе на сеймѣ, тогда же порѣшили удалить отъ митрополіи Исаію Копинскаго, какъ человѣка уже престарѣлаго и болѣзненнаго, и избрали, вмѣстѣ съ бывшими тамъ духов-

ными, въ митрополиты Петра Могилу. Король утвердилъ этотъ выборъ и далъ Петру Могилѣ привилегію на преобразованіе кіевскаго братскаго училища въ коллегію. Посланный въ Константинополь ректоръ кіевскихъ школъ, Исаія Трофимовичъ, испросилъ для Петра Могилы патріаршее благословеніе, и тогда волошскій епископъ во Львовѣ рукоположилъ Петра Могилу въ митрополиты [1]).

[1]) По извѣстіямъ одного современника, православнаго, но ополяченнаго шляхтича Ерлича, Петръ Могила, прибывши въ Кіевъ въ 1633 г., обращался грубо и жестоко съ своимъ предмѣстникомъ Исаіею Копинскимъ: дряхлаго и хвораго старика схватили въ Златоверхо-Михайловскомъ монастырѣ въ одной волосяницѣ, положили на лошадь, словно мѣшокъ, и отправили въ Печерскій монастырь, гдѣ онъ скоро и скончался въ нуждѣ. По извѣстію того же Ерлича, Петръ Могила былъ человѣкъ жадный и жестокій, истязалъ бичами монаховъ Михайловскаго монастыря, допытываясь, гдѣ у нихъ спрятаны деньги; одного печерскаго монаха Никодима обвинилъ въ наклонности къ уніи и отослалъ къ козакамъ, которые приковали его къ пушкѣ и продержали такимъ образомъ шестнадцать недѣль. Эти извѣстія не могутъ быть признаны вполнѣ достовѣрными. Въ 1635 году въ городскомъ овруцкомъ судѣ происходилъ процессъ между иноками Михайловскаго-Златоверхаго монастыря и Исаіею Копинскимъ. Иноки жаловались, что Исаія Копинскій въ 1631 году, опираясь на то, будто всѣ монахи Михайловскаго монастыря избрали его игуменомъ, выгналъ, при содѣйствіи козацкаго гетмана Гарбузы, игумена Филоѳея Кизаревича и оставался въ монастырѣ до 10 августа 1635 года, а въ этотъ день, уѣхавши изъ монастыря, взялъ съ собою документы на монастырскія имѣнія и захватилъ также разныя вещи изъ ризницы. Это показаніе противорѣчитъ извѣстію Ерлича, относящаго выходъ Исаіи Копинскаго изъ Михайловскаго монастыря къ 1633 году, такъ какъ изъ показанія монаховъ видно, что Исаія оставался въ Михайловскомъ монастырѣ гораздо долѣе 1633 года. Существуетъ протестація самого Исаіи Копинскаго, который показываетъ, будто онъ уѣхалъ изъ монастыря потому, что Могила притѣснялъ монастырь, дѣлалъ разореніе монастырскимъ мѣстностямъ, и послѣ удаленія его, Исаіи, неправильно отдалъ монастырь во власть Филоѳея Кизаревича, окрестивши его игуменомъ. Но протестація Исаіи заключаетъ въ себѣ невѣрность. Не Могила, послѣ удаленія Исаіи изъ Михайловскаго монастыря, окрестилъ игуменомъ этого монастыря Филоѳея Кизаревича. Кизаревичъ былъ избранъ михайловскимъ игуменомъ еще прежде, чѣмъ Исаія овладѣлъ монастыремъ въ 1631 году. Это несомнѣнно изъ актовъ того времени, на которыхъ Кизаревичъ подписывался игуменомъ Михайловскаго монастыря. Оказывается, что въ самомъ монастырѣ было двѣ партіи, изъ которыхъ одна хотѣла дать игуменство Кизаревичу, другая—Копинскому, и Могила, какъ кажется, благопріятствовалъ первому. Послѣ протестаціи, поданной Исаіею, Могила въ февралѣ 1637 года пригласилъ Исаію въ Луцкъ и тамъ, въ присутствіи многочисленнаго духовенства, примирился съ нимъ. Исаія далъ Петру Могилѣ „квитъ", т.-е. отказался отъ своего иска. Но вслѣдъ затѣмъ, Исаія, черезъ своего повѣреннаго, возобновилъ свой искъ, заявивши, что Петръ Могила насиліемъ принудилъ дать ему квитъ. Жалоба дошла до короля. Исаія внесъ въ градскія владимирскія книги королевское письмо къ волынскому воеводѣ о назначеніи коммиссіи для разбирательства спора между Петромъ Могилою и Исаіею. Изъ этого письма видно, что къ королю поступила жалоба, будто Петръ Могила не только ограбилъ церковное и частное достояніе Копинскаго, но и самого Исаію билъ до крови и подвергалъ тяжелому заключенію. Такъ какъ производство дѣла этой коммиссіи до насъ не дошло, то и нѣтъ возможности для исторіи произне-

Назначеніе Петра Могилы митрополитомъ въ Кіевѣ произвело чрезвычайный восторгъ. Ученики братскаго училища сочиняли ему гимны и панегирики. „Если бы ты вздумалъ— говорилось въ привѣтствіи ему —отправиться отъ Кіева до Вильно и до предѣловъ русскихъ и литовскихъ, съ какою радостью встрѣтили бы тебя тѣ, которыми наполнены суды, темницы и подземелья за непорочную вѣру восточную!“. Типографщики поднесли напечатанную ими стихотворную брошюру подъ названіемъ „Евфонія веселобремячая“, а кіевскіе мѣщане, за-одно съ козаками и православными духовными, въ порывѣ восторга, бросились отнимать у уніатовъ древнюю святыню русскую—Софійскій соборъ. Уніатскій митрополитъ Іосифъ Вильяминъ Руцкій жилъ не въ Кіевѣ а въ Вильнѣ. Софійскій соборъ стоялъ пустой; богослуженіе въ немъ не отправлялось, а ключи находились у шляхтича Корсака. Мѣсто, гдѣ находится Софійскій соборъ, было тогда за городомъ и отдѣлялось отъ жилой части Стараго города валомъ. Близъ него расположена была небольшая софійская слободка. Тамъ жилъ Корсакъ, стражъ покинутаго храма. Кіевляне, подъ предводительствомъ Баляски, Веремiенка и слесаря Быковца, толпою въ пятьсотъ человѣкъ бросились на домъ Корсака. Панъ былъ въ отлучкѣ; въ домѣ оставалась его мать, у которой были въ то время гости. Кіевляне потребовали ключей отъ собора. Пани Корсакова не дала ключей. Тогда кіевляне объявили, что сами найдутъ ключи, бросились къ собору, отбили колодки, которыми запирался соборъ, выломали двери, отколотили тѣхъ, которые хотѣли помѣшать имъ, забрали ризницу и утварь и отвезли въ лавру къ митрополиту. Затѣмъ, толпа вновь вернулась въ домъ Корсака и начала выгонять изъ дому пани Корсакóву и ея родныхъ, сидѣвшихъ съ доминиканами, которыхъ она нарочно позвала, чтобъ они впослѣдствіи на судѣ могли быть свидѣтелями. Толпа ругала пани Корсакóву, прицѣливалась ружьями въ форточку окна и кричала: „выволо-

сти приговоръ по этому дѣлу. У Ерлича встрѣчается еще одно извѣстіе о Могилѣ, также несправедливое. Ерличъ говоритъ, будто Могила, желая завести школу въ Печерскомъ монастырѣ, выгналъ монаховъ Троицкаго больничнаго монастыря, чтобы отдать подъ школу занимаемое ими мѣсто. Изъ актовъ же того времени видно что Могила, будучи еще архимандритомъ, назначилъ подъ предполагаемую школу мѣсто съ садомъ и огородомъ по одну сторону главныхъ воротъ, на которыхъ находилась больничная церковь, между тѣмъ, какъ госпиталь съ больничными монахами находился на другой сторонѣ отъ воротъ. Такимъ образомъ, не было никакой необходимости Могилѣ выгонять монаховъ для постройки школы. Притомъ же, самъ Могила заботился о госпиталѣ и содержалъ его на свой счетъ.

чемо ее на дворъ и розстреляймо!“. На другой день кіевляне вывели пани Корсаковy и ея родныхъ изъ дому и обязали слобожанъ повиноваться православному митрополиту. Вмѣстѣ съ церковью св. Софіи, кіевляне тогда же овладѣли деревянною церковью св. Николая, на мѣстѣ Десятинной, и древними стѣнами церкви св. Василія, построенной св. Владиміромъ на Перуновомъ холмѣ.

Первымъ дѣломъ митрополита было привести церковь св. Софіи въ благолѣпный видъ и освятить ее для богослуженія; онъ называлъ ее „единственнымъ украшеніемъ православнаго народа, главою и матерью всѣхъ церквей“. Петръ Могила старался возстановить древнюю святыню Кіева и вмѣстѣ съ тѣмъ оживить въ народѣ воспоминаніе древности. Такимъ образомъ, онъ возобновилъ церковь св. Василія; изъ развалинъ Десятинной церкви состроилъ новую каменную церковь, причемъ, во время производства работъ, нашелъ въ землѣ гробъ св. Владимира и поставилъ голову его въ Печерскомъ монастырѣ для поклоненія, возобновилъ также древнюю церковь Спаса на Берестовѣ. Съ особенною любовью относился онъ къ Софійскому собору [1]), хотя жилъ постоянно въ Печерской лаврѣ, оставаясь ея архимандритомъ.

Петръ Могила обратилъ вниманіе на то, что въ церковныхъ богослужебныхъ книгахъ, бывшихъ въ употребленіи въ Южной и Западной Руси, вкрались неправильности и разнорѣчія. Онѣ были въ то время тѣмъ неумѣстнѣе, что противники православія указывали на это обстоятельство, какъ на слабую сторону, и утверждали, что въ православномъ богослуженіи нѣтъ единообразія: въ одной книгѣ попадаются объ одномъ и томъ же предметѣ совсѣмъ иныя выраженія, чѣмъ въ другой, и каждый священникъ можетъ употреблять тотъ

1) Ему приписываютъ сооруженіе пристроекъ къ Ярославовой стѣнѣ, укрѣпленіе ихъ контрфорсами, закладку куполовъ на хорахъ, сооруженіе надъ ними другихъ куполовъ на кровлѣ и даже размалевку стѣнъ, которою закрыты были старыя Ярославовы фрески. Но съ этимъ нельзя согласиться. Архитектура пристроекъ, и особенно двухглавые орлы, указываютъ на болѣе позднее время. Сверхъ того существуютъ рисунки, оставленные послѣ Могилы, на которыхъ Софійскій соборъ не въ томъ видѣ, въ какомъ теперь. Въ „Тріоди“, изданной во Львовѣ, въ 1642 году, въ посвященіи Петру Могилѣ говорится о возобновленіи св. Софіи въ такомъ видѣ; „церковь св. Софіи въ богоспасаемомъ градѣ Кіевѣ негдысь отъ святыя памяти княжати и самодержца всея Россіи Ярослава сбудованую и на прикладъ всему свѣту выставленную, преосвященство ваше въ руинахъ уже будучую знову реставровалъ и до першей оздобы коштомъ своимъ старанемъ своимъ привелъ, а до того и внутрь розмаитыми иконами святыхъ божіихъ и апаратами церковными дивно пріоздобилъ“.

или другой способъ. Этимъ противники силились доказать, что церковь, не имѣя единаго главы, не въ силахъ удержать правильности въ своихъ богослужебныхъ книгахъ, а тѣмъ самымъ указывали на необходимость подчиненія единому главѣ въ образѣ папы. Могила постановилъ, чтобы впередъ богослужебныя книги не выходили въ печать безъ пересмотра и сличенія съ греческими подлинниками и безъ его благословенія; самъ онъ лично трудился надъ ихъ пересмотромъ. Въ 1629 году Петръ Могила издалъ „Служебникъ", одобренный на кіевскомъ соборѣ митрополитомъ Іовомъ Борецкимъ и южнорусскими епископами. Этотъ „Служебникъ" отличался отъ прежнихъ тѣмъ, что въ немъ приложено догматическое и обрядовое объясненіе литургіи, написанное однимъ изъ учениковъ Могилы, Тарасіемъ Земкою. Такимъ образомъ, русскіе священнослужители получили впервые единообразное руководство для совершенія литургіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ могли понимать то, что совершали. Черезъ десять лѣтъ, въ 1639 году, Могила, уже будучи митрополитомъ, издалъ вторымъ изданіемъ свой „Служебникъ", значительно умноженный ектеніями и молитвами, сочиненными на разные случаи жизни.

Приведеніе въ единообразіе православнаго богослуженія, надлежащее отправленіе священниками ихъ обязанностей и улучшеніе ихъ нравственности, сильно и постоянно занимали Петра Могилу. Съ этими цѣлями въ 1640 году Могила назначилъ соборъ въ Кіевѣ и на этотъ соборъ приглашалъ не только духовныхъ, но и свѣтскихъ особъ, записанныхъ въ братствахъ; по его взгляду на составъ церкви, свѣтскіе люди, будучи членами церкви, какъ христіанскаго общества, имѣли право подавать свой голосъ въ церковныхъ дѣлахъ. „Наша церковь,—писалъ Могила въ своемъ окружномъ посланіи,—оставаясь ненарушимою въ догматахъ вѣры, сильно искажена въ томъ, что касается обычаевъ, молитвъ и благочестиваго житія. Многіе православные, отъ частаго посѣщенія богослуженія иновѣрцевъ и слушанія ихъ поученій, заразились ересью, такъ что трудно распознать: истинно ли они православные или однимъ только именемъ? Другіе же, не только свѣтскіе, но и духовные, прямо покинули православіе и перешли къ разнымъ богомерзкимъ сектамъ. Духовный и монашескій санъ пришелъ въ нестроеніе; нерадивые настоятели не заботятся о порядкѣ и совсѣмъ уклонились отъ примѣра древнихъ отцовъ церкви. Въ братствахъ отвергнута ревность и нравы предковъ; каждый дѣлаетъ, что хочетъ". Могила заявлялъ, что онъ желаетъ возвратить русскую цер-

ковь къ древнему благочестію, и находилъ, что цѣль эта можетъ быть достигнута посредствомъ собора духовныхъ и свѣтскихъ людей. Дѣянія этого собора не дошли до насъ, но, вѣроятно, плодомъ его совѣщаній явилось новое изданіе „Требника“ въ 1646 году. Этотъ „Евхологіонъ“ или „Требникъ“— подробнѣйшій сборникъ богослуженій, относящихся къ священнымъ требамъ, и долгое время служившій руководствомъ во всей Россіи, извѣстенъ подъ именемъ „Требника Петра Могилы“ [1]). При составленіи его руководствовались требниками греческими, древнеславянскими, великорусскими и, отчасти, римскими. Могила, защищая православіе отъ католичества, не стѣснялся, однако, заимствовать изъ западной церкви то, что не противно было духу православія и согласовалось съ практикою первобытной церкви [2]). Въ своемъ „Требникѣ“ Могила не ограничился однимъ изложеніемъ молитвъ и обрядовъ, а прибавилъ къ нему объясненія и наставленія, какъ поступать въ отдѣльныхъ случаяхъ, такъ что этотъ требникъ не только служилъ руководствомъ для машинальнаго отправленія требъ, но имѣлъ значеніе научной книги для духовенства. Тѣмъ не менѣе, къ досадѣ Могилы, не всѣ довольствовались этимъ одноообразнымъ руководствомъ, и, помимо его, издавались другіе требники частными лицами. Пока образовалось новое поколѣніе пастырей изъ преобразованной Могилою коллегіи, онъ обращалъ вниманіе, чтобы ставленники, по крайней мѣрѣ, не были круглыми невѣждами, и постановилъ, чтобы искатели священническихъ мѣстъ, до своего посвященія, оставались нѣкоторое время въ Кіевѣ и учились у свѣдущихъ лицъ. Подготовка эта продолжалась иногда и до года. Самъ Могила экзаменовалъ ихъ и содержалъ во время обученія на свой счетъ. Могила вскорѣ увидѣлъ необ-

[1]) „Читая эту книгу,—говоритъ въ предисловіи къ ней Могила,—легко понять, что способъ совершенія св. Таинъ остается у насъ единообразнымъ; стоитъ только сличить нашъ „Евхологіонъ“ съ греческимъ. Если въ требникахъ, изданныхъ въ Острогѣ, Львовѣ, Стрятинѣ, Вильнѣ есть какія-нибудь описки и погрѣшности, то такія, которыя не отмѣняютъ ни числа, ни матеріи, ни формы, ни силы, ни скутковъ (послѣдствій) св. Таинствъ; притомъ, отмѣны произошли отъ простоты и неразсудительности исправителей; при всеобщемъ невѣжествѣ и при небытности православныхъ пастырей, издатели смотрѣли не на сущность матеріи или формы, а на одни существовавшіе обычаи. И потому иное нужное опустили, а ненужное внесли“.

[2]) Отъ временъ Могилы остались до сихъ поръ въ Малороссіи немногія мѣстныя отличія въ богослуженіи, не принятыя въ Великой Руси, такъ, напр., заимствованныя изъ западной церкви „Пассіи“,—чтенія Евангелій о страданіяхъ Іисуса Христа съ пѣніемъ страстныхъ церковныхъ стиховъ на повечеріи по пятницамъ, въ первыя четыре недѣли Великаго поста, причемъ говорятся иногда и проповѣди.

ходимость составить полную систему православнаго вѣроученія и подъ своимъ руководствомъ приказалъ составить ученому Исаіи Трофимовичу православный катехизисъ. По составленіи его, Могила созвалъ свѣдущихъ духовныхъ лицъ изъ всей южной и западной Руси, далъ имъ на разсмотрѣніе новую книгу, а потомъ снесся съ патріархами. Съ цѣлью окончательно разсмотрѣть и утвердить катехизисъ, созванъ былъ въ Яссахъ ученый соборъ въ 1643 году, куда Могила послалъ Трофимовича вмѣстѣ съ братскимъ игуменомъ Іосифомъ Кононовичемъ и проповѣдникомъ Игнатіемъ Старушичемъ. Со стороны константинопольскаго патріарха послано было два ученыхъ грека. Греки долго спорили съ русскими, истребовали отмѣны кое-какихъ мѣстъ и, наконецъ, утвердили катехизисъ, затѣмъ книга была отправлена на утвержденіе всѣхъ патріарховъ; она хотя и была утверждена, но слишкомъ долго разсматривалась, и Могила не успѣлъ ее напечатать [1]). Вмѣсто нея Могила приказалъ напечатать въ 1645 году краткій катехизисъ. Цѣль его выражена въ предисловіи, гдѣ говорится: „книга эта публикуется не только для того, чтобы священники въ своихъ приходахъ каждый день, въ особенности въ воскресные и праздничные дни, читали и объясняли его своимъ прихожанамъ; но также, чтобы мірскіе люди, умѣющіе читать, преподавали одинаковымъ способомъ христіанское ученіе, преимущественно, чтобы родители учили по ней своихъ дѣтей, а владѣльцы—подвластныхъ себѣ людей, а также, чтобы въ школахъ всѣ учители заставляли своихъ учениковъ учить наизустъ по этой книжечкѣ“. Катехизисъ этотъ, по способу своего изложенія, послужилъ первообразомъ всѣхъ катехизисовъ послѣдующаго времени. Онъ изложенъ въ вопросахъ и отвѣтахъ и состоитъ изъ трехъ частей: въ первой разсматривается символъ вѣры по членамъ, во второй—молитва Господня, въ третьей—заповѣди.

Могила, какъ человѣкъ ученый, принялъ дѣятельное участіе въ тогдашней горячей полемикѣ, происходившей между православными и католиками. Нѣкто Кассіанъ Саковичъ, прежде православный учитель кіевской школы и написавшій вирши по-русски на смерть Сагайдачнаго, отступилъ отъ православія сначала въ унію, а потомъ въ католичество и сдѣлался не-

[1]) Ей суждено было уже по смерти Могилы быть напечатанной въ Европѣ. сперва на греческомъ, а потомъ на латинскомъ языкѣ, заслужить уваженіе ученыхъ богослововъ, а на славянскомъ языкѣ явиться уже въ 1696 году въ Москвѣ и то въ переводѣ съ голландскаго изданія на греческомъ языкѣ 1662 года.

навистникомъ отцовской вѣры. Когда Могила въ 1642 году собиралъ соборъ, Саковичъ написалъ противъ этого собора по-польски ѣдкую сатиру, а вслѣдъ затѣмъ, разразился обширнымъ сочиненіемъ на польскомъ же языкѣ, подъ названіемъ „Перспектива заблужденій, ересей и предразсудковъ русской церкви". Саковичъ въ этомъ сочиненіи держится способа, введеннаго іезуитами и долгое время сохранявшагося въ Польшѣ во всѣхъ спорахъ и нападкахъ католиковъ на русскую церковь. Способъ этотъ состоялъ въ томъ, что подмѣчались и собирались случаи всевозможнѣйшихъ злоупотребленій, зависѣвшихъ какъ отъ невѣжества, такъ и отъ дурныхъ качествъ тѣхъ или другихъ личностей, занимавшихъ священническія мѣста, и такіе случаи принимались какъ бы за нормальные признаки, присущіе православной церкви. Все сочиненіе Саковича наполнено подобнаго рода обличеніями. Кромѣ того, Саковичъ, какъ ревностный послѣдователь римской церкви, старается осуждать все, что въ православіи несходно съ нею. Въ отвѣтъ на это Могила написалъ обширное сочиненіе, явившееся въ 1644 году подъ названіемъ; „Λίθος (Лиѳосъ) альбо камень". Сочиненіе Могилы, подъ псевдонимомъ Евсевія Пимена (т.-е. благочестиваго пастыря), было написано по-польски, такъ какъ главною цѣлью автора было представить въ глазахъ поляковъ несправедливость нападокъ ихъ духовныхъ противъ православія; но въ то же время существовала и его русская редакція, до сихъ поръ остающаяся въ рукописи [1]). Лиѳосъ, кромѣ посвященія Максимиліану Бржозовскому и предисловія къ читателямъ, состоитъ изъ трехъ отдѣловъ: въ первомъ разсуждается о таинствахъ и обрядахъ; во второмъ—о церковномъ уставѣ; въ третьемъ—о двухъ главнѣйшихъ догматическихъ различіяхъ восточной церкви отъ западной: объ исхожденіи св. Духа и о главенствѣ папы. Авторъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ относится съ бранью и рѣзкими остротами къ своему противнику, называетъ его прямо лжецомъ; или, напр., по поводу желанія Саковича ввести въ русскую церковь латинскіе обряды, выражается такъ: „Неудивительно, что тебѣ, новообра-

[1]) Полное заглавіе ея слѣдующее: „Λίθος или камень съ пращы истинны Церкве святыя, православныя россійскія, на сокрушеніе ложнопомраченной перспективы или безмѣстнаго оболганія, отъ Кассіана Саковича, бывшаго прежде нѣкогда архимандрита Дубенскаго, унита, аки о блужденіяхъ, ересѣхъ и самоумышленіихъ Церкви Русскія, въ Уніи не сущія, тако въ составленіихъ вѣры, якоже въ служеніи таинъ и о иныхъ чинѣхъ и законопреданіихъ обрѣтающихся, лѣто Божія 1642 въ Краковѣ типомъ изданнаго, верженный чрезъ смиреннаго отца Евсевія Пимина въ монастырѣ св. чудотворныя Лавры Печарокіевскія, лѣта Господня 1644."

щенному рачителю римскаго костела, хочется весь римскій чинъ перенести въ восточную церковь! Какъ самъ ты съ однимъ ухомъ, такъ хочешь, чтобы всѣ люди были одноухіе и порѣзали бы себѣ уши!“ Но съ совершеннымъ безпристрастіемъ авторъ Лиѳоса признаетъ справедливость многихъ злоупотребленій, указанныхъ его противникомъ; только онъ объясняетъ ихъ печальнымъ положеніемъ церкви, не имѣвшей долгое время пастырей и умышленно угнетаемой уніею, а также невѣжествомъ и рабскимъ положеніемъ приходскихъ священниковъ подъ властью пановъ. Саковичъ, напримѣръ, обвиняетъ православныхъ священниковъ въ томъ, что они совершали насильные и противозаконные браки. На это авторъ Лиѳоса говоритъ: „это бываетъ; но что же дѣлать священнику, когда панъ ему говоритъ, или обручай, попъ, или голову подставляй; по неволѣ попъ будетъ все дѣлать, когда господинъ города, либо села, или управляющій господина, начнетъ устрашать бѣднаго священника дубиною, а иногда прикажетъ бросить въ тюрьму“. Многіе нападки Саковича Могила называетъ ложью и клеветою и прямо свидѣтельствуетъ, что приводимыхъ Саковичемъ признаковъ нѣтъ и не было въ православной церкви. Вообще во взглядѣ на значеніе обрядовъ Могила отличаетъ существенные главные признаки отъ прибавочныхъ. Существенными онъ называетъ тѣ, которые, при всякихъ видоизмѣненіяхъ, должны оставаться непоколебимо; они, по толкованіямъ Могилы, заключаются: а) въ матеріи, б) въ формѣ или словѣ, и в) въ интенціи (намѣреніи) совершающаго священнодѣйствіе. Такимъ обрprincipal образомъ, въ таинствѣ крещенія вода составляетъ матерію; произнесеніе словъ: „крещается во имя Отца, Сына и Св. Духа“—форму; наконецъ, внутреннее намѣреніе или желаніе совершающаго таинство низвести благодать Св. Духа—интенцію. Точно также въ литургіи существенную часть ея составляютъ, кромѣ внутренняго *намѣренія* священнослужителя: *матерія*, т.-е. хлѣбъ и вино, и форма, т.-е. освящающія ее слова Спасителя: „пріимите, ядите и пійте отъ нея вси“. Весь чинъ богослуженія, въ который облечены или заключены существенные признаки, можетъ видоизмѣняться въ разныхъ церквахъ. Смотря по мѣстностямъ, древнимъ обычаямъ и преданіямъ, могутъ существовать различные обряды,—но это не мѣшаетъ вселенскому единству христовой церкви, если только при этомъ нѣтъ уклоненія отъ признаваемой церковью догматики. Такимъ образомъ, къ римскому обрядному чину слѣдуетъ относиться съ равнымъ уваженіемъ, какъ и къ восточному, несмотря на его

различіе, насколько этотъ чинъ не уклоняется отъ ученія вселенской церкви. Обряды могутъ въ одной и въ той же церкви, смотря по временнымъ потребностямъ, измѣняться, дополняться и сокращаться, но не иначе какъ на основаніи соборовъ. Каждый изъ священниковъ въ отдѣльности долженъ строго исполнять все постановленное принятыми въ данное время богослужебными книгами. Таковъ былъ взлядъ знаменитаго митрополита на весь строй внѣшняго богослуженія; онъ относится непримиримо къ римской церкви, но никакъ не по причинѣ различія богослужебнаго чина, а за ея догматическія заблужденія, изъ которыхъ признаніе абсолютнаго главы, въ особѣ римскаго папы, занимаетъ первое мѣсто. Замѣчательно, что противникъ Могилы, Саковичъ, между прочимъ, ставитъ въ упрекъ православной русской церкви и то, что она лишена „великородныхъ господъ“. Могила говоритъ: „Православные роксоляны (т.-е. русскіе), увѣровавши въ Христа Господа, не сомнѣваются въ томъ, что Христосъ, какъ мысленный глава, управляетъ восточною церковью по своему обѣщанію: „се азъ съ вами до скончанія вѣка“. Русь имѣетъ всесильное предстательство своего благочестія въ лицѣ Христа Господа, правящаго сердцами великихъ государей. Такъ и въ псалмѣ 145 псалмопѣвецъ написалъ: „не надѣйтесь на князей, сыновъ человѣческихъ“. А что у Руси нѣтъ великородныхъ господъ, то что въ этомъ дурнаго! Вѣдь и первоначальная церковь начала созидаться не великородными господами, а убогими рыбарями, однако, Богъ черезъ нихъ преклонилъ къ вѣрѣ во Христа, и монарховъ, и великородныхъ властителей. Души самыхъ незнатныхъ правовѣрныхъ христіанъ также искуплены многоцѣнною кровью Христовою, какъ и души великородныхъ властителей, а потому и тѣ, и другіе должны быть равноцѣнны“. Наконецъ, авторъ Лиѳоса совсѣмъ не врагъ соединенія съ римскою церковью: „Восточная церковь,—говоритъ онъ Саковичу,—всегда проситъ Бога о соединеніи церквей, но не о такомъ соединеніи, какова нынѣшняя унія, которая гонитъ людей къ соединенію дубинами, тюрьмами, несправедливыми процессами и всякаго рода насиліями. Такая унія производитъ не соединеніе, а раздѣленіе“... Появленіе Лиѳоса вызвало въ польской литературѣ рядъ полемическихъ сочиненій, въ которыхъ авторы почти уже не касались вопроса объ обрядности, а главнымъ образомъ доказывали правильность признанія папы главою церкви. Изъ нихъ іезуитъ Рутка, давая произвольный смыслъ разнымъ выраженіямъ Лиѳоса, дѣлалъ выводы, что авторъ

его принадлежитъ скорѣе къ какой нибудь протестантской, чѣмъ къ восточной церкви.

Болѣе всего Могила сосредоточилъ свою дѣятельность на кіевской коллегіи. Тотчасъ по вступленіи своемъ въ санъ митрополита, Могила преобразовалъ кіевскую братскую школу въ коллегію, основалъ другую школу въ Винницѣ, завелъ при кіевскомъ братствѣ монастырь и типографію и подчинилъ ихъ кіевскому митрополиту. Это было нарушеніемъ прежняго распоряженія патріарха Ѳеофана, по которому кіевское братство съ Богоявленскою церковью подчинялось одному патріарху; но это нарушеніе оправдывалось сдѣланными перемѣнами: основаніемъ монастыря и преобразованіемъ школы въ коллегію, наконецъ и тѣмъ, что коллегія и монастырь содержались, главнымъ образомъ, иждивеніемъ Петра Могилы. Самый монастырь учрежденъ былъ совсѣмъ на особыхъ основаніяхъ, чѣмъ другіе монастыри; онъ имѣлъ тѣсную связь съ коллегіей; въ немъ помѣщались только тѣ монахи, которые были наставниками: всѣ они взяты были изъ Печерской лавры. На содержаніе братской коллегіи и монастыря Могила приписалъ двѣ лаврскихъ волости, подарилъ коллегіи собственное свое село Позняковку и, кромѣ того, постоянно давалъ денежныя пособія на постройки и на вспомоществованіе учителямъ и ученикамъ. По его примѣру и убѣжденію, записанная въ братство шляхта помогала коллегіи разными пожертвованіями и ежегодно выбирала старостъ изъ своей среды для надзора и содѣйствія ея содержанію; коллегія устроена была по образцу высшихъ тогдашнихъ училищъ въ Европѣ и особенно въ Краковѣ. Цѣль кіевской коллегіи была преимущественно религіозная: нужно было образовать поколѣніе ученыхъ и свѣдущихъ духовныхъ лицъ, а равнымъ образомъ, и свѣтскихъ людей, которые бы могли сознательно видѣть правоту восточной церкви и, по своему образованію, стать въ уровень съ тѣми, противъ которыхъ пришлось бы имъ защищать права своей церкви путемъ закона и разсужденія. Но въ Польшѣ, какъ мы указывали, вопросы вѣры тѣсно связались съ вопросами національности; понятіе о католикѣ сливалось съ понятіемъ о полякѣ, какъ, съ другой стороны, понятіе о православномъ—съ понятіемъ о русскомъ; и потому задачею коллегіи неизбѣжно стала поддержка и возрожденіе русской народности. Идеаломъ Могилы былъ такой русскій человѣкъ, который, крѣпко сохраняя и свою вѣру, и свой языкъ, въ то же время, по степени образованія и по своимъ духовнымъ средствамъ, стоялъ бы въ уровень съ поляками,

съ которыми судьба связала его въ государственномъ отношеніи. Къ этому идеалу направлялись и способы воспитанія, и обученія, принятые Могилою. Кіевская коллегія находилась подъ управленіемъ ректора, который былъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, игуменомъ Братскаго монастыря, распоряжался монастырскими и училищными доходами, творилъ судъ и расправу и, въ то же время, былъ профессоромъ богословія. Его помощникомъ былъ префектъ, одинъ изъ іеромонаховъ, занимавшій должность, подобную должности нынѣшняго инспектора. Кромѣ двухъ этихъ начальствующихъ лицъ, выбирался на извѣстный срокъ супер-интендентъ, имѣвшій ближайшій надзоръ за поведеніемъ воспитанниковъ. Подъ наблюденіемъ послѣдняго, между самими воспитанниками устроивалась внутренняя полиція; нѣкоторые болѣе благонравные ученики обязаны были смотрѣть за своими товарищами и доносить супер-интенденту. Часть учениковъ жила на содержаніи коллегіи въ ея домѣ, называемомъ бурсою; вся эта бурса въ то время содержалась на счетъ Петра Могилы: то были недостаточные ученики; другіе жили внѣ зданія и приходили въ коллегію для ученія, но и они, живя въ своихъ квартирахъ, состояли подъ надзоромъ коллегіальнаго начальства. Тѣлесное наказаніе считалось необходимымъ. Расправа производилась, главнымъ образомъ, по субботамъ.

Въ учебномъ отношеніи кіевская коллегія раздѣлялась на двѣ конгрегаціи: высшую и низшую. Низшая, въ свою очередь, подраздѣлялась на шесть классовъ: фара или аналогія, гдѣ обучали одновременно чтенію и письму на трехъ языкахъ: словянскомъ, латинскомъ и греческомъ; инфима — классъ первоначальныхъ свѣдѣній; за нею классъ грамматики и классъ синтаксимы: въ обоихъ этихъ классахъ шло изученіе грамматическихъ правилъ трехъ языковъ—словянскаго, латинскаго и греческаго, объяснялись и переводились разныя сочиненія, производились практическія упражненія въ языкахъ, преподавались катехизисъ, ариѳметика, музыка и нотное пѣніе. Далѣе, слѣдовалъ классъ поэзіи, гдѣ, главнымъ образомъ, преподавалась піитика и писались всевозможныя упражненія въ стиходѣйствіи, какъ русскомъ, такъ и латинскомъ. За піитикой слѣдовалъ классъ риторики, гдѣ ученики упражнялись въ сочиненіи рѣчей и разсужденій на разные предметы, руководствуясь особенно Квинтиліаномъ и Цицерономъ. Высшая конгрегація имѣла два класса: первый былъ классъ философіи, которая преподавалась по Аристотелю, приспособленному къ преподаванію въ западныхъ латинскихъ руководствахъ и

раздѣлялась на три части: логику, физику (теоретическое разсужденіе о явленіяхъ природы) и метафизику; въ этомъ же классѣ преподавались геометрія и астрономія. Другой, самый высшій, былъ классъ богословія; богословіе преподавалось, главнымъ обрязомъ, по системѣ Ѳомы Аквината; въ томъ же классѣ преподавалась гомилетика, и ученики упражнялись въ писаніи проповѣдей. Преподаваніе всѣхъ наукъ, исключая словянской грамматики и православнаго катехизиса, шло на латинскомъ языкѣ. Учениковъ заставляли не только писать, но и постоянно говорить на этомъ языкѣ, даже внѣ коллегіи: на улицѣ и дома. Съ этою цѣлью для учениковъ низшей конгрегаціи изобрѣтены были длинные листы, вложенные въ футляръ. Сказавшему что-нибудь не по-латинѣ давался этотъ листъ и на немъ вписывалось имя провинившагося; ученикъ носилъ этотъ листъ до тѣхъ поръ, пока не имѣлъ возможности навязать его кому-нибудь другому, проговорившемуся не по-латинѣ; а у кого этотъ листъ оставался на ночь, тотъ подвергался поркѣ. Предпочтеніе, оказываемое латинскому языку, скоро послѣ основанія коллегіи, навлекло было на нее опасную бурю. Распространился между православными слухъ, что коллегія неправославна, что наставники ея, воспитанные за-границею, заражены ересью, что въ ней преподаютъ науки по иновѣрческимъ руководствамъ, учатъ болѣе всего на латинскомъ языкѣ, языкѣ иновѣрческомъ, дѣлаютъ это для того, чтобы совратить юношество съ пути отеческой вѣры! Подобные толки легко усвоивались толпою. Русскіе привыкли къ той мысли, что на латинскомъ языкѣ совершаютъ богослуженіе и говорятъ враги ихъ вѣры, ксендзы, и потому считали самое обученіе этому языку неправославнымъ дѣломъ. У Могилы не было недостатка въ недоброжелателяхъ: таковы были неученые и недостойные своего сана попы, которыхъ онъ удалилъ отъ мѣстъ въ значительномъ количествѣ. Кромѣ того, недоброжелательствовали ему всѣ сторонники Исаіи Копинскаго и послѣдній, какъ видно, самъ говорилъ о неправославіи смѣстившаго его съ митрополіи соперника [1]).

[1]) Такъ пріѣзжавшій въ Москву монахъ Густынскаго монастыря Пафнутій въ распросѣ сообщилъ, что „епископъ Исаія писалъ въ Лубенскій и Густынскій монастыри, что митрополитъ Петръ Могила королю, всѣмъ панамъ раднымъ и арцибискупамъ лядскимъ присягалъ, чтобы ему христіанскую вѣру ученіемъ своимъ попрать и уставить всее службу церковную по повелѣнію папы римскаго, римьскую вѣру и церкви хрестьяньскіе во всѣхъ польскихъ и литовскихъ городѣхъ превратить на костелы лядскіе и книги русскія всѣ вывести“. Тоже показалъ игуменъ густынскій Василій, перешедшій въ Москву.

Дурное мнѣніе о Могилѣ и его учебномъ заведеніи распространилось между козаками, всегда готовыми на суровую расправу съ тѣми, кого считали врагами вѣры. И вотъ, дѣло дошло до того, что однажды толпа народа, предводительствуемая козаками, собиралась броситься на коллегію, сжечь ее и перебить наставниковъ. «Мы, — писалъ потомъ одинъ изъ наставниковъ, Сильвестръ Коссовъ, тогдашній префектъ кіевской коллегіи, — исповѣдывались и ожидали, что нами начнутъ кормить днѣпровскихъ осетровъ, но къ счастію, Господь, видя нашу невинность и покровительствуя образованію народа русскаго, разогналъ тучу предубѣжденій и освѣтилъ сердца нашихъ соотечественниковъ; они увидѣли въ насъ истинныхъ сыновъ православной церкви, и съ тѣхъ поръ жители Кіева и другихъ мѣстъ не только перестали насъ ненавидѣть, но стали отдавать къ намъ въ большомъ количествѣ своихъ дѣтей и величать насъ Геликономъ и Парнассомъ». Событіе, угрожавшее коллегіи, происходило 1635 года; въ этомъ же году, когда минула опасность, Сильвестръ Коссовъ издалъ «Экзегезисъ или Апологію Кіевскихъ школъ», сочиненіе, въ которомъ защищалъ способъ преподаванія, принятый въ коллегіи. Предпочтеніе, оказываемое латинскому языку, въ глазахъ Петра Могилы и избранныхъ имъ наставниковъ, оправдывалось обстоятельствами времени. Русскіе, учившіеся въ коллегіи, жили подъ польскимъ правленіемъ и готовились къ жизни въ обществѣ, проникнутомъ польскимъ строемъ и польскими понятіями. Въ этомъ обществѣ господствовало и глубоко укоренилось мнѣніе, что латинскій языкъ есть самый главный, самый наглядный признакъ образованности, и чѣмъ кто лучше владѣетъ латинскимъ языкомъ, тѣмъ болѣе достоинъ названія образованнаго человѣка. Подъ вліяніемъ іезуитовъ, русскіе, уже по самой своей народности, подвергались презрѣнію у поляковъ, и такой взглядъ естественно содѣйствовалъ тому, что русское шляхетство такъ торопливо стремилось избавиться отъ своей народности, и перешедшіе въ католичество съ гордостью признавали себя поляками. Чтобы разсѣять такое предубѣжденіе, необходимо нужно было русскимъ, еще сохранившимъ свою вѣру и народность, усвоить тѣ пріемы и признаки, которые, по тогдашнимъ предразсудкамъ, давали право на уваженіе, подобающее образованному человѣку. Латинскій языкъ въ тогдашнемъ житейскомъ кругѣ былъ необходимъ не только для споровъ о вѣрѣ съ католиками, не хотѣвшими о высокихъ предметахъ говорить иначе, какъ по-латинѣ, — латинская рѣчь употребительна была на судахъ, сеймахъ, сейми-

кахъ и на всякихъ общественныхъ сходбищахъ. Бѣглость въ латинскомъ языкѣ и подготовка учениковъ къ защитѣ православной вѣры посредствомъ слова, достигалась въ коллегіи путемъ диспутовъ, классныхъ и публичныхъ, происходившихъ по-латинѣ. Для этого одна сторона приводила разные противные православію доводы, бывшіе тогда въ ходу у католиковъ, другая—опровергала ихъ и защищала православіе. Такіе диспуты не ограничивались однимъ кругомъ вѣры, но распространялись и на разные философскіе предметы. Устройство ихъ показываетъ практическій умъ Могилы, стремившагося во всемъ къ главной цѣли: выставить противъ католичества ученыхъ и ловкихъ борцовъ за русскую церковь, умѣющихъ поражать враговъ ихъ же оружіемъ. Въ соотвѣтствіи съ этими практическими воззрѣніями Петра Могилы, состоитъ и тотъ схоластическій характеръ, который онъ далъ всему научному образованію, получаемому юношествомъ въ коллегіи. Главный признакъ схоластическаго способа ученія, развившагося въ западной Европѣ въ средніе вѣка и еще господствовавшаго въ XVII вѣкѣ, состоялъ въ томъ, что подъ наукою разумѣли не столько количество и объемъ предметовъ, подлежащихъ познанію, сколько форму или сумму пріемовъ, служащихъ къ правильному распредѣленію, соотношенію и значенію изучаемаго. Мало знать, но хорошо умѣть пользоваться малымъ запасомъ знанія,—такова была цѣль образованія. Отсюда безконечный рядъ формулъ, оборотовъ и классификацій. Этотъ способъ, какъ показали вѣковыя послѣдствія опыта, мало подвигалъ расширеніе круга познаваемыхъ предметовъ и давалъ возможность такъ называемому ученому гордиться своею мудростію, тогда какъ на самомъ дѣлѣ, онъ оставался круглымъ невѣждою или тратилъ время, трудъ и дарованія на изученіе того, чтó собственно приходилось впослѣдствіи забывать, какъ мало примѣнимое къ жизни. Но этотъ способъ, при всѣхъ своихъ крупныхъ недостаткахъ, имѣлъ, однако, и хорошую сторону въ свое время; онъ пріучалъ голову къ размышленію, къ обобщенію, служилъ такъ сказать умственною гимнастикою, подготовлявшею человѣка къ тому, чтобы относиться къ предметамъ знанія съ научною правильностію. Нельзя сказать, чтобы въ западной Европѣ во времена Могилы не было уже иного рода науки, иныхъ понятій о знаніи, но эти начала новаго просвѣщенія, которыя такъ быстро и блистательно повели умъ человѣческій къ великимъ открытіямъ въ области естествознанія и къ болѣе ясному взгляду на потребности духовной и матеріальной жизни, были далеки и почти не ка-

сались тогдашней Польши, несмотря на то, что еще сто лѣтъ назадъ она была родиною Коперника. Вполнѣ естественно было Петру Могилѣ остановиться на томъ способѣ ученія, какой господствовалъ въ странѣ, гдѣ онъ жилъ и для которой приготовлялъ своихъ русскихъ питомцевъ, тѣмъ болѣе, что способъ этотъ, въ его воззрѣніи, удовлетворялъ его ближайшей цѣли, образовать поколѣніе защитниковъ русской вѣры и русской народности въ польскомъ обществѣ. Съ нашимъ взглядомъ на просвѣщеніе, образованіе, получаемое въ коллегіи Могилы, должно показаться крайне одностороннимъ: студенты, окончившіе курсъ въ коллегіи, не знали законовъ природы на столько, на сколько они были открыты и изслѣдованы тогдашними передовыми учеными на западѣ; мало свѣдущи были они въ географіи, исторіи, правовѣдѣніи; но довольно было того, что они могли быть не ниже образованныхъ поляковъ своего времени. Сверхъ того, чтобы оцѣнить важность преобразованія, сдѣланнаго Могилою въ умственной жизни южно-русскаго народа, стоитъ взглянуть на то состояніе, въ какомъ эта умственная жизнь находилась на Руси до него, и тогда-то его заслуга окажется очень значительною, а успѣхъ его предпріятія чрезвычайно важнымъ по своимъ послѣдствіямъ. Въ странѣ, гдѣ въ продолженіе вѣковъ господствовала умственная лѣнь, гдѣ масса народа пребывала по своимъ понятіямъ почти въ первобытномъ язычествѣ, гдѣ духовные, единственные проводники какого-нибудь умственнаго свѣта, машинально и небрежно исполняли обрядовыя формы, не понимая ихъ смысла, не имѣя понятія о сущности религіи, гдѣ только слабые зачатки просвѣщенія, брошенные эпохою Острожскаго, кое-какъ прозябали, подавляемые неравною борьбою съ чужероднымъ и враждебнымъ строемъ образованія; — въ странѣ, гдѣ русскій языкъ, русская вѣра и даже русское происхожденіе клеймились печатью невѣжества, грубости и отверженія со стороны господствующаго племени, — въ этой странѣ вдругъ являются сотни русскихъ юношей съ пріемами тогдашней образованности, и они, не краснѣя, называютъ себя русскими; съ принятыми средствами науки они выступаютъ на защиту своей вѣры и народности! Правда, въ Польшѣ, гдѣ только высшій классъ пользовался правомъ гражданства, а масса простого народа была подавлена гнетомъ самаго безчеловѣчнаго порабощенія, высшій русскій классъ такъ неудержимо измѣнялъ своей вѣрѣ и народности, что его не могла уже остановить никакая коллегія. Польская образованность, направляемая іезуитами, разрушила бы рано или поздно всѣ

планы Петра Могилы, если-бы вслѣдъ затѣмъ не поднялся южно-русскій народъ противъ Польши подъ знаменами Хмельницкаго. Кіевскую коллегію съ ея братствомъ, безъ сомнѣнія, постигла бы та же участь, какая стерла съ лица земли львовскія, луцкія, виленскія и другія православныя школы; но сѣмя, брошенное Могилою въ Кіевѣ, роскошно возрасло не для одного Кіева, не для одной Малороссіи, а для всего русскаго міра: это совершилось черезъ перенесеніе началъ кіевскаго образованія въ Москву, какъ скажемъ впослѣдствіи. И въ этомъ-то важнѣйшая и великая заслуга кіевской коллегіи и ея безсмертнаго основателя.

Несмотря на господство латинскаго языка, къ сожалѣнію, въ ущербъ греческаго, кіевская коллегія, однако, работала надъ развитіемъ русскаго языка и словесности. Студенты сочиняли проповѣди по-русски; выходившіе изъ коллегіи въ священники были въ состояніи говорить поученія народу, а въ Братскомъ монастырѣ не проходило ни одной праздничной обѣдни, когда бы многочисленному, собравшемуся въ храмѣ, народу не говорилось проповѣди, или не изъяснялся катехизисъ православной вѣры. Проповѣдничество съ тѣхъ поръ стало обычнымъ явленіемъ въ малорусскихъ церквахъ, тогда какъ въ Великой Руси проповѣдь была тогда явленіемъ еще почти неслыханнымъ. Студенты кіевской коллегіи занимались также стихотворною литературою и получили къ ней особое пристрастіе, но, къ сожалѣнію, писали по польскому образцу силлабическимъ размѣромъ, совсѣмъ несвойственнымъ, какъ оказалось, природѣ русскаго языка по свойству его удареній; главный же недостатокъ тогдашнихъ стиходѣевъ былъ тотъ, что они разумѣли подъ поэзіею только форму, а не содержаніе. Стихотворцы щеголяли разными затѣйливыми формами мелкихъ стихотвореній (какъ наприм., акростихи, раковидные или раки, которые можно было читать съ лѣвой руки къ правой и обратно, эпиграммы въ формѣ яйца, куба, бокала, сѣкиры, пирамиды и т. п.). Въ ходу были стихотворенія, называемыя поэмы и оды; то были панегирическія стихотворенія къ значительнымъ лицамъ по разнымъ случаямъ, поздравленія съ имянинами, съ бракосочетаніемъ, погребальныя, воспѣваніе герба, посвященія и пр. Онѣ по предписаннымъ правиламъ отличались крайнею лестью къ воспѣваемому лицу и самоуниженіемъ автора. Часто стихотворенія имѣли религіозное содержаніе и образчикомъ такихъ могутъ служить многія стихотворенія, помѣщенныя въ изданной въ 1646 г. книгѣ: „Перло многоцѣнное“, написанной Кирилломъ Тран-

квиліономъ; во вкусѣ того времени были стихотворенія нравственно-поучительныя, въ которыхъ олицетворялись разныя добродѣтели, пороки и вообще отвлеченныя понятія. Несмотря насильную страсть къ стихоплетству, кіевская коллегія не произвела ничего замѣчательнаго въ области поэзіи, и это тѣмъ болѣе поразительно, что въ тотъ же самый вѣкъ въ малорусской народной поэзіи, не вѣдавшей никакихъ школьныхъ правилъ и піитики, творились истинно поэтическія произведенія, полныя вдохновенія и жизни; таковы, напр., козацкія думы, явно принадлежащія XVII вѣку. Ученики слагали праздничные вирши преимущественно на Рождество Христово и пѣли, расхаживая по домамъ жителей; вирши этого рода перенимались и обращались даже въ народѣ, но они рѣзко отличаются отъ народныхъ праздничныхъ пѣсенъ своею неуклюжестью, вычурностью и отсутствіемъ поэзіи. Въ области драматической поэзіи опыты воспитанниковъ кіевской коллегіи имѣли болѣе всего значенія по своимъ послѣдствіямъ, такъ какъ они, хотя въ отдаленности, стали зародышемъ русскаго театра. Начало драматической поэзіи въ Кіевѣ положено „вертепами“. Такъ назывались маленькіе переносные театры, которые ученики носили съ собою, переходя изъ дому въ домъ на праздникъ Рождества Христова. На этихъ театрахъ дѣйствовали куклы, а ученики говорили за нихъ рѣчи. Предметами представленій были разныя событія изъ исторіи рожденія и младенчества Христова. Такіе вертепы существовали до позднѣйшаго времени, и вѣроятно, въ древнія времена они мало чѣмъ отличались отъ позднѣйшихъ. Кромѣ представленій религіозныхъ, въ вертепахъ (какъ можно заключить по примѣрамъ позднѣйшихъ временъ), для развлеченія зрителей, представлялись разныя сцены изъ народной обыденной жизни.

За этою первобытною формою слѣдовали „дѣйства“ или представленія, взятыя ихъ священной исторіи, гдѣ являлись олицетворенными разныя отвлеченныя понятія. Такого рода представленія были въ большой модѣ у іезуитовъ и въ подражаніе имъ перешли въ кіевскую коллегію.

Языкъ, на которомъ писались опыты воспитанниковъ кіевской коллегіи того времени, удаленъ отъ живой народной рѣчи и представляетъ смѣсь словянскаго языка съ малорусскимъ и польскимъ, со множествомъ высокопарныхъ словъ. Достойно замѣчанія, что послѣ Могилы русскій книжный языкъ сталъ мало-по-малу очищаться отъ полонизмовъ, и выработывалась новая книжная рѣчь, которая послужила основаніемъ настоя-

щему русскому языку. Въ комическихъ произведеніяхъ южной Руси языкъ книжный приближался къ народному малорусскому.

Враги православія, при всякомъ случаѣ, старались дѣлать коллегіи всякое зло. Въ 1640 году Могила въ своемъ универсалѣ жаловался, что „намѣстникъ кіевскаго замка, потакая злобѣ враговъ коллегіи, нарочно подослалъ своего повѣреннаго, который, стакнувшись въ корчмѣ съ нѣкоторыми другими лицами, напалъ на студента Гоголевскаго, обвинилъ его въ какомъ-то безчинствѣ, а намѣстникъ безъ дальняго разсмотрѣнія казнилъ его“. Это было сдѣлано съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы студенты, испугавшись дальнѣйшаго преслѣдованія, разбѣжались. Событіе это было такъ важно, что Могила долженъ былъ ѣхать на сеймъ и просить отъ польскаго правительства законной защиты своему училищу.

Уже въ это время Могила, какъ онъ самъ писалъ, потратилъ большую часть своего состоянія на устроеніе училища и церкви. Вотчины, какъ его собственныя, такъ и Печерскаго монастыря, съ трудомъ могли доставлять средства на поддержку коллегіи по причинѣ разореній, понесенныхъ ими то отъ татарскихъ набѣговъ, то отъ междоусобныхъ войнъ съ козаками и митрополитъ принужденъ былъ просить пособія отъ разныхъ братствъ. Несмотря на все это, онъ напрягалъ всѣ свои силы для поддержки своего любимаго дѣтища. Въ своемъ духовномъ завѣщаніи, написанномъ имъ, какъ видно, въ то время, когда онъ чувствовалъ приближеніе смерти, онъ говоритъ:..... „Видя, что упадокъ святого благочестія въ народѣ русскомъ происходитъ не отъ чего иного, какъ отъ совершеннаго недостатка образованія и ученія, я далъ обѣтъ Богу моему—все мое имущество, доставшееся отъ родителей, и все, что ни оставалось бы здѣсь отъ доходовъ, пріобрѣтаемыхъ съ порученныхъ мнѣ святыхъ мѣстъ, съ имѣній, на то назначенныхъ, обращать частію на возстановленіе разрушенныхъ храмовъ Божіихъ, отъ которыхъ оставались плачевныя развалины, частію на основаніе школъ въ Кіевѣ...“ Коллегію свою онъ называетъ въ завѣщаніи своимъ *единственнымъ залогомъ*, и, желая „оставить ее укорененною въ потомственныя времена“, въ видѣ посмертнаго дара завѣщаетъ ей 81,000 польскихъ золотыхъ, всю свою библіотеку, четвертую часть своего серебра, нѣкоторыя цѣнныя вещи и на вѣчное воспоминаніе о себѣ, свой серебряный митрополичій крестъ и саккосъ.

Петръ Могила скончался 1-го января 1647 года, на пятидесятомъ году своей жизни, съ небольшимъ за годъ до народнаго взрыва, инымъ путемъ отстоявшаго русскую вѣру и народность.

III.

ЦАРЬ АЛЕКСѢЙ МИХАЙЛОВИЧЪ.

Тридцатилѣтнее царствованіе Алексѣя Михайловича принадлежитъ далеко не къ свѣтлымъ эпохамъ русской исторіи, какъ по внутреннимъ нестроеніямъ, такъ и по неудачамъ во внѣшнихъ сношеніяхъ. Между тѣмъ, причиною того и другого были не какія-нибудь потрясенія, наносимыя государству извнѣ, а неумѣніе правительства впору отклонять и прекращать невзгоды и пользоваться кстати стеченіемъ обстоятельствъ, которыя именно въ эту эпоху были самыми счастливыми.

Царь Алексѣй Михайловичъ имѣлъ наружность довольно привлекательную: бѣлый, румяный, съ красивою окладистою бородою, хотя съ низкимъ лбомъ, крѣпкаго тѣлосложенія и съ кроткимъ выраженіемъ глазъ. Отъ природы онъ отличался самыми достохвальными личными свойствами, былъ добродушенъ въ такой степени, что заслужилъ прозвище „тишайшаго", хотя по вспыльчивости нрава позволялъ себѣ грубыя выходки съ придворными, сообразно вѣку и своему воспитанію, и однажды собственноручно оттаскалъ за бороду своего тестя Милославскаго. Впрочемъ, при тогдашней сравнительной простотѣ нравовъ при московскомъ дворѣ, царь вообще довольно безцеремонно обращался съ своими придворными. Будучи отъ природы веселаго нрава, царь Алексѣй Михайловичъ давалъ своимъ приближеннымъ разныя клички, и въ видѣ развлеченія купалъ стольниковъ въ пруду въ селѣ Ко-

BAYERISCHE STAATS BIBLIOTHEK MUENCHEN

ломенскомъ [1]). Онъ былъ чрезвычайно благочестивъ, любилъ читать священныя книги, ссылаться на нихъ и руководиться ими; никто не могъ превзойти его въ соблюденіи постовъ: въ великую четыредесятницу этотъ государь стоялъ каждый день часовъ по пяти въ церкви и клалъ тысячами поклоны, а по понедѣльникамъ, средамъ и пятницамъ ѣлъ одинъ ржаной хлѣбъ. Даже въ прочіе дни года, когда церковный уставъ разрѣшалъ мясо или рыбу, царь отличался трезвостью и умѣренностью, хотя къ столу его и подавалось до семидесяти блюдъ, которыя онъ приказывалъ разсылать въ видѣ царской подачи другимъ. Каждый день посѣщалъ онъ богослуженіе, но въ этомъ случаѣ не былъ вовсе чуждъ ханжества, которое неизбѣжно проявляется при сильной преданности буквѣ благочестія; такъ, считая большимъ грѣхомъ пропустить обѣдню, царь, однако, во время богослуженія разговаривалъ о мірскихъ дѣлахъ со своими боярами. Чистота нравовъ его была безупречна: самый заклятый врагъ не смѣлъ бы заподозрить его въ распущенности; онъ былъ примѣрный семьянинъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ превосходный хозяинъ, любилъ природу и былъ проникнутъ поэтическимъ чувствомъ, которое проглядываетъ, какъ въ многочисленныхъ письмахъ его, такъ и въ нѣкоторыхъ поступкахъ. Оттого-то онъ полюбилъ село Коломенское, которое отличается живописнымъ мѣстоположеніемъ, хотя далеко не величественнымъ и не поражающимъ взоръ, а изъ такихъ, — свойственныхъ русской природѣ, которыя порождаютъ въ душѣ ощущеніе спокойствія. Тамъ проводилъ онъ обыкновенно лѣто, занимаясь то хозяйственными распоряженіями, то соколиной охотой, къ которой имѣлъ особенную страсть; тамъ почти во все свое царствованіе онъ строилъ и перестраивалъ себѣ деревянный дворецъ, стараясь сдѣлать его какъ можно изящнѣе и нарядпѣе. Алексѣй Михайловичъ принадлежалъ къ тѣмъ благодушнымъ натурамъ, которыя болѣе всего хотятъ, чтобъ у нихъ на душѣ и вокругъ нихъ было свѣтло; онъ неспособенъ былъ къ затаенной злобѣ, продолжительной ненависти, и потому, разсердившись на кого нибудь, по вспыльчивости могъ

[1]) Самъ онъ говоритъ объ этомъ въ одномъ своемъ письмѣ къ стольнику Матюшкину: „Извѣщаю тебѣ, што тѣмъ утѣшаются, што стольниковъ купаю еже утръ въ прудѣ, Іордань хороша сдѣлана, человѣка по четыре и по пяти и по двѣнадцати человѣкъ, за то: кто не поспѣетъ къ моему смотру, такъ того и купаю; да послѣ купанія жалую, зову ихъ ежеденъ, у меня купальщики тѣ ядятъ вдоволь, а иныя говорятъ: мы де нарокомъ не поспѣемъ, такъ де и насъ выкупаютъ да и за столъ посадятъ: многіе нарокомъ не поспѣваютъ“...

BAYER. STAATS BIBLIOTHEK MÜNCHEN

легко надѣлать ему оскорбленій, но скоро успокоивался и старался примириться съ тѣмъ, кого оскорбилъ въ припадкѣ гнѣва. Поэтическое чувство, постоянно присущее его душѣ и не находившее иного выхода, пристрастило его къ церковной и придворной обрядности. Многообразный чинъ царскихъ выходовъ, богомолій, пріемовъ, посольствъ, царскихъ лицезрѣній, торжественныхъ продолжительныхъ обѣдовъ и т. п., чинъ издавна соблюдаемый въ Москвѣ, рядомъ со множествомъ такихъ же церковныхъ обрядовъ, получилъ тогда болѣе живой характеръ, потому что самъ царь одухотворялъ букву обряда своею любовью. Никогда еще обряды не отправлялись съ такою точностью и торжественностью: вся жизнь царя была подчинена обряду, не только потому, что такъ установилось въ обычаѣ, но и потому, что царь любилъ обрядъ: онъ удовлетворялъ его натурѣ, искавшей изящества, художественной красоты, нравственнаго идеала, который, при его воспитаніи, только и могъ состоять для него въ образѣ строгаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ любящаго исполнителя пріемовъ православнаго благочестія. Незначительныя подробности обряда занимали его какъ важныя государственныя дѣла [1]). Все время его было размѣрено по чину обрядности, столько же церковной, сколько и дворцовой. Въ четыре часа утра онъ былъ на ногахъ, и тотчасъ начиналось моленіе, чтеніе полунощницы, утреннихъ молитвъ, поклоненіе иконѣ того святого, чья память праздновалась въ тотъ день, чтеніе изъ какого-нибудь рукописнаго сборника назидательнаго слова, потомъ церемонное свиданіе съ царицею, шествіе къ заутрени. Послѣ заутрени сходились бояре, били челомъ предъ государемъ; время для такого челобитья нужно было достаточное, потому что чѣмъ болѣе бояринъ клалъ предъ государемъ земныхъ поклоновъ, тѣмъ сильнѣе выражалъ свою рабскую преданность. Начинался разговоръ о дѣлахъ; царь сидитъ въ шапкѣ; бояре стоятъ передъ нимъ; потомъ, всѣ за царемъ идутъ къ обѣднѣ; все равно въ будній день или въ праздникъ, всегда идетъ царь къ обѣднѣ, съ тою только разницею, что въ праздникъ царскій выходъ былъ пышнѣе и съ признаками, соотвѣтствующими празднику; на всякій празд-

[1]) Такъ въ письмѣ къ Никону въ 1652 году, царь спрашиваетъ: „Да будетъ тебѣ великому святителю вѣдомо: Многолѣтны у насъ поютъ вмѣсто Патріарха: Спаси, Господи, вселенскихъ патріарховъ и митрополитовъ и архіепископовъ нашихъ и вся христіяне, Господи, спаси; и ты отпиши къ намъ, великій святителю, такъ ли подобаетъ пѣть, или какъ инакъ пѣть надобно, и какъ у тебя святитель поютъ, и то отпиши къ намъ“.

никъ были свои обряды для царскаго выхода: въ такой-то праздникъ, сообразно относительной важности этого праздника, царь долженъ былъ одѣться такъ-то, напримѣръ, въ золотное платье, въ другой — въ бархатное и т. п. Точно также и сопровождавшіе его бояре соблюдали праздничныя правила въ одеждѣ. На обѣдню въ будній день проходило времени около двухъ часовъ; въ праздники — долѣе. Послѣ обѣдни въ будни царь занимался дѣлами: бояре, начальствовавшіе приказами, читали свои доклады; затѣмъ, дьяки читали челобитныя. Въ извѣстные дни, по царскому приказанію, собиралась боярская дума съ приличными обрядами; здѣсь бояре уже сидѣли. По-полудни дѣла оканчивались. Бояре разъѣзжались; начинался царскій обѣдъ, всегда болѣе или менѣе продолжительный; послѣ обѣда, царь, какъ всякій русскій человѣкъ того времени, долженъ былъ спать до вечерни: этотъ сонъ входилъ какъ-бы въ чинъ благочестивой, честной жизни. Послѣ сна царь шелъ къ вечернѣ, а послѣ вечерни проводилъ время въ своемъ семейномъ или дружескомъ кругу, забавлялся игрою въ шахматы или слушалъ кого-нибудь изъ дряхлыхъ, бывалыхъ стариковъ, которыхъ нарочно держали при дворцѣ для царскаго утѣшенія. Тотъ разсказывалъ царю о далекомъ востокѣ, о кизильбашской землѣ; другой — о бѣдствіяхъ, какія испытывать довелось ему отъ невѣрныхъ въ плѣну; третій, свидѣтель давно минувшихъ смутъ, описывалъ литовское разореніе, когда, какъ говорили, десятый человѣкъ остался на всей Руси. Въ это-то время дня, посвящаемаго, по обрядному чину, отдыху, подъ конецъ своего царствованія, Алексѣй Михайловичъ любовался сценическими дѣйствами, игрою драматическихъ произведеній: западно-русскіе книжники съ этими нововведеніями нашли доступъ къ тому же свойству царской души, которое такъ привлекало его къ богослужебнымъ дѣйствамъ.

Алексѣй Михайловичъ особенно являлся во всемъ своемъ царственномъ великолѣпіи въ большіе праздники православной церкви, блиставшіе въ то время пышностью и своеобразіемъ обрядовъ, соотвѣтствующихъ каждому празднику; они доставляли царю возможность на разные лады выказать свое наружное благочестіе и свое монаршее величіе. Въ рождественскій вечеръ царскій теремъ оглашался пѣніемъ славельщиковъ, приходившихъ одни за другими изъ разныхъ церквей и обителей; въ Крещеніе царь въ своей діадимѣ (наплечное кружево) и царскомъ платьѣ, унизанномъ жемчугомъ и осыпанномъ дорогими камнями, шествовалъ на Іордань, со-

провождаемый всѣхъ чиновъ людьми, одѣтыми сообразно своему званію, какъ можно наряднѣе (плохо одѣтыхъ отгоняли подалѣе); въ вербное воскресенье царь всенародно велъ подъ патріархомъ коня, изображавшаго осла; на Пасху онъ раздавалъ яица и принималъ червонцы въ значеніи великоденскихъ даровъ, которые, по тогдашнимъ обычаямъ, подданные обязаны были давать своему государю въ праздникъ Пасхи. Передъ большими праздниками царь, по обряду, долженъ былъ совершать дѣла христіанскаго милосердія,—ходилъ по богадѣльнямъ, раздавалъ милостыню, посѣщалъ тюрьмы, выкупалъ должниковъ, прощалъ преступниковъ. Въ Московскомъ Государствѣ люди чванились родомъ и богатствомъ; достоинство человѣка измѣрялось количествомъ золота и цѣнностью мѣховъ на его одеждѣ, и богачъ смотрѣлъ съ презрѣніемъ на бѣдняка; но рядомъ съ этимъ нищій, по церковному взгляду, пользовался нѣкотораго рода обрядовымъ уваженіемъ. Надменный бояринъ, богатый гость, разжившійся посулами дьякъ, ожирѣвшій отъ монастырскихъ доходовъ игуменъ—всѣ заискивали въ нищемъ; всѣмъ нищій былъ нуженъ; всѣ давали ему крохи своихъ богатствъ; нищій за эти крохи молилъ Бога за богачей; нищій своими молитвами ограждалъ сильныхъ и гордыхъ отъ праведной кары за ихъ неправды. Они сознавали, что бездомный, хромой или слѣпой калѣка въ своихъ лохмотьяхъ сильнѣе ихъ самихъ, облеченныхъ въ золотные кафтаны. Подобно тому, царь,—возведенный на такую высоту, что все повергалось передъ нимъ ницъ, никто не смѣлъ сѣсть въ его присутствіи и всякъ считалъ себѣ за великую благодать зрѣть его пресвѣтлыя очи,—царь не только собственноручно раздавалъ милостыню нищей братіи, но въ недѣлю мясопустную приглашалъ толпу нищихъ въ столовую палату, угощалъ ихъ и самъ съ ними обѣдалъ. Это дѣлалось въ тотъ день, когда въ церкви читается Евангеліе о страшномъ судѣ и дѣлалось какъ-бы для того, чтобы получить благословеніе, обѣщанное въ Евангеліи тѣмъ, которые накормятъ Христа въ образѣ голодныхъ. То былъ обрядъ, такой же обрядъ, какимъ были: умовеніе ногъ, веденіе осла, раздача красныхъ яицъ и т. п. Величіе царское не умалялось отъ этого соприкосновенія съ нищетою, какъ равно и нищета не переставала быть тѣмъ же, чѣмъ была по своей сущности. То былъ только обрядъ.

Привѣтливый, ласковый царь Алексѣй Михайловичъ дорожилъ величіемъ своей царственной власти, своимъ самодержавнымъ достоинствомъ: оно плѣняло и насыщало его. Онъ

тѣшился своими громкими титулами и за нихъ готовъ былъ проливать кровь. Малѣйшее случайное несоблюденіе правильности титуловъ считалось важнымъ уголовнымъ преступленіемъ. Всѣ иноземцы, посѣщавшіе Москву, поражались величіемъ двора и восточнымъ раболѣпствомъ, господствовавшимъ при дворѣ „тишайшаго государя". „Дворъ московскаго государя,—говорилъ посѣщавшій Москву англичанинъ Карлейль,—такъ красивъ и держится въ такомъ порядкѣ, что, между всѣми христіанскими монархами, едва ли есть одинъ, который бы превосходилъ въ этомъ московскій. Все сосредоточивается около двора. Подданные, ослѣпленные его блескомъ, пріучаются тѣмъ болѣе благоговѣть предъ царемъ и честятъ его почти наравнѣ съ Богомъ". Царь Алексѣй Михайловичъ являлся народу не иначе, какъ торжественно. Вотъ, напримѣръ, ѣдетъ онъ въ широкихъ саняхъ: двое бояръ стоятъ съ обѣихъ сторонъ въ этихъ саняхъ, двое на запяткахъ; сани провожаютъ отряды стрѣльцовъ. Передъ царемъ метутъ по улицѣ путь и разгоняютъ народъ. Москвичи, встрѣтясь съ ѣдущимъ государемъ, прижимаются къ заборамъ и падаютъ ницъ. Всадники слѣзали съ коней и также падали ницъ. Москвичи считали благоразумнымъ прятаться въ домъ, когда проѣзжалъ царь. По свидѣтельству современника Котошихина, царь Алексѣй сдѣлался гораздо болѣе самодержавнымъ, чѣмъ былъ его родитель. Дѣйствительно, мы не встрѣчаемъ при этомъ царѣ такъ часто земскихъ соборовъ, какъ это бывало при Михаилѣ. Земство поглощается государствомъ. Царь дѣлается олицетвореніемъ націи. Все для царя. Алексѣй Михайловичъ стремился къ тому же идеалу, какъ и Грозный царь и, подобно послѣднему, былъ, какъ увидимъ, напуганъ въ юности народными бунтами; но разница между тѣмъ и другимъ была та, что Иванъ, одаренный такою же, какъ и Алексѣй, склонностью къ образности и нарядности, къ зрѣлищамъ, къ торжествамъ, къ упоенію собственнымъ величіемъ, былъ отъ природы злаго, а царь Алексѣй—добраго сердца. Иванъ въ служиломъ классѣ видѣлъ себѣ тайныхъ враговъ и душилъ его самымъ нещаднымъ образомъ, но въ то же время, сознавая необходимость его службы, разъединялъ его, опирался на тѣхъ, которыхъ выбиралъ въ данное время, не давая имъ зазнаваться, и держалъ ихъ всѣхъ въ повиновеніи постояннымъ страхомъ; царь же Алексѣй, напротивъ, соединялъ свои самодержавные интересы съ интересами служилыхъ людей. Тотъ же англичанинъ Карлейль мѣтко замѣтилъ, что царь держитъ въ повиновеніи народъ и

упрочиваетъ свою безмѣрную самодержавную власть, между прочимъ, тѣмъ, что даетъ много власти своимъ чиновникамъ— высшему (т.-е. служилому) сословію надъ народомъ. Сюда должны быть отнесены, главнымъ образомъ, начальники приказовъ, дьяки и воеводы, а затѣмъ вообще всѣ тѣ, которые стояли на степени какого-нибудь начальства. Служилымъ и приказнымъ людямъ было такъ хорошо подъ самодержавною властью государя, что собственная ихъ выгода заставляла горой стоять за нее. Съ другой стороны, однако, это подавало поводъ къ крайнимъ насиліямъ надъ народомъ. Злоупотребленія начальствующихъ лицъ, и прежде тягостныя, не только не прекратились, но еще болѣе усилились въ царствованіе Алексѣя, что и подавало поводъ къ безпрестаннымъ бунтамъ. Кромѣ правительствующихъ и приказныхъ людей, царская власть находила себѣ опору въ стрѣльцахъ—военномъ, какъ бы привилегированномъ сословіи. При Алексѣѣ Михайловичѣ они пользовались царскими милостями, льготами, были охранителями царской особы и царскаго дворца. Послѣдующее время показало, чего можно было ожидать отъ такихъ защитниковъ. Иностранцы очень вѣрно замѣчали, что въ почтеніи, какое оказывали тогдашніе московскіе люди верховной власти, было не сыновнее чувство, не сознаніе законности, а болѣе всего рабскій страхъ, который легко проходилъ, какъ только представлялся случай и оттого, если по первому взгляду можно было сказать, что не было народа, болѣе преданнаго своимъ властямъ и терпѣливо готоваго сносить отъ нихъ всякія утѣсненія, какъ русскій народъ, то, съ другой стороны, этотъ народъ скорѣе, чѣмъ всякій другой, способенъ былъ къ возстанію и отчаянному бунту. Многообразныя событія такого рода вполнѣ подтверждаютъ справедливость этого взгляда. При господствѣ страха въ отношеніяхъ подданныхъ къ власти, естественно, законы и распоряженія, установленныя этою властію, исполнялись на столько, на сколько было слишкомъ опасно ихъ не исполнять, а при всякой возможности ихъ обойти, при всякой надеждѣ остаться безъ наказанія за ихъ неисполненіе — они пренебрегались повсюду, и оттого верховная власть, считая себя всесильною, была на самомъ дѣлѣ часто безсильна.

Такъ и было при Алексѣѣ Михайловичѣ. Несмотря на превосходныя качества этого государя, какъ человѣка, онъ былъ неспособенъ къ управленію: всегда питалъ самыя добрыя чувствованія къ своему народу, всѣмъ желалъ счастія, вездѣ хотѣлъ видѣть порядокъ, благоустройство, но для этихъ цѣ-

лей не могъ ничего вымыслить иного, какъ только положиться во всемъ на существующій механизмъ приказнаго управленія. Самъ считая себя самодержавнымъ и ни отъ кого независимымъ, онъ былъ всегда подъ вліяніемъ то тѣхъ, то другихъ; но безукоризненно честныхъ людей около него было мало, а просвѣщенныхъ и дальновидныхъ еще менѣе. И оттого царствованіе его представляетъ въ исторіи печальный примѣръ, когда, подъ властью вполнѣ хорошей личности, строй государственныхъ дѣлъ шелъ во всѣхъ отношеніяхъ какъ нельзя хуже.

Сначала, въ первые годы по своемъ вступленіи на престолъ, Алексѣй Михайловичъ находился подъ вліяніемъ своего воспитателя, боярина Бориса Морозова, который, руководя государемъ, собственно былъ правителемъ всего государства и раздавалъ мѣста преданнымъ ему лицамъ.

На первыхъ порахъ правительство новаго царя обратило вниманіе на давнее неисполненіе законовъ, клонившихся къ укрѣпленію людей на своихъ мѣстахъ. Во все царствованіе Михаила, какъ было уже говорено, хлопотали о томъ, чтобы тяглые люди не выбывали изъ тягла и черезъ то не происходило неурядицы во взиманіи платежей и отправленіи повинностей. Цѣль правительства не достигалась. Тяглые люди, несмотря на распоряженіе тысячу шестьсотъ-двадцатыхъ годовъ, безпрестанно бѣгали или самовольно записывались въ другія сословія. Такъ, посадскіе люди записывались для вида въ казаки или стрѣльцы, закладывались за частныхъ лицъ, поступали въ число монастырскихъ крестьянъ и слугъ, а сами, однако, оставались жить на прежнихъ мѣстахъ, занимались торговлею и промыслами, но, переставши быть на бумагѣ посадскими, не хотѣли нести тягла, которое падало исключительно на остававшихся въ посадскомъ званіи. Послѣдніе осаждали правительство тѣми жалобами, которыя безпрестанно раздавались изъ посадовъ и въ прошлое царствованіе: они, отягощенные всякими поборами и повинностями, погибаютъ отъ правежей, тогда какъ другіе ихъ братья пользуются незаконно льготою. Было на посадахъ и другое злоупотребленіе: люди, по рожденію не принадлежавшіе къ посадскимъ, — дѣти священно- и церковно-служителей, казаки, стрѣльцы, крестьяне, жили на посадахъ, пріобрѣвши тамъ, то посредствомъ браковъ и наслѣдствъ, то покупкою, дворовыя мѣста и не несли тягла. Въ тяглыхъ волостяхъ, въ селахъ и деревняхъ крестьяне, которые были побогаче, давши воеводамъ взятки, отписывались отъ сошнаго письма, такъ

что въ сохѣ (единицѣ, съ которой брались налоги) оставалась только менѣе зажиточные люди, такъ-называемые „середніе и молодшіе". Вотчинные и помѣщичьи крестьяне повсюду оставляли свои земли и бѣгали съ мѣста на мѣсто; богатые землевладѣльцы переманивали крестьянъ отъ небогатыхъ помѣщиковъ; послѣдніе жаловались, что ихъ имѣнія пустѣютъ и имъ не съ чего отправлять службы. Въ виду прекращенія безпорядковъ, какъ въ посадахъ, такъ и волостяхъ, правительство подтверждало прежнія распоряженія, но онѣ не исполнялись какъ и прежде; и долго послѣ того приходилось власти принимать мѣры для той же цѣли. По отношенію къ вотчиннымъ крестьянамъ велѣно было сдѣлать новую перепись; запрещено принимать бѣглыхъ изъ крестьянъ; обѣщано было наказаніе тѣмъ землевладѣльцамъ, которые станутъ подавать писцамъ лживыя сказки; но какъ только сдѣлана была эта перепись, тотчасъ же явилось много челобитчиковъ на помѣщиковъ и вотчинниковъ въ томъ, что они присвоивали чужихъ крестьянъ, изъ двухъ и трехъ дворовъ переводили ихъ въ своихъ сказкахъ въ одинъ дворъ, показывали крестьянскіе дворы людскими, т.-е. холопскими, жилые дворы писали пустыми и т. п. Въ 1647 году оказалось, что перепись сдѣлана невѣрно; послѣдовалъ указъ, чтобы сдѣлать повѣрку, и у тѣхъ землевладѣльцевъ, которые окажутся виновными въ несправедливыхъ показаніяхъ о своихъ владѣніяхъ, отнимать по пятидесяти четей земли и отдавать тѣмъ, которые на нихъ донесутъ. Само собою разумѣется, эта мѣра оказала развратительное вліяніе, пріучая служилыхъ стремиться къ наживѣ несчастіемъ своихъ собратій. Одновременно съ этимъ же установленъ былъ, вмѣсто десятилѣтняго, пятнадцатилѣтній срокъ для возвращенія бѣглыхъ.

И въ служиломъ сословіи безурядица продолжалась. Служилые, поверстанные въ украинные города: Воронежъ, Шацкъ, Бѣлгородъ и др., убѣгали со службы; иные поступали въ крестьяне, въ кабалу, шатались по сѣвернымъ областямъ въ захребетникахъ, т.-е. поденщикахъ, иные занимались воровствомъ и грабежами. Ихъ приказано ловить, бить кнутомъ и сажать въ тюрьмы. Распространилась фальшивая монета, ходили мѣдныя и оловянныя деньги и поступали въ казну, нанося ей убытокъ. Торговые люди тяготились льготами, дарованными иноземцамъ, особенно англичанамъ, и въ 1646 году подали царю челобитную за множествомъ подписей торговцевъ разныхъ городовъ,—представляли, что иноземцы въ прошедшее царствованіе наводнили собою все государство, построили въ сто-

лицѣ и во многихъ городахъ свои дворы, торговали безпошлинно, разсылали своихъ агентовъ закупать изъ первыхъ рукъ русскія произведенія, не хотѣли покупать отъ русскихъ торговцевъ, сговариваясь, назначали на свои товары какую хотѣли цѣну, и вдобавокъ насмѣхались надъ русскими купцами, говоря: „мы ихъ заставимъ торговать одними лаптями". Когда одинъ русскій торговый человѣкъ, ярославецъ Лаптевъ, вздумалъ-было самъ поѣхать за границу съ мѣхами въ Амстердамъ, то у него не купили тамъ ни на одинъ рубль товару. Русскіе торговцы умоляли царя „не дать имъ, природнымъ государевымъ холопамъ и сиротамъ, быть отъ иновѣрцевъ въ вѣчной нищетѣ и скудности", запретить всѣмъ иноземцамъ торговать въ Московскомъ Государствѣ, кромѣ одного Архангельска, и также не давать иноземцамъ на откупъ промысловъ... Челобитная эта до нѣкотораго времени не имѣла успѣха, что̀ и было одною изъ причинъ недовольства противъ правительства.

Вскорѣ по вступленіи на престолъ Алексѣя Михайловича, въ мартѣ 1646 года, введена была новая пошлина на соль. Этой пошлиной хотѣли замѣнить разные старые мелкіе поборы: проѣзжіе мыты, стрѣлецкія и ямскія деньги и т. п. Новую пошлину слѣдовало собирать на мѣстахъ добыванія соли гостямъ и торговымъ людямъ, которые туда пріѣзжали, а за нею потомъ уже этимъ гостямъ и вообще всѣмъ торговымъ людямъ можно было торговать по всему государству солью безпошлинно. Повидимому, мѣра эта, упрощая сборы, должна была служить облегченіемъ; но вышло не такъ: народу пришлось платить за необходимый жизненный предметъ двумя гривнами на пудъ болѣе, чѣмъ онъ платилъ въ прежніе годы; народъ былъ очень недоволенъ этимъ. По причинѣ дороговизны соли, рыбные торговцы стали недосаливать рыбу, а такъ какъ соленая рыба составляла главнѣйшую пищу тогдашнихъ русскихъ, то, съ одной стороны, потребители не стали покупать дурной рыбы, а съ другой—у торговцевъ попортился товаръ, и они понесли большіе убытки; соленая рыба чрезмѣрно поднялась въ цѣнѣ. Вмѣстѣ съ пошлиною на соль, разрѣшено было употребленіе табаку (намъ извѣстно, впрочемъ, такое разрѣшеніе по отношенію къ Сибири, съ тѣмъ, чтобы продажа табаку была собственностью казны). Еще недавно за употребленіе табака при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ рѣзали носы: новое распоряженіе обличало склонность боярина Морозова къ иноземнымъ обычаямъ и сильно раздражало благочестивыхъ людей, которые составили уже себѣ понятіе объ этомъ растеніи, какъ о „богомерзкой травѣ".

Въ началѣ 1647 года государь задумалъ жениться. Собрали до двухъ сотъ дѣвицъ; изъ нихъ отобрали шесть и представили царю. Царь выбралъ Евфимію Ѳедоровну Всеволожскую, дочь касимовскаго помѣщика, но когда ее въ первый разъ одѣли въ царскую одежду, то женщины затянули ей волосы такъ крѣпко, что она, явившись передъ царемъ, упала въ обморокъ. Это приписали падучей болѣзни. Опала постигла отца невѣсты за то, что онъ, какъ обвинили его, скрылъ болѣзнь дочери. Его сослали со всею семьею въ Тюмень. Впослѣдствіи, онъ былъ возвращенъ въ свое имѣніе, откуда не имѣлъ права куда либо выѣзжать.

Происшествіе съ невѣстою такъ подѣйствовало на царя, что онъ нѣсколько дней не ѣлъ ничего и тосковалъ, а бояринъ Морозовъ сталъ развлекать его охотою за медвѣдями и волками. Молва, однако, приписывала несчастія Всеволожской кознямъ этого боярина, который боялся, чтобы родня будущей царицы не захватила власти и не оттѣснила его отъ царя. Морозовъ всѣми силами старался занять царя забавами, чтобы самому со своими подручниками править государствомъ, и удалялъ отъ двора всякаго, кто не былъ ему покоренъ. Однихъ посылали подалѣе на воеводства, а другихъ и въ ссылку. Послѣдняго рода участь постигла тогда одного изъ самыхъ близкихъ людей къ царю, его родного дядю по матери, Стрѣшнева. Его обвинили въ волшебствѣ и сослали въ Вологду.

Болѣе всего нужно было Морозову, для упроченія своей власти, женить царя такъ, чтобы новая родня была съ нимъ за одно. Морозовъ нашелъ этотъ способъ. Былъ у него вѣрный подручникъ, дворянинъ Илья Даниловичъ Милославскій, у котораго были двѣ красивыя дочери. Морозовъ составилъ планъ выдать одну изъ нихъ за царя, а на другой жениться самому. Бояринъ расхвалилъ царю дочерей Милославскаго и прежде всего далъ царю случай увидѣть ихъ въ Успенскомъ соборѣ. Царь засмотрѣлся на одну изъ нихъ, пока она молилась. Вслѣдъ затѣмъ царь велѣлъ позвать ее съ сестрою къ царскимъ сестрамъ, явился туда самъ и, разглядѣвши поближе, нарекъ ее своею невѣстою. 16 января 1648 года Алексѣй Михайловичъ сочетался бракомъ съ Маріею Ильинишною Милославскою. Свадьба эта, сообразно набожнымъ наклонностямъ царя, отличалась тѣмъ, что, вмѣсто игры на трубахъ и органахъ, вмѣсто битья въ накры (литавры), какъ это допускалось прежде на царскихъ свадьбахъ, пѣвчіе дьяки распѣвали стихи изъ праздниковъ и тріодій. Бракъ этотъ былъ счастливъ; Алексѣй Михайловичъ нѣжно любилъ свою

жену. Когда впослѣдствіи она была беременна, царь просилъ митрополита Никона молиться, чтобы ее „разнесъ Богъ съ ребеночкомъ", и выражался въ своемъ письмѣ такими словами: „а какой грѣхъ станетца, и мнѣ, ей-ей, пропасть съ кручины; Бога ради, моли за нее". Но не такимъ оказался бракъ Морозова, который, черезъ десять дней послѣ царскаго вѣнчанія, женился на сестрѣ царицы, несмотря на неравенство лѣтъ; Морозовъ былъ женатъ въ первый разъ еще въ 1617 г. Поэтому неудивительно, что у этой брачной четы, по выраженію англичанина Коллинса, вмѣсто дѣтей, родилась ревность, которая познакомила молодую жену стараго боярина съ кожаною плетью въ палецъ толщиною.

Бояринъ Морозовъ думалъ, что теперь-то онъ сдѣлается всесильнымъ, и обманулся. Ненавистная народу соляная пошлина была отмѣнена, какъ бы въ знакъ милости по поводу царскаго бракосочетанія, но у московскаго народа и безъ того уже накипѣло сильное неудовольствіе. Бракъ царя увеличилъ это неудовольствіе. Морозовъ сталъ выдвигать родственниковъ молодой царицы, а они всѣ были люди небогатые, отличались жадностью и стали брать взятки. Самъ царскій тесть увидѣлъ возможность воспользоваться своимъ положеніемъ для своего обогащенія. Но никто такъ не опротивѣлъ народу, какъ двое подручниковъ Морозова, состоявшіе въ родствѣ съ Милославскими: Леонтій Степановичъ Плещеевъ и Петръ Тихоновичъ Траханіотовъ. Первый завѣдывалъ земскимъ приказомъ, а второй—пушкарскимъ. Плещеевъ обыкновенно обиралъ тѣхъ, которые приходили къ нему судиться, и, кромѣ того, завелъ у себя цѣлую шайку доносчиковъ, которые подавали на людей ложныя обвиненія въ разныхъ преступленіяхъ. Обвиняемыхъ сажали въ тюрьму и вымучивали у нихъ взятки за освобожденіе. Траханіотовъ поступалъ жестоко съ подначальными служилыми людьми и удерживалъ слѣдуемое имъ жалованье. Торговые люди были озлоблены противъ Морозова за потачку иностранцамъ и за разные новые поборы, кромѣ соляной пошлины; такъ напримѣръ, для умноженія царскихъ доходовъ выдуманъ былъ казенный аршинъ съ клеймомъ орла, который всѣ должны были покупать, платя въ десять разъ болѣе противъ его стоимости. Никакія просьбы не доходили до царя; всякое челобитье рѣшалъ Морозовъ или его подручники. Наконецъ, толпы народа стали собираться у церквей на сходки, положили остановить царя силою на улицѣ и потребовать у него расправы надъ его лихими слугами.

25 мая 1648 года царь возвращался отъ Троицы; толпа остановила его; нѣкоторые схватили за узду его коня; поднялся крикъ, требовали, чтобы царь выслушалъ народъ: жаловались на Плещеева, просили смѣнить его и назначить на его мѣсто другого. Мольбы сопровождались, по обычаю, замѣчаніями, что „иначе народъ погибнетъ въ конецъ“. Молодой царь испугался такой неожиданности, не сердился, но ласково просилъ народъ разойтись, обѣщалъ развѣдать все дѣло и учинить правый судъ. Народъ отвѣчалъ ему громкими изъявленіями благодарности и провожалъ желаніями многолѣтняго здравія.

Можетъ быть, дѣло этимъ бы и кончилось, но тутъ нѣкоторые изъ подручниковъ Морозова, благопріятелей Плещеева, бросились на толпу съ ругательствами и начали кнутьями бить по головамъ тѣхъ, которые, какъ они замѣтили, выступали впередъ къ царю съ жалобами.

Толпа пришла въ неистовство и начала метать камнями. Пріятели Плещеева бросились опрометью въ Кремль. Народъ съ крикомъ—за ними. Они едва успѣли пробраться во дворецъ. Стрѣльцы, стоявшіе на караулѣ въ Кремлѣ, съ трудомъ могли удержать толпу отъ вторженія во дворецъ.

Толпа все болѣе и болѣе разъярялась и кричала, чтобы ей выдали Плещеева на казнь.

Тогда попытался выйти на крыльцо всемогущій бояринъ Морозовъ, но видъ его только болѣе озлобилъ народъ. Его не слушали, ему не давали говорить и вопили: „мы и тебя хотимъ взять!“.

Морозовъ поспѣшно удалился во дворецъ.

Неистовая толпа бросилась на домъ Морозова, въ которомъ оставалась его жена. Народъ разломалъ ворота и двери, ворвался въ домъ; все въ немъ было перебито, изломано, изъ сундуковъ вытаскивали золотныя ткани, мѣха, жемчугъ; все было подѣлено; сорвали съ иконъ богатые оклады и выбрасывали на площадь; одинъ изъ вѣрныхъ слугъ Морозова осмѣлился сказать что-то противное народу: онъ былъ немедленно выброшенъ за окно и зашибся до смерти. Боярыню Морозову не тронули, но сказали ей: „Еслибы ты не была сестра царицы, то мы бы тебя изрубили въ куски!“ Ограбивши домъ, москвичи ограбили всѣ боярскія службы, разбили богатую карету, окованную серебромъ, подаренную царемъ на свадьбу Морозову, добрались и до погребовъ, гдѣ стояли бочки съ медомъ и винами, разбили ихъ, разлили,

такъ что по колѣно ходили въ винѣ, и перепились до того, что многіе тутъ же умерли.

Расправившись съ домомъ Морозова, толпа бросилась на дворы разныхъ его благопріятелей, разнесла домъ Плещеева и Траханіотова, которыхъ, однако, не нашли. Ограблены были также дворы бояръ-князей: Одоевскаго, Львова и др. Досталось и думному дьяку Назару Чистову: народъ злился на него за прежнюю, уже отмѣненную, соляную пошлину. Не задолго передъ тѣмъ онъ расшибся, упавши съ лошади, и лежалъ больной; услыхавши, что народъ ломится къ нему на дворъ, онъ заползъ подъ кучу вѣниковъ и приказалъ слугѣ наложить еще сверху свиныхъ окороковъ; но слуга, захвативши въ домѣ нѣсколько сотъ червонцевъ, выдалъ его народу, а самъ бѣжалъ. Народъ вытащилъ Чистова изъ-подъ вѣниковъ и заколотилъ палками до смерти.

Кремль, между тѣмъ, затворили, а народъ, учинивши свою расправу, опять бросился къ Кремлю требовать выдачи своихъ лиходѣевъ. Царь выслалъ къ мятежникамъ своего двоюроднаго дядю Никиту Романова, котораго народъ любилъ; но на всѣ его увѣщанія толпа твердила одно: выдать на казнь Морозова, Плещеева и Траханіотова. Романовъ обѣщалъ доложить объ этомъ царю, но замѣтилъ народу, что Морозова и Траханіотова нѣтъ въ Кремлѣ. Тогда во дворцѣ рѣшили пожертвовать Плещеевымъ и вывели его изъ Кремля въ сопровожденіи палача. Народъ не далъ палачу исполнить казни, вырвалъ у него изъ рукъ Плещеева и заколотилъ палками до смерти. Его голова была разбита, такъ что мозгъ брызнулъ нѣкоторымъ въ лицо: „Вотъ какъ угощаютъ плутовъ и воровъ!“ кричалъ народъ.

На другой день толпа снова бросилась къ Кремлю требовать Морозова и Траханіотова. Морозовъ хотѣлъ-было передъ тѣмъ спастись бѣгствомъ, ускользнулъ изъ Кремля, но его узнали ямщики, и онъ едва успѣлъ уйти отъ нихъ и пробраться обратно въ Кремль. Царь, чтобы спасти Морозова, рѣшился пожертвовать и Траханіотовымъ. Его въ Кремлѣ дѣйствительно не было. Царь выслалъ князя Пожарскаго къ народу съ приказомъ отыскать Траханіотова и казнить. Траханіотовъ, между тѣмъ, успѣлъ уже уйти изъ Москвы и былъ схваченъ близъ Троицы. По царскому приказанію, въ угодность народу, его водили съ колодкою на шеѣ по городу, а потомъ отрубили ему голову.

Было уже за полдень. Доходила очередь до Морозова. Вдругъ на Дмитровкѣ вспыхнулъ пожаръ и быстро распро-

странился по Тверской, Петровкѣ, дошелъ до рѣки Неглинной; наконецъ загорѣлся большой кружечный дворъ или кабакъ. Толпа въ неистовствѣ бросилась на даровую водку; спѣшили разбивать бочки, черпали шапками, рукавицами, сапогами, и перепились до того, что многіе тутъ же задохлись отъ дыму. Пожаръ потухъ только къ вечеру. Народъ говорилъ, что онъ прекратился только тогда, когда догадались бросить въ огонь тѣло Плещеева.

Пожаръ нѣсколько отвлекъ народъ отъ мятежа: многимъ пришлось думать о собственной бѣдѣ, вмѣсто общественной. Между тѣмъ, правительство старалось дружелюбными средствами примириться съ народомъ и охранить себя отъ дальнѣйшаго мятежа. Царь угощалъ виномъ и медомъ стрѣльцовъ и нѣмцевъ, охранявшихъ дворецъ и Кремль, а царскій тесть Илья Даниловичъ каждый день дѣлалъ пиры и приглашалъ то тѣхъ, то другихъ вліятельнѣйшихъ лицъ изъ гостинной и суконной сотенъ. Духовные, по приказанію патріарха Іосифа, своими увѣщаніями успокоивали народъ, увѣряли, что съ этихъ поръ все пойдетъ хорошо. Въ угоду народу, нѣкоторыя лица, навлекшія на себя народное недоброжелательство, были смѣщены съ своихъ мѣстъ и замѣнены другими.

Наконецъ, когда явилась надежда, что гроза утихла, царь воспользовался однимъ изъ праздничныхъ дней, когда совершался крестный ходъ, и велѣлъ заранѣе объявить народу, что хочетъ говорить съ нимъ. Въ назначенный день царь явился на площади и произнесъ народу рѣчь: онъ не только не укорялъ народъ за мятежъ, но какъ бы оправдывалъ его, сказалъ, что Плещеевъ и Траханіотовъ получили достойную кару, обѣщалъ народу правосудіе, льготы, уничтоженіе монополій и царское милосердіе. Все это клонилось къ тому, чтобы спасти Морозова. Царь не оправдывалъ и его, но выразился въ такомъ смыслѣ: „Пусть народъ уважитъ мою первую просьбу и проститъ Морозову то, что онъ сдѣлалъ недобраго; мы, великій государь, обѣщаемъ, что отнынѣ Морозовъ будетъ оказывать вамъ любовь, вѣрность и доброе расположеніе и если народъ желаетъ, чтобы Морозовъ не былъ ближнимъ совѣтникомъ, то мы его отставимъ; лишь бы только намъ, великому государю, не выдавать его головою народу, потому что онъ намъ какъ второй отецъ: воспиталъ и возростилъ насъ. Мое сердце не вынесетъ этого!“ Изъ глазъ царя полились слезы. Народъ былъ тронутъ, поклонился царю и воскликнулъ: „Многія лѣта великому государю! Какъ угодно Богу и царю, пусть такъ и будетъ!“

Морозова, для большей безопасности, отправили на время въ Кирилло-бѣлозерскій монастырь, гдѣ онъ, впрочемъ, пробылъ недолго, и по возвращеніи своемъ, хотя уже не игралъ прежней роли, но оставался однимъ изъ вліятельныхъ лицъ, старался какъ можно болѣе угождать народу и казаться защитникомъ его нуждъ.

Послѣ обѣщанія, даннаго народу о введеніи правосудія, 16-го іюля 1648 года, царь, вмѣстѣ съ духовенствомъ, боярами, окольничими и думными людьми, постановилъ привести въ порядокъ законодательство: положили выписать изъ правилъ апостолъ и св. отецъ и гражданскихъ законовъ греческихъ царей (т.-е. изъ Кормчей книги) статьи, которыя окажутся пристойными государскимъ замскимъ дѣламъ, собрать указы прежнихъ государей и боярскіе приговоры, справить ихъ съ прежними судебниками, написать и изложить общимъ совѣтомъ такія статьи, на какія нѣтъ указовъ и боярскихъ приговоровъ, чтобы „Московскаго Государства всякихъ чиновъ людямъ отъ большаго до меньшаго чина, судъ и расправа была во всякихъ дѣлахъ всѣмъ равна". Порученіе это было возложено на бояръ: князя Никиту Ивановича Одоевскаго, князя Семена Васильевича Прозоровскаго, на окольничаго князя Ѳедора Ѳедоровича Волконскаго и на дьяковъ: Гаврилу Леонтьева и Ѳедора Грибоѣдова. Положено было, по составленіи Уложенія, для его утвержденія, собрать земскій соборъ изъ выборныхъ людей всѣхъ чиновъ. Вслѣдъ затѣмъ продажа табаку, соблазнявшая благочестивыхъ людей, была прекращена, и табакъ, приготовленный для продажи отъ казны, велѣно было сжечь.

Между тѣмъ, мятежъ въ Москвѣ, кончившійся такъ удачно для мятежниковъ, подалъ примѣръ народу и въ другихъ городахъ. Въ отдаленномъ Сольвычегодскѣ посадскіе люди дали взятку Ѳедору Приклонскому, пріѣзжавшему туда для сбора денегъ на жалованье ратнымъ людямъ, а когда въ іюлѣ дошли до нихъ вѣсти о томъ, что произошло въ Москвѣ, отняли назадъ то, что сами дали; въ добавокъ ограбили Приклонскаго, изодрали у него бумаги и самого чуть не убили. Въ то же время въ Устюгѣ произошло подобное: дали подъячему взятку, потомъ, услышавши о московскихъ происшествіяхъ, отняли и убили самого подъячаго, ограбили воеводу Милославскаго и хотѣли убить. Мятежники, по этому поводу, передрались между собою и ограбили своихъ зажиточныхъ посадниковъ, которые мирволили начальству. Посланный туда для розыска князь Иванъ Ромодановскій перевѣшалъ нѣсколь-

кихъ зачинщиковъ, но при этомъ, по московскому обычаю, бралъ съ устюжанъ взятки. Въ самой Москвѣ начинались въ январѣ 1649 года новыя попытки взволновать народъ, чтобы убить Морозова и царскаго тестя, котораго считали всесильнымъ человѣкомъ и обвиняли въ корыстолюбіи; но возмутители были въ пору схвачены и казнены.

Въ октябрѣ 1649 года созванный соборъ утвердилъ Уложеніе, состоявшее изъ 25 главъ, заключающее уголовные законы, дѣла объ обидахъ, полицейскія распоряженія, правила судопроизводства, законы о вотчинахъ, помѣстьяхъ, холопахъ и крестьянахъ, устройство и права посадскихъ, права всѣхъ сословій вообще, опредѣляемыя размѣромъ безчестія. Уложеніе въ первый разъ узаконило права государевой власти, обративши въ постановленіе то, что́ прежде существовало только по обычаю и по произволу. Такимъ образомъ, во второй и третьей главѣ „о государской чести и о государевомъ дворѣ“, указаны разные случаи измѣнъ, заговоровъ противъ государя, а также и безчинствъ, которыя могли быть совершены на государевомъ дворѣ.

Съ этихъ поръ узаконяется страшное государево „дѣло и слово“. Доносившій на кого-нибудь въ измѣнѣ или въ какомъ нибудь злоумышленіи, объявлялъ, что за нимъ есть „государево дѣло и слово“. Тогда начинался розыскъ „всякими сыски“ и по обычаю употребляли при этомъ пытку. Но и тотъ, кто доносилъ, въ случаѣ упорства отвѣтчика, также могъ подвергнуться бѣдѣ, если не докажетъ своего доноса: его постигало то наказаніе, какое постигло бы обвиняемаго. Страхъ казни за неправый и неудачный доносъ подрывался другою угрозою: за недонесеніе о какомъ нибудь злоумышленіи противъ царя обѣщана была смертная казнь; даже жена и дѣти царскаго недруга подвергались смертной казни, если не доносили на него. Понятно, что всякому, слышавшему что-нибудь похожее на оскорбленіе царской особы, приходила мысль сдѣлать доносъ, чтобы другой не предупредилъ его, потому что въ послѣднемъ случаѣ онъ могъ подвергнуться карѣ за недонесеніе. Выборные люди, бывшіе на соборѣ, особенно хлопотали о томъ, чтобъ установить уравненіе между тяглыми людьми, чтобы торговля и промыслъ находились исключительно въ рукахъ посадскихъ и торговыхъ людей. Тогда послѣдовало новое подтвержденіе правила, чтобы на посадахъ не было другихъ дворовъ, кромѣ посадскихъ; постановлено, чтобы всѣ посадскіе, которые вступили въ другое званіе или заложились за владѣльцевъ, возвраща-

лись снова въ тягло; положено было отобрать у владѣльцевъ всѣ слободы, заведенныя на городскихъ земляхъ, и записать ихъ въ тягло, а кабальныхъ людей, жившихъ въ этихъ слободахъ, вывести прочь. Уложеніе еще болѣе закрѣпило крестьянъ: урочные годы были уничтожены; принимать чужихъ крестьянъ было запрещено; крестьянинъ, сбѣжавшій отъ своего владѣльца, возвращался къ нему по закону во всякое время, также какъ и бѣжавшіе изъ дворцовыхъ селъ и черныхъ волостей крестьяне возвращались на прежнія мѣста жительства безъ урочныхъ лѣтъ; наконецъ, если крестьянинъ женился на бѣглой крестьянской или посадской дѣвушкѣ, то его отдавали вмѣстѣ съ женою въ первомъ случаѣ ея прежнему владѣльцу, а во второмъ — въ посадское тягло. Прежніе законы объ отдачѣ крестьянина одного владѣльца другому, у котораго убитъ крестьянинъ односельцемъ или господиномъ отдаваемаго, вошли въ Уложеніе. Во всѣхъ дѣлахъ, кромѣ уголовныхъ, владѣлецъ отвѣчалъ за своего крестьянина. Тѣмъ не менѣе, крестьяне и по Уложенію все-таки еще отличались нѣсколько отъ рабовъ или холопей: владѣлецъ не могъ насильно обращать своего крестьянина въ холопы, а крестьянинъ могъ добровольно давать на себя кабалу на холопство своему владѣльцу, но не чужому.

Частное землевладѣніе было тогда достояніемъ служилаго класса. Не всѣ имѣли право покупать вотчины, а только служилые высшихъ разрядовъ или тѣ, которымъ дозволитъ царь. Вотчина была признакомъ знатности или царской милости. Вотчины были трехъ родовъ: родовыя, купленныя и жалованныя. Вотчины родовыя и жалованныя переходили изъ рода въ родъ по опредѣленнымъ правиламъ наслѣдства. Купленной вотчиной распоряжался на случай смерти вотчинникъ совершенно по своему усмотрѣнію. Раздѣлъ былъ поровну между сыновьями; дочери не наслѣдовали при братьяхъ, но братья обязаны были выдавать ихъ замужъ съ приданымъ. Помѣстья въ это время уже приближались къ родовымъ имѣніямъ; хотя еще онѣ не подлежали праву наслѣдства, но, по смерти помѣщика, помѣстный приказъ уже по закону отдавалъ (справлялъ) помѣстья за его дѣтьми, а за неимѣніемъ дѣтей преимущественно за его родными. Вдовы и дочери получали изъ помѣстій умершихъ мужей и отцовъ такъ называемыя „прожиточныя помѣстья“.

Въ родовой и служебной лѣстницѣ сословій, первое мѣсто по породѣ занимали царевичи, потомки разныхъ мусульманскихъ владѣтелей, принявшихъ христіанство, а за ними князья;

но по служебному порядку выше всѣхъ стояли бояре, а за ними окольничіе, думные дворяне, составлявшіе всѣ вмѣстѣ сословіе думныхъ людей; къ нимъ присоединялись думные дьяки. Думные люди не подвергались, по Уложенію, торговой казни въ тѣхъ случаяхъ, когда подвергались другіе. За безчестіе, нанесенное имъ, по Уложенію наказывали кнутомъ и тюрьмою. Прочіе служилые: стольники, стряпчіе, московскіе дворяне, жильцы, городовые дворяне и дѣти боярскіе, дьяки, подъячіе, стрѣльцы и другихъ наименованій служилые люди, за нанесенныя имъ оскорбленія, получали за безчестіе сумму ихъ жалованья. Соотвѣтственно этому, за оскорбленіе духовныхъ лицъ, носившихъ святительскій санъ, назначалась тѣлесная казнь и тюремное заключеніе, соразмѣрно достоинству святителя, а за оскорбленіе прочихъ духовныхъ лицъ различное безчестье. Достоинство неслужилыхъ лицъ измѣрялось особою таксою въ различномъ размѣрѣ, такъ что даже въ одномъ сословіи люди трехъ статей: большой, средней и меньшей, получали различную плату за безчестье; самая большая сумма безчестія (за исключеніемъ Строгоновыхъ, получавшихъ 100 рублей за безчестіе) была 50 рублей. Жены получали вдвое, а дѣвицы вчетверо противъ мужчинъ. Самая меньшая сумма безчестья была рубль. Безчестіе полагалось вдвое, если кто кого обзывалъ незаконнымъ сыномъ. Холопъ не получалъ никакого безчестья и самъ цѣнился по закону въ 50 рублей. Холопы, по прежнему, были подъ произволомъ господъ и освобождались отъ рабства въ нѣсколькихъ случаяхъ: по желанію господина, въ случаѣ измѣны господина, по возвращеніи холопа изъ плѣна, или же когда господинъ не кормилъ холопа; но въ послѣднемъ случаѣ нужно было признаніе господина. Кабальные были крѣпки только до смерти господина. Кромѣ кабалъ, въ это время вошли въ обычай „живыя записи“. Кое-гдѣ отцы и матери отдавали въ работу дѣтей на урочные годы, а иные по „живымъ записямъ“ отдавались на прокормъ въ голодные годы.

Судъ въ это время перешелъ почти исключительно въ руки приказовъ. Значеніе губныхъ старостъ съ этихъ поръ болѣе упадаетъ, чѣмъ прежде, и скоро оно дошло почти до ничтожества; во всемъ беретъ верхъ приказный порядокъ, въ городахъ дѣлаются могучими воеводы и дьяки, непосредственно зависящіе отъ московскихъ приказовъ. Люди со своими тяжбами ѣздятъ въ Москву судиться въ приказахъ, и сильно тяготятся этимъ, потому что имъ приходится давать большія посулы и проживаться въ Москвѣ. Выраженіе „московская

волокита“, означавшее печальную необходимость тягаться въ приказѣ и проживаться въ столицѣ, вошло въ поговорку. Послѣдующая жизнь русскаго народа показываетъ, что Уложеніе не только не ввело правосудія, но, со времени его введенія, жалобы народа на неправосудіе, на худое управленіе раздавались еще громче, чѣмъ когда нибудь, и народъ, какъ мы увидимъ, безпрестанно терялъ терпѣніе и порывался къ мятежамъ.

Относительно церковнаго вѣдомства, Уложеніе узаконило, чтобы всѣ дѣла и иски, возникающіе между духовными, а также мірскими людьми, принадлежащими къ церковному вѣдомству съ одной стороны и лицами гражданскаго вѣдомства съ другой — судимы были въ приказахъ большаго дворца и монастырскомъ. Въ послѣдній собирались подати и повинности съ монастырскихъ имѣній. Это установленіе возбуждало неудовольство ревнителей старинной независимости церкви.

Въ 1649 году исполнилось давнее желаніе торговыхъ людей: англійской компаніи поставили въ вину, что купцы ея тайно провозили чужіе товары за свои, привозили свои дурные товары и „заговоромъ“ возвышали на нихъ цѣны, а русскимъ за ихъ товары стакивались платить менѣе, чѣмъ слѣдовало. За все это права компаніи уничтожались, всѣмъ англичанамъ велѣно было уѣхать въ отечество; пріѣзжать съ товарами могли они впередъ не иначе, какъ въ Архангельскъ, и платить за свои товары пошлины. Вдобавокъ было сказано, что государь прежде позволялъ имъ торговать безпошлинно „ради братской дружбы и любви короля Карлуса, но такъ какъ англичане всею землею своего короля Карлуса убили до смерти, то за такое злое дѣло англичанамъ не довелось быть въ Московскомъ Государствѣ“. Удача московскаго мятежа искушала народъ къ возстаніямъ въ другихъ мѣстахъ. Стало укореняться мнѣніе, что царь Алексѣй Михайловичъ государствуетъ только по имени, на самомъ же дѣлѣ правленіе находится въ рукахъ бояръ, особенно Морозова, царскаго тестя Милославскаго и ихъ подручниковъ. Несправедливости и обирательства воеводъ и дьяковъ усиливали и раздували народную злобу. Переставши вѣрить, что все исходитъ отъ царя, считая верховную власть въ рукахъ бояръ, народъ естественно пришелъ къ убѣжденію, что и народъ — такіе же подданные, какъ и бояре — имѣетъ право судить о государственныхъ дѣлахъ. Такой духъ пробудился тогда въ двухъ сѣверныхъ городахъ: Новгородѣ и Псковѣ.

Началось во Псковѣ.

По Столбовскому договору со шведами постановлено было выдавать перебѣжчиковъ изъ обоихъ государствъ. Къ Швеціи, какъ извѣстно, отошли новгородскія земли, населенныя русскими. Изъ этихъ земель многіе бѣжали въ русскіе предѣлы. Выдавать ихъ казалось зазорнымъ, тѣмъ болѣе, когда они говорили, что убѣгали отъ того, что ихъ хотѣли обратить въ лютеранскую вѣру. Московское правительство договорилось со шведскимъ заплатить за перебѣжчиковъ частью деньгами, а частью хлѣбомъ. Но въ это время былъ хлѣбный недородъ. Съ цѣлью выдать шведамъ хлѣбъ по договору, правительство поручило скупку хлѣба во Псковѣ гостю Емельянову. Этотъ гость увидѣлъ возможность воспользоваться даннымъ ему порученіемъ для своей корысти и, подъ предлогомъ соблюденія царской выгоды, не позволялъ покупать хлѣба для вывоза изъ города иначе, какъ только у него. Хлѣбъ, и безъ того вздорожавшій отъ неурожая, еще болѣе поднялся въ цѣнѣ. Псковичи естественно стали роптать на такую монополію; черные люди собирались по кабакамъ и толковали о томъ, что государствомъ правятъ бояре и главный изъ нихъ Морозовъ, что бояре дружатъ иноземцамъ, выдаютъ казну шведской королевѣ, вывозятъ хлѣбъ за рубежъ, хотятъ „оголодить" Русскую Землю.

Въ это время до псковичей дошелъ слухъ, что ѣдетъ шведъ и везетъ изъ Москвы деньги.

27 февраля 1650 года человѣкъ тридцать псковичей изъ бѣднаго люда (изъ меньшихъ людей) пришли къ своему архіепископу Макарію толковать, что не надобно пропускать за рубежъ хлѣба. Архіепископъ позвалъ воеводу Собакина. Воевода пригрозилъ „кликунамъ", какъ называли тогда смѣлыхъ хулителей начальственныхъ повелѣній. Но кликуны не испугались воеводы и на другой день, 28 февраля, подобрали себѣ уже значительную толпу. Они собрались у всенародной избы и стали кричать, что не надобно вывозить хлѣба. Вдругъ раздался крикъ: „нѣмецъ ѣдетъ! везетъ казну изъ Москвы!"

Дѣйствительно, въ это время ѣхалъ шведскій агентъ Нуменсъ и везъ до двадцати тысячъ рублей изъ тѣхъ денегъ, которыя были назначены для уплаты шведамъ за перебѣжчиковъ. Нумменсъ ѣхалъ къ Завеличью, гдѣ тогда стоялъ гостиный дворъ для иноземцевъ. Народъ бросился на него. Его потащили ко всенародной избѣ, подняли на два, поставленные одинъ на другой, чана, показали народу, отняли у него казну и бумаги и посадили подъ стражу. Потомъ толпа бросилась къ дому непа-

вистнаго ей гостя Емельянова. Гость успѣлъ убѣжать. У жены его взяли царскій указъ, въ которомъ было сказано, „чтобы этого указа никто не вѣдалъ“. Псковичи кричали, что грамота писана боярами безъ вѣдома царя. Мятежники выбрали свое особое правленіе изъ посадскихъ, не хотѣли знать воеводы и отправили въ Москву отъ себя челобитчиковъ. Псковичи жаловались, что воевода беретъ въ лавкахъ насильно товары, заставляетъ ремесленниковъ на себя работать, у служилыхъ людей удерживаетъ жалованье; его сыновья оскорбляютъ псковскихъ женщинъ; воеводскіе писцы неправильно составили писцовыя книги, такъ что посадскимъ тяжелѣе, чѣмъ крестьянамъ. Что касается до поступка съ Нуммeнсомъ, то псковичи говорили, будто шведъ имъ грозилъ войною. Кромѣ этой челобитной, псковичи послали особую челобитную къ боярину Никитѣ Ивановичу Романову, просили его походатайствовать, чтобы впередъ воеводы и дьяки судили вмѣстѣ съ выборными старостами и цѣловальниками и чтобы псковичей не судили въ Москвѣ.

Вѣсть о псковскомъ возстаніи быстро достигла Новгорода, а между тѣмъ и тамъ уже народъ роптал, когда царскіе бирючи кликали по торгамъ, чтобы новгородскіе люди не покупали хлѣба для себя иначе, какъ въ небольшомъ количествѣ. Стали и новгородцы кричать, что царь ничего не знаетъ, всѣмъ управляютъ бояре, отпускаютъ за море казну и хлѣбъ въ ущербъ Русской Землѣ.

Умы уже были достаточно возбуждены, когда 15 марта случайно прибылъ въ Новгородъ проѣздомъ датскій посланникъ Грабъ. Посадскій человѣкъ Елисей Лисица на площади, передъ земскою избою, взволновалъ народъ, увѣривши его, что пріѣхалъ шведъ съ царскою казною. Онъ возбуждалъ толпу и на гостей, и на богатыхъ людей, которые имѣли порученіе закупать для казны хлѣбъ. Ударили въ набатъ, началась „гиль“, какъ говорилось тогда въ Новгородѣ и въ Псковѣ. Толпа бросилась на датскаго посланника, избила его, изувѣчила, потомъ разграбила дворы новгородскихъ богачей.

Митрополитъ Никонъ и воевода князь Ѳедоръ Хилковъ пытались укротить мятежъ, но силы у нихъ было мало; а нѣкоторые изъ служилыхъ—стрѣльцы и дѣти боярскіе—перешли на сторону мятежа. Толпа освободила посаженнаго Никономъ подъ стражу митрополичьяго приказнаго Ивана Жеглова, и 16 марта составилось народное правительство изъ девяти человѣкъ (кромѣ посадскихъ, въ числѣ ихъ былъ одинъ стрѣлецкій пятидесятникъ и одинъ подъячій). Жегловъ былъ поставленъ во главѣ этого народнаго правительства. По его

принужденію, новгородцы составили приговоръ и цѣловали крестъ на томъ, „чтобы всѣмъ стать за одно, если государь пошлетъ на нихъ рать и велитъ казнить смертью, а денежной казны и хлѣба не пропускать за рубежъ". Служилые люди, не желавшіе приступать къ нимъ, должны были поневолѣ прилагать руки къ такому приговору. Никонъ пытался смирить мятежниковъ духовнымъ оружіемъ и изрекъ надъ ними проклятіе. Но это только болѣе озлобило ихъ.

Они отправили къ царю челобитчиковъ и въ своей челобитной сочиняли, будто самъ датскій посланникъ Грабъ со своими людьми сдѣлалъ нападеніе на новгородцевъ. Они просили, чтобъ государь не велѣлъ отпускать за рубежъ денежной казны и хлѣба, потому что слухъ ходилъ такой, что шведы хотятъ, взявши государеву казну, нанять на нее войско и идти войною на Новгородъ и Псковъ.

Въ Москвѣ пришли въ раздумье, когда узнали о мятежахъ въ двухъ важнѣйшихъ сѣверныхъ городахъ; московское правительство прибѣгло къ полумѣрамъ: хотѣли въ одно и то же время стращать мятежниковъ и усмирить ихъ ласкою. Отправили князя Ивана Хованскаго съ небольшимъ войскомъ, а между тѣмъ, въ отвѣтъ на новгородскую челобитную, царь хотя и укорялъ новгородцевъ за мятежъ и насилія, хотя и замѣчалъ, что „онъ съ Божіею помощью знаетъ, какъ править своимъ государствомъ", но въ то же время удостоивалъ мятежниковъ объясненій: зачѣмъ нужно было отпускать хлѣбъ, доказывалъ, что невозможно, по ихъ просьбѣ, запретить продажу хлѣба за границу, потому что тогда и шведы не повезутъ въ Московское Государство товаровъ, и будетъ тогда Московскому Государству оскудѣніе. Въ угоду новгородцамъ, по ихъ жалобамъ на воеводу Хилкова, царь объявляетъ имъ, что смѣняетъ его и назначаетъ вмѣсто него князя Юрія Буйносова-Ростовскаго.

Новгородцы объявили, что не пустятъ Хованскаго въ городъ съ военными силами; впрочемъ, и самъ Хованскій получилъ отъ царя наказъ стоять у Хутынскаго монастыря, не пропускать никого въ городъ и уговаривать новгородцевъ покориться царю.

Но между самими новгородцами происходило уже раздвоеніе. Число удалыхъ, готовыхъ на крайнее сопротивленіе, рѣдѣло; люди зажиточные были за правительство. Изъ самыхъ ярыхъ крикуновъ и зачинщиковъ находились такіе, что готовы были отстать отъ общаго дѣла ради цѣлости собственной кожи. Такимъ образомъ, одинъ изъ товарищей Жеглова,

Негодяевъ, передался Хованскому, отправился въ Москву и, получивши прощеніе, старался тамъ, хотя безуспѣшно, обвинить митрополита Никона.

Въ концѣ апрѣля Хованскій вошелъ въ городъ. Прежде всего онъ приказалъ отрубить голову одному посадскому человѣку, Волку, обезчестившему датскаго посла, а народныхъ правителей съ толпою посадскихъ, числомъ 218, посадилъ подъ стражу. Сначала изъ Москвы вышелъ было приговоръ казнить смертью зачинщиковъ, находившихся въ составѣ народнаго правительства, и въ томъ числѣ Жеглова, но потомъ приговоръ этотъ былъ отмѣненъ. Страшнымъ казалось раздражать народъ, тѣмъ болѣе, что въ то время Псковъ не такъ скоро и не такъ легко успокоивался, какъ Новгородъ.

Во главѣ народнаго правительства во Псковѣ стоялъ земскій староста Гаврило Демидовъ, человѣкъ крѣпкій волею; онъ долго удерживалъ своихъ товарищей и черный народъ въ упорствѣ. Въ концѣ марта царь прислалъ во Псковъ на смѣну Собакину другого воеводу, князя Василія Львова, но псковичи не отпускали отъ себя Собакина, до тѣхъ поръ, пока возвратятся изъ Москвы ихъ челобитчики; а 28 марта, услышавши, что изъ Москвы посылается на нихъ войско, пришли къ новому воеводѣ, стали требовать отъ него выдачи имъ пороху и свинцу; когда воевода не далъ имъ, то они отняли силою то и другое и громко объявили, что тѣ, которые придутъ на нихъ изъ Москвы, „будутъ для нихъ все равно, что нѣмцы: псковичи станутъ съ ними биться“.

Черезъ день послѣ того, 30 марта, явился во Псковъ отъ царя производить обыскъ князь Ѳедоръ Волконскій. Псковичи обругали его, нанесли ему нѣсколько ударовъ и отняли у него грамоту, въ которой приказано было ему казнить виновныхъ. Псковичи, прочитавши эту грамоту, закричали: „Мы скорѣе казнимъ здѣсь того, кто будетъ присланъ изъ Москвы казнить насъ“.

Ходили въ народѣ слухи, что управлявшіе государствомъ бояре — въ соумышленіи съ нѣмцами, что царь отъ нихъ убѣжалъ, находится въ Литвѣ и придетъ во Псковъ съ литовскимъ войскомъ. Мятежъ распространился на псковскіе пригороды. Въ псковской землѣ крестьяне и бѣглые холопи начали жечь помѣщичьи усадьбы, убивать помѣщиковъ.

12 марта явились обратно изъ Москвы псковскіе челобитчики. Царскій отвѣтъ, который они привезли съ собою, былъ неблагопріятенъ, особенно насчетъ той просьбы, которая была обращена къ боярину Романову. „Бояринъ Романовъ,—

сказано было въ царской грамотѣ,—служитъ намъ такъ, какъ и другіе бояре: между ними нѣтъ розни; при нашихъ предкахъ никогда не бывало, чтобы мужики сидѣли у расправныхъ дѣлъ вмѣстѣ съ боярами, окольничими и воеводами, и впередъ этого не будетъ".

Черезъ нѣсколько дней, въ концѣ мая, прибылъ князь Хованскій съ войскомъ подъ Псковъ. За нимъ, какъ обѣщалъ самъ царь въ своемъ отвѣтѣ, долженъ былъ идти князь Алексѣй Трубецкой съ бо́льшимъ войскомъ—наказывать псковичей, если они не покорятся.

Хованскій, ставши близъ города на Снятной горѣ, пытался увѣщаніями склонить псковичей къ повиновенію и послалъ къ нимъ дворянина Бестужева съ товарищами. Псковичи убили Бестужева и дали Хованскому отвѣтъ, что они не сдадутся, хоть бы какое большое войско ни пришло на нихъ. Съ тѣхъ поръ два мѣсяца стоялъ Хованскій подъ Псковомъ. Происходило нѣсколько стычекъ; эти стычки были неудачны для псковичей и по необходимости охладили жаръ мятежниковъ.

Какъ бы то ни было, псковичи, однако, долго еще не сдавались. Дѣло съ ними имѣло видъ междоусобной войны. Московское правительство опасалось, чтобы примѣръ Пскова не подѣйствовалъ на другіе города, и прибѣгнуло къ содѣйствію русскаго народа.

26 іюля созванъ былъ земскій соборъ (впрочемъ, едва ли по тому способу выбора, какой бывалъ прежде). Къ сожалѣнію, нѣтъ актовъ этого собора, но изъ послѣдующихъ событій видно, что на этомъ соборѣ постановлено было употребить еще разъ кроткія мѣры противъ мятежнаго Пскова. Отправленъ былъ во Псковъ коломенскій епископъ Рафаилъ съ нѣсколькими духовными сановниками, а съ ними выборные люди изъ разныхъ сословій. Предлагалось псковичамъ прощеніе, если они прекратятъ мятежъ, угрожали имъ, что въ противномъ случаѣ, самъ царь пойдетъ на нихъ съ войскомъ. Съ своей стороны, новгородскій митрополитъ Никонъ совѣтовалъ царю дать полное прощеніе всѣмъ мятежникамъ, потому что этимъ способомъ скорѣе можно было добиться утишенія смуты.

Дѣйствительно, съ одной стороны неудачныя вылазки охладили горячность псковичей; съ другой—во Псковѣ люди зажиточные, такъ-называемые лучшіе, были рѣшительно противъ возстанія; каждый изъ нихъ трепеталъ за свое достояніе и страшился разоренія, которое должно было постигнуть всѣхъ безъ разбора.

Увѣщанія Рафаила и пришедшихъ съ нимъ выборныхъ людей имѣли значеніе голоса всей Русской Земли, изрекающей свой приговоръ надъ псковскимъ дѣломъ. Псковичи покорились этому голосу. Мятежниковъ не преслѣдовало начальство; имъ дана была царская милость. Но свои „лучшіе люди", псковскіе посадскіе, не хотѣли простить меньшимъ людямъ, которые во время своего господства поживились богатствами лучшихъ людей; лучшіе люди сами похватали бывшихъ народныхъ правителей и посадили въ тюрьму: ихъ обвиняли въ попыткѣ произвести новый мятежъ, увезли изъ Пскова и казнили.

Всѣ эти мятежи неизбѣжно должны были подѣйствовать на правительство. Царь Алексѣй Михайловичъ не измѣнился въ своемъ обычномъ добродушіи, но сталъ недовѣрчивѣе, рѣже появлялся народу и принималъ мѣры предосторожности: отъ этого, куда онъ ни ѣздилъ во все свое царствованіе, его сопровождали стрѣльцы. Его царское жилище постоянно было охраняемо вооруженными воинами, и никто не смѣлъ приблизиться къ рѣшеткѣ, окружавшей дворецъ, никто не смѣлъ подать лично просьбу государю, а подавалъ всегда черезъ кого-нибудь изъ его приближенныхъ. Одинъ англичанинъ разсказываетъ, что однажды царь Алексѣй Михайловичъ, въ порывѣ страха, собственноручно умертвилъ просителя, который тѣснился къ царской повозкѣ, желая подать прошеніе, и потомъ очень жалѣлъ объ этомъ. Въ послѣдующіе за мятежами годы появился новый приказъ—Приказъ Тайныхъ Дѣлъ, начало тайной полиціи. Этотъ приказъ порученъ былъ вѣдѣнію особаго дьяка; бояре и думные люди не имѣли къ нему никакого отношенія. Подъячіе этого приказа посылались надсматривать надъ послами, надъ воеводами и тайно доносили царю; отъ этого всѣ начальствующіе люди почитали выше мѣры этихъ царскихъ наблюдателей. По всему государству были у царя шпіоны изъ дворянъ и подъячихъ; они проникали на сходбища, на свадьбы, на похороны, подслушивали и доносили правительству обо всемъ, чтò имѣло видъ злоумышленія. Доносы были въ большомъ ходу, хотя доносчикамъ всегда грозила пытка, но стоило выдержать пытку, доносъ признавался несомнѣнно справедливымъ [1]). Тяжелѣе для на-

[1]) Пытки были разныхъ родовъ; самая простая состояла въ простомъ сѣченіи; болѣе жестокія были такого рода: преступнику завязывали назадъ руки и подымали вверхъ веревкою на перекладину, а ноги связывали вмѣстѣ и привязывали бревно, на которое вскакивалъ палачъ и „оттягивалъ" пытаемаго; иногда же другой палачъ сзади билъ его кнутомъ по спинѣ. Иногда, привязавши человѣка за руки къ пере-

рода стало управленіе въ городахъ и уѣздахъ. Въ важнѣйшихъ городахъ начальники назывались намѣстниками, напримѣръ, во Псковѣ, Новгородѣ, Казани и т. д., и назначались изъ знатныхъ людей: бояръ и окольничихъ; въ менѣе важныхъ начальники назывались воеводами и назначались изъ стольниковъ и дворянъ. При воеводахъ были товарищи и всегда дьякъ и подъячіе. Намѣстники и воеводы со своими приказными людьми надзирали за порядкомъ, имѣли въ своемъ вѣдѣніи военную защиту города, пушечные и хлѣбные запасы, всѣ денежные и другіе сборы, взимаемые съ жителей посада и уѣзда, вѣдали всѣхъ служилыхъ людей, состоящихъ въ городѣ и уѣздѣ; они надзирали за благочиніемъ; преслѣдовали и наказывали корчемство, игру въ зернь, табачную продажу; отыскивали, пытали и казнили воровъ и разбойниковъ; принимали мѣры противъ пожаровъ; имъ подавались челобитныя на имя царское, и они творили судъ и расправу. Воеводы въ это время назначались обыкновенно на три года и не получали жалованья, а, напротивъ, должны были еще давать взятки въ приказахъ, чтобы получить мѣсто, потому — смотрѣли на свою должность, какъ на средство къ поживѣ, и не останавливались ни передъ какими злоупотребленіями; хотя въ наказахъ имъ и предписывалось не утѣснять людей, но такъ какъ имъ нужно было вернуть данныя въ приказахъ поминки, добыть средства къ существованію и вдобавокъ нажиться, то они, по выраженію современниковъ, „чуть не сдирали живьемъ кожи съ подвластнаго имъ народа, будучи увѣрены, что жалобы обиженныхъ не дойдутъ до государя, а въ приказахъ можно будетъ отдѣлаться тѣми деньгами, которыя они награбятъ во время своего управленія“. Судъ ихъ былъ до крайности продаженъ: кто давалъ имъ посулы и поминки, тотъ былъ и правъ; не было преступленія, которое не могло бы остаться безъ наказанія за деньги, а съ другой стороны, нельзя было самому невинному человѣку быть избавленнымъ отъ страха попасть въ бѣду. Воевода долженъ былъ, по своей обязанности, наблюдать, чтобы подвластные ему не начинали „круговъ“, бунтовъ и „заводовъ“, и это давало имъ страшное орудіе ко всякимъ придиркамъ. Раздавались повсемѣстно жалобы, что воеводы бьютъ посадскихъ людей безъ сыску и вины, са-

кладинѣ, подъ ногами раскладывали огонь, иногда клали несчастнаго на горящія уголья спиною и топтали его ногами по груди и по животу. Пытки надъ преступниками повторялись до трехъ разъ; наиболѣе сильною пыткою было рваніе тѣла раскаленными клещами; водили также по тѣлу, изсѣченному кнутомъ, раскаленнымъ желѣзомъ, выбривали темя и капали холодною водою и т. п.

жаютъ въ тюрьмы, мучатъ на правежахъ, задерживаютъ проѣзжихъ торговыхъ людей, придираются къ нимъ подъ разными предлогами, обираютъ ихъ, сами научаютъ ябедниковъ заводить тяжбы, чтобы содрать съ отвѣтчиковъ. Было тогда у воеводъ обычное средство обдирательства: они дѣлали у себя пиры и приглашали къ себѣ зажиточныхъ посадскихъ людей; каждый, по обычаю, долженъ былъ въ этомъ случаѣ нести воеводѣ поминки. Земскіе старосты и цѣловальники, существовавшіе въ посадахъ и волостяхъ, не только не могли останавливать злоупотребленій воеводъ, а еще самимъ воеводамъ вмѣнялось въ обязанность охранять людей „отъ мужиковъ горлановъ". Выборныя лица, завѣдывавшія дѣлами болѣе значительными, были обыкновенно изъ такъ-называемыхъ „луччихъ людей", а бѣдняковъ выбирали только на второстепенныя должности, гдѣ они отвлекались отъ собственныхъ дѣлъ и принимали отвѣтственность за казенный интересъ (напр., въ цѣловальники при соблюденіи какихъ-нибудь царскихъ доходовъ). На нихъ обыкновенно взваливали всякіе расходы и убытки. Земскіе старосты изъ лучшихъ людей старались жить въ мирѣ съ воеводами и доставлять имъ возможность наживаться; притомъ, разъ выбранные, они не могли быть смѣнены иначе, какъ по челобитной, а между тѣмъ, въ случаѣ ущерба казнѣ, нанесеннаго отъ выборныхъ лицъ, вся община отвѣчала за нихъ. Правительство не одобряло произвола и нахальства воеводъ и приказныхъ людей и наказывало ихъ, если они попадались; такъ, мы имѣемъ примѣръ, какъ гороховскій воевода князь Кропоткинъ и дьякъ Семеновъ были биты кнутомъ за взятки и грабительства, но такія отдѣльныя мѣры не могли исправить порчи, господствовавшей во всемъ механизмѣ управленія. Важнѣйшій доходъ казны — продажа напитковъ, отдавался обыкновенно на откупъ. Правительство главнымъ образомъ, какъ кажется, по совѣту патріарха Никона, признало, что такой порядокъ тягостенъ для народа и притомъ вредно отзывается на его нравственности: откупщики, заплативши впередъ въ казну, старались всѣми возможными видами выбрать свое и обогатиться, содержа кабаки, дѣлали ихъ разорительными притонами пьянства, плутовства и всякаго беззаконія. Притомъ же казалось, что выгода, которая предоставляется откупщикамъ, можетъ сдѣлаться достояніемъ казны, если продажа будетъ прямо отъ казны. Въ 1652 году кабаки были замѣнены кружечными дворами, которые уже не отдавались на откупъ, а содержались выборными людьми „изъ луччихъ" посадскихъ и волостныхъ людей, называемыхъ „вѣр-

ными головами“; при нихъ были выборные цѣловальники, занимавшіеся и куреніемъ вина. Куреніе вина дозволялось всѣмъ, но только по уговору съ доставкою вина на кружечный дворъ. Мѣра эта предпринята была какъ бы для уменьшенія пьянства, потому что во всѣ посты и въ недѣльные дни запрещалась торговля виномъ, а дозволялось, какъ общее правило, продавать не болѣе чарки (въ три чарки) на человѣка; „питухамъ“ на кружечномъ дворѣ и по близости его не позволялось пить. Но до какой степени непослѣдовательны были въ то время постановленія, показываетъ то, что въ томъ же актѣ вмѣняется въ обязанность головамъ, чтобъ у нихъ „питухи на кружечномъ дворѣ пили смирно“. По прежнему, воеводы имѣли право разрѣшать лучшимъ посадскимъ людямъ производство горячихъ напитковъ на свой обиходъ по поводу праздниковъ и семейныхъ торжествъ. Эти правила, однако, не долго были въ силѣ, и правительство, нуждаясь въ деньгахъ, начало требовать, чтобы на кружечныхъ дворахъ было собираемо побольше доходовъ и угрожало вѣрнымъ головамъ и цѣловальникамъ наказаніемъ въ случаѣ недобора противъ прежнихъ лѣтъ. Такъ какъ боярамъ, гостямъ и вообще вотчинникамъ дозволялось для себя свободное винокуреніе, то во всемъ государствѣ, кромѣ казеннаго вина, было очень много вольнаго, и надобно было преслѣдовать корчемство: отъ этого народу происходили большія утѣсненія, а воеводамъ и ихъ служилымъ людямъ, гонявшимся за корчемниками, былъ удобный поводъ къ придиркамъ, насиліямъ и злоупотребленіямъ.

Въ 1653 году, по челобитью торговыхъ людей, во всемъ государствѣ заведена однообразная, такъ-называемая, рублевая пошлина по десяти денегъ съ рубля. Каждый купецъ, покупая товаръ на продажу, платилъ пять денегъ съ рубля, могъ везти товаръ куда угодно съ выписью, и платилъ остальныя пять денегъ тамъ, гдѣ продавалъ. Взамѣнъ этого отмѣнялись разныя мелкія пошлины, хотя далеко не всѣ. Въ слѣдующемъ, 1654 г., уничтожены были, очевидно съ совѣта Никона, откупы на множество разныхъ пошлинъ (напр., съ рѣчныхъ перевозовъ, съ телѣгъ, саней, съ рыбы, кваса, масла, сѣна и т. п.), которыя заводились не только въ посадахъ и волостяхъ, но и въ частныхъ владѣніяхъ владѣльцами. Царская грамота называла такіе откупы „злодѣйствомъ“.

Еще въ половинѣ 1653 года предвидѣлось, что война съ Польшею неизбѣжна. Приготовленія къ ней подали поводъ

къ разнымъ торжествамъ, проводамъ, встрѣчамъ, обрядамъ, которые такъ любилъ царь. Царь собралъ на Дѣвичьемъ полѣ войско и приказалъ произнести въ своемъ присутствіи думному дьяку рѣчь къ ратнымъ людямъ, уговаривалъ ихъ, въ надеждѣ царства небеснаго на небѣ и милости царской на землѣ, оказать храбрость на войнѣ, если придется съ кѣмъ нибудь вести ее. 1 октября того же года земскій соборъ приговорилъ вести войну съ Польшею, а 23 числа того же мѣсяца царь въ Успенскомъ соборѣ объявилъ всѣмъ начальнымъ людямъ, что въ предстоящую войну они будутъ безъ мѣстъ [1]). Въ январѣ заключенъ былъ бояриномъ Бутурлинымъ Переяславскій договоръ, по которому совершилось присоединеніе Малороссіи: боярину Бутурлину, по этому поводу, дѣлались несчетныя встрѣчи и торжественное объявленіе царской благодарности; но всего пышнѣе и торжественнѣе было отправленіе боярина Алексѣя Никитича Трубецкаго съ войскомъ въ Польшу. То дѣлалось 23 апрѣля, въ воскресенье. Въ Успенскомъ соборѣ патріархъ читалъ всему собранному войску молитву на рать идущимъ, поминалъ воеводъ по именамъ. Царь поднесъ патріарху воеводскій наказъ, патріархъ положилъ эту бумагу въ кіотъ Владимірской Богородицы, проговорилъ высокопарную рѣчь и подалъ наказъ главному военачальнику Трубецкому—наказъ какъ бы отъ лица Пресвятой Богородицы. Царь во всемъ царскомъ облаченіи, поддерживаемый подъ руки боярами, позвалъ бояръ и воеводъ на обѣдъ, и когда всѣ сѣли за столъ, царь, вставши со своего мѣста, произнесъ Трубецкому рѣчь съ разными нравоученіями, и передалъ ему списки ратныхъ людей, потомъ обратился съ рѣчью къ подначальнымъ лицамъ, увѣщевалъ ихъ соблюдать Божьи заповѣди и царскія повелѣнія, во всемъ слушаться начальниковъ, не щадить и не покрывать враговъ и сохранять чистоту и цѣломудріе. По окончаніи обѣда, принесли Богородицынъ хлѣбъ на панагіи, при пѣніи священныхъ пѣснопѣній; царь потребилъ хлѣбъ, потомъ взялъ Богородицыну чашу, трижды отпилъ и подавалъ по чину боярамъ и воеводамъ. Отпустивши духовенство съ панагіею, царь сѣлъ, потомъ опять всталъ, приказалъ угощать бояръ и ратныхъ людей медомъ (начальниковъ—краснымъ, а простыхъ воиновъ бѣлымъ медомъ), и по окончаніи угощенія произнесъ еще рѣчь Трубецкому: царь въ ней приказывалъ всѣмъ

[1]) Не будутъ считаться мѣстами по достоинству службы. Мѣстническіе счеты, бывшіе издавна въ обычаѣ, на все время войны упразднились.

ратнымъ людямъ исповѣдываться и причащаться на первой недѣлѣ Петрова поста. Трубецкой отвѣчалъ царю также рѣчью, и выражался, „что если пророкомъ Моисеемъ дана была израильтянамъ манна, то они, русскіе люди, не только напитались тѣлесною снѣдью, но обвеселились душевною пищею премудрыхъ и пресладкихъ глаголовъ, исходящихъ изъ царскихъ устъ“. Потомъ совершилась церемонія „отпуска“. Трубецкой первый подошелъ къ царю: Алексѣй Михайловичъ взялъ его обѣими руками за голову и прижалъ къ груди, а Трубецкой тридцать разъ сряду поклонился царю въ землю. За Трубецкимъ подходили другіе воеводы и кланялись въ землю по нѣскольку разъ. Царь отпустилъ начальныхъ людей, и вышелъ въ сѣни. Тамъ стояли разные дворяне и дѣти боярскіе; царь давалъ имъ изъ своихъ рукъ ковши съ бѣлымъ медомъ и опять говорилъ рѣчь. „На соборахъ,—сказалъ царь,—были выборные люди по два человѣка отъ всѣхъ городовъ; мы говорили имъ о неправдахъ польскаго короля, вы все это слышали отъ вашихъ выборныхъ; такъ стойте же за злое гоненіе на православную вѣру и за всякую обиду на Московское Государство, а мы сами идемъ вскорѣ и будемъ съ радостью принимать раны за православныхъ христіанъ“.... „Если ты государь, — отвѣчали ратные люди, — хочешь кровью обагриться, такъ намъ и говорить послѣ того нечего: готовы положить головы наши за православную вѣру, за государей нашихъ и за все православное христіанство“.

Черезъ три дня послѣ того совершалась новая церемонія; все войско проходило мимо дворца; патріархъ Никонъ кропилъ его св. водою; бояре и воеводы, сошедши съ лошадей, подходили къ переходамъ, гдѣ находился царь; онъ спрашивалъ ихъ о здоровьѣ, а они кланялись ему въ землю. Никонъ произнесъ рѣчь, призывалъ на нихъ благословеніе Божіе и всѣхъ святыхъ. Трубецкой, съ воеводами, поклонясь патріарху въ землю, также отвѣчалъ рѣчью, наполненною цвѣтистыми выраженіями, обѣщалъ отъ лица всего войска „слушаться учительныхъ словесъ государя патріарха“.

Положено было въ маѣ отправиться на войну самому государю. Прежде всего Алексѣй Михайловичъ счелъ нужнымъ посѣтить разныя русскія святыни, отправилъ впередъ себя икону Иверской Божьей Матери, а 18 числа выступилъ въ сопровожденіи дворовыхъ воеводъ. Въ воротахъ, черезъ которыя шелъ государь изъ Москвы, устроены были возвышенія, обитыя краснымъ сукномъ (рундуки), съ которыхъ ду-

ховенство кропило св. водою государя и проходившихъ съ нимъ ратныхъ людей [1]).

Война 1654 года шла такъ успѣшно, какъ ни одна изъ прежде бывшихъ войнъ съ Польшею и Литвою, но благодушная натура Алексѣя Михайловича непріятно сталкивалась съ обычнымъ лукавствомъ, приросшимъ московскому характеру окружавшихъ его лицъ. Самъ царь сознавалъ это и писалъ Трубецкому: „съ нами ѣдутъ не единодушіемъ, наипаче двоедушіемъ какъ есть оболока: овогда благопотреб-

[1]) Главная масса войска, по прежнему, все еще состояла тогда изъ дворянъ и дѣтей боярскихъ, которыхъ наслѣдственно верстали на службу, надѣляя помѣстнымъ окладомъ и денежнымъ жалованьемъ и оставляя изъ двухъ сыновей одного въ семьѣ. За ними слѣдовали стрѣльцы (пѣшее войско), тогда получавшіе, какъ мы сказали выше, все болѣе и болѣе значенія. Царь Алексѣй Михайловичъ особенно ласкалъ ихъ, давалъ имъ право на безпошлинные промыслы, жаловалъ землею, сукнами и пр. Стрѣльцы раздѣлялись на приказы отъ 800 до 1,000 человѣкъ въ каждомъ приказѣ (всѣхъ приказовъ было 20). Приказы находились подъ начальствомъ головъ, полковниковъ, полуголовъ, сотниковъ, пятидесятниковъ и десятниковъ. Кромѣ жалованья, собираемаго со всего государства деньгами, имъ доставлялись хлѣбные запасы, особый поборъ подъ названіемъ стрѣлецкаго хлѣба. За стрѣльцами слѣдовали казаки (конное войско), которымъ давали дворовыя мѣста и пахатныя земли, свободныя отъ всякихъ налоговъ. Они состояли подъ управленіемъ атамановъ, сотниковъ и асауловъ и разселены были по украинымъ городамъ казачьими слободами. Находившіеся при орудіяхъ назывались пушкарями. Тогда появились особые конные отдѣлы войскъ, подъ названіемъ рейтаровъ и драгуновъ, которые набирались изъ разнаго рода еще неслужившихъ людей, преимущественно служилаго сословія. Они раздѣлялись на полки: иные имѣли помѣстья, а другіе получали по 30 руб. въ годъ; въ мирное время, они должны были имѣть собственную лошадь и вооружены были карабинами и пистолетами. Они подвергались правильному обученію, которымъ занимались иноземцы, носившіе чины полковниковъ, полуполковниковъ, маіоровъ и ротмистровъ; между послѣдними начали появляться русскіе незнатные люди. Въ это время былъ устроенъ новый отдѣлъ войска подъ названіемъ „солдатъ“. Въ 1649 году были заведены солдатскіе полки въ заонежскихъ погостахъ и въ старорусскомъ уѣздѣ. Они набирались изъ жителей со двора по человѣку, а съ большихъ семей и болѣе (отъ двадцати до пятидесяти лѣтъ отъ роду), и за то волости, изъ которыхъ они набирались, освобождались отъ платежа данныхъ и оброчныхъ денегъ. Солдаты получали содержаніе и денежное жалованіе и раздѣлялись на полки, а полки на роты пѣшія и конныя, вооружены были шпагами и мушкетами, состояли подъ начальствомъ иноземныхъ офицеровъ, которые обучали ихъ ратному строю. Предъ началомъ войны въ 1653 году приказано усилить солдатское войско, записывая въ солдаты разныхъ родственниковъ, служившихъ у стрѣльцовъ, казаковъ посадскихъ, а также разныхъ захребетниковъ, гулящихъ людей. Всѣмъ такимъ людямъ велѣно сдѣлать списки и половину ихъ зачислить въ солдаты. Затѣмъ обращены были въ солдаты дѣти, братья и племянники дворянъ и дѣтей боярскихъ, еще не служившіе нигдѣ. Имъ предоставлялось или идти въ солдаты, или быть выключенными изъ служилаго сословія. Старые солдаты отпускаемы были на земледѣльческія занятія, но не исключались вовсе изъ службы. Это устройство было зародышемъ регулярнаго войска въ Россіи. Въ началѣ въ немъ встрѣчался разный сбродъ, и татары, и нѣмцы, и пр.

нымъ воздухомъ и благонадежнымъ и уповательнымъ явятся, овогда паче же зноемъ и яростью и ненастьемъ всякимъ злохитреннымъ обычаемъ московскимъ явятся... Мнѣ уже Богъ свидѣтель, каково ставится двоедушіе, того отнюдь упованія нѣтъ... всѣ врознь, а сверхъ того сами знаете обычаи ихъ". Но болѣе всего смущало царя то, что, пока онъ находился въ войскѣ, осенью распространилась по Московскому Государству зараза. Царица съ дѣтьми бѣжала изъ Москвы въ Калязинъ монастырь. Въ Москвѣ свирѣпствовала страшная смертность. Зараза уничтожила большую часть жителей во многихъ городахъ [1]). Люди отъ страху разбѣгались куда попало, а другіе, пользуясь общимъ переполохомъ, пустились на воровство и грабежи. Бѣдствія этимъ не кончились. Зараза появлялась и въ слѣдующіе два года; правительство приказывало устраивать на дорогахъ заставы съ тѣмъ, чтобы не пропускать ѣдущихъ изъ зараженныхъ мѣстъ, но это мало помогало, такъ какъ всякаго пропускали на вѣру, хотя за обманъ положена была въ этомъ случаѣ смертная казнь, какъ равно и за сообщеніе съ зачумленными. По смерти зачумленныхъ, сжигали ихъ платье и постели; дворы, гдѣ случалась смертность, оставляли на морозѣ, а черезъ двѣ недѣли велѣли топить можжевельникомъ и полынью, думая, что этимъ разгоняется зараза.

Война продолжалась успѣшно и въ слѣдующіе годы. Польшѣ, повидимому, приходилъ конецъ. Вся Литва покорилась царю; Алексѣй Михайловичъ титуловался великимъ княземъ литовскимъ; непрошенный союзникъ, шведскій король Карлъ-Густавъ, завоевалъ всѣ коронныя польскія земли. Вѣковая распря Руси съ Польшею тогда разрѣшалась.

Польшу спасти можно было только перессоривши ея враговъ между собою и склонивши одного изъ нихъ къ примиренію съ поляками. За это дѣло взялась Австрія, которая,

[1]) Въ исторіи Соловьева, т. X, стр. 371—372, сообщены любопытныя числа умершихъ отъ заразы въ то время. До какой степени она свирѣпствовала въ Москвѣ; можно видѣть изъ того, что въ Чудовѣ монастырѣ умерло 182 монаха, осталось 26, въ Вознесенскомъ умерло 90 монахинь, осталось 38; въ боярскихъ дворахъ у Бориса Морозова умерло 343 человѣка, осталось 19; у князя Трубецкаго умерло 270 человѣкъ, осталось 8. Въ Кузнецкой черной сотнѣ умерло 173 чел., осталось 32; въ Новгородской сотнѣ умерло 438, осталось 72 чел. Въ Калугѣ умерло посадскихъ людей 1836 чел., осталось 777; въ Кашинскомъ уѣздѣ умерло 1839 чел., осталось 908; въ Переяславлѣ-Рязанскомъ умерло 2583 чел., осталось 434; въ Переяславлѣ-Залѣскомъ умерло 3627 чел., осталось 939; въ Тулѣ умерло 1808 чел., осталось 760 (муж. пол.); въ Торжкѣ, Звенигородѣ, Угличѣ, Суздалѣ, Твери число умершихъ было менѣе оставшихся; въ Костромѣ, Нижнемъ, зараза свирѣпствовала также сильно.

какъ католическая держава, вовсе не хотѣла, чтобы католическая Польша сдѣлалась добычею протестантовъ и схизматиковъ. Между царемъ и Швеціею возникали уже недоразумѣнія, и, еще до начала войны, московское правительство не могло быть довольно поведеніемъ шведскаго, по отношенію къ самозванцу Тимошкѣ Анкудинову.

Этотъ искатель приключеній, родомъ изъ Вологды, московскій подъячій, вздумалъ повторить старую исторію самозванцевъ; вмѣстѣ съ товарищемъ своимъ Конюховскимъ убѣжалъ онъ изъ Москвы въ Литву, а оттуда въ Константинополь, и назвался Иваномъ, небывалымъ сыномъ царя Василія Шуйскаго. Не нашедши помощи у турокъ, Тимошка ушелъ въ Италію, былъ въ Римѣ, прикидывался ревностнымъ католикомъ. Но и въ Италіи ему не было удачи. Пошатавшись по разнымъ землямъ, Тимошка Анкудиновъ присталъ къ Хмельницкому, проживалъ сначала въ Чигиринѣ, а потомъ въ лубенскомъ Мгарскомъ монастырѣ, пользуясь тѣмъ покровительствомъ, какое козаки оказывали всегда бродягамъ. Въ 1651 году Тимошка, изъ опасенія, чтобы Хмельницкій его не выдалъ, оставилъ Малороссію и очутился въ Стокгольмѣ. Московское правительство узнало объ этомъ и требовало отъ шведскаго выдачи самозванца, но безуспѣшно. Русскій посланникъ Головинъ, посредствомъ русскихъ торговыхъ людей, захватилъ-было товарища Тимошки, Конюховскаго; но королева Христина приказала его выпустить. Черезъ нѣсколько времени другому русскому гонцу Челищеву удалось поймать Конюховскаго въ Ревелѣ и привезти въ Москву; но Тимошку шведы укрыли; Тимошка ушелъ въ Голштинію, и только тамошній герцогъ Фридрихъ приказалъ его выдать. Его четвертовали въ Москвѣ въ концѣ 1653 года.

Другого рода недоразумѣнія между Москвою и Швеціею, поважнѣе прежнихъ, возникли при Карлѣ-Густавѣ, преемникѣ Христины. Въ то время, когда Алексѣй Михайловичъ считалъ себя полнымъ обладателемъ Литвы и титуловался великимъ княземъ литовскимъ, гетманъ литовскій Янушъ Радзивиллъ отдался шведскому королю въ подданство, а шведскій король обѣщалъ возвратить ему и другимъ панамъ литовскимъ ихъ владѣнія, уже занятыя московскими войсками. Это сочтено было за покушеніе отнять у русскихъ ихъ достояніе, пріобрѣтенное оружіемъ, покушеніе, которое могло, какъ тогда казалось, повториться и въ будущемъ. Кромѣ того, шведскій полководецъ Делагарди, призывая литовцевъ къ подданству шведскому королю, отзывался неуважительно

о царѣ. Въ концѣ 1655 года въ Москву пріѣхалъ императорскій посланникъ Алегретти, человѣкъ очень ловкій, родомъ рагузскій словянинъ, знавшій по-русски,—прибылъ, какъ видно, съ придуманною заранѣе цѣлью произвести раздоръ между Россіею и Швеціею.

Въ то же время въ ноябрѣ, царь возвратился изъ похода. Его въѣздъ въ Москву и на этотъ разъ послужилъ поводомъ къ торжеству. Патріархъ, въ сопровожденіи двухъ гостей: александрійскаго и антіохійскаго патріарховъ, съ соборомъ духовенства, со множествомъ образовъ, встрѣчали царя, который шелъ пѣшкомъ по городу въ собольей шубѣ съ бѣлою покрышкою, безъ шапки, съ одной стороны сопровождаемый сибирскимъ царевичемъ, а съ другой—бояриномъ Ртищевымъ, и предшествуемый множествомъ юношей, которые держали въ рукахъ листы бумаги и пѣли. Такъ государь при колокольномъ звонѣ и выстрѣлахъ изъ пушекъ, отнятыхъ у непріятеля, достигъ Лобнаго мѣста и приказалъ спросить весь міръ о здоровьѣ. Вся густая толпа народа закричала „многія лѣта“ государю и поверглась на землю.

Въ эти-то дни царскаго торжества, ловкій императорскій посланникъ подѣйствовалъ на бояръ и раздражилъ ихъ противъ Швеціи. Онъ представлялъ, что шведскій король уже и тѣмъ показалъ свое нерасположеніе къ царю, что напалъ на поляковъ въ то время, когда царь воевалъ съ ними. Алегретти вооружалъ русскихъ бояръ и противъ Хмельницкаго, намекалъ, что рано или поздно Хмельницкій измѣнитъ и отдастся Швеціи, потому что и теперь уже находится въ пріязни съ шведскимъ королемъ. Отъ имени своего государя Алегретти предлагалъ свое посредничество въ примиреніи съ Польшею, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, дѣлалъ замѣчаніе, что папа, цезарь, французскій и испанскій короли и всѣ государи католической вѣры вступятся за единовѣрную Польшу, если придется спасать ея существованіе. Представившись государю 15 декабря, Алегретти, между прочими дарами, поднесъ ему муро св. чутотворца Николая.

Наущенія и совѣты Алегретти оказали свое дѣйствіе: окольничій Хитровъ и думный дьякъ Алмазъ Ивановъ, въ переговорахъ съ пріѣхавшимъ польскимъ посломъ Петромъ Галинскимъ, дали обязательство, изъ уваженія къ просьбѣ императора Фердинанда, прекратить войну съ Польшею, назначить съѣздъ для мирныхъ переговоровъ и объявить войну Швеціи, если шведскій король будетъ нарушать мирный договоръ. Шведскій посолъ Густавъ Бельке съ товарищами съ

конца 1655 по 1656 годъ жилъ въ Москвѣ безвыѣздно, стараясь устранить недоразумѣнія; но бояре съ своей стороны придирались къ нему всѣми способами, съ явнымъ намѣреніемъ довести дѣло до войны, упрекали короля за принятіе литовскихъ городовъ, доставшихся царю, за сношенія съ козаками, будто съ цѣлью отвлечь ихъ отъ царя и привлечь въ подданство Швеціи и пр. Въ маѣ 1656 года, въ Москвѣ стали умышленно стѣснять шведское посольство и держать какъ въ плѣну, а наконецъ 17 числа объявили, что „мирное докончаніе“ нарушено съ шведской стороны. Царя Алексѣя Михайловича болѣе всего расположило къ войнѣ съ Швеціею то, что и патріархъ Никонъ былъ за эту войну изъ вражды къ протестантству.

Война съ Швеціею началась удачно въ Ливоніи; русскіе взяли Динабургъ, переименовавши его въ Борисоглѣбовъ, взяли Кокенгаузенъ и переименовали его въ Царевичевъ-Димитріевъ; взяли, наконецъ, Дерптъ, но не могли взять Риги, потерпѣли пораженіе и, послѣ двухъ мѣсячной осады, при которой находился самъ царь, удалились изъ Ливоніи. Между тѣмъ, въ Вильнѣ еще съ іюня начались переговоры съ Польшею. Московскіе политики думали, что теперь путемъ переговоровъ можно съ Польшею сдѣлать все, что угодно; отъ царскаго имени велѣно было разослать по Литвѣ грамоту о собраніи сеймиковъ, на которыхъ при разсужденіи о дѣлахъ имѣть въ виду, что царь не уступитъ Великаго Княжества Литовскаго, и стараться непремѣнно чтобы, послѣ Яна Казимира, избранъ былъ польскимъ королемъ московскій государь или его сынъ. Съ такими требованіями явились на виленскій съѣздъ московскіе послы — князь Никита Ивановичъ Одоевскій съ товарищами. Цезарскій посланникъ Алегретти былъ на этомъ съѣздѣ въ качествѣ посредника и оказался совершенно на сторонѣ Польши; онъ отклонялъ поляковъ отъ избранія царя. Поляки съ своей стороны стали смѣлѣе, когда увидали, что ихъ враги поссорились между собою. Наконецъ, въ октябрѣ, виленская коммиссія постановила договоръ, по которому поляки обѣщали добровольно избрать Алексѣя Михайловича на польскій престолъ, а царь обѣщалъ возвратить земли, отлученныя отъ Рѣчи Посполитой, кромѣ тѣхъ, которыя прежде принадлежали московскимъ государямъ. Ничто не могло быть неразумнѣе этого договора: Московское Государство разомъ лишало себя того, что уже было въ его рукахъ. Поляки никогда не думали искренно избирать московскаго государя на свой престолъ; московскій государь и

шведскій король перестали быть имъ страшны въ той мѣрѣ, какъ прежде; вдобавокъ виленскій договоръ произвелъ разладъ между Москвою и Малороссіею. Самъ Хмельницкій, хотя не отпалъ совершенно отъ царя, но былъ такъ сильно огорченъ и раздраженъ, что умеръ отъ огорченія. Въ Малороссіи распространилось недовѣріе къ московскому правительству. Виленскій договоръ не могъ имѣть силы; прежде чѣмъ онъ былъ утвержденъ сеймомъ, поляки умышленно тянули окончаніе этого дѣла, пока наконецъ въ сентябрѣ 1659 года преемникъ Хмельницкаго, Выговскій, заключилъ договоръ съ Польшею въ ущербъ Москвѣ. Надѣясь теперь снова прибрать козаковъ въ руки, поляки перестали уже манить московскаго царя лестными обѣщаніями. Коммиссары съ обѣихъ сторонъ снова съѣхались въ Вильнѣ, толковали о мирѣ, но соглашались мириться съ Москвою не иначе, какъ только на основаніи Поляновскаго договора, и въ то же время польскія войска начали непріязненныя отношенія противъ русскихъ.

Въ литовскихъ областяхъ эта война сначала пошла неудачно для поляковъ. Князь Юрій Долгорукій побѣдилъ и взялъ литовскаго гетмана Гонсѣвскаго. Затѣмъ и въ Малороссіи дѣла пошли не „на корысть полякамъ". Выговскому хотя и удалось было, при помощи крымцевъ, разбить московское войско подъ Конотопомъ, но народъ малорусскій не раздѣлялъ плановъ Выговскаго и его соумышленниковъ, прогналъ Выговскаго и избралъ новаго гетмана Юрія Хмельницкаго на условіяхъ повиновенія московскому государю. То было въ 1659 году; но съ 1660 года начались несчастія для Московскаго Государства съ двухъ сторонъ. Въ Литвѣ московскій военачальникъ, князь Иванъ Хованскій, 18 іюня былъ пораженъ на голову, потерялъ весь обозъ и множество плѣнныхъ. Литовскіе города, находившіеся уже въ рукахъ московскихъ воеводъ, одинъ за другимъ сдавались королю. Самъ Янъ Казимиръ осадилъ Вильну: тамошній царскій воевода, князь Данило Мышецкій, рѣшился лучше погибнуть, чѣмъ сдаться, но былъ выданъ своими и казненъ королемъ за жестокости, какъ повѣствуютъ поляки. Еще хуже шли дѣла въ Малороссіи: въ октябрѣ бояринъ Василій Васильевичъ Шереметьевъ былъ разбитъ, взятъ въ плѣнъ поляками и измѣннически отданъ татарамъ. Современники поляки заявляли, что если бы тогда въ польскомъ войскѣ была дисциплина и, вообще, если бы поляки дѣйствовали дружно, то не только отняли бы все завоеванное русскими, но покорили бы самую Москву.

Нелѣпая война со Швеціей пріостановилась еще въ 1657 году. Самъ Карлъ-Густавъ, черезъ своихъ пословъ, задержанныхъ въ Москвѣ передъ объявленіемъ войны, предлагалъ Алексѣю Михайловичу миръ и соглашался титуловать его великимъ княземъ литовскимъ, волынскимъ и подольскимъ. Московское правительство пріостановило военныя дѣйствія противъ шведовъ, но не вступало въ переговоры съ ними до весны 1658 года; наконецъ оно назначило для этой цѣли боярина князя Ивана Прозоровскаго и думнаго дворянина Аѳанасія Лаврентьевича Ордынъ-Нащокина. Послѣдній былъ оффиціально товарищемъ Прозоровскаго, но пользовался особеннымъ довѣріемъ государя. Царь поручалъ ему лично вести все дѣло и сообщаться съ нимъ тайно черезъ приказъ тайныхъ дѣлъ. Русскіе послы болѣе двухъ лѣтъ тянули дѣло. Они, то спорили со шведскими послами о мѣстѣ переговоровъ, то ссорились между собою. Нащокина не терпѣли ни его главный товарищъ Прозоровскій, ни воевода Хованскій, которому надлежало съ войскомъ охранять посольскій съѣздъ; шведы также не любили Нащокина, потому что не надѣялись отъ него уступчивости и считали его приверженцемъ поляковъ. Между тѣмъ, шведскій король Карлъ-Густавъ умеръ, а преемникъ его, король Карлъ XI, въ маѣ 1660 года поспѣшилъ заключить миръ съ Польшею въ Оливѣ, по которому Польша уступила Швеціи Ливонію. Понятно, что послѣ того шведы стали неуступчивѣе, а военныя дѣла Москвы съ Польшею пошли какъ нельзя хуже для первой. Нащокинъ, по царской милости, уже не занималъ второстепеннаго мѣста въ посольствѣ, но получилъ званіе великаго посла и начальнаго воеводы. Онъ, однако, уклонился отъ дѣла, которое не могло быть окончено съ пользою для государства, и бояринъ князь Иванъ Прозоровскій, назначенный вновь главнымъ посломъ, заключилъ въ іюнѣ 1661 года вѣчный миръ въ Кардиссѣ (между Дерптомъ и Ревелемъ), по которому уступилъ Швеціи взятые Московскимъ Государствомъ города въ Ливоніи; затѣмъ отношенія Москвы къ Швеціи возвратились къ условіямъ Столбовскаго мира.

Война со Швеціею не принесла никакой выгоды и, напротивъ, сбила Московское Государство съ того пути, по которому оно такъ удачно пошло-было въ дѣлѣ вѣковаго спора за русскія земли, захваченныя Польшею.

Затрудненія московскаго правительства не ограничивались однѣми военными неудачами. Внутри государства господствовало разстройство и истощеніе. Война требовала безпрестан-

наго пополненія ратныхъ силъ; служилыхъ людей то и дѣло собирали и отправляли на войну: они разбѣгались; сельскіе жители разныхъ вѣдомствъ постоянно поставляли даточныхъ людей, и черезъ то край лишался рабочихъ рукъ; народъ былъ отягощаемъ налогами и повинностями; поселяне должны были возить для продовольствія ратнымъ людямъ толокно, сухари, масло; торговые и промышленные люди были обложены десятою деньгою, а въ 1662 году наложена на нихъ пятая деньга. Налоги эти производились такимъ образомъ: въ посадахъ воеводы собирали сходку, которая избирала изъ своей среды своихъ окладчиковъ; эти окладчики окладывали прежде самихъ себя, потомъ всѣхъ посадскихъ по ихъ промысламъ, сообразно сказкамъ, подаваемымъ самими окладываемыми лицами, причемъ происходили нескончаемые споры и доносы другъ на друга. Тяжела была эта пятая деньга, а финансовая продѣлка, къ которой прибѣгло правительство, думая поправить денежныя дѣла, произвела окончательное разстройство. Правительство, желая скопить какъ можно болѣе серебра для военныхъ издержекъ, приказало всѣми силами собирать въ казну ходячія серебряныя деньги и выпустить на мѣсто ихъ мѣдныя копѣйки, денежки, грошовики и полтинники. Чтобы привлечь къ себѣ все серебро, велѣно было собирать недоимки прошлыхъ лѣтъ, а равно десятую и потомъ пятую деньгу, не иначе, какъ серебряными деньгами, ратнымъ же людямъ платить мѣдью. Вмѣстѣ съ тѣмъ правительство издало распоряженіе, чтобы никто не смѣлъ подымать цѣну на товары, и чтобы мѣдныя деньги ходили по той же цѣнѣ, какъ и серебряныя. Но это оказалось невозможнымъ. Стали на мѣдныя деньги скупать серебряныя и прятать ихъ; этимъ подняли цѣну серебра, а затѣмъ поднялась цѣна и на всѣ товары. Служилые люди, получая жалованье мѣдью, должны были покупать себѣ продовольствіе по дорогой цѣнѣ. Кромѣ того, легкость производства мѣдной монеты тотчасъ искусила многихъ: головы и цѣловальники изъ торговыхъ людей, которымъ былъ порученъ надзоръ за производствомъ денегъ, привозили на денежный дворъ свою собственную мѣдь и дѣлали изъ нея деньги; сверхъ того, денежные мастера, служившіе на денежномъ дворѣ, всякіе оловянщики, серебрянники, мѣдники, дѣлали тайно деньги у себя въ погребахъ и выпускали въ народъ; такимъ образомъ мѣдныхъ денегъ дѣлалось больше, чѣмъ было нужно. Въ одной Москвѣ было выпущено поддѣльной монеты на 620,000 рублей. Мѣдныя деньги были пущены въ ходъ въ 1658 году,

и по первое марта 1660 года дошли до того, что на рубль серебряныхъ денегъ нужно было прибавить десять алтынъ; къ концу этого года прибавочная цѣна дошла до 26 алтынъ 4 деньги; въ мартѣ 1661 года за рубль серебряныхъ денегъ давали два рубля мѣдью, а лѣтомъ 1662 г. возвысилась цѣнность серебрянаго рубля до 8 рублей мѣдныхъ. Правительство казнило нѣсколькихъ дѣлателей мѣдной монеты; имъ отсѣкали руки и прибивали къ стѣнѣ денежнаго двора, заливали растопленнымъ оловомъ горло. Но тутъ распространился слухъ, что царскій тесть Милославскій и любимецъ Матюшкинъ брали взятки съ преступниковъ и выпускали ихъ на волю. По Москвѣ стали ходить подметныя письма; ихъ прибивали къ воротамъ и стѣнамъ.

25-го іюля, когда царь былъ въ Коломенскомъ селѣ, въ Москвѣ въ этотъ день на Лобномъ мѣстѣ собралось тысячъ пять народу. Стали читать во всеуслышаніе подметныя письма. Толпа закричала: идти къ царю требовать, чтобы царь выдалъ виновныхъ бояръ на убіеніе! Бывшіе въ Москвѣ бояре поспѣшно дали знать царю. Одна часть народа бросилась грабить въ Москвѣ домы ненавистныхъ для нихъ людей, другая—еще большею толпою двинулась въ село Коломенское, но безъ всякаго оружія. Царь былъ у обѣдни. Когда къ нему пришла вѣсть о московской смутѣ, онъ приказалъ Милославскому и Матюшкину спрятаться у царицы, а самъ оставался на богослуженіи до конца. Выходя изъ церкви, онъ встрѣтилъ толпу, которая бѣжала къ нему съ крикомъ и требовала выдачи тестя и любимца. Царь ласково сталъ уговаривать москвичей и обѣщалъ учинить сыскъ. „А чему намъ вѣрить?“ кричали мятежники и хватали царя за пуговицы. Царь обѣщался имъ Богомъ и далъ имъ на своемъ словѣ руку. Тогда одинъ изъ толпы ударилъ съ царемъ по рукамъ, и всѣ спокойно вернулись обратно въ Москву. Немедленно царь отправилъ въ столицу князя Ивана Андреевича Хованскаго, велѣлъ уговаривать народъ, и обѣщалъ пріѣхать въ тотъ же день въ Москву для розыска. Въ это время москвичи ограбили домъ гостя Шорина, который тогда собиралъ со всего Московскаго Государства пятую деньгу на жалованье ратнымъ людямъ и черезъ то опротивѣлъ народу. Гостя не было тогда въ Москвѣ; мятежники схватили его пятнадцатилѣтняго сына, который одѣлся-было въ крестьянское платье и хотѣлъ убѣжать. Пріѣхалъ Хованскій, сталъ уговаривать толпу. Москвичи закричали: „Ты, Хованскій, человѣкъ добрый, намъ до тебя дѣла нѣтъ! пусть царь выдастъ измѣнниковъ

своихъ бояръ“. Хованскій отправился назадъ къ царю, а вслѣдъ за нимъ толпа, подхвативши молодаго Шорина, бросилась изъ города въ Коломенское. Мятежники страхомъ принудили молодого Шорина говорить на своего отца, будто онъ уѣхалъ въ Польшу съ боярскими письмами. Бояре Ѳедоръ Ѳедоровичъ Куракинъ съ товарищами, которымъ была поручена Москва, выпустивши изъ города эту толпу, приказали запереть Москву со всѣхъ сторонъ, послали стрѣльцовъ останавливать грабежъ и наловили до 200 человѣкъ грабителей, а потомъ отправили въ Коломенское до трехъ тысячъ стрѣльцовъ и солдатъ для охраненія царя.

Толпа, вышедшая изъ Москвы съ Шоринымъ, встрѣтилась съ тою толпою, которая возвращалась отъ царя, и уговорила послѣднюю снова идти къ царю. Мятежники ворвались на царскій дворъ; царица съ дѣтьми сидѣла запершись и была въ большомъ страхѣ. Царь въ это время садился на лошадь, собираясь ѣхать въ Москву. Нахлынувшая въ царскій дворъ толпа поставила передъ царемъ Шорина, и несчастный мальчикъ изъ страха началъ наговаривать на своего отца и на бояръ. Царь, въ угожденіе народу, приказалъ взять его подъ стражу и сказалъ, что тотчасъ ѣдетъ въ Москву для сыску. Мятежники сердито закричали: „Если намъ добромъ не отдашь бояръ, то мы сами ихъ возьмемъ по своему обычаю!“ Но въ это время царь, видя, что къ нему на помощь идутъ стрѣльцы изъ Москвы, закричалъ окружавшимъ его придворнымъ и стрѣльцамъ: „Ловите и бейте этихъ бунтовщиковъ!“ У москвичей не было въ рукахъ никакого оружія. Они всѣ разбѣжались. Человѣкъ до ста въ поспѣшномъ бѣгствѣ утонуло въ Москвѣ рѣкѣ; много было перебито. Московскіе жители всякихъ чиновъ, какъ служилые, такъ и торговые, не приставшіе къ этому мятежу, отправили къ царю челобитную, чтобы воровъ переловить и казнить. Царь въ тотъ же день приказалъ повѣсить до 150 человѣкъ близъ Коломенскаго села; другихъ подвергли пыткѣ, а потомъ, отсѣкали имъ руки и ноги. Менѣе виновныхъ били кнутомъ и клеймили разженнымъ желѣзомъ буквою б (т.-е. бунтовщикъ). Послѣднихъ сослали на вѣчное житье съ семьями въ Сибирь, Астрахань и Теркъ (городъ, уже не существующій на рѣкѣ Терекѣ). На другой день прибылъ царь въ Москву и приказалъ по всей Москвѣ на воротахъ повѣсить тѣхъ воровъ, которые грабили домы. По розыску оказалось, что толпа мятежниковъ состояла изъ мелкихъ торгашей, боярскихъ холоповъ, разнаго рода гулящихъ людей, и отчасти служилыхъ,

именно рейтаръ. Въ числѣ виновныхъ пострадали и невинные. Мѣдные деньги продолжали еще быть въ обращеніи цѣлый годъ, пока, наконецъ, дошло до того, что за рубль серебряный давали 15 рублей мѣдныхъ. Тогда правительство уничтожило мѣдныя деньги, и опять были пущены въ ходъ серебряныя.

Понятно, что при такихъ нестроеніяхъ, охватывавшихъ всѣ стороны общественной жизни, желаніемъ правительства было помириться съ Польшею во что бы то ни стало. Первая попытка къ этому была сдѣлана еще въ мартѣ 1662 года; но польскіе сенаторы немедленно отвѣчали, что мира не можетъ быть иначе, какъ на основаніи Поляновскаго договора. Тяжело было на это рѣшиться,—потерять плоды многолѣтнихъ усилій, отдать снова въ рабство Польшѣ Малороссію и потерпѣть крайнее униженіе. Но и противной сторонѣ не во всемъ была удача. Въ 1664 г. король Янъ-Казимиръ попытался было отвоевать Малороссію лѣваго берега Днѣпра, и не успѣлъ, потерпѣвши пораженіе подъ Глуховомъ. Въ Малороссіи происходили междоусобія и неурядица, но полякамъ все-таки было мало на нее надежды. Московскіе ратные люди, правда, успѣли своими насиліями и безчинствомъ поселить раздраженіе противъ великоруссовъ, а безразсудное поведеніе московскаго правительства заставляло все болѣе и болѣе терять къ нему довѣріе, но, тѣмъ не менѣе, малороссійскій народъ считалъ польское владычество самымъ ужаснымъ для себя бѣдствіемъ и отвращался отъ него съ ожесточеніемъ. Поляки не въ силахъ были сладить съ козаками одни, и еслибы московское правительство уступило всю Малороссію Польшѣ, то послѣдней удержать ее за собою не было бы возможности. Это-то обстоятельство заставляло поляковъ, несмотря на упоеніе своими успѣхами, быть податливѣе на московскія предложенія. Королевскій посланникъ Венцлавскій договорился въ Москвѣ съ Ордынъ-Нащокинымъ устроить съѣздъ пословъ. Съ московской стороны были назначены: князь Никита Ивановичъ Одоевскій, князья—бояринъ Юрій и окольничій Димитрій Алексѣевичи Долгорукіе; къ нимъ приданы были думные дворяне, въ числѣ которыхъ были Аѳанасій Лаврентьевичъ Ордынъ-Нащокинъ и дьякъ Алмазъ Ивановъ. Съ польской стороны были коммиссары: коронный канцлеръ Пражмовскій и гетманъ Потоцкій.

Душою этого важнаго начинавшагося дѣла былъ Ордынъ-Нащокинъ. Этотъ человѣкъ еще прежде былъ расположенъ къ Польшѣ; онъ отчасти проникся польскимъ духомъ, съ

увлеченіемъ смотрѣлъ на превосходство Запада и съ презрѣніемъ отзывался о московскихъ обычаяхъ. Былъ у него сынъ Воинъ. Отецъ поручилъ его воспитаніе польскимъ плѣнникамъ, и плодомъ такого воспитанія было то, что молодой Ордынъ-Нащокинъ, получивши отъ царя порученіе къ отцу съ важными бумагами и деньгами, ушелъ въ Польшу, а оттуда во Францію. Поступокъ былъ ужасный по духу того времени: отецъ могъ ожидать для себя жестокой опалы, но Алексѣй Михайловичъ самъ написалъ ему дружеское письмо, всячески утѣшалъ въ постигшемъ его горѣ и даже къ самому преступнику, сыну его, относился снисходительно. „Онъ человѣкъ молодой,—писалъ царь,—хощетъ созданіе Владычне и руку его видѣть на семъ свѣтѣ, яко же и птица летаетъ сѣмо и овамо и, полетавъ довольно, паки къ гнѣзду своему прилетитъ. Такъ и сынъ вашъ воспомянетъ гнѣздо свое тѣлесное, наипаче же душевное привязаніе ко св. купѣли, и къ вамъ скоро возвратится“. Аѳанасій Нащокинъ былъ столько же привязанъ къ Польшѣ, сколько предубѣжденъ противъ Швеціи. Онъ считалъ шведовъ естественными, закоренѣлыми врагами Руси и, напротивъ, союзъ съ Польшею—самымъ спасительнымъ дѣломъ. Явно находясь подъ вліяніемъ поляковъ, онъ повторялъ царю то, что̀ много разъ высказывали поляки: что Московское Государство, въ союзѣ съ Польшею, можетъ сдѣлаться страшнымъ для бусурманъ. Нащокинъ не терпѣлъ козаковъ и совѣтовалъ прямо возвратить Малороссію Польшѣ. На первый разъ благочестивый царь возмутился мыслью объ отдачѣ Польшѣ козаковъ и, отправляя посольство изъ Москвы, только въ крайнемъ случаѣ соглашался сдѣлать Днѣпръ границею между Польшею и Московскимъ Государствомъ.

Начались съѣзды уполномоченныхъ; они то прерывались, то опять возобновлялись. Московскіе послы предлагали то одно, то другое; польскіе стояли на одномъ, чтобы не уступать ни пяди земли. Заключили только перемиріе до іюня 1665 года. По истеченіи его, переговоры были отложены до мая 1666 года и начались въ это время въ деревнѣ Андрусовѣ надъ рѣкою Городнею. На этотъ разъ Нащокинъ былъ уже главнымъ посломъ. Сынъ его Воинъ возвратился изъ-за границы и, по просьбѣ отца, царь простилъ его: такъ любилъ царь Аѳанасія Нащокина. Оказалось, что заключить такъ называемый вѣчный миръ, какъ сперва предполагалось, было слишкомъ трудно. Мѣшали этому главнымъ образомъ козаки, потому что не хотѣли ни за что идти подъ власть Польши, не прекращали военныхъ дѣйствій противъ поляковъ и, по

заключеніи мира, скоро втянули бы въ войну обѣ державы. Притомъ же Московскому Государству, послѣ недавнихъ успѣховъ, было слишкомъ тяжело отрекаться на вѣчныя времена отъ правъ на русскія земли. Царь рѣшительно былъ противъ этого. Въ концѣ переговоровъ сильно спорили за Кіевъ; Нащокинъ убѣждалъ царя уступить и Кіевъ. Онъ смотрѣлъ на него не болѣе, какъ на порубежный городъ, указывалъ, что въ данное время въ Московскомъ Государствѣ уменьшились доходы, нечѣмъ давать жалованье ратнымъ людямъ; денегъ мало; турки и татары угрожаютъ овладѣть Малороссіею, а на вѣрность козаковъ нельзя полагаться. Когда, наконецъ, въ исходѣ 1666 года Нащокинъ извѣстилъ, что если не будетъ заключено перемиріе, то польскія войска войдутъ въ смоленскій уѣздъ, царь согласился на уступки. Въ это время заднѣпровскій козацкій гетманъ Дорошенко, напрасно хлопотавшій передъ царемъ, чтобы не допустить русскихъ до примиренія съ Польшею, призвалъ татаръ и началъ ожесточенную борьбу съ поляками. Татары разорили польскія области и увели до 100,000 плѣнныхъ. Это событіе было признано польскими коммиссарами за главное препятствіе къ вѣчному миру. Они боялись, что если будетъ заключенъ вѣчный миръ, то это озлобитъ турокъ и татаръ. 12 января 1667 г. заключено было перемиріе на 13 лѣтъ до іюня 1680 года. Днѣпръ назначенъ былъ границею между русскими и польскими владѣніями; Кіевъ оставленъ за Россіею только на два года, а на удовлетвореніе шляхтѣ, разоренной козаками, царь обѣщалъ милліонъ злотыхъ. Когда потомъ въ Москвѣ утверждалось это перемиріе, Нащокинъ и польскіе послы пришли обоюдно къ сознанію необходимости обоимъ государямъ, русскому и польскому, общими силами усмирить козаковъ. Нащокинъ ненавидѣлъ ихъ потому, что считалъ ихъ безпокойными мятежниками. Такой взглядъ совпадалъ съ тѣми понятіями, какія человѣкъ этотъ составилъ себѣ о государственныхъ порядкахъ. Онъ съ презрѣніемъ отзывался о голландцахъ, называлъ ихъ мужиками и, услышавши, что французскій и датскій короли соединялись съ голландцами противъ Англіи, называлъ ихъ безразсудными, именно за то, что вступаютъ въ союзъ съ республиканцами. „Надобно бы,— говорилъ онъ,—соединиться всѣмъ европейскимъ государямъ, чтобы уничтожить всѣ республики, которыя есть ничто иное, какъ матери ересей и бунтовъ“.

Андрусовскій миръ считался въ свое время успѣхомъ. Дѣйствительно, Россія пріобрѣла то, чѣмъ владѣла до Смутнаго

времени, и даже нѣсколько болѣе; но эти пріобрѣтенія были слишкомъ ничтожны, сравнительно съ потерею нравственнаго значенія государства. Достигши цѣли стремленія многихъ вѣковъ, овладѣвши почти добровольно тѣми древними областями, гдѣ начиналась и развивалась русская жизнь, потерять все это было большою утратою и униженіемъ. Андрусовскій договоръ носилъ въ себѣ зародышъ тяжелыхъ бѣдствій, кровопролитій и народныхъ страданій на будущія времена. Несчастная Малороссія испытала прежде всего его пагубное вліяніе. Эта страна, выбившись съ такими усиліями изъ-подъ чуждой власти, соединившись добровольно съ другой половиною Руси, и, несмотря на жестокую борьбу съ поляками, стоившую ей много крови, еще довольно населенная и въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ цвѣтущая, ни за что не желала возвращаться подъ власть поляковъ и потерпѣла такое опустошеніе, что, черезъ нѣсколько лѣтъ, плодоносныя поля ея, начиная отъ Днѣпра до Днѣстра, представлялись совершенно безлюдною пустынею, гдѣ только развалины людскихъ поселеній, да человѣческія кости указывали, что она была обитаема. Сама Польша только временно и по наружности выигрывала, а не на самомъ дѣлѣ, какъ показали событія. Все это, однако, было послѣдствіемъ не столько Андрусовскаго договора, сколько тѣхъ прежнихъ ошибокъ, которыя привели къ необходимости заключить Андрусовскій договоръ. Въ исторіи, какъ въ жизни, разъ сдѣланный промахъ влечетъ за собою рядъ другихъ, и испорченное въ нѣсколько мѣсяцевъ и годовъ исправляется цѣлыми вѣками. Богданъ Хмельницкій предвидѣлъ это, сходя въ могилу, когда московская политика не хотѣла слушать его совѣтовъ.

Война отразилась многими измѣненіями во внутреннемъ порядкѣ. Это время было замѣчательно, между прочимъ, тѣмъ, что тогда умножилось число вотчинъ, и земля болѣе и болѣе стала дѣлаться наслѣдственною частною собственностью. Обыкновенная царская награда служилымъ людямъ за ихъ воинскія заслуги состояла въ обращеніи ихъ помѣстной земли въ вотчинную; впрочемъ, это дѣлалось такъ, что въ награду обращалась въ вотчину только часть помѣстной земли [1]).

Скудость средствъ для веденія войны заставила прибѣгать къ усиленнымъ и ненавистнымъ путямъ пріобрѣтенія. Въ 1663 году возобновлены были снова винные откупы. Горячіе

[1]) Боярамъ по 500, окольничимъ по 300, думнымъ боярамъ по 250, думнымъ дьякамъ по 200, а прочимъ со 100 четей по 20 четей, а въ дву потому-жъ.

напитки продавались въ государствѣ двумя способами: на вѣру и съ откупа. Дѣло винной продажи чаще всего соединялось съ таможеннымъ дѣломъ, и тамъ, гдѣ продажа вина и таможенные сборы были „на вѣру“ — то́ и другое довѣрялось назначаемымъ отъ правительства таможеннымъ и кружечнымъ головамъ и выборнымъ цѣловальникамъ при нихъ. Должности эти были до крайности затруднительны и разорительны для тѣхъ, на кого возлагались, потому что головы и цѣловальники, находя таможню и кружечный дворъ въ разстройствѣ, должны были заводить на свой счетъ всякаго рода матеріалъ. Правительство требовало, чтобы какъ можно болѣе доставлялось доходовъ, и въ случаѣ недобора, имъ приходилось доплачивать въ казну и изъ собственнаго состоянія. Для увеличенія доходовъ отъ вина, правительство приказывало смѣшивать плохое вино съ хорошимъ, „лишь бы казнѣ было прибыльнѣе“, и стараться, чтобы къ концу года былъ выпитъ весь наличный запасъ вина. Кромѣ того, таможеннымъ головамъ и цѣловальникамъ запрещалась всякая другая торговля во время исполненія своей должности. Неудивительно, что эти блюстители царской выгоды пополняли свои убытки всевозможными злоупотребленіями. Таможенные и кружечные сборы отдавались на откупъ въ приказахъ „съ паддачею“, т.-е. тому, кто больше даетъ, иногда компаніи торговыхъ людей, а иногда цѣлому посаду. Кружечные дворы были собственно въ посадахъ, а въ селахъ и деревняхъ учреждались временные „торжки“, куда таможенные головы посылали особыхъ цѣловальниковъ для торговли. Въ 1666 году начали появляться и въ селахъ постоянные кабаки. Они утаивали въ свою пользу все, что́ получали сверхъ оклада, занимались тайно торговлею, вопреки запрещенію пропускали безпошлинно однихъ торговыхъ людей по свойству, по дружбѣ, а болѣе всего за посулы, другимъ же торговцамъ причиняли ущербъ и разоренія своими придирками. Въ особенности предлогомъ къ придиркамъ и задержкамъ служило подозрѣніе въ торговлѣ заповѣдными товарами, какъ, напр., табакомъ. За покушеніе торговать табакомъ и даже за слѣды существованія этого зелья бралась въ это время огромная пеня.

Стараясь ухватиться за всякую мѣру увеличенія казеннаго дохода, правительство осталось глухо къ убѣжденіямъ посланника англійскаго короля Карла II, графа Карлейля, который, отъ имени своего государя, просилъ о возобновленіи привилегій англійской компаніи и расточалъ множество доводовъ въ подтвержденіе мысли, что безпошлинная торговля

принесетъ обогащеніе и московской казнѣ, и народу; Карлейль уѣхалъ ни съ чѣмъ: англичане были сравнены съ прочими иноземцами. Въ этомъ случаѣ правительство дѣлало угодное московскимъ гостямъ и вообще крупнымъ торговцамъ, которые и прежде не терпѣли привилегій, даваемыхъ иноземцамъ, тогда какъ, напротивъ, мелкимъ торговцамъ эти привилегіи были выгодны, потому что доставляли возможность непосредственно торговать съ иноземцами и тѣмъ освобождали ихъ отъ зависимости, въ которой иначе они находились бы у русскихъ крупныхъ торговцевъ. Правительство, нуждаясь въ деньгахъ, въ это время до того мирволило интересамъ крупныхъ торговцевъ, доставлявшихъ ему деньги, что во Псковѣ согласилось было даже на возобновленіе выборнаго самоуправленія, устроеннаго въ выгодахъ крупныхъ торговцевъ. Съ 1665 года, по ходатайству бывшаго тогда во Псковѣ воеводою Аѳанасія Ордынъ-Нащокина (который по своей любви къ иноземщинѣ склоненъ былъ къ порядкамъ, смахивавшимъ на Магдебургское право), правительство положило учредить выборное начальство изъ пятнадцати членовъ, изъ которыхъ пять управляли бы погодно; съ этимъ вмѣстѣ вводилась свободная продажа питей, съ платежомъ въ казну оброка, и безпошлинная торговля съ иноземцами на два двух-недѣльныхъ срока въ годъ. Хотя мѣра эта, какъ говорилось, предпринималась съ цѣлью оградить маломочныхъ людей отъ сильныхъ, но такая цѣль не только не могла быть достигнута, а была противоположна смыслу устава, по которому правленіе сосредоточивалось въ рукахъ этихъ сильныхъ людей; маломочнымъ же людямъ не дозволялось вступать въ прямыя сношенія съ иноземцами: имъ оставлялось только право служить коммиссіонерами у русскихъ крупныхъ торговцевъ для скупки русскихъ товаровъ, которые будутъ переходить въ руки иноземцевъ не иначе, какъ отъ крупныхъ торговцевъ. Вскорѣ мѣсто Нащокина во Псковѣ занялъ врагъ его, Хованскій; маломочные люди подали послѣднему челобитную, доказывая что новое правленіе, выдуманное при Нащокинѣ, будетъ выгодно только для лучшихъ людей и не принесетъ пользы казнѣ. Всѣ затѣи псковскихъ лучшихъ людей, покровительствуемыхъ Нащокинымъ, были уничтожены; продажу вина велѣно производить съ откупа; все управленіе осталось опять въ рукахъ воеводъ и дьяковъ, со всѣми вопіющими злоупотребленіями, свойственными тогда этого рода управленію въ Россіи.

Скудость казны побуждала правительство къ стѣсненію торговли. Въ 1666 году прежняя рублевая пошлина замѣнена двойною (по 20 денегъ съ рубля), но въ 1667 изданъ былъ новый торговый уставъ, по которому возобновлена прежняя десятая пошлина съ разными видоизмѣненіями [1]). Тогда, по челобитью торговыхъ людей, установлены въ Москвѣ и въ порубежныхъ городахъ особые головы и цѣловальники по торговымъ дѣламъ, независимые отъ таможенныхъ головъ. Понятно, что торговля стѣснялась тѣмъ, что купцы, разъѣзжая съ товарами, много разъ подвергались задержанію, осмотру и разнымъ платежамъ. Правительство старалось какъ можно болѣе привлечь въ казну золотой и серебряной монеты и приказывало собирать съ иноземныхъ купцовъ пошлину золотыми, считая каждый золотой въ рубль, и ефимками (серебр. мон.), считая ефимокъ въ полтину, а потомъ приказывало прикладывать къ ефимкамъ штемпели, и пускало ихъ въ обращеніе по рублю. Съ тѣхъ иноземцевъ, которые покупали русскіе товары на чистыя деньги, не бралось вовсе пошлинъ. Въ видахъ скопленія въ казенное достояніе всякаго рода драгоцѣнныхъ металловъ, запрещалось людямъ низкаго состоянія покупать золотыя вещи, подъ благовиднымъ предлогомъ, чтобы не дать имъ промотаться.

Правительство обращало тогда вниманіе на торговлю съ Персіею, главнымъ образомъ оттого, что черезъ эту страну можно было получать изъ Индіи драгоцѣнные камни, жемчугъ, золото и разныя рѣдкости, такъ наз., узорочные товары; но торговля эта для русскихъ купцовъ была очень затруднительна, такъ какъ на пути они подвергались грабежамъ, въ особенности въ Шемахѣ и Таркахъ. Въ 1666 году армянинъ Григорій Усиковъ, членъ армянской компаніи въ Персіи, при посредствѣ Ордынъ-Нащокина, заключилъ договоръ, по которому компаніи, съ платежомъ пошлинъ пяти денегъ съ рубля, было дано право торговать въ Астрахани, Москвѣ, Архангельскѣ и ѣздить за границу. Договоръ этотъ важенъ былъ потому, что повлекъ за собою постройку перваго русскаго карабля съ цѣлью плаванія по Каспійскому

[1]) Такъ русскіе и иноземцы въ Архангельскѣ платили съ вѣсомыхъ товаровъ 10 денегъ, а съ невѣсомыхъ и съ монеты 8 денегъ. За продажу соли вездѣ брали 20 денегъ. Сахаръ и вино подлежали особой возвышенной пошлинѣ. Иноземцы, торговавшіе внутри Россіи, платили 12 денегъ, да, кромѣ того, проѣзжихъ пошлинъ 20 денегъ. Иноземцы, подъ страхомъ отобранія товаровъ, не смѣли торговать съ иноземцами русскими товарами и, пріѣзжая въ русскій городъ, могли вести торговлю только съ купцами этого города.

морю [1]). Постройка его производилась въ селѣ Дедиловѣ Яковомъ Полуектовымъ съ большими препятствіями: Полуектовъ съ трудомъ могъ найти рабочихъ, жаловался на ихъ неисправность, а они жаловались на то, что онъ ихъ бьетъ и моритъ голодомъ. Корабль, однако, былъ изготовленъ, названъ Орломъ и спущенъ въ 1669 году на Оку, а потомъ на Волгу. Одновременно съ Орломъ построены были яхта, два шенска и ботъ. Постройка Орла обошлась въ 2,021 рубль, а капитаномъ его назначенъ голландецъ Давидъ Бутлеръ. Всѣ матросы на немъ были иноземцы. Этимъ не ограничивались: хотѣли построить еще суда съ цѣлью плаванія по морю. Но Стенька Разинъ сжегъ первый русскій корабль.

Планы армянской компаніи послѣ того пошатнулись. Между тѣмъ, гости и торговые люди, у которыхъ правительство просило совѣта, были противъ дозволенія торговать армянамъ съ иностранцами. Армянамъ дозволили только продавать шелкъ въ казну. Русскимъ не позволяли ѣздить въ Персію, а персіянамъ дозволили торговать только въ одной Астрахани.

Одновременно съ собираніемъ въ казну серебряной и золотой монеты правительство старалось объ отысканіи въ своемъ государствѣ всякаго рода руды, особенно серебряной. Въ 1659 г. приказано было въ Сибири кликать чрезъ бирючей, чтобы всякъ, кто вѣдаетъ гдѣ нибудь по рѣкамъ золотую, серебряную и мѣдную руды и слюдныя горы, тотъ приходилъ бы въ съѣзжую избу и доносилъ объ этомъ воеводѣ. По этимъ кликамъ было нѣсколько заявленій, которыя, однако, не привели къ важнымъ послѣдствіямъ. Сибирскимъ удальцамъ, отправлявшимся для отысканія новыхъ земель, давался наказъ высматривать: нѣтъ ли гдѣ серебряной и золотой руды. Правительство также думало найти ее на сѣверо-востокѣ европейской Россіи въ пустозерскомъ уѣздѣ. Тамошніе жители обязаны были искать руду, и это было для нихъ до крайности затруднительно, потому что они должны были бороться съ большими препятствіями, а добиться чего либо не могли, потому что были неискусны и несвѣдущи въ этомъ дѣлѣ [2]).

[1]) Русскіе хотѣли было прежде завести флотъ на Балтійскомъ морѣ, въ Курляндской землѣ, для торговыхъ цѣлей; но курляндцы отклонили русскихъ отъ этого намѣренія.

[2]) Самъ царь Алексѣй Михайловичъ очень любилъ золотыя и серебряныя вещи и часто проводилъ время въ разсматриваніи работъ серебряниковъ и ювелировъ. Обычай нашихъ предковъ украшать образа окладами развилъ серебряное мастерство въ разныхъ видахъ, но въ это время царь приказалъ лучшихъ изъ мастеровъ выби-

Мѣдь добывалась близъ Соликамска и доставлялась въ казну по два и по три рубля за пудъ, а продавалась изъ казны на мѣстѣ добыванія частнымъ лицамъ по четыре съ полтиною, но, по своему малому количеству, не приносила большого дохода. Въ концѣ царствованія Алексѣя Михайловича найдена была мѣдная руда около Олонца и на рѣкахъ, впадающихъ въ Мезень [1]). Обработка желѣза производилась на югъ отъ Москвы, близъ Тулы и Коширы. Одинъ изъ самыхъ большихъ заводовъ принадлежалъ Петру Марселису: его работы производились на тридцати верстахъ между Серпуховомъ и Тулою. Другой заводъ на рѣкѣ Протвѣ, за 90 верстъ отъ Москвы по калужской дорогѣ, находился въ завѣдываніи Акемы. Заводчики имѣли свои привилегіи и приписныя села. На заводахъ выдѣлывалось полосовое, листовое и прутовое желѣзо, якори, гвозди, мельничные снаряды, двери, ставни, ступы, ядра. У Марселиса дѣлались и пушки. Величайшее затрудненіе этихъ заводчиковъ состояло въ томъ, что трудно было достать мастеровыхъ и вообще работники обходились очень дорого [2]).

Крестьяне во времена войнъ Алексѣя Михайловича находились въ утѣсненномъ положеніи, такъ какъ владѣльцы, нуждаясь въ издержкахъ по поводу военной службы, старались доставлять себѣ черезъ ихъ работу болѣе доходовъ. Тогда крестьяне еще болѣе потеряли свои права и уравнивались съ холопами. Прежде запрещено было брать крестьянъ въ дворъ, но теперь вошли въ обычай такіе случаи. Когда помѣщикъ уклонялся отъ службы, и не могли его отыскать, то брали его крестьянъ и держали въ тюрьмѣ. Когда давалась вотчина, то вотчинникъ ничѣмъ не былъ связанъ по отношенію къ крестьянамъ: не было постановлено никакихъ твердыхъ правилъ, ограничивающихъ произволъ владѣльцевъ; напротивъ того, крестьянамъ вмѣнялось въ долгъ дѣлать все, что̀ прикажетъ помѣщикъ, и платить все, чѣмъ онъ ихъ изо-

рать въ приказъ золотого и серебрянаго дѣла на вѣчную службу, и вообще старался скупать въ казну такого рода работы. За неимѣніемъ своихъ драгоцѣнныхъ металловъ, золото и драгоцѣнные камни привозили въ Россію изъ-за границы, между прочимъ, съ востока греки, персіяне и армяне.

[1]) Правительство давало на обработку этой руды привилегіи: нидерландцу Іовису и Петру Марселису съ условіемъ выписать мастеровъ изъ Даніи.

[2]) Надзиратель за работами получалъ 300 рублей въ годъ, мастеръ съ пуда — алтынъ, простой рабочій—двѣ копѣйки съ пуда, а кочегаръ — деньгу. Дрова обходились по 14 коп. за квадратную сажень.

брочитъ [1]). Въ боярскихъ вотчинахъ еще существовали въ это время выборные старосты и цѣловальники по давнему обычаю, но надъ ними выше стоялъ прикащикъ, назначенный отъ владѣльца. Находясь въ полномъ повиновенiи у владѣльца, крестьяне должны были иногда исполнять, по ихъ повелѣнiю, и беззаконныя дѣла; такъ, вотчинные и помѣщичьи крестьяне, по приказанiю господина, нападали на крестьянъ другаго владѣльца, съ которымъ ихъ господинъ былъ въ ссорѣ.

Эти явленiя совпадали съ произволомъ, господствовавшимъ во всемъ и повсюду. Сильнѣйшiй давилъ слабѣйшаго; низшiй исполнялъ беззаконныя приказанiя высшаго. Служилые люди, по повелѣнiю воеводъ, дѣлали всевозможныя насилiя посадскимъ и крестьянамъ.

Неудивительно, что при такой неурядицѣ разбои были постояннымъ явленiемъ. Въ 1655 году правительство, не въ силахъ будучи справиться со множествомъ воровъ и разбойниковъ, рѣшилось объявить имъ всѣмъ прощенiе, если они принесутъ покаянiе и перестанутъ совершать преступленiя. Эта кроткая мѣра естественно не могла привести къ желаемому успѣху, такъ какъ не прекращались причины, побуждавшiя къ побѣгамъ и разбоямъ. Черезъ два года, въ 1657 году, грабежи, убiйства, поджоги усилились до такой степени, что правительство разослало сыщиковъ изъ дворянъ ловить разбойниковъ, которые были большею частью изъ бѣглыхъ крестьянъ и прежде всего обращали свои злодѣянiя на господъ. Сыщики, гонявшiеся за бѣглыми съ отрядами стрѣльцовъ, пушкарей и собранныхъ волостныхъ людей, были вмѣстѣ и судьями, казнили смертью обвиненныхъ и тутъ же пользовались своею властью для обдирательства народа. Не говоря уже о томъ, что они отягощали жителей доставкою себѣ лошадей, пищи, питья, сторожей, они, подобно воеводамъ,

[1]) Крестьяне, бывшiе на издѣльной работѣ, по прежнему раздѣлялись на выти, полагая обыкновенно въ выти по двѣ десятины въ каждомъ полѣ. Эту господскую землю должны были они обработать, убрать хлѣбъ, связать въ сноны, собрать въ копны, которые назывались сотницами и записывались прикащиками въ ужинныя книги. Въ другихъ мѣстахъ вмѣсто господской работы брали въ пользу господина выдѣльный хлѣбъ —пятый, шестой или четвертый снопъ. Кромѣ того, владѣлецъ облагалъ крестьянъ многими мелкими поборами. Иные обработывали у помѣщиковъ землю на условiяхъ половины, четверти и т. п. Такiя условiя заключались обыкновенно съ нетяглыми, гулящими людьми. До какой степени было скудно населенiе, видно изъ того, что въ 44 деревняхъ и 23 починкахъ на сѣверо-востокѣ Россiи было сто крестьянскихъ дворовъ и 106 чел. крестьянъ. Это, однако, не было повсемѣстнымъ правиломъ. Напр., въ хлыновскомъ уѣздѣ: 53 деревни и 44 починка, дворовъ 133, людей 714, или: 103 деревни, 209 дворовъ, 1,055 чел. крест.

нерѣдко научали ябедниковъ или пойманныхъ ими преступниковъ клеветать то на того, то на другого въ участіи въ разбояхъ или въ пристанодержательствѣ разбойниковъ, чтобы потомъ притянуть оклеветанныхъ къ дѣлу и обирать ихъ. Само собою разумѣется, отъ такого обращенія только усиливалось бродяжничество, которое правительство хотѣло искоренить. Военныя обстоятельства тысяча шестисотъ шестидесятыхъ годовъ прибавляли къ числу бѣглыхъ людей множество ратныхъ, ушедшихъ со службы. Поимка бѣглыхъ и борьба съ разбойниками усиливались съ каждымъ годомъ; правительство то и дѣло, что посылало то въ тотъ, то въ другой край сыщиковъ ловить посадскихъ, черносошныхъ вотчинныхъ крестьянъ, служилыхъ людей, наказывать ихъ и отправлять на мѣста жительства, а разбойниковъ вѣшать. За всякимъ такимъ сыскомъ слѣдовали новые безпорядки. Разбойничьи шайки становились все многолюднѣе и смѣлѣе; народъ дѣлался все недовольнѣе, и такимъ образомъ подготовлялась почва для страшнаго бунта Стеньки Разина, нанесшаго такое потрясеніе въ концѣ царствованія Алексѣя Михайловича.

Это событіе, возмутившее государство, стоило много крови; произведено было много безчеловѣчныхъ казней. Правительство,—котораго силу составляли бояре, воеводы, дьяки, служилые и приказные люди, — вышло съ побѣдою изъ борьбы съ чернымъ народомъ, потерявшимъ терпѣніе, но не воспользовалось этимъ урокомъ для народной пользы. Только служилые и приказные люди получили свои выгоды и награды за службу во время мятежа. Управленіе по прежнему оставалось въ рукахъ воеводъ и приказныхъ людей: они могли брать посулы и поминки, дѣлать всякаго рода насилія и ускользать отъ наказанія. Соблюдалась болѣе всего форма, особенно, когда дѣло касалось имени государя [1]). Страхъ за царскую безопасность или честь сталъ еще болѣе предметомъ заботливости, и въ это время послѣдовало запрещеніе ѣздить въ Кремль мимо царскаго дворца. Ужасное „государево слово и дѣло“ получало болѣе силы послѣ каждаго народнаго волненія.

[1]) Дьякъ могъ безнаказанно грабить и утѣснять „сиротъ государевыхъ“, какъ назывались на дѣловомъ языкѣ всѣ неслужилые люди, но за малѣйшую ошибку или описку въ государевомъ титулѣ приказному человѣку еще строже прежняго грозили батоги или, по крайней мѣрѣ, выговоръ въ родѣ слѣдующаго: „Ты, дьячишко страдникъ, страдничій сынъ и плутишко, ты не смотришь, что къ намъ великому государю въ опискѣ писано непристойно; знатно пьешь и бражничаешь, и довелся ты жестокаго наказанія“.

Польскій король Янъ Казимиръ отказался отъ престола еще въ 1668 году. Въ Польшѣ образовалась партія, желавшая избранія сына Алексѣя Михайловича, царевича Алексѣя Алексѣевича. Нащокинъ, имѣвшій по прежнему большое вліяніе на государя, отговорилъ его посылать въ Польшу пословъ для этой цѣли, представивши, что русскій государь потратитъ понапрасну много денегъ, а избраніе не состоится. На польскій престолъ избрали Михаила Корибута Вишневецкаго. Малороссія никакъ не могла успокоиться; гетманъ Дорошенко всѣми силами сопротивлялся Андрусовскому договору 1667 года, дѣлившему Малороссію на двѣ половины между Россіею и Польшею: Кіевъ не могъ быть отданъ Россіею во́ время Польшѣ. Это повлекло къ новымъ переговорамъ въ 1670 году. Послѣ нѣсколькихъ предварительныхъ съѣздовъ, Нащокинъ подтвердилъ Андрусовскій договоръ въ Мигновичахъ. Вопросъ о сдачѣ Кіева Польшѣ оставили нерѣшеннымъ. Въ концѣ 1671 года договоръ этотъ былъ подтвержденъ польскими послами въ Москвѣ: здѣсь уже главную роль игралъ бояринъ Артамонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ. Нащокинъ уже сошелъ со сцены [1]). Русскій государь обѣщалъ давать помощь полякамъ противъ турокъ, и гетманъ Дорошенко, не желая оставаться подъ властью Польши, готовился поднять силы турокъ и татаръ за Малороссію. Московское правительство заключило мирный договоръ и съ Крымомъ: крымскій ханъ обѣщался отпустить всѣхъ плѣнниковъ, но бѣдный Шереметевъ былъ задержанъ и оставался въ плѣну до заплаты большого выкупа въ 30,000 червонцевъ. Надѣясь, какъ видно, на миръ съ Крымомъ, правительство обратило вниманіе на заселеніе южной части государства, и въ 1672 году состоялось замѣчательное постановленіе о раздачѣ ду-

[1]) Послѣ Андрусовскаго договора, Нащокинъ вошелъ въ чрезвычайную силу. Царь далъ ему небывалый еще титулъ „Царственныя большія печати и государственныхъ великихъ посольскихъ дѣлъ оберегателя". Самолюбивый до чрезвычайности, желчный и неуживчивый, Нащокинъ постоянно выставлялъ себя передъ царемъ единственно умнымъ и способнымъ человѣкомъ въ государствѣ, бранилъ и унижалъ бояръ и дьяковъ, вооружалъ противъ нихъ царя и былъ всѣми ненавидимъ. Онъ явно добивался, чтобы царь во всемъ слушалъ его одного, и постоянно игралъ роль сироты, гонимаго и обижаемаго врагами, а между тѣмъ всѣмъ ворочалъ по своему усмотрѣнію. Но такое могущество, при всеобщемъ раздраженіи противъ него другихъ, близкихъ къ царю людей, не могло быть продолжительно. Царь сблизился съ Матвѣевымъ. Нащокинъ въ 1671 году потерялъ мѣсто начальника посольскаго приказа, на которое назначенъ былъ Матвѣевъ. Ближайшія причины этой перемѣны неизвѣстны, но безъ сомнѣнія, удаленіе Нащокина показываетъ, что онъ потерялъ довѣріе царя. Нащокинъ не помирился съ своимъ паденіемъ и постригся въ Крипецкомъ монастырѣ, близъ Пскова, подъ именемъ Антонія.

ховнымъ лицамъ и служилымъ людямъ „дикихъ полей" въ украинныхъ областяхъ. Но примиреніе съ Крымомъ, дававшее надежду на спокойствіе украинныхъ земель, было непродолжительно. Смуты въ Малороссіи скоро привели Россію къ военнымъ дѣйствіямъ противъ турокъ и татаръ, когда Дорошенко призвалъ тѣхъ и другихъ для противодѣйствія раздѣлу Малороссіи, учиненному Польшею и Россіею.

Совокупныя дѣйствія противъ турокъ и Дорошенка сдружали московское правительство съ Польшею. Въ Варшавѣ сталъ жить постоянный русскій посланникъ, резидентъ. Изъ Польши прислали въ Москву такого же резидента. Въ концѣ 1673 года скончался польскій король Михаилъ, и въ Польшѣ опять образовалась партія, состоявшая преимущественно изъ литовскихъ пановъ (гетмана Паца, Огинскаго, Бржостовскаго и др.), которая желала избрать на польскій престолъ сына Алексѣя Михайловича, царевича Өедора, съ условіями: принять католичество, вступить въ бракъ со вдовою покойнаго Михаила, возвратить Польшѣ всѣ завоеванныя земли и давать деньги Польшѣ на войну противъ турокъ. Ближніе царскіе бояре, Матвѣевъ и Юрій Долгорукій, отвѣчали на это, что царь самъ желаетъ быть избраннымъ въ польскіе короли, но отъ принятія католичества отказывается. Такой отвѣтъ уничтожалъ планы соединенія польской короны съ московскою, и 8 мая 1674 года польскій сеймъ выбралъ въ короли короннаго гетмана Яна Собѣскаго. Московское Государство, связанное, по договору, обѣщаніемъ войны противъ турокъ, продолжало и при этомъ королѣ оставаться въ пріязненныхъ отношеніяхъ съ Польшею.

Царь Алексѣй Михайловичъ, какъ мы уже не разъ говорили, любившій всякій блескъ, парадность, дорожилъ какъ своей славою, такъ и славою своего государства въ чужихъ земляхъ. Пріемъ иноземныхъ пословъ былъ для него большимъ праздникомъ; любилъ онъ разсылать и своихъ пословъ въ иноземныя государства. Въ его царствованіе мы встрѣчаемъ нѣсколько посольствъ, отправляемыхъ безъ особенной нужды и потому не имѣвшихъ важныхъ послѣдствій. Такъ, еще въ 1656 году стольникъ Чемодановъ, отправленный въ Венецію съ цѣлью попытаться занять денегъ, послѣ многихъ приключеній на морѣ, испытанныхъ на пути отъ Архангельска до Италіи, прибылъ случайно въ Ливорно и вмѣсто Венеціи попалъ во Флоренцію. Тосканскій герцогъ Фердинандъ Медичи такъ отлично принялъ московское посольство, что царь посылалъ туда одно за другимъ еще два посольства (Лиха-

чева и Желябужскаго). Въ 1667 году посылаемъ былъ въ Испанію, а въ слѣдующемъ году во Францію стольникъ Петръ Потемкинъ. Московскій государь искалъ дружбы и союза съ государями этихъ странъ. Съ своей стороны въ Испаніи и Франціи московскому посланнику дѣлали мирныя предложенія, которыя онъ не могъ принять, не имѣя наказа. Такимъ образомъ, изъ этихъ посольствъ ровно ничего не вышло, кромѣ развѣ того, что царь Алексѣй Михайловичъ изъ разсказовъ посланниковъ узнавалъ о порядкахъ и обычаяхъ далекихъ иноземныхъ государствъ, и само русское царство становилось извѣстнѣе на западѣ.

Также безплодно было и посольство къ папѣ маіора Менезіуса въ 1674 году, отправленнаго для переговоровъ по поводу войны съ турками. Папа Климентъ X ни за что не хотѣлъ дать Алексѣю Михайловичу царскаго титула, не зная, что̀ этотъ титулъ собственно означаетъ по смыслу западной дипломатіи. Съ Персіей Алексѣй Михайловичъ былъ постоянно въ мирныхъ и частыхъ сношеніяхъ, хотя грузинскія дѣла, набѣги казаковъ на персидскіе берега и задержки русскихъ купцовъ на пути въ Персію возбуждали между двумя дворами нѣкоторыя недоразумѣнія. Въ 1675 году царь отправлялъ посольство въ отдаленную Индію искать дружбы одного изъ тамошнихъ государей. Въ тотъ же годъ отправленъ былъ переводчикъ посольскаго приказа, волохъ Николай Спафари, въ Китай. Русскіе въ Сибири, двигаясь къ востоку, дошли наконецъ до предѣловъ Китайской имперіи. Возникли столкновенія по поводу власти надъ берегами Амура, онѣ повели къ враждебнымъ дѣйствіямъ съ обѣихъ сторонъ. Для прекращенія столкновеній, царь Алексѣй Михайловичъ отправилъ посольство въ Китай, въ надеждѣ заключить договоръ. Спафари съ большимъ трудомъ, при посредствѣ іезуитовъ, добился представленія богдыхану, но выѣхалъ изъ Пекина ни съ чѣмъ, даже безъ грамоты, и привезъ въ Москву такое мнѣніе о китайцахъ, „что въ цѣломъ свѣтѣ нѣтъ такихъ плутовъ, какъ китайцы".

1669 годъ былъ замѣчательно несчастливъ для царскаго семейства. 2 марта скончалась царица Марья Ильинишна, родивши дочь, которая умерла черезъ два дня послѣ рожденія. Марья Ильинишна была очень любима за свой добрый нравъ и готовность помогать людямъ во всякой бѣдѣ. Вслѣдъ за ней черезъ три мѣсяца умеръ царевичъ Симеонъ, а черезъ нѣсколько мѣсяцевъ другой царевичъ—Алексѣй. Въ это время царь, требовавшій себѣ дружескаго утѣшенія, особенно сбли-

зился съ Матвѣевымъ, который и прежде пользовался его благорасположеніемъ. Артамонъ Сергѣевичъ былъ изъ немногихъ русскихъ людей новаго покроя, сознававшій пользу просвѣщенія, любившій чтеніе, цѣнившій искусство. Начальствуя посольскимъ приказомъ, онъ обратилъ его нѣкоторымъ образомъ въ ученое учрежденіе. Подъ его руководствомъ тамъ переводились и составлялись книги: Василіологіонъ— исторія древнихъ царей, Мусы (музы) или семь свободныхъ ученій. Написана была также русская исторія подъ названіемъ „Государственной большой книги“ съ приложеніемъ портретовъ государей и патріарховъ. При своей любознательности, чаще всякаго другаго находясь въ обращеніи то съ иноземцами, то съ малороссіянами, Матвѣевъ познакомился съ иноземными обычаями, началъ признавать превосходство ихъ. Къ этому способствовала его семейная жизнь. Онъ былъ женатъ на иностранкѣ изъ нѣмецкой слободы, Гамильтонъ, шотландкѣ по происхожденію, принявшей, при переходѣ въ православную вѣру, имя Авдотьи (Григорьевны). Матвѣевъ служилъ въ иноземныхъ полкахъ и сдѣланъ былъ рейтарскимъ полковникомъ. Онъ находился по женѣ въ родствѣ съ родомъ Нарышкиныхъ: это были старинные рязанскіе дворяне, происходившіе отъ одного крымскаго выходца въ XV ст. Въ XVII вѣкѣ Нарышкины были надѣлены помѣстьями въ Тарусѣ. Одинъ изъ нихъ Ѳедоръ Полуектовичъ былъ женатъ на племянницѣ жены Матвѣева, также изъ рода Гамильтонъ и также въ крещеніи названной Авдотьей (по отцу Петровной). Братъ Ѳедора, Кириллъ Полуектовичъ, стрѣлецкій голова, потомъ пожалованный въ стольники (женатый на Аннѣ Леонтьевнѣ Леонтьевой), кромѣ сыновей, имѣлъ дочь Наталью, которая съ одиннадцати или двѣнадцати лѣтъ воспитывалась въ домѣ Матвѣева и познакомилась съ-измала съ иноземными обычаями.

Въ концѣ 1669 года царь Алексѣй Михайловичъ возъимѣлъ намѣреніе вступить во второй бракъ и, по обычаю, велѣлъ собрать дѣвицъ на смотръ. Много привозили ихъ и увозили. Въ началѣ февраля 1670 года, царю понравилась болѣе всѣхъ Наталья Нарышкина, но царь продолжалъ смотрѣть дѣвицъ, въ надеждѣ найти еще покрасивѣе. Въ апрѣлѣ, какъ видно, онъ колебался между Нарышкиной и Авдотьей Бѣляевой. Между тѣмъ, противъ Нарышкиной и, главное, противъ Матвѣева начались козни; боялись, чтобы бракъ съ Нарышкиной не сдѣлалъ всемогущимъ Матвѣева, уже безъ того пользовавшагося довѣріемъ и любовью царя Алексѣя Михайловича. Подкинуты были подметныя письма съ цѣлью откло-

нить царя отъ брака. Подозрѣніе въ составленіи этихъ писемъ пало на дядю Бѣляевой, Шихарева. Его обыскали, но не нашли ничего, кромѣ травы звѣробоя, которою онъ лечился. Въ то время травъ очень боялись, потому что съ ними соединяли разныя суевѣрія. Найденной травы было достаточно, чтобы подвергнуть несчастнаго ея хозяина пыткѣ; отъ него не добились ничего. Выборъ царя остановился на Нарышкиной; но свадьба почему-то была отложена. Такъ какъ у Алексѣя Михайловича были уже взрослыя дочери почти однихъ лѣтъ съ Натальей, то у нихъ явилось нерасположеніе къ будущей мачихѣ; притомъ же тетки царя, пожилыя дѣвы, богомольныя хранительницы старыхъ порядковъ, не терпѣли Матвѣева и его родню за преданность иноземнымъ обычаямъ. Это обстоятельство, вѣроятно, также способствовало земедленію брака, но не могло предотвратить его. 22 января 1671 года, Алексѣй Михайловичъ сочетался съ Натальей.

Опасенія ревнителей старины были не напрасны. Алексѣй Михайловичъ, какъ натура увлекающаяся, способная вполнѣ отдаться тѣмъ, кто въ данное время былъ близокъ его сердцу, подчинился вліянію жены и Матвѣева. Онъ называлъ Матвѣева не иначе, какъ „другомъ", писалъ къ нему такого рода письма: „Пріѣзжай скорѣй, дѣти мои и я безъ тебя осиротѣли. За дѣтьми присмотрѣть некому, а мнѣ посовѣтовать безъ тебя не съ кѣмъ". Матвѣевъ, однако, велъ себя съ необыкновеннымъ благоразуміемъ и хотя оффиціально управлялъ разомъ и посольскимъ, и малороссійскимъ приказами, однако носилъ только званіе думнаго дворянина. По желанію царя, Матвѣевъ построилъ себѣ большія палаты у Никиты на-Столпахъ и, сообразно своему вкусу, украсилъ ихъ по-европейски картинами иностранныхъ мастеровъ и мебелью въ европейскомъ вкусѣ; даже въ домовой его церкви иконостасъ былъ сдѣланъ на итальянскій образецъ. Онъ не держалъ взаперти ни своей жены, ни своихъ родственницъ и воспитанницъ. Въ его домѣ введена была музыка и даже устроенъ домашній театръ, на которомъ играли нѣмцы и его дворовые люди.

30 мая 1672 г. родился царевичъ Петръ, будущій русскій императоръ. Матвѣевъ и отецъ царицы Натальи были возведены въ званіе окольничихъ. Царица Наталья получила еще болѣе силы надъ царемъ. Въ противность прежнимъ обычаямъ, она позволяла себѣ ѣздить въ открытой каретѣ и показывалась народу, къ соблазну ревнителей старины, видѣвшихъ въ подобныхъ явленіяхъ приближеніе Антихриста. Алексѣй Михайловичъ до такой степени измѣнился, что допускалъ

то́, о чемъ и не смѣлъ бы подумать назадъ тому нѣсколько лѣтъ, когда церковные ходы и царскіе выходы доставляли единственную пищу его врожденной страсти къ художественности. Теперь, подъ вліяніемъ Матвѣева и жены, у царя заведенъ былъ театръ; вызвана была въ Москву странствующая нѣмецкая труппа Ягана Готфрида Григори, устроена въ Преображенскомъ селѣ „комедійная хоромина", а потомъ „комедійная палата" въ кремлевскомъ дворцѣ. Это была сцена въ видѣ полукружія, съ декораціями, занавѣсомъ, оркестромъ, состоявшимъ изъ органа, трубъ, флейтъ, скрипки, барабановъ и литавровъ. Царское мѣсто было на возвышеніи, обитое краснымъ сукномъ; за нимъ была галлерея съ рѣшеткой для царскаго семейства и мѣста въ видѣ полукружія для бояръ, а боковыя мѣста назначались для прочихъ зрителей. Директоръ театра, по царскому приказанію, набиралъ дѣтей изъ Новомѣщанской слободы, заселенной преимущественно малороссами, и обучалъ ихъ въ особой театральной школѣ, устроенной въ Нѣмецкой слободѣ. Сначала представлялись такія пьесы, которыхъ содержаніе было взято изъ священнаго писанія. Таковы были: „Исторія Олоферна и Юдиѳи", комедія о „Навуходоносорѣ", комедія о „Блудномъ сынѣ", о „Грѣхопаденіи Адама", объ „Іосифѣ", о „Давидѣ и Соломонѣ", „Товія", объ „Артаксерксѣ и Аманѣ", „Алексѣй Божій человѣкъ" и пр. Комедіи эти писались силлабическими виршами; двѣ изъ нихъ о „Навуходоносорѣ" и „Блудномъ сынѣ" принадлежатъ перу Симеона Полоцкаго, бывшаго, такъ сказать, придворнымъ поэтомъ и проповѣдникомъ Алексѣя Михайловича. Остальныя комедіи были сочинены малороссами, какъ показываетъ языкъ. Совѣсть Алексѣя Михайловича успокоивалась тѣмъ, что его духовникъ объяснилъ ему, что и византійскіе императоры допускали при своемъ дворѣ такія увеселенія. Мало по малу молодое театральное искусство стало переходить и къ мірскимъ предметамъ. Такъ въ числѣ игранныхъ у Алексѣя Михайловича пьесъ, была пьеса „Баязетъ", которой содержаніемъ была борьба Баязета съ Тамерланомъ. Гордый и самоувѣренный Баязетъ насмѣхается надъ своимъ противникомъ; на сценѣ происходитъ сраженіе. Баязетъ побѣжденъ, заключенъ въ клѣтку и представленъ побѣдителю, сидящему на конѣ. Въ отчаяніи Баязетъ разбиваетъ себѣ голову. Трагическій элементъ смѣшанъ здѣсь съ комическимъ: на сцену выводится шутъ, потѣшающій публику веселыми пѣснями. Въ 1675 году, театральный вкусъ развился уже до того, что на сценѣ давался на масляницѣ балетъ, котораго глав-

нымъ лицомъ былъ миѳологическій Орфей. Царь нѣсколько смущался, когда пришлось допустить пляску съ музыкой, да еще съ миѳологическимъ сюжетомъ; плясовая музыка соблазняла его еще болѣе самой пляски, но онъ потомъ успокоился, когда ему представили, что при дворахъ европейскихъ государей употребительны такого рода увеселенія. Шагъ былъ важный, если вспомнимъ, что названый Димитрій, между прочими отступленіями отъ русскихъ обычаевъ, за музыку и танцы потерялъ и корону, и жизнь.

Такимъ образомъ, именно въ то время, когда родился человѣкъ, которому суждено было двинуть русскую жизнь на европейскую дорогу, въ Москвѣ уже занималась заря этой новой жизни. Ея вѣяніе чувствовалось во всемъ. Матвѣевъ, возведенный, наконецъ, въ 1674 году, въ санъ боярина, былъ также могучъ, какъ нѣкогда Борисъ Морозовъ. Сколько намъ извѣстно, онъ не только не возбуждалъ противъ себя зависти и ненависти, но, напротивъ, пользовался всеобщею любовью. Его приверженность къ иноземщинѣ не умаляла его въ глазахъ народа, тѣмъ болѣе, что, при наклонности къ иноземному просвѣщенію, онъ былъ человѣкъ благочестивый, готовый на всякое христіанское дѣло и совершенно чуждый спѣси и корыстолюбивыхъ цѣлей. Это уже одно показываетъ, что русскій человѣкъ могъ бы ужиться съ новымъ направленіемъ, лишь бы оно было благоразумно ведено [1]).

Увлекаясь театральными представленіями, царь устроивалъ и другаго рода „дѣйства“, имѣвшія государственное значеніе. 1 сентября 1674 года, въ Успенскомъ соборѣ, съ возвышеннаго мѣста, устланнаго персидскими коврами, царь „объявлялъ“ народу своимъ наслѣдникомъ достигшаго совершеннолѣтія царевича Ѳеодора; для этого составленъ былъ особый обрядный чинъ съ приличными событію чтеніями изъ

[1]) О Матвѣевѣ сохранилось такое преданіе: когда разнесся въ народѣ слухъ, что Матвѣевъ хочетъ себѣ строить домъ, но не находитъ камня для фундамента, то народъ пришелъ къ нему толпою и „поклонился ему камнемъ на цѣлый домъ“, т.-е. подарилъ ему камень.—„Я подарковъ вашихъ не хочу,—сказалъ Матвѣевъ,—но если у васъ есть лишній камень, то продайте мнѣ, я могу купить“. „Ни за что не продадимъ, ни за какія деньги“, сказали москвичи. На другой день они привезли ему камень, собранный съ могилъ, и говорили: „Вотъ камни съ гробовъ отцовъ и дѣдовъ нашихъ, для того-то мы ихъ ни за какія деньги продать не могли, а даримъ тебѣ, нашему благодѣтелю“.—Матвѣевъ увѣдомилъ о томъ царя. „Прими, другъ мой,—сказалъ Алексѣй,—видно они тебя любятъ; я бы охотно принялъ такой подарокъ“. Если этотъ случай и выдуманъ, то въ самомъ подобномъ вымыслѣ все-таки нельзя не видѣть доказательства большой любви къ нему народа.

Евангелія, Апостола, Пророчествъ, съ водоосвященіемъ и кропленіемъ св. водою, съ произнесеніемъ рѣчей отъ патріарха къ царю, отъ царя и царевича къ патріарху, поздравленіями отъ духовныхъ и мірскихъ людей, обращенными къ царю и царевичу и съ обратнымъ поздравленіемъ отъ послѣднихъ къ освященному собору, синклиту и ко всѣмъ православнымъ христіанамъ; въ заключеніе былъ царскій пиръ. Въ ознаменованіе этото торжественнаго событія царь пожаловалъ всѣмъ служилымъ людямъ придачу къ ихъ окладамъ.

Черезъ нѣсколько дней народъ смотрѣлъ на другое зрѣлище. Въ Москву привезли изъ Малороссіи человѣка, который задумалъ было повторить давно избитую и потерявшую силу комедію „самозванства“. То былъ одинъ малороссіянинъ изъ Лохвицы, назвавшій себя, по наущенію какого-то Міюски, царевичемъ Симеономъ Алексѣевичемъ, покойнымъ сыномъ царя отъ царицы Марьи Ильинишны. Но кошевой атаманъ Сірко, нѣсколько времени покровительствовавшій самозванцу, наконецъ, схватилъ его и препроводилъ въ Москву. Его казнили всенародно съ тѣми же муками, какія испыталъ Стенька Разинъ.

Еще царь Алексѣй Михайловичъ былъ не старъ. Онъ долго пользовался хорошимъ здоровьемъ; только чрезмѣрная тучность разстроила его организмъ и подготовила ему преждевременную смерть. Въ январѣ 1676 года онъ почувствовалъ упадокъ силъ. 28 января онъ благословилъ на царство сына Θеодора, поручилъ царевича Петра дѣду Кириллу Нарышкину вмѣстѣ съ княземъ Петромъ Прозоровскимъ, Θеодоромъ Алексѣевичемъ Головинымъ и Гаврилою Ивановичемъ Головкинымъ. Затѣмъ, онъ приказалъ выпустить изъ тюремъ всѣхъ узниковъ, освободить изъ ссылки всѣхъ сосланныхъ, простить всѣ казенные долги и заплатить за тѣхъ, которые содержались за долги частные, причастился св. тайнъ, соборовался и спокойно ожидалъ кончины.

На другой день, 29 января, въ 9 часовъ вечера, три удара въ колоколъ Успенскаго собора возвѣстили народу о смерти тишайшаго царя, самого добраго изъ русскихъ царей, но вмѣстѣ съ тѣмъ лишеннаго тѣхъ качествъ, какія были необходимы для царя того времени.

IV.

ПАТРІАРХЪ НИКОНЪ.

Въ XVII столѣтіи достиженіе важнаго значенія въ обществѣ лицъ простаго происхожденія было рѣдкостью. Порода и богатство цѣнились выше личныхъ достоинствъ; одна только церковь, безразлично для всѣхъ по происхожденію, открывала путь и къ высшимъ должностямъ и ко всеобщему уваженію.

Патріархъ Никонъ, одинъ изъ самыхъ крупныхъ, могучихъ дѣятелей русской исторіи, родился въ маѣ 1605 года, въ селѣ Вельемановѣ, близъ Нижняго-Новгорода, отъ крестьянина, именемъ Мины, и нареченъ въ крещеніи Никитою. Мать умерла вскорѣ послѣ его рожденія. Отецъ Никиты женился на другой женѣ, которая ввела къ нему въ домъ дѣтей отъ перваго мужа. Злоба мачихи въ древней Руси вошла въ поговорку; но жена Мины была женщина особенно злого нрава. Стараясь кормить своихъ дѣтей какъ можно лучше, она ничего не давала своему бѣдному пасынку, кромѣ черстваго хлѣба, безпрестанно бранила его, нерѣдко колачивала до крови, и однажды, когда голодный Никита хотѣлъ было забраться въ погребъ, чтобы достать себѣ пищи, мачиха, поймавши его, такъ сильно ударила въ спину, что онъ упалъ въ погребъ и чуть не умеръ. За такое обращеніе отецъ Никиты нерѣдко бранился съ женою, а когда слова не дѣйствовали, то и билъ ее. Но это не помогало несчастному: мачиха отомщала мужнины побои на пасынкѣ, и даже, какъ говорятъ, замышляла извести его [1]. Когда мальчикъ подросъ, отецъ отдалъ его учиться

[1]) Въ житіи Никона, написанномъ Шушерою, сохранился такой разсказъ: однажды бѣдный мальчикъ, плохо одѣтый, отъ зимняго холода залѣзъ погрѣться въ печь. Мачиха наложила туда дровъ и затопила печь. Мальчикъ началъ отчаянно кричать: прибѣжала его бабка, вытащила дрова изъ печи и, такимъ образомъ, спасла его отъ смерти.

грамотѣ. Книги увлекли Никиту. Выучившись читать, онъ захотѣлъ извѣдать всю мудрость божественнаго писанія, которое, по тогдашнему строю понятій, было важнѣйшимъ предметомъ, привлекавшимъ любознательную натуру. Онъ взялъ изъ дома отца нѣсколько денегъ, удалился въ монастырь Макарія Желтоводскаго, нашелъ какого-то ученаго старца и прилежно занялся чтеніемъ священныхъ книгъ. Здѣсь съ нимъ случилось событіе, глубоко запавшее въ его душу. Однажды отправился онъ съ монастырскими служаками гулять и зашелъ съ ними къ какому-то татарину, который во всемъ околоткѣ славился тѣмъ, что искусно гадалъ и предсказывалъ будущее. Гадатель, посмотрѣвши на Никона, спросилъ: „какого ты роду?“ „Я простолюдинъ“, отвѣчалъ Никита. „Ты будешь великимъ государемъ надъ царствомъ россійскимъ!“ сказалъ ему татаринъ [1]).

Черезъ нѣсколько времени отецъ Никиты, вѣроятно уже вдовый въ то время, узнавши, гдѣ находится его сынъ, послалъ къ нему своего пріятеля звать домой и сказать, что бабушка его лежитъ при смерти. Никита воротился домой и вскорѣ лишился не только бабки, но и отца.

Оставшись единственнымъ хозяиномъ въ домѣ, Никита женился, но его неудержимо влекли къ себѣ церковь и богослуженіе. Будучи человѣкомъ грамотнымъ и начитаннымъ, онъ началъ искать себѣ мѣста и вскорѣ посвященъ былъ въ приходскіе священники одного села. Ему было тогда не болѣе 20 лѣтъ отъ роду.

Никита перешелъ въ Москву по просьбѣ московскихъ купцовъ, узнавшихъ объ его начитанности. Онъ имѣлъ отъ жены троихъ дѣтей, но всѣ они померли въ малолѣтствѣ одинъ за другимъ. Это обстоятельство сильно потрясло впечатлительнаго Никиту. Смерть дѣтей онъ принялъ за небесное указаніе, повелѣвающее ему отрѣшиться отъ міра, и рѣшился удалиться въ монастырь. Никита уговорилъ жену постричься въ московскомъ Алексѣевскомъ монастырѣ, далъ за нею вкладъ, оставилъ ей денегъ на содержаніе, а самъ ушелъ на Бѣлое море, и постригся въ Анзерскомъ скитѣ, подъ именемъ Никона. Ему было тогда 30 лѣтъ.

Житіе въ Анзерскомъ скитѣ было трудное. Братія, которой было не болѣе двѣнадцати человѣкъ, жила въ отдѣльныхъ избахъ, раскинутыхъ по острову, и только въ субботу вечеромъ сходилась въ церковь. Богослуженіе продолжалось цѣлую ночь; сидя въ церкви, братія выслушивала весь псалтырь; съ наступленіемъ

[1]) Это былъ обыкновенный пріемъ гадателей и гадальщицъ—предсказывать знатность и величіе.

дня совершалась литургія; потомъ всѣ расходились по своимъ избамъ. Царь ежегодно давалъ въ Анзерскій скитъ „руги" (царское жалованье хлѣбомъ и деньгами) по три четверти хлѣба на брата, а рыбаки снабжали братію рыбою, въ видѣ подаянія. Надъ всѣми былъ начальный старецъ по имени Елеазаръ.

Спустя нѣсколько времени, Елеазаръ отправился въ Москву за сборомъ милостыни на построеніе церкви и взялъ съ собою Никона. Въ Москвѣ анзерскихъ монаховъ надѣлили щедро; они собрали до пятисотъ рублей и возвратились въ свой скитъ. Но деньги нарушили доброе согласіе, которое до того времени существовало между начальнымъ старцемъ и Никономъ. Первый держалъ деньги въ ризницѣ; послѣдній боялся, чтобъ ихъ не отняли лихіе люди. Ссора дошла до того, что Елеазаръ не могъ равнодушно смотрѣть на Никона, а Никонъ, сойдясь съ какимъ-то богомольцемъ, посѣщавшимъ Анзерскій скитъ, отправился вмѣстѣ съ нимъ на суднѣ. Чуть было не погибнувши на пути отъ бури, Никонъ прибылъ въ Кожеозерскую пустынь, находившуюся на островахъ Кожеозера, и по своей бѣдности отдалъ въ монастырь,—куда не принимали безъ вклада,—свои послѣднія богослужебныя двѣ книги. Никонъ, по своему характеру, не любилъ жить съ братіею и предпочиталъ свободное уединеніе; онъ поселился на особомъ островѣ и занимался тамъ рыбною ловлею. Спустя немного времени, по кончинѣ тамошняго игумена, братія пригласила Никона быть игуменомъ. На третій годъ послѣ своего поставленія, именно въ 1646 году, онъ отправился въ Москву и здѣсь явился съ поклономъ молодому царю Алексѣю Михайловичу, какъ вообще въ то время являлись съ поклономъ къ царямъ настоятели монастырей. Царю до такой степени понравился кожеозерскій игуменъ, что онъ тотчасъ же велѣлъ ему остаться въ Москвѣ, и по царскому желанію, патріархъ Іосифъ посвятилъ его въ санъ архимандрита Новоспасскаго монастыря. Мѣсто это было особенно важно, и архимандритъ этого монастыря скорѣе, чѣмъ многіе другіе, могъ приблизиться къ государю: въ Новоспасскомъ монастырѣ была родовая усыпальница Романовыхъ; набожный царь часто ѣзжалъ туда молиться за упокой своихъ предковъ и давалъ на монастырь щедрое жалованье. Чѣмъ болѣе бесѣдовалъ царь съ Никономъ, тѣмъ болѣе чувствовалъ къ нему расположеніе. Алексѣй Михайловичъ былъ изъ такихъ сердечныхъ людей, которые не могутъ жить безъ дружбы, легко привязываются къ людямъ, которые имъ нравятся по своему складу, и всею душою къ нимъ пристращаются. Алексѣй Михайловичъ приказалъ Никону ѣздить къ нему во дворецъ каждую пятницу.

Бесѣды съ Никономъ западали ему въ душу. Никонъ, пользуясь расположеніемъ государя, сталъ просить его за утѣсненныхъ и обиженныхъ; это было по нраву царя. Алексѣй Михайловичъ еще болѣе пристрастился къ Никону и самъ далъ ему порученіе принимать просьбы отъ всѣхъ тѣхъ, которые искали царскаго милосердія и управы на неправду судей; и Никона безпрестанно осаждали такіе просители не только въ его монастырѣ, но даже на дорогѣ, когда онъ ѣзжалъ изъ монастыря къ царю. Всякая правая просьба скоро исполнялась. Никонъ пріобрѣлъ славу добраго защитника, ходатая и всеобщую любовь въ Москвѣ. Никонъ, какъ близкій человѣкъ къ царю, сталъ большимъ человѣкомъ.

Вскорѣ въ судьбѣ его произошла новая перемѣна. Въ 1648 г. скончался новгородскій митрополитъ Аѳанасій. Царь всѣмъ предпочелъ своего любимца, и бывшій тогда въ Москвѣ іерусалимскій патріархъ Паисій, по царскому желанію, рукоположилъ новоспасскаго архимандрита въ санъ новгородскаго митрополита. Этотъ санъ былъ вторымъ по значенію въ русской іерархіи.

Алексѣй Михайловичъ былъ довѣрчивъ къ тѣмъ, которыхъ особенно любилъ. Помимо всѣхъ оффиціальныхъ властей, онъ возложилъ на Никона наблюдать не только надъ церковными дѣлами, но и надъ мірскимъ управленіемъ, доносить ему обо всемъ и давать совѣты. Это пріучило Никона и на будущее время заниматься мірскими дѣлами. Подвиги нищелюбія, совершаемые митрополитомъ въ Новгородѣ, увеличивали любовь и уваженіе къ нему государя. Когда въ Новгородской землѣ начался голодъ, бѣдствіе, какъ извѣстно, очень часто поражавшее этотъ край, Никонъ отвелъ у себя на владычномъ дворѣ особую палату, такъ называемую „погребную", и приказалъ ежедневно кормить въ ней нищихъ. Дѣло это возложено было на одного блаженнаго, ходившаго босикомъ лѣтомъ и зимою; кромѣ того, этотъ блаженный каждое утро раздавалъ нищимъ по куску хлѣба, и каждое воскресенье отъ имени митрополита раздавалъ старымъ по 2 деньги, взрослымъ по деньгѣ, а малымъ по полденьгѣ. Митрополитъ устраивалъ также богадѣльни для постояннаго призрѣнія убогихъ и испросилъ у царя средства на ихъ содержаніе.

Всѣми этими подвигами благочестиваго нищепитательства Никонъ никому не становился на дорогѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ совершалъ иного рода подвиги, такіе, которые тогда уже навлекли на него враговъ: по царскому приказанію, онъ посѣщалъ тюрьмы, разспрашивалъ обвиненныхъ, принималъ жалобы,

доносилъ царю, вмѣшивался въ управленіе, давалъ совѣты, и царь всегда слушалъ его. Въ письмахъ своихъ къ Никону царь величалъ его „великимъ солнцемъ сіяющимъ“, „избраннымъ крѣпко-стоятельнымъ пастыремъ“, „наставникомъ душъ и тѣлесъ“, „милостивымъ, кроткимъ, милосердымъ“, „возлюбленникомъ своимъ и содружебникомъ“ и т. п.; царь повѣрялъ ему тайное свое мнѣніе о томъ или другомъ бояринѣ. Отъ этого уже тогда въ Москвѣ бояре не терпѣли Никона, какъ царскаго временщика, и нѣкоторые говорили, что лучше имъ погибать въ Новой Землѣ за Сибирью, чѣмъ быть съ новгородскимъ митрополитомъ. Не любили его подначальные духовные за чрезмѣрную строгость и взыскательность, да и мірскіе люди въ Новгородѣ не питали къ нему расположенія за крутой властолюбивый нравъ, несмотря на его нищелюбіе, которое въ сущности было такимъ же дѣломъ обрядоваго благочестія, какъ и заботы о богослуженіи. Будучи новгородскимъ митрополитомъ, Никонъ началъ совершать богослуженіе съ большею точностью, правильностью и торжественностью. Несмотря на наружную набожность, въ тѣ времена, по старому заведенному обычаю, богослуженіе отправлялось нелѣпо: боялись грѣха пропустить что-нибудь, но для скорости, разомъ читали и пѣли разное, такъ что слушающимъ ничего нельзя было понять. Никонъ старался прекратить этотъ обычай, но его распоряженія не нравились ни духовнымъ, ни мірянамъ, потому что черезъ это удлиннялось богослуженіе, а многіе русскіе того вѣка хотя и считали необходимостью бывать въ церкви, но не любили оставаться тамъ долго. Для благочинія, Никонъ заимствовалъ кіевское пѣніе, да еще кромѣ того, ввелъ въ богослуженіе пѣніе на греческомъ языкѣ пополамъ съ словянскимъ. Каждую зиму ѣзжалъ митрополитъ изъ Новгорода въ Москву со своими пѣвчими, и царь былъ въ восторгѣ, услышавши это пѣніе, но многимъ—и въ томъ числѣ патріарху Іосифу—не понравились эти нововведенія.

Въ 1650 году вспыхнулъ новгородскій бунтъ. Никонъ, и безъ того уже мало любимый, на первыхъ же порахъ раздражилъ народъ своею энергической мѣрою: онъ сразу наложилъ на всѣхъ проклятіе. Если бы это проклятіе было наложено только на нѣкоторыхъ, то могло бы подѣйствовать на остальныхъ, но проклятіе, наложенное безъ разбора на всѣхъ, только ожесточило и сплотило новгородцевъ[1]). Ненависть къ митрополиту выразилась уже тѣмъ, что мятежники поставили однимъ изъ

[1]) Здѣсь мы уже видимъ проявленіе того же крутого и неподатливаго характера, который видѣнъ въ дѣлѣ раскола.

главныхъ начальниковъ Жеглова, митрополичьяго приказнаго, бывшаго у него въ опалѣ. Самъ Никонъ въ письмѣ своемъ къ государю разсказываетъ, что когда онъ вышелъ уговаривать мятежниковъ, то они его ударили въ грудь, били кулаками и каменьями: „и нынѣ — писалъ онъ—лежу въ концѣ живота, харкаю кровью и животъ весь распухъ; чаю скорой смерти, масломъ соборовался“; но относительно того, въ какой степени можно вполнѣ довѣрять этому письму, слѣдуетъ замѣтить, что въ томъ же письмѣ Никонъ сообщаетъ, что передъ этимъ ему было видѣніе: увидѣлъ онъ на воздухѣ царскій золотой вѣнецъ, сперва надъ головой Спасителя на образѣ, а потомъ на своей собственной. Новгородцы, напротивъ, жаловались царю, что Никонъ жестоко мучилъ всякихъ чиновъ людей и чернецовъ на правежѣ, вымучивая у нихъ деньги; что онъ дѣлаетъ въ мірѣ великія неистовства и смуты. Царь во всемъ повѣрилъ Никону, хвалилъ его за крѣпкое стояніе и страданіе, и еще болѣе сталъ благоговѣть передъ нимъ; наконецъ, Никонъ, увидѣвши, что строгостью нельзя потушить мятежа, началъ самъ совѣтовать царю простить виновнымъ.

Въ 1651 году, Никонъ, пріѣхавши въ Москву, подалъ царю совѣтъ перенести мощи митрополита Филиппа изъ Соловецкаго монастыря въ Москву. Дѣло было важное: оно должно было внушить въ народѣ мысль о первенствѣ церкви и о правотѣ ея, а вмѣстѣ съ тѣмъ обличить неправду свѣтской власти, произвольно посягнувшей на власть церковную. Въ видахъ царскаго самодержавія, этотъ совѣтъ долженъ былъ бы встрѣтить противорѣчіе; но царь сильно подчинился своему любимцу; притомъ же Никонъ представлялъ ему примѣръ греческаго царя Θеодосія, который перенесъ мощи Іоанна Златоустаго, изгнаннаго матерью царя Евдокіею; Θеодосій этимъ поступкомъ исходатайствовалъ для грѣшной матери прощеніе у Бога. Царь не только согласился на предложеніе Никона, но еще сказалъ, что ему во снѣ являлся св. Филиппъ и велѣлъ перенести его мощи туда, гдѣ почиваютъ прочіе митрополиты. 20 марта 1652 года духовный соборъ, въ угоду царю, одобрилъ это благочестивое желаніе, а вмѣстѣ съ тѣмъ, царь, также по совѣту Никона, велѣлъ перенести въ Успенскій соборъ гробы патріарха Іова изъ Старицы и патріарха Гермогена изъ Чудова монастыря. Воображеніе царя плѣнялось торжественностью церемоній, сопровождавшихъ эти религіозныя событія [1]).

[1]) „8 апрѣля встрѣтили (власти и бояре)—писалъ царь Никону — честные мощи патріарха Іова въ селѣ Тушинѣ; а отдуда несли ихъ стрѣльцы на головахъ до самой Москвы, а я, многогрѣшный царь, съ патріархомъ и съ освященнымъ соборомъ и со

Въ то время, когда Никонъ ѣздилъ въ Соловки за мощами, скончался патріархъ Іосифъ. Это было вскорѣ послѣ перенесенія праха Іова, въ четвергъ на страстной недѣлѣ. Царь извѣщалъ объ этомъ Никона въ очень пространномъ письмѣ, въ которомъ подробно описывалъ послѣднія минуты умершаго патріарха [1]), а въ заключеніе просилъ Никона, вмѣстѣ съ Ва-

всѣмъ государствомъ, отъ мала до велика, встрѣчалъ его; и такъ многолюдно было, что не вмѣстились отъ Тверскихъ воротъ по Неглинскія. По кровлямъ и по переулкамъ яблоку негдѣ было упасть, нельзя ни пройти, ни проѣхать, а Кремль велѣлъ запереть; и такъ на злую силу пронесли въ соборъ. Такая тѣснота была; старые люди говорятъ, лѣтъ за семьдесятъ не помнятъ такой многолюдной встрѣчи, и патріархъ нашъ отецъ, плачучи, говорилъ: вотъ смотри, государь, каково хорошо за правду стоять!

[1]) Письмо это составляетъ драгоцѣнный памятникъ, какъ для характера царя и его отношеній къ Никону, такъ и вообще для духа того времени. Царь, посѣщавшій умирающаго патріарха, такъ уважалъ его санъ, что кланялся ему въ землю и цѣловалъ въ ногу, но забылъ спросить его о духовной, вмѣнилъ себѣ это въ грѣхъ и за то просилъ прощенія у Никона. „Великій святитель,—писалъ царь,—равноапостольный богомолецъ нашъ, преосвященная глава, прости меня за то грѣшнаго: обманулся я тѣмъ, что думалъ такъ себѣ съ нимъ, трясовица, а оно впрямь смертная; по языку можно было признать, что худо говоритъ и сквозь зубы; и помышлялъ я въ себѣ, что знобитъ его больно, оттого онъ и безъ памяти, и пришло мнѣ на умъ великое сумнѣніе: стану я ему говорить про духовную, а онъ скажетъ: „вотъ меня и сбываютъ!“ да станетъ сердечно гнѣваться; и думаю я себѣ: утро еще я побываю у него. Прости меня, Христа ради, великій святитель, за такое согрѣшеніе, что я не воспомянулъ о духовной. Не съ хитрости я это сдѣлалъ, ей-ей не съ хитрости это сдѣлалось; сатана помѣшалъ такое дѣло совершить. У тебя, великаго святителя, прошу согрѣшеніямъ моимъ прощенія и благословенія и разрѣшенія“... Но вотъ къ царю прибѣжали сказать, что патріарха не стало; царь такъ описываетъ впечатлѣніе, произведенное этимъ событіемъ: „Въ ту пору ударилъ царь-колоколъ три краты, а насъ такой страхъ и ужасъ нашелъ, и въ соборѣ у пѣвчихъ и у властей отъ страха и ужаса ноги подломились, потому что кто преставился, да къ такимъ днямъ великимъ когò мы грѣшные отбыли“... Когда тѣло усопшаго патріарха было одѣто и положено, царь любовался имъ: „Лежитъ,—выражался онъ,—какъ есть, живъ и борода расчесана, какъ у живаго, и самъ немѣрно хорошъ... таковъ хорошъ во гробѣ лежитъ, только что не говоритъ“... Но въ ночь съ пятницы на субботу, умершій патріархъ уже не былъ такъ хорошъ и напугалъ царя Алексѣя Михайловича: тѣло его, разлагаясь, начало вздуваться, священникъ, читавшій псалтырь, услышалъ шумъ отъ трупа и, когда царь вошелъ въ церковь, гдѣ лежалъ трупъ, то священникъ сказалъ царю: „меня такой страхъ взялъ, думалъ, что ожилъ! Я двери отворилъ, хотѣлъ бѣжать“. „Прости, владыка святый,—писалъ царь Никону,—отъ этихъ рѣчей меня такой страхъ взялъ, что я чуть съ ногъ не свалился... и пришло мнѣ такое помышленіе отъ врага: побѣги ты вонъ, тотчасъ вскочитъ, да тебя ударитъ! А насъ только я, да священникъ, что псалтырь говоритъ. Я перекрестился, да взялъ за руку его, свѣта, и сталъ цѣловать, а въ умѣ держу такое слово: отъ земли созданъ и въ землю идетъ; чего бояться...“ Въ великую субботу хоронили патріарха и митрополитъ казанскій Корнилій положилъ ему въ гробъ разрѣшительную грамоту; царь писалъ объ этомъ такъ: „всѣ мы надсѣдались плачучи; не было человѣка, который не плакалъ, на него смотря, потому что вчера съ нами, а нынѣ безгласенъ лежитъ, а се

силіемъ юродивымъ, иначе Вавиломъ (тѣмъ самымъ блаженнымъ, который у Никона распоряжался питаніемъ нищихъ), молить Бога, чтобъ далъ новаго пастыря и отца; царь при этомъ дѣлаетъ намекъ, что преемникъ Іосифу есть уже на примѣтѣ и говоритъ: „ожидаемъ тебя, великаго святителя, къ выбору; того мужа три человѣка знаютъ, я, да казанскій митрополитъ, да мой духовный отецъ; сказываютъ: святой мужъ!"

Этотъ святой мужъ, втайнѣ предназначенный царемъ, былъ никто иной, какъ его любимецъ Никонъ. Ему готовилъ царь неожиданное величіе.

Между тѣмъ, Никонъ 3 іюня прибылъ въ Соловки съ грамотою отъ царя Алексѣя Михайловича къ митрополиту Филиппу. Живущій на землѣ царь обращался къ „небесному жителю, Христову подражателю, вышеестественному и безплотному ангелу, преизящному и премудрому духовному учителю", просилъ простить грѣхъ „прадѣда" своего, царя Ивана,— чтобы, по выраженію св. Писанія, „не было оскомины дѣтямъ за то, что отцы ѣли терпкое", — и просилъ возвратиться съ миромъ во свояси. Царь своею рукою приписалъ: „О, священная глава, святый владыка Филиппъ, пастырь, молимъ тебя, не презри нашего грѣшнаго моленія и приди къ намъ съ миромъ! Царь Алексѣй. Желаю видѣть тебя и поклониться св. мощамъ твоимъ!"

Это посланіе было прочитано у гроба Филиппа. Подняты

къ такимъ великимъ днямъ стало!" Но послѣ похоронъ, царю были новаго рода хлопоты: покойный патріархъ былъ большой стяжатель, копилъ деньги, собираясь купить себѣ вотчину и дать по душѣ въ соборъ. Много было у него дорогихъ матерій и серебряной посуды; все было заботливо вычищено, обернуто бумагою, на чердакѣ лежало оружіе: пищали, сабли, и все смазано; но очень немногое было записано: патріархъ зналъ на память все, что́ у него есть, а келейники не завѣдывали его вещами. Самъ царь ходилъ описывать достояніе умершаго патріарха. „Прости,— пишетъ онъ Никону,—владыка святый, и половины не почемъ отыскать, потому что все безъ записки; не осталось бы ничего, все бы разокрали, да и въ томъ меня, владыка святый, прости, немного и я не покусился инымъ сосудамъ, да милостью Божіею воздержался и вашими молитвами святыми. Ей-ей, владыка святый, ни маленькому ничему неточень"... Многое изъ казны патріарха царь роздалъ на милостыню, на окупъ плѣнныхъ, по тюрьмамъ, по монастырямъ, созвалъ всю патріаршую прислугу и всѣмъ давалъ по десяти рублей; тутъ оказалось, что „свѣтъ-патріархъ" не по-христіански обращался со своими подначальными: „всѣ въ конецъ бѣдны и онъ, свѣтъ, жалованья у нихъ гораздо убавилъ", сообщаетъ царь Никону. Раздавая это жалованье слугамъ, царь произнесъ имъ такое знаменательное въ духѣ своего времени нравоученіе: „Есть-ли изъ васъ кто нибудь, кто бы раба своего или рабыни безъ дѣла не оскорбилъ? Иной разъ за дѣло, а иной разъ, пьянъ напившись, оскорбитъ и напрасно побьетъ; а онъ великій святитель и отецъ нашъ, если кого и напрасно оскорбилъ, отъ него можно потерпѣть, да ужъ что бы ни было, такъ теперь пора всякую злобу покинуть. Молите и поминайте съ радостью его, свѣта, елико сила можетъ".

были мощи страдальца. 9 іюля привезены они были въ Москву и торжественно положены въ Успенскомъ соборѣ.

Блюстителемъ патріаршаго престола, до избранія новаго патріарха, былъ назначенъ ростовскій митрополитъ Варлаамъ. По прибытіи Никона, созванъ былъ духовный соборъ. Всѣ знали, что царь желалъ избранія Никона. Боярамъ очень не хотѣлось видѣть его на патріаршемъ престолѣ. „Царь выдалъ насъ митрополиту,—говорили они,—никогда намъ такого безчестья не было". Для соблюденія буквы устава выбрали двухъ кандидатовъ: Никона и іеромонаха Антонія того самого, который нѣкогда былъ учителемъ Никона въ Макарьевскомъ монастырѣ. Жребій, какъ будто на зло царю, палъ на Антонія. Послѣдній, вѣроятно, въ угоду царю, отказался. Тогда стали просить Никона. Никонъ отрекался, пока, наконецъ, 22 іюля, царь Алексѣй Михайловичъ, окруженный боярами и безчисленнымъ народомъ, въ Успенскомъ соборѣ, передъ мощами св. Филиппа, сталъ кланяться Никону въ ноги и со слезами умолялъ принять патріаршій санъ.

„Будутъ ли меня почитать, какъ архипастыря и отца верховнѣйшаго, и дадутъ ли мнѣ устроить церковь?" спросилъ Никонъ.

Царь, а за нимъ власти духовныя и бояре поклялись въ этомъ.

25 іюля Никонъ сдѣлался патріархомъ.

Первымъ дѣломъ его было основать для себя монастырь и прославить его новою святынею. То было давнимъ церковнымъ обычаемъ. Іерархи всегда почти старались положить начало какому-нибудь монастырю и, по возможности, дать ему высокій почетъ. Никонъ выбралъ для этого мѣсто близъ Валдайскаго озера и назвалъ свой монастырь Иверскимъ, въ честь Иверской иконы Богородицы, находящейся на Аѳонѣ. Въ то же время онъ отправилъ на Аѳонъ сдѣлать списокъ Иверской иконы, и когда каменная церковь была построена, поставилъ въ ней эту икону, украсивши ее золотомъ и драгоцѣнными каменьями [1]). Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ перенесъ туда мощи Іакова Боровицкаго. Такимъ образомъ, новооснованный монастырь сдѣлался предметомъ двойного поклоненія. Пошли слухи о совершающихся въ немъ чудесахъ и изцѣленіяхъ [2]).

[1]) Царь, въ угоду своему любимцу, приписалъ къ Иверскому монастырю пригородъ Холмъ, съ крестьянами, деревнями и угодьями.

[2]) Никонъ завелъ, или лучше сказать, перенесъ изъ Хутынскаго монастыря типографію (которая заведена имъ была еще во времена пребыванія его въ Новгородѣ) въ свой любимый Иверскій монастырь. Въ этой типографіи напечатаны были: „Учебный часословъ", „Мысленный Рай" Стефана Святогорца, самого Никона: „Сказаніе объ Иверской иконѣ", „О созданіи Онежскаго Крестнаго монастыря, Поученіе къ духовнымъ и мірскимъ", „Канонъ о соединеніи вѣры" и пр.

Но гораздо важнѣйшее дѣло предпринялъ Никонъ въ церковномъ строѣ богослуженія. Давно уже, еще со временъ Максима Грека, замѣчались разнорѣчія въ богослужебныхъ книгахъ; естественно отсюда возникала мысль о вкравшихся въ этихъ книгахъ искаженіяхъ, о необходимости найти и узаконить единообразный правильный текстъ. Эта потребность усиливалась ощутительнѣе со введеніемъ книгопечатанія, такъ какъ книгопечатаніе вообще, распространяя сочиненія и расширяя кругъ читателей, давало послѣднимъ побужденіе доискиваться правильной передачи сочиненій и возможность удобнѣе замѣчать и сравнивать разнорѣчія. Печатное внушало къ себѣ болѣе довѣрія, чѣмъ писаное, такъ какъ предполагалось, что приступавшіе къ печатанію старались изыскивать средства передать издаваемое правильно. Введеніе книгопечатанія сильно подвинуло и поставило на видъ вопросъ объ исправленіи богослужебныхъ книгъ: при всякомъ печатаніи, разнорѣчіе списковъ вызывало необходимость справщиковъ, которые должны были изъ многихъ различныхъ списковъ выбирать то, что́, по ихъ убѣжденіямъ, надлежало признать правильнымъ. Вопросъ этотъ занималъ умы возрастающимъ образомъ по мѣрѣ умноженія печатныхъ книгъ церковнаго содержанія.

Уже при патріархѣ Филаретѣ сильно сознавалась потребность правильности текстовъ и необходимость обличать и уничтожать ошибки и искаженія. Въ 1610 году уставщикъ Логгинъ напечаталъ уставъ, который Филаретъ приказалъ сжечь, потому что тамъ статьи были напечатаны „не по апостольскому и отеческому преданію, а своимъ самовольствомъ“. По повелѣнію Филарета, былъ исправленъ и напечатанъ нѣсколько разъ Потребникъ и Служебникъ и, кромѣ того, Минеи, Октоихъ, Шестодневъ, Псалтырь, Апостолъ, Часословъ, Тріодь цвѣтная и постная, и Евангеліе напрестольное и учительное. Въ предисловіи къ Минеи выражено сознаніе, что хотя издавна богослужебныя книги переведены были съ греческаго языка на словянскій, но многіе переводчики и переписчики иное выбросили, другое смѣшали. Филаретъ, какъ говорится въ его Требникѣ 1633 года, приказывалъ собирать по всѣмъ городамъ древніе харатейные списки разныхъ переводовъ, по нимъ исправлять тѣ погрѣшности, которыя вошли туда по неисправности переписчиковъ и вслѣдствіе многолѣтнихъ обычаевъ, дабы сочетать „во единогласіе“ всѣ потребы и чины церковнаго священноначалія. Самъ Филаретъ приказывалъ приносить къ себѣ эти списки и просматривалъ ихъ. Хотя онъ былъ человѣкъ умный и любознательный, но не имѣлъ той ученой под-

готовки, которая необходима была для такого дѣла, да и никто въ то время не имѣлъ ея, потому что нужно было сличать переводы съ греческими подлинниками и, слѣдовательно, обладать основательными свѣдѣніями въ греческомъ языкѣ, литературѣ, церковной исторіи и древностяхъ. Сознавая необходимость науки, Филаретъ основалъ при Чудовомъ монастырѣ еллино-словянскую школу, вѣроятно, по образцу западно-русскихъ, и поставилъ тамъ учителемъ грека іеромонаха Арсенія. Преемникъ Филарета, патріархъ Іосифъ, также занимался печатаніемъ богослужебныхъ книгъ и также приказывалъ собирать изъ городовъ пергаментные списки, сличать ихъ и издавать по исправленіи, но самъ лично не занимался этимъ. До какой степени были подготовлены къ своему дѣлу тогдашніе московскіе справщики — показываетъ сужденіе о нихъ грека Арсенія: „иные изъ этихъ справщиковъ едва азбукѣ умѣютъ, а ужъ навѣрное не знаютъ, чтó такое буквы согласныя, двоегласныя и гласныя, а чтобъ разумѣть восемь частей рѣчи и тому подобное, какъ-то: родъ, число, времена, лица, наклоненія и залоги, то этого имъ и на умъ не приходило!“ [1]) Послѣ него, при патріархѣ Іосифѣ, выбрана была, такъ сказать, особая коммиссія справщиковъ [2]). Они напечатали цѣлый рядъ богослужебныхъ книгъ; самъ Іосифъ, человѣкъ неученый, вовсе не прикасался къ этому дѣлу и во всемъ положился на нихъ. Увидя передъ собою множество разнородныхъ списковъ и не имѣя нужныхъ свѣдѣній, чтобы сладить съ ними, справщики руководствовались только наиболѣе распространеннымъ обычаемъ; полагаясь на свою начитанность, они думали, что исполняютъ свое дѣло въ совершенствѣ. Но вотъ, въ 1649 году пріѣхалъ въ Москву іерусалимскій патріархъ Паисій [3]). Онъ

[1]) Невѣжество тогдашнихъ справщиковъ дѣйствительно отразилось въ изданныхъ ими книгахъ, куда вошли разныя, освященныя временемъ, нелѣпости, напр., въ молитвахъ на рожденіе младенца упоминается, какъ достовѣрный фактъ, басня о бабѣ Соломіи, которая, въ качествѣ повивальной бабки, принимала Іисуса Христа и свидѣтельствовала: не нарушено ли дѣвство Богородицы, а въ отпускахъ говорится о праздникахъ, какъ о лицахъ, наравнѣ со святыми. напр. молитвами Пречистыя твоея матери, честнаго ея Благовѣщенія или честнаго Успенія и т. п.

[2]) Это были протопопы, москвичи: Степанъ Вонифатьевъ, царскій духовникъ; Иванъ Нероновъ, протопопъ казанскаго собора; дьяконъ Благовѣщенскаго собора Θеодоръ; приглашенные изъ городовъ протопопы: Аввакумъ изъ Юрьевца Повольскаго, Логгинъ изъ Мурома, Лазарь изъ Романова, Никита Пустосвятъ изъ Суздаля и Даніилъ изъ Костромы.

[3]) Онъ обратилъ особенное вниманіе на Никона, который въ это время изъ новоспасскихъ архимандритовъ былъ посвященъ въ новгородскіе митрополиты. Паисій далъ ему грамоту, въ которой восхвалялъ его достоинства и предоставилъ ему въ знакъ отличія право носить мантію съ красными „источниками“ (пришивками).

замѣтилъ, что въ московской церкви есть разныя нововведенія, которыхъ нѣтъ въ греческой церкви, и особенно сталъ порицать двуперстное сложеніе при крестномъ знаменіи. Царь Алексѣй Михайловичъ очень встревожился этими замѣчаніями и отправилъ троицкаго келаря Арсенія Суханова на Востокъ за свѣдѣніями. Но пока Арсеній странствовалъ на Востокѣ, Москву успѣли посѣтить другія греческія духовныя особы [1]) и также дѣлали замѣчанія о несходствѣ русскихъ церковныхъ обрядовъ съ греческими, а на Аѳонѣ монахи даже сожгли богослужебныя книги московской печати, какъ противныя православному чину богослуженія. Патріархъ Іосифъ былъ сильно озабоченъ и даже боялся, чтобы его не лишили сана. Смерть избавила его отъ дальнѣйшихъ тревогъ. Никонъ заступилъ его мѣсто, уже вполнѣ задавшись мыслью о необходимости сдѣлать такого рода исправленія въ богослужебныхъ книгахъ и обрядахъ, которыя бы привели русскую церковь къ полному единству съ греческой.

Чрезмѣрно сильная воля и жажда дѣятельности этого человѣка требовала себѣ пищи. Никонъ былъ не изъ такихъ натуръ, которыя удовольствуются старою колеею. Ему нужно было что-нибудь необычайное. Онъ хотѣлъ быть творцомъ, строителемъ, но воспитаніе, полученное Никономъ, осудило его на слишкомъ узкій кругозоръ: любимецъ Алексѣя Михайловича не могъ вполнѣ сдѣлаться московскимъ Петромъ Могилою. Ему негдѣ было пріобрѣсти и усвоить ясныхъ и сильныхъ убѣжденій о необходимости просвѣщенія, о научномъ образованіи. Онъ не учился заграницею, подобно Могилѣ, и въ средѣ, въ которой онъ жилъ, не было ничего, чтó бы могло возбуждать его къ высокому призванію сдѣлаться просвѣтителемъ своего народа. Онъ получилъ воспитаніе у желтоводскаго монаха, ограничивался чтеніемъ кое-какихъ церковныхъ книгъ въ плохихъ переводахъ, часто непонятныхъ. Пробывши десять лѣтъ приходскимъ священникомъ, Никонъ, поневолѣ, усвоилъ себѣ всю грубость окружавшей его среды и перенесъ ее съ собою даже на патріаршій престолъ. Въ этомъ отношеніи онъ былъ вполнѣ русскій человѣкъ своего времени, и если былъ истинно благочестивымъ, то въ старомъ русскомъ смыслѣ. Благочестіе русскаго человѣка состояло въ возможно-точномъ исполненіи внѣшнихъ пріемовъ, которымъ приписывалась символическая сила, дарующая Божью благодать; и у Никона благочестіе не шло далеко за предѣлы

[1]) Между прочими константинопольскій патріархъ Аѳанасій, умершій на возвратномъ пути въ Лубнахъ и чтимый въ лубенскомъ Мгарскомъ монастырѣ, подъ именемъ Аѳанасія сидящаго.

обрядности. Буква богослуженія приводитъ къ спасенію; слѣдовательно, необходимо, чтобы эта буква была выражена какъ можно правильнѣе. Таковъ былъ идеалъ церкви по Никону. Буква обряда давно уже камнемъ лежала на русской духовной жизни; эта буква подавляла богатую натуру Никона. Никонъ, какъ человѣкъ съ свѣтлымъ природнымъ умомъ, началъ говорить проповѣди, которыя съ давнихъ временъ уже не говорились, но всетаки, подчиняясь духу своего времени и воспитанія, онъ болѣе или менѣе былъ буквалистъ, какъ называли его противниковъ, въ продолженіе цѣлыхъ вѣковъ упорно стоявшихъ и до сихъ поръ стоящихъ за свою букву. Но горячо любя и уважая церковь, Никонъ заботился не только о приведеніи внѣшней ея стороны въ надлежащее состояніе; нужно было, чтобы и власть, которая наблюдала надъ церковью, была высоко поставлена. Задачею Никона было правильное однообразіе церковной практики. Изъ этой задачи прямо истекала потребность и единой церковной власти, а эту власть находилъ онъ въ себѣ, въ своемъ патріаршемъ санѣ; и вотъ, Никонъ, ревностно взявшись за дѣло достиженія единообразія въ церковной обрядности, логически долженъ былъ сдѣлаться борцомъ за независимость и верховность своей патріаршей власти.

Подготовленный замѣчаніями восточныхъ духовныхъ, по своемъ вступленіи въ санъ патріарха, Никонъ началъ рыться въ рукописяхъ патріаршаго книгохранилища. И вотъ,—какъ разсказывается въ предисловіи къ изданному при Никонѣ служебнику, — патріархъ, разсматривая грамоту вселенскихъ патріарховъ на учрежденіе патріаршества въ Московскомъ Государствѣ, обратилъ вниманіе на то, что въ ней говорилось: „православная церковь приняла свое совершеніе не только по богоразумію и благочестію догматовъ, но и по священному уставу церковныхъ вещей; праведно есть намъ истреблять всякую новизну ради церковныхъ огражденій, ибо мы видимъ, что новины всегда были виною смятеній и разлученій въ церкви; надлежитъ послѣдовать уставамъ святыхъ отецъ и принимать то, чему мы отъ нихъ научились, безъ всякаго приложенія или убавленія. Всѣ святые озарились отъ единаго Духа и уставили полезное; чтó они анаѳемѣ предаютъ, тó и мы проклинаемъ; чтó они подвергли низложенію, тó и мы низлагаемъ: чтó они отлучили, тó и мы отлучаемъ: пусть православная великая Россія во всемъ будетъ согласна со вселенскими патріархами“.

Въ то же время Никонъ обратилъ вниманіе на символъ вѣры, вышитый на саккосѣ митрополита Фотія; этотъ сим-

волъ разнился съ символомъ въ томъ видѣ, въ какомъ пѣли его во времена Никона: въ старомъ символѣ не было прибавленія слова „истиннаго“ о св. Духѣ; противъ этого прибавленія еще вооружался Діонисій; равнымъ образомъ, въ старомъ символѣ написано было: „его же царствію не будетъ конца“, тогда какъ при Никонѣ произносили: „его же царствію нѣсть конца“. Пересматривая богослужебныя книги, Никонъ убѣдился, что въ нихъ есть значительныя отмѣны противъ греческаго текста. Въ это время Никонъ находился подъ вліяніемъ Арсенія грека, который, по подозрѣнію въ латинствѣ, былъ сосланъ въ Соловки при патріархѣ Іосифѣ и возвращенъ Никономъ. Не меньше вліянія оказывалъ Епифаній Славинецкій, который съ другими кіевскими монахами былъ призванъ бояриномъ Ртищевымъ въ Москву. Съ Востока воротился Арсеній Сухановъ, и 26 іюля 1653 года подалъ царю и патріарху свой отчетъ о путешествіи по греческимъ островамъ, о пребываніи въ Александріи, Іерусалимѣ и Грузіи. Записки его носятъ названіе: „Проскинитарій“ (Поклонникъ). Арсеній остался приверженцемъ русской старины и описалъ черными красками поведеніе восточныхъ духовныхъ, недостатокъ благоговѣнія при богослуженіи, однако, онъ не скрылъ и того, что вездѣ на Востокѣ употребляется троеперстное крестное знаменіе и соблюдаются тѣ пріемы, по поводу которыхъ греческіе духовные укоряли русскую церковь.

По этимъ-то побужденіямъ Никонъ убѣдилъ царя созвать соборъ русскихъ іерарховъ, архимандритовъ, игуменовъ и протопоповъ. Всѣхъ духовныхъ было 34 человѣка. Царь со своими боярами присутствовалъ на этомъ соборѣ. Никонъ произнесъ на немъ рѣчь, и тогда же высказалъ въ ней свой взглядъ на равенство церковной власти со свѣтскою. „Два великихъ дара даны человѣкамъ отъ Вышняго по Божьему человѣколюбію—священство и царство. Одно служитъ божественнымъ дѣламъ, другое владѣетъ человѣческими дѣлами и печется о нихъ. Оба происходятъ отъ одного и того же начала и украшаютъ человѣческое житіе; ничто не дѣлаетъ столько успѣха царству, какъ почтеніе къ святителямъ (святительская честь); всѣ молитвы къ Богу постоянно возносятся о той и другой власти... Если будетъ согласіе между обѣими властями, то настанетъ всякое добро человѣческой жизни“. Никонъ указалъ на слова грамоты вселенскихъ патріарховъ, поразившія его, и сказалъ: „надлежитъ намъ исправить, какъ можно лучше, всѣ нововведенія въ церковныхъ чинахъ, расходящіяся съ древними словянскими книгами. Я прошу рѣ-

шенія, какъ поступать: послѣдовать-ли новымъ московскимъ печатнымъ книгамъ, въ которыхъ отъ неискусныхъ переводчиковъ и переписчиковъ находятся разныя несходства и несогласія съ древними греческими и словянскими списками, а прямѣе сказать, ошибки,—или же руководствоваться древнимъ, греческимъ и словянскимъ (текстомъ), такъ какъ они оба представляютъ одинъ и тотъ же чинъ и уставъ?“ На этотъ вопросъ соборъ далъ въ отвѣтъ такое же рѣшеніе, какое высказываемо было не разъ при прежнихъ патріархахъ. „Достойно и праведно исправлять, сообразно старымъ харатейнымъ и греческимъ спискамъ“.

Вслѣдъ за этимъ Никонъ отставилъ всѣхъ прежнихъ справщиковъ и передалъ какъ типографію, такъ и дѣло исправленія книгъ Епифанію Славинецкому съ его кіевскою братіею и греку Арсенію. Никонъ и царь дали приказаніе усиленно собирать по всѣмъ монастырямъ старые харатейные списки и присылать въ Москву. Никонъ снова отправилъ Арсенія Суханова на Аѳонъ просить греческихъ книгъ. Между тѣмъ, у Никона явились враги: то были отставленные справщики, которыхъ самолюбіе было сильно задѣто. Они кричали противъ Никона, что онъ поддается наущеніямъ кіевлянъ, зараженныхъ латинскою ересью. Горячими его противниками сдѣлались тогда протопопъ Иванъ Нероновъ и другъ Неронова, юрьевскій протопопъ Аввакумъ, жившій въ домѣ его, во время своего прибыванія въ столицѣ [1]). Къ нимъ присоединились епископъ коломенскій Павелъ и нѣсколько архимандритовъ и протопоповъ, присутствовавшихъ на соборѣ и не подписавшихъ его приговора.

Чтобы придать болѣе освященія начатому дѣлу, Никонъ отправилъ, чрезъ одного грека, по имени Мануила, къ константинопольскому патріарху Паисію двадцать шесть „вопрошеній“, которыя касались разныхъ вопросовъ богослуженія и въ томъ числѣ спорныхъ пунктовъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, Никонъ жаловался на коломенскаго епископа Павла, на протоіерея Неронова и на ихъ сообщниковъ. Московскій па-

1) Нероновъ пока оставлялъ въ тѣни вопросъ объ исправленіи и нападалъ на Никона за его жестокость. „Патріархъ,—писалъ онъ къ своимъ друзьямъ,—мучитель, терзаетъ свою братію членовъ церкви, творитъ надъ ними поруганіе, однихъ растригаетъ, другихъ проклинаетъ. Беззаконное дѣло будетъ быть у него въ послушаніи безъ прекословія. Онъ хочетъ, чтобъ мы просили у него прощенія; пусть онъ у насъ проситъ! Государь всю свою душу и всю Русь положилъ на патріархову душу; не хорошо такъ мудрствовать государю!“..

тріархъ спрашивалъ совѣта константинопольскаго: какъ поступить съ непослушными?

Началась у Московскаго Государства война за Малороссію; Никонъ съ особеннымъ рвеніемъ благословлялъ царя на эту войну своимъ совѣтомъ, вѣроятно, побуждаемый къ тому же своими кіевскими справщиками, хлопотавшими въ Москвѣ о помощи своему отечеству. Отправляясь въ походъ, царь довѣрилъ патріарху, какъ своему ближайшему другу, свою семью, свою столицу, и поручилъ ему наблюденіе за правосудіемъ и ходомъ дѣлъ въ приказахъ. Всѣ боялись Никона; ничего важнаго не дѣлалось безъ его совѣта и благословенія. Онъ не только, по примѣру Филарета, сталъ называть себя „великимъ государемъ“, но, во время отсутствія Алексѣя Михайловича, какъ верховный правитель государства, писалъ грамоты (напр., о высылкѣ подводъ на службу подъ Смоленскъ), въ которыхъ выражался такъ: „Указалъ государь, царь, великій князь всея Руси, Алексѣй Михайловичъ, и мы, великій государь“... Во время постигшей Москву заразы, Никонъ сдѣлалъ распоряженіе поставить въ разныхъ мѣстахъ заставы, чтобы, на время заразы, пресѣчь сообщеніе съ войскомъ, въ которомъ былъ государь, приказалъ въ Москвѣ заложить кирпичемъ царскія кладовыя и не выпускать никого изъ тѣхъ дворовъ, гдѣ появится зараза, самъ выѣхалъ, вмѣстѣ съ царскимъ семействомъ, въ Вязьму. Тогда враги, въ его отсутствіе, начали возмущать народъ и толковать, что бѣдствіе постигаетъ православный народъ за еретическаго патріарха. Толпа принесла на сходку къ Успенскому собору образъ Спасителя, на которомъ стерлось изображеніе; нѣкто Софронъ Лапотниковъ говорилъ, что этотъ образъ выскобленъ былъ по приказанію патріарха, и ему, Софрону, было отъ этого образа видѣніе: велѣно показать образъ мірскимъ людямъ, чтобы всѣ возстали за поруганіе иконъ. Народъ сердился за то, что Никонъ далъ волю еретикамъ печатать книги: какая-то женщина изъ Калуги кричала всенародно, что ей было видѣніе, запрещающее печатать книги. Никону ставили въ вину, что онъ покинулъ столицу, а за нимъ разбѣжались и приходскіе священники. Патріархъ въ своемъ управленіи былъ до чрезвычайности строгъ, и множество поповъ находилось у него подъ запрещеніемъ,—они-то и были повсемѣстными возмутителями толпы. Оставленный въ столицѣ князь Пронскій съ большимъ трудомъ успокоивалъ народное волненіе, и вопросъ о состоявшихъ подъ запрещеніемъ попахъ былъ до того важенъ, что старосты и сотскіе

московскихъ сотенъ и слободъ, не приставшіе къ мятежникамъ, ради всеобщаго успокоенія, били челомъ патріарху, чтобъ онъ разрѣшилъ опальныхъ священниковъ, потому что много церквей остается безъ богослуженія, некому напутствовать умирающихъ и погребать мертвыхъ.

По возвращеніи царя въ Москву, Никонъ опять занялся церковнымъ преобразованіемъ. Арсеній Сухановъ, не жалѣя издержекъ, досталъ съ Аѳона до пятисотъ рукописей, изъ которыхъ инымъ приписывали глубокую древность. Славинецкій и грекъ Арсеній съ братіею ревностно трудились надъ исправленіемъ богослужебныхъ книгъ, а между тѣмъ пришелъ отвѣтъ отъ константинопольскаго патріарха Паисія. Паисій извѣщалъ, что онъ созывалъ соборъ въ Константинополѣ, и на этомъ соборѣ составлены отвѣты на присланныя Никономъ „вопрошенія". „Вижу,—писалъ Паисій,—въ грамотахъ преблаженства твоего, что ты жалѣешь о несогласіяхъ, возникшихъ по поводу нѣкоторыхъ церковныхъ чиновъ, и думаешь, что это различіе чиновъ растлѣваетъ вѣру нашу. Хвалимъ твою мысль: кто бережется малаго преступленія, тотъ соблюдается отъ великаго. Еретиковъ и раздорниковъ слѣдуетъ убѣгать, если они соглашаются въ самыхъ важныхъ предметахъ, но не вполнѣ согласны съ православіемъ и придерживаются чего нибудь своего, чуждаго церковной и соборной мысли. Но если случится, что какая-нибудь церковь различествуетъ отъ другой въ нѣкоторыхъ не особенно важныхъ и несущественныхъ вещахъ, т.-е. не прикасающихся „свойственнымъ составамъ вѣры",—напр., во времени отправленія богослуженія и т. п., то это не должно быть поводомъ къ разлученію, лишь бы только непреложно сохранялась та же вѣра. Церковь наша не сначала приняла на себя тотъ образъ и послѣдованіе, какое держитъ нынѣ; не сразу, а помалу". Паисій ссылается на Епифанія кипрскаго въ томъ, что церковь въ разныхъ мѣстахъ принимала различныя степени поста и мясоѣденія, ссылается на Василія Великаго, изъ котораго видно, что неокесарійская церковь не принимала того, что принималось въ другихъ мѣстахъ. „Не слѣдуетъ—продолжаетъ Паисій—и нынѣ думать, будто наша православная вѣра развращается оттого, если одинъ говоритъ свое послѣдованіе немного различно отъ другого въ несущественныхъ вещахъ, лишь бы только согласовался въ важнѣйшихъ, свойственныхъ соборной церкви". Отвѣтъ довольно уклончивый: можно было давать по произволу то болѣе широкій, то болѣе узкій смыслъ тому, что̀ признавать несущественнымъ. Самъ Паисій, представившій въ „Отвѣ-

тахъ“ на „Вопрошенія“ Никона подробное объясненіе литургіи, говоритъ: „именемъ Іисуса Христа молимъ твое преблаженство, утоли эти распри твоимъ разумомъ; не подобаетъ ссориться рабамъ Господнимъ, а наипаче въ вещахъ неважныхъ и несущественныхъ; увѣщевай ихъ принять сей чинъ, который мы пишемъ вамъ, котораго держится вся восточная церковь. Изначала у насъ, по преданію, онъ сохраняется; ни въ единой вещи не было измѣненія; за это намъ хвала, потому что прочія церкви, отдѣлившись отъ насъ, приняли многія нововведенія, а мы—ничѣмъ не растлѣваемся“. Такимъ образомъ, предоставляя свободу въ неважныхъ пріемахъ богослуженія, константинопольскій патріархъ, однако, требовалъ точнаго единства съ восточной церковью въ литургіи и вообще въ богослуженіи. О коломенскомъ епископѣ и протопопѣ Нероновѣ Паисій далъ такое рѣшеніе: „Все это знаменіе ереси и раздора, и кто такъ говоритъ и вѣруетъ, какъ они, тотъ чуждъ православной нашей вѣры“; Паисій совѣтуетъ ихъ отлучить, если они не примутъ нелицемѣрно все такъ, какъ „держитъ и догматствуетъ церковь“; онъ сравниваетъ ихъ съ аріанами, кальвинистами, лютеранами, которые, подъ видомъ исправленія, покинули „недвижное и истинное“ въ церкви. „Ихъ молитвы,—говоритъ патріархъ,—хулы, потому что они полагаютъ въ сомнѣніе моленіе нашихъ святыхъ и затѣваютъ вводить новые чины, которымъ мы никогда не научились отъ нашихъ отцовъ, предавшихъ намъ вѣру“. Въ „Отвѣтахъ“ Паисія много излагается и такого, что уже въ русской церкви было согласно съ греческою; но относительно крестнаго знаменія Паисій указываетъ на сложеніе трехъ первыхъ перстовъ, какъ на древній обычай поклоненія, и различаетъ молебное перстосложеніе отъ благословящаго, которое должно изображать имя Іисуса Христа въ четырехъ буквахъ (ІС ХС). „До насъ дошло,—замѣчаетъ Паисій,—что въ вашихъ церковныхъ чинахъ есть еще кое-какія различія, несогласныя съ нашею восточною церковью; удивляемся, что ты о нихъ не спрашиваешь. Желаемъ, чтобы все это исправилось“. Между прочимъ, патріархъ порицалъ русскую церковь за то, что въ русскихъ храмахъ женщины и мужчины сходятся вмѣстѣ и во время богослуженія не стоятъ раздѣльно: „женщинѣ слѣдуетъ безмолвствовать, а тутъ невозможно сохранять безмолвіе, когда сойдется съ женщинами много мужчинъ разнаго возраста“.

По этому отвѣту, Никонъ собралъ снова соборъ, на которомъ, кромѣ русскихъ архіереевъ, былъ антіохійскій патрі-

архъ Макарій, сербскій Михаилъ и митрополиты никейскій и молдаванскій. Самъ Никонъ называлъ себя „великій государь, старѣйшій Никонъ, архіепископъ московскій и всея Великія, Малыя и Бѣлыя Россіи и многихъ епархій, земли же и моря сея земли патріархъ".

Этотъ соборъ положилъ держаться того, что́ рѣшено было на предшествовавшемъ московскомъ соборѣ и какъ велитъ константинопольскій патріархъ. Голосъ антіохійскаго патріарха Макарія энергически рѣшалъ правильность троеперстія. Замѣчательный отвѣтъ его былъ выраженъ такъ: „Мы приняли преданіе изначала вѣры отъ св. апостолъ и св. отецъ и семи соборовъ творить знаменіе честнаго креста тремя первыми перстами десной руки, и кто изъ христіанъ православныхъ не творитъ крестнаго знаменія по преданію восточной церкви, сохраняемаго отъ начала вѣры до сихъ поръ, тотъ еретикъ и подражатель арменовъ; того ради, мы считаемъ таковаго отлученнымъ отъ Отца и Сына и св. Духа и проклятымъ". Никейскій митрополитъ прибавилъ: „на томъ, кто не крестится тремя перстами, пребудетъ проклятіе трехъ сотъ восьмидесяти св. отецъ, собиравшихся въ Никеѣ и прочихъ соборовъ".

Такимъ образомъ, соборъ этотъ объявилъ рѣшительную войну двуперстному сложенію. Дѣло было до крайности необдуманное. Если троеперстное сложеніе, какъ повсемѣстное у восточныхъ православныхъ народовъ, дѣйствительно имѣло за собою всѣ признаки древности и правильности, то не надобно было забывать, что вся Русь давно уже крестилась двуперстнымъ сложеніемъ и уважала многихъ святыхъ, которые несомнѣнно осѣняли себя такимъ же крестнымъ знаменіемъ. Возложить проклятіе на двуперстіе, въ глазахъ противниковъ Никона, значило предать проклятію святыхъ русской церкви, отрѣшиться разомъ отъ священныхъ преданій. Восточные архіереи, чуждые Россіи, могли отнестись, не зная ни духа русскаго народа, ни склада его понятій, такъ легко къ этому вопросу, не сообразивши всѣхъ условій; Никонъ, природный русскій человѣкъ, могъ поступить такъ круто и легкомысленно въ этомъ дѣлѣ, только по тому безмѣрному властолюбію, которое очень часто бываетъ свойствомъ людей съ твердымъ характеромъ, горячо принимающихся за важное дѣло своего убѣжденія. При болѣе благоразумномъ и осторожномъ способѣ дѣйствій, исправленіе буквы въ русской церкви совершилось бы тихо, безъ большихъ потрясеній. Никонъ своимъ упорствомъ и горячностью далъ зародышъ печальныхъ событій на будущее время, тѣмъ болѣе, что его

ошибка неизбѣжно повлекла за собою другія; — такъ всегда въ исторіи мы замѣчаемъ, что стóитъ только историческому дѣятелю въ важную минуту стать на ложную дорогу, то уже трудно бываетъ сойти съ нея, и ему самому, и его преемникамъ и послѣдователямъ.

Никонъ издалъ новый служебникъ съ текстомъ, исправленнымъ противъ прежнихъ печатныхъ изданій и свѣреннымъ съ греческимъ. Въ предисловіи къ этому служебнику, онъ изложилъ поводы, побудившіе его къ исправленію богослужебныхъ книгъ, и дѣянія перваго собора въ Москвѣ, одобрившаго его предпріятіе. Онъ приказывалъ повсюду разсылать и вводить въ употребленіе при богослуженіи новый служебникъ. Затѣмъ, по его приказанію, грекъ Арсеній перевелъ съ греческаго книгу „Скрижаль", заключающую въ себѣ порядокъ и объясненіе литургіи и таинствъ. Въ эту Скрижаль внесено изложеніе бывшихъ при Никонѣ соборовъ объ исправленіи книгъ, отвѣтъ константинопольскаго патріарха Паисія и статьи, относящіяся къ вопросу о крестномъ знаменіи въ защиту троеперстнаго сложенія. Статья „О еже коими персты десныя руки изображается крестъ" вооружается противъ разныхъ способовъ неправильнаго исполненія крестнаго знаменія. Были такіе, которые крестились, полагая руку сначала на лобъ, а потомъ — не на животъ, а на правое плечо. Такіе, — говоритъ статья, — должны быть отлучаемы и проклинаемы. „Это — поруганіе крестнаго знаменія, а не знаменіе его. Это значитъ — исповѣдать вознесеніе сына Божія на небеса, не творя его снитія на землю". Люди, такимъ образомъ полагавшіе крестное знаменіе, составляли, вѣроятно, незначительное исключеніе, за то двуперстниковъ было очень много. „Скажите, — говорится въ этомъ сочиненіи, — вы, соединяющіе великій перстъ съ двумя малыми послѣдними, имѣющими между собою неравенство и мѣстный разладъ, какъ можете вы исповѣдывать таинство пресвятой Троицы, соприсущной и равнославной? Поистинѣ, неприличенъ вашъ способъ изображенія того первообразнаго, въ которомъ нѣтъ ни первенства, ни послѣдовательности, ни большинства, ни меньшинства!" Защитники двуперстія объясняли свое крестное знаменіе, будто оно изображаетъ божественную и человѣческую природу Спасителя. Имъ на это дѣлается такое замѣчаніе: „Смотрите, чтобы вы не впали въ мудрованіе о двухъ ипостасяхъ въ Іисусѣ Христѣ, подобно Несторію, говорившему, что иной Сынъ Богъ Слово, а иной — Іисусъ изъ Назарета, простой человѣкъ. Такъ и вы въ трехъ

пальцахъ, изображающихъ св. Троицу, уже указываете сыновнюю ипостась, а потомъ, особо отдѣливши, указываете еще иную ипостась въ указательномъ и среднемъ пальцахъ". Двуперстники говорили, что нѣкогда антіохійскій патріархъ Мелетій спорилъ съ аріанами; желая убѣдить ихъ въ силѣ крестнаго знаменія, онъ показалъ имъ три перста, и отъ этого не произошло никакого знаменія, а какъ сложилъ два перста, и одинъ пригнулъ, то „бысть знаменіе — огнь изыде". Никонъ доказывалъ имъ, что они здѣсь не понимаютъ смысла того, что̀ читаютъ: Мелетій показалъ три перста раздѣльно, и не было знаменія, а какъ сложилъ указательный и средній вмѣстѣ, да къ нимъ пригнулъ большой перстъ, такъ и сотворилось тогда знаменіе. Вотъ оно и значитъ — троеперстное знаменіе! Двуперстники ссылались на ходившее въ разныхъ сборникахъ слово Ѳеодорита; Никонъ возражалъ, что не знаетъ, о какомъ Ѳеодоритѣ [1]) идетъ дѣло. Наконецъ, двуперстники ссылались на Максима Грека; имъ на это замѣчали, что Максимъ Грекъ, хотя былъ человѣкъ ученый, но снисходя къ русскому обычаю и много пострадавши, могъ писать и неправильно отъ страха навѣтовъ.

Снова въ апрѣлѣ 1656 года собранъ былъ соборъ, на которомъ Никонъ представилъ свою Скрижаль. Соборъ утвердилъ ее и еще разъ произнесъ проклятіе надъ двуперстниками. По мудрствованію этого собора, соединеніе двухъ послѣднихъ пальцевъ съ большимъ выражало неравенство св. Троицы, а два простертые пальца, средній и указательный, означали послѣдованіе несторіевой ереси. Вмѣстѣ съ тѣмъ предано проклятію (мнимое) слово Ѳеодоритово, на которое ссылались двуперстники. Никонъ подвинулъ этимъ еще далѣе разрывъ съ прошедшимъ. Противники его съ ужасомъ толковали, что Никонъ и согласные съ нимъ духовные, такимъ образомъ, признали еретиками всѣхъ святыхъ русской церкви, которые, безъ сомнѣнія, употребляли двуперстное знаменіе.

По совѣту, данному константинопольскимъ патріархомъ, Никонъ началъ поступать рѣшительно со своими противниками: Павелъ Коломенскій былъ лишенъ сана и сосланъ; Нероновъ былъ отправленъ въ заточеніе въ вологодскій монастырь. Вонифатьевъ покорился и скоро самъ ходатайствовалъ за Неронова; Никонъ простилъ послѣдняго; Нероновъ постригся въ монахи подъ именемъ Григорія. Аввакумъ, самый задорнѣйшій

[1]) Антіохійскій или Кирскій, или какой иной; и если Кирскій, то перевода его на словянскомъ языкѣ нѣтъ; если же гдѣ есть, то нельзя принимать на вѣру всего, что онъ писалъ, потому что онъ былъ противникъ Кирилла Александрійскаго.

противникъ нововведенія, былъ сосланъ въ Даурію съ женою и семьею. Протопопы Логгинъ и Данило заключены въ тюрьмы и тамъ скоро умерли. Но этими ссылками и заточеніями нельзя было утишить волненія. Когда патріархъ разослалъ свои новыя богослужебныя книги и приказывалъ служить по нимъ и креститься тремя перстами, ропотъ поднялся разомъ во многихъ мѣстахъ. Оставшіеся пока нетронутыми, бывшіе справщики: Никита Пустосвятъ въ Суздалѣ и Лазарь въ Романовѣ возбуждали народъ къ неповиновенію. Соловецкій монастырь, исключая немногихъ старцевъ, воспротивился вмѣстѣ съ своимъ архимандритомъ. Новые учители возстали,—говорили тамъ:— они отвращаютъ насъ отъ истинной вѣры, велятъ служить на ляцкихъ крыжахъ по новымъ служебникамъ; не будемъ принимать латинской службы и еретическаго чина. Примѣръ такого уважаемаго монастыря, какъ Соловецкій, придалъ много силы противодѣйствію Никоновымъ намѣреніямъ. Кромѣ крестнаго знаменія, поднялись старые толки о сугубомъ и трегубомъ аллилуія; защитники старины видѣли ересь въ написаніи имени Іисусъ, вмѣсто Исусъ, какъ писали и печатали прежде по невѣжеству. Начались толки объ осьмиконечномъ и четвероконечномъ крестѣ. Распространились мистическія предсказанія о скоромъ появленіи Антихриста, которое, по апокалипсическимъ вычисленіямъ, приходилось на 1666 годъ. Пошли ходить по рукамъ грамотѣевъ книги: „О вѣрѣ“ и „Орелъ“, гдѣ тогдашніе мудрецы излагали свои прорицанія о послѣднихъ временахъ міра. Всего болѣе помогло развитію противодѣйствія то, что было много не любившихъ Никона. Бояре, за исключеніемъ немногихъ, не терпѣли его за постоянное вмѣшательство въ мірскія дѣла и за рѣзкія выходки. Духовенство было озлоблено противъ него за надменность, строгость и притѣсненія, которыя терпѣло оно отъ его приказныхъ. Никонъ требовалъ отъ священниковъ трезвой жизни, точнаго исполненія требъ и, сверхъ того, заставлялъ ихъ читать въ церкви поученія народу — новость, которая не нравилась невѣжественному духовенству. Для Никона ничего не стоило священника, за небрежность въ исполненіи своихъ обязанностей, посадить на цѣпь, мучить въ тюрьмѣ и сослать куда-нибудь на нищенскую жизнь. Патріархъ былъ суровъ въ обращеніи: „У него,—говорили духовные,—устроено подобно адову подписанію; страшно къ воротамъ приблизиться“. Нельзя было явиться передъ нимъ безъ трепета: „Знаете ли, кто онъ,—говорили священники,—звѣрь лютый, медвѣдь или волкъ?“ Ставленники проживали въ Москвѣ по нѣскольку мѣсяцевъ,

стѣсняемые разными формальностями, давали взятки патріаршимъ дьякамъ, по нѣскольку часовъ должны были они выстаивать на морозѣ, тогда какъ прежде ихъ пускали дожидаться въ домѣ. Никонъ имѣлъ привычку часто переводить священниковъ изъ церкви въ церковь. Это было разорительно не только отъ неизбѣжныхъ расходовъ при перемѣщеніи съ мѣста на мѣсто, но еще и потому, что такіе переводимые попы должны были брать въ Москвѣ „перехожія" грамоты, а пока ихъ достанутъ—проживаться въ столицѣ, между тѣмъ какъ ихъ семейства бѣдствовали безъ всякихъ средствъ. Патріаршій дьякъ Иванъ Кокошиловъ, извѣстный своимъ взяточничествомъ еще при патріархѣ Іосифѣ, безцеремонно бралъ взятки съ священниковъ, имѣвшихъ дѣло въ патріаршемъ приказѣ, не только самъ, но черезъ жену свою и людей. По всѣмъ городамъ патріархъ обложилъ данью дворы священно- и церковно-служителей и просвирень, бралъ съ каждой четверти земли, съ копны сѣна; у него даже нищіе были обложены данью. Такъ, по крайней мѣрѣ, говорили о немъ. Въ челобитной, поданной государю на Никона, говорилось: „Видишь-ли, свѣтъ премилостивый, онъ возлюбилъ стоять высоко и ѣздить широко". Указывая на его вмѣшательство въ мірскія дѣла, духовные выражались: „Онъ принялъ власть строить, вмѣсто Евангелія,—бердыши, вмѣсто креста—топорки на помощь государю, на бранныя потребы". Народъ осуждалъ его за бѣгство изъ Москвы во время моровой язвы, которая и потомъ повторялась въ Россіи, и приписывалъ это бѣдствіе правленію и поступкамъ своего патріарха. Пророки и сновидцы возмущали умы своими ложными откровеніями противъ Никона. Патріархъ въ 1656 году написалъ всенародную грамоту, гдѣ убѣждалъ не вѣрить лжепрорицателямъ и доказывалъ священнымъ писаніемъ, что убѣгать отъ моровой язвы и вообще отъ бѣдствія—не составляетъ грѣха. Но народъ, привыкши къ прежнему крестному знаменію, увидя внезапное измѣненіе церковныхъ обычаевъ, болѣе расположенъ былъ вѣрить врагамъ Никона, убѣждавшимъ русскихъ людей хранить древнее благочестіе, чѣмъ голосу патріарха, ненавидимаго духовенствомъ. Русскіе архіереи, участвовавшіе вмѣстѣ съ Никономъ въ преобразованіяхъ, также не терпѣли его за гордое обращеніе. Была у Никона одна сильная подпора въ царѣ, но скоро онъ потерялъ и ее.

До сихъ поръ мы не знаемъ въ подробностяхъ, какъ произошло охлажденіе царя Алексѣя Михайловича, считавшаго прежде патріарха своимъ лучшимъ другомъ. Въ 1656 году Ни-

конъ былъ еще въ силѣ, и его вліянію, между прочимъ, принадлежитъ несчастная война, предпринятая противъ Швеціи. Въ 1657 году, повидимому, также отношенія между царемъ и патріархомъ еще были хороши. Въ это время патріархъ занимался постройкою новаго монастыря. Верстахъ въ сорока отъ Москвы понравилось ему мѣсто, принадлежавшее Роману Боборыкину, на рѣкѣ Истрѣ. Никонъ купилъ у владѣльца часть его земли съ селомъ и началъ основывать тамъ монастырь. Сперва онъ построилъ деревянную ограду съ башнями, а въ срединѣ деревянную церковь и пригласилъ на освященіе церкви царя Алексѣя Михайловича. „Какое прекрасное мѣсто,—сказалъ царь,—какъ Іерусалимъ!“ Никону понравилось это замѣчаніе, и онъ задумалъ создать подобіе настоящаго Іерусалима: послалъ Арсенія Суханова снова на Востокъ съ цѣлью достать и привезти точный снимокъ съ іерусалимскаго храма Воскресенія. Между тѣмъ онъ далъ палестинскія названія окрестностямъ своей начинающейся обители: явился Назаретъ, явилось село Скудельничье и т. п.; гору, съ которой любовался царь, назвалъ Никонъ Елеономъ, а рѣку Истръ—Іорданомъ. Но потомъ, мало-помалу, на Алексѣя Михайловича начали оказывать вліяніе враги Никона, бояре: Стрѣшневъ, Никита Одоевскій, Трубецкой и другіе. Бояре, какъ видно, задѣли чувствительную струну въ сердцѣ царя; бояре указали ему, что онъ не одинъ самодержецъ, что, кромѣ него, есть еще другой великій государь. Алексѣй Михайловичъ былъ изъ такихъ натуръ, которыя не могутъ жить безъ друзей и всегда подпадаютъ ихъ вліянію, но когда спохватятся и увидятъ свою зависимость—имъ дѣлается стыдно, досадно, и прежняя дружба начинаетъ тяготить ихъ. Царь, не ссорясь съ Никономъ, сталъ отдаляться отъ него. Никонъ понялъ это и не искалъ объясненій съ царемъ, но вельможи, замѣтивши, что патріархъ уже не имѣетъ прежней силы, не утерпѣли, чтобы не дать ему этого почувствовать.

Самъ царь развилъ въ этомъ человѣкѣ властолюбіе, онъ пріучилъ его вмѣшиваться въ государственныя дѣла, и патріарху трудно было держаться въ сторонѣ отъ нихъ. Зависимость церкви отъ государственной власти казалась ему нестерпимою, по мѣрѣ того, какъ онъ терялъ прежнюю силу и вліяніе на дѣла государственныя. Съ этихъ поръ у него естественно, если не въ первый разъ явилось, то сильнѣе развилось стремленіе поставить духовную власть назависимо отъ свѣтской и церковь—выше государства. Это ясно видно изъ его критики на Уложеніе, которое подчинило духовныхъ лицъ суду приказовъ: монастырскаго и дворцоваго. „Отвѣтъ“

Никона хотя написанъ позже, но въ немъ отразился тотъ взглядъ патріарха, который неминуемо долженъ былъ привести его въ столкновеніе съ верховною свѣтскою властью [1]).

[1]) Онъ называлъ ложью слова Уложенія, будто бы бояре, составлявшіе его, выписывали статьи изъ правилъ св. апостолъ, св. отецъ, вселенскихъ соборовъ и законовъ греческихъ царей. Въ Уложеніи говорится: „Судъ государя царя“.—„Нѣтъ, возражаетъ Никонъ — судъ Божій есть, а не царевъ, не человѣка судъ, а Богомъ данъ человѣкамъ. Цари только слуги Божіи“. Въ Уложеніи запрещено судить въ приказахъ, кромѣ великихъ царственныхъ дѣлъ, въ большіе праздники и въ дни рожденія государя и членовъ его семейства. Никонъ возмущается сопоставленіемъ царскихъ дней съ господскими праздниками: „Что это за праздники? Что это за таинство? Все любострастно и по-человѣчески! Не только уподобилъ человѣковъ Богу, но и предпочелъ Богу!“ По поводу денежнаго безчестія и тѣлесныхъ наказаній, положенныхъ за оскорбленіе духовныхъ, Никонъ восклицаетъ: „Откуда, ты, беззаконникъ, выдумалъ, въ противность божественныхъ заповѣдей и уставовъ св. апостолъ и св. отецъ, возмѣрять противъ зла зломъ, побоями и платою серебра по качеству и количеству!“ Его возмущало то, что какое бы то ни было дѣло, касающееся патріарха и духовенства, можетъ разбираться и судиться свѣтскою властью.—83 и 84 ст. гл. X Уложенія говоритъ о безчестіи, положенномъ на духовныхъ лицъ, за оскорбленіе бояръ, окольничихъ и другихъ лицъ: „Не дьявольскій ли это законъ? спрашиваетъ Никонъ. Ей-ей, самого Антихриста; выдуманъ для того, чтобы никто не смѣлъ отъ страха проповѣдывать правды Божіей, по написанному: не обличай безумныхъ, да не возненавидятъ тя. Въ X гл. въ I статьѣ написано: судъ одинъ отъ мала до велика, безъ различія чина и достоянія—стало быть, и казни одинаковыя, какъ простымъ людямъ, такъ и священному чину! Хорошо сдѣлалъ бы всякій человѣкъ священнаго чина отъ патріарха до послѣднихъ причетниковъ, еслибы не послушалъ и не пошелъ на твое беззаконное судище, но наплевалъ на законъ и на судью беззаконнаго, какъ поступали отроки по повелѣнію цареву. Вотъ, въ книгѣ Прологѣ пишется, какъ святые мученики и исповѣдники, влекомые на судище, не только не повиновались, но оплевали и прокляли ихъ беззаконія. Такъ и теперь, если кто хочетъ мужественно подвигнуться за заповѣди Христовы и за каноны св. апостолъ и св. отецъ, то пусть не только судьи не послушаетъ, но оплюетъ и проклянетъ его повелѣніе и законъ. И если кто у пристава отниметъ наказную или приставную память (за что въ 142 ст. X гл. положено наказаніе кнутомъ), и издеретъ ее, и оплюетъ ее и потопчетъ, тотъ не погрѣшитъ, какъ и первые мученики... О богоборче, князь Никита, что ты это говоришь про слободы патріаршія, владычни и монастырскія? Не всѣ ли Божіи и мы всѣ Божіи, кромѣ тебя и подобныхъ тебѣ? Священническая часть—Божья часть и достояніе. Не должно разсуждать объ управленіи епископомъ церковнаго имѣнія: онъ имѣетъ власть управлять имъ, какъ передъ лицомъ Бога. Если епископамъ поручены человѣческія души, то тѣмъ паче слѣдуетъ имъ поручить имѣнія, чтобы они установляли въ нихъ всѣ власти и черезъ руки честныхъ пресвитеровъ и дьяконовъ подавали требуемое убогимъ... Гдѣ написано, чтобы царямъ и князьямъ и боярамъ и дьякамъ судить духовныхъ? Перечти всѣ правила не только христіанскія, но и мучительскія: нигдѣ не найдешь, чтобы можно было судить патріарха! Епископовъ и митрополита, по 9 правилу четвертаго вселенскаго и карѳагенскаго соборовъ, могутъ судить только епископы всей области, если ихъ будетъ не менѣе двѣнадцати. Пресвитера судятъ шесть епископовъ, дьякона три причетника вмѣстѣ съ епископомъ. По какимъ же ты законамъ вымыслилъ судить въ монастырскомъ приказѣ простымъ людямъ митрополитовъ, епископовъ, архимандритовъ, игуменовъ, поповъ, дьяконовъ, причетниковъ?“ Такъ относился Никонъ къ Уложенію, книгѣ законовъ государства, ко-

Лѣтомъ 1658 наступила явная размолвка.

Пріѣхалъ въ Москву грузинскій царевичъ Теймуразъ; по этому поводу былъ во дворцѣ большой обѣдъ. Никона не пригласили, хотя прежде въ подобныхъ случаяхъ ему оказывали первую честь. Патріархъ послалъ своего боярина, князя, по имени Димитрія, за какимъ-то церковнымъ дѣломъ, такъ онъ самъ говорилъ, или для того, чтобы высмотрѣть, что̀ тамъ дѣлалось, какъ говорили другіе. Окольничій Богданъ Матвѣевичъ Хитрово, разчищавшій въ толпѣ путь для грузинскаго царевича, ударилъ по головѣ палкою патріаршаго боярина.

— Напрасно бьешь меня, Богданъ Матвѣевичъ,—сказалъ патріаршій бояринъ,—мы пришли сюда не просто, а за дѣломъ.

— А ты кто таковъ?—спросилъ окольничій.

— Я патріаршій человѣкъ, за дѣломъ посланъ! — отвѣчалъ Димитрій.

— Не дорожись!—сказалъ Хитрово, и еще разъ ударилъ Димитрія по лбу.

Патріаршій бояринъ Димитрій съ плачемъ вернулся къ Никону и жаловался на обиду.

Никонъ написалъ царю письмо и просилъ суда за оскорбленіе своего боярина.

Царь отвѣчалъ ему собственноручно: „Сыщу и по времени самъ съ тобою видѣться буду".

торая была утверждена приговоромъ выборныхъ людей всей Русской Земли. Никонъ не давалъ значенія этому приговору: „Всѣмъ вѣдомо,—говорилъ онъ,—что сборъ былъ не по волѣ, отъ боязни междоусобія всѣхъ черныхъ людей, а не ради истинной правды". О дьякахъ и приказныхъ людяхъ, въ рукахъ которыхъ было Уложеніе, Никонъ отзывался такъ: „Это—вѣдомые враги Божіи и дневные разбойники: безъ всякой боязни днемъ людей Божіихъ губятъ".

Выходки подобнаго рода, безъ сомнѣнія, Никонъ позволялъ себѣ и въ то время, когда его могущество уже пошатнулось; но еще не доходило до явной размолвки. Никонъ говоритъ въ письмѣ къ константинопольскому патріарху Діонисію: „У его царскаго величества составлена книга, противная Евангелію и правиламъ св. апостолъ и св. отецъ. По ней судятъ, ее почитаютъ выше Евангелія Христова. Въ той книгѣ указано судить духовныхъ архіереевъ и ихъ стряпчихъ, дѣтей боярскихъ, крестьянъ, архимандритовъ, и игуменовъ, и монаховъ, и монастырскихъ слугъ, и крестьянъ, и поповъ, и церковныхъ причетниковъ въ монастырскихъ приказахъ мірскимъ людямъ, гдѣ духовнаго чина нѣтъ вовсе. Много и другихъ пребеззаконій въ этой книгѣ! Мы объ этой проклятой книгѣ много разъ говорили его царскому величеству, но за это я терпѣлъ уничиженіе и много разъ меня хотѣли убить. Царь былъ прежде благоговѣенъ и милостивъ, во всемъ искалъ Божіихъ заповѣдей, и тогда милостію Божіею и нашимъ благословеніемъ побѣдилъ Литву. Съ тѣхъ поръ онъ началъ гордиться и возвышаться, а мы ему говорили: перестань! Онъ же въ архіерейскія дѣла началъ вступаться, судами нашими овладѣлъ: самъ ли собою онъ такъ захотѣлъ поступать, или же злые люди его измѣнили,—онъ уподобился Ровоаму, царю израильскому, который отложилъ совѣтъ старыхъ мужей и слушалъ совѣта тѣхъ, которые съ нимъ воспитывались"

Однако, прошелъ день, другой: царь не повидался съ Никономъ и не учинилъ расправы за оскорбленіе его боярина.

Наступило 8-е іюля, праздникъ иконы Казанской Богородицы. Въ этотъ праздникъ патріархъ обыкновенно служилъ со всѣмъ соборомъ въ храмѣ Казанской Божіей Матери. Царь съ боярами присутствовалъ на богослуженіи. Наканунѣ, когда пришло время собираться къ вечернѣ, патріархъ послалъ къ царю священника съ вѣстью, что патріархъ идетъ въ церковь. Царь не пришелъ; не было его въ церкви и въ самый день праздника. Никонъ понялъ, что царь озлобился на него. 10 іюля былъ праздникъ ризы Господней. Тогда, по обычаю, царь присутствовалъ при патріаршемъ богослуженіи въ Успенскомъ соборѣ. Никонъ посылалъ къ царю передъ вечернею, а потомъ и передъ заутренею. Царь не пришелъ и послалъ къ Никону своего спальника, князя Юрія Ромодановскаго, который сказалъ: „Царское величество на тебя гнѣвенъ: оттого онъ не пришелъ къ заутрени и повелѣлъ не ждать его къ святой литургіи".

Никонъ спросилъ: за что царь на него гнѣвается?

Юрій Ромодановскій отвѣчалъ: „Ты пренебрегъ его царскимъ величествомъ и пишешься великимъ государемъ, а у насъ одинъ великій государь—царь".

Никонъ возразилъ на это: „Я называюсь великимъ государемъ не собою. Такъ восхотѣлъ и повелѣлъ его величество. На это у меня и грамоты есть, писанныя рукою его царскаго величества".

Ромодановскій сказалъ: „Царское величество почтилъ тебя, яко отца и пастыря, и ты этого не уразумѣлъ; а нынѣ царское величество велѣлъ тебѣ сказать: отнынѣ не пишись и не называйся великимъ государемъ; почитать тебя впредь не будетъ".

Самолюбіе Никона было уязвлено до крайней степени. Сталъ онъ думать, и рѣшился произнести торжественно отреченіе отъ патріаршей каѳедры, вѣроятно, разсчитывая, что кроткій и набожный царь испугается и поспѣшитъ помириться съ первосвятителемъ. Въ тотъ же день, послѣ посѣщенія Ромодановскаго, онъ сказалъ о своемъ намѣреніи патріаршему дьяку Каликину. Каликинъ уговаривалъ Никона не дѣлать этого; Никонъ стоялъ на своемъ. Каликинъ сообщилъ боярину Зюзину, другу Никона. Зюзинъ велѣлъ передать Никону, чтобы онъ не гнѣвилъ государя; иначе—захочетъ воротиться назадъ, да будетъ поздно. Никонъ нѣсколько призадумался, сталъ было писать, но потомъ разодралъ написанное, сказалъ: „иду!" Онъ приказалъ купить себѣ простую палку, какую носили попы.

Въ тотъ же день патріархъ отслужилъ въ Успенскомъ соборѣ литургію, а во время причастна далъ приказаніе, чтобы никого не выпускали изъ церкви, потому что онъ намѣренъ говорить поученіе.

При концѣ обѣдни Никонъ сталъ говорить поученіе.

Прочитавши сначала слово изъ Златоуста, Никонъ повернулъ рѣчь о себѣ: „Лѣнивъ я сталъ,—сказалъ онъ,—не гожусь быть патріархомъ, окоростѣвѣлъ отъ лѣни и вы окоростѣвѣли отъ моего неученія. Называли меня еретикомъ, иконоборцемъ, что я новыя книги завелъ, камнями хотѣли меня побить; съ этихъ поръ я вамъ не патріархъ“...

Отъ такой неожиданной рѣчи въ церкви поднялся шумъ; трудно было разслышать, что далѣе говорилъ Никонъ. Одни послѣ того показывали, будто онъ сказалъ: „Будь я анаѳема, если захочу быть патріархомъ!“ Другіе отрицали это. Какъ бы то ни было, кончивши свою рѣчь, Никонъ разоблачился, ушелъ въ ризницу, написалъ царю письмо, надѣлъ мантію и черный клобукъ, вышелъ къ народу и сѣлъ на послѣдней ступени амвона, на которомъ облачаются архіереи. Встревоженный народъ кричалъ, что не выпуститъ его безъ государева указа. Между тѣмъ, царь уже узналъ о томъ, что происходитъ въ Успенскомъ соборѣ. „Я будто сплю съ открытыми глазами!“ сказалъ онъ, и отправилъ въ соборъ князя Трубецкого и Родіона Стрѣшнева.

— Для чего ты патріаршество оставляешь? — спросилъ Трубецкой.—Кто тебя гонитъ?

— Я оставляю патріаршество самъ собою,—сказалъ Никонъ и послалъ письмо царю.

Въ другой разъ пришелъ къ нему отъ царя Трубецкой съ товарищемъ, сказалъ, чтобы онъ не оставлялъ патріаршества.

— Даю мѣсто гнѣву царскаго величества,—сказалъ Никонъ.—Бояре и всякіе люди церковному чину обиды творятъ, а царское величество управы не даетъ и на насъ гнѣваетъ, когда мы жалуемся. А нѣтъ ничего хуже, какъ царскій гнѣвъ носить.

— Ты самъ, — сказалъ бояринъ Трубецкой, — называешь себя великимъ государемъ и вступаешься въ государевы дѣла.

— Мы,—сказалъ Никонъ,—великимъ государемъ не сами назвались и въ царскія дѣла не вступаемся, а развѣ о правдѣ какой говорили или отъ бѣды кого-нибудь избавляли, такъ мы, архіереи, на то заповѣдь приняли отъ Господа, который сказалъ: „Слушаяй заповѣдь Мене слушаетъ“.

Въ добавокъ онъ просилъ у государя себѣ келью; ему отвѣчали, что келей на патріаршемъ дворѣ много: можетъ

жить въ любой [1]). Затѣмъ Никонъ снялъ съ себя мантію, вышелъ изъ церкви и ушелъ пѣшкомъ на подворье Воскресенскаго монастыря.

Онъ пробылъ тамъ два дня, быть можетъ дожидаясь, что царь, по крайней мѣрѣ теперь, позоветъ его и захочетъ съ нимъ объясниться, но царь не звалъ его. Никонъ отправился въ Воскресенскій монастырь на двухъ плетеныхъ повозкахъ, которыя тогда назывались кіевскими, написавши царю письмо въ такомъ смыслѣ: „По отшествіи боярина вашего Алексѣя Никитича съ товарищами, ждалъ я отъ васъ, великаго государя, милостиваго указа по моему прошенію; не дождался,—и многихъ ради болѣзней велѣлъ отвезти себя въ Воскресенскій монастырь".

Вслѣдъ за Никономъ пріѣхалъ въ Воскресенскій монастырь бояринъ Трубецкой, но не съ мировой, не съ просьбой о возвращеніи въ столицу. Бояринъ сказалъ ему: „Подай великому государю, государынѣ царицѣ и ихъ дѣтямъ свое благословеніе, благослови того, кому Богъ изволитъ быть на твоемъ мѣстѣ патріархомъ, а пока патріарха нѣтъ, благослови вѣдать церковь крутицкому митрополиту". Никонъ далъ на все согласіе; просилъ, чтобъ государь, царица и ихъ дѣти также его простили, билъ челомъ о скорѣйшемъ избраніи преемника, чтобы церковь не вдовствовала, не была безпастырною, и, въ заключеніе, подтвердилъ, что онъ самъ не хочетъ быть патріархомъ.

Казалось, дѣло было совершенно покончено. Правитель церкви самъ отрекся отъ управленія ею,—случай не рѣдкій въ церковной исторіи;—оставалось избрать на его мѣсто другого законнымъ порядкомъ. Но царь началъ колебаться: съ одной стороны, въ немъ говорило прежнее дружеское чувство къ Никону, съ другой — бояре настроивали его противъ патріарха, представляя ему, что Никонъ умалялъ самодержав-

[1]) Вся эта бесѣда Никона съ Трубецкимъ основана на собственномъ письмѣ Никона къ константинопольскому патріарху. По другимъ извѣстіямъ, Никонъ въ это время говорилъ только, что сходитъ съ патріаршества по своей волѣ. Ничто не подаетъ повода сомнѣваться въ извѣстіи, сообщаемомъ письмомъ Никона. Всему церковному вѣдомству нанесена была жестокая обида послѣ того, какъ оскорбленіе, сдѣланное патріаршему боярину, оставлено самимъ государемъ безъ вниманія. Притомъ, патріарху было объявлено, что царь на него гнѣвается. Московскому патріарху приходилось, естественно, говорить присланнымъ боярамъ именно тѣ слова, какія онъ сообщаетъ въ письмѣ константинопольскому. Это согласно и съ характеромъ Никона, который въ это время долженъ былъ находиться въ сильно раздраженномъ состояніи. Онъ, конечно, надѣялся, что, послѣ заявленнаго отреченія, царь такъ или иначе самъ захочетъ съ нимъ объясниться. Но Алексѣй Михайловичъ какъ будто на зло прислалъ къ нему недоброжелателей. Съ своей стороны и боярамъ вполнѣ естественно было сдѣлать ему упрекъ о вмѣшательствѣ въ государственныя дѣла, за что они и прежде на него злобствовали.

ную власть государя. Царь боялся раздражить бояръ, не принималъ явно стороны ненавидимаго ими патріарха, но отправилъ черезъ Аѳанасія Матюшкина Никону свое прощеніе; потомъ — посылалъ къ нему какого-то князя Юрія, приказывалъ передать, что всѣ бояре на него злобствуютъ, — одинъ только царь и посланный князь Юрій къ нему добры. Между тѣмъ, царь не посмѣлъ тогда просить его о возвращеніи на патріаршество. Никонъ, какъ будто забывши о патріаршествѣ, дѣятельно занимался каменными постройками въ Воскресенскомъ монастырѣ, копалъ возлѣ монастыря пруды, разводилъ рыбу, строилъ мельницы, разсаживалъ сады, расчищалъ лѣса, всегда показывалъ примѣръ рабочимъ, трудясь наравнѣ съ ними. Царь не разъ жаловалъ ему щедрую милостыню на созданіе монастыря, на прокормленіе нищихъ, и, въ знакъ особаго вниманія, въ большіе праздники и свои семейныя торжества, посылалъ ему лакомства, которыя онъ отдавалъ на трапезу всей братіи.

Но потомъ вмѣшательство Никона въ церковныя дѣла опять вооружило противъ него царя [1]), и царь, по наговору бояръ, запретилъ сноситься съ Никономъ, приказалъ сдѣлать обыскъ въ его бумагахъ и пересталъ оказывать ему прежніе знаки вниманія.

Въ іюлѣ 1659 года, Никонъ, узнавши о томъ что̀ дѣлается въ Москвѣ съ его бумагами, написалъ царю рѣзкое письмо: „Ты, великій государь,—писалъ онъ,—черезъ стольника своего Аѳанасія Матюшкина прислалъ свое милостивое

[1]) Весною 1659 года Никонъ, услышавши, что крутицкій митрополитъ въ Москвѣ совершалъ обрядъ шествія на ослѣ въ день вербнаго воскресенья, написалъ государю письмо, въ которомъ осуждалъ этотъ поступокъ, считаемый имъ исключительною принадлежностью патріаршаго званія. „Нѣкто,—писалъ онъ царю,—дерзнулъ олюбодѣйствовать сѣдалище великаго архіерея. Пишу это— не желая возвращенія къ любоначалію и ко власти. Если хотите избирать патріарха благозаконно и правильно, то начните избраніе соборно, и кого божественная благодать изберетъ, того и мы благословимъ. Если это совершилось по твоей волѣ, государь, Богъ тебя прости, только впередъ воздержись брать на себя то, что не въ твоей власти!“ Царь отправилъ къ Никону приближенныхъ лицъ объяснить, что ужъ издавна въ Россіи митрополиты совершали это дѣйство. Никонъ возразилъ, что это прежде дѣлалось невѣдѣніемъ. Вѣроятно, во время Никонова патріаршества, уже прежде было сдѣлано распоряженіе о томъ, что означенное дѣйство должно принадлежать только патріарху. Ему замѣтили, чтобы онъ болѣе не вмѣшивался въ этого рода дѣла. Никонъ отвѣчалъ, что онъ паству свою оставилъ, но не оставлялъ попеченія объ истинѣ. — „И простые пустынники, — сказалъ онъ, — говорили царямъ греческимъ объ исправленіи духовныхъ дѣлъ“. — „Но вѣдь ты отъ патріаршества отрекся,—сказали ему,—и далъ благословеніе на избраніе себѣ преемника“. — „Да отрекся,—отвѣчалъ Никонъ, — не думаю о возвращеніи на святительскій престолъ, и теперь даю благословеніе на избраніе преемника; но я не отрицаюсь называться патріархомъ“.

прощеніе; теперь же, слышу, поступаешь со мной не какъ съ прощеннымъ, а какъ съ послѣднимъ злодѣемъ. Ты повелѣлъ взять мои вещи, оставшіяся въ кельи, и письма, въ которыхъ много тайнаго, чего не слѣдуетъ знать мірянамъ. Божьимъ попущеніемъ, вашимъ государскимъ совѣтомъ и всѣмъ священнымъ соборомъ я былъ избранъ первымъ святителемъ, и много вашихъ государевыхъ тайнъ было у меня; кромѣ того, многіе, требуя прощенія своихъ грѣховъ, написывали ихъ собственноручно и, запечатавши, подавали мнѣ, потому что я, какъ святитель, имѣлъ власть, по благодати Божіей, разрѣшать имъ грѣхи, которые разрѣшать и вѣдать никому не подобало, да и тебѣ великому государю. Удивляюсь, какъ ты дошелъ до такого дерзновенія: ты прежде страшился судить простыхъ церковныхъ причетниковъ, потому что этого святые законы не повелѣваютъ, а теперь захотѣлъ вѣдать грѣхи и тайны бывшаго пастыря, и не только самъ, да еще попустилъ и мірскимъ людямъ; пусть Богъ не поставитъ имъ во грѣхъ этой дерзости, если покаятся! Если тебѣ, великій государь, чего нужно было отъ насъ, то мы бы для тебя сдѣлали все, что тебѣ подобаетъ. Все это дѣлается, какъ мы слышали, лишь для того, чтобы у насъ не осталось писанія руки твоей, гдѣ ты называлъ насъ великимъ государемъ. Отъ тебя, великій государь, положено было этому начало. Такъ писалъ ты во всѣхъ твоихъ государевыхъ грамотахъ; такъ писано было и въ отпискахъ всѣхъ полковъ къ тебѣ и во всякихъ дѣлахъ, Этого невозможно уничтожить. Пусть истребится оное злое, горделивое, проклятое проименованіе, происшедшее не по моей волѣ. Надѣюсь на Господа: нигдѣ не найдется моего хотѣнія или велѣнія на это, развѣ кромѣ лживыхъ сплетенъ лжебратій, отъ которыхъ я много пострадалъ и пострадаю. Все, что нами сказано смиренно,—перетолковано, будто сказано было гордо; чтó было благохвально, то пересказано тебѣ хульно, и отъ такихъ-то лживыхъ словесъ поднялся противъ меня гнѣвъ твой! Думаю, и тебѣ памятно, великій государь, какъ, по нашему приказанію, велѣли кликать насъ по трисвятомъ великимъ господиномъ, а не великимъ государемъ. Если тебѣ это не памятно, изволь допросить церковниковъ и соборныхъ дьяковъ, и они тебѣ тоже скажутъ, если не солгутъ. Прежде я былъ у твоей милости единотрапезенъ съ тобою: ты меня кормилъ тучными брашнами, а теперь, іюня въ 25 день, когда торжествовалось рожденіе благовѣрной царевны Анны Михайловны, всѣ веселились отъ твоей трапезы; одинъ я, какъ пёсъ, лишенъ богатой трапезы вашей! Еслибы ты не считалъ меня

врагомъ, то не лишилъ бы меня малаго кусочка хлѣба отъ богатой вашей трапезы. Это пишу я не потому, что хлѣба лишаюсь, а потому, что желаю милости и любви отъ тебя, великаго государя. Перестань, молю тебя, Господа ради, на меня гнѣваться. Не попускай истязать мои худыя вещи. Угодно ли бы тебѣ, чтобы люди дерзали вѣдать твои тайны, помимо твоей воли? Не одинъ я, но многіе ради меня страдаютъ. Еще недавно, ты государь, приказывалъ мнѣ сказать съ княземъ Юріемъ, что только ты, да князь Юрій ко мнѣ добры; а теперь вижу, что ты не только самъ сталъ немилостивъ ко мнѣ, убогому своему богомольцу, а еще возбраняешь другимъ миловать меня: всѣмъ положенъ крѣпкій заказъ не приходить ко мнѣ! Ради Господа молю, перестань такъ поступать! Хотя ты и царь великій, но отъ Господа поставленъ правды ради! Въ чемъ моя неправда передъ тобою? Въ томъ ли, что, ради церкви, просилъ суда на обидящаго? Что-же? Не только не получилъ я праведнаго суда, но и отвѣты были исполнены немилосердія. Теперь слышу, что, противно церковнымъ законамъ, ты самъ изволишь судить священные чины, которыхъ не повѣрено тебѣ судить. Помнишь Мануила, царя греческаго, какъ хотѣлъ онъ судить священниковъ, а ему Христосъ явился: въ соборной, апостольской церкви есть образъ, гдѣ святая десница Христова указываетъ указательнымъ перстомъ, повелѣвая ангеламъ показнить царя, за то, чтобъ не отваживался судить рабовъ Божіихъ прежде общаго суда! Умились, Господа ради, и изъ-за меня грѣшнаго не озлобляй тѣхъ, которые жалѣютъ о мнѣ. Всѣ люди —твои и въ твоей рукѣ, того ради паче милуй ихъ и заступай, какъ и божественный апостолъ учитъ: ты слуга Божій, въ отомщеніе злодѣямъ и въ похвалу добрымъ; суди праведно: а на лица не смотри; тѣхъ же, которые озлоблены и заточены по малымъ винамъ или по оболганію, тѣхъ, ради Бога, освободи и возврати; тогда и Богъ святый оставитъ многія твои согрѣшенія.“ Въ заключеніе Никонъ увѣрялъ царя, что онъ не забиралъ съ собой патріаршей казны и ризницы, какъ на него говорили [1]).

[1]) „Говорятъ, будто я много ризницы и казны взялъ съ собою—я взялъ одинъ только саккосъ и то не дорогой, а омофоръ прислалъ мнѣ халкидонскій митриполитъ. Казны я съ собой не взялъ, а удержалъ немного, сколько нужно было на церковное строеніе, чтобы расплатиться съ работниками. Гдѣ другая казна, то всѣмъ явно, куда она пошла: дворъ московскій стоитъ тысячъ десять, на постройку посадовъ истрачено тысячъ десять, а этимъ, тебѣ государь, я челомъ ударилъ на подъемъ ратный; да лошадей куплено прошлымъ лѣтомъ тысячи на три, да тысячъ десять есть въ казнѣ. Шапка архіерейская тысячъ въ пять-шесть стала.“

Письмо это не понравилось государю, а бояре намѣренно усиливали въ немъ досаду противъ бывшаго друга. Подъ предлогомъ небезопасности отъ нашествія враговъ, его хотѣли удалить отъ Москвы и отъ имени царя предложили переѣхать въ крѣпкій монастырь Макарія Колязинскаго. „У меня,—сказалъ Никонъ, — есть свои крѣпкіе монастыри: Иверскій и Крестный, а въ Колязинъ я не пойду; лучше, уже мнѣ идти въ Зачатейскій монастырь въ Китай-городѣ, въ углу".—„Какой это Зачатейскій монастырь?" спросилъ его посланный. —„Тотъ, сказалъ Никонъ, что на Варварскомъ крестѣ, подъ горою."—„Тамъ тюрьма", замѣтилъ посланный.—„Это и есть Зачатейскій монастырь", сказалъ Никонъ. Его не услали въ Колязинскій монастырь. Съ царскаго разрѣшенія Никонъ пріѣзжалъ въ Москву, давалъ всѣмъ разрѣшеніе и прощеніе, а чрезъ три дня, по царскому повелѣнію, отправился въ Крестный монастырь, построенный имъ на Бѣломъ морѣ, въ память своего избавленія отъ кораблекрушенія, когда онъ былъ еще простымъ іеромонахомъ.

Никона удалили съ тѣмъ, чтобы, во время его отдаленія, рѣшить его судьбу. Въ февралѣ 1660 года, въ Москвѣ, собранъ былъ соборъ, который положилъ не только избрать другого патріарха, но лишить Никона чести архіерейства и священства. Государь смутился утвердить такой приговоръ и поручилъ просмотрѣть его греческимъ архіереямъ, случайно бывшимъ въ Москвѣ. Греки, сообразивши, что противъ Никона вооружены сильные міра сего, не только одобрили приговоръ русскихъ духовныхъ, но еще нашли, въ подтвержденіе справедливости этого приговора, какое-то сомнительнаго свойства объясненіе правилъ Номоканона. Тогда энергически поднялся за Никона ученый кіевскій старецъ Епифаній Славинецкій. Онъ. въ поданной царю запискѣ, на основаніи церковнаго права, ясно доказалъ несостоятельность примѣненія указанныхъ греками мѣстъ къ приговору надъ Никономъ. Епифаній признавалъ, что соборъ имѣетъ полное право избрать другаго патріарха, но не можетъ лишить Никона чести патріаршаго сана и архіерейскаго служенія, такъ какъ добровольно отрекающіеся архіереи не могутъ, безъ вины и суда, лишаться права носить санъ и служить по архіерейскому чину. Доказательства Славинецкаго показались такъ сильны, что царь остался въ недоумѣніи. Онъ рѣшился снова обратиться къ Никону съ ласкою и просить его, чтобъ онъ далъ свое благословеніе на избраніе новаго патріарха. Никонъ отвѣчалъ, что если его позовутъ въ Москву, то онъ дастъ свое благословеніе новоизбранному патрі-

арху, а самъ удалится въ монастырь. Но Никона не рѣшались призвать въ Москву на соборъ; ему только дозволили воротиться въ Воскресенскій монастырь. Туда прибылъ снова Никонъ и жаловался, что когда онъ находился въ Крестномъ монастырѣ, то его хотѣлъ отравить черный дьяконъ Өеодосій, подосланный крутицкимъ митрополитомъ, его заклятымъ врагомъ. Өеодосій съ своими соумышленниками былъ въ Москвѣ подвергнутъ пыткѣ; но темное дѣло осталось неразъясненнымъ.

Въ Воскресенскомъ монастырѣ Никона ожидала другая непріятность: окольничій Романъ Боборыкинъ завладѣлъ угодьями, принадлежащими Воскресенскому монастырю. Монастырскій приказъ утвердилъ за нимъ эту землю. Между крестьянами Боборыкина и монастырскими произошли, по обычаю, споры и драки. Боборыкинъ подалъ жалобу въ монастырскій приказъ, а приказъ притянулъ къ отвѣту монастырскихъ крестьянъ. Тогда Никонъ написалъ царю длинное и рѣзкое письмо, называлъ церковь гонимою, сравнивалъ ее съ апокалипсическою женою, преслѣдуемою зміемъ. „Откуда,—спрашивалъ онъ царя въ своемъ письмѣ,—взялъ ты такую дерзость, чтобы дѣлать сыски о насъ и судить насъ? Какіе законы Божіи повелѣли тебѣ обладать нами, божіими рабами? Не довольно ли тебѣ судить правильно людей царствія міра сего? Но ты и объ этомъ не стараешься... Мало ли тебѣ нашего бѣгства? Мало ли тебѣ, что мы оставили все на волю твоего благородія, отрясая прахъ ногъ своихъ ко свидѣтельству въ день судный! Рука твоя обладаетъ всѣмъ архіерейскимъ судомъ и достояніемъ. По твоему указу,—страшно молвить,—владыкъ посвящаютъ, архимандритовъ, игуменовъ и поповъ поставляютъ, а въ ставильныхъ грамотахъ даютъ тебѣ равную честь со Святымъ Духомъ, пишутъ: „По благодати св. Духа и по указу великаго государя“. Какъ будто святой Духъ не воленъ посвятить и безъ твоего указа? Какъ много Богъ тебѣ терпитъ, когда написано: „аще кто на св. Духа хулитъ, не имать оставленія, ни въ сій вѣкъ, ни въ будущій“: Если тебя и это не устрашило, то чтó можетъ устрашить! Уже ты сталъ недостойнымъ прощенія за свою дерзость. Повсюду твоимъ насиліемъ отнимаются у митрополій, епископій и монастырей движимыя и недвижимыя вещи. Ты обратилъ ни во что установленія и законы св. отецъ, благочестивыхъ царей греческихъ, великихъ царей русскихъ и даже грамоты и уставы твоего отца и твои собственные. Прежде, по крайней мѣрѣ, хотя и написано было по страсти, ради народнаго смущенія, но все-таки сказано: въ монастырскомъ приказѣ сидѣть архимандритамъ, игуменамъ,

священникамъ и честнымъ старцамъ; а ты все это упразднилъ: судятъ церковный чинъ мірскіе судьи; ты обезчестилъ св. Духа, признавши его силу и благодать недостаточною безъ твоего указа; обезчестилъ святыхъ апостоловъ, дерзая поступать противно ихъ правиламъ,—лики святыхъ, вселенскіе соборы, св. отецъ, благочестивыхъ царей, великихъ князей, укрѣпившихъ православные законы. Ордынскіе цари возстанутъ противъ тебя въ день судный съ ихъ ярлыками; и они, невѣрные, не судили сами церковныхъ судовъ, не вступались ни во что церковное, не оскорбляли архіереевъ, не отнимали Божія возложенія, а сами давали грамоты, которыя всюду по митрополіямъ, монастырямъ и соборнымъ церквамъ соблюдались до твоего царствованія. Того ради, Божія благодать исполняла царскіе обиходы и міръ былъ весь строенъ, а въ твое царствіе всѣ грамоты упразднены, и отняты у церкви Божіей многія недвижимыя вещи; за это Богъ оставилъ тебя, и впередъ оставитъ, если не покаешься"... Никонъ въ томъ же письмѣ разсказывалъ, что ему было видѣніе во время дремоты въ церкви на заутрени: являлся ему митрополитъ Петръ и повелѣлъ сказать царю, что за обиды, нанесенныя церкви, былъ два раза моръ въ странѣ, и царское войско терпѣло пораженіе. Вслѣдъ затѣмъ Никону, какъ онъ увѣрялъ, представился царскій дворецъ, и нѣкій сѣдой мужъ сказалъ: „Псы будутъ въ этомъ дворѣ щенятъ своихъ родить, и радость настанетъ бѣсамъ отъ погибели многихъ людей".

Само собою разумѣется, послѣ этого письма примиреніе царя съ патріархомъ стало еще труднѣе. Между тѣмъ, монастырскій приказъ, на зло Никону, особенно ненавидѣвшему этотъ приказъ, рѣшилъ дѣло спорное въ пользу Боборыкина. Никонъ, раздраженный этимъ до крайности, отслужилъ въ Воскресенскомъ монастырѣ молебенъ и, за этимъ молебномъ, велѣлъ прочитать жалованную грамоту царя на землю Воскресенскаго монастыря, въ доказательство того, что монастырскій приказъ рѣшилъ дѣло неправильно, а потомъ произнесъ проклятіе, выбирая пригодныя слова изъ 108 псалма [1]).

Боборыкинъ донесъ, что эти проклятія относились къ государю.

Набожный царь пришелъ въ ужасъ, собралъ къ себѣ архіереевъ, плакалъ и говорилъ: „Пусть я грѣшенъ; но чѣмъ

[1]) „Молитва его да будетъ грѣхомъ, да будутъ дни его кратки, достоинство его да получитъ другой; дѣти его да будутъ сиротами, жена его вдовою; пусть заимодавецъ захватитъ все, что у него есть, и чужіе люди разграбятъ труды его; пусть дѣти его скитаются и ищутъ хлѣба внѣ своихъ опустошенныхъ жилищъ... Пусть облечется проклятіемъ, какъ одеждою, и оно проникнетъ, какъ вода, во внутренности его и, яко елей, въ кости его" и пр.

виновата жена моя и любезныя дѣти мои, и весь дворъ мой, чтобы подвергаться такой клятвѣ?"

Въ это время сталъ приближенъ къ царю грекъ митрополитъ газскій, Паисій Лигаридъ, человѣкъ ученый, получившій образованіе въ Италіи; впослѣдствіи онъ былъ въ Палестинѣ посвященъ въ архіерейскій санъ, но подвергся запрещенію отъ іерусалимскаго патріарха Нектарія за латиномудрствованіе. Никонъ, еще до своего отреченія, по ходатайству грека Арсенія, пригласилъ его въ Москву. Паисій пріѣхалъ уже въ 1662 году, когда патріархъ находился въ Воскресенскомъ монастырѣ. Никонъ надѣялся найти себѣ защитника въ этомъ ученомъ грекѣ. Паисій сперва пытался примирить патріарха съ царемъ, и письменно убѣждалъ его смириться и отдать кесарево кесареви, но увидѣлъ, что выходки Никона до того раздражили царя и бояръ, что на примиреніе надежды нѣтъ — и открыто сталъ на сторону враговъ патріарха. Этотъ пріѣзжій грекъ подалъ царю совѣтъ обратиться къ вселенскимъ патріархамъ. Царь Алексѣй Михайловичъ, по своей натурѣ, всегда готовъ былъ прибѣгнуть къ полумѣрамъ, именно тогда, когда нужно было дѣйствовать прямо и рѣшительно. И въ этомъ случаѣ было такъ поступлено. Составили и порѣшили отправить ко всѣмъ вселенскимъ патріархамъ двадцать пять вопросовъ, относящихся къ дѣлу Никона, но не упоминая его имени: представлены были на обсужденіе патріарховъ случаи, какіе происходили въ Россіи, но представлены такъ, какъ будто неизвѣстно: когда, и съ кѣмъ они происходили; казалось даже, что они не происходили вовсе, а приводились только для того, чтобы знать, какъ слѣдуетъ поступить, если бы они произошли. Доставить эти вопросы патріархамъ царь довѣрилъ одному греку, по имени Мелетію, котораго Паисій Лигаридъ поручилъ вниманію государя.

Затѣмъ, въ ожиданіи отвѣтовъ отъ вселенскихъ патріарховъ на посланные вопросы, царь въ іюлѣ 1663 г. отправилъ въ Воскресенскій монастырь къ Никону того же Паисія Лигарида съ астраханскимъ архіепископомъ Іосифомъ; вмѣстѣ съ нимъ поѣхали къ Никону давніе недоброжелатели патріарха: бояринъ князь Никита Ивановичъ Одоевскій, окольничій Родіонъ Стрѣшневъ и думный дьякъ Алмазъ Ивановъ.

Никонъ былъ озлобленъ противъ Паисія, котораго еще не видалъ въ глаза: онъ надѣялся, что приглашенный имъ грекъ будетъ за него; теперь до Никона дошло, что Паисій не только даетъ совѣты царю ко вреду Никона, но даже толкуетъ, будто Никонъ неправильно носитъ званіе патріарха,

два раза получивши архіерейское рукоположеніе: какъ митрополитъ новгородскій и потомъ, какъ патріархъ московскій. Какъ только явился къ нему на глаза этотъ грекъ на челѣ посольства, Никонъ обругалъ его самоставникомъ, воромъ, собакой. „Привыкли вы тыкаться по государствамъ, да мутить—и у насъ того же хотите!“ сказалъ онъ, обращаясь уже, по смыслу своей рѣчи, не къ одному лицу Паисія, а вообще къ грекамъ.

— Отвѣчай мнѣ по евангельски,—сказалъ Паисій по латини,—проклиналъ ли ты царя?

— Я служу за царя молебны, — сказалъ Никонъ, когда ему перевели слова Паисія;—а ты зачѣмъ говоришь со мною на проклятомъ латинскомъ языкѣ?

— Языки не прокляты,—сказалъ Паисій,—когда огненный духъ сошелъ въ видѣ языковъ; не говорю съ тобою по эллински, потому что ты невѣжда и не знаешь этого золотого языка. Ты самъ услышишь латинскій языкъ изъ устъ папы, когда поѣдешь въ Римъ для оправданія. Вѣдь ты ищешь у него аппеляціи.

Это было, по всему видно, злотолкованіе словъ, произнесенныхъ Никономъ о древнемъ правѣ суда римскихъ первосвященниковъ.

— Ты,—продолжалъ Паисій,—выписывалъ правила о папскомъ судѣ, бывшемъ въ то время, какъ папы еще сохраняли благочестіе, а не написалъ, что послѣ нихъ судъ перешелъ ко вселенскимъ пратріархамъ.

Никонъ, обратившись къ товарищу Паисія Іосифу, сказалъ: —И ты, бѣдный, туда же! А помнишь ли свое обѣщаніе? Говорилъ, что и царя слушать не станешь! Что? видно тебѣ что нибудь дали, бѣдняку!

Вступили въ разговоръ бояре и стали допрашивать патріарха на счетъ читаннаго имъ проклятія со сто восьмымъ псалмомъ.

— Клятву я произносилъ на Романа Боборыкина, а не на государя,—сказалъ Никонъ. Онъ вышелъ и возвратился снова съ тетрадкой.—Вотъ, что́ я читалъ!—сказалъ онъ.

— Вольно тебѣ,—сказали бояре,—показать намъ и совсѣмъ иное!

Никонъ выходилъ изъ себя, стучалъ посохомъ, перебивалъ рѣчи бояръ, и въ порывѣ досады, какъ увѣряютъ, сказалъ:

„Да еслибъ я и къ лицу государя говорилъ такія слова... я и теперь за его обиды стану молить: „приложи зла, Господи, сильнымъ земли!“

Сыпались взаимные укоры. Никонъ роапталъ, что царь вступается въ святительскіе суды и въ церковные порядки,

а бояре упрекали Никона за то, что патріархъ вступался въ государственныя дѣла.

Среди жаркаго спора съ боярами, Никонъ обратился къ Паисію и сказалъ:

— Зачѣмъ противъ правила ты надѣлъ красную мантію?

— Затѣмъ, — отвѣчалъ Паисій, — что я изъ настоящаго Іерусалима, гдѣ пролита пречистая кровь Спасителя, а не изъ твоего лжеименнаго Іерусалима, который есть ни старый, ни новый, а третій—антихристовъ!

Никонъ опять вступилъ въ споръ съ боярами:

— Какой это тамъ у васъ соборъ затѣвается?—сказалъ онъ.

— Соборъ собирается по царскому велѣнію для твоего неистовства, а тебѣ до него нѣтъ дѣла. Ты уже болѣе не патріархъ!—сказали бояре.

— Я вамъ не патріархъ,—сказалъ Никонъ, — но патріаршескаго сана не оставлялъ.

Споръ становился горячѣе. Никонъ закричалъ:

— Вы на меня пришли какъ жиды на Христа!

Отъ него потребовали его подначальныхъ, для допроса по дѣлу о проклятіи со сто восьмымъ псалмомъ.

— Я не пошлю никого изъ своихъ людей,—сказалъ Никонъ.—Берите сами, кого вамъ надобно.

Около монастыря наставили стражу, чтобъ никто не убѣжалъ.

Начались допросы. Всѣ, бывшіе въ церкви во время обряда, совершеннаго Никономъ надъ царскою грамотою, не показали ничего, обличающаго, чтобы Никонъ относилъ свое проклятіе къ особѣ царя [1]); всѣ, кромѣ того, показывали, что въ этотъ день читалось на ектеніяхъ царское имя.

Бояре еще принялись спорить съ Никономъ. Разгоряченный патріархъ грозилъ, что онъ „оточтетъ“ царя отъ христіанства, а бояре сказали: „Поразитъ тебя Богъ за такія дерзкія рѣчи противъ государя; если бы ты былъ не такого чина,—мы бы тебя за такія рѣчи живого не отпустили“.

Послѣ такихъ бесѣдъ, которыхъ содержаніе сообщено было царю, быть можетъ и съ прибавленіями, примиреніе сдѣлалось невозможнѣе.

— Видѣлъ Никона? — спросилъ царь Алексѣй Михайловичъ Паисія.

[1]) Замѣчательно, что для Никона ничего не значило изречь церковное проклятіе по собственнымъ дѣламъ. У одного купца, Щепоткина, взялъ онъ въ долгъ 500 пуд. мѣди на отливку колокола. Щепоткинъ въ уплату этого долга роздалъ товары, которые патріархъ поручилъ ему продать. Никонъ нашелъ счетъ Щепоткина неправильнымъ и, вмѣсто судебнаго иска, поразилъ его проклятіемъ.

— Лучше было бы мнѣ не видать такого чудища, — сказалъ грекъ, — лучше оглохнуть, чѣмъ слушать его циклопскіе крики! Если бы кто его увидѣлъ, то почелъ бы за бѣшенаго волка!

На слѣдующій 1664 годъ получены отвѣты четырехъ патріарховъ, привезенные Мелетіемъ. Отвѣты эти были какъ нельзя болѣе противъ Никона, хотя въ нихъ, сообразно вопросамъ, не упоминалось его имя. Главная суть состояла въ томъ, что, по мнѣнію вселенскихъ патріарховъ, московскій патріархъ и все духовенство обязаны повиноваться царю, не должны вмѣшиваться въ мірскія дѣла; архіерей, хотя бы носящій и патріаршій титулъ, если оставитъ свой престолъ, то можетъ быть судимъ епископами, но имѣетъ право подать аппеляцію константинопольскому патріарху, какъ самой верховной духовной власти, а лишившись архіерейства, хотя бы добровольно, лишается тѣмъ самымъ вообще священства. Здѣсь именно оправдывалось то, что хотѣлъ поставить соборъ въ 1660 году и что́ было задержано возраженіями Славинецкаго. Но тутъ возникли сомнѣнія. Греки, наплывшіе тогда въ Москву и допускаемые царемъ вмѣшиваться въ церковную смуту, возникшую въ русскомъ государствѣ, ссорились между собою и доносили другъ на друга. Явился какой-то иконійскій митрополитъ Аѳанасій, называлъ себя (неправильно, какъ послѣ объяснилось) экзархомъ и вмѣстѣ родственникомъ константинопольскаго патріарха; онъ заступался за Никона; явился другой грекъ Стефанъ, также какъ будто отъ константинопольскаго патріарха съ грамотой, гдѣ патріархъ назначалъ своимъ экзархомъ Лигарида Паисія. Этотъ Стефанъ былъ противъ Никона. Аѳанасій иконійскій увѣрялъ, что патріаршія подписи на отвѣтахъ, привезенныхъ Мелетіемъ, подложныя. Царь, бояре, духовныя власти сбились съ толку и отправили въ Константинополь монаха Савву за справками о наѣхавшихъ въ Москву грекахъ и съ просьбою къ константинопольскому патріарху прибыть въ Москву и рѣшить дѣло Никона своею властію. Патріархъ Діонисій отказался ѣхать въ Москву, совѣтовалъ царю или простить Никона или поставить, вмѣсто него, иного патріарха, а о грекахъ, озадачившихъ царя и его синклитъ своими противорѣчіями, далъ самый невыгодный отзывъ. Ни Аѳанасію иконійскому (котораго вовсе не признавалъ за своего родственника), ни Стефану, онъ не давалъ никакихъ полномочій; о Паисіѣ Лигаридѣ сказалъ, что, по многимъ слухамъ, онъ — папежникъ и лукавый человѣкъ; наконецъ, о самомъ Мелетіи, котораго царь посылалъ къ патріархамъ съ вопросами, отозвался неодобрительно. Такимъ обра-

зомъ, хотя отвѣты, привезенные Мелетіемъ отъ четырехъ патріарховъ, не оказались фальшивыми, однако, важно было то, что самъ константинопольскій патріархъ, котораго судъ цѣнился выше всего въ этихъ отвѣтахъ, изъявлялъ мнѣніе, что Никона можно простить, слѣдовательно, не признавалъ его виновнымъ до такой степени, чтобы низверженіе его было неизбѣжно. Еще сильнѣе заявилъ себя въ этомъ смыслѣ іерусалимскій патріархъ Нектарій. Хотя онъ и подписался на отвѣтахъ, которые могли служить руководствомъ для осужденія Никона, но, вслѣдъ затѣмъ, прислалъ къ царю грамоту, и въ ней убѣдительно и положительно совѣтовалъ царю, для избѣжанія соблазна, помириться съ Никономъ, оказать ему должное повиновеніе, какъ къ строителю благодати, и какъ предписываютъ божественные законы. Патріархъ изъявлялъ, кромѣ того, полное недовѣріе къ тѣмъ обвиненіямъ противъ московскаго патріарха, какія слышалъ отъ присланнаго къ нему изъ Москвы Мелетія. Отзывы константинопольскаго и іерусалимскаго патріарховъ задержали дѣло.

Собирать соборъ и осудить Никона послѣ этого казалось уже зазорно, тѣмъ болѣе, когда отвѣты патріарховъ не относились положительно къ лицу Никона; осужденный, сообразно тѣмъ же отвѣтамъ, могъ подать аппеляцію къ константинопольскому патріарху и даже ко всѣмъ четыремъ патріархамъ. Дѣло затянулось бы еще далѣе; русская церковь на долгое время предана была бы раздору и смутамъ, такъ какъ, судя по отзывамъ двухъ патріарховъ, могло быть между этими вселенскими судьями разнорѣчіе и даже можно было опасаться, что дѣло повернулось бы въ пользу Никона.

Однако, патріаршіе отзывы не поколебали вполнѣ довѣрія царя къ врагамъ Никона, Паисію и Мелетію. Послѣ разсужденій и толковъ, царь, бояре и власти рѣшили отправить того же Мелетія къ троимъ патріархамъ (кромѣ константинопольскаго) и просить ихъ прибыть въ Москву на соборъ для рѣшенія дѣла московскаго патріарха, а въ случаѣ, если нельзя будетъ пріѣхать имъ всѣмъ, то настаивать, чтобы, по крайней мѣрѣ, пріѣхали двое.

Никонъ, узнавши, что враги его собираютъ надъ нимъ грозу суда вселенскихъ патріарховъ, попытался снова сблизиться съ царемъ и написалъ къ нему въ такомъ смыслѣ: „мы не отметаемся собора и хвалимъ твое желаніе предать все разсужденію патріарховъ по божественнымъ заповѣдямъ евангельскимъ, апостольскимъ и правиламъ святыхъ отецъ. Но вспомни, твое благородіе: когда ты былъ съ нами въ доб-

ромъ совѣтѣ и любви, мы, однажды, ради людской ненависти, писали къ тебѣ, что нельзя намъ предстательствовать во святой великой церкви; а какой былъ твой отвѣтъ и написаніе? Это письмо спрятано въ тайномъ мѣстѣ въ одной церкви, и этого никто, кромѣ насъ, не знаетъ. Смотри, благочестивый царь, не было бы тебѣ суда передъ Богомъ и созываемымъ тобою вселенскимъ соборомъ! Епископы обвиняютъ насъ однимъ правиломъ перваго и втораго собора, которое не о насъ написано, а какъ о нихъ предложится множество правилъ, отъ которыхъ никому нельзя будетъ избыть, тогда, думаю, ни одинъ архіерей, ни одинъ пресвитеръ не останется достойнымъ своего сана; пастыри усмотрятъ свои дѣянія, смущающія твое преблаженство... крутицкій митрополитъ съ Иваномъ Нероновымъ и прочими совѣтниками!... Ты посылалъ къ патріархамъ Мелетія, а онъ, злой человѣкъ, на всѣ руки подписывается и печати поддѣлываетъ... Есть у тебя, великаго государя, и своихъ много, кромѣ такого воришки".

Это ли письмо, для насъ не вполнѣ понятное, или обычное благодушіе тишайшаго государя побудило его въ кругу бояръ выразиться такъ, что изъ словъ его можно было вывести, что онъ и теперь не прочь помириться съ Никономъ. Этимъ воспользовался другъ и почитатель Никона Зюзинъ и написалъ къ Никону, будто царь желаетъ, чтобы патріархъ неожиданно явился въ Москву, не показывая, однако, вида, что царь его звалъ; а чтобъ ему не было на пути задержки, онъ у воротъ городскихъ долженъ былъ скрыть себя и сказать, будто ѣдетъ архимандритъ саввинскаго монастыря. Никонъ довѣрился Зюзину, который завѣрялъ патріарха, что царь милостиво его приметъ. Никона къ тому же успокоивало сновидѣніе: ему приснилось, что въ Успенскомъ соборѣ встаютъ изъ гробовъ святители, и митрополитъ Іона собираетъ ихъ подписи для призванія Никона на патріаршій престолъ.

Согласно подробнымъ наставленіямъ Зюзина, 19-го декабря 1664 года, Никонъ со свитою, состоявшею изъ монаховъ Воскресенскаго монастыря, ночью пріѣхалъ въ Кремль и неожиданно вошелъ въ Успенскій соборъ въ то время, когда тамъ служилась заутреня и читались каѳизмы. Блюстителемъ патріаршаго престола былъ тогда уже не Питиримъ, переведенный въ Новгородъ митрополитомъ, а ростовскій митрополитъ Іона: онъ находился въ церкви. Никонъ приказалъ остановить чтеніе каѳизмъ, приказалъ дьякону прочитать ектенію, взялъ посохъ Петра митрополита, прикладывался къ мощамъ, потомъ сталъ на своемъ патріаршемъ мѣстѣ.

Духовные растерялись, не знали, что̀ имъ начать. Народъ оторопѣлъ. Патріархъ подозвалъ къ себѣ Іону, благословилъ его, потомъ подходили къ нему прочіе, бывшіе въ храмѣ, духовные. Они недоумѣвали, что̀ это значитъ, и не смѣли ослушаться патріарха, думая, что, быть можетъ, онъ явился съ царскаго согласія. За ними народъ сталъ толпиться и принимать благословеніе архипастыря. Наконецъ, Никонъ приказалъ ростовскому митрополиту идти къ государю и доложить ему о прибытіи патріарха. Іона съ трепетомъ, опасаясь себѣ чего нибудь недобраго, отправился. Царь, слушавшій заутреню въ своей домовой церкви, немедленно послалъ звать властей и бояръ.

Духовные сановники и бояре собрались къ царю въ большомъ волненіи. Явился Паисій Лигаридъ и болѣе всѣхъ началъ вопить противъ Никона: „Какъ смѣлъ онъ, яко разбойникъ и хищникъ, наскочить на верховный патріаршій престолъ, когда онъ долженъ ожидать суда вселенскихъ патріарховъ?“ Такъ говорилъ грекъ; русскіе духовные потакали ему. Бояре, давніе враги Никона, представляли поступокъ патріарха преступнымъ. Зюзина между ними не было. Зюзинъ, сидя дома, ожидалъ развязки смѣлой козни, устроенной имъ въ надеждѣ на кроткій нравъ царя, на пробужденіе въ царскомъ сердцѣ прежней любви къ патріарху.

Совѣщаніе царя происходило съ лицами, которыя имѣли причины всѣми силами препятствовать, ради собственной цѣлости, примиренію съ царемъ человѣка, которому они успѣли насолить. Его примиреніе съ царемъ было бы ударомъ для нихъ. Неудивительно, что царь, уже безъ того сильно огорченный Никономъ, поддался ихъ вліянію. Въ Успенскій соборъ посланы были тѣ же лица, которыя бранились съ нимъ въ Воскресенскомъ монастырѣ (Одоевскій, Стрѣшневъ и Алмазъ Ивановъ), и сказали ему:

— Ты самовольно покинулъ патріаршій престолъ и обѣщался впередъ не быть патріархомъ; уже объ этомъ написано ко вселенскимъ патріархамъ: зачѣмъ же ты опять пріѣхалъ въ Москву и вошелъ въ соборную церковь безъ воли государя, безъ совѣта освященнаго собора? Ступай въ свой монастырь!

— Я сошелъ съ патріаршества никѣмъ не гонимый,—сказалъ Никонъ;—и пришелъ никѣмъ не званный, чтобъ государь кровь утолилъ и миръ учинилъ. Я отъ суда вселенскихъ патріарховъ не бѣгаю. Сюда пришелъ я по явленію.

Онъ отдалъ имъ письмо къ государю.

Въ письмѣ описано было явленіе святителей, бывшее Никону въ сновидѣніи. Но если въ тѣ времена охотно вѣрили

всякимъ видѣніямъ и откровеніямъ, когда онѣ были полезны, то умѣли давать имъ дурной смыслъ, когда онѣ вели ко вреду. Первый Лигаридъ сказалъ предъ государемъ: „ангелъ сатаны преобразился въ святого ангела! Пусть скорѣе удалится этотъ лжевидецъ, чтобъ не произошло смуты въ народѣ или даже кровопролитія!“.

Всѣ были согласны съ грекомъ.

Въ Успенскій соборъ отправилось трое архіереевъ и въ числѣ ихъ Паисій.

—Уѣзжай изъ соборной церкви туда, откуда пріѣхалъ!— сказали патріарху.

Таковъ былъ послѣдній отвѣтъ Никону. Ему ничего не оставалось. Онъ видѣлъ ясно, что его подвели, обманули. Онъ приложился къ образамъ и вышелъ изъ церкви.

— Оставь посохъ Петра митрополита!—сказали ему бояре.

— Развѣ силою отнимите,—сказалъ Никонъ.

Онъ садился уже въ сани; подлѣ саней стоялъ стрѣлецкій полковникъ, которому приказано было провожать его.

Никонъ отрясъ прахъ отъ ногъ и произнесъ извѣстный евангельскій текстъ по этому случаю.

— Мы этотъ прахъ подметемъ!—сказалъ стрѣлецкій полковникъ.

— Размететъ васъ вонъ та метла, что на небѣ—хвостатая звѣзда!—сказалъ Никонъ, указывая на видимую тогда комету.

Вслѣдъ за Никономъ послали требовать отъ него посоха. Онъ уже не упрямился и отдалъ посохъ. Отъ него требовали отдать письмо, по которому онъ пріѣзжалъ въ Москву. Никонъ отослалъ и это письмо государю.

Тогда Зюзинъ былъ подвергнутъ допросу и пыткѣ. Онъ указывалъ на соумышленіе съ Нащокинымъ и Артамономъ Матвѣевымъ. Оба заперлись. По всему видно, однако, что Нащокинъ дѣйствительно своими разсказами о томъ, что царь не гнѣвается на патріарха, побудилъ Зюзина на смѣлое дѣло. Зюзина приговорили бояре къ смертной казни, но царь замѣнилъ казнь ссылкою въ Казань. Досталось немного и митрополиту Іонѣ. Царь поставилъ ему въ вину, что онъ бралъ благословеніе отъ Никона; впрочемъ, ему не сдѣлали большого зла; его только отрѣшили отъ должности блюстителя партіаршаго престола.

Никонъ былъ жестоко посрамленъ. До сихъ поръ онъ стоялъ твердо на своемъ; онъ говорилъ, что не хочетъ править патріаршимъ престоломъ, будучи, однако, всегда въ душѣ согласнымъ возвратиться на этотъ престолъ, если его станутъ сильно просить и пообѣщаютъ, что все будетъ по его жела-

нію,—однимъ словомъ, если обойдутся съ нимъ такъ, какъ обошлись въ 1652 г. при его посвященіи на патріаршее достоинство. Теперь, послѣ стольких заявленій своего нежеланія, онъ самъ явился на свое патріаршее мѣсто въ Москву — и былъ изгнанъ съ этого мѣста! Понятно, какъ должна была озлобить его неловкая услуга Зюзина. Никонъ еще разъ попытался, если уже не быть на патріаршествѣ, то, по крайней мѣрѣ, покончить дѣло безъ вселенскихъ патріарховъ, сколько нибудь сносно для своего будущаго существованія. Никонъ благословлялъ избрать другого патріарха, отрекался отъ всякаго вмѣшательства въ дѣла, просилъ только оставить за нимъ патріаршій титулъ, монастыри, имъ настроеные, со всѣми ихъ вотчинами, съ тѣмъ, чтобы новый патріархъ не касался ихъ и, равнымъ образомъ, съ тѣмъ, чтобы эти монастыри не подлежали мірскимъ судамъ. Никонъ затѣмъ прощалъ и разрѣшалъ всѣхъ, кого прежде проклиналъ. Предложеніе его было предметомъ предварительнаго разсужденія, съ цѣлью обсудить его на предстоявшемъ соборѣ, но потомъ—оставлено безъ вниманія.

Никонъ, видя, что не удается ему покончить дѣла безъ восточныхъ патріарховъ, послалъ одного родственника своего, жившаго въ Воскресенскомъ монастырѣ, пробраться въ Турцію и доставить письмо къ константинопольскому патріарху. Въ этомъ письмѣ Никонъ изложилъ всю свою распрю съ царемъ и боярами, порицалъ Уложеніе (какъ мы привели выше), охуждалъ поступки царя, замѣчалъ, что царь Алексѣй весь родъ христіанскій отягчилъ данями сугубо и трегубо, и болѣе всего жаловался на Паисія Лигарида; указывалъ, что онъ вѣруетъ по-римски, принялъ отъ папы рукоположеніе, въ Польшѣ служилъ въ костелѣ римско-католическую обѣдню; а между тѣмъ, царь его приблизилъ къ себѣ, слушается его и сдѣлалъ предсѣдателемъ на соборѣ; на этомъ соборѣ перевели крутицкаго митрополита въ Новгородъ, противно закону, запрещающему переводить архіереевъ съ одного мѣста на другое.

Не дошло это письмо къ Діонисію. За Никономъ и всѣми его поступками зорко слѣдили его противники. Посланный былъ схваченъ; письмо Никона доставлено царю и окончательно вооружило противъ него Алексѣя Михайловича.

Чувствовалась и сознавалась потребность скорѣйшаго прекращенія смутъ въ церкви. Удаленіе патріарха и долгое отсутствіе верховной церковной власти развязали противниковъ преобразованія, начатаго Никономъ. У нихъ нежданно явилось общее съ сильными земли, съ самимъ царемъ, со всѣмъ, что тогда было не въ ладахъ съ патріархомъ, главнымъ виновни-

комъ ненавистныхъ измѣненій церковной буквы и обряда. Расколоучители подняли головы; сильно раздавался ихъ голосъ. Аввакумъ былъ возвращенъ изъ Сибири, жилъ въ Москвѣ, былъ вхожъ въ знатные дома, и если вѣрить ему, самъ царь видѣлъ его и обращался съ нимъ ласково. Этотъ человѣкъ, вкрадчивый, умѣвшій озадачивать слушателей беззастѣнчивой ложью о своихъ чудесахъ и страданіяхъ, пріобрѣталъ сторонниковъ; онъ совратилъ двухъ знатныхъ госпожъ, урожденныхъ сестеръ Соковниныхъ: княгиню Урусову и боярыню Морозову, которыя, какъ женщины вліятельныя и богатыя, способствовали распространенію раскола. Слишкомъ горячая проповѣдь не дала Аввакуму долго проживать въ Москвѣ: онъ былъ сосланъ въ Мезень. Но видно, онъ имѣлъ сильныхъ покровителей; его скоро воротили, а потомъ опять принуждены были сослать въ Пафнутьевскій монастырь. Никита Пустосвятъ и Лазарь муромскій написали сочиненія противъ новшествъ, какъ называли тогда церковное преобразованіе противники; они подавали къ царю свои сочиненія въ видѣ челобитныхъ и распространяли ихъ списки въ народѣ. Тогда же архимандритъ Покровскаго монастыря Спиридонъ написалъ сочиненіе: „О правой вѣрѣ“, а дьяконъ Ѳедоръ—другое, въ которомъ обвинялъ всю восточную церковь въ отступленіи отъ православія. Кромѣ Москвы, въ разныхъ предѣлахъ государства появились рьяные расколоучители. Въ костромскомъ уѣздѣ успѣшнымъ распространителемъ раскола былъ старецъ Капитонъ, крестьянинъ дворцоваго села Даниловскаго; за свое строгое постничество онъ пріобрѣлъ въ народѣ славу святого и увлекалъ толпы своею проповѣдью; его вліяніе было такъ велико, что нѣкоторое время всѣхъ раскольниковъ вообще называли капитонами. Во владимирскомъ уѣздѣ проповѣдывалъ расколъ бывшій наборщикъ печатнаго двора Иванъ; въ нижегородскомъ, ветлужскомъ, балахонскомъ уѣздахъ проповѣдывали Ефремъ Потемкинъ и іеромонахъ Аврамій; въ Смоленскѣ—протопопъ Серапіонъ; на сѣверѣ скитались и проповѣдывали расколъ монахъ Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря Іоасафъ и Кожеозерскаго Боголѣпъ; въ Соловецкомъ — Герасимъ Фирсовъ, Епифаній и другіе; монахи Досиѳей и Корнилій странствовали по Дону и возмущали монаховъ и народъ противъ церковнаго нововведенія, а монахъ Іоасафъ Истоминъ волновалъ народъ въ Сибири. Въ разныхъ мѣстахъ появились святоши, отшельники, странники, постники, блаженные, которые возвѣщали народу, что приходятъ послѣднія времена, наступаетъ царство Антихриста, искажается древняя праведная вѣра, стращали,

что кто приметъ трехперстное сложеніе, трегубое аллилуія, произношеніе и начертаніе имени Христа Іисусъ, вмѣсто Исусъ, четвероконечный крестъ и другія отмѣны въ богослужебныхъ обрядахъ и богослужебныхъ книгахъ, того ожидаетъ вѣчная погибель, а кто не покорится и претерпитъ до конца—тотъ спасется.

Невозможнымъ болѣе казалось ждать; надобно было принимать мѣры; съ этою цѣлью положили открыть соборъ: необходимо было разсѣять нелѣпые толки о томъ, что въ 1666 году будетъ что-то страшное, роковое. Наконецъ, въ ожиданіи прибытія вселенскихъ патріарховъ, хотѣли показать предъ этими патріархами, что русская церковь дѣятельно борется со лжеученіями и осуждаетъ ихъ.

Соборъ этотъ, подъ предсѣдательствомъ новгородскаго митрополита Питирима, открылся въ началѣ 1666 года и продолжался около полугода. Засѣданія его происходили въ патріаршей крестовой палатѣ. Члены собора разсматривали тѣ и другія раскольничьи сочиненія, призывали авторовъ и другихъ распространителей мнѣній, противныхъ церкви; обличали ихъ, а въ заключеніе предлагали имъ или отречься отъ своихъ заблужденій, или подвергнуться наказанію. Большинство ихъ принесло покаяніе, хотя вообще неискренно [1]). Никита Пустосвятъ отрекся отъ своего ученія, получилъ прощеніе, но съ тайнымъ намѣреніемъ опять дѣйствовать въ пользу раскола, и былъ отправленъ въ монастырь Николая на Угрѣшѣ. Всѣ другіе покаявшіеся были разосланы по монастырямъ. Аввакумъ былъ непоколебимъ и не только не покорился никакимъ убѣжденіямъ, но еще называлъ неправославнымъ весь соборъ. Поэтому, 13 мая 1666 года, въ Успенскомъ соборѣ онъ былъ лишенъ сана, преданъ проклятію, отданъ мірскому суду и отправленъ въ Пустозерскій острогъ. Лазарь былъ еще задорнѣе; ему дали нѣсколько мѣсяцевъ на размышленіе, но никакія убѣжденія на него не дѣйствовали. Впослѣдствіи, его предали анаѳемѣ, но онъ и послѣ того такъ нестерпимо ругался, что, наконецъ, ему отрѣзали языкъ и отправили въ Пустозерскъ. Дьяконъ Ѳедоръ сначала притворился, будто кается и отрекается отъ своихъ заблужденій, и былъ посланъ въ Угрѣшскій монастырь, а потомъ ушелъ оттуда, хотѣлъ увезти свою жену и дѣтей и бѣжать, но былъ схваченъ и началъ открыто хулить соборъ и никоновскія новшества. За это онъ отданъ

[1]) Ефремъ Потемкинъ, инокъ Григорій, бывшій протопопъ Мироновъ, игуменъ Златоустовскаго монастыря Ѳеоктистъ, Герасимъ Фирсовъ, іеромонахъ Сергій, Серапіонъ Смоленскій, Антоній муромскій, іеромонахъ Аврамій, игуменъ Сергій.

былъ мірскому суду, лишенъ языка и отправленъ вмѣстѣ съ Лазаремъ въ заточеніе. Въ заключеніе соборъ подтвердилъ всѣ прежнія постановленія собора, бывшаго по поводу исправленія книгъ.

Этотъ соборъ 1666 г. былъ все еще какъ бы предуготовительнымъ. Его постановленія о расколѣ предполагалось предать суду и обсужденію вселенскихъ патріарховъ.

Изъ четырехъ вселенскихъ патріарховъ только двое: антіохійскій Макарій, еще прежде бывавшій въ Москвѣ, александрійскій Паисій, отправились въ Москву, по приглашенію царя; остальные два дали имъ свое полномочіе. Путь ѣхавшихъ въ Россію лежалъ черезъ Малую Азію, Персію и Грузію до Астрахани; отъ Астрахани до Москвы они ѣхали съ большою торжественностью. Царь приказалъ доставлять имъ всевозможныя удобства и даже устроивать мосты для проѣзда. По близости къ столицѣ, къ нимъ, по обычаю, высылали нѣсколько почетныхъ встрѣчъ, одна за другою. У городскихъ воротъ встрѣчала ихъ часть духовенства, и они шли до Успенскаго Собора крестнымъ ходомъ, при звонѣ колоколовъ среди огромнаго стеченія народа. Это было 2 ноября 1666 года.

Послѣ первыхъ церемоній и угощеній, патріархи предварительно занялись изслѣдованіемъ дѣла, которое имъ предстояло рѣшить. Царь назначилъ для этого занятія съ ними двухъ архіереевъ, Павла крутицкаго и Иларіона рязанскаго, а къ нимъ присоединилъ одноязычнаго съ патріархами Паисія Лигарида. „Имѣйте его отнынѣ при себѣ,— сказалъ царь.— Онъ знакомъ съ дѣломъ; отъ него все подробно узнаете“. Собственно Лигаридъ былъ докладчикомъ по дѣлу Никона передъ вселенскими патріархами. Онъ составилъ обвинительную записку противъ московскаго патріарха, которая заранѣе настроила судей противъ обвиняемаго. Достойно замѣчанія, что Паисій въ своей запискѣ старался вооружить патріарховъ тѣмъ, какъ будто Никонъ посягалъ на право и власть вселенскихъ патріарховъ, и доказывалъ это съ разными натяжками, указывая, главнымъ образомъ, на то, что Никонъ изъ высокомѣрія вымышлялъ себѣ разные титулы.

Наконецъ, 29 ноября, отправлены были псковскій архіепископъ Арсеній, ярославскій архимандритъ Сергій и суздальскій Павелъ звать Никона на соборъ.

Никонъ сказалъ имъ:

„Откуда святѣйшіе патріархи и соборъ взяли такое безчиніе, что присылаютъ за мною архимандритовъ и игуменовъ когда по правиламъ слѣдуетъ послать двухъ или трехъ архіереевъ?

Ярославскій архимандритъ на это сказалъ:

„Мы къ тебѣ не по правиламъ пришли, а по государеву указу. Отвѣчай намъ: идешь или не идешь?“

„Я съ вами говорить не хочу,—сказалъ Никонъ,—а буду говорить съ архіереями. Александрійскій и антіохійскій патріархи сами не имѣютъ древнихъ престоловъ и скитаются, я же поставленіе святительское имѣю отъ константинопольскаго“. Затѣмъ, обратившись къ Арсенію, онъ продолжалъ: „если эти патріархи прибыли по согласію съ константинопольскимъ и іерусалимскимъ, то я поѣду“.

На другой день, 30 ноября, Никонъ отслужилъ заутреню съ елеосвященіемъ, потомъ—литургію, въ архіерейскомъ облаченіи, поучалъ братію о терпѣніи, а къ вечеру выѣхалъ въ саняхъ. Посланные за нимъ успѣли, однако, дать знать въ Москву, что Никонъ принялъ ихъ нечестно, не идетъ и не сказалъ когда поѣдетъ.

Тогда въ столовой избѣ, въ присутствіи государя и бояръ, собравшіеся вселенскіе патріархи и русскія духовныя лица послали другой вызовъ Никону, съ упрекомъ за непослушаніе, съ приказаніемъ прибыть въ Москву 2 декабря, во второмъ или въ третьемъ часу ночи, не болѣе какъ съ десятью человѣками, и остановиться въ кремлѣ на Архангельскомъ подворьѣ. Никонъ былъ уже въ дорогѣ, когда его встрѣтило это второе посольство. Никонъ остановился въ селѣ Черновѣ, такъ какъ ему было велѣно ждать до ночи 2 декабря, а 1 декабря къ нему послали третье приглащеніе: оно было не нужно, такъ какъ Никонъ ѣхалъ туда, куда его звали, но, видно, враги хотѣли усугубить его вину и дать дѣлу такой ходъ, какъ будто бы Никонъ не слушался соборнаго призыва [1]).

„Некому на васъ жаловаться, — сказалъ Никонъ,—развѣ только единому Богу! Какъ же я не ѣду? И для чего велите выѣзжать ночью съ немногими людьми? Хотите вѣрно удавить, какъ митрополита Филиппа удавили!“

Никонъ пріѣхалъ около полуночи и только-что въѣхалъ въ Никольскія ворота кремля, какъ за нимъ заперли ворота; стрѣлецкій полковникъ произнесъ: „Великаго государя дѣло“. За Никономъ ѣхалъ его клирикъ Шушера съ патріаршимъ крестомъ. У него хотѣли отнять крестъ, но Шушера передалъ его патріарху. Шушеру повели къ царю, который его допрашивалъ о чемъ-то втайнѣ, и приказалъ отдать подъ стражу.

Домъ, гдѣ помѣстили Никона, находился у самыхъ Никольскихъ воротъ, въ углу кремля. Его окружили стражею;

[1]) По древнимъ правиламъ, если призываемый на соборъ ослушивается, его приглашали три раза и послѣ третьяго приглашенія обвиняли.

самыя Никольскія ворота не отпирались; разобрали даже мостъ у этихъ воротъ.

Въ 9 часовъ утра весь соборъ собрался въ столовой избѣ, и за Никономъ отправили мстиславскаго епископа, блюстителя кіевской митрополіи, Меѳодія, прославившагося своими кознями въ Малороссіи.

Меѳодій объявилъ Никону, чтобы онъ шелъ смирно, безъ креста, который обыкновенно носили передъ патріархомъ. Никонъ уперся и ни за что не хотѣлъ идти безъ креста. Ему, наконецъ, дозволили идти съ крестомъ.

Никонъ вошелъ въ столовую избу торжественно, какъ патріархъ, прочиталъ молитву, поклонился царю, патріархамъ и всѣмъ присутствующимъ.

Всѣ встали, и царь долженъ былъ встать, потому что передъ Никономъ несли крестъ. Царь указалъ ему мѣсто между архіереями.

— Благочестивый царь,—сказалъ Никонъ,—я не принесъ съ собою мѣста; буду говорить, стоя!

Онъ стоялъ, опершись на свой посохъ. Передъ нимъ держали крестъ.

Никонъ сказалъ: „Зачѣмъ я призванъ на это собраніе?"

Тогда царь, которому приходилось говорить, самъ всталъ съ своего мѣста. Дѣло получило такой видъ, какъ будто соборъ долженъ произнести приговоръ между двумя тяжущимися. Царь излагалъ все прежнее дѣло: жаловался, что Никонъ оставилъ церковь на девятилѣтнее вдовство, возстали раскольники и мятежники, начали терзать церковь; царь предложилъ сдѣлать по этому поводу допросъ Никону. Рѣчь царя была переведена по-гречески, и патріархи черезъ толмача спросили Никона:

— Зачѣмъ ты оставилъ патріаршій престолъ?

— Я ушелъ отъ государева гнѣва,—сказалъ Никонъ,—и прежніе св. отцы, Аѳанасій александрійскій и Григорій Богословъ бѣгали отъ царскаго гнѣва. — Никонъ разсказалъ дѣло объ обидѣ, нанесенной окольничимъ Хитрово патріаршему боярину.

Царь сказалъ:

„У меня обѣдалъ тогда грузинскій царь; въ ту пору мнѣ некогда было разыскивать и давать оборону. Онъ говоритъ, будто присылалъ своего человѣка для строенія церковныхъ вещей, а въ ту пору нечего было строить на Красномъ крыльцѣ. Хитрово зашибъ его человѣка за невѣжество, потому что пришелъ не во́ время и учинилъ смуту. Это Никона не касается".

Патріархи замѣтили Никону, что ему можно было бы и

потерпѣть.—Я царскій чинъ исполнялъ,—сказалъ при этомъ Хитрово,—а его человѣкъ пришелъ и учинилъ мятежъ. Я его зашибъ незнаючи. Я у Никона просилъ прощенія, и онъ меня простилъ.

— Ты отрекался отъ патріаршества и говорилъ, что будешь анаѳема, если станешь снова патріархомъ?

— Я никогда не говорилъ этого,—отвѣчалъ Никонъ.

Тогда царь сказалъ:—Онъ написалъ на меня многія безчестія и укоризны. — Царь велѣлъ прочесть перехваченное письмо Никона къ константинопольскому патріарху Діонисію. Оно послужило нитью для цѣлаго допроса.

Когда въ письмѣ дочитались до словъ: „Насъ посылали въ Соловецкій монастырь за мощами св. Филиппа, котораго царь Иванъ замучилъ неправедно за правду“, Алексѣй Михайловичъ сказалъ:

— Для чего Никонъ такое безчестіе и укоризну царю Ивану написалъ, а о себѣ утаилъ, какъ онъ низвергъ безъ собора коломенскаго епископа Павла и сослалъ въ Хутынь, гдѣ тотъ безвѣстно пропалъ.

Никонъ отвѣчалъ: — Не помню и не знаю, гдѣ онъ; о немъ есть на патріаршемъ дворѣ дѣло.

Письмо къ Діонисію перебирали пунктъ за пунктомъ, спрашивали Никона о разныхъ мелочахъ и подробностяхъ. Онъ отвѣчалъ коротко и большею частью отрицательно. Дочитали до того мѣста, гдѣ Никонъ говорилъ, что царь приказалъ посадить въ Симоновъ монастырь иконійскаго митрополита Аѳанасія. Царь прервалъ чтеніе и спросилъ Никона:— Знаешь ты въ лицо этого Аѳанасія?

— Не знаю, — сказалъ Никонъ.

Царь позвалъ къ себѣ одного изъ среды архіереевъ и, указывая на него, сказалъ.

— Вотъ Аѳанасій!

Наконецъ, дочитали до самаго важнаго, до тѣхъ обвиненій, которыя щедро расточалъ въ своемъ письмѣ Никонъ на Лигарида. Никонъ прямо обвинялъ Паисія въ латинствѣ передъ Діонисіемъ, находилъ незаконнымъ соборъ, на которомъ Паисій былъ предсѣдателемъ, и писалъ такъ: „Съ этого беззаконнаго собора прекратилось соединеніе святой восточной церкви, и мы отъ благословенія вашего отлучились, а начатокъ волями своими приняли отъ римскихъ костеловъ“. За это мѣсто особенно уцѣпились, потому что оно подавало поводъ обвинить Никона въ самой тяжелой винѣ: въ хулѣ на православную церковь.

Царь сказалъ:

— Никонъ отчелъ насъ отъ благочестивой вѣры и благословенія св. патріарховъ, причелъ къ католической вѣрѣ и назвалъ насъ всѣхъ еретиками. Если бы Никоново письмо дошло до вселенскихъ патріарховъ, то всѣмъ православнымъ христіанамъ быть бы подъ клятвою; за такое ложное и затѣйное письмо намъ нужно всѣмъ стать и умирать, а отъ этого очиститься.

— Чѣмъ Россія отступила отъ соборной церкви?—спросили Никона патріархи.

— Тѣмъ,—сказалъ смѣло Никонъ,—что Паисій перевелъ Питирима изъ одной митрополіи въ другую, и на его мѣсто посадилъ иного митрополита; да и другихъ архіереевъ переводили съ мѣста на мѣсто. Ему того дѣлать не довелось, потому что онъ отъ іерусалимскаго патріарха отлученъ и проклятъ. Да еслибы онъ и не былъ еретикъ, то все-таки ему не для чего долго быть на Москвѣ. Я его митрополитомъ не почитаю. У него нѣтъ ставленной грамоты. Этакъ всякій мужикъ надѣнетъ на себя мантію, такъ онъ и митрополитъ! Я писалъ о немъ, а не о всѣхъ православныхъ христіанахъ!

Это и обратили враги Никона особенно ему во вредъ. И духовные, и свѣтскіе всѣ закричали:

— Онъ назвалъ еретиками всѣхъ насъ! надобно объ этомъ указъ учинить по правиламъ! — Сарскій митрополитъ Павелъ, рязанскій Иларіонъ и Меѳодій задорнѣе другихъ горячились тогда противъ Никона.

— Еслибъ ты Бога боялся,—сказалъ Никонъ царю,—то не дѣлалъ бы такъ надо мною.

Продолжали читать письмо, по прежнему останавливаясь на мелочахъ. По окончаніи чтенія, Никонъ сказалъ царю:

— Богъ тебя судитъ; я узналъ на своемъ избраніи, что ты будешь ко мнѣ добръ шесть лѣтъ, а потомъ я буду возненавидимъ и мучимъ!

— Допросите его,—сказалъ царь:—какъ онъ это узналъ?

Никонъ не отвѣчалъ.

На второе засѣданіе, какъ только Никонъ вошелъ, царь всталъ со своего мѣста и сказалъ:

— Никонъ! поссорясь съ газскимъ митрополитомъ, ты писалъ, будто все православное христіанство отложилось отъ восточной церкви къ западному костёлу, тогда какъ наша соборная церковь имѣетъ спасительную ризу Господа нашего Бога и многихъ московскихъ чудотворцевъ мощи, и никакого отлученія не бывало. Мы все держимъ и вѣруемъ по преданію апостоловъ и св. отецъ, истинно; бьемъ челомъ, чтобы патріархи отъ такого названія православныхъ христіанъ очистили!

Съ этими словами царь поклонился патріархамъ до земли; то же сдѣлали всѣ присутствующіе на соборѣ.

— Дѣло великое,— сказали патріархи, — за него надобно стоять крѣпко. Когда Никонъ всѣхъ православныхъ христіанъ назвалъ еретиками, то онъ назвалъ еретиками и насъ, будто мы пришли еретиковъ разсуждать; а мы въ Московскомъ Государствѣ видимъ православныхъ христіанъ. Станемъ за это патріарха Никона судить и православныхъ христіанъ оборонять по правиламъ.

Затѣмъ Никона старались уличить во лжи и найти противорѣчіе въ томъ, что онъ отказывался отъ патріаршества, а потомъ называлъ себя патріархомъ. Вспомнивши снова о Хитрово, прибившемъ Никонова боярина, патріархи произнесли такое сужденіе: „Никонъ посылалъ своего человѣка, чтобы учинить смуту, а въ законахъ написано: кто между царемъ учинитъ смуту, тотъ достоинъ смерти; и кто Никонова человѣка ударилъ, того Богъ проститъ: такъ тому и подобало быть".

Съ этими словами антіохійскій патріархъ, на зло Никону, благословилъ Хитрово.

Никонъ, воротясь изъ засѣданія въ свое помѣщеніе, находился въ затруднительномъ положеніи: всѣ его запасы отправлены были на Воскресенское подворье; его людей не пускали за ними. Царь послалъ ему запасовъ отъ своего стола, но Никонъ не принялъ ихъ; царь дозволилъ его людямъ взять патріаршіе запасы съ подворья, но былъ сильно огорченъ и жаловался на Никона патріархамъ.

5 декабря опять собрался соборъ. У Никона на этотъ разъ отняли крестъ, который прежде носили передъ нимъ. Никона спрашивали въ перебивку то о томъ, то о другомъ, а болѣе всего старались его уличить въ томъ, что онъ будто бы сказалъ: „будь я анаѳема, если захочу патріаршества!" На него показывали новгородскій митрополитъ Питиримъ, тверской архіепископъ Іосифъ и Родіонъ Стрѣшневъ. Никонъ, по прежнему, увѣрялъ, что не произносилъ такого слова и, наконецъ, объявилъ, что нечего болѣе говорить о патріаршествѣ; въ этомъ воленъ царь и вселенскіе патріархи.

Никона опять допрашивали отрывочно о другихъ случаяхъ. Онъ давалъ короткіе отвѣты и, наконецъ, сказалъ:

— Не буду съ патріархами говорить, пока не пріѣдутъ патріархи константинопольскій и іерусалимскій.

Ему тогда показывали подписи полномочія другихъ патріарховъ и стали читать правила, по которымъ епископъ, оставивши свою кафедру, лишается ея.

— Я этихъ правилъ не принимаю,—сказалъ Никонъ.— Это правило не апостольское и не вселенскихъ и не помѣстныхъ соборовъ. Ихъ нѣтъ въ русской Кормчей, а греческія правила печатали еретики!

Послѣ этого опять отклонились, начали спорить о разныхъ прежнихъ случаяхъ. Никонъ (какъ сообщаетъ по дошедшимъ слухамъ посаженный подъ стражу его крестоноситель Шушера) съострилъ тогда и надъ царскими боярами: „Ты, царское величество, девять лѣтъ вразумлялъ и училъ предстоящихъ тебѣ въ семъ сонмищѣ, и они все-таки не умѣютъ ничего сказать. Вели имъ лучше бросить на меня камни; это они съумѣютъ; а учить ихъ будешь хоть еще десять лѣтъ,—ничего отъ нихъ не добьешься!"

Когда Никона укоряли за то, что имъ оставлено самовольно патріаршество, то онъ сказалъ царю:

— Я, испугавшись, ушелъ отъ твоего гнѣва; и ты, царское величество, неправду свидѣтельствовалъ, когда на Москвѣ учинился бунтъ!

— Ты непристойныя рѣчи говоришь и безчестишь меня,— сказалъ царь.—На меня никто бунтомъ не прихаживалъ, а приходили земскіе люди не на меня, но ко мнѣ бить челомъ объ обидахъ.

— Какъ ты не боишься Бога говорить непристойныя рѣчи и безчестить великаго государя!..—стали кричать со всѣхъ сторонъ.

Наконецъ, поднялся съ мѣста антіохійскій патріархъ и сказалъ:—Ясно ли всякому изъ присутствующихъ, что александрійскій патріархъ есть судія вселенной.

— Знаемъ и признаемъ, что онъ есть и именуется судія вселенной.

— Тамъ себѣ и суди,—сказалъ Никонъ.—Въ Александріи и Антіохіи нынѣ патріарховъ нѣтъ: александрійскій живетъ въ Египтѣ, антіохійскій—въ Дамаскѣ.

— А гдѣ они жили, когда благословили на патріаршество Іова?—возразили патріархи.

— Я въ то время невеликъ былъ,—сказалъ Никонъ.

Александрійскій патріархъ сказалъ:—хоть я и судія вселенной, но буду судить Никона по Номоканону. Подайте Номоканонъ.

Прочитали 12-е правило антіохійскаго собора: „кто потревожитъ царя и смутитъ его царствіе, тотъ не имѣетъ оправданія".

— Греческія правила не прямыя,—сказалъ Никонъ:—печатали ихъ еретики.—Патріархи вознесли похвалами грече-

скій Номоканонъ и поцѣловали книгу. Потомъ спросили греческихъ духовныхъ:—принимаемъ ли эту книгу яко праведную и нелестную?

Греки объясняли, что хотя ихъ церковныя книги, за неимѣніемъ типографіи, и печатаются въ Венеціи, но всѣ они принимаютъ ихъ.

Принесли русскій Номоканонъ.

Никонъ сказалъ:

— Онъ неисправно изданъ при патріархѣ Іосифѣ.

— Какъ это ты Бога не боишься,—закричали со всѣхъ сторонъ:—безчестишь государя, вселенскихъ патріарховъ, всю истину во лжу ставишь!

Александрійскій патріархъ сдѣлалъ запросъ греческимъ духовнымъ: чего достоинъ Никонъ?

— Да будетъ отлученъ и лишенъ священнодѣйствія,—отвѣчали греки.

— Хорошо сказано,—произнесъ патріархъ: — пусть теперь будутъ спрошены русскіе архіереи.

Русскіе архіереи повторили тоже, что и греческіе.

Тогда оба патріарха встали, и александрійскій, въ званіи судіи вселенной, произнесъ приговоръ, въ которомъ было сказано, что, по изволенію св. Духа и по власти, данной патріархамъ, вязать и рѣшить, они, съ согласія другихъ патріарховъ, постановляютъ, что отселѣ Никонъ, за свои преступленія, болѣе не патріархъ и не имѣетъ права священнодѣйствовать, но именуется простымъ инокомъ, старцемъ Никономъ.

Никонъ возвращался на Архангельское подворье, уже не смѣя благословлять народа.

Тогда, по разсказу Шушеры, найденъ былъ человѣкъ, переводившій на греческій языкъ грамоту Никона къ константинопольскому патріарху. Это былъ грекъ, по имени Димитрій, жившій у Никона въ Воскресенскомъ монастырѣ. Когда его повели къ царю, онъ до того впалъ въ отчаяніе, ожидая для себя ужасныхъ мукъ, что вонзилъ себѣ ножъ въ сердце.

12 декабря собрались вселенскіе патріархи и всѣ духовные члены собора въ небольшой церкви Благовѣщенія, въ Чудовомъ монастырѣ. Всѣ были въ мантіяхъ, въ митрахъ, съ омофорами. Царь не пришелъ; изъ бояръ были только присланы царемъ князья: Никита Одоевскій, Юрій Долгорукій, Воротынскій и другіе.

Привели Никона. На немъ была мантія и черный клобукъ съ жемчужнымъ крестомъ. Сначала прочитанъ былъ приговоръ по-гречески, потомъ рязанскимъ митрополитомъ Ила-

ріономъ по-русски. Въ приговорѣ обвиняли бывшаго московскаго патріарха, главнымъ образомъ, за то, что произносилъ хулы: на государя, называя его латиномудренникомъ, мучителемъ, обидчикомъ; на всѣхъ бояръ; на всю русскую церковь,—говоря, будто она впала въ латинскіе догматы; а въ особенности, хулы на газскаго митрополита Паисія, къ которому питалъ злобу за то, что онъ говорилъ всесвѣтлѣйшему синклиту о нѣкоторыхъ гражданскихъ дѣлахъ Никона. Ему поставили въ вину низверженіе коломенскаго епископа Павла, обвиняли сверхъ того въ жестокости надъ подчиненными, которыхъ онъ наказывалъ кнутомъ, палками, а иногда и пыталъ огнемъ. „Призванный на соборъ Никонъ,—говорилось въ приговорѣ, —явился не смиреннымъ образомъ, какъ мы ему братски предписали, но осуждалъ насъ; говорилъ, будто у насъ нѣтъ древнихъ престоловъ, и наши патріаршія разсужденія называлъ блядословіями и баснями"...

— Если я достоинъ осужденія,—сказалъ Никонъ,—то зачѣмъ вы, какъ воры, привели меня тайно въ эту церковку; зачѣмъ здѣсь нѣтъ его царскаго величества и всѣхъ его бояръ? Зачѣмъ нѣтъ всенароднаго множества людей Россійской земли? Развѣ я въ этой церкви принялъ пастырскій жезлъ? Нѣтъ, я принялъ патріаршество въ соборной церкви передъ всенароднымъ множествомъ, не по моему желанію и старанію, но по прилежнымъ и слезнымъ моленіямъ царя. Туда меня ведите и тамъ дѣлайте со мною, чтó хотите!

— Тамъ ли, здѣсь ли, все равно,—отвѣчали ему.—Дѣло совершается совѣтомъ царя и всѣхъ благочестивыхъ архіереевъ. А что здѣсь нѣтъ его царскаго величества,—на то его воля.

Съ Никона сняли клобукъ и панагію.

— Возьмите это себѣ,—сказалъ Никонъ,—раздѣлите жемчугъ между собою: достанется каждому золотниковъ по пяти, по шести, сгодится вамъ на пропитаніе на нѣкоторое время. Вы бродяги, турецкіе невольники, шатаетесь всюду за милостыней, чтобъ было чѣмъ дань заплатить султану!

Съ присутствовавшаго тутъ греческаго монаха сняли клобукъ и надѣли на Никона.

Когда его вывели, то, садясь въ сани, Никонъ громко произнесъ:

— Никонъ! Никонъ! все это тебѣ сталось за то: не говори правды, не теряй дружбы! Еслибы ты устроивалъ дорогія трапезы, да вечерялъ съ ними, то этого бы тебѣ не случилось!

Его повезли, въ сопровожденіи стрѣльцовъ, на земскій дворъ. За санями шли приставленные къ нему архимандриты:

Павелъ и Сергій. Послѣдній (изъ Спасо-ярославскаго монастыря) тѣшился паденіемъ патріарха:

— Молчи, молчи, Никонъ!—кричалъ онъ ему.

Воскресенскій экономъ Ѳеодосій, по приказанію Никона, обратился къ нему съ такимъ словомъ: „патріархъ велѣлъ тебѣ сказать: если тебѣ дана власть, то приди и зажми ему ротъ".

— Какъ ты смѣешь называть патріархомъ простого монаха!—закричалъ Сергій. Но кто то изъ толпы, слѣдовавшей за Никономъ, сказалъ:

— Патріаршее наименованіе дано ему свыше, а не отъ тебя гордаго.

Стрѣльцы, по приказанію Сергія, тотчасъ схватили сказавшаго это слово и увели.

— Блаженіи изгнанные правды ради!—сказалъ тогда Никонъ.

Когда его привезли на дворъ, Сергій нарочно сѣлъ, развалясь передъ нимъ, снялъ съ себя камилавку и началъ его въ насмѣшку утѣшать.

На другой день утромъ царь прислалъ къ Никону Родіона Стрѣшнева съ запасомъ денегъ и разныхъ мѣховъ и одеждъ.

— Его царское величество прислалъ тебѣ это,—сказалъ Стрѣшневъ,—потому что ты шествуешь въ путь дальній.

— Возврати все это пославшему тебя, и скажи, что Никонъ ничего не требуетъ!—сказалъ Никонъ.

Стрѣшневъ сказалъ, что царь проситъ прощенія и благословенія.

— Будемъ ждать суда Божія!—сказалъ Никонъ.

13 декабря толпы народа стали собираться, чтобы поглазѣть, какъ повезутъ низверженнаго патріарха. Но, во избѣжаніе соблазна, народу сказали, что Никона повезутъ черезъ Спасскія ворота по Срѣтенкѣ, и народъ устремился въ Китай-городъ, а Никона повезли черезъ противоположныя ворота. Его провожало 200 стрѣльцовъ. На пути одна вдова поднесла Никону теплую одежду и двадцать рублей денегъ. Онъ принялъ это, какъ милостыню, ни за что не хотѣвши взять подачки отъ царя.

Въ Ѳерапонтовомъ монастырѣ (находившемся недалеко отъ Кирилло-бѣлозерскаго монастыря) Никонъ содержался подъ надзоромъ присланнаго архимандрита Новоспасскаго монастыря. Ему запрещено было писать и получать письма. Никонъ долго не хотѣлъ принимать никакихъ государевыхъ запасовъ. Обаяніе его было такъ велико, что и ѳерапонтовскій игуменъ и архимандритъ, приставленные къ Никону, и наконецъ самъ царскій приставъ Наумовъ величали его патрі-

архомъ и принимали отъ него благословеніе, Царь снова черезъ пристава заговорилъ съ прежнимъ своимъ другомъ о примиреніи. Никонъ написалъ царю: „Ты боишься грѣха, просишь у меня благословенія, примиренія, но я тебя прощу только тогда, когда возвратишь меня изъ заточенія“.

Въ сентябрѣ 1667 года царь повторилъ свою просьбу, и Никонъ отвѣчалъ, что благословляетъ царя и все его семейство, но когда царь возвратитъ его изъ заточенія, то онъ тогда проститъ и разрѣшитъ его совершенно.

Но царь не возвращалъ Никона. Приставленный къ Никону архимандритъ Іосифъ въ 1668 году сдѣлалъ доносъ, что къ нему приходили воровскіе донскіе казаки и намѣревались освободить его изъ заточенія. Никона стали содержать строже. Передъ его кельей стояло всегда двадцать стрѣльцовъ съ дубинами; много несчастныхъ, по подозрѣнію въ сношеніяхъ съ опальнымъ патріархомъ, было схвачено и подвергнуто пыткамъ.

Вскорѣ царь опять сжалился надъ нимъ: умерла царица Марья Ильинишна, и онъ отправилъ къ Никону Стрѣшнева съ деньгами.

Никонъ не принялъ денегъ.

Но долгія страданія стали надламывать волю Никона. Въ концѣ 1671 года онъ написалъ царю примирительное письмо и просилъ прощенія за все, въ чемъ былъ виноватъ передъ царемъ. „Я боленъ, нагъ и босъ, — писалъ Никонъ: — сижу въ кельѣ затворенъ четвертый годъ. Отъ нужды цынга напала, руки больны, ноги пухнутъ, изъ зубовъ кровь идетъ, глаза болятъ отъ чада и дыму. Приставы не даютъ ничего ни продать, ни купить. Никто ко мнѣ не ходитъ и милостыни не у кого просить. Ослабь меня хоть немного!“

На Никонѣ лежало важное подозрѣніе въ сношеніяхъ съ Стенькой Разинымъ. Самъ Стенька показывалъ, что къ нему пріѣзжалъ старецъ отъ Никона. Никонъ увѣрялъ царя, что этого никогда не было. Царь повѣрилъ, и хотя не перевелъ Никона, по его желанію, ни въ Иверскій, ни въ Воскресенскій монастырь, но приказалъ содержать его въ Ѳерапонтовомъ безъ всякаго стѣсненія. Тогда Никонъ отчасти примирился со своей судьбой, принималъ отъ царя содержаніе и подарки, завелъ собственное хозяйство, читалъ книги, лечилъ больныхъ и любилъ ѣздить верхомъ. Столъ его въ это время не только былъ обильный, но и роскошный. Кирилловскому монастырю велѣно было доставлять ему все потребное. Никонъ замѣтно слабѣлъ умомъ и тѣломъ отъ старости и болѣзни; его стали занимать мелкія дрязги; онъ ссорился съ монахами, постоянно былъ недоволенъ, ругался безъ толку, и писалъ царю странные до-

носы, какъ, напр., на кирилловскаго архимандрита, что онъ ему въ келью напускаетъ чертей.

Но въ то время, какъ низложенный патріархъ таялъ въ заточеніи, дѣло, начатое имъ, продолжало волновать русское общество и вызывать усиленную дѣятельность власти. Соборъ русскихъ архіереевъ избралъ, по жребію, изъ трехъ кандидатовъ, преемникомъ Никону троицкаго архимандрита Іосифа, и во главѣ съ избраннымъ, передалъ обсужденію вселенскихъ патріарховъ вопросы, касающіеся исправленій въ русской церкви. Главнѣйшимъ изъ этихъ вопросовъ былъ вопросъ о расколѣ. Вселенскіе патріархи вполнѣ утвердили приговоръ русскаго собора 1666 года, и новый соборъ, уже съ участіемъ вселенскихъ патріарховъ и греческихъ архіереевъ, произнесъ анаѳему на раскольниковъ въ самыхъ сильныхъ выраженіяхъ [1]).

Этотъ приговоръ имѣлъ чрезвычайную важность въ послѣдующей исторіи раскола; онъ утвердилъ непримиримую вражду между господствующею церковью и несогласными съ нею противниками никоновскихъ исправленій. Съ одной стороны, православная русская церковь съ трудомъ могла снисходительно относиться къ заблужденіямъ и невѣжеству раскольниковъ, послѣ того, какъ надъ ними состоялось такое страшное проклятіе, утвержденное вселенскими патріархами; а съ другой — раскольники лишены были уже права и возможности надѣяться на какую нибудь сдѣлку съ церковной

[1]) „Сіе наше соборное повелѣніе и завѣщаніе ко всѣмъ вышереченнымъ чиномъ православнымъ предаемъ и повелѣваемъ всѣмъ неизмѣнно хранити и покорятися святѣй Восточнѣй церкви. Аще ли же кто не послушаетъ повелѣваемыхъ отъ насъ и не покорится святѣй Восточнѣй церкви и сему освященному собору, или начнетъ прекословити и противлятися намъ: и мы таковаго противника, данною намъ властію отъ всесвятаго и животворящаго Духа, аще будетъ отъ освященнаго чина, извергаемъ и обнажаемъ его всякаго священнодѣйствія и благодати, и проклятію предаемъ; аще же отъ мірскаго чина, отлучаемъ и чужда сотворяемъ отъ Отца и Сына и святаго Духа и проклятію и анаѳемѣ предаемъ, яко еретика и непокорника, и отъ православнаго всесочлененія и стада и отъ церкви Божія отсѣкаемъ яко гнилъ и непотребенъ удъ, дондеже вразумится и возвратится въ правду покаяніемъ. Аще ли кто не вразумится и не возвратится въ правду покаяніемъ, и пребудетъ въ упрямствѣ своемъ до скончанія своего: да будетъ и по смерти отлученъ и непрощенъ, и часть его и душа со Іудою предателемъ, и съ распеншими Христа Жидовы, и со Аріемъ и съ прочими проклятыми еретиками, желѣзо, каменіе и древеса да разрушатся и да растлятся, а той да будетъ неразрѣшенъ и неразрушенъ и яко тимпанъ, во вѣки вѣковъ аминь. Сіе соборное наше узаконеніе и изреченіе подписахомъ и утвердихомъ нашими руками, и положихомъ въ дому пресвятыя Богородицы честнаго и славнаго ея Успенія, въ патріархіи богохранимаго царствующаго великаго града Москвы и всея Россіи, въ вѣчное утверженіе и въ присное воспоминаніе, въ лѣто отъ сотворенія міра 7175, отъ воплощенія же Бога слова 1667, индикта 5, мѣсяца маіа въ 13 день“.

властью и становились непримиримыми врагами существующаго церковнаго строя, а вмѣстѣ съ тѣмъ и государственной власти, стоявшей на сторонѣ церкви. Такое положеніе дѣлъ выказалось тотчасъ же послѣ собора, въ бунтѣ Соловецкаго монастыря.

Этотъ монастырь, съ самаго же начала, показалъ себя противъ исправленій, и все болѣе и болѣе дѣлался пристанищемъ недовольныхъ. Въ 1666 году тамъ былъ архимандритомъ Варѳоломей. Братія не любила его. Царь пригласилъ его на соборъ, и послѣ собора назначилъ ему другой монастырь, а въ Соловки отправилъ архимандритомъ иного, по имени Іосифа. Прежній архимандритъ поѣхалъ въ Соловки вмѣстѣ съ новымъ, чтобы сдать послѣднему монастырь. Тутъ вспыхнулъ мятежъ. Братія не хотѣла принимать новаго архимандрита и прогнала его вмѣстѣ съ прежнимъ. Царь, по окончаніи собора, отправилъ въ Соловецкій монастырь для увѣщанія спасо-ярославскаго архимандрита Сергія, того самаго, который былъ приставомъ у Никона послѣ его осужденія. Его также прогнали. Зачинщиками противодѣйствія были тогда келарь Азарій, казначей Геронтій, а въ особенности жившій на покоѣ архимандритъ Никаноръ. Этотъ послѣдній былъ прежде архимандритомъ въ Саввиномъ монастырѣ, пользовался расположеніемъ царя Алексѣя Михайловича, воспротивился было исправленію книгъ, на соборѣ принесъ покаяніе, но, будучи отпущенъ въ Соловки на покой, показалъ себя самымъ заклятымъ раскольникомъ. „Не принимаемъ новоизданныхъ книгъ,—кричали соловецкіе мятежники:—не хотимъ знать троеперстнаго сложенія, имени Іисусе, трегубаго аллилуія! Все это латинское преданіе, антихристово ученіе; хотимъ оставаться въ старой вѣрѣ и умирать за нее!..“

Но прежде открытаго сопротивленія, соловецкіе раскольники отправили къ царю челобитную (одно изъ наиболѣе распространенныхъ и любимыхъ раскольничьихъ сочиненій). Они просили дозволить имъ отправлять богослуженіе по старымъ книгамъ. Царь требовалъ послушанія, а за противность и своевольство указывалъ отобрать у монастыря всѣ вотчины и не пропускать въ монастырь никакихъ запасовъ. Раскольники отвѣчали, что они ни за что́ не согласны на принятіе новопечатныхъ книгъ, предоставляли на волю царя послать на нихъ свой царскій мечъ и „переселить отъ сего мятежнаго житія въ безмятежное, вѣчное“.

Царь послалъ войско подъ начальствомъ Волохова. Раскольники заперлись въ монастырѣ, надѣясь отсидѣться и отбиться. Стѣны монастыря, построенныя Филиппомъ, были

крѣпки, на стѣнахъ было 90 пушекъ; запасовъ было собрано на многіе годы. Въ монастырь набѣжало до 500 человѣкъ разнаго непокорнаго люда и въ томъ числѣ воровскихъ казаковъ съ Дона.

Волоховъ велъ осаду самымъ нелѣпымъ образомъ. Онъ сидѣлъ въ Сумскомъ острогѣ и безпрестанно ссорился съ находившимся близъ него архимандритомъ Іосифомъ: они другъ на друга писали царю доносы, а между тѣмъ, мятежники спокойно провозили въ монастырь для себя все нужное. Наконецъ, ссора Волохова съ архимандритомъ дошла до того, что они подрались, и царь въ 1672 году удалилъ Волохова, а на мѣсто его послалъ стрѣлецкаго голову Іевлева.

Іевлевъ дѣйствовалъ не лучше своего предшественника, и въ 1673 году царь, недовольный имъ, смѣнилъ его, а на его мѣсто назначилъ воеводу Ивана Мещеринова.

Осада Соловецкаго монастыря не могла быть ведена быстро, потому что военныя дѣйствія возможны были только во время короткаго лѣта. Лѣтомъ 1674 года подошелъ Мещериновъ къ монастырю и сталъ палить въ него изъ пушекъ. Между раскольниками сдѣлалось раздвоеніе, замѣчательное потому, что оно, такъ сказать, намѣтило будущее раздробленіе раскола. Геронтій, ярый противникъ новыхъ книгъ, находилъ, что хотя не слѣдуетъ соглашаться на принятіе новой вѣры, но не должно сопротивляться царю. Къ нему пристали священники. Никаноръ, напротивъ, возбуждалъ мятежниковъ къ битвѣ, ходилъ по стѣнѣ, кадилъ, кропилъ св. водою пушки и говорилъ; „Матушки наши, галаночки, надежа у насъ на васъ, вы насъ обороните!“ Споръ между двумя партіями дошелъ до того, что Никаноръ засадилъ въ тюрьму Геронтія и его соумышленниковъ священниковъ. Келарь Наѳанаилъ Тугинъ и сотники: Исачко Воронинъ и Самко, были главными сообщниками Никанора; они положили не молиться за царя, говорили объ его особѣ такъ, что, по общеупотребительному выраженію ихъ противниковъ, „не только написать, но и помыслить страшно“, и положили защищаться до послѣдней степени. Продержавши нѣсколько дней въ тюрьмѣ Геронтія и его сообщниковъ, Никаноръ выгналъ ихъ изъ монастыря и сталъ учить, что можно жить безъ священниковъ, можно самимъ говорить часы и проч. Этимъ положенъ былъ зародышъ „безпоповщины“, одного изъ важнѣйшихъ видовъ, на которые раздѣлился расколъ.

Приступъ не удался Мещеринову. Лѣтомъ 1675 года, онъ началъ опять палить въ монастырь и также неудачно.

Наступала зима. Мещериновъ на этотъ разъ не ушелъ въ Сумскій острогъ, а остался подъ монастыремъ, несмотря на всѣ трудности. 22 января 1676 года, при помощи перебѣжчика Ѳеоктиста, Мещериновъ черезъ отверстіе въ стѣнѣ, заложенное камнями, вошелъ въ монастырь со стрѣльцами. Никаноръ и главные его соумышленники были схвачены и казнены. Упорнѣйшіе изъ раскольниковъ сосланы въ Пустозерскъ и Колу, а прочіе, которые обѣщали повиноваться церкви и государю, получили прощеніе и оставлены на мѣстѣ.

Но это укрощенное возмущеніе было только сигналомъ для множества другихъ, кончавшихся болѣе кровавымъ образомъ. Расколъ, повидимому подавленный въ Соловецкомъ монастырѣ, быстро, какъ пожаръ, распространялся по всей Руси. Къ нему примыкало, какъ къ знамени, все, что было въ русскомъ народѣ недовольнаго властями и свѣтскими и духовными. Смѣло можно сказать, что половина Великой Руси отпала тогда отъ церкви и стояла враждебно къ мірской власти, защищавшей церковь земнымъ оружіемъ. Соловецкіе раскольники получили славу святыхъ страдальцевъ и служили примѣромъ для своихъ послѣдователей на долгія времена. Ихъ житія перечитывались и пересказывались въ народѣ со всевозможнѣйшими баснями и чудесами. Преслѣдуемые властями, раскольники бѣжали въ лѣса, пустыни и готовились умирать за святую вѣру. Распространился страшный и своеобразный способъ противодѣйствія. Власти, преслѣдуя раскольниковъ, приняли древній способъ казни—сожженіе [1]), но раскольники составили себѣ убѣжденіе, что этого рода мученическая смерть ведетъ въ царствіе небесное, а потому не только не устрашались ея, но сами искали. Такъ, когда правительство посылало отыскивать сопротивлявшихся церкви, то они, собираясь большими толпами, по приближеніи военной силы, сами сожигали себя, нерѣдко тысячами. Эти самосожженія начались вскорѣ послѣ соловецкой осады, въ семидесятыхъ годахъ XVII вѣка и шли, возрастая. Одинъ примѣръ порождалъ другіе. Самосожженія сдѣлались обычнымъ дѣломъ; фанатики учили, что это вѣрнѣйшій путь къ царству небесному. Православіе въ глазахъ народа, не хотѣвшаго подчиняться церкви, носило названіе „никоніанства“. Имя Никона произно-

[1]) Такъ 1681 года 1 апрѣля, въ Пустозерскѣ сожжены были въ срубѣ, за хулы на церковь, протопопъ Аввакумъ, бывшій попъ Лазарь, дьяконъ Ѳеодоръ и инокъ Епифаній, сосланные въ Пустозерскъ 14 лѣтъ назадъ. По преданію, сохранившемуся у раскольниковъ, Аввакумъ передъ смертью показалъ народу двуперстное крестное знаменіе и сказалъ: „коли будете такимъ крестомъ молиться, во вѣкъ не погибнете, а покинете этотъ крестъ, и городъ вашъ песокъ занесетъ, и свѣту конецъ настанетъ!“

силось съ проклятіями и ругательствами. Между тѣмъ самъ виновникъ продолжалъ находиться въ изгнаніи, и положеніе его, облегченное царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ, опять стало хуже на нѣкоторое время.

Преемникъ Никона, патріархъ Іосифъ, скончался въ 1672 году. Послѣ него сталъ патріархомъ Питиримъ, заклятый врагъ Никона, но власть его была безсильна надъ ѳерапонтовскимъ изгнанникомъ, находившимся подъ защитою царя. Питиримъ скончался.

Былъ избранъ въ патріархи Іоакимъ. Нѣкогда онъ былъ ратнымъ человѣкомъ и участвовалъ въ войнѣ съ Польшею, постригся въ Кіевѣ въ монахи, былъ выписанъ Никономъ въ Москву и назначенъ келаремъ Чудова монастыря. По удаленіи Никона, онъ присталъ къ врагамъ его, и, въ званіи чудовскаго архимандрита, открыто осуждалъ поведеніе Никона; и Никонъ былъ за это озлобленъ противъ него. Этотъ новый патріархъ сильно не желалъ возвращенія Никона изъ далекаго изгнанія, и удерживалъ царя, который, по своему добродушію, былъ способенъ приблизить къ себѣ своего бывшаго друга. Въ послѣднее время своей жизни, царь особенно былъ милостивъ къ Никону и щедро посылалъ къ нему подарки и лакомства.

Въ 1676 году умеръ Алексѣй Михайловичъ; преемникъ его отправилъ къ Никону съ дарами и съ вѣстью Ѳедора Лопухина, а вмѣстѣ съ тѣмъ, приказалъ просить прощенія и разрѣшенія покойному царю на бумагѣ. Никонъ сказалъ: „Богъ его проститъ, но въ страшное пришествіе Христово мы будемъ съ нимъ судиться: я не дамъ ему прощенія на письмѣ!“ Это естественно огорчило молодого царя, и подало врагамъ Никона орудіе, чтобы сдѣлать худшимъ положеніе изгнанника. На Никона посыпались доносы. Находившійся при немъ писарь Шайсуповъ и старецъ Іона, бывшій прежде келейникомъ у Никона, писали, что „онъ называетъ себя по прежнему патріархомъ, занимается стрѣльбою; застрѣлилъ птицу баклана за то, что птица поѣла у него рыбу, даетъ монахамъ цѣловать руку, называетъ вселенскихъ патріарховъ ворами, лечитъ людей, которые отъ его лекарства умираютъ, напивается пьянъ; разсердившись, дерется самъ и другимъ приказываетъ бить монаховъ“. Доносы эти, безъ сомнѣнія, написаны были въ увѣренности, что, при измѣнившихся обстоятельствахъ, ихъ примутъ на вѣру. Патріархъ Іоакимъ подѣйствовалъ на молодого государя, и Никона приказали перевести въ Кирилло-бѣлозерскій монастырь подъ

надзоръ двухъ старцевъ, которые должны были постоянно жить съ нимъ въ кельи и никого къ нему не пускать. Никонъ отвергалъ взводимыя на него обвиненія, но сознавался, что, вмѣстѣ съ игуменомъ, билъ кого-то за воровство.

За Никона, однако, при дворѣ молодого Өедора явилась заступница; то была сестра покойнаго царя Татьяна Михайловна. Она издавна уважала Никона. Съ своей стороны, учитель Өедора, Симеонъ Полоцкій, также хлопоталъ за сверженнаго патріарха. Царь опять облегчилъ положеніе Никона, не велѣлъ его стѣснять и предложилъ патріарху перевести изгнанника въ Воскресенскій монастырь. Съ своей стороны, иноки Воскресенскаго монастыря подали царю челобитную и умоляли возвратить имъ Никона, „какъ пастыря къ стаду, какъ кормчаго къ кораблю, какъ главу къ тѣлу“. Патріархъ Іоакимъ заупрямился. „Дѣло учинилось не нами,—говорилъ онъ царю,—а великимъ соборомъ и волею святѣйшихъ вселенскихъ патріарховъ; не снесясь съ ними, мы не можемъ этого сдѣлать“. Царь нѣсколько разъ повторивши такую просьбу, собралъ соборъ; но и соборъ, руководимый патріархомъ Іоакимомъ, не исполнилъ желанія царя. Царь только написалъ къ Никону утѣшительное посланіе. Такъ проходило время, наконецъ, кирилловскій архимандритъ Іоакимъ, извѣстилъ Іоакима, что Никонъ боленъ, принялъ схиму и близокъ къ смерти, и спрашивалъ разрѣшенія: какъ и гдѣ похоронить Никона? Тогда царь снова молилъ патріарха и соборъ сжалиться надъ заточникомъ и, по крайней мѣрѣ, передъ смертью порадовать его свободой. На этотъ разъ патріархъ и освященный соборъ благословили царя возвратить Никона изъ заточенія.

Немедленно царь послалъ дьяка Чепелева привезти Никона въ Воскресенскій монастырь. То было въ 1681 году. Никонъ отъ болѣзни и старости едва уже двигалъ ноги. Его привезли на берегъ Шексны, посадили въ стругъ и поплыли, по его желанію, на Ярославль. Вездѣ по берегу стекался народъ, просилъ благословенія и приносилъ все потребное Никону. Его сопровождалъ кирилловскій архимандритъ Никита. 16 августа утромъ достигли они Толгскаго монастыря, близъ Ярославля. Никонъ причастился св. тайнъ и готовился переплыть на другую сторону Волги къ Ярославлю. Здѣсь явился къ нему архимандритъ Сергій, тотъ самый, который издѣвался надъ нимъ во время его низложенія. Сергій кланялся ему въ ноги, просилъ прощенія за прежнее и говорилъ, что оскорблялъ его по неволѣ, творя угодное собору. Никонъ простилъ его.

На другой день, 17-го августа, Никона повезли на дру-

гой берегъ рѣки. Сергій сопровождалъ его въ стругѣ. Народъ изъ города и селъ встрѣчалъ его на берегу рѣки Которости, куда вошелъ стругъ съ Волги. Толпа бросилась въ воду и тащила стругъ на берегъ. Никонъ былъ въ совершенномъ изнеможеніи и ничего уже не могъ говорить. Народъ цѣловалъ ему руки и ноги. День склонялся къ вечеру; начали благовѣстить къ вечернѣ. Никонъ въ это время немного ободрился, оглянулся вокругъ себя и началъ оправлять себѣ волосы, бороду, одежду, какъ будто готовясь въ путь. Архимандритъ Никита понялъ, что настаетъ послѣдній часъ его и началъ читать отходную. Никонъ протянулся на постели, сложилъ руки на груди и скончался.

Дьякъ поспѣшилъ въ Москву извѣстить о смерти бывшаго патріарха. Ему встрѣтилась царская карета, посланная за Никономъ.

Царь приказалъ привезти тѣло Никона въ Воскресенскій монастырь и отправилъ къ патріарху Іоакиму приглашеніе ѣхать на погребеніе со всѣмъ освященнымъ соборомъ.

— Воля государева,—сказалъ Іоакимъ,—я на погребеніе поѣду, а именовать Никона патріархомъ не буду и назову его просто монахомъ. Такъ соборъ повелѣлъ. Если царь захочетъ, чтобы я его именовалъ патріархомъ, я не поѣду.

— Я—сказалъ царь—все беру на себя и самъ буду просить вселенскихъ патріарховъ, чтобы дали разрѣшеніе и прощеніе покойному патріарху.

Патріархъ Іоакимъ былъ неумолимъ, но отпустилъ новгородскаго митрополита Корнилія, позволивши ему поминать Никона такъ, какъ царь ему прикажетъ.

Погребеніе было совершено Корниліемъ съ нѣсколькими архимандритами; другихъ архіереевъ не было. Никона при погребеніи помянули патріархомъ. Царь цѣловалъ мертвому руки. Тѣло Никона было погребено въ церкви св. Іоанна Предтечи, на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ нѣкогда завѣщалъ себя похоронить.

По возвращеніи въ Москву, царь послалъ патріарху Іоакиму митру Никона и просилъ поминать покойнаго. Но патріархъ не принялъ этого дара и ни за что не хотѣлъ поминать Никона патріархомъ.

Тогда царь написалъ ко вселенскимъ патріархамъ, и въ отвѣтъ были получены грамоты, которыми вселенскіе патріархи разрѣшали причесть Никона къ лику прочихъ московскихъ патріарховъ и поминать его вѣчно подъ этимъ званіемъ. Грамоты эти уже не застали царя Ѳедора въ живыхъ. Патріархъ Іоакимъ волею-неволею долженъ былъ поминать Никона патріархомъ, а за нимъ и вся русская церковь поминала его и поминаетъ въ этомъ санѣ.

V.

МАЛОРОССІЙСКІЙ ГЕТМАНЪ ЗИНОВІЙ-БОГДАНЪ ХМЕЛЬНИЦКІЙ.

Древняя Кіевская земля, находившаяся подъ управленіемъ князей Владимирова дома, ограничивалась на югъ рѣкою Росью. Пространство южнѣе Роси, начиная отъ Днѣпра на западъ къ Днѣстру, ускользаетъ изъ нашихъ историческихъ источниковъ. Нашъ древній лѣтописецъ, пересчитывая вѣтви словянорусскаго народа, указываетъ на угличей и тиверцевъ, которыхъ жилища простирались до самаго моря. Угличи представляются народомъ многочисленнымъ, имѣвшимъ значительное количество городовъ. Безчисленное множество городищъ, валовъ и могилъ, покрывающихъ югозападную Россію, свидѣтельствуетъ о древней населенности этого края. Почти непонятно, какимъ образомъ кіевскіе, волынскіе и галицкіе князья, владѣя множествомъ городовъ, возникавшихъ одинъ за другимъ въ ихъ княженіяхъ, занимавшихъ сѣверную половину нынѣшней кіевской губерніи, Волынь и Галицію, упустили плодороднѣйшія сосѣднія земли. Изъ нашей лѣтописи мы узнаемъ, что языческіе князья вели упорную войну съ угличами. Послѣ сильнаго сопротивленія, князья одолѣвали ихъ, брали съ нихъ дань, а потомъ, со временъ Владимира, угличи со своимъ краемъ какъ будто исчезаютъ куда-то. Только въ XIII вѣкѣ, во время Данила, въ краѣ между Бугомъ и Днѣстромъ, являются какіе-то загадочные бологовскіе князья, владѣвшіе городами и поладившіе съ покорившими ихъ татарами. Въ такъ называемой Литовской лѣтописи мы находимъ смутное извѣстіе, что въ XIV вѣкѣ Ольгердъ, покоривши Подоль, нашелъ тамъ мѣстное населеніе, живущее подъ начальствомъ

атамановъ. Изъ польскихъ и литовско-русскихъ источниковъ узнаемъ, что въ XV столѣтіи нынѣшній край югозападной Россіи былъ уже значительно населенъ сплошь до самаго моря; въ южныхъ его предѣлахъ были обширныя владѣнія знатныхъ родовъ: Бучацкихъ, Язловецкихъ, Сенявскихъ, Лянскоронскихъ и пр. Плодородныя земли изобиловали хлѣбопашествомъ и скотоводствомъ; велась постоянная торговля съ Греціею и Востокомъ; ходили купеческіе караваны въ Кіевъ.

Но послѣ разрушенія Греческой имперіи и послѣ основанія въ Крыму хищническаго царства Гиреевъ, безпрестанные грабежи и набѣги татаръ не допустили свободнаго мирнаго развитія жизни въ этомъ краѣ и вызвали въ немъ необходимость населенія съ чисто воинственнымъ характеромъ. Въ концѣ XV вѣка введенъ былъ въ Руси польскій обычай отдавать города съ поселеніями подъ управленіе лицъ знатнаго рода, подъ названіемъ старостъ. Въ началѣ XVI вѣка являются староства: черкасское и каневское, а въ нихъ военное сословіе подъ названіемъ козаковъ. Самая страна, занимаемая этими староствами, названа „Украиной"; названіе это переходитъ на все пространство до Днѣстра, именно на землю древнихъ угличей и тиверцевъ, а потомъ, по мѣрѣ расширенія козачества, распространяется и на Кіевскую землю, и на лѣвый берегъ Днѣпра [1]).

Мы уже объясняли происхожденіе слова „казакъ" въ жизнеописаніи Ермака. Положеніе Южной Руси было таково, что здѣсь казакъ, чѣмъ бы онъ ни былъ, въ началѣ долженъ былъ сдѣлаться воиномъ. Черкасскіе и каневскіе старосты, а за ними и другіе старосты въ южно-русскомъ краѣ, напримѣръ, хмѣльницкіе и брацлавскіе, для безопасности своихъ земель, по необходимости должны были учредить изъ мѣстныхъ жителей военное сословіе, всегда готовое для отраженія татарскихъ набѣговъ. Необходимо было, вмѣстѣ съ тѣмъ, дать этому сословію права и привилегіи вольныхъ людей, такъ какъ, по понятіямъ того вѣка, воинъ долженъ былъ пользоваться сословными привилегіями передъ земледѣльцами. Организаторами казацкаго сословія въ началѣ XVI вѣка являются преимущественно два лица: черкасскій и каневскій староста Евстафій Дашковичъ, и хмѣльницкій староста Предиславъ Лянскоронскій.

Но въ то время, когда собственно въ Украинѣ образовывалось мѣстное военное сословіе подъ названіемъ козаковъ и состояло подъ начальствомъ старостъ, началось и въ другихъ мѣстахъ Южной Руси стремленіе народа въ козаки. Та-

[1]) Слово угличи отъ слова „уголь", вѣроятно, однозначительно со словомъ украина: „у края". Украина слово древнее, встрѣчается въ XII вѣкѣ.

кимъ образомъ, изъ Кіева плавали внизъ по Днѣпру за рыбою промышленники и также называли себя козаками. Они, будучи промышленниками, были вмѣстѣ съ тѣмъ и военными людьми, потому что пребываніе ихъ въ низовьяхъ Днѣпра для своего промысла было небезопасно и требовало съ ихъ стороны умѣнья владѣть оружіемъ для своей защиты отъ внезапнаго нападенія татаръ.

Развитію козачества болѣе всего содѣйствовалъ предпріимчивый и талантливый преемникъ Дашковича, черкасскій и каневскій староста Димитрій Вишневецкій. Онъ увеличивалъ число козаковъ пріемомъ всякаго рода охотниковъ, прославился со своими козаками геройскими подвигами противъ крымцевъ и поставилъ себя по отношенію къ польскому королю почти въ независимое положеніе. Его широкіе планы уничтожить крымскую орду и подчинить черноморскіе края московской державѣ разбились объ ограниченное упрямство царя Ивана Грознаго. Въ 1563 году Вишневецкій со своими козаками овладѣлъ было Молдавіей, но затѣмъ измѣннически былъ схваченъ турками и замученъ [1]). Походъ Вишневецкаго на Молдавію проложилъ путь другимъ козацкимъ походамъ въ эту страну подъ начальствомъ Сверчовскаго и Подковы. Польскіе паны Потоцкіе и Корецкіе также покушались овладѣть Молдавіей при помощи козаковъ. Походы эти усиливали и развивали козачество. Еще болѣе поднимали его начавшіеся со второй половины XVI вѣка козацкіе морскіе походы, предпринимаемые изъ Запорожской Сѣчи на турецкія владѣнія.

Еще въ 1533 году Евстафій Дашковичъ на польскомъ сеймѣ въ Піотрковѣ представлялъ необходимость держать отъ правительства козацкую сторожу на днѣпровскихъ островахъ. Но на сеймѣ не послѣдовало по этому поводу рѣшенія. Въ пятидесятыхъ годахъ XVI вѣка Димитрій Вишневецкій построилъ укрѣпленіе на островѣ Хортицѣ и помѣстилъ тамъ козаковъ. Появленіе козацкой селитьбы по близости къ татарскимъ предѣламъ не понравилось татарамъ, и самъ ханъ Девлетъ-Гирей приходилъ выгонять козаковъ оттуда. Вишневецкій отразилъ хана, но, покинутый въ своихъ предпріятіяхъ царемъ

[1]) О немъ сохранилась такая легенда, что султанъ приказалъ его повѣсить ребромъ на крюкъ, и Вишневецкій, повиснувъ на крюкѣ, славилъ Іисуса Христа и проклиналъ Мугаммеда. Въ одной малорусской думѣ онъ является подъ именемъ козака Байды. Онъ виситъ на крюкѣ, а султанъ предлагаетъ ему принять мугаммеданскую вѣру и жениться на его дочери. Байда проситъ себѣ лукъ стрѣлъ убить голубя на ужинъ своей невѣстѣ и поражаетъ стрѣлою царскую дочь въ голову, проклиная невѣрныхъ.

Иваномъ, покорился волѣ Сигизмунда-Августа и затѣмъ вывелъ козаковъ съ низовья Днѣпра. Тѣмъ не менѣе, козаки не оставили пути, намѣченнаго Дашковичемъ и Вишневецкимъ, и черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ того явилась Запорожская Сѣча [1]).

Рѣка Днѣпръ, хотя и своенравная въ своемъ теченіи, представляетъ, однако, возможность безопаснаго плаванія вплоть до пороговъ; но вслѣдъ затѣмъ плаваніе на протяженіи 70 верстъ дѣлается очень опаснымъ, иногда и совершенно невозможнымъ. Русло Днѣпра въ разныхъ мѣстахъ пересѣкается грядою скалъ и камней, черезъ которое прорывается вода съ различною силою паденія [2]). По окончаніи пороговъ, Днѣпръ проходитъ черезъ гористое ущелье, называемое „Волчьимъ Горломъ“ (Кичкасъ), а потомъ разливается шире и дѣлается уже судоходенъ до самаго устья, но по всему своему теченію разбивается на множество извилистыхъ рукавовъ, образующихъ безчисленные острова и плавни (острова и луга, заливаемые въ полноводье и покрытые лѣсомъ, кустарникомъ и камышемъ). Первый изъ острововъ, вслѣдъ за Волчьимъ Горломъ, есть возвышенный и длинный островъ Хортица. За нимъ слѣдуютъ другіе острова различной величины и высоты. Острова эти представляли привольное житье для удальцевъ того времени по чрезвычайному изобилію рыбы, дичины и отличныхъ пастбищъ. И вотъ съ половины XVI вѣка, этотъ край, называемый тогда вообще „Низомъ“, сталъ болѣе и болѣе дѣлаться пріютомъ всѣхъ, кому только почему нибудь было немилымъ житье на родинѣ, и всѣхъ тѣхъ, кому, по широкой натурѣ, были по вкусу опасности и удалые набѣги. Запорожская Сѣча установилась прежде всего на островѣ Томаковкѣ, близъ впаденія въ Днѣпръ рѣки Конки. Противъ этого острова, на лѣвомъ берегу росъ огромный лѣсъ, называемый „Великій Лугъ“. Черезъ нѣсколько времени Сѣча переносилась ниже на Микитинъ Рогъ (близъ нынѣшняго Никополя), а потомъ еще нѣсколько ниже и надолго основалась близъ нынѣшняго села Капуловки. Главный центръ ея былъ на одномъ изъ острововъ, до сихъ поръ называемомъ Сѣчею. Козаки, поселившіеся въ Сѣчи, носили названіе „запорожцевъ“; а весь составъ ихъ назывался „кошемъ“.

[1]) Т.-е. засѣка. Въ 1568 году она уже существовала.

[2]) Всѣхъ пороговъ на Днѣпрѣ считается до десяти: Койдацкій, Сурскій, Лоханскій, Звонецкій, Тягинскій, Ненасытицкій (самый значительный и опасный), Волнигскій, Будило, Лишній и Гадючій или Вильный и, кромѣ того, нѣсколько „заборъ“: такъ называются камни, которыхъ гряда не доходитъ отъ одного берега до другого. Изъ нихъ самая значительная Воронова забора въ 6 верстахъ отъ Ненасытицкаго порога.

Они выбирали вольными голосами на „радѣ“ (сходкѣ) главнаго начальника, называемаго „кошевымъ атаманомъ“. Кошъ раздѣлялся на „курени“ и каждый курень состоялъ подъ начальствомъ выбраннаго „куреннаго атамана“. Поселенія низовыхъ козаковъ не ограничивались одною Січью. Въ разныхъ мѣстахъ на днѣпровскихъ островахъ и на берегахъ образовывались козацкія селитьбы и хутора. Такимъ образомъ, за порогами слагалось новое людское общество съ военнымъ характеромъ, населяемое выходцами и бѣглецами изъ Южной Руси, совершенно независимыми отъ властей, управлявшихъ Южной Русью: пороги препятствовали этимъ властямъ добраться до поселенцевъ. Сначала жители Запорожья состояли изъ однихъ только мужчинъ, такъ какъ война была главною цѣлью переселенія за пороги; притомъ же значительная часть людей, прибывавшихъ туда, не имѣла намѣренія оставаться тамъ навсегда; побывавши на Запорожьѣ, повоевавши съ татарами въ степи или совершивши какой-нибудь морской походъ, они возвращались на родину. Другіе же, по прежнему, отправлялись на Запорожье, не съ цѣлью войны, но для звѣриной охоты и рыбной ловли и, слѣдовательно, также на время. Только мало по малу стали переселяться туда семьями, и заводить хутора или „зимовники“. Въ самую Січу никогда не дозволено было допускать женщинъ.

Такимъ образомъ, козаки раздѣлились на два рода: городовыхъ, или украинскихъ и запорожскихъ, или січевыхъ. Первые, по мѣсту своего жительства, должны были надъ собою признавать польскія власти; вторые были совершенно независимы. Между тѣми и другими была тѣсная связь: очень многіе изъ городовыхъ козаковъ проводили нѣсколько лѣтъ въ Січи и вмѣняли это себѣ въ особую доблесть и славу. Польскіе паны своими поступками содѣйствовали расширенію козачества, не предвидя гибельнаго вліянія, какое оно, при тогдашнихъ условіяхъ, носило въ себѣ для строя польскаго общества. Одинъ изъ знатнѣйшихъ польскихъ пановъ, Самуилъ Зборовскій, былъ козацкимъ предводителемъ. Паны приглашали козаковъ въ своихъ походахъ; такъ Мнишки и Вишневецкіе, съ ихъ помощью, водили въ Московское Государство самозванцевъ. Польскіе короли не разъ пользовались ихъ услугами. Еще Сигизмундъ-Августъ изъялъ украинскихъ козаковъ изъ-подъ власти старостъ и поставилъ надъ ними особаго „старшо́го“. При Стефанѣ Баторіи заведены были реестры или списки, куда записывались козаки; и только вписанные въ эти реестры должны были называться козаками. Старшо̀й надъ козаками, назначенный королемъ, назывался гетманомъ. Вѣроятно,

въ это же время послѣдовало раздѣленіе козаковъ на полки (которое собственно извѣстно намъ въ нѣсколько позднее время). Полковъ было шесть: черкасскій, каневскій, бѣлоцерковскій, корсунскій, чигиринскій, переяславскій (послѣдній на лѣвой сторонѣ Днѣпра); каждый полкъ находился подъ начальствомъ полковника и его помощника асаула; полкъ дѣлился на десять сотенъ. Каждая сотня была подъ начальствомъ сотника и его помощника сотеннаго асаула. Гетману или старшóму данъ былъ для мѣстопребыванія городъ Трехтемировъ. При гетманѣ были чины: асаулъ, судья, писарь, составлявшіе генеральную старшину. Всѣхъ реестровыхъ козаковъ было только шесть тысячъ. Они пользовались свободнымъ правомъ владѣнія своими землями, не несли никакихъ податей и повинностей, и получали жалованья по червонцу на каждаго простого козака и по тулупу. Кромѣ этихъ реестровыхъ козаковъ, польское правительство долго не хотѣло знать никакихъ другихъ козаковъ: по закону, только реестровые были козаками. Но такой взглядъ шелъ въ разрѣзъ съ народнымъ стремленіемъ. Въ Южной Руси, напротивъ, всѣ хотѣли быть козаками, т.-е. вольными людьми; всѣ искали путей и средствъ обратиться въ козаковъ. Однимъ изъ такихъ путей была Запорожская Сѣча. Жители, бывшіе по закону панскими хлопами въ имѣніяхъ наслѣдственныхъ или коронныхъ, бѣгали на Запорожье, возвращаясь оттуда, не хотѣли уже служить своимъ панамъ, называли себя козаками и, какъ вольные люди, считали своею собственностью ту землю, на которой жили и которую обработывали, тогда какъ владѣлецъ признавалъ эту землю своею. Владѣльцы и ихъ управители ловили такихъ бѣглецовъ и казнили смертью, но не всегда можно было это исполнить. Многіе землевладѣльцы заводили тогда слободы и приглашали къ себѣ всякаго, давая льготы. Въ такія слободы убѣгали тѣ, которыхъ преслѣдовали на ихъ прежнемъ жительствѣ. Между самими владѣльцами возникали за это ссоры, часто происходили наѣзды другъ на друга. Иногда и сами паны приглашали къ себѣ своевольныхъ чужихъ хлоповъ, называли ихъ козаками и, съ ихъ помощью, безчинствовали противъ своей же братіи. Такіе козаки, при первомъ неудовольствіи, готовы были поступать со своими новыми панами, какъ съ прежними. Реестровые козаки мало имѣли охоты замыкать свое сословіе и охотно принимали въ него новыхъ братій, такъ что количество реестровыхъ было на дѣлѣ гораздо больше, чѣмъ на бумагѣ. Иногда такіе польскіе подданные, назвавши себя козаками, не пытались ни вступать въ реестръ, ни примыкать къ панамъ, а собирались вооруженными толпами и выбирали себѣ

предводителя, котораго называли гетманомъ. Такъ поступали въ особенности тѣ, которые бывали на Січи, воевали противъ турокъ и татаръ и пріобрѣтали себѣ тамъ,—какъ выражались тогда,—„рыцарскую славу". Эти, такъ-называемыя „своевольныя купы" (шайки) уже въ концѣ XVI вѣка стали страшны для Польши и возбуждали противъ себя строгія постановленія сейма. На дѣлѣ эти постановленія не исполнялись, тѣмъ болѣе, что и польскій король, и польскіе паны, объявивши шайки самозванныхъ козаковъ противозаконными скопищами, сами употребляли ихъ въ войнахъ съ Москвою, Швеціею и Турціею. Такимъ образомъ, кромѣ козаковъ городовыхъ, записываемыхъ въ реестры, и козаковъ січевыхъ, безпрестанно то пополняемыхъ бѣглецами изъ Украины, то убавляемыхъ уходившими назадъ въ Украину, было еще множество козаковъ своевольныхъ, состоявшихъ изъ панскихъ хлоповъ, выбиравшихъ себѣ гетмановъ. Правительство дѣлало пересмотры реестрамъ; изъ нихъ исключались лишніе козаки; эти лишніе носили названіе „выписчиковъ", но выключенные изъ реестра продолжали называть себя козаками.

Понятно, что при такихъ условіяхъ южно-русскаго общества того времени, у польскаго правительства, а главное, у польскихъ пановъ, явилось среди простого народа много враговъ; эти враги становились тѣмъ ожесточеннѣе и опаснѣе, чѣмъ сильнѣе выказывалось съ польской стороны стремленіе удержать наплывъ народа въ козачество. Польское право предавало хлопа въ безусловное распоряженіе его пана. Понятно, что такое положеніе не могло быть пріятнымъ нигдѣ; но тамъ, гдѣ народу не было никакой возможности вырваться изъ неволи, онъ терпѣлъ, изъ поколѣнія въ поколѣніе привыкалъ къ своей участи до такой степени, что пересталъ помышлять о лучшей. Въ Украинѣ было не то. Здѣсь для народа было много искушеній къ пріобрѣтенію свободы. Передъ глазами у него было вольное сословіе, составленное изъ его же братій; по сосѣдству съ нимъ были днѣпровскіе острова, куда можно было убѣжать отъ тяжелой власти; наконецъ, близость татаръ и опасность татарскихъ набѣговъ пріучали украинскаго жителя къ оружію; сами паны не могли запретить своимъ украинскимъ хлопамъ носить оружіе. Такимъ образомъ, въ народѣ южно-русскомъ поддерживался бодрый воинственный духъ, несовмѣстный съ рабскимъ состояніемъ, на которое осуждалъ его польскій общественный строй. Между тѣмъ, какъ способы панскаго управленія въ Украинѣ, такъ и свойство отношеній, въ какія поставленъ былъ высшій классъ къ низшему, никакъ не мирили

русскаго хлопа съ паномъ и не располагали его къ добровольной зависимости.

Стремленіе народа къ окозаченью, или, такъ называемое поляками, „украинское своевольство“ начало принимать религіозный оттѣнокъ и получать въ собственныхъ глазахъ русскаго народа нравственное освященіе. Уже возстанія Наливайка и Лободы въ 1596 г. прикрывались до нѣкоторой степени защитою религіи. Вслѣдъ за введеніемъ уніи, послѣдовало быстрое отступленіе русскаго высшаго класса отъ своей религіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ, и отъ своей народности. Русскіе паны стали для русскаго народа вполнѣ чужими, и власть ихъ получила видъ какъ бы иноземнаго и иновѣрнаго порабощенія. Мѣщане и хлопы, только отъ страха, а не по убѣжденію, принимали унію, и пока не свыклись съ нею въ теченіе многихъ поколѣній, долго были готовы отпасть отъ нея. Въ Украинѣ, гдѣ народъ былъ бодрѣе и менѣе подвергался рабскому страху, унія трудно пускала свои корни. Реестровые козаки не принимали ея вовсе, потому что не боялись пановъ; знакомство съ войною дѣлало ихъ отважными. Самовольные козаки еще болѣе возненавидѣли унію, какъ одинъ изъ признаковъ панскаго насилія надъ собою. Такимъ образомъ, православная религія сдѣлалась для русскаго народа знаменемъ свободы и противодѣйствія панскому гнету.

Согласное свидѣтельство современныхъ источниковъ показываетъ, что въ концѣ XVI и первой половинѣ XVII вѣка безусловное господство пановъ надъ хлопами привело послѣднихъ къ самому горькому быту. Іезуитъ Скарга, фанатическій врагъ православія и русской народности, говорилъ, что на всемъ земномъ шарѣ не найдется государства, гдѣ бы такъ обходились съ земледѣльцами какъ въ Польшѣ. „Владѣлецъ или королевскій староста не только отнимаетъ у бѣднаго хлопа все что̀ онъ заработываетъ, но и убиваетъ его самого, когда захочетъ и какъ захочетъ, и никто не скажетъ ему за это дурного слова“. Между панами въ это время распространилась страсть къ непомѣрной роскоши и мотовство, требующее большихъ издержекъ. Одинъ французъ, жившій тогда въ Польшѣ, замѣтилъ, что повседневный обѣдъ польскаго пана сто̀итъ больше, чѣмъ званный во Франціи. Тогдашній польскій обличитель нравовъ, Старовольскій, говоритъ: „Въ прежнія времена короли хаживали въ бараньихъ тулупахъ, а теперь кучеръ покрываетъ себѣ тулупъ красною матеріею, чтобы отличиться отъ простолюдина. Прежде шляхтичъ ѣздилъ на простомъ возѣ, а теперь катитъ шестернею въ коляскѣ, обитой шелковою тканью

съ серебряными украшеніями. Прежде пивали доброе домашнее пиво, а теперь и конюшни пропахли венгерскимъ. Всѣ наши деньги идутъ на заморскія вина и на сласти, а на выкупъ плѣнныхъ и на охраненіе отечества у насъ денегъ нѣтъ. Отъ сенатора до послѣдняго ремесленника всѣ проѣдаютъ и пропиваютъ свое достояніе и входятъ въ неоплатные долги. Никто не хочетъ жить трудомъ, а всякій норовитъ захватить чужое; легко достается оно, и легко спускается. Заработки убогихъ подданныхъ, содранные иногда съ ихъ слезами, а иногда со шкурою, потребляются господами, какъ гарпіями. Одна особа въ одинъ день пожираетъ столько, сколько заработываетъ много бѣдняковъ въ долгое время. Все идетъ въ одинъ дырявый мѣшокъ—брюхо. Вѣрно пухъ у поляковъ имѣетъ такое свойство, что они могутъ на немъ спать спокойно, не мучась совѣстью". Знатный панъ считалъ обязанностью держать при своемъ дворѣ толпу ничего не дѣлающихъ шляхтичей, а жена его такую же толпу шляхтянокъ. Все это падало на рабочій крестьянскій классъ. Кромѣ обыкновенной панщины, зависѣвшей отъ произвола владѣльцевъ, они были обременены множествомъ разныхъ мелкихъ поборовъ. Каждый улей былъ обложенъ налогомъ подъ именемъ „очковаго"; за вола платилъ крестьянинъ роговое; за право ловить рыбу, — ставщину; за право пасти скотъ,—спасное; за измолъ муки,—сухомельщину. Крестьянамъ не дозволялось ни приготовлять себѣ напитковъ, ни покупать ихъ иначе, какъ у жида, которому панъ отдаетъ корчму въ аренду. Ѣдетъ-ли панъ на сеймъ, или на богомолье, или на свадьбу,—на подданныхъ налагается какая-нибудь новая тягость. Въ королевскихъ имѣніяхъ, управляемыхъ старостами или же управителями, положеніе хлоповъ было еще хуже, хотя законъ предоставлялъ имъ право жаловаться на злоупотребленія; никто не смѣлъ жаловаться,—по замѣчанію Старовольскаго,—потому что обвиняемый будетъ всегда правъ, а хлопъ виноватъ. „Въ судахъ у насъ,—говоритъ тотъ же писатель,—завелись неслыханные поборы, подкупы; наши войты, лавники, бурмистры,—всѣ подкупны, а о доносчикахъ, которые подводятъ невинныхъ людей въ бѣду, и говорить нечего. Поймаютъ богатаго, запутаютъ, и засадятъ въ тюрьму, да и тянутъ съ него подарки и взятки". Кромѣ безграничнаго произвола старосты или его дозорцы, въ коронныхъ имѣніяхъ свирѣпствовали жолнѣры (солдаты), которые тогда отличались буйствами и своеволіемъ. „Много,—замѣчаетъ Старовольскій,—толкуютъ у насъ о турецкомъ рабствѣ; но это касается только военноплѣнныхъ, а не тѣхъ, которые, живя подъ турецкою

властью, занимаются земледѣліемъ или торговлей. Они, заплативши годовую дань, свободны, какъ у насъ не свободенъ ни одинъ шляхтичъ. Въ Турціи никакой паша не можетъ послѣднему мужику сдѣлать того, что́ дѣлается въ нашихъ мѣстечкахъ и селеніяхъ. У насъ въ томъ только свобода, что вольно дѣлать всякому, что́ вздумается; и отъ этого выходитъ, что бѣдный и слабый дѣлается невольникомъ богатаго и сильнаго. Любой азіатскій деспотъ не замучитъ во всю жизнь столько людей, сколько ихъ замучатъ въ одинъ годъ въ свободной Рѣчи-Посполитой“.

Но ничто такъ не тяготило и не оскорбляло русскаго народа, какъ власть іудеевъ. Паны, лѣнясь управлять имѣніями сами, отдавали ихъ въ аренду іудеямъ съ полнымъ правомъ панскаго господства надъ хлопами. И тутъ-то не было предѣла истязаніямъ надъ рабочею силою и духовною жизнью хлопа. Кромѣ всевозможнѣйшихъ проявленій произвола, іудеи, пользуясь униженіемъ православной религіи, брали въ аренды церкви, налагали пошлины за крещеніе младенцевъ („дудки“), за вѣнчаніе („поемщина“), за погребеніе и, наконецъ, вообще за всякое богослуженіе; кромѣ того, — и умышленно ругались надъ религіей. Отдавать имѣнія на аренды казалось такъ выгоднымъ, что число іудеевъ арендаторовъ увеличивалось все болѣе и болѣе, и Южная Русь очутилась подъ ихъ властью. Жалобы народа на іудейскія насильства до сихъ поръ раздаются въ народныхъ пѣсняхъ. „Если,—говорится въ одной думѣ,—родится у бѣднаго мужика или козака ребенокъ, или козаки либо мужики задумаютъ сочетать бракомъ своихъ дѣтей,—то не иди къ попу за благословеніемъ, а иди къ жиду и кланяйся ему, чтобы позволилъ отперетъ церковь, окрестить ребенка или обвѣнчать молодыхъ“. Даже римско-католическіе священники, при всей своей нетерпимости къ ненавистной для нихъ „схизмѣ“, вопіяли противъ передачи русскаго народа во власть іудеевъ. Такъ, въ одной проповѣди,—сказанной уже тогда, когда Хмельницкій разбудилъ дремавшую совѣсть пановъ,—говорится: „наши паны вывели изъ терпѣнія своихъ бѣдныхъ подданныхъ въ Украинѣ тѣмъ, что, отдавая жидамъ въ аренды имѣнія, продали схизматиковъ въ тяжелую работу. Іудеи не позволяли бѣднымъ подданнымъ крестить младенцевъ или вступать въ бракъ, не заплативъ имъ особыхъ налоговъ“.

Понятно, что народъ, находясь въ такомъ положеніи, бросался въ козачество, убѣгалъ толпами на Запорожье, и оттуда появлялся вооруженными шайками, которыя тотчасъ же разростались. Возстанія слѣдовали за возстаніями. Паны жалова-

лись на буйство и своевольство украинскаго народа. Вмѣстѣ съ этимъ шли безпрерывные набѣги на Турцію. Толпы удальцовъ, освободившись бѣгствомъ отъ тяжелаго панскаго и іудейскаго гнета, убѣгали на Запорожье, а оттуда на чайкахъ (длинныхъ лодкахъ) пускались въ море грабить турецкіе прибрежные города. Жизнь на родинѣ представляла такъ мало цѣннаго, что они не боялись подвергаться никакимъ опасностямъ; а нападать на невѣрныхъ, по понятіямъ того времени, считалось богоугоднымъ дѣломъ, тѣмъ болѣе, что цѣлью этихъ набѣговъ было столько же освобожденіе плѣнныхъ христіанъ, сколько и пріобрѣтеніе добычи отъ невѣрныхъ. Турецкіе послы постоянно жаловались польскому правительству на козаковъ. Поляки, при возможности, ловили виновныхъ и казнили ихъ, но когда сами ссорились съ турками или татарами, то давали волю тѣмъ же украинскимъ удальцамъ. Эти походы были особенно важны тѣмъ, что послужили дальнѣйшею военною школою для украинскаго народа и способствовали ему дружно и рѣшительно подниматься противъ поляковъ; на это не отваживался въ другихъ мѣстахъ русскій народъ, страдавшій подъ такимъ же гнетомъ.

Частныя мѣстныя возстанія народа были многочисленны и не всѣ намъ извѣстны. Правительство то и дѣло что производило новые реестры, желая ограничить число козаковъ. Но послѣ каждаго реестрованія, число козаковъ удвоивалось, утроивалось; лишнихъ снова исключали изъ списковъ, а эти лишніе не повиновались и увеличивали число свое силами охотниковъ. По временамъ хлопы возмущались противъ владѣльцевъ, собирались въ шайки, нападали на владѣльческія усадьбы. Жестокія казни слѣдовали за каждымъ укрощеніемъ; но мятежи вспыхивали снова. Всѣ хотѣли быть козаками; невозможно было разобрать кто настоящій козакъ и кто только называетъ себя козакомъ. Въ 1614 году, коронный гетманъ Жолкѣвскій разогналъ въ Брацлавщинѣ большую шайку, называвшую себя козаками, а 15 октября подъ Житомиромъ заключилъ съ реестровыми козаками договоръ, по которому они обязались не принимать въ свое товарищество своевольныхъ шаекъ, называвшихъ себя козаками и нападавшихъ на шляхетскія имѣнія, не собирать народа на рады; всѣмъ тѣмъ, которые самовольно называли себя козаками, велѣно оставаться подъ властью пановъ. Этотъ договоръ тотчас же былъ нарушенъ. Шляхта жаловалась королю; король писалъ универсалы; но въ этихъ универсалахъ уже проглядывало сознаніе безсилія. „Несмотря на всѣ прежнія наши мѣры,—писалъ король въ 1617 году,—козацкое своеволіе дошло до ужасающихъ крайностей; громады козаковъ не даютъ Рѣчи Посполитой покою;

шляхта не можетъ безопасно проживать въ своихъ имѣніяхъ“. Впрочемъ, въ первой четверти XVII вѣка, козацкая удаль находила себѣ поле дѣятельности то въ Московскомъ Государствѣ, то на Черномъ морѣ, то въ Турціи и Молдавіи. Подъ начальствомъ Сагайдачнаго козаки помогали полякамъ въ войнѣ съ Турціею. Но когда кончилась эта война, козацкія возстанія стали принимать значительно болѣе широкій размѣръ. Въ 1625 году, козаки отправили своихъ депутатовъ на сеймъ съ требованіемъ признать законными духовныхъ, посвященныхъ іерусалимскимъ патріархомъ, удалить унитовъ отъ церквей и церковныхъ имѣній, уничтожить всякія стѣснительныя постановленія противъ козаковъ и не ограничивать ихъ числа. Они, при своей просьбѣ, послали перечень разныхъ утѣсненій, которыя терпѣли русскіе въ Польшѣ и Литвѣ, указывали, что повсюду отнимаютъ у православныхъ церкви, тянутъ въ суды православныхъ подъ разными предлогами, отдаляютъ ихъ отъ цеховыхъ ремеслъ, сажаютъ въ тюрьмы и бьютъ священниковъ; жаловались, что православные дѣти выростаютъ безъ крещенія, люди живутъ безъ вѣнчанія и отходятъ отъ міра безъ исповѣди и св. причащенія. Просьба эта не имѣла никакихъ послѣдствій, и козаки, подъ начальствомъ гетмана Жмайла, стали расправляться сами собою: ворвались въ Кіевъ, убили кіевскаго войта Ѳедора Ходыку за ревность къ уніи; ограбили католическій монастырь, убили въ немъ священника и отправили къ московскому царю посольство съ просьбою принять козаковъ подъ свое покровительство. Этого не хотѣли имъ простить поляки, и коронный гетманъ Станиславъ Конецпольскій получилъ повелѣніе укротить козаковъ оружіемъ. Козаковъ было тысячъ до двадцати; но между ними происходили несогласія, такъ что часть ихъ разошлась. Конецпольскій прижалъ ихъ къ Днѣпру, недалеко отъ Крылова; реестровые козаки рѣшились мириться; смѣнили Жмайла, выбрали гетманомъ Михайла Дорошенка, и заключили съ польскимъ гетманомъ, на урочищѣ „Медвѣжьи лозы“, договоръ, по которому козаки должны были оставаться въ числѣ шести тысячъ и находиться подъ властью короннаго гетмана; затѣмъ всѣ, называвшіе себя козаками, должны были подчиняться своимъ старостамъ и панамъ; всѣ земли, которыя они себѣ присвоили и считали козацкими, должны быть возвращены владѣльцамъ. Договоръ этотъ не могъ разрѣшить спорныхъ вопросовъ по желанію поляковъ. Число исключенныхъ изъ козацкаго званія значительно превышало число реестровыхъ, и еще увеличивалось вновь составляемыми шайками. Непокорные хлопы бѣжали толпами въ Сѣчу. По смерти Дорошенка, убитаго въ

битвѣ съ татарами, поляки назначили надъ реестровыми козаками предводителемъ Грицька Чернаго, человѣка преданнаго полякамъ; но самовольные козаки, собравшись въ Січи, избрали гетманомъ Тараса, и двинулись въ Украину. Реестровые козаки выдали Грицька Чернаго Тарасу; запорожцы совершили надъ нимъ жестокую казнь за то, что онъ принялъ унію. Тарасъ, признанный реестровыми, распустилъ по Украинѣ универсалъ, и убѣждалъ весь народъ подняться и идти на поляковъ во имя вѣры. Многіе духовные возбуждали русскихъ къ защитѣ вѣры и жизни, потому что въ тѣ времена раздраженные поляки кричали, что надобно уничтожить схизму и истребить весь мятежный народъ, а Украину заселить поляками. Польскіе историки увѣряютъ, будто и Петръ Могила, будучи еще печерскимъ архимандритомъ, возбуждалъ народъ къ возстанію.

Поляки совершали тогда ужаснѣйшія варварства. Самуилъ Лащъ, коронный стражникъ (блюститель пограничныхъ областей) обрѣзывалъ людямъ носы и уши, отдавалъ дѣвицъ и женщинъ на поруганіе своимъ солдатамъ, и въ первый день Пасхи 1639 г., въ мѣстечкѣ Лысянкѣ, вырѣзалъ поголовно всѣхъ жителей, не разбирая ни пола, ни возраста: многіе изъ нихъ были побиты въ церкви. Для внушенія народу страха, и въ другихъ мѣстахъ дѣлалось то же. Тарасъ сосредоточилъ свои силы на лѣвой сторонѣ Днѣпра, у Переяславля. Конецпольскій вступилъ съ нимъ въ битву, которая была такъ неудачна для поляковъ, что, по свидѣтельству ихъ самихъ, у Конецпольскаго въ одинъ день пропало болѣе войска, чѣмъ за три года войны со шведами. Къ сожалѣнію, исходъ этой войны для насъ остался неизвѣстнымъ. Тарасъ какимъ-то образомъ попалъ въ руки поляковъ и былъ казненъ.

Черезъ два года умеръ Сигизмундъ III. Реестровые козаки, при сынѣ его Владиславѣ, участвовали въ походѣ противъ Москвы, но за то другіе козаки самовольно спустились въ Черное море, дѣлали нападенія на турецкія владѣнія и собирались на днѣпровскихъ островахъ, чтобы снова идти войною на поляковъ. Чтобы пресѣчь бѣгство народа за пороги, коронный гетманъ Конецпольскій заложилъ на Днѣпрѣ передъ самыми порогами крѣпость Кодакъ и оставилъ тамъ гарнизонъ подъ начальствомъ француза Маріона. Но въ августѣ 1635 года, предводитель самовольныхъ козаковъ Сулима разорилъ эту крѣпость, перебилъ гарнизонъ, и сталъ призывать народъ къ возстанію. Ему не удалось предпріятіе. Подосланные Конецпольскимъ реестровые козаки схватили Сулиму, еще не успѣвшаго собрать большого ополченія. Ему отрубили голову въ Варшавѣ.

Вслѣдъ затѣмъ объявлено снова строгое приказаніе самовольнымъ козакамъ повиноваться своимъ панамъ, а чтобы привести эту мѣру въ исполненіе, разставили въ Украинѣ польскія войска, которыя тотчасъ же начали дѣлать народу всякія насилія. Это вынудило реестровыхъ козаковъ въ 1636 году обратиться съ жалобою къ королю; они избрали своими послами двухъ сотниковъ: черкасскаго Ивана Барабаша и чигиринскаго Зиновія Богдана Хмельницкаго.

Зиновій Богданъ былъ сынъ козацкаго сотника Михайла Хмельницкаго. Въ юности онъ учился въ Ярославлѣ (галицкомъ) у іезуитовъ и получилъ по своему времени хорошее образованіе. Отецъ его былъ убитъ въ Цецорской битвѣ, несчастной для поляковъ, гдѣ палъ ихъ гетманъ Жолкѣвскій. Зиновій, участвовавшій въ битвѣ вмѣстѣ съ отцомъ, былъ взятъ турками въ плѣнъ; онъ пробылъ два года въ Константинополѣ, научился тамъ турецкому языку и восточнымъ обычаямъ, что̀ ему впослѣдствіи пригодилось. Послѣ примиренія Польши съ Турціею, Зиновій возвратился въ отечество, служилъ въ козацкой службѣ и получилъ чинъ сотника. Есть извѣстіе, что онъ былъ подъ Смоленскомъ въ 1632 году и получилъ отъ Владислава саблю за храбрость [1]).

Для разсмотрѣнія козацкихъ жалобъ назначенъ былъ сенаторъ и воевода брацлавскій Адамъ Кисель, православный панъ, считавшій себя отличнымъ ораторомъ и искуснымъ дипломатомъ. Онъ началъ хитрить съ козаками и водить ихъ, стараясь успокоить реестровыхъ обѣщаніями денегъ, а главное, добиваясь исключенія изъ реестра лишнихъ козаковъ и возвращенія ихъ подъ власть своихъ пановъ. Старшимъ надъ реестровыми козаками былъ тогда Василій Томиленко, человѣкъ старый, нерѣшительный, но тѣмъ не менѣе сердечно преданный козацкому дѣлу. Въ то время, какъ онъ въ Украинѣ толковалъ съ Киселемъ, новый предводитель самовольныхъ козаковъ Павлюкъ ворвался изъ Січи въ Украину съ 200 человѣкъ, захватилъ въ Черкасахъ всю козацкую артиллерію и ушелъ обратно въ Січу, а оттуда писалъ убѣжденіе къ реестровымъ козакамъ соединиться съ „выписчиками“ и дружно защищаться противъ поляковъ. Томиленко колебался, а Кисель,—который, по собственному его признанію, производилъ между козаками раздоры,—подобралъ кружокъ реестровыхъ козаковъ и составилъ изъ нихъ раду на рѣкѣ Русавѣ.

[1]) Такъ говоритъ одна малорусская лѣтопись, прибавляя, что черезъ двадцать два года, когда онъ сдѣлался подданнымъ Алексѣя Михайловича, то говорилъ; „сабля эта порочитъ Богдана.“

Эга рада низложила Томиленка и выбрала въ гетманы переяславскаго полковника Савву Кононовича, родомъ великорусса, преданнаго панскимъ видамъ. Вмѣстѣ съ Томиленкомъ отрѣшили другихъ старшинъ, и только лукавый писарь Онушкевичъ остался въ своемъ званіи. Павлюкъ, узнавши о такомъ переворотѣ, послалъ своего друга, чигиринскаго полковника Карпа Скидана, съ отрядомъ въ Переславль, а самъ сталъ съ войскомъ у Крылова. Скиданъ вошелъ ночью въ Переяславль, схватилъ Кононовича, писаря Онушкевича, новопоставленныхъ старшинъ, и привезъ ихъ въ Крыловъ. Козаки осудили ихъ и разстрѣляли. Гетманомъ выбрали Павлюка. Томиленко, добровольно уступая ему первенство, остался его товарищемъ и другомъ.

Павлюкъ разослалъ универсалъ по всѣмъ городамъ, мѣстечкамъ и селамъ и призывалъ весь русскій народъ къ возстанію: „Повелѣваемъ вамъ и убѣждаемъ васъ, чтобы вы всѣ единодушно, отъ мала до велика, покинувши всѣ свои занятія, немедленно собрались ко мнѣ".

На призывъ Павлюка прежде всего отозвались, на лѣвой сторонѣ Днѣпра, такъ-называемыя, новыя слободы, а потомъ и на правой раздался, говоритъ современникъ, крикъ: „на свободу! на свободу!" Одни бѣжали къ Павлюку; другіе составляли шайки, бросались на панскіе дворы и забирали тамъ запасы, лошадей, оружіе. Самъ Павлюкъ, разославши универсалъ, уѣхалъ въ Січь собирать запорожцевъ, а начальство въ Украинѣ поручилъ Скидану.

Всѣ реестровые полки, одинъ за другимъ, перешли на сторону возстанія. Скиданъ заложилъ свой станъ въ Мошнахъ (черкасскаго уѣзда). Конецпольскій послалъ противъ козаковъ своего товарища Потоцкаго.

6 декабря 1637 года произошла битва близъ деревни Кумейки. Русскіе бились отчаянно; но сильный холодный вѣтеръ дулъ имъ въ лицо; они были разбиты, ушли къ Днѣпру и стали въ мѣстечкѣ Боровицахъ. Прибылъ Павлюкъ; но козаки возмутились противъ него за то, что онъ не въ пору ушелъ въ Січь и пропустилъ удобное время. Кисель, находившійся съ Потоцкимъ, уговорилъ козаковъ выдать Павлюка съ товарищами, поручившись, что король даруетъ имъ прощеніе. Реестровые козаки низложили Павлюка съ гетманства, провозгласили было гетманомъ одного изъ старшинъ Дмитра Томашевича-Гуню, но Гуня не согласился получить старшинство цѣною выдачи своихъ товарищей. Тогда реестровые козаки схватили Павлюка, Томиленка и какого-то Ивана Злого и привели къ Потоцкому.

Заключенъ былъ съ польскимъ военачальникомъ договоръ:

козаки обѣщали повиноваться польскому правительству. Договоръ этотъ былъ подписанъ Зиновіемъ Богданомъ Хмельницкимъ, носившимъ уже званіе генеральнаго писаря. Потоцкій назначилъ надъ козаками старшимъ Ильяша Караимовича; Гуня, Скиданъ и другіе убѣжали.

Павлюка, Томиленка и Злого привезли въ Варшаву. Напрасно Кисель передъ сеймомъ умолялъ даровать имъ жизнь, ссылаясь на свое поручительство. Его протеста не уважили. Козацкимъ предводителямъ отрубили головы.

Потоцкій, между тѣмъ, покончивши въ Украинѣ, началъ безжалостно казнить мятежниковъ. Вся дорога отъ Днѣпра до Нѣжина уставлена была посаженными на колъ хлопами. Но въ то время, когда Потоцкій казнилъ сотнями мятежниковъ и кричалъ: „я изъ васъ восковыхъ сдѣлаю!“ русскіе смѣло говорили ему: „Если ты, панъ гетманъ, хочешь казнить виновныхъ, то посади на колъ разомъ всю правую и всю лѣвую сторону Днѣпра“.

Какъ только началась весна 1638 года, по всей Украинѣ разнеслась вѣсть, что съ Запорожья идетъ новое ополченіе. Тамъ выбрали гетманомъ полтавца Остранина. Съ нимъ шелъ Скиданъ. Толпы народа бросились къ нимъ со всѣхъ сторонъ. Потоцкій выступилъ противъ нихъ и потерпѣлъ пораженіе подъ Голтвою. Но между козацкими предводителями не было ладу. Поляки, поправившись отъ пораженія, атаковали Остранина подъ Жовниномъ, близъ Днѣпра. Остранинъ убѣжалъ изъ войска въ Московское Государство. Козаки избрали старшимъ Дмитра Томашевича-Гуню. Реестровые тогда не пристали къ возстанію, потому что находились съ польскимъ войскомъ подъ начальствомъ чиновниковъ, назначенныхъ поляками. Гуня, съ половины іюня до половины августа, упорно стоялъ противъ поляковъ, соглашался мириться, но не иначе, какъ на сколько-нибудь выгодныхъ условіяхъ. Наконецъ, козаки положили оружіе. Гуня ушелъ въ Московское Государство. Скиданъ, еще прежде отправившійся за Днѣпръ для собранія новыхъ силъ, попался въ плѣнъ.

Съ этихъ поръ поляки, хотя оставили реестровыхъ козаковъ въ прежнемъ числѣ, но давали имъ начальниковъ изъ лицъ шляхетскаго званія. Вмѣсто гетмана у нихъ былъ назначенъ коммиссаръ, нѣкто Петръ Комаровскій: генеральный писарь Зиновій Богданъ Хмельницкій лишился своей должности и остался по прежнему чигиринскимъ сотникомъ. Чтобы преградить побѣги народа за пороги, возобновленъ былъ Кодакъ. Разсказываютъ, что Конецпольскій, пріѣхавши осматривать возстановлен-

ную крѣпость, созвалъ къ себѣ козацкихъ старшинъ и насмѣшливо спросилъ ихъ: „какъ вамъ кажется Кодакъ?“—Manu facta, manu destruo“ (что человѣческими руками созидается, то и человѣческими руками разрушается)—отвѣчалъ ему Хмельницкій.

Поляки пришли къ убѣжденію, что для укрощенія страсти къ мятежамъ, овладѣвшей русскимъ народомъ, надобно принимать самыя строгія мѣры; за малѣйшую попытку къ возстанію казнили самымъ варварскимъ образомъ: „и мучительство фараоново,—говоритъ малорусская лѣтопись,—ничего не значитъ противъ ляшскаго тиранства. Ляхи дѣтей въ котлахъ варили, женщинамъ выдавливали груди деревомъ и творили иныя неисповѣдимыя мучительства“ [1]).

Козакамъ уже трудно было начинать возстаніе. Сами реестровые козаки были почти обращены въ хлоповъ и работали панщину на своихъ начальниковъ шляхетскаго званія. Иной поворотъ всему русскому дѣлу данъ былъ во дворцѣ короля Владислава.

Этотъ король, отъ природы умный и дѣятельный, тяготился своимъ положеніемъ, осуждавшимъ его на бездѣйствіе; тяжела была ему анархія, господствовавшая въ его королевствѣ. Его самолюбіе постоянно терпѣло униженіе отъ надменныхъ пановъ. Королю хотѣлось начать войну съ Турціею. По всеобщему мнѣнію современниковъ, за этимъ желаніемъ укрывалось другое: усилить посредствомъ войны свою королевскую власть. Хотя нѣтъ никакихъ письменныхъ признаній съ его стороны въ этомъ умыслѣ, но все шляхетство отъ мала до велика было въ этомъ увѣрено и считало соумышленникомъ короля канцлера Оссолинскаго. Впрочемъ послѣдній, если и потакалъ замысламъ короля, то вовсе не былъ надежнымъ человѣкомъ для того, чтобъ ихъ исполнить. Это былъ роскошный, изнѣженный, суетный, малодушный аристократъ, умѣлъ красно говорить, но не въ состояніи былъ бороться противъ неудачъ, и болѣе всего заботясь о самомъ себѣ, въ виду опасности всегда готовъ былъ перейти на противную сторону.

Въ 1645 году прибылъ въ Польшу венеціанскій посланникъ Тьеполо побуждать Польшу вступить съ Венеціею въ союзъ противъ турокъ; онъ обѣщалъ съ венеціанской стороны большія суммы денегъ и болѣе всего домогался, чтобы польское правительство дозволило козакамъ начать свои морскіе походы на

[1]) Достовѣрность этихъ извѣстій подтверждается и современными великорусскими извѣстіями: „польскіе и литовскіе люди ихъ христіанскую вѣру нарушили и церкви ихъ, людей сбирая въ хоромы, пожигали, и пищальное зелье, насыпавъ имъ въ пазуху, зажигаютъ и сосцы у женъ ихъ рѣзали“...

турецкіе берега. Папскій нунцій также побуждалъ польскаго короля къ войнѣ. Надѣялись на соучастіе господарей молдавскаго и валашскаго, на седмиградскаго князя и на московскаго царя. Въ началѣ 1646 года польскій король заключилъ съ Венеціей договоръ; Тьеполо выдалъ королю 20,000 талеровъ на постройку козацкихъ чаекъ; король пригласилъ въ Варшаву четырехъ козацкихъ старшинъ: Ильяша Караимовича, Барабаша, Богдана Хмельницкаго и Нестеренка. Хмельницкій не задолго былъ во Франціи, гдѣ совѣщался съ графомъ Дебрежи, назначеннымъ посланникомъ въ Польшу, на счетъ доставки козаковъ во французское войско. Затѣмъ 2,400 охочихъ козаковъ отправились во Францію и въ 1646 году участвовали при взятіи Дюнкерка у испанцевъ.

Король видѣлся съ козацкими старшинами ночью, обласкалъ ихъ, обѣщалъ увеличить число козаковъ до 20,000, кромѣ реестровыхъ, отдалъ приказаніе построить чайки и далъ имъ 6,000 талеровъ, обѣщая заплатить въ теченіе двухъ лѣтъ 60,000.

Все это дѣлалось втайнѣ, но не могло долго сохраняться втайнѣ. Король выдалъ такъ называемые приповѣдные листы для вербовки войска за-границею. Вербовка пошла сначала быстро. Въ Польшу стали прибывать нѣмецкіе солдаты, участвовавшіе въ тридцатилѣтней войнѣ и не привыкшіе сдерживать своего произвола. Шляхта, зорко смотрѣвшая за неприкосновенностью своихъ привилегій, стала кричать противъ короля. Сенаторы также подняли ропотъ. Королю ничего не оставалось, какъ предать свои замыслы на обсужденіе сейма.

Въ сентябрѣ 1646 года открылись предварительные сеймики по воеводствамъ. Шляхта повсюду оказалась нерасположенною къ войнѣ и толковала въ самую дурную сторону королевскіе замыслы. „Король,—кричали на сеймикахъ,—затѣваетъ войну, чтобы составить войско, взять его себѣ подъ начальство и посредствомъ его укоротить шляхетскія вольности. Онъ хочетъ обратить хлоповъ въ шляхту, а шляхту въ хлоповъ". Возникали самыя чудовищныя выдумки; болтали, что король хочетъ устроить рѣзню въ родѣ Варѳоломеевской ночи; Оссолинскаго обзывали измѣнникомъ отечества.

Въ ноябрѣ собрался сеймъ въ Варшавѣ. Всѣ единогласно закричали противъ войны. Королю оставалось покориться волѣ сейма и приказать распустить навербованное войско, а козакамъ запретить строить чайки. Короля обязали впередъ не собирать войскъ и не входить въ союзы съ иностранными державами безъ воли Рѣчи-Посполитой [1]).

[1]) По замѣчанію Тьеполо королю стоило только подкупить нѣсколькихъ пословъ

Козацкіе чиновники, Караимовичъ и Барабашъ, видя, что предпріятіе короля не удается, припрятали королевскую привилегію на увеличеніе козацкаго сословія и на постройку чаекъ. Хмельницкій хитростью досталъ эту привилегію въ свои руки. Разсказываютъ, что онъ пригласилъ въ свой хуторъ Суб́ботово козацкаго старшо́го (неизвѣстно, Караимовича или Барабаша) и, напоивши его до пьяна, взялъ у него шапку и платокъ и отправилъ слугу своего къ женѣ старшо́го за привилегіею. Признавъ вещи своего мужа, жена выдала важную бумагу.

Вслѣдъ за тѣмъ съ Хмельницкимъ произошло событіе, вѣроятно, имѣвшее связь съ похищеніемъ привилегіи. Его хуторъ Суб́ботово (въ 8 верстахъ отъ Чигирина) былъ подаренъ отцу его прежнимъ чигиринскимъ старостою Даниловичемъ. Въ Чигиринѣ былъ уже другой староста Александръ Конецпольскій, а у него подстаростою (управителемъ) шляхтичъ Чаплинскій. Послѣдній выпросилъ себѣ у Конецпольскаго Суб́ботово, такъ какъ у Хмельницкаго не было документовъ на владѣніе. Получивши согласіе старосты Конецпольскаго, Чаплинскій, по польскому обычаю, сдѣлалъ наѣздъ на Суб́ботово въ то время, когда Хмельницкій былъ въ отсутствіи; и когда десятилѣтній мальчикъ, сынъ Хмельницкаго, ему сказалъ что́-то грубое, то онъ приказалъ его высѣчь. Слуги такъ немилосердно исполнили это приказаніе, что дитя умерло на другой день. Кромѣ того, Чаплинскій обвѣнчался по уставу римско-католической церкви съ женщиною, которую любилъ Хмельницкій: нѣкоторые говорятъ, что она уже тогда была его второю женою, которую Хмельницкій взялъ послѣ смерти первой своей супруги, Анны Сомко [1]).

Хмельницкій искалъ судомъ на Чаплинскаго, но не могъ ничего сдѣлать, потому что не имѣлъ письменныхъ документовъ на имѣніе. Въ польскомъ судѣ того времени трудно было козаку тягаться съ шляхтичемъ, покровительствуемымъ важнымъ паномъ [2]).

чтобы созвать сеймъ, такъ-какъ въ Польшѣ голосъ одного посла уничтожалъ рѣшеніе цѣлаго сейма. Но король не рѣшился на эту мѣру, потому что боялся междоусобій. Притомъ онъ старался поддерживать къ себѣ расположеніе націи, въ надеждѣ, что поляки со временемъ выберутъ на престолъ его сына.

[1]) Матери сыновей Хмельницкаго, Тимоѳея и Юрія и дочерей: Стефаниды и Екатерины.

[2]) Осталось преданіе, записанное въ современныхъ лѣтописяхъ, за достовѣрность котораго поручиться нельзя. Разсказывается, будто Хмельницкій обращался къ королю, и Владиславъ сказалъ ему: „вы воины и носите сабли; кто вамъ за себя стать запрещаетъ?“

Тогда Хмельницкій собралъ сходку до тридцати человѣкъ козаковъ и сталъ съ ними совѣтоваться, какъ бы воспользоваться привилегіей, данной королемъ, возстановить силу козачества, возвратить свободу православной вѣрѣ и оградить русскій народъ отъ своеволія польскихъ пановъ. Одинъ сотникъ, бывшій на этой сходкѣ, сдѣлалъ доносъ на Хмельницкаго. Коронный гетманъ Потоцкій приказалъ арестовать Хмельницкаго. Но переяславскій полковникъ Кречовскій, которому былъ отданъ Хмельницкій подъ надзоръ, освободилъ арестованнаго. Хмельницкій верхомъ убѣжалъ степью въ Запорожскую Січь, которая была тогда на „Микитиномъ Рогѣ“.

Здѣсь засталъ Хмельницкій не болѣе трехъ сотъ удальцевъ, но они кликнули кличъ и стали сбирать съ разныхъ днѣпровскихъ острововъ и береговъ проживавшихъ тамъ бѣглецовъ. Самъ Хмельницкій отправился въ Крымъ. Онъ показалъ привилегію короля Владислава хану. Ханъ Исламъ-Гирей увидѣлъ ясныя доказательства, что польскій король затѣвалъ противъ Крыма и противъ Турціи войну; кромѣ того, ханъ былъ уже золъ на короля за то, что уже нѣсколько лѣтъ не получалъ изъ Польши обычныхъ денегъ, которыя поляки называли подарками, а татары считали данью. Представился татарамъ отличный и благовидный поводъ къ пріобрѣтенію добычи. Однако, ханъ самъ не двинулся на Польшу, хотя обѣщалъ сдѣлать это со временемъ, но дозволилъ Хмельницкому пригласить съ собою кого-нибудь изъ мурзъ. Хмельницкій позвалъ Тугай-бея, перекопскаго мурзу, славнаго своими наѣздами: у Тугай-бея было до четырехъ тысячъ ногаевъ.

Это дѣлалось зимою съ 1647 на 1648 годъ. Коронный гетманъ Николай Потоцкій и польный (его помощникъ) Мартинъ Калиновскій собирали войско, приглашали пановъ являться къ нимъ на помощь съ своими отрядами, которые, по тогдашнему обычаю, паны держали у себя подъ названіемъ надворныхъ командъ. Потоцкій пытался какъ-нибудь хитростью выманить Хмельницкаго изъ Січи, отправлялъ къ нему письма въ Січу. Но попытки его въ этомъ родѣ не удались.

Между тѣмъ, русскій народъ готовился къ возстанію. Козаки, переодѣтые то нищими, то богомольцами, ходили по городамъ и селамъ и уговаривали жителей—то отворить козакамъ Хмельницкаго ворота города, то насыпать песку въ польскія пушки, то бѣжать въ степь въ ряды воиновъ запорожскихъ. Поляки принимали строгія мѣры: запрещали ходить толпами по улицамъ, собираться въ домахъ, забирали у жителей оружіе, или отвинчивали у ихъ ружей замки, жестоко мучили и казнили

тѣхъ, кого подозрѣвали въ соумышленіи съ Хмельницкимъ. Потоцкій объявилъ своимъ универсаломъ, что всякій убѣжавшій въ Запорожье отвѣчаетъ жизнью своей жены и дѣтей. Такія мѣры обратились во вредъ полякамъ и раздражили ужъ и безъ того ненавидѣвшій ихъ русскій народъ. Съ лѣвой стороны Днѣпра убѣгать было удобнѣе, и толпы спѣшили оттуда къ Хмельницкому. Весною у него образовалось тысячъ до восьми. Въ апрѣлѣ до предводителей польскаго войска дошелъ слухъ, что ихъ врагъ выступаетъ изъ Сѣчи; вмѣсто того, чтобъ идти на него всѣмъ своимъ войскомъ, они отправили противъ него реестровыхъ козаковъ съ ихъ начальниками по Днѣпру на байдакахъ (большихъ судахъ), а берегомъ небольшой отрядъ конницы, подъ начальствомъ молодого сына короннаго гетмана, Стефана, съ козацкимъ коммиссаромъ Шембергомъ. „Стыдно,— говорилъ тогда коронный гетманъ,—посылать большое войско противъ какой-нибудь презрѣнной шайки подлыхъ хлоповъ".

Козаки, плывшіе на байдакахъ по Днѣпру, достигли 2-го мая урочища, называемаго „Каменнымъ Затономъ" и остановились, ожидая идущаго берегомъ польскаго отряда. Часть козаковъ вышла на берегъ. Ночью съ 3-го на 4-е мая явился къ нимъ посланецъ Хмельницкаго, козакъ Ганжа, и смѣлою рѣчью воодушевилъ ихъ, уже и безъ того расположенныхъ къ возстанію. Полковникъ Кречовскій, находившійся въ высланномъ реестровомъ войскѣ, съ своей стороны, возбуждалъ за Хмельницкаго козаковъ. Реестровые утопили своихъ шляхетскихъ начальниковъ, угодниковъ панской власти; въ числѣ ихъ погибли Караимовичъ и Барабашъ. Утромъ всѣ присоединились къ Хмельницкому.

Усиливши реестровыми козаками свое войско, Хмельницкій разбилъ 5-го мая польскій отрядъ у протока, называемаго „Желтыя Воды". Сынъ короннаго гетмана Стефанъ умеръ отъ ранъ; другихъ пановъ взяли въ плѣнъ. Въ числѣ плѣнныхъ было тогда два знаменитыхъ впослѣдствіи человѣка: первый былъ Стефанъ Чарнецкій, которому суждено было сдѣлаться искуснымъ польскимъ полководцемъ и свирѣпымъ мучителемъ русскаго народа; второй былъ Иванъ Выговскій, русскій шляхтичъ: попавшись въ плѣнъ, этотъ человѣкъ до того съумѣлъ поддѣлаться къ Хмельницкому, что въ короткое время сталъ генеральнымъ писаремъ и важнѣйшимъ совѣтникомъ гетмана.

Главное польское войско стояло близъ Черкасъ, когда одинъ раненый полякъ принесъ туда извѣстіе о пораженіи высланнаго въ степь отряда. Потоцкій и Калиновскій не ладили другъ съ другомъ, дѣлали распоряженія на-перекоръ одинъ другому,

согласились, однако, на томъ, что надобно имъ отступить поближе къ польскимъ границамъ. Они двинулись отъ Черкасъ и достигли города Корсуна, на рѣкѣ Роси; здѣсь они услыхали, что Хмельницкій уже недалеко, и рѣшили остановиться и дать сраженіе; но 15-го мая появился Хмельницкій подъ Корсуномъ: пойманные поляками козаки насказали имъ много преувеличенныхъ извѣстій о количествѣ и силѣ войска Хмельницкаго. Калиновскій готовъ былъ дать битву; Потоцкій не дозволилъ, и велѣлъ уходить по такому пути, по которому удобно было бы ускользнуть отъ непріятеля. Поляки взяли себѣ въ проводники одного русскаго хлопа, который, какъ видно, съ намѣреніемъ былъ подосланъ Хмельницкимъ. Между тѣмъ, разсчитывая напередъ, куда поляки пойдутъ, козацкій предводитель заранѣе услалъ своихъ козаковъ и приказалъ имъ при спускѣ съ горы въ долину, называемую „Крутая Балка“, обрѣзать гору и сдѣлать обрывъ, преграждающій путь возамъ и лошадямъ. Планъ удался какъ нельзя лучше. Поляки со всѣмъ своимъ обозомъ наткнулись прямо на это роковое мѣсто, кругомъ поросшее тогда лѣсомъ, и въ то же время на нихъ ударили со всѣхъ сторонъ козаки и татары; ихъ постигло полное пораженіе. Оба предводителя попались въ плѣнъ; вся артиллерія, всѣ запасы и пожитки достались побѣдителямъ. Шляхтичи, составлявшіе войско, не спасли себя бѣгствомъ. Хлопы ловили ихъ, убивали или приводили къ козакамъ. Хмельницкій отдалъ польскихъ предводителей въ плѣнъ татарамъ, съ тѣмъ, чтобы заохотить ихъ къ дальнѣйшей помощи козакамъ.

Корсунская побѣда была чрезвычайно важнымъ, еще небывалымъ въ своемъ родѣ событіемъ; русскому народу какъ-бы разомъ открылись глаза: онъ увидалъ и понялъ, что его поработители не такъ могучи и непобѣдимы; панская гордыня пала подъ дружными ударами рабовъ, рѣшившихся наконецъ сбросить съ себя ярмо неволи.

Послѣ этой первой побѣды, Хмельницкій пріостановился и отправилъ въ Варшаву козацкихъ пословъ съ жалобами и объясненіями, но въ это самое время короля Владислава постигла смерть въ Меречѣ, подавшая поводъ къ толкамъ объ отравѣ. Въ Польшѣ наступило безкоролевье, предстоялъ новый выборъ короля.

По усиленной просьбѣ брацлавскаго воеводы Адама Киселя, хотѣвшаго какъ-нибудь протянуть время, Хмельницкій согласился вступить въ переговоры, и до сентября не шелъ съ войскомъ далѣе на Польшу; но мало довѣряя возможности примиренія съ поляками, написалъ грамоту къ царю Алексѣю

Михайловичу, въ которой изъявлялъ желаніе поступить подъ власть единаго русскаго государя, чтобъ исполнилось, какъ онъ выражался, „изъ давнихъ лѣтъ глаголемое пророчество“. Онъ убѣждалъ царя пользоваться временемъ и наступить на Польшу и Литву въ то время, когда козаки будутъ напирать на ляховъ съ другой стороны. Московскій царь не воспользовался тогда удобнымъ случаемъ, а самъ Хмельницкій напрасно потерялъ нѣсколько мѣсяцевъ въ безполезныхъ переговорахъ съ Киселемъ и его таварищами, облеченными званіемъ коммиссаровъ.

Южнорусскій народъ смотрѣлъ совсѣмъ не такъ на обстоятельства, постигшія его. Какъ только разошлась вѣсть о побѣдѣ надъ польскимъ войскомъ, во всѣхъ предѣлахъ русской земли, находившейся подъ властью Польши, даже и въ Бѣлоруссіи, болѣе свыкшейся съ порабощеніемъ, чѣмъ Южная Русь, вспыхнуло возстаніе. Хлопы собирались въ шайки, называемыя тогда загонами, нападали на панскія усадьбы, разоряли ихъ, убивали владѣльцевъ и ихъ дозорцевъ, истребляли католическихъ духовныхъ; доставалось и унитамъ и всякому, кто только былъ подозрѣваемъ въ расположеніи къ полякамъ. „Тогда,—по замѣчанію современника-лѣтописца,—гибли православные ремесленники и торговцы за то единственно, что носили польское платье, и не одинъ щеголь заплатилъ жизнью за то, что, по польскому обычаю, подбривалъ себѣ голову“. Убійства сопровождались варварскими истязаніями: сдирали съ живыхъ кожу, распиливали пополамъ; забивали до смерти палками, жарили на угольяхъ, обливали кипяткомъ; обматывали голову по переносицѣ тетивою лука, повертывали голову и потомъ спускали лукъ, такъ что у жертвы выскакивали глаза; не было пощады и груднымъ младенцамъ. Самое ужасное остервенѣніе показывалъ народъ къ іудеямъ: они осуждены были на конечное истребленіе, и всякая жалость къ нимъ считалась измѣною. Свитки закона были извлекаемы изъ синагогъ: козаки плясали на нихъ и пили водку, потомъ клали на нихъ іудеевъ и рѣзали безъ милосердія; тысячи іудейскихъ младенцевъ были бросаемы въ колодцы и засыпаемы землею [1]). По сказанію современниковъ,

[1]) Въ Ладыжинѣ, по извѣстію современника, козаки положили нѣсколько тысячъ связанныхъ іудеевъ на лугу, сначала предложили имъ принять христіанство и обѣщали пощаду, но іудеи отвергли эти предложенія; тогда козаки сказали: такъ вы сами виноваты; мы перебьемъ васъ за то, что вы ругались надъ нашею вѣрою. И потомъ всѣхъ истребили, не щадя ни пола, ни возраста. Страшное избіеніе постигло іудеевъ въ Полонномъ, гдѣ такъ много ихъ перерѣзали, что кровь лилась потоками черезъ окна домовъ. Въ другомъ мѣстѣ козаки рѣзали іудейскихъ младенцевъ и

въ Украинѣ ихъ погибло тогда до ста тысячъ, не считая тѣхъ, которые померли отъ голода и жажды въ лѣсахъ, болотахъ, подземельяхъ, и потонули въ водѣ во время безполезнаго бѣгства. „Вездѣ по полямъ, по горамъ лежали тѣла нашихъ братій,—говоритъ современный іудейскій раввинъ:—не было имъ спасенія потому, что гонители ихъ были быстры, какъ орлы небесные“. Только тѣ спасли себя, которые, изъ страха за жизнь, приняли христіанство: такимъ русскіе прощали все прежнее и оставляли ихъ живыми съ ихъ имуществами; но перекресты скоро объявили себя снова іудеями, какъ только миновала опасность, и они могли выбраться изъ Украины.

Все польское, все шляхетское въ Южной Руси нѣсколько времени поражено было какимъ-то безумнымъ страхомъ, не защищалось и бѣжало. Паны, имѣвшіе у себя вооруженныя команды, не въ силахъ были и не рѣшались противостоять народному возстанію. Только одинъ изъ пановъ не потерялъ тогда присутствія духа: то былъ Іеремія Вишневецкій, сынъ Михаила и молдавской княжны изъ дома Могилъ. Онъ родился въ православной вѣрѣ, но совращенъ былъ іезуитами въ католичество и сдѣлался жестокимъ ненавистникомъ и гонителемъ всего русскаго. При началѣ возстанія, Вишневецкій жилъ въ Лубнахъ, на лѣвой сторонѣ Днѣпра, гдѣ у него, какъ и на правой, были обширныя владѣнія; онъ принужденъ былъ со своею командою, состоявшею изъ шляхты, содержимой на его счетъ, перейти на правый берегъ и началъ въ своихъ имѣніяхъ казнить мятежниковъ съ такимъ же звѣрствомъ, какое выказывали ожесточенные хлопы надъ поляками и іудеями, выдумывалъ самыя затѣйливыя казни, наслаждался муками, совершаемыми передъ его глазами, и приговаривалъ: „мучьте ихъ такъ, чтобы они чувствовали, что умираютъ!“ Своимъ примѣромъ увлекъ онъ за собою нѣсколькихъ пановъ, и вмѣстѣ съ ними, началъ давать отпоръ народу, сражался нѣсколько разъ съ многочисленнымъ отрядомъ русскихъ хлоповъ и козаковъ, бывшихъ подъ начальствомъ полковника Кривоноса, но несмотря на всю свою горячность, не могъ сломить его и уѣхалъ въ Польшу. Хмельницкій считалъ его своимъ первѣйшимъ врагомъ, и жестокости, совершенныя Вишневецкимъ надъ русскимъ народомъ, ставилъ поводомъ къ разорванію начатыхъ переговоровъ.

передъ глазами ихъ родителей разсматривали внутренности зарѣзанныхъ, насмѣхаясь надъ обычнымъ у евреевъ раздѣленіемъ мяса на кошеръ (что можно ѣсть) и трефъ (чего нельзя ѣсть) и объ однихъ говорили: это кошеръ—ѣшьте! а о другихъ: это трефъ—бросайте собакамъ!

Паны сенаторы, заправлявшіе дѣлами во время безкоролевья, составили ополченіе изъ шляхты; начальства надъ этимъ ополченіемъ добивался себѣ Вишневецкій, но, вмѣсто него, назначены были три полководца: князь Доминикъ Заславскій, Александръ Конецпольскій (сынъ недавно умершаго гетмана Станислава) и Остророгъ. Хмельницкій, пропустивши. лѣто, въ сентябрѣ отправился противъ нихъ.

Всего войска, выставленнаго противъ Хмельницкаго, было тридцать-шесть тысячъ. Польское шляхетство въ это время не отличалось воинственностью, проводило въ своихъ имѣніяхъ спокойную и веселую жизнь, пользуясь изобиліемъ, которое доставляли ему труды порабощеннаго народа; въ войскѣ выставленномъ противъ Хмельницкаго, большая часть была такихъ, которые только въ первый разъ выходили на войну. Привычка считать хлоповъ полу-скотами побуждала поляковъ смотрѣть легкомысленно на войну. „Противъ такой сволочи —говорили паны—не стоитъ тратить пуль; мы ихъ плетьми разгонимъ по полю!“ Другіе были до того самонадѣянны, что призносили такую молитву: „Господи, не помогай ни намъ, ни имъ, а только смотри, какъ мы раздѣлаемся съ этимъ негоднымъ мужичьемъ!“ Польскій военный лагерь сдѣлался сборнымъ мѣстомъ, куда поляки ѣхали не драться съ непріятелемъ, а повеселиться и пощеголять. Другъ передъ другомъ они старались выказать цѣнность своихъ коней, богатство упряжи, красоту собственныхъ нарядовъ, позолоченные луки на сѣдлахъ, сабли съ серебряною насѣчкою, чепраки вышитые золотомъ, бархатные кунтуши подбитые дорогими мѣхами, на шапкахъ кисти, усѣянныя драгоцѣнными камнями, сапоги съ серебряными и золотыми шпорами; но болѣе всего паны силились отличиться, одинъ передъ другимъ, роскошью стола и кухни. За ними въ лагерь везли огромные склады посуды, ѣхали толпы слугъ; въ богато-украшенныхъ панскихъ шатрахъ блистали чеканные кубки, чарки, тарелки, даже умывальники и тазы были серебряные; и было въ этомъ лагерѣ, по замѣчанію современниковъ, больше серебра, чѣмъ свипцу. Привезли паны съ собою бочки съ венгерскимъ виномъ, старымъ медомъ, пивомъ, запасы варенья, конфектъ, разныхъ лакомствъ, везли за ними богатыя постели и ванны; однимъ словомъ, это былъ увеселительный съѣздъ пановъ. Съ утра до вечера отправлялись пиры съ музыкою и танцы. Между тѣмъ, многочисленная прислуга, прибывшая съ панами для служенія ихъ затѣямъ, и наемные солдаты, которые, получивъ жалованье впередъ, истратили его,— безчинствовали надъ окрестными жителями, грабили ихъ, и

жители говорили, что защитники, какими выставляли себя эти военные люди, хуже ихъ разоряютъ, чѣмъ козаки, которыхъ поляки старались выставить непріятелями и разорителями народа.

20 сентября приблизился Хмельницкій къ этому роскошному польскому стану; маленькая рѣчка Пилявка отдѣляла козаковъ отъ поляковъ. Послѣ незначительной схватки, русскіе плѣнники напугали поляковъ, что у Хмельницкаго шло огромное войско, и онъ съ часу на часъ дожидается хана съ ордою. Это произвело такой всеобщій и внезапный страхъ, что ночью всѣ побѣжали изъ лагеря, покинувъ свое имущество на волю непріятеля. Утромъ рано Хмельницкій ударилъ на бѣгущихъ; тогда смятеніе усилилось, поляки кидали оружіе, каждый кричалъ: стойте! а самъ бѣжалъ; покидали раненныхъ и плѣнныхъ; иные погибли въ толпѣ отъ давки. Побѣдителямъ почти безъ выстрѣла досталось сто двадцать тысячъ возовъ съ лошадьми; знамена, щиты, шлемы, серебряная посуда, собольи шубы, персидскія ткани, рукомойники, постели, кушанья, сласти,—все лежало въ безпорядкѣ; винъ и водки было такъ много, что, при обыкновенномъ употребленіи, стало бы ихъ для всего войска на мѣсяцъ. Хлопы набросились на драгоцѣнности, лакомства, вина—и это дало возможность убѣжать полякамъ. Хмельницкій двинулся ко Львову, не сталъ добывать этого города приступомъ, а только истребовалъ съ жителей окупъ въ двѣсти тысячъ злотыхъ, для заплаты татарамъ, помогавшимъ козакамъ [1]). 24 октября изъ-подъ Львова двинулся Хмельницкій къ Замостью, въ глубину уже настоящей Польши. Подъ Замостьемъ стоялъ онъ до половины ноября.

Въ Варшавѣ между тѣмъ происходило избраніе новаго короля. На этотъ разъ близость козаковъ не дозволила панамъ тянуть избраніе цѣлые мѣсяцы, какъ прежде случалось: потребность главы государства слишкомъ была очевидна. Хмельницкій съ своей стороны отправилъ на сеймъ депутатовъ отъ козаковъ.

Было тогда три кандидата на польскій престолъ: седмиградскій князь Ракочи и двое сыновей покойнаго короля Сигизмунда III, Карлъ и Янъ-Казимиръ. Седмиградскій князь былъ устраненъ прежде всѣхъ; изъ двухъ братьевъ королевичей взяла верхъ партія Яна-Казимира; козацкіе депутаты

[1]) Городъ, который былъ только-что передъ тѣмъ порядочно обобранъ панами, бѣжавшими изъ-подъ Константинова, не могъ дать чистою монетою болѣе, какъ на шестнадцать тысячъ злотыхъ, а все остальное доплатилъ товарами и вещами по раскладкѣ между жителями; причемъ приходилось бѣдняку разставаться съ послѣднею дорогою вещицею, которую онъ берегъ про черный день.

стояли также за него; Оссолинскій склонилъ многихъ на сторону Яна-Казимира, увѣряя, что иначе Хмельницкій будетъ воевать за этого королевича. Дѣло между двумя братьями уладилось тѣмъ, что Карлъ добровольно отказался отъ соискательства въ пользу брата. Янъ-Казимиръ былъ избранъ, не смотря на то, что былъ прежде іезуитомъ и получилъ отъ папы кардинальскую шапку. Что̀ располагало Хмельницкаго быть на сторонѣ этого государя,— неизвѣстно, какъ равнымъ образомъ трудно теперь опредѣлить, въ какой степени участвовало желаніе Хмельницкаго въ этомъ избраніи. Тѣмъ не менѣе, Хмельницкій показывалъ большое довольство, когда услышалъ о выборѣ Яна-Казимира. 19 ноября ему привезли отъ короля письмо съ приказаніемъ прекратить войну и ожидать королевскихъ коммиссаровъ. Хмельницкій тотчасъ потянулся отъ Замостья со всѣмъ войскомъ назадъ въ Украину.

Хмельницкій въ послѣднее время дѣйствовалъ противно всеобщему народному желанію. Возставшій народъ требовалъ, чтобы онъ велъ его на Польшу. Хмельницкій уже изъ-подъ Львова думалъ было воротиться и только уступая народному крику ходилъ къ Замостью. Хмельницкій могъ идти прямо на Варшаву, навести страхъ на всю Рѣчь-Посполитую, заставить пановъ согласиться на самыя крайнія уступки; онъ могъ бы совершить коренной переворотъ въ Польшѣ, разрушить въ ней аристократическій порядокъ, положить начало новому порядку, какъ государственному, такъ и общественному. Но Хмельницкій на это не отважился. Онъ не былъ ни рожденъ, ни подготовленъ къ такому великому подвигу. Начавши возстаніе въ крайности, спасая собственную жизнь и отомщая за свое достояніе, онъ, какъ самъ потомъ сознавался, очутился на такой высотѣ, о которой не мечталъ, и потому не въ состояніи былъ вести дѣло такъ, какъ указывала ему судьба. Эпоха Хмельницкаго въ этомъ отношеніи представляетъ одинъ изъ тѣхъ случаевъ въ исторіи, когда народная масса по инстинкту видитъ, что̀ слѣдуетъ въ данное время дѣлать, но ея вожаки не въ состояніи облечь въ дѣло того, что народъ чувствуетъ, чего народъ требуетъ. Хмельницкій былъ сынъ своего вѣка, усвоилъ польскія понятія, польскія общественныя привычки, и онѣ-то въ немъ сказались въ рѣшительную минуту. Хмельницкій началъ дѣло превосходно, но не повелъ его въъпору далѣе, какъ нужно было. На первыхъ порахъ совершилъ онъ историческую ошибку, за которою послѣдовалъ рядъ другихъ, и такимъ образомъ, возстаніе Южной Руси пошло по другому пути, а не по тому, куда вели его вначалѣ обстоя-

тельства. Увидимъ, какъ Хмельницкій сталъ въ разрѣзъ съ народомъ и въ отношеніи общественнаго идеала, созданнаго народною жизнью въ его время.

Хмельницкій, возвратившись изъ-подъ Замостья, прибылъ прежде всего въ Кіевъ. При звонѣ колоколовъ и громѣ пушекъ онъ въѣхалъ въ полуразрушенныя Ярославовы Золотыя ворота и у стѣнъ св. Софіи былъ привѣтствуемъ митрополитомъ Сильвестромъ Коссовымъ, духовенствомъ и кіевскими гражданами. Бурсаки пѣли ему русскія и латинскія пѣсни, величали его спасителемъ народа, русскимъ Моисеемъ. Здѣсь дожидалъ его дорогой гость, Паисій, іерусалимскій патріархъ, ѣхавшій въ Москву. Онъ отъ лица православнаго міра на Востокѣ приносилъ Хмельницкому поздравленіе съ побѣдами, далъ ему отпущеніе грѣховъ, возбуждалъ на новую войну противъ латинства. Гетманъ былъ въ это время почему-то грустенъ. Въ его характерѣ начало проявляться что-то странное: онъ то постился и молился, то предавался пьяному разгулу и пѣлъ думы своего сочиненія; то былъ ласковъ и равенъ въ обращеніи со всѣми, то вдругъ дѣлался суровъ и надмененъ; то молился Богу, то совѣтовался съ чаровницами.

Изъ Кіева онъ уѣхалъ въ Переяславль и тамъ женился. Женою его, какъ говорятъ, сдѣлалась Чаплинская; о прежнемъ мужѣ ея разнорѣчатъ источники: по однимъ онъ былъ еще живъ, по другимъ убитъ. Прибавляютъ къ этому, что Чаплинская была Хмельницкому кума, и что патріархъ Паисій разрѣшилъ ему такой недозволенный бракъ. Но есть также извѣстіе одного изъ современниковъ, что подлинно неизвѣстно: дѣйствительно ли эта Чаплинская была жена того, который отнялъ у Хмельницкаго Субботово или другая, сходная съ нею по фамиліи?

Въ Переяславлѣ съѣхались къ Хмельницкому послы сосѣднихъ государствъ, искавшихъ своихъ выгодъ въ связи съ начинавшимся могуществомъ козаковъ. Изъ Турціи прибылъ посолъ отъ визиря, управлявшаго государствомъ за малолѣтствомъ султана, и предлагалъ Хмельницкому союзъ противъ Польши. Тогда заключенъ былъ договоръ, по которому козакамъ предоставлялось свободное плаваніе по Черному морю и Архипелагу съ правомъ безпошлинной торговли на сто лѣтъ. Козаки обязывались не нападать на турецкіе города и защищать ихъ. Седмиградскій князь Юрій Ракочи предлагалъ Хмельницкому вступить въ союзъ и двинуться вмѣстѣ на Польшу, чтобы доставить корону Юрію; за это Юрій обѣщалъ во всѣхъ польскихъ областяхъ свободу православной вѣры, а самому Хмельницкому—удѣльное государство въ Украинѣ съ Кіевомъ. При-

слали къ Хмельницкому пословъ господари, молдавскій и валашскій, также съ предложеніемъ дружбы. Хмельницкій, узнавши, что у молдавскаго господаря есть дочь, просилъ руки ея для своего сына. Прибылъ посланникъ царя Алексѣя Михайловича, Унковскій, привезъ по обычаю въ подарокъ мѣха и ласковое слово отъ царя; но царь уклонялся отъ разрыва съ Польшею и желалъ успѣха козакамъ только въ томъ случаѣ, когда поводомъ къ возстанію у нихъ дѣйствительно была одна только вѣра. Наконецъ, въ февралѣ прибыли въ Переяславль обѣщанные отъ новаго короля коммиссары: сенаторъ Адамъ Кисель, его племянникъ, новгородъ-сѣверскій хорунжій Кисель, Захарій князь Четвертинскій и Андрей Мястковскій съ ихъ свитою. Послѣдній оставилъ очень любопытное описаніе свиданія съ Хмельницкимъ.

Коммиссары привезли Хмельницкому отъ короля грамоту на гетманство, булаву, осыпанную сапфирами, и красное знамя съ изображеніемъ бѣлаго орла. Хмельницкій назначилъ имъ аудіенцію на площади, собралъ козацкую раду; здѣсь-то высказался народный взглядъ, не хотѣвшій никакихъ сдѣлокъ, стремившійся къ рѣшительному разрѣшенію вопроса между Русью и Польшею.

„Зачѣмъ вы, ляхи, принесли намъ эти дѣтскія игрушки?— закричала толпа:—вы хотите насъ подманить, чтобы мы, скинувши панское ярмо, опять его надѣли! Пусть пропадутъ ваши льстивые дары! Не словами, а саблями расправимся. Владѣйте себѣ своею Польшею, а Украина пускай намъ, козакамъ, остается“.

Хмельницкій съ сердцемъ останавливалъ народный говоръ; но потомъ за обѣдомъ, въ разговорахъ съ Адамомъ Киселемъ и его товарищами, подпивши, выразилъ такія же задушевныя чувства:

„Что толковать,—говорилъ онъ,—ничего не будетъ изъ вашей коммиссіи. Война должна начаться недѣли черезъ двѣ или четыре. Переверну я васъ, ляховъ, вверхъ ногами, а потомъ отдамъ васъ въ неволю турецкому царю. Пусть бы король былъ королемъ: чтобъ король казнилъ шляхту, и дуковъ, и князей вашихъ. Учинитъ преступленіе князь, отруби ему голову; а учинитъ преступленіе козакъ—и ему тоже сдѣлай. Вотъ будетъ правда! Я хоть себѣ небольшой человѣчекъ, да вотъ Богъ мнѣ такъ далъ, что я теперь единовластный самодержецъ русскій! Если король не хочетъ быть вольнымъ королемъ, ну какъ ему угодно“.

Адамъ Кисель истощалъ предъ козацкимъ вождемъ все свое краснорѣчіе, обѣщалъ увеличеніе козацкаго войска до

пятнадцати и даже до двадцати тысячъ, надѣленіе его новыми землями, давалъ позволеніе козакамъ идти на невѣрныхъ; но Хмельницкій на все это сказалъ ему:

„Напрасныя рѣчи! Было бы прежде со мною объ этомъ говорить; теперь я уже сдѣлалъ то, о чемъ не думалъ. Сдѣлаю то, что̀ замыслилъ. Выбью изъ лядской неволи весь русскій народъ! Прежде я воевалъ за свою собственную обиду; теперь буду воевать за православную вѣру. Весь черный народъ поможетъ мнѣ по Люблинъ и по Краковъ, а я отъ него не отступлю. У меня будетъ двѣсти тысячъ, триста тысячъ войска. Орда уже стоитъ на-готовѣ. Не пойду войною за-границу; не подыму сабли на турокъ и татаръ; будетъ съ меня Украины, Подоли, Волыни; довольно достаточно нашего русскаго княжества по Холмъ, Львовъ, Галичъ. Стану надъ Вислою и скажу тамошнимъ ляхамъ: „Сидите, ляхи! молчите, ляхи! Всѣхъ тузовъ вашихъ, князей туда загоню, а станутъ за Вислою кричать—я ихъ и тамъ найду! Не останется ни одного князя, ни шляхтишки на Украинѣ; а кто изъ васъ съ нами хочетъ хлѣбъ ѣсть, тотъ пусть Войску Запорожскому будетъ послушенъ и не брыкаетъ на короля“.

Слушая эту рѣчь, паны, какъ сами потомъ говорили, подеревенѣли отъ страха.

Окружавшіе Хмельницкаго полковники при этомъ говорили:

„Уже прошли тѣ времена, когда ляхи были намъ страшны; мы подъ Пилявцами испытали, что это уже не тѣ ляхи, что прежде бывали. Это уже не Жолкѣвскіе, не Ходкѣвичи, это какіе-то Тхоржевскіе, да Заенчковскіе (Хорьковскіе — отъ хорька—tchórz и Зайцовскіе отъ зайца—zając), дѣти, нарядившіеся въ желѣзо! Померли отъ страху, какъ только насъ увидѣли“.

Однако, по усиленной просьбѣ польскихъ коммиссаровъ, Хмельницкій подалъ Адаму Киселю условія мира въ такомъ смыслѣ: во всей Руси уничтожить память и слѣдъ уніи; уніатскимъ церквамъ не быть вовсе, а римскимъ костеламъ оставаться только до времени; кіевскому митрополиту дать первое мѣсто въ сенатѣ послѣ примаса польскаго; всѣ чины и должности въ Руси должны быть замѣщены православными; козацкій гетманъ долженъ зависѣть только отъ одного короля; жидамъ не дозволять жительствовать въ Украинѣ. Наконецъ, въ условія было включено, чтобы Іеремія Вишневецкій не получалъ начальства надъ польскимъ войскомъ.

Коммиссары отказались подписать эти условія, въ сущности довольно умѣренныя, и уѣхали. Предложенія Хмель-

ницкаго возбудили негодованіе въ польскомъ сенатѣ. Въ тѣ времена поляки, по фанатизму, ни за что не рѣшались на уничтоженіе уніи. Кромѣ того, требованія Хмельницкаго угрожали панамъ въ будущемъ лишеніемъ ихъ имѣній и владѣльческихъ правъ на Руси.

Поляки выставили войско подъ начальствомъ трехъ предводителей: Лянскоронскаго, Фирлея и Іереміи Вишневецкаго. Сверхъ того, королю дали право на собраніе посполитаго рушенья, т.-е., всеобщаго ополченія шляхты: мѣра эта предпринималась только тогда, когда отечеству угрожала крайняя опасность.

Въ Украинѣ происходилъ сборъ цѣлаго народа на войну. Пустѣли хутора, села, города. Поселянинъ бросалъ свой плугъ, надѣясь пожить на счетъ пановъ, на которыхъ прежде работалъ; ремесленники покидали свои мастерскія, купцы свои лавки; сапожники, портные, плотники, винокуры, пивовары, могильники (копатели сторожевыхъ кургановъ), банники—бѣжали въ козаки. Въ тѣхъ городахъ, гдѣ было магдебургское право, почтенные бургомистры, райцы, войты и канцеляристы побросали свои уряды и пошли въ козаки, обривши себѣ бороды (по обычаю того времени военные брили себѣ бороды). „Такъ-то,—замѣчаетъ современникъ,—дьяволъ учинилъ себѣ смѣхъ изъ почтенныхъ людей“. Презрѣніе и насмѣшки ожидали людей, не участвовавшихъ въ возстаніи; только калѣки, старики, женщины и дѣти оставались дома, да и то по большей части больной человѣкъ или бездѣтный старикъ, стыдясь оставаться безучастнымъ въ дѣлѣ освобожденія отечества, ставилъ за себя наемщика. Хмельницкій раздѣлялъ ихъ на полки, которыхъ тогда составилось двѣнадцать на правой сторонѣ Днѣпра [1]) и двѣнадцать на лѣвой [2]). Но не все войско было

[1]) Чигиринскій, черкасскій, корсунскій, лысянскій, бѣлоцерковскій, паволоцкій, уманскій, калницкій, каневскій, животовскій (иначе брацлавскій), полѣсенскій и могилевскій. Пространство, занимаемое этими полками, составляло нынѣшнія губерніи: кіевскую, волынскую по р. Горынь, подольскую, часть Червоной Руси и часть минской губерніи. Каменецъ, твердая, неприступная крѣпость, оставался еще въ рукахъ поляковъ.

[2]) Переяславскій, нѣжинскій, черниговскій, прилуцкій, ичанскій, лубенскій, ирклеевскій, миргородскій, кропивянскій, галицкій, полтавскій и зѣнковскій. Они занимали нынѣшнія полтавскую и черниговскую губерніи и часть могилевской по Гомель.

Полки раздѣлялись на сотни: сотня заключала въ себѣ села и города, и носила названіе по имени какого-нибудь значительнаго мѣстечка. Иная сотня заключала въ себѣ до тысячи человѣкъ; сотня дѣлилась на курени. Верховное мѣсто управленія называлось войсковою канцеляріею; тамъ, вмѣстѣ съ гетманомъ, засѣдала генеральная или войсковая старшина: обозный (начальникъ артиллеріи и лагерной постройки), асаулъ, писарь, судья и хоружій (главный знаменоносецъ). Въ каждомъ полку была полковая канцелярія и полковая старшина: полковникъ, обозный, писарь, судья и хо-

съ Хмельницкимъ; онъ отправилъ часть его въ Литву возмущать бѣлорусскихъ хлоповъ.

Хмельницкій выступилъ изъ Чигирина въ маѣ и шелъ медленно, ожидая крымскаго хана. Исламъ-Гирей соединился съ нимъ въ іюнѣ на Черномъ-шляху. Въ его ополченіи были крымскіе горцы, отличные стрѣлки изъ лука, степные ногаи въ вывороченныхъ шерстью вверхъ тулупахъ, питавшіеся кониною, согрѣтою подъ сѣдломъ; буджацкіе татары, сносившіе съ удивительнымъ терпѣніемъ жаръ и холодъ, изумлявшіе своимъ знаніемъ безпримѣтной степи, способные, какъ говорили о нихъ, подолгу оставаться въ водѣ; были съ ханомъ черкесы съ бритыми головами и длинными чубами. Явились по зову Хмельницкаго удальцы съ Дона. Никто не просилъ жалованья впередъ; каждый безъ торга шелъ на войну, надѣясь разгромить богатую Рѣчь-Посполитую.

Хмельницкій со своимъ полчищемъ осадилъ польское войско подъ Збаражемъ 30 іюня (10 іюля новаго стиля), и держалъ его въ осадѣ, надѣясь принудить къ сдачѣ голодомъ и безпрестанною пальбою. Поляки заготовили себѣ такъ мало запасовъ, что черезъ нѣсколько недѣль у нихъ сдѣлался голодъ. Роскошные паны принуждены были питаться конскимъ мясомъ; простые жолнѣры пожирали кошекъ, мышей, собакъ, а когда этихъ животныхъ не хватало, то срывали кожу съ возовъ и обуви и ѣли, разваривая въ водѣ. Много умирало ихъ; козаки нарочно бросали въ воду трупы, чтобы испортить ее. Поляки доходили до такого положенія, въ какомъ были ихъ отцы въ Москвѣ. Русскіе хлопы насмѣхались надъ ними и кричали:

„Скоро ли вы, господа, будете оброкъ собирать съ насъ? Вотъ уже цѣлый годъ, какъ мы вамъ ничего не платимъ; а можетъ быть, вздумаете заказать намъ какую-нибудь барщину?.. Сдавайтесь-ка лучше! а то напрасно кунтуши свои испачкали, лазаючи по шанцамъ! Вѣдь это все наше, да и сами вы попадете въ добычу голоднымъ татарамъ! Вотъ что надѣлали вамъ очковые, да панщины, да пересуды, да сухомельщины! Хороша вамъ была тогда музыка, а теперь такъ славно вамъ дудку заиграли козаки!“

Нѣсколько разъ уже распространялось между жолнѣрами намѣреніе разбѣжаться, хотя это значило идти всѣмъ на явную

ружій. Въ сотнѣ была сотенная канцелярія и сотенная старшина. Куренями начальствовали атаманы. Чиновники избирались на радахъ и утверждались гетманами. Этотъ порядокъ въ сущности издавна велся въ козацкомъ войскѣ, но на этотъ разъ распространился на цѣлый народъ, такъ что слово „козакъ“ перенеслось на всю массу возставшаго южно-русскаго населенія.

смерть, потому что хлопы не оставили бы въ живыхъ никого;— но весь обозъ удерживалъ тогда воинственный князь Іеремія Вишневецкій. По его совѣту, одинъ шляхтичъ, по имени Стомпковскій, причесавшись по-мужицки, взялъ съ собою письмо къ королю; ночью онъ перелѣзъ окопы, бросился въ прудъ, примыкавшій съ одной стороны къ польскому обозу, переплылъ прудъ, проползъ среди спящихъ непріятелей, къ свѣту пробрался до болотистаго мѣста, гдѣ просидѣлъ цѣлый день; слѣдующую ночь опять ползъ среди спящихъ непріятелей, при малѣйшемъ шумѣ припадая къ землѣ и затаивая дыханіе, какъ дѣлаютъ охотники за медвѣдемъ. Минувши непріятельскій станъ, онъ пустился бѣжать, выдавая себя за русскаго хлопа, потомъ взялъ почтовыхъ лошадей и прискакалъ въ мѣстечко Топоровъ, гдѣ засталъ Яна-Казимира.

Король, получивши отъ папы благословеніе, освященное знамя и мечъ, выѣхалъ изъ столицы и слѣдовалъ медленно, ожидая прибытія изъ разныхъ воеводствъ ополченій посполитаго рушенія. У него было регулярнаго войска тысячъ двадцать (а можетъ быть, нѣсколько болѣе). Посполитое рушенье безпрестанно прибывало по частямъ. Получивши письмо отъ осажденныхъ и разспросивши Стомпковскаго о положеніи войска, король двинулся на выручку осажденнымъ; но путь его былъ труденъ по причинѣ дождей, испортившихъ дороги. Поляки потомъ жаловались, что никакъ не могли добыть точныхъ свѣдѣній о непріятелѣ: „эта Русь, — всѣ на-голо мятежники, — говорили они: — хоть жги ихъ, а они правды не скажутъ!“ Хмельницкій, напротивъ, зналъ о всѣхъ движеніяхъ своего непріятеля. Русскіе хлопы, привозившіе припасы въ королевское войско, отправлялись послѣ того къ своимъ братьямъ козакамъ разсказывать о положеніи непріятельскаго войска. Много слугъ перебѣжало отъ своихъ пановъ къ козакамъ.

Король прибылъ, наконецъ, къ мѣстечку Зборову, уже недалеко отъ Збаража. Зборовскіе мѣщане тотчасъ же дали знать Хмельницкому о королевскомъ приходѣ и обѣщали помогать ему. Оставивши пѣшее войско подъ Збаражемъ, Хмельницкій взялъ съ собою конницу и, въ сопровожденіи крымскаго хана и татаръ, отправился къ Зборову.

Въ воскресенье, 5 августа (15 нов. ст.), поляки стали переправляться черезъ рѣку Стрину. День былъ пасмурный и дождливый. Козаки изъ лѣсу видѣли, что̀ дѣлается у непріятеля. Когда половина посполитаго рушенія успѣла переправиться, а другая оставалась на противоположномъ берегу и шляхтичи, не ожидая нападенія, расположились обѣдать, —

козаки и татары ударили на нихъ и истребили всѣхъ до послѣдняго изъ бывшихъ на одной сторонѣ рѣки. Вслѣдъ затѣмъ началось сраженіе на противоположномъ берегу. Король выказалъ большую дѣятельность и подвергалъ себя опасности; но въ сумерки поляки сбились въ свой обозъ, и непріятель окружилъ ихъ со всѣхъ сторонъ.

Ночью паны хотѣли было какимъ-нибудь способомъ вывести короля тайно изъ обоза, но Янъ-Казимиръ отвергнулъ это постыдное предложеніе. По совѣту канцлера Оссолинскаго, король написалъ крымскому хану письмо, предлагая ему дружбу, съ тѣмъ, чтобы отвлечь его отъ Хмельницкаго.

Съ солнечнымъ восходомъ битва возобновилась. Козаки ударили на польскій лагерь съ двухъ сторонъ. Сраженіе было кровопролитное. Козаки ворвались въ польскій станъ и достигали было уже до короля. Вдругъ все измѣнилось. Изъ козацкаго стана раздался крикъ: „згода". Побѣдители отступили. Нужно было, однако, еще много времени, чтобы унять разсвирѣпѣвшихъ воиновъ.

Вслѣдъ затѣмъ явился въ польскій обозъ татаринъ съ письмомъ отъ крымскаго государя. Исламъ-Гирей желалъ польскому королю счастья и здоровья, изъявлялъ огорченіе за то, что король не извѣстилъ его о своемъ вступленіи на престолъ, и выразился такъ: „ты мое царство ни во что поставилъ и меня человѣкомъ не счелъ; поэтому мы пришли зимовать въ твои улусы, и по волѣ Господа Бога останемся у тебя въ гостяхъ. Если угодно тебѣ потолковать съ нами, то вышли своего канцлера, а я вышлю своего". Прислалъ королю письмо и Хмельницкій, увѣрялъ, что онъ вовсе не мятежникъ, и только прибѣгнулъ къ великому хану крымскому, чтобы возвратить себѣ милость короля. „Вашему величеству,—писалъ Хмельницкій,—угодно было назначить вмѣсто меня гетманомъ козацкимъ пана Забусскаго; извольте прислать его въ войско; я тотчасъ отдамъ ему булаву и знамя. Я съ войскомъ запорожскимъ, при избраніи вашемъ, желалъ и теперь желаю, чтобы вы были болѣе могущественнымъ королемъ, чѣмъ былъ блаженной памяти братъ вашъ".

Трудно рѣшить, чтó было причиной этого внезапнаго прекращенія сраженія. Украинскій лѣтописецъ того времени говоритъ, что Хмельницкій не хотѣлъ отдавать христіанскаго государя въ бусурманскую неволю; поляки приписываютъ это дѣло главнымъ образомъ хану.

Прежде заключенъ былъ договоръ съ ханомъ. По этому договору польскій король обязался платить крымскому хану

90,000 злотыхъ ежегодно, и сверхъ того дать 200,000 злотыхъ единовременно. Татары называли это данью; поляки оскорблялись и говорили, что это „не дань, а подарокъ“. Татары отвѣчали: „все равно, какъ ни называйте, данью или даромъ, лишь бы деньги были“.

Затѣмъ былъ заключенъ договоръ съ козаками. Войска козацкаго положено быть 40,000, съ правомъ записывать ихъ изъ королевскихъ и шляхетскихъ имѣній на пространствѣ, занимаемомъ кiевскимъ, брацлавскимъ и черниговскимъ воеводствами (нынѣшними губернiями: кiевскою, полтавскою, черниговскою и частью подольской). Въ чертѣ, гдѣ будутъ жить козаки, не позволяется квартировать коронному войску и проживать iудеямъ: всѣ должности и чины въ означенныхъ воеводствахъ будутъ даваться только православнымъ; iезуитамъ не дозволяется жить въ Кiевѣ и другихъ мѣстахъ, гдѣ будутъ русскiя школы; кiевскiй митрополитъ будетъ засѣдать въ сенатѣ; а относительно уничтоженiя унiи какъ въ Королевствѣ Польскомъ, такъ и въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ, будетъ сдѣлано сеймовое постановленiе. Обѣщана всѣмъ полная амнистiя за все прошлое.

Послѣ заключенiя договора, Хмельницкiй 10 августа (20 н. с.) былъ допущенъ къ королю (взявши, однако, заложниковъ на то время, когда отправится въ польскiй лагерь). Онъ держалъ себя съ достоинствомъ, говорилъ хотя почтительно, но смѣло, изложилъ въ краткомъ видѣ насилiя и оскорбленiя, которыя были дѣлаемы польскими панами и довели народъ до возстанiя. „Терпѣнiе наше потерялось,—выразился Хмельницкiй:—мы принуждены были призвать чужеземцевъ противъ шляхетства. Нельзя осуждать насъ за то, что мы защищали нашу жизнь и наше достоянiе! И скотъ бодается, если его мучатъ!“

Литовскiй подканцлеръ Сапѣга, отъ имени короля, тутъ же присутствовавшаго, объявилъ ему забвенiе всего прошлаго.

Мирный договоръ избавилъ остатокъ войска, погибавшаго отъ голода подъ Збаражемъ. Вслѣдъ затѣмъ дано было приказанiе прекратить войну и въ Бѣлоруссiи. Возстанiе приняло было въ этой странѣ уже значительный размѣръ, когда туда явились съ козаками два предводителя: Подобайло и Кречовскiй. Они успѣли поднять нѣсколько десятковъ тысячъ хлоповъ, но польскiй литовскiй гетманъ Радзивиллъ, послѣ упорнаго съ ихъ стороны сопротивленiя, уничтожилъ ихъ скопище близъ Рѣчицы. Раненый Кречовскiй попался въ плѣнъ и, чтобы недоставаться на поруганiе побѣдителю, разбилъ себѣ голову о возъ, на которомъ его везли взявшiе въ плѣнъ непрiятели.

Первое время послѣ заключенія мира было временемъ всеобщаго восторга, эпохою небывалой народной славы. Скоро осмотрѣлись русскіе, опомнились отъ упоенія побѣды; настали для нихъ опять скорби, заботы и бѣды. Весь прошлый годъ поселяне не пахали полей, находясь въ рядахъ козацкаго войска; много набрали они добычи, но все это продавалось дешево московскимъ и турецкимъ купцамъ; хлѣбъ поднялся въ цѣнѣ; тяжело стало бѣднымъ. Но то было начало скорбей:— только цвѣтики, какъ говорится. Оказалось, что Хмельницкій не такъ-то благодѣтельно для народа устроилъ его дѣло, и что Зборовскій договоръ, по своему содержанію, представлялъ рѣшительную невозможность, какъ для русскихъ, такъ и для поляковъ, соблюдать его; обѣ стороны должны были его нарушить.

По силѣ Зборовскаго договора, митрополитъ Сильвестръ Коссовъ явился въ Варшаву занять свое почетное мѣсто въ сенатѣ. Но римско-католическіе духовные подняли ропотъ и объявили, что они сами оставятъ сенатъ, если рядомъ съ ними будетъ допущенъ схизматикъ, врагъ апостольской столицы. Митрополитъ долженъ былъ удалиться. Еще менѣе возможно было уничтоженіе уніи. Король 12 января далъ грамоту, утверждающую права православной церкви и неприкосновенность церковныхъ и монастырскихъ имѣній; вѣдомству кіевскаго митрополита возвращались епархіи: луцкая, холмская и витебская, соединенная съ мстиславскою. Дозволялось возобновлять православныя церкви; предоставлялись надзору русскаго духовенства школы, типографіи и цензура духовныхъ книгъ. Эта грамота короля Яна-Казимира мало могла имѣть силы, какъ и тѣ, которыми надѣлялъ православную церковь король Владиславъ. Пока существовала унія, православная церковь не могла быть свободною.

Права, предоставленныя русскому народу Зборовскимъ договоромъ, не могли удовлетворить народа. Можно сказать, что договоръ этотъ былъ бы умѣстенъ, если бы заключенъ былъ лѣтъ двадцать назадъ; но условія, въ которыя поставила русскій народъ сцена недавнихъ бурныхъ событій, не соотвѣтствовали статьямъ этого договора. Сообразно Зборовскому договору, Хмельницкій занялся составленіемъ реестра козацкаго войска; нужно было записать въ него сорокъ тысячъ козаковъ. Хмельницкій записалъ туда нѣсколькими тысячами болѣе, чѣмъ слѣдовало. Каждый козакъ поступалъ въ козачество съ своею семьею. Гетманъ набиралъ козаковъ преимущественно изъ имѣній Вишневецкаго и Конецпольскаго. Вмѣстѣ съ козакомъ отходилъ отъ пана и земельный участокъ, занимаемый

и обработываемый козакомъ. Хмельницкій отбиралъ у пановъ цѣлыя волости подъ предлогомъ, что паны захватили коронныя владѣнія, и отдавалъ ихъ генеральной старшинѣ и полковымъ чиновникамъ. Такимъ образомъ, на будущее время образовался классъ ранговыхъ помѣстій, такихъ, которыми владѣли козацкіе чиновники, пока носили свой чинъ. Для гетманскаго чина—на булаву, какъ говорилось,—отдано было королемъ чигиринское староство. Кромѣ него, Хмельницкій захватилъ въ свою пользу богатое мѣстечко Мліевъ, доставлявшее бывшему своему владѣльцу Конецпольскому до двухсотъ тысячъ талеровъ дохода. Каждый козакъ былъ самостоятельный владѣлецъ своего участка, обязанъ былъ за то нести военную службу и былъ освобожденъ отъ всякихъ другихъ тягостей и поборовъ. Козаки раздѣлены были по полкамъ: всѣхъ полковъ въ 1650 г. было устроено шестнадцать [1]), и

[1]) 1) Брацлавскій, подъ начальствомъ Данила Нечая, въ нынѣшнихъ уѣздахъ: могилевскомъ, ямпольскомъ, значительной части винницкаго и брацлавскаго уѣздовъ. Въ немъ заключалась двадцать одна сотня. 2) Уманскій, подъ начальствомъ Іосифа Глуха, въ нынѣшнемъ уѣздѣ уманскомъ, въ восточной части гайсинскаго и липовецкаго и западной части звенигородскаго. Эта земля носила названіе Уманщины. Въ немъ было тринадцать сотенъ. Умань былъ его полковой городъ. 3) Кальницкій, подъ начальствомъ Ивана Ѳедоренка, въ нынѣшнемъ уѣздѣ липовецкомъ, въ сѣверной части брацлавскаго, въ сѣверо-восточной винницкаго, въ западной части таращанскаго и въ южной половинѣ махновскаго. Всѣхъ сотенъ было въ немъ восемнадцать. 4) Чигиринскій, подъ начальствомъ Ѳедора Якубовича-Вешняка, въ нынѣшнихъ уѣздахъ: чигиринскомъ, звенигородскомъ и въ западной части кременчугскаго. Въ немъ было восемнадцать сотенъ. 5) Корсунскій, подъ начальствомъ Лукьяна Мозыры, въ нынѣшнихъ уѣздахъ таращанскомъ и каневскомъ. Его главнымъ городомъ былъ Корсунь, возобновленный отъ пожара. Въ этомъ полку было девятнадцать сотенъ. 6) Черкасскій, подъ начальствомъ Яська Воронченка, въ нынѣшнемъ черкасскомъ уѣздѣ и въ западной части золотоношскаго. Въ немъ было девятнадцать сотенъ съ полковымъ городомъ Черкасы. 7) Каневскій, подъ начальствомъ Семена Савича, занималъ правый берегъ Днѣпра, уѣздъ каневскій и южную часть кіевскаго, съ полковымъ городомъ Каневомъ; въ немъ было пятнадцать сотенъ. 8) Кіевскій, подъ начальствомъ Антона Ждановича, занималъ большую часть кіевскаго уѣзда, восточную часть васильковскаго, радомысльскій, овручскій уѣздъ и западную часть остерскаго. Его полковымъ городомъ былъ Кіевъ. Всѣхъ сотенъ было семнадцать. 9) Бѣлоцерковскій, подъ начальствомъ Михайла Громыки, въ уѣздахъ: сквирскомъ, въ западной части васильковскаго и въ сѣверной таращанскаго. Мѣстечко Бѣлая-Церковь было его полковымъ городомъ. 10) Кропивинскій, подъ начальствомъ Филона Джеджалыка, занималъ земли въ восточной части золотоношскаго уѣзда, въ западной части лубенскаго, въ восточной части пирятинскаго. Полковой его городъ былъ Кропивна. Всѣхъ сотенъ было въ немъ одиннадцать. 11) Переяславскій, подъ начальствомъ Ѳедора Лободы, на лѣвой сторонѣ вдоль Днѣпра, въ нынѣшнихъ уѣздахъ: переяславскомъ, остерскомъ и южной половинѣ козелецкаго. Всѣхъ сотенъ было восемнадцать: полковой городъ былъ Переяславль. 12) Прилуцкій, подъ начальствомъ Тимоѳея Носача, въ нынѣшнемъ прилуцкомъ уѣздѣ, захватывалъ небольшую часть нѣжинскаго. Въ немъ было девятнадцать сотенъ. 13) Миргородскій, подъ начальствомъ Матвѣя Гладкаго, въ нынѣш-

каждый полкъ означалъ край съ полковымъ городомъ и сотенными городами и селами. Въ городахъ (Брацлавѣ, Винницѣ, Черкасахъ, Васильковѣ, Овручѣ, Кіевѣ, Переяславлѣ, Острѣ, Нѣжинѣ, Мглинѣ, Черниговѣ, Почепѣ, Козельцѣ, Новгородъ-Сѣверскѣ, Стародубѣ) оставлено было прежнее магдебургское право для мѣщанъ, съ общиннымъ самоуправленіемъ и самосудомъ, съ раздѣленіемъ ремесленниковъ по ихъ занятіямъ на цехи, съ предоставленіемъ цехамъ права имѣть свои гербы и печати.

Все остальное народонаселеніе, подъ именемъ „посполыства", должно было поступать снова подъ власть пановъ. Въ этомъ была вопіющая несправедливость. Все народонаселеніе было призвано къ борьбѣ за общую свободу; всѣ равно участвовали въ этой борьбѣ; а теперь оказалось, что они боролись и проливали кровь только для какихъ-нибудь сорока тысячъ избранныхъ, сами же должны были поступать въ прежнюю неволю. По окончаніи реестрованія, Хмельницкій дозволялъ владѣльцамъ возвращаться въ свои имѣнія, и приказывалъ всѣмъ, не вошедшимъ въ реестръ, повиноваться господамъ подъ опасеніемъ смертной казни. Вмѣстѣ съ этимъ и король издалъ универсалъ ко всѣмъ жителямъ Украины, въ которомъ извѣщалъ, что, въ случаѣ бунтовъ хлоповъ противъ владѣльцевъ, коронное войско вмѣстѣ съ запорожскимъ будетъ укрощать ихъ. Какъ только объ этомъ услышалъ народъ, вспыхнуло всеобщее волненіе. „Какъ! кричалъ народъ: —гдѣ обѣщаніе гетмана? Развѣ мы не всѣ были козаками!" Владѣльцы, едва вступивши въ свои владѣнія, должны были снова бѣжать изъ нихъ, а инымъ пришлось поплатиться жизнью. Бѣглецы столпились въ Кіевѣ, подъ покровительство Адама Киселя, сдѣланнаго кіевскимъ воеводою, и чуть не пропадали съ голода, достигшаго ужасающихъ размѣровъ. Богатые паны стали пріѣзжать въ свои имѣнія съ командами, отыскивать зачинщиковъ прежняго мятежа и казнить ихъ. Гдѣ только паны чувствовали силу, тамъ поступали жестоко съ непокор-

нихъ уѣздахъ: миргородскомъ, восточной части лубенскаго, въ лохвицкомъ, роменскомъ, хорольскомъ. Въ немъ было шестнадцать сотенъ. 14) Полтавскій, подъ начальствомъ Мартына Пушкаренка, въ нынѣшнихъ уѣздахъ: полтавскомъ, гадячскомъ, зеньковскомъ и кобыляцкомъ. Въ немъ считалось семнадцать сотенъ. 15) Нѣжинскій, подъ начальствомъ Прокопа Шумейки, въ нынѣшнихъ уѣздахъ: нѣжинскомъ и козелецкомъ. Всѣхъ сотенъ было въ немъ девять. 16) Черниговскій, подъ начальствомъ Мартына Небабы, въ уѣздахъ: черниговскомъ, борзенскомъ, сосницкомъ, конотопскомъ. Сотенъ было шесть.

Въ нынѣшней же черниговской губерніи, въ уѣздахъ: стародубскомъ, мглинскомъ, городнецкомъ, новгородъ-сѣверскомъ, глуховскомъ, суражскомъ, козаковъ тогда не было. Эта часть южно-русской земли обращена въ козачество уже послѣ Хмельницкаго.

ными хлопами: отрѣзывали имъ уши, вырывали ноздри, выкалывали глаза и т. п. Хмельницкій, по жалобѣ владѣльцевъ, вѣшалъ, сажалъ на колъ непослушныхъ. Хлопы, съ своей стороны, гдѣ только было возможно, жгли панскія усадьбы, убивали и мучили владѣльцевъ. Жители береговъ Буга и Днѣстра отличались передъ всѣми буйствомъ и отвагою [1]).

Сами реестровые козаки не довольны были исключительностью своихъ привилегій. Когда Хмельницкій, въ первыхъ числахъ марта 1650 г., собралъ въ Переяславлѣ козаковъ на генеральную раду для утвержденія реестра, то, по собственнымъ его словамъ, претерпѣвалъ большія затрудненія.

Послѣ этой рады, Хмельницкій отправился въ Кіевъ для совѣта съ Киселемъ, и готовился у него обѣдать въ замкѣ, какъ вдругъ вооруженная толпа поспольства бросилась съ яростными криками на замокъ и кричала, что пора расправиться съ Киселемъ. Хмельницкій безстрашно вышелъ къ народу, клялся, что за Киселемъ нѣтъ никакой измѣны, и обѣщалъ не пускать пановъ въ ихъ имѣнія. Толпа на этотъ разъ послушалась, но Хмельницкій послѣ того говорилъ Киселю такъ: „Паны поддѣли меня; по ихъ просьбѣ я согласился на такой договоръ, какого не могу исполнить никакимъ образомъ. Сами посудите: сорокъ тысячъ козаковъ,—а съ остальнымъ народомъ что я буду дѣлать? Они меня убьютъ, а на поляковъ все-таки подымутся“. Уступая народному волненію, Хмельницкій позволилъ идти въ козаки всякому, подъ тѣмъ предлогомъ, что, кромѣ реестровыхъ, могутъ быть еще охочіе козаки, а между тѣмъ, отправилъ посольство къ королю: напоминалъ, что слѣдуетъ уничтожить унію, и просилъ, чтобы паны являлись въ свои украинскія помѣстья не иначе, какъ безъ военныхъ командъ.

Землевладѣльцы, которые были побѣднѣе, рѣшались покориться судьбѣ. Хлопы собирались на сходки и разсуждали, какъ имъ жить съ панами. Въ Немировѣ, на подобной сходкѣ, какой-то атаманъ Куйка подалъ такой совѣтъ: „Дадимъ своему пану плугъ воловъ [2]), да четыре мѣры солода. Довольно съ него, лишь бы не умеръ съ голоду!“ Въ другихъ мѣстахъ хлопы уговаривались давать панамъ „поклоны“ по большимъ праздникамъ и отказывались отъ всякой барщины. Самые богатые паны не получали ни гроша съ огромныхъ имѣній. Шляхтичи

[1]) По извѣстіямъ малороссійской лѣтописи, брацлавскій полковникъ Нечай отличался смѣлостію и заступился за народъ. „Развѣ ты ослѣпъ,—говорилъ онъ гетману,—не видишь, что ляхи обманываютъ тебя и хотятъ поссорить съ вѣрнымъ народомъ?“

[2]) Плугъ воловъ у малороссіянъ—три пары воловъ.

принялись сами за полевыя работы. „Не было деревни,—говоритъ современный польскій историкъ-стихотворецъ Твардовскій, — гдѣ бы бѣдный шляхтичъ могъ зѣвнуть свободно. Чуть мало кто погорячится—тотчасъ бунтъ, а сорокъ тысячъ реестровыхъ, словно горохъ изъ мѣшка, разсыпавшись по Украинѣ, производили страшный для насъ шорохъ“.

Гетману очень хотѣлось затянуть Московское Государство въ войну съ Польшею. Послѣ Зборовскаго договора, онъ былъ огорченъ отказомъ царя помочь ему. Когда пріѣхалъ къ нему гонецъ толковать о пограничныхъ дѣлахъ, Хмельницкій, по своему обычаю, сдержанный въ трезвомъ видѣ и откровенный въ пьяномъ, бывши тогда на-веселѣ, произнесъ ему такія рѣчи:

„Что вы мнѣ про дубье и про насѣки толкуете? Вотъ я пойду, изломаю Москву и все Московское Государство; да и тотъ, кто у васъ на Москвѣ сидитъ, отъ меня не отсидится: зачѣмъ не далъ онъ намъ помощи на поляковъ ратными людьми?“

Козаки говорили великорусскимъ гонцамъ такъ:

„Мы пойдемъ на васъ съ крымцами. Будетъ у насъ съ вами, москали, большая война за то, что намъ отъ васъ на поляковъ помощи не было“.

Московское правительство поняло, что если оно не будетъ за-одно съ Хмельницкимъ, то наживетъ себѣ въ Хмельницкомъ врага, и начало, по выраженію того времени, „задирать Польшу“. Въ іюлѣ 1650 года, пріѣхалъ въ Варшаву посломъ Гаврило Пушкинъ съ жалобою на то, что, во-первыхъ, въ нѣкоторыхъ оффиціальныхъ бумагахъ не точно былъ написанъ царскій титулъ, а во-вторыхъ, на то, что въ Польшѣ печатались „безчестныя книги“, въ которыхъ съ неуваженіемъ отзывались о царѣ и московскомъ народѣ. Такъ, напримѣръ, между прочимъ, въ латинской исторіи Владислава IV, написанной Вассенбергомъ, было сказано: „Москвитяне только по одному имени христіане, а по дѣламъ и обычаямъ хуже всякихъ варваровъ; мы ихъ часто одолѣвали, побивали и лучшую часть ихъ земли покорили своей власти“. Московскій посолъ требовалъ, чтобы всѣ „безчестныя книги“ были собраны и сожжены; чтобы не только слагатели ихъ, но и содержатели типографій, гдѣ онѣ были напечатаны, наборщики и печатальщики и самые владѣльцы имѣній, гдѣ находятся типографіи, были казнены смертію. „Изъ такихъ требованій,—сказали сенаторы послу,—мы видимъ, что его царское величество ищетъ предлога къ войнѣ; нѣсколько строкъ, которыми погрѣшали литераторы, не даютъ повода къ разрыву мира. Стóитъ ли изъ-за того проливать кровь!“

Московское посольство настаивало на своемъ. Нѣсколько книгъ было сожжено въ ихъ присутствіи; но это ихъ не удовлетворило. Они уѣхали, сказавши послѣднее слово, что только наказаніе слагателей „безчестныхъ книгъ“ и людей, писавшихъ царскій титулъ съ пропусками, можетъ отклонить Польшу отъ разрыва съ Московскимъ Государствомъ.

Хмельницкій, между тѣмъ, сдружившись съ крымскимъ ханомъ, отправилъ козаковъ съ татарами на Молдавію мстить молдавскому господарю Василію Лупулу за то, что послѣдній не хотѣлъ исполнять своего обѣщанія отдать дочь свою за сына Хмельницкаго. Козаки и татары навели такой страхъ на молдавскаго господаря, что онъ просилъ мира и союза. Во время этого похода коронный гетманъ Потоцкій, воротившись изъ крымскаго плѣна, расположился на Подоли. Онъ не рѣшался помогать молдавскому господарю, но занимался укрощеніемъ подольскихъ хлоповъ, которые образовали тогда шайки подъ названіемъ „левенцовъ“, и открыто вели войну съ коронными жолнѣрами. Польскій отрядъ, подъ начальствомъ Кондратскаго, разбилъ ихъ и привелъ къ Потоцкому главнаго ихъ предводителя Мудренка съ двадцатью другими атаманами. Потоцкій приказалъ ихъ изуродовать и распустить, чтобы они наводили страхъ на всякаго, кто не захочетъ повиноваться панамъ. Этихъ изуродованныхъ привели къ Хмельницкому. Хмельницкій отправилъ къ Потоцкому полковника Кравченка.

— Или ты еще не напился крови нашей, панъ гетманъ,— сказалъ Потоцкому Кравченко.—Зачѣмъ нарушаешь договоръ? Зачѣмъ переходишь за черту на козацкую землю, когда не слышно непріятеля?

— Земля никогда не была козацкою!—гнѣвно закричалъ Потоцкій, схватившись даже за саблю.—Земля принадлежитъ Рѣчи Посполитой. Имѣю право стоять и на чертѣ и за чертою.

— Рѣчь Посполитая, — сказалъ Кравченко, — можетъ положиться на козаковъ; мы защищаемъ отечество.

— Какіе вы защитники, — сказалъ Потоцкій, — когда вы дѣлаете насиліе шляхетству и вынуждаете владѣльцевъ бѣжать изъ своихъ имѣній?

— А зачѣмъ паны мучатъ и утѣсняютъ народъ?—сказалъ Кравченко.—Владѣльцы должны ласково и кротко обращаться съ поселянами, потому что они, хотя и подданные ваши, а въ ярмо шеи класть не станутъ.

Послѣ этого крупнаго разговора, коронный гетманъ Потоцкій доносилъ королю, что Хмельницкій обманываетъ поля-

ковъ, и полякамъ остается напасть на Хмельницкаго и уничтожить козачество.

Предвидя, что война неизбѣжна, Хмельницкій началъ подготовлять себѣ союзниковъ: сноситься съ Турціею, съ седмиградскимъ княземъ Ракочи, убѣждалъ ихъ дѣйствовать вмѣстѣ противъ Польши, наконецъ, завелъ сношенія и съ Швеціей.

Эти сношенія сдѣлались извѣстны въ Варшавѣ. Король въ концѣ 1650 года издалъ универсалъ для предварительныхъ сеймиковъ; король извѣщалъ въ немъ все польское шляхетство, что Хмельницкій строитъ козни противъ Рѣчи Посполитой, что въ Украинѣ чернь неистовствуетъ противъ шляхетства, что на будущую весну надобно ожидать войны съ козаками.

Въ декабрѣ собрался сеймъ. Хмельницкій прислалъ на него депутатовъ: Маркевича, Гурскаго и Дорошенка. Они привезли требованіе: во-первыхъ, уничтожить унію; во-вторыхъ, чтобы знатнѣйшіе чины Польскаго государства утвердили присягою Зборовскій договоръ; въ третьихъ, чтобы четыре знатнѣйшихъ пана: Вишневецкій, Конецпольскій, Любомирскій и коронный обозный Калиновскій, оставались заложниками мира и жили въ своихъ украинскихъ имѣніяхъ безъ дворни и ассистенціи; въ четвертыхъ, чтобы русскій народъ не терпѣлъ никакихъ стѣсненій отъ пановъ духовныхъ и свѣтскихъ.

Это требованіе произвело чрезвычайное волненіе какъ въ сенатѣ, такъ и между послами. Адамъ Кисель сталъ было доказывать, что поляки дѣйствительно обязаны уничтожить унію, представляя, что тогда и сами православные будутъ поддерживать Рѣчь Посполитую. Но заявленіе Киселя еще сильнѣе взволновало поляковъ. Они закричали: „какъ козелъ не станетъ барaномъ, такъ и схизматикъ не будетъ искреннимъ защитникомъ католиковъ и шляхетскихъ вольностей, будучи одной вѣры съ бунтовщиками хлопами. Какъ! для схизматиковъ, для глупаго хлопства не позволять шляхтѣ вѣрить, какъ повелѣваетъ Духъ святой, а пусть вѣритъ,—какъ предписываетъ пьяная, сумасшедшая голова Хмельницкаго! Вотъ какой проявился докторъ чертовской академіи, хлопъ, недавно выпущенный на волю! Хочетъ отнять у поляковъ вѣру святую! Имъ не нравится слово „унія“, а намъ не нравится слово „схизма“. Пусть отрекутся отъ своего безумнаго схизматическаго ученія. Пусть соединятся съ западною церковью и назовутся правовѣрными“.

Таковъ былъ голосъ всей католической и шляхетской Польши того времени. Домогательство русскихъ уничтожить унію затронуло религіозную струну польскаго сердца. 24 декабря война была рѣшена единогласно. Положили собрать поспо-

литое рушенье и сдѣлать временной налогъ для платы регулярному войску.

Тѣмъ не менѣе козацкіе депутаты получили шляхетское достоинство.

Непріязненныя дѣйствія начались въ февралѣ 1651 года, неудачныя для козаковъ [1]).

Между тѣмъ вся Польша вооружилась. Папскій легатъ привезъ королю первосвященническое благословеніе, мантію и освященный мечъ, а королевѣ золотую розу. Этимъ не совсѣмъ былъ доволенъ король, потому что папа не прислалъ ему денегъ, которыхъ онъ просилъ; но когда король обнародовалъ, что святой отецъ благословляетъ отправлявшихся на брань и посылаетъ отпущеніе грѣховъ, то это сильно воодушевило поляковъ. Король назначилъ сборное мѣсто подъ Сокаломъ и прибылъ туда въ маѣ.

У козаковъ было также религіозное возбужденіе. Пріѣхалъ къ нимъ изъ Греціи коринѳскій митрополитъ Іоасафъ. Онъ препоясалъ Хмельницкаго мечемъ, который былъ освященъ на самомъ гробѣ Господнемъ. Самъ константинопольскій патріархъ прислалъ Хмельницкому грамоту, въ которой одобрялъ войну, предпринятую противъ враговъ православія. Но войска въ этомъ году у Хмельницкаго было меньше, чѣмъ прежде. За нимъ уже меньше было той нравственной силы, какую онъ прежде имѣлъ въ глазахъ народа; хлопы стали не довѣрять ему за потачку панамъ, за казнь мятежниковъ. Союзъ съ татарами не по душѣ былъ народу, потому что эти союзники, вступая въ русскую землю подъ видомъ дружбы, уводили въ плѣнъ женщинъ и дѣтей. Многіе реестровые козаки, пользуясь своими правами, охотнѣе бы хотѣли идти на турокъ. Находились даже такіе, хотя въ небольшомъ количествѣ, которые предложили свои услуги полякамъ. Притомъ Хмельницкій имѣлъ поводъ опасаться вторженія литовскаго войска и долженъ былъ оставить часть войска на сѣверной границѣ, чѣмъ развлекалъ свои силы.

Хмельницкій долго дожидался хана и далъ время своимъ непріятелямъ собраться. Двинувшись на Волынь, онъ стоялъ подъ Збаражемъ, не отваживаясь одинъ нападать на короля;

[1]) Коронный обозный, гетманъ Калиновскій въ мѣстечкѣ Красномъ напалъ внезапно на полковника Данила Нечая и разбилъ его. Самъ Нечай погибъ въ битвѣ. Вслѣдъ затѣмъ Калиновскій разорилъ нѣсколько подольскихъ городовъ, но самъ потерпѣлъ неудачу подъ Винницею противъ полковника Богуна, который приказалъ сдѣлать на льду рѣки Буга проруби и покрыть ихъ соломою. Поляки бросились на ледъ и во множествѣ потонули.

а между тѣмъ въ его станѣ распространились повальныя болѣзни, такъ что козаки въ одно время вывезли изъ своего стана двѣсти шестьдесятъ возовъ съ больными и умершими.

Простоявши нѣсколько недѣль подъ Сокаломъ, поляки перенесли свой станъ на рѣку Стырь и избрали обширное поле подъ Берестечкомъ. Хмельницкій, все еще ожидая хана, упустилъ удобное время напасть на непріятеля, когда поляки проходили по болотистымъ мѣстамъ и переправлялись черезъ рѣку Стырь. Исламъ-Гирей прибылъ, наконецъ, со своей ордой, но на этотъ разъ крымскій ханъ шелъ на войну по-неволѣ и только по приказанію турецкаго султана. Ему невыгодно было нарушать Зборовскій договоръ; ему хотѣлось, напротивъ, идти войною на Москву, съ которою Хмельницкій, къ досадѣ его, дружилъ. Между татарскими беями были враги, недоброжелатели Хмельницкаго [1]). 19 іюня (29 нов. стиля) появились козаки и татары въ виду польскаго войска. 20 іюня, въ два часа по полудни, началось сраженіе; и вдругъ ханъ стремительно бросился въ бѣгство; за нимъ побѣжали всѣ его мурзы и беи. Это бѣгство до того поразило всѣхъ татаръ, что они, не будучи никѣмъ преслѣдуемы, побросали въ безпамятствѣ свои арбы съ женами и дѣтьми, больныхъ и даже мертвыхъ, въ противность алкорану, запрещавшему оставлять правовѣрныхъ безъ погребенія. Хмельницкій поручилъ начальство полковнику Джеджалыку, а самъ погнался за ханомъ, думая остановить его. Ханъ, остановившись въ трехъ верстахъ отъ поля битвы, сказалъ Хмельницкому: „На насъ на всѣхъ страхъ напалъ. Татары биться не будутъ. Останься со мной, подумаемъ. Завтра я пошлю своихъ людей помогать козакамъ". Но вмѣсто того, на другой день онъ двинулся къ Вишневцу и потащилъ за собою Хмельницкаго. Писарь Выговскій поѣхалъ просить хана освободить Хмельницкаго; ханъ и его задержалъ. Такимъ образомъ, гетманъ съ писаремъ очутились въ плѣну у хана.

Поляки заняли все поле, гдѣ стояли татары, и начали тѣснить козаковъ. Джеджалыкъ храбро отбивалъ натиски и отступилъ къ рѣкѣ Пляшовой. Здѣсь козаки сбили свои возы въ четвероугольникъ: съ трехъ сторонъ сдѣлали окопы, а съ четвертой большое болото защищало ихъ лагерь. Десять дней выдерживали они непріятельскую пальбу, вступали съ поляками въ переговоры, но соглашались мириться съ ними не

[1]) Прежде своего соединенія съ Хмельницкимъ Исламъ-Гирей посылалъ къ польскому королю тайное посольство; неизвѣстно содержаніе его: впослѣдствіи подозрѣвали, что тогда дано было обѣщаніе измѣнить козакамъ.

иначе, какъ только на условіяхъ Зборовскаго договора. Поляки знать этого не хотѣли, требовали совершенной покорности. Между тѣмъ въ русскомъ станѣ началась безурядица и смятеніе. Начальство перешло отъ Джеджалыка къ полковнику Богуну. Между хлопами на сходкахъ стали ходить такія рѣчи: татары разоряютъ край нашъ; выдадимъ королю старшину и будемъ свободны. Богунъ, услышавши эти толки, составилъ планъ устроить на-скоро плотину и уйти съ козаками. Ночью съ 28 на 29 іюня козаки свозили на болото возы, кожухи, шатры, контуши, мѣшки, сѣдла, устроили три плотины и стали уходить отрядами одинъ за другимъ, незамѣтно ни для поляковъ, ни для толпы хлоповъ въ своемъ станѣ. Утромъ, 29 іюня, когда русскіе стали завтракать, вдругъ кто-то закричалъ: братцы, всѣ полковники ушли! По всей массѣ пробѣжалъ внезапный страхъ; всѣ бросились въ разсыпную; плотины не выдержали и люди начали тонуть. Хлопы метались въ разныя стороны и въ-попыхахъ стремглавъ бросались въ рѣку. Поляки долго не понимали въ чемъ дѣло, и только спустя нѣсколько времени, бросились въ козацкій лагерь и стали добивать бѣгущихъ. Митрополитъ Іоасафъ удерживалъ бѣгущихъ и былъ убитъ какимъ-то польскимъ шляхтичемъ. Королю принесли его облаченіе и освященный мечъ.

Послѣ разгрома козацкаго лагеря, король распустилъ посполитое рушенье и уѣхалъ въ столицу, а регулярное (иначе кварцяное) войско двинулось въ Украину уничтожать козачество, какъ поляки надѣялись.

Ханъ продержалъ Хмельницкаго до конца іюля подъ Вишневцемъ и отпустилъ, вѣроятно взявши съ него деньги въ видѣ окупа, какъ сообщаютъ о томъ польскіе источники. Хмельницкій, по своемъ освобожденіи, поѣхалъ прямо въ Украину и, прибывши въ мѣстечко Паволочь, три дня и три ночи пилъ безъ просыпу. Тутъ начали сходиться къ нему полковники съ остатками растрепанныхъ своихъ полковъ. Но никогда не показалъ Хмельницкій такого присутствія духа, такого мужества, неутомимой дѣятельности и силы воли, какъ въ это ужасное время. Народъ волновался, обвинялъ его. Въ народѣ было много недовольныхъ за прежнюю потачку панамъ; сердились на него и за союзъ съ татарами, которые разоряли край. Въ разныхъ мѣстахъ были мятежныя сходбища, на которыхъ думали выбирать иного гетмана. Хмельницкій на Масловомъ-бродѣ явился предъ народнымъ сборищемъ, успокоилъ толпу, увѣрялъ ее, что не все еще потеряно, что дѣла поправятся; собиралъ, одушевлялъ народъ, пополнялъ

полки, сносился снова съ ханомъ, который опять обѣщалъ Украинѣ помощь. Въ то же время Хмельницкій продолжалъ сноситься съ московскимъ правительствомъ; къ нему безпрестанно ѣздили разные подъячіе и дѣти боярскіе; всѣмъ онъ говорилъ одно и то же о желаніи своемъ поступить подъ высокую руку православнаго государя. Но разомъ онъ и угрожалъ Москвѣ, говоря, что если царь не приметъ его подъ свою руку, то козаки по-неволѣ, пойдутъ съ поляками и крымцами на Московское Государство. Въ минуты, когда гетманъ, любившій выпить, былъ на-веселѣ, онъ говорилъ рѣзко: „я къ москалямъ съ искреннимъ сердцемъ, а они надо мною насмѣхаются. Пойду и разорю Москву, хуже Польши!“ Въ эти дни, къ удивленію поляковъ, Хмельницкій вновь женился; третья жена его была Анна Золотаренко; братъ ея сдѣланъ былъ нѣжинскимъ полковникомъ [1]).

Народъ южно-русскій, несмотря на понесенный ударъ и на новыя усилія враговъ покорить его, казался готовымъ лучше погибнуть, чѣмъ поступить въ прежнее порабощеніе. Козацкіе полки быстро наполнялись новыми охотниками; жители поголовно вооружались, за недостаткомъ оружія, косами и ножами.

Польское войско вступило въ Украину и встрѣтило сильное единодушное сопротивленіе. Жители истребляли запасы, жгли собственные дома, безпрестанно нападали на поляковъ отдѣльными шайками, отнимали у нихъ возы, лошадей, портили дороги, ломали мосты. Польское войско стало терпѣть недостатокъ продовольствія. Лишившись въ Паволочи скоропостижно умершаго, лучшаго изъ польскихъ военачальниковъ, Іереміи Вишневецкаго, поляки 13 августа пришли къ мѣстечку Трилисы. Козаки, засѣвшіе тамъ подъ начальствомъ храбраго сотника Александренка, вмѣстѣ съ жителями мѣстечка, защищались до послѣдняго и всѣ погибли: женщины дрались наряду съ мужчинами и одна женщина убила косою полковника Штрауса. Поляки, за это сопротивленіе, пришли въ такое неистовство, что разсѣявшись по окрестнымъ хуторамъ, истребляли всѣхъ русскихъ, не щадя даже грудныхъ младенцевъ. За то, съ своей стороны, русскіе съ особеннымъ звѣрствомъ мучили попавшихся къ нимъ поляковъ и служив-

[1]) По однимъ извѣстіямъ, вторая жена была убита его сыномъ Тимоѳеемъ, по другимъ —казнена имъ самимъ за преступную связь съ часовымъ мастеромъ, приставшимъ къ нему въ 1648 г., подъ Львовомъ, бывшимъ потомъ его домовымъ казначеемъ и обкрадывавшимъ гетмана. По третьимъ,—онъ услышалъ о ея смерти въ маѣ 1651 г. и тосковалъ.

шихъ въ польскомъ войскѣ нѣмцевъ. Приведя плѣнниковъ куда-нибудь въ лѣсъ или въ ущелье, они сначала, для поруганія, угощали ихъ виномъ и медомъ, вели съ ними пріятельскую бесѣду, а потомъ прокалывали ихъ рожнами, сдирали съ живыхъ кожи и тому подобное.

Съ сѣверной стороны нахлынула на Украину другая военная сила: предводитель литовскаго войска Радзивиллъ послалъ отрядъ противъ черниговскаго полка, которому Хмельницкій поручилъ беречь границу. По причинѣ оплошности черниговскаго полковника Небабы, козаки потерпѣли пораженіе. Радзивиллъ занялъ Черниговъ, а потомъ, въ послѣднихъ числахъ іюля, подступилъ къ Кіеву. Кіевскій полковникъ Ждановичъ вышелъ изъ города въ надеждѣ напасть на литовцевъ, когда послѣдніе будутъ находиться въ Кіевѣ. Городъ былъ занятъ литовцами 6 августа; козаки съ двухъ сторонъ: сухопутьемъ отъ Лыбеди и на судахъ по Днѣпру, стали приближаться къ городу. Тутъ кіевскіе мѣщане сами зажгли городъ, чтобы произвести въ литовскомъ войскѣ замѣшательство и тѣмъ пособить нападавшимъ на него козакамъ. Но корсунскій полковникъ Мозыра не послушался Ждановича, началъ давать не впору огнемъ сигналы плывшимъ по Днѣпру и тѣмъ испортилъ планъ Ждановича. Литовцы не могли быть застигнутыми въ-расплохъ и отбили нападеніе. Кіевъ сильно пострадалъ отъ пожара. Послѣ этого, Радзивиллъ снесся съ Потоцкимъ, и оба войска, по состоявшемуся между ихъ предводителями договору, съ двухъ противоположныхъ концовъ, въ концѣ августа сошлись подъ Бѣлою-Церковью, близъ которой находился Хмельницкій съ своимъ войскомъ.

Хмельницкій предложилъ миръ. Положеніе козаковъ было печально. Но поляки съ одной стороны видѣли отчаяніе русскаго народа, способнаго вести борьбу на жизнь и на смерть, съ другой—затруднялись добывать продовольствіе. По-этому, польскіе предводители согласились мириться и выслали для переговоровъ съ гетманомъ и старшиною коммиссаромъ Адама Киселя съ товарищами въ бѣлоцерковскій замокъ.

Народъ узналъ, что идетъ дѣло о сокращеніи козачества и о съуженіи границъ козацкой земли. Толпа собралась подъ замокъ. Раздались яростные крики: „ты, гетманъ, ведешь трактаты съ ляхами и насъ покидаешь, себя самого и старшину спасаешь, а насъ знать не хочешь, отдаешь насъ подъ палки, батоги, на колы да на висѣлицы! Нѣтъ, прежде чѣмъ до этого дойдетъ,—и ты положишь голову, и ни одинъ ляхъ отсюда живымъ не уйдетъ!“ Они хотѣли схватить и убить

коммиссаровъ. Хмельницкій не устрашился, вышелъ къ толпѣ, которая грозила ему саблями и дубинами, уговаривалъ ее, представлялъ, что пословъ трогать нельзя, и, наконецъ, собственноручно положилъ своей булавою нѣсколькихъ смѣльчаковъ, выдвинувшихся впередъ [1]).

Рѣшительность Хмельницкаго и вліяніе, которымъ онъ все еще пользовался, не смотря на разладъ съ народными требованіяни, удержали на время народъ отъ дальнѣйшаго взрыва. Переговоры тянулись не одинъ день. Хмельницкій посылалъ то одно, то другое добавленіе; между тѣмъ козаки дѣлали нападеніе на польское войско: гетманъ отговаривался, что это происходитъ не по его желанію. Хмельницкому опасность угрожала съ обѣихъ сторонъ. Онъ не рѣшался вступить въ рѣшительную отчаянную битву, не надѣясь выиграть побѣды; не рѣшался и заключить миръ, потому что народная толпа, повидимому, готова была растерзать его за это. Такъ прошло время до 16-го сентября. Въ это время появилось моровое повѣтріе, какъ въ польскомъ, такъ и въ козацкомъ войскѣ. Обстоятельство это ускорило заключеніе мира. По договору, называемому въ исторіи, отъ мѣста его составленія, Бѣлоцерковскимъ, у Хмельницкаго, вмѣсто трехъ воеводствъ въ предѣлахъ козацкой черты, осталось одно кіевское воеводство, и, въ силу этого съуженія границъ, число реестроваго войска было уменьшено до двадцати тысячъ. Шляхетство вступало въ свои владѣнія съ прежнимъ правомъ; жиды тоже могли жить вездѣ.

По окончаніи договора, Хмельницкій посѣтилъ своихъ побѣдителей и, по сознанію самихъ польскихъ историковъ, его хотѣли было отравить, но онъ догадался, не пилъ предложеннаго вина и ускакалъ въ свой станъ.

Само собою разумѣется, что такой миръ не могъ продержаться долго. Жители Южной Руси, не желая быть въ порабощеніи у пановъ, во множествѣ бѣжали въ Московское Государство на слободы. Уже въ прежніе годы совершались такія переселенія и появились слободы около Рыльска, Путивля, Бѣлгорода. Въ этотъ годъ переселеніе произошло въ несравненно большемъ размѣрѣ. Первый примѣръ показали волынцы. Козаки возникшаго-было острожскаго полка, подъ предводительствомъ Ивана Дзинковскаго, основали, съ царскаго дозволенія, на берегу рѣки Тихой Сосны, Острогожскъ

[1]) Кисель, ѣдучи съ товарищами чрезъ ряды русскаго полчища кричалъ:—Друзья мои, мы не ляхи; я русскій, мои кости такія же русскія, какъ и ваши!—„Твои русскія кости обросли польскимъ мясомъ!“—отвѣчали ему козаки.

и перенесли съ собой все козацкое устройство. Такимъ образомъ явился первый слободской полкъ. За нимъ, малоруссы начали переселяться въ огромномъ количествѣ, въ привольныя южныя степи Московскаго Государства, съ береговъ Днѣпра, Буга и другихъ мѣстъ. Они сожигали свои хаты и гумна, чтобъ не доставались врагамъ, складывали на возы свои пожитки и отправлялись огромными ватагами искать новой Украины, гдѣ бы не было ни ляховъ, ни жидовъ. Отряды польскаго войска заступали имъ дорогу; украинцы пробивались съ ружьями и даже пушками на новое жительство. Тогда менѣе, чѣмъ въ полгода, проявились въ пограничныхъ областяхъ многія малорусскія слободы, изъ которыхъ нѣкоторыя дали начало значительнымъ городамъ: такъ основаны были: Сумы, Короча, Бѣлополье, Ахтырка, Лебединъ, Харьковъ и другіе. Поселенцы выбирали мѣста, по возможности, безопасныя, и потому большею частью вблизи болотъ, мѣшавшихъ татарскимъ внезапнымъ нападеніямъ.

По окончаніи реестрованія, литовское войско пошло въ черниговское воеводство, а часть короннаго пришла на лѣвый берегъ Днѣпра съ тѣмъ, чтобы не пропускать переселенцевъ въ Московское Государство. Самъ Хмельницкій своимъ универсаломъ запрещалъ народу дальнѣйшія выселенія и строго приказывалъ невошедшимъ въ реестръ повиноваться панамъ.

Но русскій народъ не думалъ повиноваться панамъ. Весною 1652 года вся Украина была уже въ огнѣ. По Бугу и Днѣстру жители бросали свои жилища, скрывались въ ущельяхъ и лѣсахъ, составляли шайки, нападали на поляковъ. На правой сторонѣ, русскій шляхтичъ Хмелецкій собиралъ и возбуждалъ недовольныхъ, какъ противъ поляковъ, такъ и противъ своего гетмана. На лѣвой — составлялъ ополченіе бывшій корсунскій полковникъ Мозыра, смѣненный Хмельницкимъ. Въ миргородскомъ полку полковникъ Гладкій присталъ къ народному заговору противъ разставленныхъ польскихъ жолнѣровъ и въ день Свѣтлаго Воскресенья всѣ они были перебиты. Такую же рѣзню произвели надъ литовцами около Мглина и Стародуба. Около Лубенъ мятежные хлопы низлагали съ гетманства Хмельницкаго и выбрали какого-то Бугая своимъ предводителемъ.

Хмельницкій не былъ безопасенъ въ собственномъ Чигиринѣ. Пришедшая въ отчаяніе народная громада готова была нагрянуть на него и убить. Гетмана повсюду стали называть измѣнникомъ, продавшимъ ляхамъ Украину. Въ такомъ положеніи Хмельницкій дозволилъ записываться въ реестръ болѣе опредѣленнаго числа. Польскій военачальникъ Кали-

новскій упрекалъ его за это. Хмельницкій объяснялъ, что сдѣлалъ это распоряженіе для пользы самихъ поляковъ, потому что иначе усмирить пародъ невозможно.

По требованію короля, Хмельницкій однако подписалъ смертный приговоръ Гладкому, Хмелецкому и Мозырѣ; имъ отрубили головы. Кромѣ этихъ жертвъ, было совершено еще нѣсколько смертныхъ казней. Но скоро послѣ того, обстоятельства повернулись такъ, что Хмельницкій снова сталъ за-одно съ народомъ.

Молдавскій господарь Василій Лупулъ обѣщалъ въ 1650 году дочь свою Домну Локсандру въ-жены Тимоѳею Хмельницкому, но, извиняясь молодостью невѣсты, просилъ отсрочки на годъ. Потомъ онъ не только не хотѣлъ исполнять даннаго обѣщанія, а еще и тайно вредилъ Хмельницкому во время второй войны послѣдняго съ поляками. Въ 1652 году Хмельницкій напомнилъ господарю его обѣщаніе и выслалъ своего сына съ козаками къ границамъ Молдавіи, давая знать этимъ, что если господарь не захочетъ исполнить даннаго слова добровольно, то принужденъ будетъ исполнить его по-неволѣ.

По увѣренію польскихъ историковъ, Лупулъ извѣстилъ объ угрожающемъ ему насиліи предводителя польскаго войска Калиновскаго, а Калиновскій, расположившій свое войско надъ рѣкою Бугомъ, вздумалъ пресѣчь путь сыну Хмельницкаго, идущему въ Молдавію.

Гетманъ Хмельницкій предупредилъ Калиновскаго письмомъ, просилъ не трогать Тимоѳея и отступить съ дороги, такъ какъ Тимоѳей идетъ себѣ жениться и не имѣетъ никакихъ враждебныхъ намѣреній противъ поляковъ,—иначе не ручался, чтобъ козаки, которыхъ онъ называлъ свадебными боярами, не завели ссоры и не вышло бы нарушенія мира. Но Калиновскій, на зло Хмельницкому, нарочно поступилъ противъ его предостереженія и самъ напалъ на Тимоѳея Хмельницкаго, который шелъ не только съ сильнымъ козацкимъ отрядомъ, но еще и въ сопровожденіи татарскаго Карача-мурзы съ его ордою. Во время нападенія, русскіе хлопы, бывшіе на работѣ въ польскомъ обозѣ, умышленно зажгли сѣно, распространился пожаръ... Козаки и татары стѣснили поляковъ и совершенно разбили. Калиновскій палъ въ битвѣ. Поляки бѣжали во всѣ стороны, козаки и окрестные хлопы гонялись за ними, не слушали никакихъ моленій о пощадѣ и безъ состраданія убивали, приговаривая: „вотъ вамъ за унію, вотъ вамъ за Берестечко, вотъ вамъ за ваши поборы!“ и т. п. Все польское войско въ числѣ двадцати тысячъ погибло въ этой знаменитой битвѣ, прозванной, по урочищу, гдѣ она происходила,

батогскою. Ударъ, нанесенный Польшѣ, былъ не легче корсунскаго. Тимоѳей Хмельницкій благополучно достигъ предѣловъ Молдавіи, по просьбѣ господаря оставилъ свое войско на границѣ, самъ пріѣхалъ въ Яссы и сочетался бракомъ съ молдавскою принцессою.

Такимъ образомъ, недавно заключенный миръ, тяжелый для Хмельницкаго, былъ нарушенъ самими поляками. Жолнѣры, стоявшіе въ другихъ мѣстахъ, были немедленно изгнаны.

Хмельницкій извѣстилъ короля о случившемся подъ Батогомъ, доказывалъ, что виною всему Калиновскій, а о своихъ козакахъ выразился такъ: „простите ихъ, ваше величество, если они, какъ люди веселые, далеко простерли свою дерзость". Въ Польшѣ это приняли за насмѣшку.

Польша не имѣла войска и по-неволѣ должна была отложить военныя дѣйствія до слѣдующаго года. Весною 1653 года польскій военачальникъ Чарнецкій, ворвавшись въ Брацлавщину по берегу Буга, истреблялъ села и мѣстечки: поляки рѣзали жителей безъ разбора. По выраженію ихъ же соотечественника, не щадили ни красивой дѣвушки, ни беременной женщины, ни грудного младенца. Храбрый винницкій полковникъ Богунъ остановилъ этотъ варварскій набѣгъ и обратилъ Чарнецкаго въ бѣгство.

Вслѣдъ затѣмъ собралось большое польское войско подъ Глинянами, съ намѣреніемъ идти въ Украину и предать ее окончательному разоренію; между тѣмъ война разыгрывалась и въ другомъ краю, въ Молдавіи. Тамъ, между Лупуломъ, тестемъ Тимоѳея Хмельницкаго, и Стефаномъ Гергицею, купившемъ себѣ въ Константинополѣ право на господарство, происходила борьба. Тимоѳей съ козаками защищалъ тестя; венгерцы и поляки подали помощь врагу его изъ нежеланія, чтобъ родственникъ и союзникъ Хмельницкаго владѣлъ Молдавіею.

Гетманъ Хмельницкій обратился опять къ царю Алексѣю Михайловичу, умолялъ принять его съ козаками подъ свою руку. Царь на этотъ разъ хотя все еще не далъ согласія, но отвѣчалъ, что принимаетъ на себя посредничество примирить польскаго короля съ Хмельницкимъ.

20 іюля явился въ Польшу царскій посланникъ бояринъ Рѣпнинъ-Оболенскій съ товарищами, припомнилъ прежнее требованіе о наказаніи лицъ, дѣлавшихъ ошибки въ царскомъ титулѣ, и объявилъ, что царь проститъ виновныхъ въ этомъ, если поляки съ своей стороны помирятся съ Хмельницкимъ на основаніи Зборовскаго договора и уничтожатъ унію.

Паны на это отвѣчали, что уничтожить унію невозможно,

что это требованіе равняется тому, если бы поляки потребовали уничтожить въ Московскомъ Государствѣ греческую вѣру, что греческая вѣра никогда не была гонима въ Польшѣ, а съ Хмельницкимъ они не станутъ мириться не только по Зборовскому, но даже и по Бѣлоцерковскому договору, и приведутъ козаковъ къ тому положенію, въ какомъ они находились до начала междоусобія.

Тогда московскій посолъ сказалъ, что если такъ, то царь не будетъ болѣе посылать въ Польшу пословъ, а велитъ писать о неправдахъ польскихъ и о нарушеніи поляками мирнаго договора во всѣ окрестныя государства и будетъ стоять за православную вѣру, за святыя Божія церкви и за свою честь, какъ ему Богъ поможетъ!

Поляки, соображая, что Хмельницкій пойдетъ съ войскомъ на помощь къ сыну, который находился въ стѣсненномъ положеніи въ Молдавіи, двинулись съ войскомъ на Подоль къ Каменцу. Король предводительствовалъ войскомъ. Поляки надѣялись перерѣзать путь Хмельницкому, который собирался идти въ Молдавію на выручку сына; отправляясь въ походъ, онъ извѣстилъ царя, что поляки идутъ на поруганіе вѣры и святыхъ церквей, и прибавилъ: „турецкій царь прислалъ къ намъ въ обозъ въ Борки своего посланца и приглашаетъ къ себѣ въ подданство. Если, ваше царское величество, не сжалишься надъ православными христіанами и не примешь насъ подъ свою высокую руку, то иновѣрцы подобьютъ насъ и мы будемъ чинить ихъ волю. А съ польскимъ королемъ у насъ мира не будетъ ни за что“.

Тесть Тимоѳея, Лупулъ, ушелъ изъ Молдавіи, а Тимоѳей съ тещею заперся въ Сочавскомъ замкѣ. Съ Тимоѳеемъ были козаки. Огромное войско, состоявшее изъ валаховъ, молдаванъ, сторонниковъ Стефана Гергицы, венгерцевъ и поляковъ осадили Сочаву. Осажденные храбро отбивались, ожидая выручки отъ Хмельницкаго. Но однажды осколокъ отъ дерева разбитой ядромъ повозки, смертельно ранилъ Тимоѳея въ голову и въ ногу; Тимоѳей умеръ. Козацкій полковникъ Ѳедоренко продолжалъ нѣсколько времени отбиваться, но голодъ принудилъ его сдать крѣпость. 9-го октября козаки вышли изъ Сочавской крѣпости, выговоривъ себѣ свободный проходъ на Украину съ тѣломъ Тимоѳея Хмельницкаго. Богданъ Хмельницкій встрѣтилъ на дорогѣ тѣло сына, приказалъ везти его на погребеніе въ Чигиринъ, а самъ пошелъ на поляковъ.

Къ нему присталъ тогда крымскій ханъ. Поляки, считая себя побѣдителями татаръ подъ Берестечкомъ, перестали ему

платить сумму, постановленную подъ Зборовомъ. Хану захотѣлось возвратить себѣ этотъ доходъ.

Враги встрѣтились на берегу Днѣстра подъ Жванцемъ, въ пятнадцати верстахъ отъ Каменца, противъ Хотина. Была уже поздняя осень. Положеніе поляковъ было печальное. Войско ихъ, составленное изъ непривычныхъ къ ратному дѣлу воиновъ, разбѣгалось. Но ханъ наблюдалъ только одну свою выгоду и предложилъ полякамъ миръ, съ условіемъ, если ему заплатятъ единовременно сто тысячъ червонныхъ, а потомъ станутъ платить ежегодно на основаніи Зборовскаго договора, и, въ добавокъ, дадутъ татарамъ право на возвратномъ пути брать сколько угодно плѣнниковъ въ польскихъ областяхъ.

Какъ ни дикимъ казалось послѣднее требованіе, но поляки согласились и на него, выговоривши себѣ только то условіе, чтобы татары брали въ плѣнъ въ продолженіи сорока дней однихъ русскихъ и не трогали поляковъ.

Ханскій визирь договорился съ поляками и въ томъ, что съ этихъ поръ ханъ отступитъ отъ козаковъ, но въ настоящее время просилъ для вида обѣщать имъ утвердить Зборовскій договоръ, чтобъ не раздражить козацкую толпу; впослѣдствіи же ханъ самъ обѣщалъ помогать полякамъ укротить козаковъ.

Хмельницкій узналъ объ этомъ тайномъ условіи, умолялъ хана не покидать его—все было напрасно. Союзъ съ поляками, по разсчету хана, былъ выгоднѣе, чѣмъ съ козаками. Хмельницкому невозможно было отважиться въ данную минуту на борьбу разомъ и съ поляками, и съ татарами. Онъ принужденъ былъ молчать. Одна надежда у него осталась тогда на царя московскаго. 16 декабря ушелъ король; за нимъ разошлось польское войско. Вслѣдъ затѣмъ, татары, по условію, страшно опустошили Южную Русь до самаго Люблина. Однако и поляки не остались безъ наказанія за постыдный договоръ съ ханомъ, которымъ они, всегда гордившіеся званіемъ свободной націи, избавили себя отъ печальной для нихъ необходимости предоставить свободу русскому народу: татары, не разбирая своихъ жертвъ, сожигали шляхетскіе домы и увели въ плѣнъ множество шляхты обоего пола.

Между тѣмъ, послѣ рѣшительнаго отвѣта, даннаго панами московскому послу бояриу князю Рѣпнину-Оболенскому, московское правительство приступило, наконецъ, къ рѣшительному шагу. Оставаться зрителями того, что дѣлалось по сосѣдству, далѣе было невозможно; предстояла опасность, что козаки отдадутся Турціи, и, вмѣстѣ съ крымскими татарами,

начнутъ дѣлать опустошенія въ предѣлахъ Московскаго Государства.

Дѣло было первой важности, и царь Алексѣй Михайловичъ 1 октября 1653 года созвалъ земскій соборъ всѣхъ чиновъ Московскаго Государства въ Грановитой палатѣ.

Думный дьякъ изложилъ все дѣло о пропускахъ въ титулѣ, о безчестныхъ книгахъ, о томъ какъ гетманъ Богданъ Хмельницкій много лѣтъ просилъ государя принять его подъ державную руку, о томъ, какъ царь предлагалъ полякамъ прощеніе виновныхъ въ оскорбленіи царской чести, съ тѣмъ, чтобъ поляки уничтожили унію и перестали преслѣдовать православную вѣру, и какъ поляки отвергли это предложеніе. Извѣщалось, наконецъ, что турецкій царь зоветъ козаковъ подъ свою власть.

Потомъ отбирался отвѣтъ на вопросъ: принимать ли гетмана Богдана Хмельницкаго со всѣмъ Войскомъ Запорожскимъ подъ царскую руку?

Бояре дали такое мнѣніе: Янъ Казимиръ, при избраніи на королевство, присягалъ остерегать и защищать всѣхъ христіанъ, которыхъ исповѣданіе отлично отъ римско-католическаго, не притѣснять никого за вѣру и другимъ не дозволять, а если своей присяги не сдержитъ, то въ такомъ случаѣ подданные его освобождаются отъ вѣрности ему и послушанія. Король Янъ-Казимиръ присяги своей не сдержалъ: возсталъ на православную христіанскую вѣру, разорилъ многія церкви, обратилъ въ унитскія. Стало быть, гетманъ Хмельницкій и все Войско Запорожское, послѣ нарушенія королевской присяги—вольные люди: отъ своей присяги свободны. А потому, чтобы не допустить ихъ отдаться въ подданство турецкому султану или крымскому хану, слѣдуетъ принять гетмана Богдана Хмельницкаго, со всѣмъ Войскомъ Запорожскимъ, со всѣми городами и землями, подъ высокую государеву руку.

Гости и торговые люди вызвались участвовать вспоможеніями въ предстоявшей войнѣ; служилые люди обѣщались биться противъ польскаго короля, не щадя головъ своихъ и умирать за честь своего государя. Патріархъ и все духовенство благословили государя и всю его державу и сказали, что они будутъ молить Бога, Пресвятую Богородицу и всѣхъ святыхъ о пособіи и одолѣніи.

Послѣ такого земскаго приговора, царь послалъ въ Переяславль боярина Бутурлина, окольничаго Алферьева и думнаго дьяка Лопухина принять Украину подъ высокую руку

государя. Послы эти прибыли на мѣсто 31 декабря 1653 года. Гостей съ достодолжною почестью принялъ переяславскій полковникъ Павелъ Тетеря.

1 января прибылъ въ Переяславль гетманъ. Съѣхались всѣ полковники, старшина и множество козаковъ. 8 января, послѣ предварительнаго тайнаго совѣщанія со старшиною, въ одиннадцать часовъ утра, гетманъ вышелъ на площадь, гдѣ была собрана генеральная рада.

Гетманъ говорилъ:

„Господа полковники, асаулы, сотники, все войско запорожское! Богъ освободилъ насъ изъ рукъ враговъ нашего восточнаго православія, хотѣвшихъ искоренить насъ такъ, чтобъ и имя русское не упоминалось въ нашей землѣ. Но намъ нельзя болѣе жить безъ государя. Мы собрали сегодня явную всему народу раду, чтобъ вы избрали изъ четырехъ государей себѣ государя. Первый — царь турецкій, который много разъ призывалъ насъ подъ свою власть; второй — ханъ крымскій; третій — король польскій; четвертый — православный Великой Руси царь восточный. Турецкій царь бусурманъ, и сами знаете какое утѣсненіе терпятъ братія наши христіане отъ невѣрныхъ. Крымскій ханъ тоже бусурманъ. Мы по нуждѣ свели было съ нимъ дружбу и черезъ то приняли нестерпимыя бѣды, плѣненіе и нещадное пролитіе христіанской крови. Объ утѣсненіяхъ отъ польскихъ пановъ и вспоминать не надобно; сами знаете, что они почитали жида и собаку лучше нашего брата-христіанина. А православный христіанскій царь восточный,—одного съ нами греческаго благочестія; мы съ православіемъ Великой Руси единое тѣло церкви, имущее главою Іисуса Христа. Этотъ великій царь христіанскій, сжалившись надъ нестерпимымъ озлобленіемъ православной церкви въ Малой Руси, не презрѣлъ нашихъ шестилѣтнихъ моленій, склонилъ къ намъ милостивое свое царское сердце и прислалъ къ намъ ближнихъ людей съ царскою милостью. Возлюбимъ его съ усердіемъ. Кромѣ царской высокой руки, мы не найдемъ благоотишнѣйшаго пристанища; а буде кто съ нами теперь не въ совѣтѣ, тотъ куда хочетъ: вольная дорога“.

Раздались восклицанія:

„Волимъ подъ царя восточнаго! лучше намъ умереть въ нашей благочестивой вѣрѣ, нежели доставаться ненавистнику Христову, поганому“.

Тогда переяславскій полковникъ началъ обходить козаковъ и спрашивалъ:

— Всѣ ли тако соизволяете?

— Всѣ! отвѣчали козаки.

„Боже утверди, Боже укрѣпи, чтобъ мы навѣки были едино!“

Прочитаны были условія новаго договора. Смыслъ его былъ таковъ: вся Украина, козацкая земля (приблизительно въ границахъ Зборовскаго договора, занимавшая нынѣшнія губерніи: полтавскую, кіевскую, черниговскую, большую часть волынской и подольской), присоединялась подъ именемъ Малой Россіи къ Московскому Государству, съ правомъ сохранять особый свой судъ, управленіе, выборъ гетмана вольными людьми, право послѣдняго принимать пословъ и сноситься съ иноземными государствами (кромѣ крымскаго хана и польскаго короля), неприкосновенность правъ шляхетскаго, духовнаго и мѣщанскаго сословій. Дань (налоги) государю должна платиться безъ вмѣшательства московскихъ сборщиковъ. Число реестровыхъ увеличивалось до шестидесяти тысячъ, но дозволялось имѣть и болѣе охочихъ козаковъ.

Когда приходилось присягать, гетманъ и козацкіе старшины домогались, чтобы московскіе послы присягнули за своего государя такъ, какъ всегда дѣлали польскіе короли при избраніи своемъ на престолъ. Но московскіе послы уперлись, приводя, что „польскіе короли невѣрные, несамодержавные, не хранятъ своей присяги, а слово государево не бываетъ перемѣнно“, и не присягнули. Когда, послѣ того, послы и пріѣхавшіе съ ними стольники и стряпчіе поѣхали по городамъ для приведенія къ присягѣ жителей, малороссійское духовенство неохотно соглашалось поступать подъ власть московскаго государя. Самъ митрополитъ Сильвестръ Коссовъ хотя и встрѣчалъ за городомъ московскихъ пословъ, но внутренно не былъ расположенъ къ Москвѣ. Духовенство не только не присягнуло, но и не согласилось посылать къ присягѣ шляхтичей, служившихъ при митрополитѣ и другихъ духовныхъ особахъ, монастырскихъ слугъ и вообще людей изъ всѣхъ имѣній, принадлежащихъ церквамъ и монастырямъ. Духовенство смотрѣло на московскихъ русскихъ, какъ на народъ грубый, и даже на счетъ тождества своей вѣры съ московской происходило у нихъ сомнѣніе. Нѣкоторымъ даже приходило въ мысль, что москали велятъ перекрещиваться. Народъ присягалъ безъ сопротивленія, однако, и не безъ недовѣрія: малоруссы боялись, что москали станутъ принуждать ихъ къ усвоенію московскихъ обычаевъ, запретятъ носить сапоги и черевики, а заставятъ надѣвать лапти. Что

касается до козацкой старшины и приставшихъ къ козакамъ русскихъ шляхтичей, то они вообще, скрѣпя сердце, только по крайней нуждѣ, отдавались подъ власть московскаго государя; въ ихъ головѣ составился идеалъ независимаго государства изъ Малороссіи. Хмельницкій отправилъ своихъ пословъ, которые были приняты съ большимъ почетомъ. Царь утвердилъ Переяславскій договоръ, и на основаніи его, выдали жалованную грамоту [1]).

Московское правительство формально объявило Польшѣ войну. Она вспыхнула разомъ и въ Украинѣ и въ Литвѣ. Весною 1654 года польское войско вступило въ Подоль и начало производить убійственную рѣзню. Городъ Немировъ былъ истребленъ до основанія. 3,000 жителей столпились въ большомъ каменномъ погребѣ; поляки стали выкуривать ихъ оттуда дымомъ, предлагали пощаду, если выдадутъ старшихъ. Никто не былъ выданъ, и всѣ задохлись въ дыму. Отсюда поляки разошлись по разнымъ путямъ отрядами, и гдѣ только встрѣчали мѣстечко, деревню, истребляли тамъ и стараго, и малаго, а жилища сожигали. Вездѣ русскіе защищались отчаянно косами, дубьемъ, колодами; всѣ рѣшались лучше погибнуть, чѣмъ покориться ляхамъ. На первый день Пасхи поляки вырѣзали 5,000 русскаго народа въ мѣстечкѣ Мушировкѣ: и тамъ русскіе не слушались никакихъ увѣщаній и погибали, защищаясь до послѣдней капли крови. Но козаки отбили поляковъ отъ крѣпкихъ городовъ Брацлавля и Умани и они до времени вышли изъ Украины.

Въ Литвѣ дѣла пошли счастливо для русскихъ. Царь разослалъ грамоту ко всѣмъ православнымъ Польскаго Королевства и Великаго Княжества Литовскаго, убѣждалъ отдѣлиться отъ поляковъ, обѣщая сохранить ихъ домы и достояніе отъ воинскаго разоренія. Въ грамотѣ уговаривали православныхъ постричь на головахъ хохлы, которые носили по польскому обычаю: такъ много придавали въ Москвѣ значенія внѣшнимъ признакамъ. Едва ли эта грамота имѣла большое вліяніе; гораздо болѣе помогало успѣхамъ царя чувство единства вѣры и сознаніе русской единородности. Могилевъ, Полоцкъ, Витебскъ сами добровольно отворили ворота и признали власть царя. Смоленскъ держался упорнѣе; но князь Радзивиллъ, шедши на выручку Смоленска, 12 августа былъ разбитъ наголову княземъ Трубецкимъ и козацкимъ полковникомъ Зо-

[1]) Въ это время вообще малорусскихъ пословъ принимали съ большимъ почетомъ, потому что малороссіянъ, какъ недавно поступившихъ въ подданство, хотѣли расположить къ себѣ ласковымъ обхожденіемъ.

лотаренкомъ. Смоленскъ держался еще до конца сентября; наконецъ, воевода Филиппъ Обуховичъ, видя что ему нѣтъ ни откуда помощи, сдалъ городъ, выговоривши себѣ съ гарнизономъ свободный пропускъ; царь вступилъ въ Смоленскъ и приказалъ обратить въ православныя церкви костелы, которые были подѣланы поляками изъ церквей.

Между тѣмъ, поляки нашли себѣ союзниковъ въ крымцахъ. Ислама-Гирея уже не было на свѣтѣ: одна малороссіянка, взятая въ его гаремъ, отравила его въ отомщеніе за измѣну ея отечеству. Новый ханъ Махметъ-Гирей, ненавистникъ Москвы, заключилъ договоръ съ поляками. Зимою, въ ожиданіи вспомогательныхъ татарскихъ силъ, поляки опять ворвались въ Подоль и начали рѣзать русскихъ. Мѣстечко Буша первое испытало ихъ месть. Въ этомъ мѣстечкѣ, расположенномъ на высокой горѣ и хорошо укрѣпленномъ, столпилось до 12,000 жителей обоего пола. Никакія убѣжденія польскихъ военачальниковъ, Чарнецкаго и Лянскоронскаго, не подѣйствовали на нихъ, и когда, наконецъ, поляки отвели воду изъ пруда и напали на слабое мѣсто, русскіе, видя, что ничего не сдѣлаютъ противъ нихъ, сами зажгли свои домы и начали убивать другъ друга. Женщины кидали въ колодцы своихъ дѣтей и сами бросались за ними. Жена убитаго сотника Завистнаго сѣла на бочку пороха, сказавши: „не хочу послѣ милаго мужа достаться игрушкою польскимъ жолнѣрамъ", и взлетѣла на воздухъ. Семьдесятъ женщинъ укрылись съ ружьями недалеко отъ мѣстечка въ пещерѣ, закрытой густымъ терновникомъ. Полковникъ Целарій обѣщалъ имъ жизнь и цѣлость имущества, если онѣ выйдутъ изъ пещеры; но женщины отвѣчали ему выстрѣлами. Целарій велѣлъ отвести воду изъ источника въ пещеру. Женщины всѣ потонули; ни одна не сдалась. Послѣ разоренія Буши, поляки отправились по другимъ мѣстечкамъ и селамъ: вездѣ русскіе обоего пола защищались до послѣдней возможности; вездѣ поляки вырѣзывали ихъ, не давая пощады ни старикамъ, ни младенцамъ. Въ мѣстечкѣ Демовкѣ происходила ужаснѣйшая рѣзня: тамъ погибло 14,000 русскаго народа. Коронный гетманъ писалъ королю: „горько будетъ вашему величеству слышать о разореніи вашего государства; но иными средствами не можетъ усмириться неукротимая хлопская злоба, которая до сихъ поръ только возрастаетъ".

Вслѣдъ затѣмъ прибыла къ полякамъ на помощь крымская орда, и они вмѣстѣ съ татарами двинулись далѣе въ глубь Украины. Полковникъ Богунъ отбилъ ихъ отъ Умани.

Поляки съ татарами пошли на Хмельницкаго, который съ боярами: Бутурлинымъ и Шереметевымъ, стоялъ подъ Бѣлою Церковью. Взявши съ собою Шереметева, Хмельницкій пошелъ на встрѣчу непріятелю. Близъ деревни Бавы встрѣтились непріязненныя войска; оказалось, что у Хмельницкаго и Шереметева войска было меньше. Русскіе отступили, но чрезвычайно храбро и стойко отбились отъ преслѣдовавшихъ ихъ поляковъ и татаръ [1]). Не отваживаясь нападать на русскій обозъ подъ Бѣлою Церковью, поляки опять пустились разорять украинскія села и мѣстечки.

Но вслѣдъ затѣмъ, въ 1655 году, московскіе русскіе получили чрезвычайный успѣхъ въ Литвѣ. Они взяли Минскъ, Ковно, наконецъ Вильно. Алексѣй Михайловичъ въѣхалъ въ столицу Ягеллоновъ и повелѣлъ наименовать себя великимъ княземъ литовскимъ. Города сдавались за городами, большею частью безъ всякаго сопротивленія. Мѣщане и шляхтичи, сохранившіе православіе, а еще болѣе угнетенные владычествомъ пановъ поселяне принимали московскихъ людей какъ освободителей. Успѣхъ былъ бы еще дѣйствительнѣе, еслибы московскіе люди вели войну съ бо́льшимъ воздержаніемъ и не дѣлали безчинствъ и насилій надъ жителями.

Въ то время, когда уже вся Литва была въ рукахъ московскаго государя, Польшу наводнили шведы. Уже нѣсколько лѣтъ Хмельницкій сносился со шведами и побуждалъ ихъ къ союзу противъ поляковъ. Въ 1652 году, вмѣстѣ съ Хмельницкимъ, дѣйствовалъ съ этою же цѣлью измѣнникъ, польскій подканцлеръ Радзіевскій; но пока царствовала королева Христина, предпочитавшая классическую литературу и словесность военной славѣ, трудно было впутать шведовъ въ войну. Въ 1654 году она отреклась отъ престола: племянникъ и преемникъ ея Карлъ X объявилъ Польшѣ войну за присвоеніе польскимъ королемъ титула шведскаго короля. Лѣтомъ 1655 года онъ вступилъ въ Польшу. Познань, а потомъ Варшава сдались безъ боя. Краковъ, защищаемый Чарнецкимъ, держался до 7 октября и все-таки сдался. Король Янъ-Казиміръ убѣжалъ въ Силезію. Въ это время Хмельницкій съ Бутурлинымъ двинулись въ Червоную Русь, разбили польское войско подъ Гродекомъ, осадили Львовъ; но этотъ городъ, не смотря ни на какія убѣжденія, не хотѣлъ нарушить вѣрности Яну-Казиміру и присягнуть Алексѣю Михайловичу. Между козацкими вождями и московскими боярами тогда уже происходили

[1]) Поле, гдѣ происходило это дѣло, получило названіе Дрижи-поле (поле дрожи, въ воспоминаніе бывшей тогда жестокой стужи).

недоразумѣнія. Хмельницкій ни за что не дозволялъ брать штурмомъ Львова.

Здѣсь явился къ Хмельницкому, 29 октября, посланецъ отъ Яна-Казимира, Станиславъ Любовицкій, давній знакомый Хмельницкаго, и привезъ отъ своего короля письмо, исполненное самыхъ лестныхъ и даже униженныхъ комплиментовъ, хотя у Любовицкаго было въ это время другое письмо къ татарскому хану, враждебное Хмельницкому. Бесѣда съ Любовицкимъ въ высшей степени замѣчательна, какъ по отношенію къ характеру Хмельницкаго, такъ и по духу времени.

„Любезный кумъ,—сказалъ ему Хмельницкій—вспомните, что́ вы намъ обѣщали, и что́ мы отъ васъ получили? Всѣ обѣщанія ваши давались по наукѣ іезуитовъ, которые говорятъ: не слѣдуетъ держать слова, даннаго схизматикамъ. Вы называли насъ хлопами, били нагайками, отнимали наше достояніе и когда мы, не терпя вашихъ насилій, убѣгали и покидали женъ нашихъ и дѣтей, вы насиловали женъ нашихъ и сожигали бѣдныя наши хаты, иногда вмѣстѣ съ дѣтьми, сажали на колья, въ мѣшкахъ бросали въ воду, показывали ненависть къ русскимъ и презрѣніе къ ихъ безсилію; но что всего оскорбительнѣе,—вы ругались надъ вѣрою нашею, мучили священниковъ нашихъ. Столько претерпѣвши отъ васъ, столько разъ бывши вами обмануты, мы принуждены были искать, для облегченія нашей участи, такого средства, какого никакимъ образомъ нельзя оставить. Поздно искать помощи нашей! Поздно думать о примиреніи козаковъ съ поляками!“

Любовицкій, поддѣлываясь къ Хмельницкому, сталъ бранить польское шляхетство за то, что оно оставило короля своего въ бѣдѣ и сказалъ: „теперь король будетъ признавать благородными не тѣхъ, которые ведутъ длинный рядъ генеалогіи отъ дѣдовъ, а тѣхъ, которые окажутъ помощь отечеству. Забудьте все прошедшее, помогите помазаннику божьему. Вы будете не козаками, а друзьями короля. Вамъ будутъ даны достоинства, коронныя имѣнія; король уже не позволитъ нарушать спокойствія этимъ собакамъ, которыя теперь разбѣжались и покинули своего господина“.

„Господинъ посолъ,—сказалъ Хмельницкій, поговоривши съ козацкою старшиною,—садитесь и слушайте; я вамъ скажу побасенку. Въ-старину жилъ у насъ поселянинъ, такой зажиточный, что всѣ завидовали ему. У него былъ домашній ужъ, который никого не кусалъ. Хозяева ставили ему молоко, и онъ часто ползалъ между семьею. Однажды хозяйскому сыну дали молока; приползъ ужъ и сталъ хлебать молоко, маль-

чикъ ударилъ ужа ложкою по головѣ, а ужъ укусилъ мальчика. Хозяинъ хотѣлъ убить ужа; но ужъ всунулъ голову въ нору, и хозяинъ отрубилъ только хвостъ. Мальчикъ умеръ отъ укушенія. Ужъ не выходилъ послѣ того изъ норы. Съ этихъ поръ хозяинъ началъ бѣднѣть и обратился къ знахарямъ узнать причину этого. Ему отвѣчали: въ прошлые годы ты хорошо обходился съ ужемъ и ужъ принималъ на себя всѣ грозившія тебѣ несчастія, а тебя оставлялъ свободнымъ отъ нихъ. Теперь, когда между вами стала вражда, всѣ бѣдствія обрушились на тебя; если хочешь прежняго благополучія, примирись съ ужемъ. Хозяинъ сталъ приглашать ужа заключить съ нимъ прежнюю дружбу, а ужъ сказалъ ему: напрасно хлопочешь, чтобы между нами была такая дружба, какъ прежде. Какъ только я посмотрю на свой хвостъ, тотчасъ ко мнѣ возвращается досада; а ты, какъ только вспомнишь сына—тотчасъ закипитъ въ тебѣ отцовское негодованіе, и ты готовъ размозжить мнѣ голову. Поэтому, достаточно будетъ дружбы между нами, если ты будешь жить въ твоемъ домѣ, какъ тебѣ угодно, а я въ своей норѣ, и будемъ помогать другъ другу. То же самое, господинъ посолъ, произошло между поляками и русскими. Было время, когда мы вмѣстѣ наслаждались счастьемъ, радовались общимъ успѣхамъ. Козаки отклоняли отъ королевства грозящія ему опасности и сами принимали на себя удары варваровъ. Тогда никто не бралъ добычи изъ Польскаго Королевства. Польскія войска, совокупно съ козацкими, вездѣ торжествовали. Но поляки, называвшіе себя дѣтьми Королевства Польскаго, начали нарушать свободу русскихъ, а русскіе, когда имъ сдѣлалось больно, стали кусаться. Случилось, что и русскихъ большая часть отсѣчена и сыновъ королевства немало пропало. Съ тѣхъ поръ, какъ этимъ народамъ придутъ на память бѣдствія, нанесенныя другъ другу, тотчасъ возникаетъ досада, и хотя начнутъ мириться, а дѣла не доведутъ до конца! Мудрѣйшій изъ смертныхъ не можетъ возстановить между нами твердаго и прочнаго мира, какъ только вотъ какъ: пусть Королевство Польское откажется отъ всего, что̀ принадлежало княжествамъ земли русской, пусть уступитъ козакамъ всю Русь до Владимира, Львовъ, Ярославль, Перемышль, а мы, сидя себѣ на своей Руси, будемъ отклонять враговъ отъ Королевства Польскаго. Но я знаю: еслибы въ цѣломъ королевствѣ осталось только сто пановъ, и тогда бы они не согласились на это. А козаки, пока станутъ владѣть оружіемъ, также не отстанутъ отъ этихъ условій. Поэтому, прощайте“.

Любовицкій передалъ Хмельницкому украшеніе съ драгоцѣннымъ камнемъ, подарокъ женѣ Хмельницкаго отъ польской королевы Маріи-Людвики. „Боже Всемогущій,—воскликнулъ Хмельницкій,—что я значу передъ лицомъ Твоимъ, но вотъ какъ возвысила меня милость Твоя, что къ моей Ганнѣ найяснѣйшая королева польская пишетъ письма и проситъ у ней заступничества предъ мной!“ Однако, обратившись къ Любовицкому, Хмельницкій сказалъ: не могу исполнить желанія ея величества; не могу нарушить тѣснаго договора съ русскими и шведами“.

Взявши со Львова небольшую сумму въ 60,000 зл., Хмельницкій отступилъ отъ этого города, подъ предлогомъ, что татары разоряютъ Украину; но, кажется, къ отступленію расположило его тайное посольство шведскаго короля, который обѣщалъ ему русскія земли, когда утвердится въ Польшѣ. Московскія войска, вмѣстѣ съ козацкими, взяли Люблинъ. Этотъ городъ присягнулъ Алексѣю Михайловичу, вскорѣ потомъ присягнулъ шведскому королю, а затѣмъ—прежнему своему государю Яну-Казимиру.

Весною 1656 года поляки снова попытались примириться съ Хмельницкимъ и просили помощи противъ шведовъ. Съ этой цѣлью пріѣхалъ къ Хмельницкому панъ Лянскоронскій.

Хмельницкій отвѣчалъ: „Полно, господа, обманывать насъ и считать глупцами; полякамъ за ихъ всегдашнее вѣроломство никто въ мірѣ не вѣритъ; было время, мы соглашались на миръ въ угожденіе королю; а король таилъ въ душѣ противное тому, что показывалъ на видъ. Мы не войдемъ съ Польшею ни въ какіе договоры, пока она не откажется отъ цѣлой Руси. Пусть поляки формально объявятъ русскихъ свободными, подобно тому, какъ испанскій король призналъ свободными голландцевъ. Тогда мы будемъ жить съ вами, какъ друзья и сосѣди, а не какъ подданные и рабы ваши; тогда напишемъ договоръ на вѣчныхъ скрижаляхъ; но этому не бывать, пока въ Польшѣ властвуютъ паны. Не быть же и миру между русскими и поляками“.

Поляки успѣшнѣе обдѣлали свои дѣла въ Москвѣ, чѣмъ въ Чигиринѣ. Посланникъ нѣмецкаго императора Алегретти, природный словянинъ, знавшій по-русски, прибывши въ Москву, умѣлъ расположить къ миру съ Польшею бояръ и духовныхъ, указывалъ надежду обратить оружіе всѣхъ христіанскихъ государей противъ невѣрныхъ. Патріархъ Никонъ убѣждалъ царя помириться съ поляками и обратить оружіе на шведовъ, чтобы отнять у нихъ земли, принадлежащія Великому Новгороду. Царь прельстился возможностію сдѣлаться

королемъ польскимъ мирнымъ образомъ; царь отправилъ своихъ уполномоченныхъ въ Вильно, гдѣ, послѣ многихъ споровъ и толковъ съ уполномоченными Рѣчи-Посполитой, въ октябрѣ 1656 года заключенъ былъ договоръ, по которому поляки обязывались, послѣ смерти Яна-Казимира, избрать на польскій престолъ Алексѣя Михайловича; Алексѣй Михайловичъ, съ своей стороны, обѣщалъ защищать Польшу противъ ея враговъ и обратить оружіе на шведовъ. Хмельницкій, узнавши, что въ Вильнѣ собираются уполномоченные для возстановленія мира, отправилъ туда своихъ посланниковъ; но московскіе послы напомнили имъ, что Хмельницкій и козаки—подданные, а потому не должны подавать голоса тамъ, гдѣ рѣшаютъ ихъ судьбу послы государей. Козацкіе посланники, воротившись въ Украину, въ присутствіи всей старшины, говорили гетману: „царскіе послы насъ въ посольскій шатеръ не пустили; мало того: до шатра издалека не пускали, словно псовъ въ церковь Божію. А ляхи намъ по совѣсти сказывали, что у нихъ учиненъ миръ на томъ, чтобы всей Украинѣ быть по прежнему во власти у ляховъ. Если же войско запорожское, со всею Украиною, не будетъ у ляховъ въ послушаніи, то царское величество будетъ помогать ляхамъ ратью своею бить козаковъ“.

Хмельницкій, услышавши это, пришелъ въ умоизступленіе: „Дітки,— сказалъ онъ,— треба отступити отъ царя, пойдемъ туда, куда велитъ Вышній Владыка! Будемъ подъ бусурманскимъ государемъ, не то что подъ христіанскимъ!“

Успокоившись отъ перваго волненія, Хмельницкій написалъ царю письмо и высказывалъ ему правду такъ: „Ляхи этого договора никогда не сдержатъ; они его заключили только для того, чтобы, немного отдохнувъ, уговориться съ султаномъ турецкимъ, татарами и другими, и опять воевать противъ царскаго величества. Если они въ самомъ дѣлѣ искренно выбирали ваше царское величество на престолъ, то зачѣмъ они посылали пословъ къ цезарю римскому просить на престолъ его родного брата? Мы ляхамъ вѣрить ни въ чемъ не можемъ. Мы подлинно знаемъ, что они добра нашему русскому народу не хотятъ. Великій государь, единый православный царь въ подсолнечной! вторично молимъ тебя: не довѣряй ляхамъ, не отдавай православнаго русскаго народа на поруганіе!“

Но Москва была глуха къ этимъ совѣтамъ. Хмельницкій видѣлъ, что пропускается удобный случай освободить русскія земли изъ-подъ польской власти; а между тѣмъ, не только одна Москва, но и другіе сосѣди мѣшали его намѣреніямъ. Нѣмец-

кій императоръ съ угрозами требовалъ отъ Хмельницкаго мира съ Польшею. Крымскій ханъ и турецкій султанъ были въ союзѣ съ Польшею и не боялись ея трактатовъ съ Москвою, зная, что со стороны поляковъ это не болѣе какъ обманъ; напротивъ, имъ страшнѣе были успѣхи Хмельницкаго, которые вели къ объединенію и усиленію русской державы. Хмельницкій впалъ въ тоску, въ уныніе и, наконецъ, въ болѣзнь. Онъ видѣлъ въ будущемъ прежнее порабощеніе Украины ляхами и прибѣгалъ къ послѣднимъ мѣрамъ, чтобы предупредить его. Въ началѣ 1657 года Хмельницкій заключилъ тайный договоръ со шведскимъ королемъ Карломъ X и седмиградскимъ княземъ Ракочи о раздѣлѣ Польши. По этому договору, королю шведскому должна была достаться Великая Польша, Ливонія и Гданскъ съ приморскими окрестностями; Ракочи—малая Польша, Великое Княжество Литовское, княжество Мазовецкое и часть Червоной Руси; Украина же, съ остальными южно-русскими землями должна быть признана навсегда отдѣленною отъ Польши.

Сообразно съ этимъ договоромъ, Хмельницкій послалъ на помощь Ракочи 12,000 козаковъ подъ главнымъ начальствомъ кіевскаго полковника Ждановича. Янъ-Казимиръ далъ знать о козняхъ Хмельницкаго московскому государю. Договоръ, заключенный гетманомъ съ венграми и шведами, сталъ подлинно извѣстенъ въ Москвѣ, и царь снарядилъ въ посольство окольничаго Ѳедора Бутурлина и дьяка Василія Михайлова со строгимъ выговоромъ Хмельницкому.

Прежде чѣмъ это посольство достигло Чигирина, Хмельницкій, чувствуя, что его здоровье день ото дня слабѣетъ, собралъ раду и предложилъ козакамъ избрать себѣ преемника. Козаки, изъ любви къ гетману, и при томъ желая сдѣлать ему угодное, избрали его шестнадцатилѣтняго сына Юрія. Хмельницкій хотя сначала отговаривалъ ихъ, указывая на его молодость, но потомъ согласился. Это была величайшая ошибка Хмельницкаго.

Въ началѣ іюня прибыли царскіе послы съ выговоромъ и застали гетмана до того ослабѣвшимъ, что онъ едва могъ вставать съ постели. Послы, по царскому приказанію, сказали ему, что онъ забылъ страхъ Божій и присягу, дружась со шведами и Ракочи. Хмельницкій отвѣчалъ въ такомъ смыслѣ: „У насъ давняя дружба со шведами, и я никогда не нарушу ее. Шведы — люди правдивые: держатъ свое слово; а царское величество помирился съ поляками, хотѣлъ насъ отдать имъ въ руки; и теперь до насъ слухъ доходитъ, что

онъ послалъ свое войско на помощь полякамъ противъ насъ, шведскаго короля и Ракочи. Мы еще не были въ подданствѣ у царскаго величества, а ему служили и добра хотѣли. Я девять лѣтъ не допускалъ крымскаго хана разорять украинные города царскіе. И нынѣ, мы не отступаемъ отъ высокой руки его, какъ вѣрные подданные, и пойдемъ на царскихъ непріятелей бусурмановъ, хотя бы мнѣ въ нынѣшней болѣзни дорогою и смерть приключилась—и гробъ повезу съ собою! Его царскому величеству во всемъ воля; только мнѣ дивно то, что бояре ему ничего добраго не посовѣтуютъ: Короною Польскою не овладѣли, мира не довершили, а съ другимъ государствомъ, со Швеціею, войну начали!“

Выслушавши новые упреки отъ царскаго посла, Хмельницкій не сталъ отвѣчать, извиняясь болѣзнью; а въ другой день, 13 іюня, Хмельницкій, призвавши къ себѣ пословъ, сказалъ: „Пусть его царское величество непремѣнно помирится со шведами; слѣдуетъ привести къ концу начатое дѣло съ ляхами. Наступимъ на нихъ съ двухъ сторонъ: съ одной стороны войска его царскаго величества, съ другой—войска шведскаго короля. Будемъ бить ляховъ, чтобы ихъ до конца искоренить и не дать имъ соединиться съ посторонними государствами противъ насъ. Хоть они и выбирали нашего государя на польское королевство, но это только на словахъ, а на дѣлѣ того никогда не будетъ. Они это затѣяли по лукавому умыслу для своего успокоенія. Есть свидѣтельства, обличающія ихъ лукавство. Я перехватилъ ихъ письмо къ турецкому цезарю и отправилъ его къ царскому величеству со своимъ посланцемъ“.

Тѣмъ не менѣе, Хмельницкій, по требованію царскихъ пословъ, выдалъ приказъ Ждановичу оставить Ракочи; это повредило послѣднему: успѣвши уже завоевать Краковъ и Варшаву, Ракочи былъ побѣжденъ поляками и отказался отъ своихъ притязаній.

Янъ-Казимиръ попытался еще разъ сойтись съ Хмельницкимъ и отправилъ къ нему пана Бенёвскаго.

— Что́ мѣшаетъ вамъ, гетманъ,—говорилъ Хмельницкому польскій посланникъ,—сбросить московскую протекцію? Московскій царь никогда не будетъ польскимъ королемъ. Соединитесь съ нами, старыми соотечественниками, какъ равные съ равными, вольные съ вольными.

— Я одной ногой стою въ могилѣ,—отвѣчалъ Хмельницкій,—и на закатѣ дней не прогнѣвлю Бога нарушеніемъ обѣта царю московскому. Разъ я поклялся ему въ вѣрности, со-

храню ее до послѣдней минуты. Если мой сынъ Юрій будетъ гетманомъ, никто не помѣшаетъ ему заслужить военными подвигами и преданностью благосклонность его величества, но только безъ вреда московскому царю, потому что какъ мы, такъ и вы, избравши его публично своимъ государемъ, обязаны ему сохранять постоянную вѣрность!“

Скоро послѣ того скончался Хмельницкій. Въ письмѣ писаря Выговскаго день его смерти означенъ 27 іюля. Лѣтопись Самовидца говоритъ, что онъ умеръ „о Успеніи св. Богородицы“.

23 августа тѣло Хмельницкаго было погребено, по его завѣщанію, въ Субботовѣ, въ церкви, имъ построенной. Церковь эта, съ замѣчательно толстыми каменными стѣнами, существуетъ до сихъ поръ; но путешественникъ не найдетъ въ ней могилы Хмельницкаго: польскій полководецъ Чарнецкій въ 1664 году, захвативши Субботово, приказалъ выбросить на поруганіе кости человѣка, такъ упорно боровшагося противъ шляхетскаго своеволія.

Несмотря на важные промахи и ошибки, Хмельницкій принадлежитъ къ самымъ крупнымъ двигателямъ русской исторіи. Въ многовѣковой борьбѣ Руси съ Польшею, онъ далъ рѣшительный поворотъ на сторону Руси и нанесъ аристократическому строю Польши такой ударъ, послѣ котораго этотъ строй не могъ уже держаться въ нравственной силѣ. Хмельницкій въ половинѣ XVII вѣка намѣтилъ то освобожденіе русскаго народа отъ панства, которое окончательно совершилось въ наше время. Этого мало: его стараніемъ западная и южная Русь были уже фактически подъ единою властью съ восточною Русью. Не его вина, что близорукая, невѣжественная политика боярская не поняла его, свела преждевременно въ гробъ, испортила плоды его десятилѣтней дѣятельности, и на многія поколѣнія отсрочила дѣло, которое совершилось бы съ несравненно меньшими усиліями, еслибы въ Москвѣ понимали смыслъ стремленій Хмельницкаго и слушали его совѣты.

VI.

ПРЕЕМНИКИ БОГДАНА ХМЕЛЬНИЦКАГО.

Два важныхъ вопроса волновали Малороссію по смерти Богдана Хмельницкаго: одинъ политическій, другой соціальный. Первый возбужденъ былъ московскимъ правительствомъ, второй ошибками самого Хмельницкаго въ первые годы возстанія противъ Польши. Внезапное прекращеніе войны московскаго государства съ польскимъ, согласіе Москвы на сдѣлку съ Польшею въ то время, когда вся западная Русь уже была во власти царя—произвели въ умахъ малороссіянъ сомнѣнія и тревожныя опасенія за будущую судьбу, а вмѣстѣ съ тѣмъ колебанія и смуты. Народные вожди не видѣли подъ ногами своими никакой почвы, не знали: по какому пути имъ идти, и метались то въ ту, то въ другую сторону, увлекаясь то временными обстоятельствами, то эгоистическими видами, которые, по свойству человѣческой природы, всегда берутъ верхъ, когда въ представленіи нѣтъ опредѣленнаго политическаго и общественнаго идеала.

Съ другой стороны, еще Зборовскій миръ, какъ мы уже замѣтили, положилъ начало внутреннему раздвоенію народа. Подъ знаменами Хмельницкаго единодушно поднялся весь малороссійскій народъ; всѣ хотѣли быть козаками, т.-е. вольными обывателями и защитниками свой земли; вмѣсто того изъ массы этого народа стали выдѣляться десятки тысячъ привилегированныхъ подъ исключительнымъ именемъ козаковъ. Въ этомъ было собственно возвращеніе къ прежнему польскому строю, съ тою только разницею, что прежде записывали въ козаки нѣсколькими тысячами, а теперь десятками тысячъ. Мы видѣли, что невозможность удержать народъ отъ стремленія въ козачество была одною изъ причинъ новыхъ войнъ Хмельниц-

каго съ Польшею. По присоединеніи Малороссіи къ Московскому Государству число козаковъ было опредѣлено только въ 60,000. Это было привилегированное служилое сословіе, не платившее податей, пользовавшееся свободнымъ землевладѣніемъ и получавшее жалованье. Остальной народъ, за исключеніемъ духовенства, состоялъ изъ мѣщанъ, которымъ давались прежнія магдебургскія права, и посполитыхъ—земледѣльческаго класса, неимѣвшаго козацкихъ правъ. И тѣ, и другіе должны были платить подати и исправлять разныя повинности. Въ договорѣ Богдана Хмельницкаго выразительно сказано: „мы сами смотръ межъ себя имѣти будемъ; кто козакъ, тотъ будетъ вольность козацкую имѣть, а кто пашенный крестьянинъ, тотъ будетъ дань обыклую его царскому величеству отдавать, какъ и прежде сего". Козацкіе старшины, заключавшіе договоръ, заботились только о „вольностяхъ" козацкихъ; посполитый народъ оставлялся на ихъ произволъ, а между тѣмъ, въ народѣ осталось убѣжденіе, что раздвоеніе на козаковъ и посполитыхъ произошло случайно: можнѣйшіе (богатые и значительные) попали въ козаки, а подлѣйшіе (бѣднѣйшіе) остались въ „мужикахъ". Польскія понятія неизбѣжно перешли къ козацкимъ вождямъ: свобода понималась по польски; быть свободнымъ — значило имѣть такія права, какихъ не имѣли другіе; до способовъ устроить свободу, равную для всѣхъ, никто не пытался додуматься, а между тѣмъ каждый изъ народа также хотѣлъ сдѣлаться свободнымъ въ упомянутомъ смыслѣ, не желая свободы для своихъ собратій. При русскомъ владычествѣ, положеніе посполитыхъ, конечно должно было улучшиться въ томъ отношеніи, что они не были уже въ порабощеніи у пановъ; но это положеніе было до крайности непрочно при козацкомъ управленіи страною. Земли главнымъ образомъ были въ рукахъ козаковъ и шляхты, приставшей къ козакамъ. Всякій, когда была возможность, „займовалъ" (занималъ) земли, присвоивалъ ихъ себѣ, на основаніи перваго завладѣнія, или выпрашивалъ ихъ у козацкаго начальства; посполитые хотя имѣли свои участки (грунты), но вся земля была войсковою и право посполитыхъ на владѣніе землею стало зависѣть отъ „войска". Козацкіе чиновники и простые козаки, съ разрѣшенія своихъ начальниковъ, присвоивали себѣ власть надъ мужичьими „грунтами"; такъ, напр., сдѣлавшись „державцею" надъ „маетностью" т.-е. надъ извѣстнымъ округомъ земли, такой державца оказывалъ притязаніе на „послушенство" тѣхъ посполитыхъ, которыхъ грунты были въ округѣ его маетности. Заводились такъ-называемыя „державскія слободы", т.-е. владѣльцы, имѣв-

шіе пустыя пространства земель, приманивали къ себѣ посполитыхъ дарованіемъ льготъ, а потомъ, послѣдніе оказывались живущими на чужой землѣ въ тяжелой зависимости отъ землевладѣльцевъ. Въ самомъ козацкомъ привилегированномъ сословіи не могло установиться равенства. Козацкіе старшины и тѣ изъ козаковъ, которымъ они покровительствовали, захватили себѣ болѣе земель и угодій, и скоро возвысились надъ остальными своими собратіями такъ, что между козаками стали обозначаться два вида: козаки „значные“ (знатные) и чернь. Интересы послѣднихъ совпадали съ интересами посполитыхъ. Такой порядокъ установился окончательно не вдругъ, но начался уже во времена Хмельницкаго и, послѣ его смерти, вызывалъ не разъ сильную внутреннюю борьбу, которая совпадала и съ политическими вопросами. Старшины и значные козаки стремились къ тому, чтобы упрочить свои привилегіи и управлять всею страною. Ихъ идеалъ былъ польско-шляхетскій, что́ соотвѣтствовало и тогдашней культурѣ Малороссіи, выработанной подъ польскимъ вліяніемъ. По мѣрѣ того, какъ они встрѣчали своимъ стремленіямъ сопротивленіе въ дѣйствіяхъ и привычкахъ московскихъ властей, они, при первой возможности, готовы были измѣнить Москвѣ. Простые козаки и посполитые, напротивъ, обращали къ московской власти свои надежды и много разъ показывали склонность къ тому, чтобы въ Малороссіи московскіе порядки замѣнили козацко-польскіе, но при ближайшемъ столкновеніи съ московскими воеводами и великорусскими служилыми людьми, они возмущались ихъ обращеніемъ, поступками и понятіями, и всѣ готовы были также увлечься подущеніями къ отторженію отъ московской власти. Такимъ образомъ, во всю половину XVII вѣка мы видимъ въ Малороссіи крайнее непостоянство, безпрерывныя волненія, смуты, междоусобія, вмѣшательство сосѣдей: все это вело край къ разоренію, упадку: народъ въ своихъ воспоминаніяхъ прозвалъ эту эпоху „руиною“.

Богданъ Хмельницкій намѣтилъ своимъ преемникомъ своего сына, совершенно неспособнаго юношу. Только изъ угожденія къ нему, да изъ привычки повиноваться его волѣ, козаки ему не перечили въ этомъ. Но такое избраніе было новостью въ козацкомъ обществѣ: у нихъ въ гетманы выбирали людей, прежде чѣмъ нибудь заслужившихъ уваженіе. Тогда между козацкими старшинами первое мѣсто занималъ писарь Хмельницкаго, Выговскій; онъ находился въ родствѣ съ Хмельницкимъ, такъ какъ братъ его, Данило, былъ женатъ на дочери Хмельницкаго. Козацкіе старшины и полковники уговорили несовершеннолѣт-

няго Юрія отказаться отъ гетманства до времени и выбрали гетманомъ Выговскаго. Но противъ Выговскаго поднялся соперникъ, полтавскій полковникъ Мартынъ Пушкарь, потому что ему самому хотѣлось захватить булаву. Съ одной стороны, онъ посылалъ въ Москву доносы на Выговскаго, а съ другой—собиралъ противъ него ополченіе изъ посполитыхъ, обѣщая имъ козачество. Предшествовавшія войны накопили много бѣднаго народа, жившаго изъ-за куска хлѣба на винокурняхъ и пивоварняхъ у богатыхъ; они бросились подъ знамена Пушкаря въ надеждѣ попасть въ козаки. Московское правительство колебалось, не знало кому вѣрить, а между тѣмъ, своими поступками возбуждало между старшиною боязнь за ея права. По козацкому духу желательно было, чтобъ козачество расширялось; оно тогда распространялось въ Литвѣ; но московскіе воеводы, по царскому приказанію, препятствовали этому расширенію, возвращали самовольно называвшихся козаками въ посполитыхъ, били ихъ кнутомъ и батогами. Наступалъ тогда выборъ митрополита и царскій посланникъ Бутурлинъ заявилъ желаніе, чтобы новый кіевскій митрополитъ былъ подчиненъ московскому патріарху. Не понравилось Выговскому, когда онъ, въ своемъ письмѣ къ царю назвавши козаковъ „вольными" подданными, получилъ за это выговоръ и приказаніе называть козаковъ „вѣчными", а не вольными подданными Наконецъ московское правительство, подъ предлогомъ обороны, хотѣло, кромѣ Кіева, посадить своихъ воеводъ еще по другимъ городамъ и оставить вездѣ самоуправленіе однимъ козакамъ и мѣщанамъ, а весь остальной народъ подчинить суду воеводъ и дьяковъ. Все это раздражало Выговскаго и волновало умы. Противники московской власти разсѣявали въ народѣ тревожные слухи, будто Москва хочетъ оставить самое незначительное число козаковъ и ввести свое управленіе, но, когда эта вѣсть производила волненіе между знатными козаками, посполитые, недовольные своимъ сословнымъ пониженіемъ, а съ ними и черные козаки, кричали, что будетъ хорошо, если введутся воеводы, и будутъ всѣ равны, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ и они боялись, чтобы воеводы не нарушили обычаевъ и не погнали людей насильно въ Московщину. Въ это время началъ дѣйствовать человѣкъ, достигшій впослѣдствіи важнаго значенія. Это былъ нѣжинскій протопопъ Филимоновъ. Онъ тайно писалъ въ Москву доносы на старшинъ, выставлялъ свою преданность государю, совѣтовалъ поскорѣе прислать воеводъ и захватить все управленіе края. Московское правительство не отважилось на такую рѣшительную мѣру. Между Выговскимъ и Пушкаремъ произошла открытая междоусобная

война. Московскіе гонцы ѣздили и къ Выговскому, и къ Пушкарю, стараясь помирить ихъ; Пушкарь, чтобы поддѣлаться къ Москвѣ, самъ заявлялъ желаніе о присылкѣ воеводъ. Выговскій просилъ помощи ратныхъ людей для усмиренія Пушкаря, не получалъ ея и жаловался, что Москва мирволитъ его врагу. Наконецъ, въ іюнѣ 1658 года Выговскій самъ, безъ пособія царскаго войска, уничтожилъ Пушкаря. Послѣдній палъ въ битвѣ подъ Полтавою. Посполитые, составлявшіе войско Пушкаря, толпами убѣгали на поселенія въ украинныя земли Московскаго Государства и на Запорожье.

Съ этихъ поръ возникли у гетмана Выговскаго нескончаемыя пререканія съ московскимъ правительствомъ. Выговскій въ разговорѣ съ московскими гонцами упрекалъ Москву, будто она тайно поджигала противъ него Пушкаря и снова поддерживаетъ волненіе между посполитыми, кричалъ, вмѣстѣ со своими полковниками, что ни за что не допуститъ введенія воеводъ, и прямо выразился, что подъ польскимъ королемъ козакамъ было лучше. Между тѣмъ въ Кіевъ, вмѣсто Бутурлина, прибылъ другой воевода, Василій Борисовичъ Шереметевъ, человѣкъ подозрительный, склонный видѣть во всемъ измѣну; онъ началъ сажать въ тюрьму кіевскихъ козаковъ и мѣщанъ. Это подало новый поводъ къ ропоту. Поляки, увидѣвши, что между козаками неладно, подослали къ Выговскому ловкаго пана Бенёвскаго, который всѣми способами вооружалъ козаковъ противъ Москвы и сулилъ имъ большія блага, если они соединятся съ Польшею. Ему помогъ, тогда жившій въ Украинѣ, человѣкъ пріобрѣвшій большое вліяніе и надъ гетманомъ Выговскимъ и надъ старшиною—Юрій Немиричъ. Онъ принадлежалъ къ древней русской фамиліи и былъ хорошо образованъ. Въ молодости онъ написалъ сочиненіе, за которое его обвинили въ аріанствѣ, ушелъ за границу и лѣтъ десять пробылъ въ Голландіи. Возвратившись въ отечество во время возстанія Хмельницкаго, онъ присталъ къ козакамъ, сблизился съ Богданомъ, а теперь, послѣ его смерти, сталъ руководить Выговскимъ. Въ бытность свою въ Голландіи, Немиричъ усвоилъ тамошнія республиканскія понятія, составилъ себѣ идеалъ федеративнаго союза республикъ и хотѣлъ примѣнить его къ своему отечеству. Подъ его вліяніемъ, у Выговскаго и у старшинъ составился планъ соединить Украину съ Польшею на федеративныхъ основаніяхъ, сохранивши для Украины права собственнаго управленія. Къ этому шагу побуждали тогдашнія отношенія между Польшею и Московскимъ Государствомъ.

Вопросъ о соединеніи Польши съ Москвою оставался еще

нерѣшеннымъ. Такъ или иначе, обѣ стороны думали покончить соединеніемъ. Въ іюлѣ 1658 года собирали въ Польшѣ сеймъ съ рѣшительнымъ намѣреніемъ утвердить дружественную связь съ московскимъ народомъ. Король, призывая чины Рѣчи-Посполитой на этотъ сеймъ, писалъ заранѣе въ своемъ универсалѣ, что предстоитъ важный вопросъ „образовать вѣчный миръ, связь и союзъ непоколебимаго единства между поляками и москвитянами, двумя сосѣдними народами, происходящими отъ одного источника словянской крови и мало различными по вѣрѣ, языку и нравамъ“. Въ виду такого великаго предпріятія, Украинѣ предстояла важная задача; такъ или иначе—для нея близка была возможность быть соединенною съ Польшею, а потому всего лучше казалось заранѣе предупредить грядущее соединеніе Польши съ Московскимъ Государствомъ и соединиться съ Польшею на правахъ свободнаго государства, такъ что, если Польша устроитъ свое соединеніе съ Московскимъ Государствомъ, Украина войдетъ въ этотъ союзъ особымъ государственнымъ тѣломъ. Выговскій далъ тайно согласіе принять королевскихъ коммиссаровъ, которые прибудутъ въ Украину для переговоровъ; но прежде чѣмъ они прибыли, въ августѣ Выговскій уже началъ непріязненныя дѣйствія противъ московскихъ людей. Онъ послалъ брата своего Данила выгнать Шереметева изъ Кіева. Предпріятіе это не удалось; козаки были отбиты. Шереметевъ началъ казнить виновныхъ и подозрительныхъ.

Между тѣмъ возстаніе посполитыхъ, поднятое Пушкаремъ, вспыхнуло противъ Выговскаго снова около Гадяча. Выговскій отправился усмирять его и, здѣсь 8 сентября, собралъ раду изъ козацкихъ старшинъ, полковниковъ, сотниковъ и значныхъ козаковъ. Явились польскіе коммиссары: Бенёвскій и Евлашевскій. Бенёвскій говорилъ козакамъ рѣчь, бранилъ Москву, увѣрялъ, что у москалей другая вѣра, чѣмъ у козаковъ, что москали не дозволятъ имъ свободно приготовлять водку, медъ и пиво, прикажутъ надѣвать московскіе зипуны и лапти, запретятъ носить сапоги и впослѣдствіи станутъ переселять козаковъ за Бѣлоозеро; а съ другой стороны, обѣщалъ имъ счастье въ союзѣ съ Польшею. Теперь, —говорилъ онъ,—не будетъ болѣе рабства: строгій законъ не допуститъ панамъ своевольствовать надъ подданными. Послѣ такой рѣчи, былъ составленъ договоръ, извѣстный въ исторіи подъ названіемъ «Гадяцкаго». Украина (нынѣшнія губерніи: полтавская, черниговская, кіевская, восточная часть волынской и южная подольской) добровольно соединялась съ Польшею на правахъ самобытнаго государства подъ названіемъ „великаго княжества русскаго“. Верховная исполнительная власть должна была нахо-

диться въ рукахъ гетмана, избраннаго пожизненно и утвержденнаго королемъ. Великое княжество русское должно было имѣть свой, верховный трибуналъ съ дѣлопроизводствомъ на русскомъ языкѣ, своихъ государственныхъ сановниковъ, свое казначейство, свою монету, свое войско, состоящее изъ 30,000 козаковъ и 10,000 регулярныхъ. Унію обѣщали окончательно уничтожить. Положено было завести двѣ академіи съ университетскими правами—въ Кіевѣ и въ другомъ мѣстѣ, гдѣ окажется удобнымъ; кромѣ того, въ разныхъ мѣстахъ—училища, безъ ограниченія числомъ; объявлялось совершенно вольное книгопечатаніе. Наконецъ, гетманъ могъ представлять ежегодно королю козаковъ для возведенія ихъ въ шляхетское достоинство, съ тѣмъ, чтобы число ихъ изъ каждаго полка не было выше 100 человѣкъ. Но относительно правъ владѣльцевъ насчетъ тѣхъ посполитыхъ, которые будутъ жить на ихъ земляхъ, не постановлено было никакихъ правилъ, кромѣ того, что владѣльцамъ не дозволялось держать дворовой команды.

Вслѣдъ затѣмъ Выговскій готовился напасть снова на Шереметева, а вмѣстѣ съ тѣмъ посылалъ въ Москву письма, въ которыхъ увѣрялъ царя въ своей вѣрности.

Но ему болѣе не вѣрили. Въ ноябрѣ Ромодановскій вступилъ въ Малороссію съ войскомъ. Посполитые, хотѣвшіе быть козаками, ополчились и приставали къ нему. Ромодановскій выбралъ другого гетмана, Безпалаго. На лѣвой сторонѣ Днѣпра началось междоусобіе, продолжалось все лѣто и весну слѣдующаго 1659 года. На помощь Ромодановскому весною прибыло новое войско подъ начальствомъ Трубецкаго, и цѣлыхъ два мѣсяца осаждало въ Конотопскомъ замкѣ нѣжинскаго полковника Гуляницкаго. Тѣмъ временемъ Выговскій пригласилъ крымскаго хана, съ его помощью напалъ 28 іюня на Трубецкаго и разбилъ его на голову. Трубецкой ушелъ, а другой воевода, Семенъ Пожарскій, потерявши все свое войско, былъ взятъ въ плѣнъ, приведенъ къ хану, безстрашно обругалъ хана по-московски и плюнулъ ему въ глаза. Ханъ приказалъ изрубить его. Такимъ образомъ, Выговскій выгналъ великороссіянъ изъ Малороссіи; остался только Шереметевъ, который въ отомщеніе приказалъ варварски истреблять мѣстечки и села около Кіева, не щадя ни стараго, ни малаго. Трубецкой нѣсколько времени послѣ своего пораженія не могъ двинуться въ Малороссію: въ войскѣ его сдѣлался бунтъ, насилу укрощенный при содѣйствіи Артамона Матвѣева.

Дѣло Выговскаго оказалось непрочнымъ не отъ московскихъ войскъ, а отъ народнаго несочувствія.

Еще въ маѣ 1659 года, въ Варшавѣ на сеймѣ, король и всѣ

чины Рѣчи-Посполитой утвердили присягою Гадяцкій договоръ а козацкіе посланники, пріѣхавшіе для этого дѣла, были возведены въ шляхетское достоинство. Въ какой степени тогдашніе чины Рѣчи-Посполитой, подъ вліяніемъ іезуитскаго ученія, не стѣснялись произнесеніемъ ложной присяги,—показываетъ то, что, по извѣстію польскихъ историковъ, Беневскій, заключившій Гадяцкій договоръ, уговорилъ сенаторовъ согласиться на него, въ видахъ крайней необходимости, съ намѣреніемъ его нарушить, какъ только Польша оправится отъ понесенныхъ ударовъ и приберетъ Украину къ рукамъ. Украинскій народъ не прельстился этимъ договоромъ: всякое соединеніе съ Польшею, подъ какимъ бы то ни было видомъ, стало для него омерзительнымъ. Вспыхнуло возстаніе въ Нѣжинѣ, подъ руководствомъ протопопа Филимонова и полковника Золотаренка, потомъ—въ Переяславлѣ подъ начальствомъ полковника Тимоѳея Цыцуры и Сомка; затѣмъ—въ Острѣ, въ Черниговѣ и въ другихъ городахъ. Юрій Немиричъ принялъ-было начальство надъ регулярнымъ войскомъ, состоявшимъ изъ поляковъ, нѣмцевъ и козаковъ; взволнованный народъ перебилъ все его войско; Немирича догнали и изрубили въ куски. Въ Січи, атаманъ Сірко поднялъ всѣхъ запорожцевъ и провозгласилъ атаманомъ Юрія Хмельницкаго. Въ самомъ Чигиринѣ, гдѣ находился Выговскій, вспыхнуло возстаніе; Выговскій едва убѣжалъ оттуда.

Выговскій назначилъ генеральную раду подъ мѣстечкомъ Германовкою; туда же его противники привели Юрія Хмельницкаго. Выговскій приказалъ было на этой радѣ читать Гадяцкій договоръ, но козаки подняли шумъ, крикъ; старшины увидѣли, что имъ не сдобровать, и пристали къ большинству; чтецовъ договора изрубили въ куски; Выговскій бѣжалъ, а потомъ, по требованію козаковъ, прислалъ свою булаву.

Козаки выбрали гетманомъ Юрія Хмельницкаго.

Въ октябрѣ собрана была новая рада въ Переяславлѣ и прибывшій туда съ царскимъ наказомъ князь Трубецкой утвердилъ Юрія въ санѣ гетмана, но съ нѣкоторыми важными ограниченіями противъ прежняго договора съ Богданомъ Хмельницкимъ: гетманъ не имѣлъ права принимать иноземныхъ пословъ, вступать съ кѣмъ либо въ войну безъ воли государя, не могъ назначать въ полковники иначе, какъ съ совѣта всей козацкой черни. Козацкіе старшины всѣми силами старались избѣгнуть этихъ прибавокъ, но не могли преодолѣть настойчивости московскаго военачальника и его товарищей. Козацкіе старшины сильно домогались, чтобы никому изъ малороссіянъ не позволять сноситься съ Москвою помимо гетмана; и на это не согласились; право же

сноситься прямо съ Москвою, давало возможность недругамъ гетмана и старшинъ прямо посылать доносы въ московскіе приказы, а московское правительство чрезъ то могло имѣть тайный надзоръ за дѣлами Малороссіи. Московскіе воеводы были посажены въ нѣскольких малорусскихъ городахъ: Кіевѣ, Переяславлѣ, Нѣжинѣ, Черниговѣ, Брацлавлѣ и Умани. Для посполитаго народа, который такъ усердно противодѣйствовалъ кознямъ Выговскаго въ пользу Москвы, не сдѣлали ничего; напротивъ, освободивши козаковъ отъ постоя и подводъ, наложили эти повинности на посполитыхъ и лишили ихъ права производства напитковъ, которое предоставлялось козакамъ.

Этотъ новый договоръ съ Москвою естественно не былъ по-сердцу старшинѣ и значнымъ козакамъ, которые видѣли, что Москва прибираетъ ихъ къ рукамъ; не могъ онъ довольствовать и массу народа, который опять увидѣлъ свои надежды на уравненіе правъ разрушенными. Договоръ этотъ былъ пріятенъ только для отдѣльныхъ лицъ, которыя могли обращаться прямо въ Москву и выпрашивать себѣ разныя льготы и пожалованія: кто на грунтъ, кто на домъ или мельницу. Ѣздили въ Москву полковники со своей полковою старшиною, ѣздили духовные, ѣздили войты съ мѣщанами; всѣ получали разныя милости и подачки: соболи, кубки и пр. Пріѣзжихъ малороссіянъ въ Москвѣ обыкновенно разспрашивали и записывали ихъ разспросныя рѣчи. Смекнувши, что такимъ путемъ можно получать выгоды, малороссы повадились писать въ Москву другъ на друга доносы: себя выхваляли, другихъ чернили.

Польша оправилась. Война съ Московскимъ Государствомъ опять возобновилась. Московское войско уже потерпѣло пораженіе въ Литвѣ. Поляки шли отбирать отъ Москвы Украину. Главный предводитель московскихъ войскъ въ Украинѣ Шереметевъ, по совѣту переяславскаго полковника Цыцуры, задумалъ предупредить поляковъ и рѣшился идти на Волынь въ польскія владѣнія; съ нимъ же долженъ былъ идти Юрій Хмельницкій съ козаками. Шереметевъ, человѣкъ высокомѣрный и суровый, успѣлъ раздражить противъ себя и козаковъ и духовныхъ, и наконецъ самого Хмельницкаго, своими рѣзкими выходками и спѣсивостью: „этому гетманишкѣ,—сказалъ о Хмельницкомъ Шереметевъ,—идетъ лучше гусей пасти, чѣмъ гетмановать“.

Во второй половинѣ сентября 1660 г. двинулось по направленію къ Волыни московское войско. Хмельницкій съ козаками шелъ по другой дорогѣ. Поляки, подъ начальствомъ Любомирскаго и Чарнецкаго, напали на московское войско, нанесли ему

пораженіе и осадили подъ мѣстечкомъ Чудновомъ; потомъ, поляки вмѣстѣ съ татарами, 7 октября, напали на козацкій обозъ подъ мѣстечкомъ Слободищемъ за нѣсколько верстъ отъ Чуднова. Юрій Хмельницкій пришелъ въ такой страхъ, что тогда же далъ обѣщаніе пойти въ чернецы. Въ козацкомъ обозѣ произошла безладица. Многіе старшины сердились за стѣсненіе ихъ правъ по договору, заключенному въ Переяславлѣ: не хотѣли служить Москвѣ, злились на Шереметева и говорили, что лучше помириться съ поляками. Въ польскій лагерь отправился посломъ отъ войска Петръ Дорошенко, который замѣчательно умѣлъ сохранить тогда свое достоинство предъ поляками. Предлагая Любомирскому миръ, онъ не позволилъ польскому пану кричать на себя и сказалъ: „мы добровольно предлагаемъ вамъ миръ, забудьте старую ненависть, а не то—у насъ есть самопалы и сабли“. 18 октября козаки съ поляками постановили договоръ на условіяхъ Гадяцкаго трактата, но только за исключеніемъ одного пункта, касающагося великаго княжества русскаго, самаго главнаго въ этомъ договорѣ.

Покончивши съ козаками, поляки осадили московское войско. Время было дождливое; боевыхъ и съѣстныхъ припасовъ у русскихъ недоставало. Переяславскій полковникъ Цыцура со своими козаками измѣнилъ и передался полякамъ. Эти обстоятельства принудили Шереметева положить оружіе. Поляки заключили съ ними договоръ, подобный тому, какой нѣкогда заключили съ Шеинымъ. Московское войско выпускалось съ условіемъ положить оружіе и знамена къ ногамъ польскихъ пановъ, а потомъ—ручное оружіе имъ возвращалось; сверхъ того, Шереметевъ обязался вывести русскія войска изъ всѣхъ малороссійскихъ городовъ. Но когда русскіе положили оружіе, поляки отдали ихъ на разграбленіе и на рѣзню татарамъ; самого Шереметева выдали татарскому предводителю султану Нуреддину въ плѣнъ, а другихъ великорусскихъ предводителей увели въ Польшу.

Такимъ образомъ, вся козацкая страна праваго берега Днѣпра опять подчинилась Польшѣ. На лѣвой сторонѣ полтавскій, прилуцкій и миргородскій полки также не хотѣли подчиняться Москвѣ; но полковники—переяславскій Сомко и нѣжинскій Золотаренко (оба были шурья Богдана Хмельницкаго), стояли за царя и въ короткое время привели къ послушанію всю лѣвобережную Украину. Юрій Хмельницкій нѣсколько разъ пытался проникнуть на лѣвый берегъ, но былъ отбиваемъ Сомкомъ, который сдѣлался наказнымъ гетманомъ.

Съ этихъ поръ на обѣихъ сторонахъ Днѣпра происходили долго смуты. На правой народъ ненавидѣлъ поляковъ и склонялся

къ подданству царю, старшина и полковники колебались; молодой гетманъ не въ состояніи былъ ладить съ подчиненными; наконецъ, чувствуя и сознавая свою неспособность, онъ созвалъ козаковъ на раду подъ Корсуномъ и объявилъ, что не въ силахъ управлять козаками, что Богъ ему не далъ отцовскаго счастья, и онъ по этому хочетъ удалиться отъ міра: 6 января 1663 года онъ постригся. Вмѣсто него получилъ гетманство, путемъ интригъ и подкупа, Павелъ Тетеря, бывшій при Хмельницкомъ переяславскимъ полковникомъ, двоедушный эгоистъ, думавшій только о своей наживѣ, прежде въ Москвѣ выставлявшій свою вѣрность царю, а теперь ставшій сторонникомъ поляковъ, потому что увидѣлъ силу на ихъ сторонѣ. Онъ женился на дочери Хмельницкаго, Стефанидѣ, вдовѣ Данила Выговскаго. Этотъ бракъ далъ ему значеніе и вмѣстѣ съ тѣмъ большія денежныя средства.

На лѣвой сторонѣ Днѣпра Сомко добивался гетманства. Золотаренко хотѣлъ его достать себѣ. Другъ на друга писали они въ Москву доносы, и въ Москвѣ не знали, кому вѣрить. У Золотаренка явился тогда ловкій и сильный помощникъ. Протопопъ Максимъ Филимоновъ много разъ уже писалъ въ Москву донесенія о малороссійскихъ дѣлахъ и пріобрѣлъ у бояръ довѣріе; наконецъ, лично прибылъ онъ въ Москву и такъ умѣлъ поддѣлаться къ боярину Ртищеву, что принявши монашество, былъ посвященъ, при содѣйствіи этого боярина, въ санъ епископа мстиславскаго и оршинскаго, подъ именемъ Меѳодія и даже назначенъ былъ блюстителемъ митрополичьяго престола, несмотря на то, что тогда еще живъ былъ митрополитъ Діонисій Балабанъ. Московское правительство не хотѣло признавать Діонисія въ его санѣ за то, что Діонисій, въ санѣ митрополита кіевскаго, не хотѣлъ принимать благословеніе отъ московскаго патріарха.

Вслѣдъ за тѣмъ въ Малороссіи явился третій искатель гетманства: то былъ Иванъ Мартыновичъ Бруховецкій, нѣкогда бывшій слугою у Хмельницкаго и сдѣлавшійся кошевымъ атаманомъ въ Запорожской Сѣчи. Онъ пріобрѣлъ большую любовь запорожцевъ и получилъ новый, еще небывалый чинъ—кошевого гетмана. Этотъ ловкій и пронырливый человѣкъ избралъ самые удачные пути для достиженія первенства. Съ одной стороны, онъ писалъ въ Москву самыя униженныя письма и подавалъ надежду, что если онъ сдѣлается гетманомъ, то подчинитъ Малороссію тѣснѣе московской власти; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ расположилъ къ себѣ и Меѳодія. Съ другой стороны, Бруховецкій показывалъ себя сторонникомъ простыхъ бѣдныхъ козаковъ и посполитаго народа. Ему была вполнѣ сподручна такая роль, потому что

Запорожье, послѣ смерти Пушкаря, сдѣлалось притономъ тѣхъ, которые, не будучи записанными въ козацкій реестръ, хотѣли быть козаками. Его запорожскіе агенты разсѣялись по Малороссіи, настроивали народъ въ его пользу, увѣряли, что съ его гетманствомъ настанетъ всеобщее козачество, возбуждали чернь противъ значныхъ. У народа возникло стремленіе грабить богатыхъ и значныхъ: ихъ достояніе считали плодомъ обдирательства народа. Явилось требованіе, чтобы новаго гетмана выбрали на такъ-называемой „чорной радѣ", т.-е. на такой, гдѣ бы участвовала вся громада народа. Меѳодій, прежде дружившій съ Золотаренкомъ, открыто перешелъ на сторону Брюховецкаго и старался за него передъ московскими боярами. Тогда Золотаренко, видя, что ему не быть гетманомъ, примирился съ Сомкомъ и началъ, заодно съ другими полковниками, стараться о томъ, чтобы на предстоящей радѣ былъ выбранъ Сомко. Но было уже поздно. Примиреніе это не помогло партіи значныхъ. Меѳодій усиленно дѣйствовалъ въ Москвѣ за Брюховецкаго, представлялъ Сомка и Золотаренка тайными сторонниками поляковъ и увѣрялъ, что если выберутъ Сомка̀, то послѣдуетъ измѣна. Притомъ же самъ Сомко́ не полюбился Москвѣ, потому что постоянно жаловался на обиды, причиняемыя великорусскими ратными людьми малоруссамъ, и вообще передъ царскими посланцами держалъ себя вольнымъ человѣкомъ. Московское правительство рѣшило собрать всенародную или чорную раду и утвердить гетманомъ того, кого на ней выберутъ. Съ этой цѣлью отправленъ былъ въ Малороссію князь Великогагинъ.

Рада назначена была въ іюнѣ, въ Нѣжинѣ. Брюховецкій, черезъ своихъ запорожцевъ, нагналъ туда огромныя толпы чорнаго народа, шедшаго съ ненавистью къ богатымъ и значнымъ и съ надеждою ихъ грабить. Меѳодій находился неотлучно при царскомъ посланникѣ. Московское войско, состоявшее главнымъ образомъ изъ иноземцевъ, прибыло также на раду. 17 іюня, на восходѣ солнца, открылась рада чтеніемъ царской грамоты. Не успѣлъ князь Великогагинъ окончить чтенія, какъ поднялось смятеніе: одни провозглашали гетманомъ Сомка̀, другіе—Брюховецкаго. Дѣло дошло до драки. Тогда московскій полковникъ, нѣмецъ Страсбургъ, разогналъ дерущихся, пустивши въ нихъ ручныя гранаты. За Брюховецкаго было большинство. Сомко убѣжалъ. Народъ бросился на возы старшинъ и значныхъ козаковъ и ограбилъ ихъ. Сомко и другіе полковники и старшины, числомъ до пятидесяти человѣкъ спаслись отъ народной злобы тѣмъ, что прибѣгли къ помощи князя Великогагина

и московскій бояринъ отправилъ ихъ подъ стражею въ нѣжинскій замокъ.

На другой день князь Великогагинъ утвердилъ Бруховецкаго гетманомъ. Три дня, съ вѣдома Бруховецкаго, продолжались насилія, безобразное пьянство, грабежи. Худо приходилось всякому, кто только носилъ красный кармазинный жупанъ: многіе только тѣмъ и спаслись, что одѣлись въ сермяги. По истеченіи трехъ льготныхъ дней, Бруховецкій приказалъ прекратить безчинства, но они еще долго проявлялись по разнымъ мѣстамъ.

Съ утвержденіемъ Бруховецкаго въ гетманскомъ достоинствѣ, всѣ старшины и полковники были новые, поставленные изъ запорожцевъ; каждому полковнику дана была особая стража. На Украинѣ настало господство людей прежде бѣдныхъ, ничтожныхъ: теперь они вдругъ сдѣлались господами и, упоенные непривычнымъ достоинствомъ, не знали мѣры своимъ прихотямъ и самоуправству. Народъ, обольщенный мечтою козацкаго равенства, былъ жестоко обманутъ; тѣ, которые кричали противъ значныхъ и богатыхъ, сдѣлавшись сами значными и богатыми, налегли на громаду народа еще съ большею тягостью, чѣмъ прежніе значные.

Новый гетманъ представилъ правительству своихъ низверженныхъ противниковъ царскими измѣнниками. Ихъ приказано судить войсковымъ судомъ. Но судьями были враги подсудимыхъ.

18 сентября, въ Борзнѣ, отрубили голову Сомку, Золотаренку и еще нѣсколькимъ человѣкамъ; другихъ отправили въ оковахъ въ Москву, а оттуда въ Сибирь. Это были первые малоруссы, сосланные въ Сибирь.

Съ этихъ поръ въ Малороссіи сдѣлалось распаденіе на два гетманства, продолжавшееся до паденія козачества на правой сторонѣ Днѣпра. Оно временно отразилось и на церковномъ строѣ. Діонисій Балабанъ умеръ въ Чигиринѣ, гдѣ была столица гетманства правой стороны Днѣпра; на мѣсто его былъ избранъ Іосифъ Нелюбовичъ-Тукальскій, епископъ могилевскій. Московское правительство не признавало его, продолжало именовать блюстителемъ митрополіи Меѳодія и хлопотало о возведеніи послѣдняго въ санъ митрополита, но константинопольскій патріархъ не соглашался на это.

Успѣхи поляковъ въ войнѣ съ Московскимъ Государствомъ побудили короля Яна-Казимира сдѣлать покушеніе на подчиненіе себѣ и Украины лѣваго берега Днѣпра. Въ январѣ 1664 года онъ двинулся черезъ Днѣпръ. Съ нимъ должны были идти и козаки, подъ начальствомъ своего гетмана Тетери и союзные татары. Города сдавались на лѣвой сторонѣ. Только мѣстечко

Салтыкова Дѣвица оборонялось отчаянно, и всѣ жители были истреблены. Король дошелъ до Глухова, стоялъ подъ нимъ пять недѣль и не могъ взять его. Здѣсь въ польскомъ лагерѣ былъ разстрѣлянъ, по подозрѣнію въ измѣнѣ, козацкій полковникъ Иванъ Богунъ, одинъ изъ храбрѣйшихъ сподвижниковъ Богдана Хмельницкаго. Между тѣмъ запорожцы, подъ начальствомъ Сірка и Сулимы, бывшіе въ тылу короля, начали отбирать козацкіе города на правой сторонѣ Днѣпра. Это побудило короля удалиться на правый берегъ Днѣпра.

Польскій полководецъ Чарнецкій разбилъ Сулиму, а польскій полковникъ Маховскій схватилъ бывшаго гетмана Выговскаго, носившаго званіе кіевскаго воеводы, и разстрѣлялъ его по наущенію Тетери, обвинявшаго Выговскаго въ намѣреніи передаться Москвѣ. По всему видно, что Выговскій дѣйствительно былъ въ соумышленіи съ Сіркомъ: раздраженный противъ Москвы, страшась отъ нея порабощенія для Малороссіи, онъ примирился съ поляками въ надеждѣ дать своей родинѣ независимость и свободу въ томъ видѣ, въ какомъ она была доступна его понятіямъ, но былъ жестоко обманутъ; собственное возвышеніе не удовлетворяло его; и вотъ онъ еще разъ отважился на возстаніе и преждевременно погибъ, не успѣвши ничего сдѣлать.

Не ограничиваясь этимъ, Тетеря обвинилъ въ измѣнѣ митрополита Іосифа Тукальскаго и своего шурина Юрія Хмельницкаго, носившаго въ постриженіи имя Гедеона. Король приказалъ отправить обоихъ въ Маріенбургскую крѣпость, гдѣ они просидѣли два года.

Бруховецкій, по уходѣ короля, самъ перешелъ за Днѣпръ, взялъ Каневъ, Черкасы, но потомъ отступилъ назадъ, а Чарнецкій опять принудилъ къ повиновенію отпавшіе отъ Польши города и мѣстечки, вошелъ въ Субботово и выбросилъ изъ могилы кости Богдана Хмельницкаго. Вскорѣ самъ Чарнецкій былъ раненъ въ одной стычкѣ и сошелъ съ поля дѣйствій.

Гетманъ Тетеря скоро убѣдился, что ему не сладить съ козаками и не удержать Украины подъ властью Польши. Онъ поспѣшилъ забрать войсковую казну и бѣжалъ съ женою въ Польшу; но дорогою Сірко отбилъ у него казну [1]). На его мѣсто въ Украинѣ одна партія, при помощи орды, избрала Стефана Опару, а другая, также съ помощію татаръ, низвергла Опару и посадила гетманомъ Петра Дорошенка: это произошло въ 1665 году.

Съ этихъ поръ до 1677 года исторія южнорусскаго козаче-

[1]) У Тетери въ Польшѣ выманили всѣ деньги, какія онъ привезъ изъ Украины; онъ, какъ говорятъ, удалился въ Турцію, гдѣ умеръ въ бѣдности.

ства, главнымъ образомъ, вращается около этой личности. Постоянною цѣлью стремленій Дорошенка было соединить Украину подъ единою властью и сплотить козацкія силы; онъ не терпѣлъ поляковъ, ни за что́ не хотѣлъ, чтобы Украина оставалась подъ ихъ властью; всегда изъявлялъ готовность находиться подъ властью Москвы, но не иначе, какъ съ соблюденіемъ правъ самобытности для Малороссіи, съ тѣмъ, чтобы московское правительство не посылало туда своихъ воеводъ, не мѣшалось во внутреннія дѣла и обращалось съ козаками, какъ съ народомъ вольнымъ. Обстоятельства препятствовали ему со всѣхъ сторонъ къ достиженію такого политическаго идеала, и онъ долженъ былъ вести тяжелую напрасную борьбу съ ними.

Осенью 1665 года, Бруховецкій отправился въ Москву, тамъ былъ принятъ съ большимъ почетомъ, пожалованъ бояриномъ, женился на боярской дочери и получилъ богатую вотчину отъ царя, близъ Стародуба, сотню Шептаковскую, занимавшую много селъ и деревень, а пріѣхавшіе съ нимъ полковники пожалованы въ дворяне. Желая угодить Москвѣ, Бруховецкій самъ изъявлялъ желаніе уничтожить мѣстныя привилегіи края: такъ, напримѣръ, онъ подавалъ совѣтъ уничтожить привилегіи малороссійскихъ городовъ, увѣрялъ, что мѣщане тянутъ на польскую сторону, что между ними бѣдные истощаются отъ поборовъ и подводъ, а купцы и богатые на счетъ бѣдныхъ наживаются; предложилъ умножить великорусскихъ воеводъ, ввести кабацкую продажу вина, сдѣлать перепись народу, установить на великороссійскій образецъ цѣловальниковъ и прислать митрополита изъ Москвы вмѣсто выборнаго вольными голосами. Чрезъ все это, по возвращеніи въ Украину, въ началѣ 1666 года, Бруховецкій очутился въ непріязненномъ отношеніи ко всей Малороссіи. Козакамъ не нравилось производство его въ бояре, „у насъ прежде бояръ не бывало, —говорили они:—черезъ него у насъ всѣ вольности отходятъ“. Полковники, пожалованные въ дворяне, боялись показать передъ козаками, что дорожатъ своимъ новопріобрѣтеннымъ званіемъ. Одинъ изъ нихъ говорилъ: „мнѣ дворянство не надобно; я по старому козакъ!“ Епископъ Меѳодій былъ раздраженъ предположеніемъ посылать митрополита изъ Москвы; малороссійское духовенство раздѣляло его неудовольствіе. Раздраженіе усилилось, когда пріѣхали новые московскіе воеводы во всѣ значительнѣйшіе города [1]), и съ ними ратные люди; Бруховецкій хлопоталъ, чтобъ ихъ было поболѣе; пріѣхали переписчики, стали пе-

[1]) Кромѣ Кіева, Переяславля и Нѣжина, гдѣ уже были московскіе воеводы—въ Прилуки, Лубны, Гадячъ, Миргородъ, Полтаву, Батуринъ, Глуховъ, Сосницу, Новгородъ-Сѣверскій и Стародубъ.

реписывать всѣхъ людей по городамъ и селамъ, и облагать данью. Въ городахъ изъ мѣщанъ установили цѣловальниковъ для сбора царскихъ доходовъ. Великороссіяне начали дурно обращаться съ жителями: „полтавскій воевода,—жаловались козаки,—бранитъ насъ скверными словами (что́ особенно раздражало малороссіянъ): когда кто придетъ къ нему—плюетъ на того, велитъ деньщикамъ выталкивать въ-зашею...“ Во многихъ мѣстахъ жаловались на большіе поборы, на наглость и грабежъ, на оскорбленіе женщинъ и дѣвицъ и т. п. Самъ гетманъ былъ чрезвычайно корыстолюбивъ, жестокъ и, надѣясь на покровительство Москвы, не зналъ предѣловъ своему произволу; его полковники также отличались наглостью и грабительствами. Терпѣніе народа было непродолжительно, вспыхнуло возмущеніе разомъ въ нѣсколькихъ городахъ, начали убивать московскихъ ратныхъ людей. Въ Переяславлѣ убили козацкаго полковника Ермоленка, сожгли городъ, перебили ратныхъ людей; самъ царскій воевода едва спасся. Бруховецкій возбуждалъ къ себѣ общее омерзѣніе; распространилось желаніе поступить подъ власть Дорошенка.

Въ 1667 году заключено было Андрусовское перемиріе и стало новою, сильнѣйшею причиною волненія. Нащокина признавали малороссіяне главнѣйшимъ врагомъ своимъ, толковали, что, по его наущенію, московскій царь съ польскимъ королемъ примиряется для того, чтобы истребить козаковъ; запорожцы, болѣе другихъ отважные и рѣшительные, поймали царскаго посланника Ладыженскаго, ѣхавшаго въ Крымъ, и убили.

Съ самаго пріѣзда Бруховецкаго, народъ не хотѣлъ платить податей и разныхъ пошлинъ, введенныхъ на великороссійскій образецъ. Козаки грабили и били сборщиковъ; но въ то же время и между малоруссами была безладица: мѣщане и крестьяне дрались съ козаками, которые, по приказанію гетмана и полковниковъ, собирали для послѣднихъ поборы. Всѣ, тѣмъ не менѣе, сходились въ томъ, что не терпѣли гетмана.

Меѳодій, прежде главный виновникъ возвышенія Бруховецкаго, сдѣлался его врагомъ и наговаривалъ на Бруховецкаго въ своихъ письмахъ къ московскимъ боярамъ. Бруховецкій съ своей стороны писалъ въ Москву доносы на Меѳодія. Находясь на соборѣ, осудившемъ Никона, Меѳодій замѣтилъ, что съ нимъ въ Москвѣ обращаются уже не такъ милостиво, какъ прежде, и воротившись въ Малороссію предложилъ мировую гетману и сталъ подущать его къ измѣнѣ царю. Бруховецкій увидѣлъ, что зашелъ далеко, что козаки, раздраженные противъ Москвы, считаютъ его главнымъ виновникомъ насилій, которыя терпитъ Малороссія отъ московскихъ

людей; поправить дѣло казалось возможно, только скорѣйшей измѣной Москвѣ. Бруховецкій прежде всего сослался съ Дорошенкомъ. Послѣдній, вмѣстѣ съ митрополитомъ Тукальскимъ, польстилъ Бруховецкаго надеждою, что онъ останется гетманомъ, если станетъ дѣйствовать съ ними за одно и отступится отъ Москвы. Бруховецкій собралъ на совѣтъ своихъ полковниковъ: всѣ порѣшили отторгнуться отъ Москвы и поддаться турецкому султану, чтобы съ помощью турокъ избавиться отъ московской власти. 8 февраля, въ Гадячѣ, Бруховецкій объявилъ воеводѣ Огареву, чтобы онъ выбирался съ ратными людьми вонъ. У Огарева было всего человѣкъ 200 съ небольшимъ; оставалось уходить; но козаки бросились на великороссіянъ, половину вырѣзали, остальныхъ поколотили и взяли въ плѣнъ. Бруховецкій оповѣстилъ своимъ универсаломъ, что московскіе послы съ польскими послами постановили разорить всю Украину и истребить всѣхъ жителей отъ мала до велика. Такую же грамоту послалъ онъ донскимъ казакамъ, уговаривая ихъ съ „господиномъ Стенькою“ дѣйствовать за одно [1]). Народъ, уже и безъ того волновавшійся повсемѣстно, сталъ истреблять всѣхъ великороссіянъ въ своемъ краѣ.

Измѣна Бруховецкаго сильно поразила московское правительство; оно этого не ожидало. Въ Кіевѣ, Переяславлѣ, Нѣжинѣ и Острѣ воеводы съ трудомъ отбились отъ козаковъ и сидѣли въ осадѣ, терпя во всемъ недостатокъ, въ другихъ городахъ—они погибли, вмѣстѣ съ ратными людьми, подъ ножами и дубинами разсвирѣпѣвшаго народа. Когда узнали объ этомъ въ Польшѣ— то поляки говорили великорусскимъ посланцамъ: „надобно нашимъ государямъ послать войска—выжечь и перебить этихъ измѣнниковъ-козаковъ, чтобъ мѣста ихъ были пусты, потому что они и вамъ и намъ измѣняютъ, и добра отъ нихъ не будетъ!“

Весною князь Ромодановскій началъ военныя дѣйствія осадою города Котельвы. Къ Бруховецкому пришли на помощь татары. Изъ-за Днѣпра шелъ съ козацкимъ войскомъ Дорошенко; Бруховецкій вышелъ къ нему на встрѣчу изъ Гадяча. Близъ Опочни явились къ нему десять сотниковъ съ требованіемъ отдать булаву, знамя и пушки. Бруховецкій прибилъ этихъ сотниковъ и отправилъ ихъ скованными въ Гадячъ. Но тутъ возмутилась противъ него громада козаковъ, ворвалась въ шатеръ, схватила и потащила къ Дорошенкѣ. Дорошенко только далъ знакъ рукою: козаки сорвали съ Бруховецкаго платье и заколотили до

[1]) Достойно замѣчанія, что въ числѣ обвиненій противъ Москвы, самымъ гнуснымъ дѣломъ москалей названо то, что „они свергли святѣйшаго отца патріарха, который училъ ихъ имѣть милость и любовь къ ближнему“. Никонъ вообще пользовался уваженіемъ въ Малороссіи.

смерти ружьями, рогатинами и дубьемъ. Смятеніе въ народѣ было такъ велико, что вслѣдъ затѣмъ раздавались крики: убить Дорошенка! Но заднѣпровскій гетманъ утишилъ толпу, выкативъ ей нѣсколько бочекъ горілки. Дорошенко собралъ всенародную раду и спрашивалъ: „что теперь дѣлать? мириться-ли съ Москвою? отдаваться-ли Польшѣ или султану?“ Народъ слышать не хотѣлъ о Польшѣ, бранилъ москалей за ихъ насилія, и изъявилъ предпочтеніе турецкой власти. Дорошенко двинулся противъ Ромодановскаго, который тотчасъ отступилъ отъ Котельвы. Теперь вся Малороссія была въ рукахъ Дорошенка; ему оставалось упрочить власть свою, но тутъ на бѣду пришла къ нему вѣсть изъ Чигирина объ измѣнѣ жены; онъ ушелъ за Днѣпръ, забравши съ собою плѣнныхъ великорусскихъ начальныхъ людей и епископа Меѳодія, а начальство надъ лѣвою стороною Днѣпра поручилъ своему генеральному асаулу, Демьяну Многогрішному. Вслѣдъ за уходомъ Дорошенка, Ромодановскій двинулся въ Малороссію и занялъ Нѣжинъ; Многогрішный, вмѣсто того, чтобы биться съ нимъ, изъявилъ желаніе покориться царю, надѣясь, что его сдѣлаютъ гетманомъ. Тогда ходатаемъ за козаковъ явился черниговскій архіепископъ Лазарь Барановичъ; онъ просилъ письменно у царя прощенія народу, но умолялъ, чтобы въ Малороссію не посылать воеводъ; о томъ же просилъ Многогрішный и представлялъ, что вся бѣда сдѣлалась отъ насилія со стороны воеводъ, да отъ козней епископа Меѳодія. Толки объ избраніи новаго гетмана шли нѣсколько мѣсяцевъ, а тѣмъ временемъ московское правительство сносилось съ Дорошенкомъ. Царскіе посланцы уговаривали Дорошенка отступиться отъ бусурманъ и быть покорнымъ Польшѣ. Дорошенко стоялъ на одномъ: что онъ съ своими козаками ни за что не хочетъ быть подъ властью Польши, потому что съ поляками, по ихъ непостоянству, нельзя заключить никакого крѣпкаго договора, —увѣрялъ, что онъ вовсе не врагъ Москвы, что желаетъ со всею Украиною быть подъ властью великаго государя, однако, не иначе, какъ тогда, когда государь приметъ подъ свою власть обѣ стороны Днѣпра, не будетъ посылать воеводъ и не станетъ нарушать козацкихъ правъ, однимъ словомъ, чтобы все было такъ, какъ постановлено по первому договору, заключенному съ Богданомъ Хмельницкимъ; иначе, Дорошенко ни за что не захотѣлъ покидать мысли о подданствѣ Турціи. Само собою разумѣется, что московское правительство, находясь въ перемиріи съ Польшею, не могло прибѣгнуть къ такому шагу, какого требовалъ Дорошенко.

Въ мартѣ 1669 года, въ городѣ Глуховѣ, была собрана

рада и на ней былъ избранъ въ гетманы лѣваго берега Днѣпра Демьянъ Многогрѣшный. Всѣ старанія новаго гетмана, архіепископа Лазаря и старшинъ объ освобожденіи Малороссіи отъ воеводскаго управленія остались напрасны, тѣмъ болѣе, что и теперь, какъ прежде, между малороссіянами были искатели собственной карьеры, которые писали въ Москву противное тому, что просило малороссійское начальство и увѣряли, что народъ болѣе желаетъ воеводскаго, чѣмъ козацкаго управленія. Первымъ изъ такихъ былъ Семенъ Адамовичъ, нѣжинскій протопопъ, думавшій, какъ видно, идти по слѣдамъ Меѳодія. По договору, заключенному въ это время, воеводы были оставлены только въ нѣкоторыхъ городахъ[1]). Реестровыхъ козаковъ положено только 30,000, которые должны были содержаться поборами со всякихъ маетностей, кромѣ монастырскихъ и церковныхъ. Разореннымъ городамъ дана льгота на десять лѣтъ; гетманы будутъ избираться впередъ на радѣ и утверждаться царемъ и не должны сноситься съ иностранными государями. Тогда было замѣчено на радѣ козаками, что всѣ междоусобія въ Малороссіи происходятъ оттого, что пахатные мужики самовольно хотятъ называться козаками и поднимаютъ смуты, а тѣмъ самымъ—прямымъ козакамъ чинятъ безчестіе. Для предотвращенія этого, положено устроить особый козачій полкъ въ 1000 человѣкъ, котораго обязанность будетъ состоять въ томъ, чтобъ замѣчать, гдѣ начинаются бунты и укрощать ихъ въ началѣ. Этотъ полкъ названъ компанейскимъ. Такимъ образомъ, важнѣйшій соціальный вопросъ, волновавшій Малороссію съ самаго начала возстанія противъ Польши, московское правительство рѣшало теперь въ видахъ возвышенія исключительнаго привилегированнаго сословія, въ ущербъ стремленію народа къ уравненію своихъ правъ.

Новый гетманъ лѣвобережной Украины, Многогрѣшный, не отличался дарованіемъ, не былъ любимъ въ народѣ, притомъ былъ преданъ пьянству и въ пьяномъ видѣ дѣлалъ всякія безчинства. Его родной братъ, Василій, назначенный черниговскимъ полковникомъ, былъ также человѣкъ буйный, необузданный, извѣстный тѣмъ, что загналъ свою жену въ гробъ побоями, за что носилъ на себѣ церковное запрещеніе. Власть гетмана Демьяна не простиралась на всѣ края Украины, долженствовавшей состоять подъ его начальствомъ. Полки: лубенскій, гадяцкій, прилуцкій, упорно стояли за Дорошенка; переяславскій полкъ также былъ съ ними заодно, но потомъ—полковникъ Дмитрашка Райча, молдаванскій выходецъ, присталъ съ своимъ полкомъ къ Много-

[1]) Въ Кіевѣ, Переяславлѣ, Нѣжинѣ, Черниговѣ и Острѣ.

грішному. Дорошенко силился во что бы то ни стало удержать всю Украину подъ своею властью, писалъ безпрестанно универсалы, убѣждалъ малороссіянъ прекратить всякія ссоры и стать за одно для погибающаго отечества. Между тѣмъ, онъ продолжалъ относиться дружелюбно къ Москвѣ, освободилъ по царской просьбѣ великорусскихъ плѣнниковъ, безпрестанно сносился то съ Москвою посредствомъ посланцевъ, то съ кіевскимъ воеводою. Постоянно была у него одна и та же рѣчь, хотя и въ разныхъ видахъ; смыслъ ея былъ таковъ: пусть московскій государь возьметъ всю Украину подъ свою верховную власть, выведетъ своихъ воеводъ и оставитъ козаковъ обѣихъ сторонъ Днѣпра подъ начальствомъ одного гетмана; вмѣстѣ съ тѣмъ Дорошенко прямо высказывалъ передъ царскими посланцами, что онъ по необходимости отдастся султану и приведетъ турецкія силы на поляковъ. Московское правительство, соблюдая договоръ съ Польшей, уговаривало Дорошенка оставаться въ вѣрности Польшѣ; такимъ образомъ, оно поддерживало то самое раздвоеніе Украины, противъ котораго такъ ополчался Дорошенко. Обстоятельства поставили Дорошенка въ трагическое положеніе: желая, подобно Хмельницкому, своему отечеству цѣлости и самостоятельности и въ то же время сознавая, что нельзя обойтись не признавши надъ собою власти какого-нибудь государя, онъ предпочиталъ власть московскаго государя, но поневолѣ долженъ былъ дѣйствовать непріязненно противъ Москвы и считаться ея злѣйшимъ врагомъ. Ему приходилось бороться разомъ и съ Польшею, и съ Россіею; этого мало: ему предстояла еще борьба и со своими. Запорожье не хотѣло повиноваться ни Дорошенку, ни Многогрішному; тамъ выбрали иного гетмана Суховіенка, который пригласилъ татаръ и вступилъ во владѣнія Дорошенка. Шесть полковъ [1]) покорились ему. Дорошенко былъ на краю своего паденія и тогда отправилъ въ Турцію своихъ пословъ съ рѣшительнымъ предложеніемъ подданства. Это спасло его на время. Въ то время какъ Суховіенко осадилъ Дорошенка въ Каневѣ, явился турецкій чаушъ (гонецъ) и приказалъ Суховіенку отступить. Суховіенко не могъ не послушаться, такъ какъ его главная сила состояла изъ татаръ, турецкихъ подданныхъ. Суховіенко отказался отъ гетманства и вслѣдъ затѣмъ уманскій полковникъ Ханенко провозгласилъ себя гетманомъ. Съ нимъ Дорошенку предстояла борьба. Дорошенко, подступивши подъ Умань, сначала постановилъ съ Ханенкомъ договоръ, чтобы обоимъ соперникамъ ѣхать въ Чигиринъ: пусть тамъ рада рѣшитъ между ними споръ и признаетъ одного

[1]) Уманскій, бѣлоцерковскій, корсунскій, паволоцкій, брацлавскій и огилевскій.

изъ нихъ гетманомъ; но Ханенко, вмѣсто того, чтобъ ѣхать на раду, пригласилъ крымскую орду и пошелъ войною на Дорошенка. У обоихъ соперниковъ войско состояло главнымъ образомъ изъ татаръ. У Дорошенка была орда бѣлогородская, находившаяся подъ властью силистрійскаго паши. Къ Ханенку присоединялся Юрій Хмельницкій, который сбросилъ тогда свое монашеское платье. Подъ мѣстечкомъ Стебловымъ Дорошенко одержалъ побѣду, прогналъ Ханенка на Запорожье, а Юрій Хмельницкій былъ пойманъ и отправленъ въ Турцію, гдѣ содержался въ Семибашенномъ замкѣ.

Ханенко не успокоился, отправилъ посольство къ польскому королю и получилъ отъ него грамоту на гетманство, на условіяхъ Гадяцкаго договора. При помощи короннаго гетмана Яна Собѣскаго, Ханенко утвердился въ Ладыжинѣ. Поляки заняли города Немировъ, Брацлавъ, Могилевъ, Рашковъ, Баръ и другіе и отдали подъ управленіе Ханенку. Такимъ образомъ въ Малороссіи явилось разомъ три гетмана: двое на правой, и одинъ на лѣвой сторонѣ Днѣпра.

Въ церкви также было раздвоеніе. Меѳодій, взятый въ плѣнъ Дорошенкомъ, убѣжалъ въ Кіевъ; но тамошній воевода препроводилъ его въ Москву. Дорошенко прислалъ въ Москву собственноручное письмо Меѳодія, доказывающее его несомнѣнное участіе въ замыслахъ Бруховецкаго. Меѳодія заточили въ Новоспасскій монастырь, гдѣ онъ скоро умеръ. Вмѣсто него, Москва назначила другого блюстителя митрополичьяго престола, черниговскаго архіепископа Лазаря Барановича. Между тѣмъ, на правомъ берегу Днѣпра проживалъ, освободившійся изъ маріенбургскаго заключенія, митрополитъ Іосифъ Тукальскій, посвященный и признаваемый константинопольскимъ патріархомъ; въ Москвѣ не довѣряли ему, какъ благопріятелю Дорошенка и стороннику цѣлости и независимости Малороссіи. Митрополитъ Іосифъ, живя въ Чигиринѣ, близъ Дорошенка, исходатайствовалъ у константинопольскаго патріарха наложеніе проклятія на Демьяна Многогрішнаго, за его измѣну Дорошенку. Это сильно тревожило Многогрішнаго, особенно когда онъ поскользнувшись упалъ и расшибся. Многогрішный считалъ это для себя знакомъ Божьяго наказанія и убѣдительно просилъ царя исходатайствовать ему разрѣшеніе отъ патріарха. Царь отправилъ къ патріарху Меѳодію просьбу о Многогрішномъ. Патріархъ былъ въ затрудненіи: ему хотѣлось исполнить просьбу царя, но онъ боялся турецкаго правительства, которое покровительствовало Дорошенку и Іосифу; патріархъ наконецъ далъ разрѣшеніе, но съ тѣмъ, чтобы оно было тайное.

Скоро, однако, послѣ того, обстоятельства поставили Многогрѣшнаго въ недружелюбныя отношенія съ Москвою. Воеводское управленіе было до крайности несносно для малороссіянъ. Посполитые по прежнему порывались козаковать; компанейцы, усмиряя ихъ, причиняли имъ всякаго рода обиды; вспышки народнаго негодованія начали проявляться. Многогрѣшный, подобно своему предшественнику, ожидалъ всеобщаго бунта, который былъ тѣмъ возможнѣе, что Дорошенко то и дѣло что разсылалъ своихъ агентовъ увѣщевать лѣвобережныхъ малороссіянъ—дѣйствовать за-одно съ нимъ при турецкой помощи, для возвращенія свободы и цѣлости своему отечеству. Нѣкоторые полки открыто стояли за Дорошенка. Малороссіянъ раздражало еще и то, что во время переговоровъ, бывшихъ между Нащокинымъ и коммиссарами о подтвержденіи Андрусовскаго договора, малороссійскихъ посланцевъ не допустили до участія въ этихъ переговорахъ. Ожидаемая отдача Польшѣ Кіева со всею его святынею оскорбляла народное чувство. Многогрѣшный, въ своихъ письмахъ къ Артамону Сергѣевичу Матвѣеву, убѣждалъ московское правительство избавить Малороссію отъ воеводскаго управленія и суда; объ этомъ же просилъ и Лазарь Барановичъ. Но въ Москву приходили письма и нѣжинскаго протопопа Семена Адамовича, который то и дѣло, что оговаривалъ Барановича и Многогрѣшнаго, хотя въ то же время прикидывался другомъ послѣдняго; въ своихъ письмахъ, посылаемыхъ въ Москву, онъ увѣрялъ, что Малороссія только и держится присутствіемъ воеводъ и ратныхъ людей, и немедленно взбунтуется, какъ только ихъ выведутъ. Московское правительство, настроиваемое такими доносами, не выводило воеводъ и приказывало наблюдать и надъ самимъ гетманомъ; въ гетманской столицѣ Батуринѣ находился стрѣлецкій голова Григорій Неѣловъ, сообщавшій въ Москву о поступкахъ гетмана. Напиваясь пьянъ, Многогрѣшный отпускалъ оскорбительныя замѣчанія и похвалки надъ Москвою. Дорошенко вступилъ съ нимъ въ сношенія и убѣждалъ его дѣйствовать за одно съ нимъ. Неизвѣстно, до какой степени Многогрѣшный рѣшился быть союзникомъ Дорошенка и начать непріязненныя дѣйствія противъ Москвы, но Многогрѣшный высказалъ самъ великорусскому гонцу Танѣеву намѣреніе, ни за что не отдавать Кіева полякамъ и, вмѣстѣ съ Дорошенкомъ, воевать Польшу [1]).

[1]) По донесенію Танѣева, Многогрѣшный говорилъ ему, между прочимъ, такъ: „государь насъ не саблею взялъ; мы ему добровольно поддались ради единой вѣры. Если Кіевъ и другіе малороссійскіе города ему не надобны и онъ ихъ отдаетъ королю, то мы сыщемъ другого государя“.

Прежде чѣмъ московское правительство рѣшило какъ поступать съ доносами на Многогрішнаго, противъ послѣдняго составился заговоръ; руководителемъ его былъ обозный Петръ Забѣла. Онъ склонилъ на свою сторону писаря Мокріевича, судей: Домонтовича, Самойловича и переяславскаго полковника Дмитрашка Райча. 13 марта, въ ночь, заговорщики схватили Многогрішнаго и отправили вь Москву съ писаремъ Мокріевичемъ. Въ Москвѣ Матвѣевъ подвергъ Многогрішнаго допросу и пыткѣ. Демьянъ отвергалъ обвиненія въ измѣнѣ, но сознался, что въ пьяномъ видѣ говорилъ „неистовыя рѣчи". Старшины, отъ имени всего малороссійскаго народа, просили казнить смертью бывшаго гетмана и его брата Василія. 28 мая 1672 года осужденныхъ вывели на казнь въ Москвѣ; но царь выслалъ гонца съ объявленіемъ, что онъ, „по упрошенію своихъ дѣтей, замѣняетъ смертную казнь ссылкою въ Сибирь". Демьянъ сосланъ былъ въ Тобольскъ съ женою Анастасіею, дѣтьми, братомъ Василіемъ и племянникомъ. Сослали въ Сибирь и друзей его: нѣжинскаго полковника Гвинтовку и асаула Грибовича. Послѣдній убѣжалъ изъ Сибири, а остальные, сосланные по этой причинѣ, содержались нѣсколько времени въ оковахъ, отправлены подальше и поверстаны на службу [1]). Вслѣдъ за ними былъ схваченъ и отправленъ въ Сибирь, по доносу, запорожскій атаманъ Сірко, но вскорѣ признанъ невиннымъ и возвращенъ.

17 іюня того же года, недалеко отъ Конотопа, въ Козачьей Дубровѣ, по распоряженію князя Ромодановскаго, въ присутствіи архіепископа Лазаря, избранъ былъ на радѣ новый гетманъ, бывшій генеральный судья Иванъ Самойловичъ. Избраніе это совершилось, главнымъ образомъ, по желанію и козням войсковой старшины. Новоизбранный вождь былъ сынъ священника, прежде жившаго на правомъ берегу Днѣпра, а потомъ перешедшаго на лѣвую, въ мѣстечко Старый Колядинъ. Иванъ Самойловичъ былъ человѣкъ ученый, даровитый, но гордый и надменный съ подчиненными и притомъ корыстолюбивый. Поприще свое онъ началъ въ званіи сотеннаго писаря; при Бруховецкомъ поддѣлался къ генеральному писарю Гречаному, сдѣланъ сотникомъ, затѣмъ въ Черниговѣ наказнымъ полковникомъ. Онъ не присталъ къ измѣнѣ Бруховецкаго, сблизился съ Многогрішнымъ, вошелъ къ нему въ довѣренность и получилъ званіе генеральнаго судьи, а потомъ, вмѣстѣ съ другими, погубилъ Многогрішнаго, заслужилъ расположеніе старшинъ чрезвычайною услужливостью и ласковымъ обращеніенъ: они выбрали его въ надеждѣ имѣть въ немъ покорное себѣ орудіе.

[1]) Самъ Многогрішный былъ въ Селенгинскѣ, гдѣ дочь его вышла за мѣстнаго священника.

Переворотъ на лѣвой сторонѣ Днѣпра происходилъ въ то время, когда на правой Дорошенко прибѣгнулъ къ отчаянному и рѣшительному средству. 300,000 турецкаго войска двинулось къ нему на помощь; самъ падишахъ Магометъ IV предводительствовалъ этими силами. При урочищѣ Батогѣ разбитъ былъ Ханенко и предводитель польскаго войска, Лужецкій. Турки и татары бросились на Каменецъ, гдѣ въ то время былъ незначительный польскій гарнизонъ. Осажденные вступили въ переговоры и сдали городъ, съ условіемъ выпустить изъ города гарнизонъ и жителей по ихъ желанію, а остальнымъ жителямъ, которые захотятъ остаться, предоставить безопасность жизни, ихъ достояніе и нѣсколько церквей для свободнаго богослуженія. Турки приказали обратить въ мечети церкви и въ томъ числѣ соборъ, оставивши для христіанъ православныхъ, католиковъ и армянъ по одной церкви. 19 сентября Магометъ IV съ торжествомъ въѣхалъ въ городъ прямо къ главной мечети, бывшей соборною церковью и, какъ разсказываютъ, турки, въ знакъ побѣды ислама надъ христіанствомъ, клали образа святыхъ на грязныхъ мѣстахъ улицъ, когда проѣзжалъ султанъ. Жителей пощадили; однако, взяли въ гаремы падишаха и его пашей красивѣйшихъ дѣвицъ.

Поляки были до крайности поражены этимъ событіемъ и слабый польскій король Михаилъ поспѣшилъ просить у турецкаго императора мира. Миръ былъ заключенъ подъ Бучачемъ въ Галиціи. Поляки уступали туркамъ Подоль и Украину и кромѣ того, обязались платить ежегодно 22,000 червонцевъ.

Жестоко промахнулся Дорошенко. Турки не думали возстановлять единства въ Украинѣ, а между тѣмъ Дорошенко, сдѣлавшись турецкимъ подданнымъ, возбуждалъ противъ себя и свой народъ, и христіанскихъ сосѣдей. Миръ Польши съ Турціей не могъ быть продолжителенъ; за-одно съ Польшею готовилась дѣйствовать противъ нея Москва: Дорошенко, союзникъ турокъ, долженъ былъ первый принять на себя удары враговъ ислама. Между тѣмъ силы его умалялись; народъ, какъ и прежде переходившій съ правой стороны Днѣпра на лѣвую, теперь бѣжалъ туда большими толпами; значительная часть перебѣжчиковъ двигалась на востокъ, въ привольныя степи южныхъ предѣловъ Московскаго Государства (нынѣшнихъ: харьковской, воронежской, курской и екатеринославской губерній). Правая сторона Днѣпра все болѣе и болѣе безлюдѣла. Дорошенку и Ханенку приходилось властвовать надъ бѣдными остатками каждый день уменьшавшагося народонаселенія, бороться чужими силами за опустѣлую родную землю. Снова обращался Дорошенко къ

Москвѣ, опять увѣрялъ въ своей преданности государю, просилъ его принять въ подданство, но все-таки не иначе, какъ на тѣхъ же условіяхъ, какія предлагалъ прежде: чтобъ Украина была едина и свободна. „У меня дѣтей нѣтъ—говорилъ онъ:—я о себѣ не хлопочу, но дѣло идетъ о всѣхъ людяхъ нашихъ“. Московское правительство ласкало Дорошенка обѣщаніями. Послѣ того, какъ поляки, сами уступивши Турціи Украину, отказались отъ господства надъ этою землею, удобнѣе было соглашаться съ Дорошенкомъ насчетъ единства обѣихъ сторонъ Днѣпра. Но Самойловичъ боялся, чтобъ его не лишили гетманства, передавши Дорошенку, а потому старался вооружить Москву противъ Дорошенка и совѣтовалъ не довѣрять ему. Вмѣсто примиренія съ Дорошенкомъ, послано было противъ него козацкое и московское войско подъ начальствомъ Ромодановскаго. Это войско не сдѣлало ничего важнаго, но Ханенко, а съ нимъ и нѣсколько полковниковъ, прислали просить милости царскаго величества. 17 марта 1674 года, Ханенко и нѣсколько полковниковъ [1]) праваго берега Днѣпра явились на раду въ Переяславль. Ханенко положилъ гетманскую булаву и бывшіе съ нимъ правобережные полковники избрали гетманомъ Самойловича.

Значительная часть южной Руси праваго берега Днѣпра переходила снова подъ власть русскаго государя. Оставалось только покориться самому Дорошенку. Дѣйствительно, чигиринскій гетманъ отправилъ къ Ромодановскому генеральнаго писаря Мазепу и объявлялъ, какъ онъ уже дѣлалъ это много разъ прежде, что желаетъ быть въ подданствѣ великаго государя. Но Дорошенко ни за что не хотѣлъ, чтобы ненавистный и презираемый имъ поповскій сынъ, Самойловичъ, былъ гетманомъ надъ обѣими сторонами Днѣпра, тѣмъ болѣе, что самъ Дорошенко боялся за собственную жизнь, и ожидалъ, что если онъ сдастся, то Самойловичъ казнитъ его, какъ Бруховецкій казнилъ Сомка. Притомъ, оставшіеся ему вѣрными старшины и полковники боялись того же и предпочли еще разъ попытаться удержать независимость при турецкой помощи. Дорошенко колебался и увѣрившись, что врагъ его Самойловичъ крѣпокъ и пользуется царскою милостью, еще разъ пригласилъ на помощь турокъ и татаръ. Это значило, какъ говорится, поставить на карту послѣднее достояніе. Въ августѣ 1674 года, турецкое и татарское полчища опустошительно прошлись по Украинѣ. Городъ Ладыжинъ былъ взятъ приступомъ. Уманцы, принявши сначала турецкій гарнизонъ, перерѣзали его и за это турки взорвали городъ и истребили всѣхъ жителей. Кровь

[1]) Каневскій, корсунскій, бѣлоцерковскій, уманскій, торговицкій, брацлавскій и паволоцкій.

текла рѣками, по извѣстію современниковъ. Съ другой стороны, Самойловичъ и Ромодановскій съ царскими войсками нанесли опустошеніе Украинѣ, идучи къ Чигирину. Крымцы отбили ихъ отъ гетманской столицы; Ромодановскій и Самойловичъ отступили, сожгли Черкасы и ушли за Днѣпръ. Турки удалились. Тогда Дорошенко совершенно уже потерялъ къ себѣ расположеніе народа. Остатки правобережнаго населенія толпами стремились на лѣвую сторону Днѣпра. Черкасы, Лысянка, Мошны, Богуславъ, Корсунь совершенно опустѣли. Примѣръ однихъ увлекалъ другихъ; переселенцы частью остались въ земляхъ лѣвобережныхъ полковъ, но несравненно большее число ихъ удалялось на слободы, далѣе къ востоку.

На турокъ надежды уже не было: два раза приходили они на помощь Дорошенку и не принесли никакой пользы, а только разорили край. Въ слѣдующемъ 1675 году и русскіе, и поляки собирались совмѣстными силами наказать Дорошенка, но не сошлись между собою. Все еще думая удержать за собою козаковъ, польскій король, вмѣсто передавшагося Россіи Ханенка, назначилъ гетманомъ бывшаго подольскаго полковника Гоголя. Съ малою горстью козаковъ этотъ предводитель держался на Полѣсьѣ. Гетманъ Самойловичъ отклонялъ московское правительство отъ посылки военныхъ силъ вмѣстѣ съ польскими въ Украину, представляя, что какъ только козаки будутъ вмѣстѣ съ поляками,—тотчасъ задерутся между собою.

Дорошенко, готовый отдаться Москвѣ, попытался сдѣлать это такъ, чтобы миновать Самойловича; онъ пригласилъ на раду кошевого Сірка съ запорожцами. Сюда же прибыли и донцы подъ начальствомъ Фрола Минаева. Дорошенко, въ присутствіи духовенства, присягнулъ на Евангеліи на вѣчное подданство царю, просилъ запорожцевъ и донцовъ ходатайствовать, чтобъ царь оставилъ его со всѣмъ „товариствомъ“ (товариществомъ) въ своей милости и оборонялъ своими войсками отъ татаръ, турокъ и ляховъ, чтобы правая сторона Днѣпра, находясь подъ рукою царскою, опять была населена людьми. Сірко далъ знать объ этомъ въ Москву; но Самойловичъ и теперь боялся, чтобы такимъ образомъ не составилась сильная партія и не лишила его гетманства въ пользу Дорошенка. При помощи Ромодановскаго, онъ успѣшно дѣйствовалъ въ Москвѣ, оговаривалъ Дорошенка и Сірка и представлялъ, что такой поступокъ —нарушеніе его правъ какъ гетмана. Царь приказалъ объявить выговоръ Сірку за то, что устроиваетъ онъ такія дѣла мимо гетмана Самойловича, потому что ему, гетману, а не кому-нибудь иному поручено уладить съ Дорошенкомъ. Въ январѣ 1676 года, въ

послѣдніе дни жизни Алексѣя Михайловича, прибылъ въ Москву тесть Дорошенка, Павелъ Яненко-Хмельницкій и привезъ турецкіе „санжаки“: бунчукъ и два знамени (означавшіе прежнее подданство Дорошенка Турціи, отъ котораго онъ теперь совершенно отрекался); чрезъ него Дорошенко изъявлялъ покорность московскому царю и просилъ только дозволить ему, всѣмъ его сродникамъ и всему народу, оставаться на правой сторонѣ Днѣпра и не переводить народа на лѣвую сторону, такъ какъ разнеслась вѣсть, будто правительство хочетъ сжечь всѣ города и выселить съ правой стороны Днѣпра весь народъ. Въ Москвѣ Дорошенка похвалили за его готовность покориться царю, но требовали отъ него такого дѣла, отъ котораго онъ хотѣлъ всячески увернуться—произнесенія присяги передъ Самойловичемъ.

Царь Алексѣй Михайловичъ умеръ; прошелъ еще годъ. Самойловичъ старался всѣми силами очернить передъ московскимъ правительствомъ Дорошенка и Сірка. Онъ чувствовалъ, что въ Малороссіи не любили его за высокомѣріе и алчность, онъ боялся, что полковники составятъ противъ него заговоръ. Самойловичъ домогался всѣми силами, чтобы Дорошенко былъ въ немилости у Москвы и не могъ бы стать ему на дорогѣ.

Въ 1677 году Самойловичъ писалъ въ Москву, что по призыву Дорошенка, снова идутъ турки на Кіевъ. Въ отвѣтъ на это письмо ему приказано было идти вмѣстѣ съ Ромадановскимъ войною на Дорошенка. Послѣ небольшой стычки подъ Чигириномъ, Дорошенко вышелъ съ духовенствомъ, старшиною и народомъ изъ Чигирина и въ трехъ верстахъ отъ города, на рѣкѣ Янчаркѣ сложилъ булаву, знамя и бунчукъ и принесъ присягу московскому царю. Его сначала помѣстили въ Сосницѣ.

Въ это время въ Малороссіи открылся заговоръ противъ Самойловича. Руководителями его были стародубскій полковникъ Рославецъ и извѣстный уже намъ своими доносами протопопъ Адамовичъ. Рославецъ склонилъ нѣкоторыхъ смѣщенныхъ Самойловичемъ полковниковъ [1]) къ мысли низложить Самойловича и признать гетманомъ Дорошенка. Тогда Дорошенка потребовали въ Москву будто бы для того, что царь хочетъ держать его при себѣ для совѣта о важныхъ дѣлахъ. Самойловичъ былъ очень этимъ недоволенъ, потому что при сдачѣ Дорошенка онъ далъ ему обѣщаніе оставить его на жительствѣ въ Украинѣ и можетъ быть боялся, чтобы Дорошенко не вошелъ въ Москвѣ въ милость и не повредилъ бы ему; несмотря на свои старанія, Самойловичъ никакъ не могъ помѣшать вызову своего соперника. Рославецъ

[1]) Переяславскаго Дмитрашка Райча, прилуцкаго Горленка и бывшаго генеральнаго писаря Карпа Мокріевича.

и Адамовичъ были присуждены войсковымъ судомъ къ смертной казни, Мокріевичъ къ изгнанію, а прочимъ сдѣлано было только внушеніе, чтобы они присягнули въ вѣрности гетману. Царь Өеодоръ помиловалъ осужденныхъ на смерть. Адамовичъ постригся, но Самойловичъ все-таки настоялъ, чтобы Рославецъ съ Адамовичемъ были сосланы въ Сибирь. Дорошенко, какъ не участвовавшій въ заговорѣ, не подвергался за него гоненію и былъ принятъ въ Москвѣ очень милостиво. Но ему было слишкомъ тяжело туда переселяться; по его словамъ, онъ ѣхалъ въ Москву, какъ на смертную казнь. Онъ уже не вернулся въ Малороссію. Московское правительство рѣшило держать его въ Великороссіи и потребовало присылки изъ Малороссіи его жены и дочери. Оставаясь въ Великороссіи, Дорошенко былъ назначаемъ воеводою и получилъ въ вотчину тысячу дворовъ въ селѣ Ярополчѣ, Волоколамскаго уѣзда. Съ тѣхъ поръ онъ исчезъ для исторіи [1]).

Турки сильно досадовали, узнавши, что Дорошенко, считаемый турецкимъ подданнымъ, отдался Москвѣ. Съ цѣлью удержать власть надъ Украиною, султанъ велѣлъ освободить изъ заточенія Юрія Хмельницкаго, провозгласилъ его гетманомъ и княземъ малороссійской Украины и отправилъ съ турецкимъ войскомъ добывать отцовское наслѣдіе.

Въ Чигиринѣ, послѣ удаленія Дорошенка, московскимъ воеводою поставленъ былъ нѣмецъ Трауернихтъ. Въ августѣ 1677 года, турки и татары осадили Чигиринъ, но на помощь осажденнымъ подоспѣли Ромодановскій и Самойловичъ и прогнали турокъ. На слѣдующій 1678 годъ, въ іюлѣ, снова явилось турецкое войско съ самимъ визиремъ и Юріемъ Хмельницкимъ подъ Чигириномъ, гдѣ уже былъ другой московскій воевода—Иванъ Ржевскій. На этотъ разъ турки и татары повели упорную осаду. Ржевскій былъ убитъ на городской стѣнѣ непріятельскою гранатою. Турки взорвали подкопами нижній городъ, находившійся на берегу Тясмина: осажденные бросились на мостъ; но мостъ былъ зажженъ турками; многіе потонули. Турки стали приступать къ верхнему городу, расположенному на высокой горѣ надъ нижнимъ. Русскіе отбивались отчаянно; наконецъ, по приказанію Ромодановскаго, стоявшаго неподалеку съ войскомъ, зажгли верхній городъ и ушли къ Ромодановскому, безуспѣшно преслѣдуемые непріятелемъ. Малороссіяне говорили, будто Ромодановскій нарочно не подоспѣлъ впору на выручку Чигирина, потому что сынъ его былъ въ плѣну у турокъ,—будто ему дали знать

[1]) Онъ умеръ въ преклонной старости въ своемъ имѣніи и, вѣрный данному слову, не вмѣшивался болѣе въ малороссійскія дѣла.

турки, что сына его освободятъ, если онъ допуститъ турокъ взять Чигиринъ, въ противномъ случаѣ, пошлютъ ему, вмѣсто сына, кожу его, набитую сѣномъ. Какъ бы то ни было, Ромодановскій не вступилъ въ битву съ турками и ушелъ на лѣвый берегъ Днѣпра [1]). Юрій Хмельницкій захватилъ и подчинилъ своей власти Жаботинъ, Черкасы, Корсунь, Каневъ и другіе городки, въ то время уже очень малолюдные [2]). Юрій потомъ утвердилъ свое мѣстопребываніе въ Немировѣ и принялъ небывалый титулъ князя сарматскаго. Юрій подписывался Гедеонъ-Георгій-Венжикъ Хмельницкій, князь сарматскій и гетманъ запорожскій. Силу его составляли турки и татары. Въ началѣ 1679 года, онъ покусился было напасть на лѣвый берегъ Украины, но ему помѣшали большіе снѣга; весною онъ повторилъ нападеніе, но безуспѣшно; Самойловичъ, вслѣдъ за нимъ, перешелъ на лѣвый берегъ и отобралъ городки, недавно покоренные Юріемъ. Тогда Самойловичъ приказывалъ умышленно сжигать всѣ города и села на правой сторонѣ Днѣпра и заставлялъ всѣхъ остававшихся тамъ жителей переселяться на лѣвую сторону.

Между тѣмъ, Россія продолжила перемиріе съ Польшею еще на 13 лѣтъ, уступивши Польшѣ Невель, Себежъ, Велижъ, и сверхъ того обѣщала 200,000 рублей вмѣсто уступки ей Кіева. Шли переговоры о совмѣстныхъ военныхъ дѣйствіяхъ противъ турокъ. Малороссія была въ тревогѣ; ожидали новаго нашествія турокъ съ Юріемъ Хмельницкимъ; носился слухъ, что нападеніе будетъ направлено на Кіевъ; принялись на-скоро укрѣплять Кіевъ на всѣхъ пунктахъ; Самойловичъ положилъ основаніе крѣпости около Печерскаго монастыря; но турки не явились. Въ то время, когда въ Кіевѣ шли горячія работы, а московскія ратныя силы стягивались къ югу, валахскій господарь, Іоаннъ Дука, взялся быть посредникомъ между Турціею и Россіею. Самойловичъ, съ своей стороны, настаивалъ на примиреніи съ Турціею и Крымомъ, потому что не терпѣлъ поляковъ и всѣми силами старался не допустить русскихъ до союза съ ними противъ невѣрныхъ. Переговоры тянулись болѣе года. Въ августѣ 1680 года отправился въ Крымъ бывшій нѣсколько лѣтъ въ Варшавѣ резидентомъ, стольникъ Тяпкинъ, вмѣстѣ съ малороссійскимъ генеральнымъ писаремъ Раковичемъ (съ ними былъ учитель Петра Великаго, Никита Зотовъ). Тяпкинъ упорно не хотѣлъ отдавать хану всей

[1]) И въ Москвѣ ставили Ромодановскому въ вину это бездѣйствіе; сдачу Чигирина припомнили ему и тогда, когда онъ погибъ жертвою народной злобы во время стрѣлецкаго бунта въ 1682 году.

[2]) Въ Каневѣ, какъ разсказываютъ, жители заперлись въ каменной церкви; турки обложили ее соломой и зажгли: всѣ задохлись въ дыму.

правобережной Украины; дѣло дошло-было до того, что ханъ грозилъ засадить русскихъ пословъ въ земляную яму, и это принудило Тяпкина уступить и согласиться на унизительное перемиріе срокомъ на 20 лѣтъ, по которому Россія обязалась вносить хану ежегодный платежъ. Кіевъ со своимъ старымъ уѣздомъ [1]) оставался за Россіею, но вся правобережная Украина, отъ рѣки Буга до Днѣпра, должна была оставаться вполнѣ безлюдною. Положено было съ обѣихъ сторонъ не строить тамъ ни городовъ, ни селъ и не заводить никакого поселенія. По заключеніи этого перемирія, получили свободу русскіе плѣнники и въ числѣ ихъ несчастный Василій Борисовичъ Шереметевъ, томившійся двадцать два года въ неволѣ. Въ 1681 году договоръ этотъ былъ утвержденъ въ Константинополѣ. Вопросъ о томъ: кому должно принадлежать Запорожьѣ, оставался нерѣшеннымъ; хотя русскіе и выговорили себѣ Запорожье у крымскаго хана, но турки не согласились признать окончательно Запорожье вотчиною царя.

О дальнѣйшей судьбѣ Юрія Хмельницкаго сохранились разнорѣчивыя извѣстія, которыя, впрочемъ, сходны въ томъ, что онъ былъ вскорѣ убитъ [2]). Память этого человѣка подверглась проклятію въ малороссійскомъ народѣ: объ немъ составилась легенда, будто земля его не принимаетъ и онъ скитается по землѣ до скончанія вѣка!

Съ тѣхъ поръ пало господство козачества на правой сторонѣ Днѣпра. По смерти Хмельницкаго, турецкое правительство назначило гетманомъ съ своей стороны валахскаго господаря, Іоанна Дуку; Дука, пріѣхавши въ свое новое владѣніе, засталъ тамъ совершенную пустыню и началъ призывать поселенцевъ, обѣщая имъ льготы, что нарушало договоръ, заключенный съ Турціею. Дуку поймали поляки и посадили подъ стражу. Въ 1683 году Польша, защищавшая Австрію противъ Турціи, вступила съ послѣднею въ войну. 12 сентября Янъ Собѣскій разбилъ турокъ подъ Вѣною и нанесъ имъ послѣ того еще нѣсколько пораженій. Тогда, въ видахъ войны съ Турціею, Польша намѣревалась-было воскресить козачество и назначала своихъ гетмановъ одного за другимъ. Но въ Украинѣ уже недоставало

[1]) Васильковъ, Триполье, Стайки съ селами, и выше Кіева, Дѣдовщина и Радомысль.

[2]) Малороссійскій лѣтописецъ Величко, писавшій въ началѣ XVIII вѣка, сообщаетъ, вѣроятно, по доходившимъ до него слухамъ, что Юрій Хмельницкій содралъ кожу съ живой жидовки; мужъ ея пожаловался турецкому пашѣ, находившемуся въ Каменецъ-Подольскѣ; послѣдній, снесшись съ Константинополемъ, потребовалъ Юрія къ себѣ на судъ и признавши виновнымъ, приговорилъ къ смерти. Хмельницкаго, по турецкому обычаю, удавили снуркомъ.

для козачества почвы; оно видимо отживало свою исторію. Попытки возстановить его на правой сторонѣ не удались.

Воюя съ турками, поляки сильно добивались втянуть въ эту войну Россію, но Россія долго не поддавалась ихъ совѣтамъ, благодаря настойчивости Самойловича, который неустанно представлялъ, что полякамъ ни въ чемъ нельзя вѣрить, что они— искони вѣроломные враги русскаго народа, что гораздо полезнѣе быть въ дружбѣ съ турками. Несмотря, однако, на всѣ старанія, Самойловичъ, жившій вдалекѣ отъ Москвы, не могъ слѣдить за тамошними дѣлами. Могучій въ то время бояринъ, другъ Софіи, Василій Васильевичъ Голицынъ, поддался убѣжденіямъ польскихъ пословъ, ходатайству папы и Австріи, и 21 апрѣля 1686 года былъ заключенъ въ Москвѣ польскими послами, Гримултовскимъ и княземъ Огинскимъ, вѣчный миръ между Россіею и Польшею. Кіевъ съ Васильковомъ, Трипольемъ и Стайками былъ уступленъ Россіи навѣки, а Россія обязалась заплатить за это 146,000 рублей. Обѣ державы обязались вмѣстѣ воевать противъ турокъ и татаръ. Важнымъ для будущихъ временъ условіемъ этого мира было то, что Польша обязалась предоставить полную свободу совѣсти православнымъ.

Самойловичъ былъ до крайности недоволенъ этимъ миромъ, но еще болѣе раздражился, когда ему приказали готовиться въ походъ противъ татаръ. Онъ продолжалъ посылать въ Москву свои представленія противъ союза съ Польшею и войны съ турками, пока наконецъ получилъ выговоръ за свое „противенство“. Гетмана многіе не любили въ Малороссіи, а онъ, между тѣмъ, своими смѣлыми сужденіями подавалъ поводъ врагамъ къ обвиненію въ недоброжелательствѣ къ Москвѣ: „Купила себѣ Москва лиха за свои гроши, ляхамъ данные. Жалѣли малой дачи татарамъ давать, будутъ большую казну давать, какую похотятъ татары“,—такъ говорилъ онъ въ кругу своихъ приближенныхъ. Ему приходилось выступать въ поле, а онъ называлъ предпринимаемую войну „чертовскою, гнусною“, величалъ Москву глупою: „хочетъ дурна Москва покорить государство крымское, а сама себя оборонить не можетъ“. Враги Самойловича съ жадностью ловили и подмѣчали такія выраженія.

Правительство московское затѣвало большое дѣло. Мысль покорить Крымъ блеснула-было при Грозномъ и окончилась маловажными походами, блеснула при Михаилѣ Ѳедоровичѣ и была оставлена по бѣдности средствъ. Теперь предприняли идти съ большимъ войскомъ великорусскимъ и малорусскимъ черезъ степь и уничтожить Крымское царство.

Осенью 1686 года изданъ былъ къ служилымъ людямъ цар-

скій указъ, призывающій ихъ къ важному начинанію. „Злочестивые, богоненавистные басурманы,—было сказано въ указѣ,—ни изъ какой другой вѣры не брали столько невольниковъ, какъ изъ украинныхъ городовъ нашего царствія и изъ Малороссіи, распродавая ихъ изъ Крыма, словно скотъ, повсюду въ вѣчную басурманскую неволю. Наше государство до-нынѣ терпитъ отъ всѣхъ иныхъ странъ посмѣяніе и укореніе за то, что мы каждый годъ давали басурманамъ казну, чего никакое государство не творитъ, а они, басурманы, надъ нашими посланниками, которые возили имъ деньги, соболей и мягкую рухлядь, творили насиліе; иные наши посланники и гонцы отъ многаго задержанія и мученія въ Крыму и помирали“. Все это была всѣмъ тогда извѣстная правда. Ближайшею причиною разрыва договора, постановленнаго съ Крымомъ при царѣ Ѳедорѣ Алексѣевичѣ, приводили то обстоятельство, что послѣ этого договора, татары дѣлали набѣги на русскія области, а въ Крыму задержали и оскорбляли отправленнаго туда посланника Тараканова.

Весною 1687 года сто тысячъ великорусскаго войска двинулось въ южныя степи; предводительствовалъ имъ князь Василій Васильевичъ Голицынъ, другъ царевны Софьи, носившій чинъ двороваго воеводы большого полка и большія печати и государственныхъ великихъ дѣлъ посольскихъ оберегателя; къ нему присоединился на Самарѣ гетманъ Самойловичъ со всѣми своими полками; козаковъ было до пятидесяти тысячъ. 14 іюня перешло войско черезъ р. Конку, прошло Великій Лугъ [1]) и дошедши до рѣчки Карачакрана, встрѣтилось съ нежданнымъ препятствіемъ. Вся степь была выжжена; травы не было; продовольствія для лошадей не везли съ собою, не было дровъ; русскія лошади стали падать; люди страдали отъ недостатка пищи и безводья: слышно было, что впереди до самаго полуострова все такимъ образомъ выжжено. Идти далѣе оказалось невозможнымъ. Военный совѣтъ предводителей рѣшилъ отправить берегомъ внизъ по Днѣпру отрядъ тысячъ въ двадцать; къ нимъ Самойловичъ присоединилъ три козацкихъ полка подъ начальствомъ своего сына. Этотъ отрядъ долженъ былъ прикрывать отступленіе остальной арміи, а если будетъ можно, то сдѣлать нападеніе на турецкія крѣпости, построенныя на Днѣпрѣ. Затѣмъ—все остальное войско двинулось назадъ.

Тогда сильное подозрѣніе у великороссіянъ пало на гетмана и вообще на козаковъ: не по ихъ-ли предостереженію и наущенію татары сожгли степи, чтобы помѣшать успѣхамъ

[1]) Такъ назывался большой лѣсъ на лѣвой сторонѣ Днѣпра, приближаясь къ Січи.

русскаго войска? Одинъ изъ служившихъ въ московскихъ войскахъ иноземцевъ (Гордонъ) увѣряетъ, что подозрѣніе имѣло на своей сторонѣ вѣроятность. Козаки,—говоритъ онъ,—сами вооруженною рукою освободились отъ польскаго ига и просили у москвитянъ только помощи: они называли себя подданными, а не холопами царскими. Миръ съ поляками, уступившими Москвѣ свои права надъ козаками, страшилъ ихъ; они опасались, чтобы Москва не стала обращаться съ ними, какъ съ природными подданными и не ограничила ихъ привилегій и вольности. Гетманъ и другіе благоразумные люди предвидѣли, что̀ выйдетъ для нихъ изъ того, если Москвѣ удастся покорить Крымъ. Татары считали себя также вольнымъ народомъ; падишахъ имѣлъ надъ ихъ ханомъ слабую власть и относился къ нему болѣе съ просьбою, чѣмъ съ повелѣніями. Естественный инстинктъ сближалъ козаковъ съ татарами и благоразуміе побуждало тѣхъ и другихъ понимать, что порабощеніе одного изъ двухъ народовъ будетъ пагубнымъ для другого.

Какъ бы ни было, только враги Самойловича воспользовались неудачею похода; они поняли, что Голицыну будетъ пріятно свернуть на гетмана стыдъ неудавшагося предпріятія. Возвращаясь назадъ, Самойловичъ, какъ видно, не сдерживалъ своего языка и отпускалъ ѣдкія замѣчанія насчетъ тогдашнихъ дѣлъ. „Не сказывалъ-ли я,—говорилъ онъ,—что Москва ничего Крыму не сдѣлаетъ. Се нынѣ такъ и есть; и надобно будетъ впередъ гораздо имъ отъ крымцевъ отдыматись“.

Войско, возвратившись изъ похода, стало станомъ надъ рѣкою Коломакомъ. Здѣсь старшина, составивши заговоръ, написала доносъ на своего гетмана [1]).

Въ этомъ доносѣ передавались разныя выраженія недовольства, произнесенныя гетманомъ противъ московскаго правительства по поводу примиренія съ Польшею; указывалось на поступки, вредные для успѣховъ въ войнѣ съ татарами. Онъ дозволялъ возить въ Крымъ всякіе запасы и гонять скотъ на продажу. Здѣсь, между прочимъ, замѣчалось, что онъ не посылалъ впередъ языковъ и карауловъ для свѣдѣнія о состояніи поля, видя около таборовъ пылающія поля, не посылалъ гасить ихъ. Дошедши до Конки—не провѣдалъ, какъ далеко выгорѣла степь и двинулся впередъ на сожженное поле; его нежеланіе къ веденію этой войны и нерадѣніе давали поводъ заключить, что гетманъ былъ причиною и повелителемъ въ дѣлѣ сожженія

[1]) То были: обозный Василій Борковскій, судья Воеховичъ, писари Прокоповичъ и Василій Кочубей, и полковники: Константинъ Солонина, Яковъ Лизогубъ, Григорій Гамалія, Дмитрашка Райча и Степанъ Забѣла.

полей. Сверхъ того, въ доносѣ излагались жалобы на дурное управленіе гетмана: онъ все одинъ дѣлалъ, никого не призывая въ совѣтъ: безъ суда и слѣдствія отнималъ должности, унижалъ старинныхъ козаковъ и возвышалъ мелкихъ людей, грубо обращался со старшиною, а больше всего былъ невыносимъ своимъ корыстолюбіемъ: за полковничьи должности бралъ взятки и допускалъ дѣлать людямъ всякое утѣсненіе: чтó у кого полюбится, то у того и беретъ, а чего онъ самъ не возьметъ, то дѣти его возьмутъ. Наконецъ просили, отъ имени всего войска запорожскаго, смѣнить его съ гетманства.

Этотъ доносъ былъ поданъ Голицыну 7 іюля. Могучій бояринъ не любилъ уже прежде Самойловича: Голицынъ былъ въ ссорѣ съ Ромодановскимъ, а Самойловичъ находился въ дружелюбныхъ отношеніяхъ съ послѣднимъ. Доносъ былъ отправленъ въ Москву и въ Москвѣ поступили по немъ такъ, какъ хотѣлъ Голицынъ.

22 іюля гонецъ изъ Москвы привезъ царскую грамоту. Голицыну поручалось объявить старшинѣ, что если Самойловичъ не угоденъ козакамъ, то они могутъ избрать себѣ другого, а отъ Самойловича велѣно отобрать знаки гетманскаго достоинства и самого препроводить въ Великороссію, поступая такъ, какъ Господь Богъ вразумитъ и наставитъ боярина.

Голицынъ зналъ, что козаки не терпѣли Самойловича и боялся, чтобъ они, какъ узнаютъ, что гетманъ смѣняется, не начали своевольствовать и расправляться съ тѣми, которые возбудили противъ себя ихъ злобу. Онъ призвалъ къ себѣ своихъ московскихъ полковниковъ, приказалъ имъ объявить старшинѣ о содержаніи царскаго указа и самимъ распорядиться, чтобы Самойловичъ могъ быть схваченъ безъ всякаго шума; для этого приказано было вечеромъ запереть обозъ; шатеръ гетмана и его пожитки находились внутри обоза: велѣно было незамѣтно для гетмана окружить его со всѣхъ сторонъ возами. Какъ ни тихо все это дѣлалось, но нѣкоторые благопріятели гетмана смекнули, что затѣвается недоброе и извѣстили Самойловича. Самойловичъ былъ увѣренъ, что обвинить его въ измѣнѣ нельзя и не надѣялся, чтобы кто-нибудь рѣшился на это; онъ подозрѣвалъ, что если послѣдовала на него жалоба, то за его управленіе, которое, какъ онъ хорошо сознавалъ, было для многихъ несносно, но въ этомъ онъ надѣялся отговориться и оправдаться, тѣмъ болѣе, что никакъ не могъ допустить, чтобы московское правительство, зная его вѣрную многолѣтнюю службу, лишило его гетманства. Запершись въ своемъ шатрѣ, ночью гетманъ писалъ оправданіе своихъ поступковъ и отправилъ написанное

къ полковникамъ. Ему не отвѣчали. Кругомъ его ставки на нѣкоторомъ разстояніи былъ поставленъ караулъ. Въ полночь, генеральный писарь Василій Кочубей явился къ Голицыну, известилъ, что все готово, все сдѣлано тихо, гетманъ подъ карауломъ, и просилъ приказанія, что́ дѣлать далѣе. Голицынъ приказалъ на разсвѣтѣ привести къ нему гетмана вмѣстѣ съ его сыномъ, а между тѣмъ, держать подъ карауломъ расположенныхъ къ гетману лицъ, чтобы не дали въ-пору знать другому его сыну, котораго ждали изъ похода къ днѣпровскимъ низовьямъ.

Но на разсвѣтѣ Самойловичъ отправился въ церковь къ заутренѣ; старшины не рѣшались входить въ церковь и нарушить богослуженія; они дожидались его у входа въ церковь. Какъ только, отслушавши заутреню, гетманъ вышелъ изъ церкви, бывшій полковникъ переяславскій, Дмитрашка Райча, схватилъ его за руку, и сказалъ: „иди другой дорогою!“ Гетманъ не показалъ ни малѣйшаго удивленія и сказалъ: „я хочу говорить съ московскими полковниками“. Тутъ подошли полковники и вели арестованнаго гетманскаго сына Якова, который на разсвѣтѣ хотѣлъ прорваться сквозь обозъ и былъ схваченъ. Съ гетманомъ не стали говорить, посадили его на дрянной возъ, а сына его на клячу безъ сѣдла и повезли обоихъ въ ставку Голицына.

Голицынъ и съ нимъ военачальникъ и полковники московскаго войска сидѣли на стульяхъ, на открытомъ мѣстѣ. Гетмана съ сыномъ поставили подлѣ приказнаго шатра; старшина, обвинители, по требованію Голицына, явились передъ совѣтъ военачальниковъ, и въ короткой рѣчи повторили сущность тѣхъ обвиненій, которыя изложили въ своей челобитной, а въ заключеніе, просили оказать правосудіе надъ гетманомъ. Всѣ сидѣвшіе встали. Голицынъ сказалъ: „не подали-ли вы на гетмана жалобу по недружбѣ, по злобѣ или по какому-нибудь оскорбленію, которое можно удовлетворить инымъ образомъ?“

Козаки отвѣчали: „велики были оскорбленія, нанесенныя гетманомъ всему народу, а многимъ изъ насъ наипаче; но мы бы не наложили рукъ на его особу, еслибъ не его измѣна: объ этомъ нельзя было намъ молчать; гетманъ всѣми ненавидимъ; и такъ много труда стоило удерживать народъ: онъ бы разорвалъ его на клочки“.

Голицынъ велѣлъ позвать гетмана.

Самойловичъ пришелъ, опираясь на палку съ серебрянымъ набалдашникомъ; его голова была обвязана мокрымъ платкомъ, онъ страдалъ головными и глазными болями.

Бояринъ изложилъ ему коротко, въ чемъ его обвиняли.

Самойловичъ отвергалъ все взводимое на него и сталъ оправдываться. Но тутъ на него накинулись полковники: Солонина, Дмитрашка Райча, Гамалія. Завязался горячій споръ, полковники разсвирѣпѣли до того, что готовы были поколотить гетмана, но Голицынъ не допустилъ ихъ до этого и велѣлъ увести обвиненнаго.

Голицынъ объявилъ, что теперь они могутъ выбирать новаго гетмана, а для этого нужно созвать духовенство и знатнѣйшихъ козаковъ со всѣхъ полковъ. Немедленно былъ отправленъ гонецъ къ окольничему Неплюеву, начальствовавшему надъ отрядомъ, посланнымъ въ днѣпровскія низовья. Неплюеву приказывали арестовать сына гетманова Григорія, его друга переяславскаго полковника Леонтія Полуботка и другихъ, и препроводить ихъ къ Голицыну.

Однако, чего боялись, того не избѣжали. Козаки, услышавши о томъ, что́ случилось съ гетманомъ, начали своевольничать. Въ гадяцкомъ полку убили полковника Кіашку, и съ нимъ нѣсколько начальныхъ лицъ; въ прилуцкомъ, стоявшемъ тогда на Низу въ Кодакѣ, взволновавшіеся козаки сожгли въ горящей печи своего полковника Лазаря Горленка и нѣсколькихъ человѣкъ побили; козаки собирались шайками, уходили и распространяли мятежъ по странѣ. Гетманъ до крайности былъ всѣмъ ненавистенъ; вмѣстѣ съ нимъ ненавидѣли его сыновей и благопріятелей. Самойловичъ завелъ отяготительныя монополіи на вино, медъ, деготь и другіе предметы, выдумывалъ разныя нововведенія для своего обогащенія. Пріобрѣтеніе богатства для себя и для своей родни было у него цѣлью жизни. Онъ окружалъ себя компанейцами и сердюками (пѣхотное войско), устроенными для приведенія къ послушанію народъ, все еще не потерявшій своего завѣтнаго стремленія окозачиться; гетманъ опирался, сверхъ того, на московскія силы и велъ себя какъ деспотъ. Съ самыми старшинами онъ обращался надменно; никто не смѣлъ сѣсть въ его присутствіи или накрыть голову; самъ происходя изъ духовнаго званія, онъ презрительно обходился съ священниками. Понятно, что его паденіе возбудило не жалость къ нему, а ожесточеніе ко всѣмъ тѣмъ, кто вѣрно служилъ ему, кто потакалъ его алчности и чванству, кто самъ, подъ его покровительствомъ, дозволялъ себѣ самоуправство и насилія. Московское войско принуждено было укрощать вспыхнувшій бунтъ. Это побудило Голицына немедленно приступить къ избранію новаго гетмана.

На другой же день послѣ низложенія Самойловича, Голицыну подали статьи, по которымъ долженъ быть избранъ но-

вый гетманъ. Онѣ были въ смыслѣ прежнихъ статей. Козаки на этотъ разъ пытались расширить права отдѣльнаго самоуправленія Малороссіи и просили, чтобы гетману дозволено было сноситься съ иноземными державами; это не было принято. Владѣльцы маетностей выговорили себѣ право судить подданныхъ и заставлять ихъ давать себѣ положенные приносы, возить сѣно и дрова. Маетности генеральной старшины, заслуженныхъ знатныхъ особъ, а также имѣнія архіепископскія, митрополичьи и монастырскія освобождались отъ всякихъ войсковыхъ поборовъ. Такимъ образомъ, утверждалось господство новаго панства, грозившее устроить порабощеніе народа. Съ московской стороны включена статья, показывающая стремленіе къ сближенію двухъ народовъ: гетману и старшинѣ вмѣнялось въ обязанность соединять малороссійскій народъ съ великороссійскимъ, какъ посредствомъ супружествъ, такъ и другими путями, чтобы никто не говорилъ, что малороссійскій народъ гетманскаго регименту (правленія), и чтобы единогласно всѣ считали малороссіянъ съ великороссіянами за единый народъ.

Старшины, постановляя статьи, дали понять Голицыну, что они выберутъ въ гетманы изъ своей среды того, на кого онъ укажетъ. Бояринъ назвалъ Мазепу, который умѣлъ ему понравиться.

На другой день, 25 іюля, открылась рада. Совершено было молебствіе въ походной церкви, находившейся въ шатрѣ. Вынесли знаки гетманскаго достоинства и положили на столъ, покрытый ковромъ. Бояринъ спросилъ собравшихся козаковъ: кого желаютъ они выбрать въ гетманы?

Закричали: Мазепу!

Нѣсколько голосовъ, не знавшихъ, что дѣло объ избраніи уже заранѣе рѣшено сильнѣйшими людьми, произнесли было имя обознаго Борковскаго, но сторонники Мазепы тотчасъ заглушили ихъ.

Мазепа былъ избранъ и утвержденъ, а Голицынъ получилъ отъ него десять тысячъ рублей въ поминокъ. Бывшій гетманъ съ сыномъ Яковомъ отправленъ въ Сибирь. Другой сынъ Григорій казненъ въ Сѣвскѣ. Жены Самойловичей оставлены были въ Малороссіи на скудномъ содержаніи, удѣленномъ имъ по царской милости изъ богатства ихъ мужей.

Имущество Самойловича было описано: половина взята на государя, половина отдана на войсковую казну.

ній стрѣлъ. [illegible] Вообще [illegible] Такимъ образомъ, [illegible]

[illegible]

На другой день, 26 [illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

VII.

СТЕНЬКА РАЗИНЪ.

Въ жизнеописаніи царя Алексѣя Михайловича мы уже показали, что его царствованіе, особенно въ шестидесятыхъ годахъ XVII вѣка, было чрезвычайно тяжелымъ временемъ для Россіи. Кромѣ тягостей, налагаемыхъ правительствомъ, кромѣ произвола всякаго рода начальствующихъ и обирающихъ народъ лицъ, русскіе несли на себѣ слѣдствія обременительной и дурно веденной войны съ Польшею. Побѣги—давнее, обычное средство русскихъ избавляться отъ общественной тяготы—увеличивались, несмотря на строгія распоряженія къ удержанію людей на прежнихъ мѣстахъ; умножались разбои, несмотря на то, что ловля разбойниковъ стала одной изъ главнѣйшихъ заботъ правительства. Ненависть къ боярамъ, воеводамъ, приказнымъ людямъ и богачамъ, доставлявшимъ выгоды казнѣ и самимъ себѣ,—приводила къ тому, что жители перестали смотрѣть на разбойниковъ, какъ на враговъ своей страны, лишь бы только разбойники грабили знатныхъ и богатыхъ, но не трогали бѣдняковъ и простыхъ людей; разбойникъ сталъ представляться образцомъ удали, молодечества, даже покровителемъ и мстителемъ страждущихъ и угнетенныхъ. При такомъ взглядѣ, оставался уже только одинъ шагъ, чтобы разбойникъ слѣлался главою народнаго возстанія. Толпы бѣглецовъ укрывались на Дону и тамъ усвоивали себѣ понятія о козацкомъ устройствѣ, при которомъ не было ни тягла, ни обременительныхъ поборовъ, ни ненавистныхъ воеводъ и дьяковъ, гдѣ всѣ считались равными, гдѣ власти были выборныя; козацкая вольность представлялась имъ самымъ желаннымъ образцомъ

общественнаго строя. По давнему козацкому обычаю всѣмъ давался прiютъ на тихомъ, вольномъ Дону. Бѣглецы стали тамъ называть себя казаками. Природные казаки не мѣшали имъ въ этомъ, хотя гордились передъ ними и считали себя выше ихъ; „старыхъ“ природныхъ казаковъ признавало въ этомъ званiи и правительство, бѣглецовъ же именовало не иначе какъ „воровскими казаками“. Сами природные казаки, по отношенiю къ своему состоянiю, различались на людей домовитыхъ или богатыхъ, и на болѣе бѣдныхъ или простыхъ. Домовитые расположены были держаться исключительно своего стараго казацкаго братства, по возможности, ладить съ московскимъ правительствомъ, чтобы при его покровительствѣ, сохранять свои вольности и чуждались бездомныхъ бѣглецовъ, которыхъ презрительно называли „голытьбою“; тѣ же, которые были побѣднѣе, готовы были, ради поживы, брататься съ этою „голытьбою“ или „воровскими казаками“. Но для голытьбы было мало средствъ къ жизни на Дону; естественно должно было явиться у ней желанiе вырваться куда-нибудь для поживы; государство русское было для нея враждебно: тамъ были ея заклятые лиходѣи—служилые, приказные и богатые люди; туда рвались воровскiе казаки не только для грабежа, но и для мщенiя; простой же русскiй народъ былъ все-таки для нихъ роднымъ; и вотъ естественно возникла мысль: какъ было бы хорошо, еслибы на Руси истребить все, что давило простой народъ и устроить казацкую вольницу. Нужно было только человѣка, который бы соединилъ около себя всю донскую голытьбу и поднялъ ее на исполненiе завѣтной думы, засѣвшей во многихъ головахъ.

Такой человѣкъ явился.

Въ 1665 году часть донскихъ казаковъ съ атаманомъ Разинымъ участвовала въ походѣ князя Юрiя Долгорукаго противъ поляковъ. Атаманъ Разинъ сталъ просить князя отпустить его домой. Князь Долгорукiй отказалъ на-отрѣзъ. Атаманъ, считая, что служитъ бѣлому царю по своему хотѣнiю, а не по долгу, ушелъ самовольно со своею станицею. Его догнали и, по приказанiю князя Долгорукаго, казнили. Было у этого казненнаго атамана два брата: Степанъ или Стенька и Фролка.

Неизвѣстно, ушелъ ли тогда Стенька изъ войска князя Долгорукаго или дождался конца похода, но въ слѣдующемъ затѣмъ году, онъ задумалъ не только отомстить за брата, но и задать страха всѣмъ боярамъ и знатнымъ людямъ Московскаго Государства. Стенька Разинъ былъ человѣкъ крѣпкаго сложенiя, необыкновенно предпрiимчивый и дѣятельный, чело-

вѣкъ непреодолимой воли, которая уже одна могла заставить преклониться передъ нимъ толпу,—своенравный и непостоянный и вмѣстѣ съ тѣмъ неуклонный въ принятомъ намѣреніи, то мрачный и суровый, то разгульный до бѣшенства, то преданный пьянству и кутежу, то способный съ нечеловѣческимъ терпѣніемъ переносить всякія лишенія,—то нѣкогда ходившій на богомолье въ далекій Соловецкій монастырь, то впослѣдствіи пренебрегавшій посты и не хотѣвшій знать ни таинствъ, ни священниковъ. Въ его рѣчахъ было что-то обаятельное. Толпа чуяла въ немъ какую-то небывалую силу, передъ которой нельзя было устоять и называла его колдуномъ. Жестокій и кровожадный, онъ забавлялся какъ чужими, такъ и своими собственными страданіями. Законъ, общество, церковь,—все, что стѣсняетъ личныя побужденія человѣка, стали ему ненавистны. Состраданіе, честь, великодушіе—были ему незнакомы. Это былъ выродокъ неудачнаго склада общества; местью и ненавистью къ этому обществу было проникнуто все его существо.

Этотъ человѣкъ, какъ говоритъ о немъ народная пѣсня, „не хаживалъ въ казацкій кругъ, не думалъ думушки со старыми казаками, а сталъ думать крѣпкую думушку съ голытьбою"... Люди, лишенные крова, зачастую голодные, готовые на всякій бунтъ и разбой, нашли въ немъ своего „батюшку". Стенька, собравши около себя удалую ватагу, въ апрѣлѣ 1667 года, посадилъ ее на четыре струга и поплылъ съ нею вверхъ по Дону, туда, гдѣ Донъ сближается съ Волгою и гдѣ всегда былъ сборный пунктъ воровскихъ казаковъ.

Ватага Стеньки, состоявшая тогда изъ двухъ тысячъ человѣкъ, имѣла казацкое устройство: была раздѣлена на сотни и десятки; надъ сотнею начальствовалъ сотникъ, надъ десяткомъ десятскій. Стенька былъ атаманомъ; асауломъ у него былъ Ивашка Черноярецъ. Они стояли на высокомъ бугрѣ на берегу Волги—гдѣ именно, неизвѣстно. (Выше и ниже Камышина есть нѣсколько мѣстъ, которыя называются буграми Стеньки Разина). Стенька напалъ на весенній караванъ съ хлѣбомъ, идущій въ Москву. Тутъ были казенныя суда, патріаршія и струги частныхъ лицъ. На одномъ изъ нихъ везли ссыльныхъ въ Астрахань. Начальника стрѣлецкаго отряда изрубили; приказчика, отправленнаго при судахъ, повѣсили съ тремя человѣками. Ссыльные были освобождены. Стенька сказалъ простымъ рабочимъ и стрѣльцамъ:

„Вамъ всѣмъ воля; идите себѣ, куда хотите; силою не стану принуждать быть у себя; а кто хочетъ идти со мною,

будетъ вольный казакъ. Я пришелъ бить бояръ да богатыхъ господъ, а съ бѣдными и простыми готовъ, какъ братъ, всѣмъ подѣлиться".

Всѣ рабочіе и простые стрѣльцы пристали къ нему.

Стенька завладѣлъ судами и всѣмъ имуществомъ, какое было на нихъ, и поплылъ внизъ уже на тридцати стругахъ; проплылъ подъ стѣнами Царицына, съ которыхъ стрѣляли по воровскимъ казакамъ, но не сдѣлали имъ никакого вреда: это было приписано вѣдовству Стеньки.

Подъ Чернымъ Яромъ три астраханскихъ струга со стрѣльцами пристали къ ватагѣ Разина. Отсюда Стенька направился къ сѣвернымъ берегамъ Каспійскаго моря, достигъ устья Яика, оставилъ свою ватагу, не доходя Яицкаго городка, а самъ съ тремя товарищами подошелъ къ городу и попросился пустить ихъ „Богу помолиться". Яицкій стрѣлецкій голова пустилъ ихъ, а гости, затѣмъ, пользуясь оплошностью этого головы, отворили ворота всей своей ватагѣ. Стрѣлецкому головѣ, начальнымъ людямъ и многимъ стрѣльцамъ отрубили головы, а остальнымъ стрѣльцамъ и простымъ людямъ сказалъ Стенька:

„Даю всѣмъ волю и васъ не насилую; хотите—за мною йдите въ казаки, не хотите—ступайте себѣ въ Астрахань".

Говорилъ онъ это для того, чтобы расположить къ себѣ чернь, и въ полной увѣренности, что всѣ послѣдуютъ за нимъ; но когда нѣкоторые вздумали воспользоваться позволеніемъ Стеньки и дѣйствительно отправились въ Астрахань, то Стенька послалъ за ними погоню съ приказомъ рубить ихъ и бросать въ воду.

Стенька пробылъ лѣто въ Яикѣ, а въ сентябрѣ отправился къ устью Волги, разгромилъ кочевыхъ татаръ, ограбилъ какое-то турецкое судно и вернулся въ Яикъ на зиму.

Астраханскій воевода, князь Хилковъ, посылалъ въ Яикъ казаковъ и просилъ отпустить астраханскихъ и яицкихъ стрѣльцовъ и улусныхъ людей, взятыхъ въ полонъ. Стенька отъ имени всего своего казачьяго круга отвѣчалъ:

„Когда придетъ великаго государя милостивая грамота ко мнѣ, тогда мы всѣ свою вину принесемъ великому государю и стрѣльцовъ отпустимъ, а теперь не пустимъ никого".

Новый астраханскій воевода, смѣнившій Хилкова, князь Прозоровскій попытался въ свою очередь подѣйствовать на Разина увѣщаніями и послалъ къ нему для этой цѣли двухъ пятидесятниковъ; но одинъ изъ нихъ вернулся въ Астрахань съ извѣстіемъ, что Разинъ убилъ его товарища.

Въ 1668 году Стенька вышелъ въ море и болѣе года не

знали, гдѣ онъ обрѣтается, а между тѣмъ къ нему отправлялись одна за другою разныя ватаги удальцовъ со своими атаманами [1]).

Казаки Стеньки по всему берегу Каспійскаго моря отъ Дербента до Баку сожигали деревни, замучивали жителей, дуванили между собою ихъ имущества. Въ іюлѣ они достигли Гилянскаго залива. Тутъ они узнали, что на нихъ готовится персидская военная сила. Стенька пустился на хитрости, вступилъ въ переговоры съ персіянами и объявилъ, будто бѣжалъ со своими людьми отъ московскаго государя и желаетъ съ казаками поступить въ подданство персидскаго шаха. Хитрость удалась: казакамъ дозволили, взявши отъ персіянъ заложниковъ, послать трехъ своихъ удальцевъ въ Испагань предлагать подданство шаху; но сами казаки вслѣдъ затѣмъ отправились къ Фарабату, взяли этотъ городъ, разграбили, сожгли до основанія, разорили увеселительные шаховы дворцы, выстроенные на берегу моря, перебили много жителей, набрали множество плѣнныхъ. Стенька, на полуостровѣ противъ Фарабата, заложилъ деревянный городокъ, остался зимовать. Онъ объявилъ персіянамъ, чтобы они приводили къ нему христіанскихъ невольниковъ для обмѣна. Отсюда казаки дѣлали по временамъ набѣги на сосѣдніе острова.

Между тѣмъ, посланные Стеньки достигли Испагани и были сначала приняты съ честью: шахъ поручилъ своему первому министру выслушать ихъ. Но мало по малу до персидскаго правительства доходили слухи о казацкихъ разореніяхъ на каспійскомъ побережьи; вдобавокъ, въ Испагань пріѣхалъ московскій посолъ и объяснилъ, что прибывшіе въ Испагань казаки—мятежники и разбойники. Персидское правительство стало снаряжать противъ Стеньки войско, но Стенька, не дожидаясь исхода своей продѣлки, перебрался уже со своими казаками на восточный берегъ Каспійскаго моря. Казаки усѣлись на Свиномъ островѣ и дѣлали оттуда набѣги на берегъ. Въ іюлѣ напало на нихъ войско, высланное шахомъ на семидесяти судахъ. Начальствовалъ астаранскій Менеды-ханъ. Съ нимъ былъ сынъ и красавица дочь. Послѣ кровопролитной битвы казаки одолѣли. Ханъ бѣжалъ съ остатками войска. Сынъ и дочь его достались казакамъ. Стенька взялъ персіянку себѣ въ наложницы.

[1]) Нѣкто Сережка Кривой пробрался на Волгу со своею шайкою, а оттуда въ море и нагналъ Стеньку близъ персидскаго города Раша или Решта. Вслѣдъ затѣмъ составлялись и другія шайки. Терскіе воеводы доносили, что появился какой-то Алешка Протакинъ, съ двумя тысячами конныхъ и запорожецъ Боба, съ четырьмя стами запорожскихъ козаковъ.

Однако, казаки довольно дорого поплатились за эту побѣду. Они потеряли до пятисотъ человѣкъ; кромѣ того, много ихъ погибло отъ болѣзни, потому что часто они принуждены были пить соленую воду и несмотря на награбленныя богатства, нерѣдко оставались безъ хлѣба. Казаки по этой причинѣ поворотили домой и, недалеко отъ устья Волги, ограбили купеческую бусу (судно), которая везла поминки персидскаго шаха русскому царю. Казаки захватили въ полонъ хозяйскаго сына Сехамбета и требовали за него выкупу пять тысячъ рублей. Отецъ его съ этою вѣстью прибѣжалъ въ Астрахань.

Астраханскій воевода Прозоровскій тотчасъ отправилъ противъ казаковъ на стругахъ своего товарища, князя Львова, съ отрядомъ вооруженныхъ стрѣльцовъ. Утомившись погонею за казаками по морю, Львовъ отправилъ къ нимъ посланца сказать, что они могутъ спокойню идти на Донъ, если согласятся возвратить захваченные на Волгѣ пушки и струги, отпустятъ забранныхъ ими служилыхъ людей, а съ ними купеческаго сына Сехамбета и другихъ плѣнниковъ.

Казакамъ было на-руку такое предложеніе. Число ихъ со дня на день уменьшалось отъ болѣзней. Стенька согласился на предложеніе Львова, но купеческаго сына отдавалъ не иначе, какъ за выкупъ въ пять тысячъ рублей. Львовъ привелъ Стеньку къ присягѣ и поплылъ къ Астрахани, а за нимъ плылъ туда и Стенька со своею ватагою.

Стенька отдалъ князю Львову купеческаго сына за выкупъ, который князь долженъ былъ выдать ему изъ приказной палаты. Самъ онъ, прибывши въ городъ съ главными казаками, положилъ въ приказной палатѣ свой бунчукъ въ знакъ покорности. Казаки отдали пять мѣдныхъ и шестнадцать желѣзныхъ пушекъ и нѣсколько человѣкъ плѣнныхъ персіянъ, а суда свои обѣщались отдать по окончаніи плаванія по Волгѣ.

Воеводы поспорили съ Стенькой, домогались отдачи всѣхъ пушекъ и плѣнныхъ, удержанныхъ казаками, но Стенька поднесъ воеводамъ поминки изъ дорогихъ персидскихъ тканей и они не перечили ему больше.

Напрасно родственники и знакомые плѣнныхъ персіянъ обратились къ астраханскимъ властямъ съ просьбою о возвращеніи своихъ земляковъ, родныхъ и имуществъ. Воеводы отказали персіянамъ подъ разными благовидными предлогами: сами они подружились съ Стенькой, ѣли, пили, прохлаждались съ нимъ; то они приходили къ нему, то онъ къ нимъ.

Казаки провели подъ Астраханью десять дней и каждый день ходили по городу, щеголяя передъ пестрымъ астраханскимъ

населеніемъ шелковыми и бархатными одеждами, жемчугомъ и драгоцѣнными камнями. Они величали своего атамана „батюшкой“ и не только снимали передъ нимъ шапки, но кланялись ему въ землю. Расхаживая между народомъ, Стенька со всѣми говорилъ ласково и привѣтливо, щедро сыпалъ золото и серебро, помогалъ нуждающимся и тѣмъ заранѣе пріобрѣлъ себѣ расположеніе астраханской черни. На берегу Волги между казаками и астраханцами завязалась торговля, очень выгодная для астраханцевъ.

Однажды атаманъ кутилъ со своими товарищами на своемъ богато украшенномъ стругѣ.

Возлѣ Стеньки сидѣла его наложница, плѣнная персидская княжна. Великолѣпное платье, вышитое золотомъ и серебромъ, жемчугъ и драгоцѣнные камни болѣе придавали блеску ея ослѣпительной красотѣ. Поговаривали, что она уже начинала пріобрѣтать силу надъ суровымъ сердцемъ атамана.

Стенька тогда сильно выпилъ и пришелъ въ ярость, какъ это съ нимъ часто бывало. Вдругъ онъ вскакиваетъ со своего мѣста, быстро подходитъ къ краю струга и говоритъ:

„Ахъ, ты, Волга-матушка, рѣка великая! Много ты дала мнѣ злата и серебра и всего добраго; какъ отецъ и мать славою и честью меня надѣлила, а я тебя еще ничѣмъ не поблагодарилъ; на-жъ тебѣ, возьми!“

Онъ схватилъ княжну одной рукой за горло, другою за ноги и бросилъ въ волны.

Этотъ варварскій поступокъ не былъ только пьянымъ порывомъ буйной головы. Стенька, какъ видно, завелъ у себя запорожскій обычай—считать сношенія казака съ женщиною поступкомъ, достойнымъ смерти. Его увлеченіе красивою персіянкою естественно должно было возбудить негодованіе и ропотъ тѣхъ, которымъ Стенька не дозволялъ того, что дозволялъ себѣ и быть можетъ, желая показать, что не въ состояніи привязаться къ женщинѣ, онъ пожертвовалъ красивой персіянкою своему вліянію на товарищей [1]).

Изъ Астрахани Стенька съ товарищами отправился на Донъ, 4 сентября, на рѣчныхъ стругахъ, данныхъ воеводами вмѣсто морскихъ и на десяти морскихъ, которые Стенька удержалъ за собою, вопреки обѣщанію отдать ихъ.

По дорогѣ къ Царицыну, къ Стенькѣ опять пристало нѣсколько служилыхъ бѣглыхъ людей. Жилецъ Плохово, со-

[1]) Что касается обращенія Стеньки къ Волгѣ, то здѣсь, повидимому, онъ слѣдовалъ народному повѣрью—бросить что-нибудь въ рѣку изъ благодарности, послѣ воднаго пути,—повѣрье языческихъ временъ, когда рѣки считались одушевленными существами.

провождавшій казаковъ изъ Астрахани, совѣтовалъ Стенькѣ не принимать ихъ; но Стенька отдѣлался своей обычной фразой, что „никого не насилуетъ“, и добавилъ, что у нихъ, казаковъ, никогда не водилось, чтобы бѣглыхъ выдавать.

Подъ Царицынымъ къ Стенькѣ пришла толпа донскихъ казаковъ съ разными жалобами на притѣсненія воеводы Унковскаго.

Взбѣшенный Стенька побѣжалъ въ городъ къ воеводѣ, въ приказную избу, съ угрозами и требовалъ, чтобы воевода вознаградилъ обиженныхъ казаковъ. Унковскій заплатилъ все, чего требовалъ Стенька.

„Смотри-жъ ты, воевода, — сказалъ тогда Стенька,—если услышу я, что ты будешь обирать и притѣснять казаковъ, когда они пріѣдутъ сюда за солью, начнешь отнимать у нихъ лошадей и ружья, да съ подводъ деньги брать,—я тебя живого не оставлю!“

Воевода выслушалъ это нравоученіе молча.

Затѣмъ Стенькѣ донесли, что Унковскій, ожидая его прибытія, приказалъ на кружечномъ дворѣ продавать вино вдвое дороже, изъ боязни, чтобъ казаки не перепились и не стали буйствовать. Стенька съ казаками опять прибѣжалъ на воеводскій дворъ. Воевода, чуя бѣду, заперся въ приказной избѣ. „Выбивайте бревномъ дверь!“ кричалъ Стенька. Унковскій скрылся-было въ задней избѣ, но когда начали и туда ломиться казаки, онъ выскочилъ въ окно. Стенька всюду искалъ его, бѣгалъ даже въ церковь, кричалъ: „зарѣжу!“ но не могъ отыскать Унковскаго. Тогда Стенька съ досады велѣлъ выпустить изъ тюрьмы колодниковъ, а казаки хвалились, что пустятъ „краснаго пѣтуха“ и перебьютъ всѣхъ приказныхъ и начальныхъ людей. Однако, на этотъ разъ они только попугали.

Изъ Царицына Стенька пробрался на Донъ, основался на островѣ, устроилъ городокъ Кагальникъ и обнесъ землянымъ валомъ. Сюда стала стекаться къ нему голытьба съ Хопра, Волги и Украины; вскорѣ число его людей дошло до 2,700 человѣкъ. Стенька щедро надѣлялъ всѣхъ имуществомъ, а самъ жилъ, какъ и всѣ, въ земляной избѣ, показывая этимъ, что не на однихъ словахъ проповѣдуетъ равенство. Жена Стеньки и братъ его Фролка, находившіеся въ Черкасскѣ, тайно бѣжали оттуда въ Кагальникъ.

Московское правительство было недовольно Прозоровскимъ за то, что онъ выпустилъ изъ рукъ Стеньку Разина; хотя ему прежде и послана была милостивая грамота о казакахъ, но это дѣлалось для вида: Прозоровскій долженъ былъ самъ до-

гадаться и принять болѣе крѣпкія мѣры къ предупрежденію дальнѣйшаго „воровства“. Изъ Москвы посланъ былъ жилецъ Евдокимовъ съ царскою грамотою къ донскимъ казакамъ, а на самомъ дѣлѣ, чтобы узнать, чтó затѣвается у казаковъ Разина. Донской атаманъ Корнило Яковлевъ собралъ кругъ и прочелъ милостивую царскую грамоту. Казаки поблагодарили и рѣшили послать съ отвѣтомъ къ великому государю свою станицу. Но на другой же день въ Черкасскъ явился Стенька со своею ватагою и началъ кричать, что московскіе бояре подстрекаютъ царя нарушать казацкія вольности, собралъ свой особый кругъ изъ преданныхъ себѣ казаковъ и велѣлъ привести къ себѣ Евдокимова.

„Зачѣмъ ты пріѣхалъ сюда?“ спросилъ Стенька.

Евдокимовъ отвѣчалъ: „Пріѣхалъ съ царскою милостивою грамотою!“

Не съ грамотою ты пріѣхалъ, а лазутчикомъ за мною подсматривать и про насъ узнавать“, закричалъ Стенька и ударилъ Евдокимова, а за нимъ казаки принялись отмѣривать ему удары.

„Въ воду, въ воду его! посадить въ воду!“ кричалъ Стенька.

Избитаго Евдокимова бросили въ воду, а товарищей его посадили подъ стражу. Послѣдніе были потомъ тайно освобождены Яковлевымъ.

Послѣ этого смѣлаго поступка Стеньки, донскіе казаки толпами стали переходить къ нему. Онъ громко объявлялъ, что пора идти на бояръ и созывалъ молодцевъ на Волгу.

Зная его щедрость, нѣкоторые обратились къ нему съ просьбою возстановить храмы, незадолго передъ тѣмъ сгорѣвшіе въ Черкасскѣ. „На что церкви? Къ чему попы?—сказалъ имъ на это Стенька:—вѣнчать что-ли? Да не все ли равно: станьте въ парѣ подъ деревомъ, да пропляшите вокругъ, вотъ и повѣнчались“. (Вѣроятно, Стенька взялъ это изъ древней народной пѣсни, гдѣ говорится о подобномъ вѣнчаніи вокругъ ракитова куста).

Въ маѣ Стенька собрался въ походъ и направился прямо къ Царицыну. По дорогѣ къ нему присталъ извѣстный воръ Васька Усъ. Четыре года передъ тѣмъ прославился онъ тѣмъ, что съ шайкою бѣглыхъ крестьянъ разорялъ помѣщиковъ и вотчинниковъ по воронежскимъ и тульскимъ украиннымъ мѣстамъ. Стенька сдѣлалъ его своимъ асауломъ.

Въ Царицынѣ уже все было готово къ приходу Стеньки. Онъ заранѣе расположилъ къ себѣ жителей, распустивъ черезъ своихъ посланцевъ слухъ, будто къ нимъ идетъ царское

войско съ тѣмъ, чтобы погубить ихъ, а онъ, Стенька, станетъ оборонять ихъ. Часть войска Стеньки подъѣхала на судахъ; другая половина подошла сухимъ путемъ и окружила городъ конницею и пѣхотою. Смѣнившій Унковскаго царицынскій воевода Тургеневъ заперъ городскія ворота и приготовился къ защитѣ. Но царицынцы впустили казаковъ въ городъ. Тургеневъ заперся въ башнѣ съ племянникомъ, боярскими людьми, десятью стрѣльцами и тремя царицынцами. Стенька былъ принятъ съ почетомъ нѣкоторыми духовными: царицынцы устроили ему попойку. Покутивши съ ними, Стенька принялся добывать башню, гдѣ засѣлъ воевода. Бывшіе съ Тургеневымъ люди погибли въ свалкѣ, а самъ Тургеневъ былъ взятъ живьемъ. Его повели на веревкѣ къ Волгѣ, кололи, ругались надъ нимъ, а потомъ бросили въ воду.

Тутъ донесли Стенькѣ, что сверху плывутъ московскіе стрѣльцы, посланные на защиту низовыхъ городовъ.

Стенька вышелъ изъ города со своими казаками и застигъ московскій отрядъ въ семи верстахъ отъ Царицына. Московскіе стрѣльцы, не зная, что́ дѣлается въ Царицынѣ, спѣшили къ городу на судахъ; но ихъ приняли въ два огня: съ города били изъ пушекъ, а съ берега палили на нихъ казаки. До пяти сотъ человѣкъ погибло, триста сдались Стенькѣ. Начальниковъ утопили, а простыхъ стрѣльцовъ Стенька обласкалъ и посадилъ на свои суда гребцами.

Стенька провелъ въ Царицынѣ около мѣсяца и ввелъ тамъ казацкое устройство: онъ раздѣлилъ жителей на десятки и сотни и вмѣсто воеводы, назначилъ городоваго атамана. Отсюда разсылалъ онъ во всѣ стороны своихъ людей съ возмутительными письмами къ простому народу, а казаки его пограбили нѣсколько судовъ на Волгѣ и взяли Камышинъ.

Вѣсть о неожиданномъ взятіи Царицына произвела въ Астрахани сильный переполохъ. Воеводы на-скоро снарядили до сорока судовъ, снабдили пушками, посадили на нихъ около трехъ тысячъ человѣкъ и отправили противъ Стеньки подъ начальствомъ князя Семена Ивановича Львова.

Стенька тотчасъ же узналъ, что изъ Астрахани послана на него военная сила. Онъ собралъ кругъ и, по приговору круга, оставилъ въ Царицынѣ по человѣку съ десятка для охраны города, а самъ, съ остальною силою, состоявшею изъ восьми или десяти тысячъ человѣкъ, двинулся къ Астрахани. Часть казаковъ съ самимъ Стенькою плыла по Волгѣ на встрѣчу Львову; отрядъ конницы, подъ начальствомъ Васьки Уса и Еремѣева шелъ по берегу. Подъ Чернымъ Яромъ увидали они

суда Львова. Въ войскѣ послѣдняго находилось нѣсколько посланцевъ Стеньки. Они нашептывали стрѣльцамъ, что Стенька идетъ за народъ и что если они передадутся ему, то учинятъ добро и себѣ и всему народу, и такъ успѣли настроить простыхъ служилыхъ, что какъ только подошелъ Стенька, такъ они привѣтствовали его въ одинъ голосъ.

„Здравствуй, нашъ батюшка, смиритель всѣхъ нашихъ лиходѣевъ!“

Начальниковъ связали и выдали казакамъ.

„Теперь,—сказалъ Стенька служилымъ,—мстите вашимъ мучителямъ, что хуже татаръ и турокъ держали васъ въ неволѣ: я пришелъ даровать вамъ льготы и свободу! Вы мнѣ братья и дѣти, и будете вы также богаты, какъ я, если останетесь мнѣ вѣрны и храбры!“

Стрѣлецкихъ головъ, сотниковъ и дворянъ, по обычаю, перебили. Львовъ оставленъ въ живыхъ.

Стенька сталъ наводить справки: какъ примутъ его въ Астрахани. Ему отвѣчали, что тамъ все свои люди и сдадутъ городъ, какъ только онъ придетъ туда.

Въ Астрахани уже ждали прихода Разина. Воевода Прозоровскій и митрополитъ Іосифъ сознавали опасность своего положенія. Въ Астрахани не было недостатка въ оружіи и запасахъ, но нельзя было разсчитывать на вѣрность стрѣльцовъ и жителей. Еще могла бы спасти ихъ помощь изъ Москвы, но послать туда гонца съ вѣстью не предвидѣлось никакой возможности: по Волгѣ шли струги Стеньки; въ степи рѣзались между собою калмыки...

Разныя предзнаменованія еще болѣе усиливали тревогу: тряслась земля; шли проливные дожди съ градомъ; на небѣ радужными цвѣтами играли три столпа...

18 іюня услыхали въ Астрахани, что Стенька уже недалеко. Митрополитъ съ духовенствомъ устроилъ вокругъ города крестный ходъ. Впереди несли икону Божьей Матери; у каждыхъ воротъ совершалось молебствіе. Воевода съ городовымъ приказчикомъ обошелъ всѣ городскія стѣны, осмотрѣлъ орудія, разставилъ стрѣльцовъ, пушкарей, затинщиковъ и воротниковъ. Чтобы прекратить всякое сообщеніе, всѣ ворота завалили кирпичемъ. Приготовлены были кучи камней и кипятокъ.

21 іюня подъ вечеръ вдругъ зазвонили колокола на астраханскихъ башняхъ. Тревога была не напрасная. Стенька и его казаки съ лѣстницами шли на приступъ Астрахани.

Воевода выѣхалъ со двора съ братомъ своимъ. Затрубили въ трубы на сигналъ къ сраженію. Воевода со стрѣлецкими

головами, дворянами, дѣтьми боярскими и подъячими направился къ Вознесенскимъ воротамъ, такъ какъ казаки показывали видъ, что хотятъ оттуда сдѣлать приступъ; но на самомъ дѣлѣ Стенька, пользуясь наступавшею темнотою, велѣлъ подставлять лѣстницы въ другомъ мѣстѣ, гдѣ осажденные сами подавали казакамъ руки и пересаживали черезъ стѣны. Воевода тогда замѣтилъ свою оплошность, какъ услышалъ пять выстрѣловъ: то былъ роковой сигналъ на сдачу города.

Чернь и бѣдняки бросились на дѣтей боярскихъ, дворянъ и людей боярскихъ. Кто-то ударилъ воеводу копьемъ въ животъ. Онъ упалъ съ лошади; одинъ старый холопъ снесъ его въ соборную церковь и положилъ на коверъ. Братъ воеводы былъ убитъ на-поваль. Стрѣльцы измѣнили вмѣстѣ съ астраханскими посадскими. Фролъ Дура, пятидесятникъ конныхъ стрѣльцовъ, послѣдовалъ за раненымъ Прозоровскимъ въ церковь и сталъ въ дверяхъ съ обнаженнымъ ножемъ, рѣшившись не иначе пустить казаковъ въ храмъ, какъ черезъ свое мертвое тѣло.

Начали сбѣгаться въ церковь всѣ, кому грозила бѣда отъ рабовъ, подначальныхъ и бѣдняковъ. Спѣшили туда женщины съ дѣтьми. Прибѣжалъ и митрополитъ. Онъ былъ въ большой дружбѣ съ воеводою. Съ плачемъ припадалъ старикъ къ груди раненаго, утѣшалъ, исповѣдовалъ и причастилъ. Двери храма были заперты желѣзною рѣшеткою. Занималась заря. Казаки съ двухъ сторонъ входили въ городъ. Толпа ихъ бросилась на соборную паперть. Фролъ Дура былъ изрубленъ въ куски; казаки изломали рѣшетку и ворвались въ церковь. Прозоровскаго вынесли и положили подъ „раскатомъ“; затѣмъ стали хватать всѣхъ бывшихъ въ церкви, вязали назадъ руки и сажали рядомъ подъ стѣнами колокольни въ ожиданіи суда Стеньки.

Въ восемъ часовъ явился Стенька на судъ. Онъ началъ съ Прозоровскаго, приподнялъ его за руку и вывелъ на раскатъ. Всѣ видѣли, какъ Стенька сказалъ что-то воеводѣ на ухо, а тотъ отрицательно покачалъ головою; вслѣдъ затѣмъ Стенька столкнулъ воеводу съ раската головой внизъ. Дошла очередь и до связанныхъ, которыхъ было около четыреста пятидесяти человѣкъ. Всѣхъ приказалъ перебить Стенька. Чернь исполнила приговоръ атамана; по его приказанію, тѣла были свезены въ Троицкій монастырь и погребены въ одной общей могилѣ. Тутъ было и тѣло Прозоровскаго.

Вслѣдъ за этой расправой, Стенька, не терпѣвшій ничего писаннаго, приказалъ вытащить изъ приказной палаты всѣ бумаги и сжечь на площади. „Вотъ,—говорилъ онъ,—я сожгу такъ всѣ дѣла на верху у государя!“

Имущество убитыхъ было подуванено между казаками и приставшими къ нимъ стрѣльцами и астраханскими жителями. Ограблены были церкви и торговые дворы: товаръ также дѣлили.

Астрахань была обращена въ казачество. Стенька пробылъ въ этомъ городѣ три недѣли и почти каждый день бывалъ пьянъ. Онъ обрекалъ на мученія и смерть всякаго, кто имѣлъ несчастіе не угодить народу. Тѣхъ рѣзали, тѣхъ топили, инымъ рубили руки и ноги, пускали ползать и истекать кровью. Жены казачьи и посадскія неистовствовали надъ вдовами [1]) дворянъ, дѣтей боярскихъ и приказныхъ. Тѣхъ, кто выказывалъ состраданіе къ жертвамъ, заколачивали до смерти. Астраханцы, въ подражаніе Стенькѣ, стали въ постные дни ѣсть мясо и молоко; кто не хотѣлъ, того принуждали силою.

Передъ уходомъ изъ Астрахани, Стенька потребовалъ къ себѣ двухъ сыновей князя Прозоровскаго, которые скрывались съ матерью въ палатахъ митрополита, и приказалъ повѣсить за ноги. Потомъ, снявши старшаго, Стенька велѣлъ его сбросить со стѣны, а младшаго, восьми-лѣтняго, чуть живого, высѣчь розгами и возвратить матери.

Оставивши въ Астрахани атаманомъ Ваську Уса, Стенька выступилъ изъ Астрахани, съ войскомъ въ десять тысячъ человѣкъ, и поплылъ вверхъ по Волгѣ на двухъ-стахъ судахъ; по берегу шла конница.

Послѣ Царицына первымъ городомъ на пути былъ Саратовъ, за нимъ Самара. Стенька взялъ оба города одинъ за другимъ, повѣсилъ тамошнихъ воеводъ, перебилъ дворянъ и приказныхъ людей. Въ обоихъ городахъ было введено казацкое устройство.

Между тѣмъ посланцы Стеньки разошлись по всему Московскому Государству до отдаленныхъ береговъ Бѣлаго моря, пробирались и въ самую столицу, распространяли въ народѣ „прелестныя“ письма Стеньки, въ которыхъ онъ извѣщалъ, что идетъ истреблять бояръ, дворянъ и приказныхъ людей, искоренять всякое чиноначаліе и власть, установить казачество и учинить такъ, чтобы всякъ всякому былъ равенъ. „Я не хочу быть царемъ,—говорилъ и писалъ Стенька:—хочу жить съ вами какъ братъ“. Онъ зналъ, что крѣпко насолили народу бояре, дворяне и приказные люди, и удачно направлялъ свои удары; но зналъ онъ также, что крѣпко въ народѣ уваженіе къ царской особѣ, и рѣшился прикрыться личиною этого уваженія. Онъ распустилъ

[1]) Нѣкоторыхъ изъ этихъ несчастныхъ казаки взяли себѣ въ жены и Стенька насильно заставлялъ священниковъ вѣнчать ихъ, а тѣхъ священниковъ, которые не слушались, бросали въ воду.

слухъ, будто съ нимъ находится царевичъ Алексѣй [1]) и низверженный патріархъ Никонъ. Посланцы Стеньки толковали народу, что царевичъ убѣжалъ отъ суровости отца и злобы бояръ, и Стенька идетъ возводить его на престолъ, а царевичъ обѣщаетъ льготы и волю. Они ополчали православныхъ за гонимаго патріарха и въ то же время разжигали вражду старообрядцевъ противъ новшествъ, введенныхъ этимъ патріархомъ; инородцевъ возбуждали противъ русскихъ, язычниковъ и мугамеданъ на христіанъ и обратно, рабовъ на господъ, служилыхъ противъ начальниковъ. Всѣ партіи, всѣ вѣрованія, всѣ страсти затрогивалъ Стенька, лишь бы произвести смуту и безпорядокъ и свергнуть ненавистный ему порядокъ; что будетъ послѣ, куда идти — надъ этимъ врядъ-ли задумывался Стенька. Стенька сносился съ крымскимъ ханомъ и пытался призвать на Русь его орды; онъ отправилъ даже, какъ говорятъ, посольство къ персидскому шаху, но въ этомъ потерпѣлъ неудачу.

Изъ Самары Стенька направился къ Симбирску и прибылъ туда 5 сентября. Жители тотчасъ впустили его въ посадъ, гдѣ находился острогъ, но взять самый городъ или кремль было дѣло не легкое, такъ какъ онъ былъ хорошо укрѣпленъ; его защищалъ тогда довольно значительный гарнизонъ подъ начальствомъ боярина Ивана Милославскаго. Около мѣсяца пробылъ тутъ Стенька и не могъ взять города, несмотря на то, что къ нему ежедневно прибывали новыя толпы. Положеніе осажденныхъ становилось все затруднительнѣе. Еще немного — и городъ, вѣроятно, сдался бы ворамъ, еслибы къ нему во̀-время не подоспѣла на выручку помощь: изъ Казани шелъ по сухопутью князь Юрій Барятинскій съ войскомъ. Заслышавъ о его приближеніи, Стенька вышелъ къ нему на встрѣчу. Произошла жаркая схватка. Нестройныя воровскія шайки не могли сладить съ войскомъ Барятинскаго, гдѣ были солдаты обученные по-европейски. Долѣе другихъ держались донцы. Стенька дрался отчаянно; его хватили по головѣ саблею и прострѣлили ногу. Наконецъ, видя, что держаться долѣе нельзя, онъ отступилъ. Ночь прекратила бойню, продолжавшуюся цѣлый день.

3 октября Барятинскій подошелъ къ кремлю и высвободилъ Милославскаго изъ осады. Казаки пошли на приступъ, пытались-было зажечь кремль и — опять неудача. Стенька, видя что не одолѣть ему врага, бѣжалъ тайно ночью со своими донцами и покинулъ остальныхъ своихъ сообщниковъ на произволъ судьбы.

[1]) Настоящій царевичъ тогда уже умеръ. Какой-то черкесскій князекъ, взятый казаками въ плѣнъ, долженъ былъ поневолѣ играть роль царевича.

Утромъ, оставленные подъ Симбирскомъ мятежники увидѣли, что казаки ихъ покинули и сами бросились къ Волгѣ, чтобы захватить оставшіяся суда и убѣжать на нихъ. Но Барятинскій послалъ на воровъ ратныхъ людей: припертые къ Волгѣ и поражаемые выстрѣлами, они падали въ воду. Болѣе шести сотъ человѣкъ было взято въ плѣнъ. Ихъ казнили. Весь окрестный берегъ былъ покрытъ рядомъ висѣлицъ.

Жители подгородныхъ слободъ, приставшіе къ Стенькѣ, являлись къ воеводамъ съ повинною.

Побѣда эта была до чрезвычайности важна. Еслибы успѣхъ былъ на сторонѣ Стеньки, то мятежъ принялъ бы, вѣроятно, ужасающіе размѣры. Уже все пространство между Окою и Волгою на югъ до саратовскихъ степей и на западъ до Рязани и Воронежа было въ огнѣ. Возмутители бродили шайками и поднимали народъ; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ они сами обращали въ пепелъ селенія, а потомъ возбуждали къ мятежу лишенныхъ крова и имущества. Мужики помѣщичьи и вотчинные, монастырскіе, дворцовые и тяглые стали умерщвлять своихъ господъ, приказчиковъ и начальныхъ людей, выказывая при этомъ замѣчательную изобрѣтательность въ жестокостяхъ, какъ всегда бываетъ при народныхъ возстаніяхъ. Имя „батюшки" Степана Тимоѳеевича неслось все далѣе и далѣе: уже въ самой Москвѣ начали поговаривать, что Стенька вовсе не воръ. На сѣверъ отъ Симбирска, по всему протяженію нагорной стороны, поднялись язычники, инородцы, мордва, чуваши, черемисы, сами не зная, кажется, за что бунтуютъ. Въ алатырскомъ уѣздѣ собралось мятежное ополченіе изъ пятнадцати тысячъ человѣкъ. Вслѣдъ затѣмъ, началось волненіе въ богатомъ и большомъ селѣ Лысковѣ и охватило Нижегородскую землю. Шайки мятежниковъ овладѣли монастыремъ Макарія Желтоводскаго, осаждали Нижній, но были разсѣяны.

Возстаніе разлилось по всей полосѣ, занимающей нынѣшнія губерніи: симбирскую, пензенскую и тамбовскую. Поднялись темниковскій, кадомскій и тамбовскій уѣзды. Темниковскіе крестьяне, подъ предводительствомъ какого-то попа Саввы, грабили господскіе дома, чинили поруганіе надъ женщинами. Вмѣстѣ съ ними ходила старица (монахиня) Алёна, переодѣтая въ мужское платье. Ее считали вѣдьмой; она носила съ собой заговорныя письма и коренья и посредствомъ ихъ пріобрѣтала побѣду. Шайка эта была разсѣяна княземъ Долгорукимъ и старица Алёна сожжена въ срубѣ. Города Корсунь, Саранскъ, оба Ломова — Верхній и Нижній, Пенза попались въ руки мятежниковъ: вездѣ убивали воеводъ и приказныхъ людей, сожигали

бумаги, устроивали казачество, провозглашали всѣмъ равную свободу. Простой народъ большею частью приставалъ къ мятежникамъ. Но вездѣ торжество ихъ было недолговременное. Отряды ратныхъ людей разбивали нестройныя толпы; возставшіе поселяне покорялись, обыкновенно увѣряя, что пристали къ мятежу поневолѣ и выдавали зачинщиковъ и предводителей. Круто распоряжались московскіе воеводы съ болѣе виновными мятежниками: однихъ вѣшали, другихъ сажали на колъ, нѣкоторыхъ драли крючьями, засѣкали до смерти на страхъ прочимъ; менѣе виновныхъ воеводы били кнутомъ и всѣхъ приводили къ присягѣ, а мугаменданъ и язычниковъ къ шерти. По свидѣтельству современника, главное мѣсто казней было въ Арзамасѣ—главной стоянкѣ князя Долгорукова [1]).

Въ то самое время, когда волновалась восточная половина Московскаго Государства, братъ Стеньки, Фролка, поплылъ вверхъ по Дону и напалъ на Коротоякъ,—но былъ разбитъ Ромодановскимъ.

Возстаніе отозвалось и въ слободскихъ полкахъ, населенныхъ малороссіянами: въ Острогожскѣ, потомъ въ Чугуевѣ, но было укрощено самими же слобожанами, не приставшими къ мятежникамъ.

На сѣверѣ за Волгою возстаніе вспыхнуло въ галицкомъ уѣздѣ подъ начальствомъ воровскаго казака Ильюшки, но было скоро усмирено.

И въ другихъ мѣстахъ Русской земли народъ готовъ былъ откликнуться на призывъ Стеньки. Ожидали только дальнѣйшихъ успѣховъ предводителя, обѣщавшаго всѣмъ русскимъ людямъ казацкую волю. „Разнесется вѣсть,—говоритъ современникъ,—что воры государевыхъ людей побили—и люди этому радуются; а скажутъ, что ратные государевы люди воровъ побили,—станутъ люди унылы и печалятся о погибели воровъ“. Разсказываютъ, что въ эту ужасную зиму царскіе воеводы безъ жалости сожигали села и деревни, укрощая возмущеніе и что вообще погибло тогда до ста тысячъ народу.

Чтобы подѣйствовать на возбужденные умы народа религіознымъ страхомъ, по царскому повелѣнію, патріархъ Іосифъ съ освященнымъ соборомъ, на первой недѣлѣ поста, предалъ

[1]) „Страшно было смотрѣть,—говоритъ этотъ современникъ,—на Арзамасъ: его предмѣстья казались совершеннымъ адомъ; стояли висѣлицы и на каждой висѣло по сорока и по пятидесяти труповъ, валялись разбросанныя головы и дымились свѣжею кровью; торчали колья, на которыхъ мучались преступники и часто были живы по три дня, испытывая неописанныя страданія...“

анаѳемѣ вора и богоотступника и обругателя святой церкви Стеньку Разина со всѣми его единомышленниками.

Послѣ симбирскаго пораженія, Стенька убѣжалъ на Донъ и дѣлалъ приготовленія къ новому походу, но атаманъ Корнило Яковлевъ настроилъ противъ него донцовъ. Неудача лишила Стеньку прежняго обаянія на Дону. Напрасно старался Стенька варварскими казнями своихъ противниковъ, попадавшихся ему въ руки, навести страхъ и заставить себѣ снова повиноваться; напрасно приступалъ онъ къ Черкасску и хотѣлъ взять его. Онъ удалился въ свой городокъ Кагальникъ, не унывалъ и все еще скликалъ народъ къ себѣ, но донцы весною напали на него и взяли его въ плѣнъ, вмѣстѣ съ его братомъ, Фролкою. Кагальникъ былъ разоренъ.

Неизвѣстны подробности взятія Стеньки, но современные иностранцы и малороссійская лѣтопись говорятъ, что онъ былъ взятъ обманомъ. Обоихъ братьевъ привезли сначала въ Черкасскъ, гдѣ Стеньку содержали въ церковномъ притворѣ на цѣпи, въ надеждѣ, что сила святыни уничтожитъ его волшебство и ему не удастся бѣжать. Въ концѣ апрѣля ихъ обоихъ повезли въ Москву. Самъ Корнило Яковлевъ провожалъ ихъ.

Фролка былъ отъ природы тихаго нрава и затосковалъ:

„Вотъ, братъ, это ты виною нашимъ бѣдамъ!“—говорилъ онъ съ огорченіемъ.

„Никакой бѣды нѣтъ!—отвѣчалъ Стенька.—Насъ примутъ почестно; самые большіе господа выйдутъ на встрѣчу посмотрѣть на насъ!“

4 іюня прошла по Москвѣ вѣсть, что казаки везутъ Стеньку. Народъ высыпалъ за городъ смотрѣть на человѣка, одно имя котораго многихъ приводило въ трепетъ. За нѣсколько верстъ отъ Москвы поѣздъ остановился. Съ Разина сняли его платье и одѣли въ лохмотья.

Изъ Москвы привезли большую телѣгу съ висѣлицею. Стеньку поставили на телѣгу и привязали цѣпью за шею къ перекладинѣ висѣлицы, а руки и ноги прикрѣпили цѣпями къ телѣгѣ. За телѣгою долженъ былъ бѣжать Фролка, привязанный цѣпью за шею къ краю телѣги.

Такъ въѣхалъ въ столицу Московскаго Государства атаманъ воровскихъ казаковъ. Онъ слѣдовалъ съ равнодушнымъ видомъ и опустивъ глаза. Одни смотрѣли на него съ ненавистью, другіе съ состраданіемъ и сочувствіемъ.

Братьевъ привезли въ земскій приказъ и тотчасъ начался допросъ. Стенька молчалъ.

Его повели къ пыткѣ. Первая пытка была кнутъ—толстая

ременная полоса, толщиною въ палецъ и въ пять локтей длиною. Ему связали назадъ руки и поднимали вверхъ, потомъ связывали ремнемъ ноги; палачъ садился на ремень и вытягивалъ тѣло такъ, что руки выходили изъ суставовъ, а другой палачъ билъ по спинѣ кнутомъ. Стенька получилъ такихъ ударовъ около сотни, но не испустилъ ни одного стона. Всѣ, стоявшіе тутъ, дивились.

Его положили на горящіе уголья. Стенька молчалъ.

По его избитому, обожженному тѣлу начали водить раскаленнымъ желѣзомъ; и тутъ молчалъ Стенька.

Ему дали отдохнуть и принялись за Фролку. Фролка началъ кричать и вопить отъ боли.

„Экая ты баба!—сказалъ Стенька.—Вспомни наше прежнее житье; мы проживали со славою, повелѣвали тысячами людей; надобно же теперь переносить бодро несчастье. Развѣ это больно? Словно баба иглою уколола!“

Стенькѣ стали брить макушку. „Вотъ какъ! — сказалъ онъ:— мы слыхали, что ученыхъ людей въ попы постригаютъ; мы же съ тобой, братъ, простаки, а насъ постригли!“

Ему начали лить на темя по каплѣ холодную воду. Это было такое адское мученіе, котораго никто не могъ вынести. Стенька его вытерпѣлъ.

Все тѣло его представляло безобразную, окровавленную, опухшую массу. Съ досады, что его ничто не пронимаетъ, стали Стеньку еще бить палками по ногамъ. Стенька молчалъ.

6 іюня 1670 года вывели Стеньку на Лобное мѣсто вмѣстѣ съ братомъ Фролкою. Собралось множество народа. Прочитали длинный приговоръ, гдѣ излагались всѣ преступленія осужденныхъ. Стенька слушалъ спокойно. Палачъ взялъ его подъ руки. Стенька обратился къ церкви, перекрестился, поклонился на всѣ четыре стороны и сказалъ: „Простите!“

Его положили между двухъ досокъ. Пачачъ отрубилъ ему сперва правую руку по локоть, потомъ лѣвую ногу по колѣно. Стенька не показалъ даже знака, что чувствуетъ боль. Между тѣмъ Фролка, въ виду мученій брата, которыя ожидали его самого, растерялся и закричалъ:

„Я знаю дѣло и слово государево!“

„Молчи, собака!“ сказалъ Стенька.—Это были послѣднія слова Стеньки. Палачъ отрубилъ ему голову. Его туловище разсѣкли на части и воткнули на копья; воткнули также на колъ и голову; внутренности бросили собакамъ.

Казнь Фролки была отсрочена, потому, что онъ объявилъ

о какомъ-то кладѣ, котораго однако не нашли. Фролку оставили въ вѣчномъ тюремномъ заключеніи.

Въ Астрахани нѣсколько времени держались приверженцы казненнаго Стеньки. Сначала атаманомъ тамъ былъ Васька Усъ. Астраханскій митрополитъ Іосифъ уговаривалъ жителей принести повинную и до того раздражилъ казаковъ, что его подвергли пыткѣ огнемъ и потомъ 11 мая сбросили съ раската. Васька Усъ не долго жилъ послѣ него. Атаманомъ по смерти Васьки сдѣлался Ѳедька Шелудякъ. Въ Астрахань прибѣжали съ Дону остатки Стенькиной шайки подъ начальствомъ Алешки Каторжнаго. Силы мятежниковъ увеличились. Ѳедька попытался еще разъ двинуться вверхъ по Волгѣ къ Симбирску, но, послѣ двухъ неудачныхъ приступовъ, былъ разбитъ и бѣжалъ обратно въ Астрахань.

Вслѣдъ затѣмъ прибылъ къ Астрахани съ войскомъ посланный отъ царя бояринъ Милославскій и старался склонить астраханцевъ къ покорности убѣжденіями, обѣщая царское милосердіе виновнымъ. Ѳедька долго упрямился; но въ Астрахани истощились съѣстные запасы, сдѣлался голодъ; онъ наконецъ долженъ былъ по требованію астраханцевъ согласиться на сдачу, выговоривши отъ боярина полное и всеобщее прощеніе. 27 ноября 1670 года вошелъ бояринъ въ городъ и поставилъ въ соборной церкви икону Богородицы, называемой „Живоносный Источникъ въ чудесѣхъ“, на память о совершившемся событіи „грядущимъ родамъ“.

Никто не былъ казненъ, не было никакого сыска. Самые важные преступники и въ числѣ ихъ Ѳедька Шелудякъ, жили на свободѣ; но за такую милость награбленныя богатства переходили въ руки боярина и его подначальныхъ, служилыхъ и приказныхъ людей. Милосердіе, дарованное бояриномъ Милославскимъ, было дано отъ имени царя, предоставившаго боярину это право; сначала правительство и не дѣйствовало вопреки ему; оно дозволяло боярину отпускать въ разныя мѣста покаявшихся мятежниковъ. Нѣкоторыхъ бояринъ бралъ себѣ во дворъ въ услуженіе. Вдругъ, лѣтомъ 1671 года, пріѣхалъ въ Астрахань князь Яковъ Одоевскій для сыска и расправы. Начались допросы, пытки и казни. Ѳедька Шелудякъ, Алешка Грузиновъ—убійца астраханскаго митрополита и другіе задорнѣйшіе мятежники, были повѣшены. Остальные отправлены на службу въ верховые города.

Такъ окончилась кровавая драма, имѣвшая значеніе попытки ниспровергнуть правленіе бояръ и приказныхъ людей, со всякимъ тягломъ, съ поборами и службами, и замѣнить

старый порядокъ инымъ—казацкимъ, вольнымъ, для всѣхъ равнымъ, выборнымъ, общенароднымъ. Попытка эта была задушена въ-пору; духъ мятежа не успѣлъ еще охватить большей части Московскаго Государства; нестройныя толпы поселянъ и посадскихъ не въ состояніи были выдерживать борьбу съ войскомъ, уже отчасти знакомымъ съ европейскимъ военнымъ обученіемъ. Извѣстно, что правильно обученное войско, составляющее притомъ отдѣльное отъ народа сословное тѣло, вездѣ было лучшею опорою властей противъ народныхъ волненій. Если при сильномъ распространеніи духа возстанія и оно можетъ, наконецъ, проникнуться тѣмъ же духомъ, то прежде чѣмъ дойдетъ до этого, оно—имѣя возможность осилить первыя попытки облечь замыслы въ дѣло, —способствуетъ безсилію самыхъ замысловъ. Такъ было и при Стенькѣ. Быть можетъ мятежъ не былъ бы такъ скоро задушенъ, еслибы Стенька явился подъ Симбирскомъ побѣдителемъ: и Русь испытала бы тяжелыя потрясенія, хотя, конечно, все-таки возвратилась бы къ старому порядку. Малороссія служитъ нагляднымъ образчикомъ того, къ чему могло привести стремленіе распространить на весь народъ казацкое устройство, составлявшее идеалъ возстанія Стеньки.

VIII.

СИБИРСКІЕ ЗЕМЛЕИСКАТЕЛИ XVII ВѢКА.

Въ продолженіи царствованія двухъ первыхъ Романовыхъ, русскіе подчинили себѣ почти все пространство сѣверо-восточной Азіи. Съ необыкновенно малыми военными силами и съ ничтожными затратами отъ государства, это дѣло было совершено вольными удальцами, носившими вообще названіе казаковъ. По мѣрѣ движенія русскихъ къ востоку, правительство строило остроги, которые, смотря по удобству сбора ясака съ окрестныхъ жителей и при увеличеніи русскаго населенія, переименовывались въ города, а въ городахъ назначались воеводы. Воеводы изъ своихъ городовъ отправляли охотниковъ казаковъ „провѣдывать новыя землицы“ и подчинять ихъ царской власти. Какъ скоро казакамъ удавалось открыть такую новую землицу, воевода приказывалъ строить въ ней острогъ и посылалъ туда служилыхъ людей съ боевыми и со съѣстными запасами, подъ начальствомъ казачьихъ пятидесятниковъ. Сибирскіе туземцы не имѣли огнестрѣльнаго оружія, жили въ разбивку и потому не могли противостоять казакамъ. Воеводы и подвѣдомственные имъ начальники остроговъ имѣли приказаніе приглашать къ себѣ туземныхъ князьковъ, ласкать ихъ, поить виномъ, которое чрезвычайно нравилось сибирскимъ туземцамъ, и давать подарки разными бездѣлицами, особенно металлическими вещами, чтобы заохотить ихъ вступать въ подданство царю и платить ясакъ, состоявшій въ мѣхахъ. Для ручательства въ своей вѣрности, туземные князья, подчиняясь царю, оставляли русскимъ заложниковъ или аманатовъ, своихъ братьевъ и дѣтей, а иногда и

сами оставались заложниками. Тѣхъ, которые сопротивлялись, принуждали къ покорности силою. Покоряясь по необходимости, сибирскіе туземцы, обыкновенно, при первой же возможности, бунтовали, не хотѣли платить ясака и часто нападали на русскіе остроги, иногда даже задавали немалый страхъ русскимъ, но вообще не могли сладить съ ними и прогнать ихъ. Правительство постоянно напоминало воеводамъ, чтобы они не дѣлали никакихъ насилій надъ туземцами, не брали съ нихъ лишняго, не обращали ихъ противъ воли въ христіанство. Но эти увѣщанія мало приводились въ исполненіе, и русскіе постоянно раздражали туземцевъ своимъ жестокимъ обращеніемъ. Безпрестанныя однообразныя стычки съ инородцами наполняютъ всю исторію Сибири.

Съ начала царствованія Михаила русскіе построили Енисейскъ, и съ этого времени усилилось и шло неустанно движеніе къ востоку и югу Сибири. Русскіе вступили тогда въ борьбу съ тунгусами. Мало по малу тунгусскіе князья, видя невозможность устоять, покорялись одни за другими, сами приходили въ Енисейскъ и приносили соболей. Въ 1621 году воевода Дубенскій основалъ Красноярскъ и утвердился тамъ съ тремя стами человѣкъ. Туземные жители качскіе татары, при помощи киргизовъ, сопротивлялись, осаждали Красноярскъ, но были разбиты и обязались платить ясакъ. Въ 1629 году Дубенскій выслалъ казаковъ на рѣку Канъ; они покорили и подчинили платежу ясака камашей, одинъ изъ древнихъ народовъ Сибири, положили основаніе городу Канску. Потомъ покоренъ былъ народъ тубинцы. До какой степени было легко справляться съ ними, показываетъ то, что высланный изъ Енисейска атаманъ Галкинъ съ сорока человѣками могъ принудить ихъ къ повиновенію. Между тѣмъ, въ томъ же 1629 году, высланный изъ Енисейска сотникъ Бекетовъ проплылъ по рѣкѣ Тунгускѣ и Илиму и дошелъ до бурятовъ, а по слѣдамъ его Хрипуновъ на берегахъ Ангары первый имѣлъ съ бурятами стычку. Тогда распространились слухи о многочисленности, богатствѣ и силѣ народа бурятскаго, котораго русскіе называли „братскимъ". Въ 1631 году атаманъ Порфирьевъ построилъ Братскій острогъ на Ангарѣ въ землѣ бурятовъ и съ тѣхъ поръ начались попытки подчинить этотъ народъ, не поддававшійся русскимъ болѣе десяти лѣтъ. Проникши на рѣку Илимъ (впадающую въ Ангару), гдѣ построенъ былъ Илимскій острогъ, русскіе двинулись на Лену. Атаманъ Галкинъ, по слѣдамъ высланныхъ имъ еще прежде казаковъ, переправился волокомъ отъ р. Илима до р. Муки, впадаю-

щей въ Куту и достигъ Лены. За нимъ Бекетовъ въ 1632 году отправился внизъ по Ленѣ и заложилъ Якутскій острогъ (нынѣшній г. Якутскъ). Тамъ встрѣтился онъ съ якутами, которые сначала приняли-было дружелюбно русскихъ и вступили съ ними въ торговлю. Русскіе проникли на берега Вилюя (впад. въ Лену) и подчинили тамошнихъ тунгусовъ. Преемникъ Бекетова въ Якутскѣ, атаманъ Галкинъ, сталъ посылать по окрестностямъ партіи для подчиненія якутовъ. Это до такой степени возмутило послѣднихъ, что они поднялись и пытались взять или зажечь Якутскъ, но не съумѣли и не желая ни за что покоряться русскимъ, собрались всѣ бѣжать изъ своей земли. Галкину удалось едва удержать изъ нихъ половину. Въ 1635 году, выше Якутска, поставленъ былъ на Ленѣ Олекминскъ.

Въ Енисейскъ доходили темные слухи о существованіи большого озера Ламы (Байкала), края богатаго, гдѣ есть серебряная и золотая руда. Но русскіе не знали, въ какой сторонѣ искать его; думали, что Лама изливается въ море. Въ 1636 году отправлена была экспедиція изъ Енисейска для отысканія этого озера. Дѣло было поручено какому-то Елисею Юрьеву, который, взявши въ Олекминскѣ служилаго, Прошку Лазаря, съ десятью человѣками, да сорокъ промышленныхъ охотниковъ, отправился внизъ по Ленѣ, выплылъ въ Ледовитое море, завернулъ налѣво въ устье рѣки Оленки, и остался тамъ зимовать. Весною онъ прошелъ сухопутьемъ до Лены при устьѣ р. Молоди. Удальцы сдѣлали два коча (лодки) и снова отправились внизъ по Ленѣ, поплыли на востокъ по морю и черезъ пять сутокъ достигли р. Яны, плыли въ продолженіе трехъ недѣль по Янѣ и брали ясакъ съ жителей. Прозимовавши въ этихъ мѣстахъ, они весною построили четыре коча и поплыли внизъ по рѣкѣ Янѣ до ея устья. Елисей Юрьевъ остался тамъ и положилъ основаніе Устьянску, а пятерыхъ человѣкъ отправилъ въ Енисейскъ съ ясакомъ.

Подобные подвиги изумительны, если принять во вниманіе крайнюю суровость климата, перемѣны вѣтра при плаваніи, необходимость строить кочи, проходить сухопутьемъ по неизвѣстнымъ странамъ и таскать на себѣ тяжести, зимовать въ дикой пустынѣ, при морозѣ не менѣе сорока градусовъ, при недостаткѣ средствъ и съ малымъ числомъ людей, среди дикихъ неизвѣстныхъ племенъ.

Въ 1638 году изъ Якутскаго острога для пріисканія „новыхъ землицъ“ отправился на востокъ служилый человѣкъ Постникъ Ивановъ съ тридцатью удальцами и лошадьми. Они достигли р. Янги, гдѣ нашли тунгусское племя, называемое

ламутами. Несмотря на то, что это племя не хотѣло платить ясака, Постникъ двинулся внизъ по Янгѣ, набралъ шесть сороковъ соболей и отправилъ въ Якутскъ, а самъ остался зимовать. Весною неустрашимый Постникъ Ивановъ перешелъ черезъ горы среди враждебныхъ ламутовъ, достигъ Индигирки и проникъ въ землю юкагировъ, гдѣ захватилъ одного туземца. Оставивши шестнадцать человѣкъ въ юкагирской землѣ и трехъ человѣкъ для сбора ясака, Постникъ Ивановъ съ пятнадцатью товарищами вернулся въ Якутскій острогъ и доносилъ, что надобно обратить вниманіе на землю юкагировъ, что она богата звѣрьми и рыбою, и притомъ онъ видѣлъ у юкагировъ серебро, но не могъ узнать: откуда они его получали, потому что не понимаетъ юкагирскаго языка. Изъ Якутска опять отправили на Индигирку Постника для сбора ясака и съ тѣхъ поръ русскіе начали брать ясакъ съ юкагировъ. Изъ Якутска же стали затѣмъ посылать партіи служилыхъ людей въ разныя стороны, съ тѣмъ, чтобы навести справки о земляхъ и рѣкахъ: откуда онѣ вытекаютъ и куда впадаютъ? какъ тамъ люди живутъ? чѣмъ питаются? есть-ли у нихъ въ странѣ звѣрь и рыба? какъ они управляются, какъ воюютъ?.. На продовольствіе этимъ служилымъ полагалось на годъ по двѣ четверти съ осьминою ржаной муки и по осьминѣ крупъ на человѣка. Они должны были стараться захватить въ свои руки важныхъ людей изъ туземцевъ и стращать мѣстныхъ жителей тѣмъ, что царь прислалъ на Лену большое войско съ огнестрѣльнымъ оружіемъ и если они не покорятся, то имъ будетъ дурно. Вмѣстѣ съ тѣмъ приказано было давать имъ разныя побрякушки, но отнюдь не показывать огнестрѣльнаго оружія, чтобы оно наводило на нихъ страхъ неизвѣстностью. Бывали нерѣдко случаи, когда посланныя партіи ссорились между собою и доходили даже до דракъ.

Появленіе русскихъ служилыхъ на Ленѣ тотчасъ повлекло туда промышленниковъ и правительство устроило на Ленскомъ волокѣ (въ пунктѣ перехода съ енисейской системы на ленскую) таможню. Тамъ завелось поселеніе и въ 1639 году назначены на Лену воеводы: сначала они жили въ Устькутскѣ, потомъ въ Якутскѣ. Въ 1640 году, воеводы стали накликать гулящихъ людей на Лену, на пашню, съ разными льготами.

Русскіе землеискатели проникли далеко на сѣверъ и зашли уже къ Индигиркѣ, но на югъ, ниже Устькутскаго острога и ниже Олекминска на Ленѣ, страна имъ была неизвѣстна. Они называли ее вообще „Братскою землею“ и узнавали объ ней отъ тунгусовъ, которые представляли ее какою-то богатою, обѣтованною землею. Отъ тунгусовъ доходили до нихъ слухи

о мугальской (монгольской) землѣ, о Китаѣ и о множествѣ серебра въ тѣхъ странахъ. Эти слухи о серебрѣ были побудительными причинами движенія русскихъ къ югу. Въ 1640 году ленскій воевода послалъ партію служилыхъ людей по рѣкѣ Чаѣ и они привезли вымѣненный у тунгусовъ серебряный кругъ, который носили тунгусы на головахъ для украшенія. Въ 1641 году отправился вверхъ по Ленѣ казачій пятидесятникъ Мартынъ Васильевъ съ казаками, для пріиска новыхъ землицъ и серебряной руды. Они дошли до устья Куленги, поставили Верхоленскій острожокъ въ десять печатныхъ саженъ длиною и въ девять шириною, укрѣпили рвомъ, надолбами и оттуда посылали къ тунгусамъ собирать ясакъ.

Черезъ два года послѣ того, въ 1643 году, отправились на поиски пятидесятникъ Курбатъ и атаманъ Василій Колесниковъ. Курбатъ съ семидесятью четырьмя казаками, двинувшись къ югу изъ Верхоленскаго острога, первый изъ русскихъ дошелъ до Байкала, между тѣмъ какъ Колесниковъ поставилъ острогъ на устьѣ Осы, впадающей въ Ангару. Жители береговъ Ангары и ея притоковъ стали платить ясакъ государю. Колесниковъ жестоко обращался съ бурятами и противодѣйствовалъ Курбату тѣмъ, что тѣснилъ тѣхъ бурятъ, которые уже обязались платить ясакъ въ Верхоленскій острогъ. Оставивши свой острожокъ, Колесниковъ первый проникъ за Байкалъ до устья Селенги, но не утвердилъ тамъ русской власти. Его жестокости произвели возмущеніе бурятъ; вслѣдъ за служилыми начивали приходить русскіе охотники и поступали въ пашенные крестьяне; теперь нѣкоторые изъ этихъ новоприбылыхъ заплатили жизнью. Возмущеніе было укрощено. Колесниковъ пропалъ безъ вѣсти.

Почти одновременно, когда русскіе проникли за Байкалъ, совершены были двѣ замѣчательныя экспедиціи на Востокъ.

Въ 1643 году отправился пріискивать „новыя землицы“ и разспрашивать про серебряную руду Василій Поярковъ: съ нимъ было сто двѣнадцать человѣкъ служилыхъ, пятнадцать охотниковъ, два цѣловальника для оцѣнки ясака, два кузнеца и два толмача. Всѣ были съ ружьями. Пороху взяли съ собою восемь пудовъ шестнадцать фунтовъ; взяли и хлѣбные запасы въ установленномъ количествѣ. 15 іюля поплыли они внизъ по Ленѣ, черезъ двое сутокъ повернули въ рѣку Алданъ и, плывя по этой рѣкѣ, въ четыре недѣли достигли устья Учюра; затѣмъ, слѣдуя по Учюру, черезъ десять дней вошли въ р. Гономъ и плыли по ней вверхъ пять недѣль съ большимъ тру-

домъ, потому что имъ пришлось перейти двадцать два порога. Здѣсь захватила ихъ зима: было начало сентября.

Еще не кончилась продолжительная зима, а Пояркову надоѣло сидѣть въ устроенномъ имъ зимовьѣ; онъ оставилъ сорокъ человѣкъ на мѣстѣ и велѣлъ имъ весною переправиться на р. Зію, о которой имѣлъ свѣдѣнія отъ туземцевъ; самъ же съ девяноста человѣками пошелъ по льду по рѣкѣ Нюемкѣ, а потомъ переволокся въ Зію. Здѣсь онъ поймалъ какого-то даурскаго князька и собралъ вѣсти о земляхъ, которыя ему предстояли на пути. Ему описали амурскій край чрезвычайно богатымъ. Построивши острожокъ на Зіи, Поярковъ послалъ сорокъ человѣкъ служилыхъ для покоренія двухъ туземныхъ острожковъ, но предпріятіе не удалось. Туземцы сначала приняли русскихъ, какъ гостей, но когда предводитель отряда Юрій Петровъ началъ требовать покорности и домогался, чтобъ его съ людьми впустили въ острогъ, туземцы напали на нихъ и десятерыхъ человѣкъ ранили. Посланные поворотили назадъ, а между тѣмъ небольшое количество запасовъ ихъ истощилось; они начали голодать; травы еще не было; они питались сосною, ѣли трупы туземцевъ, захваченныхъ въ плѣнъ; сорокъ человѣкъ погибло отъ голода. Впослѣдствіи на Пояркова принесена была жалоба, что онъ не пустилъ воротившихся въ свой острожокъ, разсердившись на нихъ за то, что они ничего не сдѣлали и воротились съ пустыми руками, не давалъ имъ хлѣба, самъ указывалъ, что они могутъ есть мертвыхъ туземцевъ и говорилъ: „не дороги служилые люди: вся цѣна десятнику десять денегъ, а рядовому два гроша"... Когда, наконецъ, прибыли къ нему тѣ, которыхъ онъ оставилъ на Гономѣ, Поярковъ отправился по Зіи, вошелъ въ Шилку, гдѣ засталъ народъ дючеровъ; онъ плылъ по Амуру (называемому у него въ донесеніи Шилкою) три недѣли до впаденія въ него р. Шунгалы (Сунгурсула), а потомъ шесть сутокъ до р. Усури, (которую онъ собственно называлъ Амуромъ). Затѣмъ четверо сутокъ плыли они по Амуру все еще въ землѣ дючеровъ, потомъ вступили въ землю натковъ, черезъ двѣ недѣли вошли въ землю гиляковъ и еще черезъ двѣ недѣли достигли Восточнаго океана. На устьѣ Амура Поярковъ захватилъ трехъ гиляковъ и они разсказывали о разныхъ улусахъ и народахъ приморскаго края. Народы эти были малочисленны, находились подъ властью князьковъ, у которыхъ было вооруженной силы человѣкъ триста, двѣсти, сто, а у иного и менѣе; не мудрено, что русскіе съ огнестрѣльнымъ оружіемъ, наводившимъ ужасъ на туземцевъ, никогда не видавшихъ его, могли плавать, брать въ плѣнъ туземцевъ и собирать

ясакъ въ невѣдомой странѣ. Перезимовавши на устьѣ Амура, Поярковъ съ наступленіемъ лѣта поплылъ по морю и черезъ двѣнадцать недѣль достигъ устья рѣки Ульи. Здѣсь онъ остановился, поставилъ острожокъ, взялъ у туземцевъ заложниковъ, собралъ соболей и остался зимовать. Весною, оставивши двадцать человѣкъ въ новопостроенномъ острожкѣ, отважный землеискатель перешелъ волокомъ въ теченіи двухъ недѣль до рѣки Маи; здѣсь онъ со своими людьми сдѣлалъ судно и поплылъ на немъ по Маѣ, достигъ Алдана, затѣмъ вступилъ въ Лену и прибылъ въ Якутскъ 18 іюня 1646 года, съ небольшимъ остаткомъ служилыхъ, но съ захваченными въ плѣнъ жителями далекихъ странъ, которыя онъ открылъ для Россіи.

Другой подвигъ этого рода было открытіе Анадыра. Въ 1648 году, іюня 20, служилый человѣкъ Семенъ Дежневъ съ двадцатью пятью служилыми и промышленными людьми отправился сѣвернымъ моремъ на пріисканіе новыхъ земель. Буря пронесла ихъ въ Восточный океанъ и выбросила на берегъ ниже р. Анадыра. Землеискатели пошли оттуда по невѣдомой странѣ до р. Анадыра. Они очутились въ краю дикомъ и безлѣсномъ; хлѣбные запасы ихъ истощились; настала зима; не изъ чего было построить хижины и они копали себѣ въ сугробахъ ямы и жили въ нихъ. Изъ двадцати пяти человѣкъ осталось въ живыхъ только двѣнадцать. Эти удальцы шли вверхъ по Анадыру, пришли въ землю анауловъ, бились съ ними и хотя самъ Дежневъ былъ раненъ, но принудилъ ихъ платить ясакъ; однако, платить имъ было нечѣмъ, потому что въ этомъ краю не было соболей. Зато русскіе нашли тамъ иного рода добычу—моржевые зубы. Дежневъ съ товарищами устроилъ себѣ зимовье на Анадырѣ, а вслѣдъ за нимъ, по слухамъ ходившимъ о рѣкѣ Анадырѣ, отправилась другая партія черезъ горы, подъ начальствомъ Семена Моторы и Никиты Семенова, нашла Дежнева съ товарищами и соединилась съ нимъ. За ними пришла туда третья партія казачьяго десятника Михаила Стадухина: но Дежневъ и Мотора поссорились съ Стадухинымъ за то, что онъ непріязненно относился къ тѣмъ туземцамъ, которые уже заключили мирный договоръ съ Дежневымъ. Дежневъ нѣсколько лѣтъ оставался на Анадырѣ и съ тѣхъ поръ русскіе начали ѣздить туда сухопутьемъ для собиранія моржевыхъ костей. Стадухинъ же отправился сухопутьемъ на югъ отъ Анадыра къ р. Аклею, вошелъ въ землю коряковъ, съ которыми воевалъ, и добывалъ тамъ лѣсъ для постройки судна съ опасностью жизни. Отъ коряковъ узналъ онъ о существованіи р. Изиги, гдѣ было много соболей, подѣлалъ съ товарищами

кочи и выплылъ въ море, но тутъ буря носила его три дня; одно судно погибло. Послѣ многихъ приключеній, Стадухинъ достигъ Изиги и поставилъ тамъ острожокъ; русскіе схватили одного корякскаго князька и тѣмъ заставили коряковъ платить ясакъ мѣхами черныхъ лисицъ. Но малолюдность не дозволила Стадухину оставаться долго на Изигѣ. Онъ поплылъ къ р. Тавую, а отсюда въ землю тунгусовъ и здѣсь дѣла его пошли успѣшно. Русскіе грабили тунгусскія юрты, брали аманатовъ и заставляли ихъ платить ясакъ. Странствованія Стадухина продолжались до 1658 года. Стадухину принадлежитъ честь открытія сѣверной части Охотскаго моря. За нимъ другія партіи начали ходить въ землю коряковъ; собирали черныхъ лисицъ и моржевыя кости, такъ-называемый рыбій зубъ. На берегахъ Восточнаго океана построены были остроги на устьяхъ рр. Ульи и Охоты, но тамошніе туземцы, довольно многочисленные, не покорялись русскому владычеству и хотя были укрощаемы, но продолжали снова возмущаться противъ русскихъ.

Русскіе землеискатели, вслѣдъ за Поярковымъ, стали вскорѣ отправляться партіями на Амуръ въ землю дауровъ. Это были вольные охотники, избиравшіе изъ своей среды начальниковъ. Они подавали царю челобитныя, получали разрѣшеніе отъ воеводъ и отправлялись искать новыхъ земель. Такъ 1649 года отправился въ даурскую землю Ларка Барабанщиковъ съ товарищами, плавалъ по Амуру, измѣрялъ рѣку и собиралъ свѣдѣнія о народахъ. Но болѣе всѣхъ прославился на Амурѣ своими подвигами Іероѳей Хабаровъ. Онъ отправился въ Даурію въ 1648 году, съ сотнею человѣкъ вольницы, покорилъ пять городовъ, набралъ всякаго запаса и воротился въ Якутскъ; а въ 1650 году, усиливши себя новыми охотниками, онъ опять пустился на Амуръ, взялъ городъ Албазинъ, потомъ въ 1651 спустился внизъ по Амуру и утвердился въ Комарскомъ острогѣ. По слѣдамъ Хабарова двинулись на Амуръ другіе охочіе русскіе люди и по рѣкѣ образовался цѣлый рядъ русскихъ острожковъ. Въ 1653 году Хабарова потребовали въ Москву, а вмѣсто него „на великую рѣку Амуръ“ назначили приказнаго человѣка Онуфрія Степанова. Амурскій край со всею Даурією въ 1659 году поступилъ въ вѣдѣніе города Нерчинска. Покореніе Амура привело русскихъ въ столкновеніе съ Китаемъ, такъ какъ китайскій императоръ считалъ себя владыкою этого края. Въ 1654 году отправился въ Пекинъ, по царскому приказанію, боярскій сынъ Ѳедоръ Байковъ, съ мирными предложеніями, но былъ принятъ дурно, потому что не хотѣлъ соблюдать китайскихъ церемоній и его посольство ничѣмъ не кончилось. Ки-

тайцы, чтобы заставить удалиться русскихъ, приказывали жителямъ выселяться съ береговъ Амура, въ тѣхъ видахъ, что русскіе, лишась средствъ къ жизни, сами уйдутъ оттуда. Однако, русскіе долго еще держались на Амурѣ. Китайскія войска нападали на нихъ. Самъ Степановъ былъ убитъ въ одной стычкѣ съ ними. Тамошніе русскіе остроги разорялись китайцами и возникали снова. Въ 1660 году на Амурѣ опять явился Хабаровъ и накликалъ туда нѣсколько сотъ охотниковъ. Мало по малу начали заводиться тамъ и пашенные крестьяне.

Между тѣмъ другіе землеискатели проникли въ Забайкалье. Бекетовъ построилъ остроги на рр. Селенгѣ и Хилкѣ. За нимъ другіе подчиняли бурятъ и заставляли ихъ платить ясакъ. Главнымъ пунктомъ въ этомъ краѣ былъ Иргенскій острогъ, а съ 1666 г. Селенгинскъ. Въ 1670 году возникъ у русскихъ важный споръ съ Китаемъ по тому поводу, что тунгусскій князекъ Гантимиръ съ сорока человѣками своихъ улусниковъ перешелъ на русскую сторону. Китайцы сочли это поводомъ къ войнѣ и начали снова нападать на русскіе остроги. По этому дѣлу въ 1675 году ѣздилъ посланникомъ отъ царя переводчикъ Спафари, но воротился безуспѣшно. На обратномъ пути изъ Пекина, онъ приказывалъ нерчинскому воеводѣ не тревожить больше Амура; но этотъ приказъ не исполнялся. На берегахъ Амура появлялись новые служилые люди и строили новые остроги. Племена, обитавшія на Амурѣ, натки и гиляки, подущаемые китайцами, не хотѣли платить ясака и безпрестанно тревожили русскіе остроги. Война шла нѣсколько лѣтъ. Наконецъ, въ 1685 году, уже всѣ остроги были разорены; оставался только Албазинъ, городъ, состоявшій подъ начальствомъ храбраго воеводы Толбузина. Осажденный многочисленнымъ китайскимъ войскомъ, Толбузинъ долженъ былъ уйти. Албазинъ былъ разоренъ; но въ слѣдующемъ году Толбузинъ явился снова и возобновилъ его. Китайское войско не замедлило явиться опять подъ Албазиномъ. Толбузинъ былъ убитъ; мѣсто его заступилъ казачій атаманъ Бейтонъ и храбро отстаивалъ городъ противъ осаждавшихъ, но китайцы получили приказаніе прекратить непріязненныя дѣйствія, потому что изъ Россіи опять ѣхалъ посолъ, окольничій Өедоръ Алексѣевичъ Головинъ съ большою свитою—болѣе двухъ тысячъ человѣкъ. Китайскій императоръ съ своей стороны выслалъ въ Нерчинскъ посольство, въ которомъ важное мѣсто занимали одѣтые по-китайски двое іезуитовъ: испанецъ Перейра и французъ Жербильонъ. Ихъ сопровождало войско изъ 15,000 человѣкъ. Въ августѣ 1689 года открылись переговоры между послами подъ Нер-

чинскомъ въ шатрахъ. Разбивкою этихъ шатровъ занимался бывшій гетманъ малороссійскій Демьянъ Многогрішный, въ то время бывшій въ званіи сына боярскаго. Переговоры велись на латинскомъ языкѣ черезъ іезуитовъ. Русскій посолъ старался всѣми силами оттянуть отъ китайцевъ побольше „землицъ", но китайцы начали возмущать противъ русскихъ окрестное населеніе: бурятъ и онкотовъ, придвинули прибывшее съ ними войско и грозили войною. Это принудило Головина къ уступкамъ. Русскіе отказались отъ Амура. Рубежомъ назначена была р. Горбица, впадающая въ Шилку, р. Аргунь отъ истоковъ ея до сліянія съ Шилкою и каменный хребетъ, извѣстный подъ именемъ Яблоноваго, вплоть до Охотскаго моря. Полковникъ Бейтонъ, державшійся въ Албазинѣ, по приказанію Головина разорилъ этотъ городъ и ушелъ со всѣми русскими въ Нерчинскъ.

Такимъ образомъ, амурскій край, крайній предѣлъ русскихъ землеоткрытій, находившійся тридцать лѣтъ въ русскихъ рукахъ, былъ потерянъ для Россіи до царствованія Александра II.

IX.

ГАЛЯТОВСКІЙ, РАДИВИЛОВСКІЙ И ЛАЗАРЬ БАРАНОВИЧЪ.

Въ исторіи схоластической литературы, возникшей въ Южной и Западной Руси, послѣ толчка, даннаго Петромъ Могилою умственному движенію, особенно возбуждаетъ вниманіе историка Іоаннникій Галятовскій по своему живому и сообразному съ духомъ своего вѣка и общества участію къ вопросамъ, касавшимся важныхъ сторонъ тогдашней политической и общественной жизни. Насколько намъ извѣстно, жизнь этого человѣка, какъ большею частью жизнь монаховъ, протекла довольно однообразно. Онъ родился на Волыни, учился въ Кіевѣ, слушая, между прочимъ, чтенія Лазаря Барановича, постригся въ монахи, былъ игуменомъ Купятицкаго монастыря на Полѣсьѣ; съ 1659 года нѣсколько лѣтъ занималъ должность ректора кіевскихъ школъ, потомъ жилъ въ Москвѣ и, наконецъ, въ Малороссіи, гдѣ былъ архимандритомъ, сначала новгородъсѣверскаго, потомъ черниговскаго елецкаго монастырей. Онъ скончался въ 1688 году. Галятовскій находился подъ покровительствомъ бывшаго своего наставника Лазаря Барановича, архіепископа черниговскаго, и съ его рекомендаціей отправился въ Москву, гдѣ былъ принятъ радушно. Какъ видно, это былъ человѣкъ неискательный, скромный, но вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе, чѣмъ многіе его современники, неспособный вращаться въ однѣхъ отвлеченностяхъ и постоянно обращавшійся къ жизненнымъ вопросамъ.

Оцѣнивая Галятовскаго, нужно сравнивать его съ другими писателями его времени и тогда, при всѣхъ недостаткахъ его, онъ представитъ для насъ значительный интересъ. Сочиненія

его могутъ безъ скуки читаться даже теперь. Слогъ его менѣе страдаетъ напыщенностью; изложеніе у Галятовскаго вездѣ толково, языкъ приближается къ народной малорусской рѣчи, хотя онъ употреблялъ такія польскія слова, которыя теперь забыты, но, вѣроятно, тогда были въ-ходу. Тогда самый польскій языкъ не переставалъ еще быть для малоруссовъ культурнымъ языкомъ и занималъ такое почти мѣсто, какое впослѣдствіи занялъ книжный русскій, а потому Галятовскій написалъ нѣсколько сочиненій по-польски. Какъ монахъ, Галятовскій вращается въ области церковной и находится подъ вліяніемъ тѣхъ взглядовъ, которые имъ были усвоены по воспитанію, но его живая, даже поэтическая натура вездѣ проглядываетъ изъ-подъ гнета мертвящей схоластики. Сочиненія его показываютъ большую, хотя одностороннюю начитанность, знакомство со многими византійскими и средневѣковыми богословскими и церковно-историческими писателями; онъ любитъ особенно ссылаться на Баронія. Для приданія силы своимъ доводамъ, онъ приводитъ отовсюду примѣры и свидѣтельства, однако, относится къ нимъ безъ критики и вообще до наивности довѣрчивъ. Галятовскій отличается сильнымъ воображеніемъ, любитъ образы, разсказы, анекдоты, хватается за нихъ при первой возможности и увлекается ихъ художественною стороною, а потому явный вымыселъ нерѣдко принимаетъ за истину.

Въ то время, когда жилъ и писалъ Галятовскій, мыслящаго малорусса духовнаго званія естественно могли и должны были занимать отношенія его церкви и народа къ римскому католичеству, къ іудейству и къ мугамеданству, такъ какъ Малороссіи приходилось неизбѣжно сталкиваться со всѣмъ этимъ.

Защита православія противъ римско-католической пропаганды, какъ мы сказали, легла въ основу всѣхъ цѣлей Петра Могилы при устройствѣ кіевской коллегіи. Правду сказать, скоро послѣ смерти знаменитаго іерарха, ученая война на перьяхъ и на словахъ должна была отойти на задній планъ, а вслѣдъ затѣмъ должны были выступить впередъ иныя задачи для просвѣщенія въ русскомъ краѣ. Наступила борьба за вѣру другого рода. Народъ сталъ за нее и за себя съ дубьемъ и кольями, затѣмъ—успѣхи соединенныхъ русскихъ силъ отвоевали у Польши почти всѣ древнія русскія области. Еслибы московская политика не отодвинула разрѣшеніе вѣковаго спора еще на столѣтіе, то православіе въ областяхъ Южной и Западной Руси, поступившей подъ власть московскихъ государей, мало нуждалось бы въ диспутахъ и диссертаціяхъ за свою неприкосновенность. Кіевскіе ученые дол-

жны были бы заниматься преимущественно чѣмъ-нибудь другимъ. Но вышло иначе. Поляки одерживали верхъ надъ русскими. Русскія земли, только что отпавшія отъ Польши, опять возвращались подъ ея власть. Православію пришлось уживаться съ господствующимъ католичествомъ въ единомъ государственномъ тѣлѣ; православнымъ духовнымъ опять предстояло стараться не ударить лицомъ въ грязь передъ римско-католическимъ духовенствомъ и выступить противъ нихъ съ оружіемъ учености и краснорѣчія на защиту своей вѣры. Религіозные диспуты о вопросахъ, составляющихъ сущность различія между Западною и Восточною церковью, дѣлались самыми жизненными современными вопросами.

Іудеи еще въ недавнее время были признаны народомъ южно-русскимъ его врагами и утѣснителями. Таково было народное убѣжденіе. Іудей панскій арендаторъ, іудей-монополистъ, іудей-откупщикъ, бравшій отъ пана на откупъ достояніе, жизнь и совѣсть русскаго хлопа — былъ для послѣдняго тяжелѣе, чѣмъ самъ панъ. Рѣшившись сбросить съ себя вѣковыя цѣпи, русскій возненавидѣлъ іудея, который, какъ ловкій промышленникъ, пользовался слабыми сторонами общества, въ которомъ жилъ: десятки тысячъ израильскаго народа погибло во время возстанія. До какой степени господствовало у малоруссовъ омерзѣніе къ этому племени, конечно, поддерживаемое и невѣжественнымъ фанатизмомъ, показываетъ то, что Хмельницкій, въ числѣ условій, на которыхъ готовъ былъ примириться съ поляками, требовалъ недопущенія іудеевъ въ Украину. Но какъ только народное волненіе утихло въ русскихъ областяхъ, оставшихся за Польшею, іудеи опять принялись тамъ за свои промыслы, и опять готовились стать для русскихъ тѣмъ, чѣмъ уже были прежде. Этого мало. У іудеевъ распространилось вѣрованіе, что является на землю Мессія, что приходитъ, наконецъ, давно желанное время величія израильскаго народа и порабощенія ему народовъ другихъ вѣръ. Естественно было въ это самое время русскому писателю вступить въ литературу съ такою рѣчью, въ которой выражалась народная вражда.

Наконецъ, южнорусскій народъ находился то въ постоянныхъ сближеніяхъ, то въ столкновеніяхъ съ мугамеданскимъ міромъ; козаки то пускались на чайкахъ грабить приморскіе турецкіе города, то призывали татаръ и турокъ къ себѣ на помощь противъ поляковъ. Тогда еще не исчезала старая надежда на союзъ державъ противъ мугамеданства съ цѣлью изгнанія турокъ изъ Европы, освобожденія православныхъ гре-

ковъ и словянъ. Русскимъ, какъ исповѣдующимъ одну вѣру съ христіанами восточными, эта мысль была ближе къ сердцу, чѣмъ какому бы то ни было другому народу.

Во второй половинѣ XVII вѣка сложились обстоятельства, придававшія болѣе живости надеждамъ на исполненіе великаго предпріятія. Московское Государство вело войну противъ мусульманъ за одно съ Польшею, вмѣсто того, чтобы, какъ дѣлалось издавна, вооружать татаръ на Польшу или терпѣть татарскіе набѣги, предпринятые съ подущенія поляковъ. Тогда само собою пришло въ головы многимъ, что если кому, то московскому государю предстоитъ великое призваніе стать во главѣ христіанскаго дѣла освобожденія единовѣрцевъ и единоплеменниковъ отъ тяжкой неволи.

Галятовскій въ своихъ сочиненіяхъ затронулъ всѣ эти три современные ему вопроса: римско-католическій, іудейскій и мусульманскій. Въ 1663—64 годахъ король польскій Янъ-Казимиръ шелъ съ войскомъ отбирать подъ свою власть лѣвый берегъ Днѣпра. Наученные опытомъ, поляки стали теперь для вида ласковѣе обходиться съ православнымъ духовенствомъ, стараясь расположить его къ себѣ съ тою цѣлью, чтобъ оно не возбуждало противъ нихъ народа. Это было для поляковъ въ то время тѣмъ удобнѣе, что многимъ изъ малороссійскаго духовенства не совсѣмъ нравились пріемы московской власти, и они не слишкомъ остались довольны дѣломъ Богдана Хмельницкаго. Съ своей стороны, православные духовные, въ виду ожидаемаго соединенія Малороссіи съ Польшею, должны были стараться поставить и свою церковь, и свое сословіе въ положеніе, менѣе унизительное по отношенію къ католичеству.

Король Янъ-Казимиръ остановился въ Бѣлой Церкви. Здѣсь коронный канцлеръ епископъ Пражмовскій пригласилъ къ себѣ на пиръ нѣкоторыхъ важнѣйшихъ русскихъ духовныхъ и съ ними вмѣстѣ Галятовскаго. Хозяинъ свелъ ученаго православнаго съ ученымъ іезуитомъ Пекарскимъ, королевскимъ проповѣдникомъ; между послѣдними произошелъ диспутъ, который былъ потомъ опубликованъ Галятовскимъ въ особой брошюрѣ на польскомъ языкѣ. Споръ вращался около вопроса о первенствѣ папы. Галятовскій показалъ на этомъ диспутѣ знаніе церковной исторіи, знакомство съ отцами церкви и съ сочиненіями западныхъ богослововъ и историковъ. Доказательства Галятовскаго вѣски, изложеніе кратко, ясно; нѣтъ лишней риторики. Православный духовный старался побить іезуита свидѣтельствами самихъ же западныхъ соборовъ: констанцскаго и базельскаго. Въ противность папису, хотѣвшему, по обще-

принятому на Западѣ обычаю, выводить изъ текстовъ Новаго Завѣта, будто апостолъ Петръ былъ выше другихъ апостоловъ Христовыхъ,—Галятовскій доказываетъ, что всѣ апостолы были равны между собою, что глава церкви есть одинъ только Христосъ, что каждый патріархъ въ своей епархіи можетъ созывать соборы, сноситься съ другими патріархами и, такимъ образомъ, созвать вселенскій соборъ, что приговоръ церкви, а не приговоръ одного папы или патріарха можетъ быть незыблемымъ авторитетомъ. Между прочимъ, Галятовскій такъ уличалъ папистовъ, говорившихъ, что папа необходимъ для созванія собора: „У вашего Беллярмина,—говоритъ Галятовскій,—въ сочиненіи о соборахъ, сказано, что кардиналы и епископы могутъ сами созывать соборы, если папа впадетъ въ ересь, или умретъ, или сойдетъ съ ума, или потеряетъ свободу. Стало быть, у васъ безъ папы могутъ епископы собрать вселенскій соборъ. Поэтому, папа не можетъ назваться верховнымъ властителемъ церкви. Вспомните, что написано въ 8 гл. кн. Царствъ. Когда израильтяне собрались къ пророку Самуилу и стали просить у него царя, Господь сказалъ Самуилу: „не тебя они отвергли, а меня,—не хотятъ, чтобы я царствовалъ надъ ними!“ Видите: Богъ разгнѣвался на израильтянъ за то, что они, отвергнувши Бога, своего царя, избрали себѣ царемъ и владыкою человѣка. И теперь Богъ гнѣвается на римлянъ за то, что они, отвергнувши Царя и Господа своего Іисуса Христа, выбрали себѣ смертнаго человѣка, папу, господиномъ и монархомъ“.—„Если,—возразилъ Галятовскому противникъ,—вы не хотите признать главою церкви своей римскаго папу, то должны будете имѣть главою мірскаго государя“.—„Вотъ прекрасное заключеніе,—воскликнулъ Галятовскій,—я вамъ говорилъ и говорю: Христосъ, Христосъ, Христосъ, а не кто-нибудь другой, есть глава святой церкви“.

Короткіе, сжатые доводы Галятовскаго имѣли въ свое время болѣе силы, чѣмъ иныя длинныя разсужденія. Впослѣдствіи Галятовскій, въ дополненіе къ своей „Розмовѣ“, написалъ еще одно сочиненіе по польски объ исхожденіи св. Духа, направленное противъ западно-римскаго ученія, защищаемаго тогда іезуитомъ Боймою, написавшимъ книгу „Старая вѣра“. Сочиненіе Галятовскаго носитъ названіе „Старая Западная церковь—(т.-е., говоритъ) новой“. Въ этомъ сочиненіи, главнымъ образомъ, доказывается, что догматъ объ исхожденіи св. Духа отъ Сына, проповѣдуемый папистами, не есть достояніе древней Западной церкви, а болѣе позднее нововведеніе.

Противъ іудейства Галятовскій выступилъ съ пространною книгою на южнорусскомъ языкѣ подъ названіемъ „Мессія Правдивый". „Я написалъ эту книгу,—говоритъ онъ въ предисловіи, —потому что на Волыни, на Подоли, въ Литвѣ и въ Польшѣ жидовское нечестіе слишкомъ высоко подняло рога свои; явился на Востокѣ, въ Смирнѣ, какой-то плутъ Сабеѳа и назвался жидовскимъ Мессіею, прельстивъ жидовъ ложными чудесами; онъ обѣщалъ имъ возстановить Іерусалимъ и израильское царство, возвратить имъ ихъ отечество и вывести изъ неволи. Глупые жиды торжествовали, веселились, надѣялись, что Мессія возьметъ ихъ на облака и перенесетъ всѣхъ ихъ въ Іерусалимъ... Нѣкоторые покидали свои дома и имущества, ничего не хотѣли дѣлать и говорили, что вотъ скоро Мессія ихъ перенесетъ на облакѣ въ Іерусалимъ. Иные по цѣлымъ днямъ постились, не давали ѣсть даже малымъ дѣтямъ, и во время суровой зимы купались въ прорубяхъ, читая какую-то вновь сочиненную молитву. Тогда жиды смотрѣли на христіанъ высокомѣрно, угрожали имъ своимъ Мессіею, и говорили: вотъ мы будемъ вашими господами; ваши короли, князья, гетманы, воеводы, сенаторы, будутъ нашими пастухами, пахарями, жнецами; будутъ дрова рубить, печи намъ топить и дѣлать все, что́ жиды имъ прикажутъ: вы должны будете принять іудейскую вѣру и поклониться нашему Мессіи. Въ то время нѣкоторые малодушные и бѣдные христіане, слыша разсказы о чудесахъ ложнаго Мессіи и видя крайнее высокомѣріе жидовъ, начали сомнѣваться о Христѣ: точно-ли онъ былъ дѣйствительный Мессія, стали склоняться къ вѣрѣ въ ложнаго Мессію, напуганные угрозами о его строгости. Для того, чтобы христіане не тревожились вѣстями о ложномъ Мессіи и не сомнѣваясь вѣрили, что Іисусъ Христосъ былъ истинный Мессія,—я написалъ книгу эту. Я написалъ ее также для того, чтобы сбить спѣсь и высокомѣріе жидовъ, на стыдъ имъ и на поношеніе, такъ какъ они уже не разъ дозволяли себя обманывать ложнымъ Мессіямъ. Меня побудили къ этому и нечестивые поступки жидовъ, которые, живучи въ христіанскихъ государствахъ, относятся съ презрѣніемъ и поношеніемъ ко Христу Богу нашему и ко всему христіанскому народу".

Сочиненіе Галятовскаго изложено въ формѣ разговора христіанина съ іудеемъ—форма старая. Образцомъ русскому ученому послужило, вѣроятно, „Состязаніе христіанина съ іудеемъ", написанное писателемъ II вѣка Юстиномъ Философомъ. Христіанинъ Галятовскаго доказываетъ, опираясь на священное писаніе Ветхаго и Новаго Завѣта, на сочиненія отцовъ

церкви, на разныхъ историковъ церкви, что истинный Мессія не могъ быть никто иной, какъ только Іисусъ Христосъ, опровергаетъ тѣ возраженія, какія обыкновенно дѣлали противъ христіанства ветхозаконники, защищаетъ противъ іудейскихъ нападокъ христіанскіе догматы и обряды, наконецъ, въ свою очередь обличаетъ іудейскія заблужденія и суевѣрія. Такая книга, какъ „Мессія Правдивый", имѣла живой современный интересъ. При возрастающей силѣ іудейства, читающему русскому человѣку надобно было пріобрѣсть понятіе о томъ, чтó такое іудейство въ его столкновеніи съ христіанствомъ; надобно было знать чтó говорятъ и какъ говорятъ противъ христіанъ іудеи, и какъ должны отвѣчать имъ христіане. Современное значеніе этихъ вопросовъ подтверждается извѣстіемъ Галятовскаго о томъ, что въ его время іудеи отвращали христіанъ отъ христіанства. „Мессія Правдивый" посвященъ царю Алексѣю Михайловичу, и это обстоятельство не лишено современнаго смысла. Въ XVII вѣкѣ, несмотря на неизмѣнную неохоту великоруссовъ допускать въ свою землю іудеевъ, послѣдніе, для разныхъ цѣлей, проникали въ Москву, обыкновенно выдавая себя за людей другого племени, и книга Галятовскаго имѣла задачею познакомить царя и московскихъ книжниковъ съ іудейскимъ вопросомъ, чтобы принять надлежащія мѣры противъ іудейскихъ козней.

Для насъ, въ историческомъ значеніи, важна въ особенности послѣдняя часть этого сочиненія, гдѣ авторъ пересчитываетъ разныя преступленія, совершенныя, по его мнѣнію, іудеями противъ христіанъ и служившія тогда оправданіемъ ненависти къ іудеямъ. На основаніи этихъ данныхъ, Галятовскій, въ духѣ своего вѣка, проповѣдуетъ жестокое, можно сказать, безчеловѣчное гоненіе на іудеевъ. Всѣ его обвиненія, расточаемыя противъ нихъ, сводятся къ тому, что іудеи заклятые враги христіанъ и дѣлаютъ имъ величайшее зло.

„Жиды,—говоритъ христіанинъ іудею,—называютъ насъ гоями, т.-е., погаными; они избѣгаютъ пріятельскихъ отношеній съ христіаниномъ, гнушаются нами. И намъ слѣдуетъ, когда-такъ, называть васъ погаными и гнушаться вами. Вы не хотите принимать отъ христіанъ пищи; и христіанамъ должно сдѣлаться гадкимъ и богомерзкимъ принимать отъ іудеевъ пищу. Жиды называютъ христіанъ нечистыми; стало быть, христіане унижаютъ себя передъ жидами, когда не гнушаются принимать отъ жидовъ пищу".

„Ты, жидъ,—продолжаетъ христіанинъ,—готовъ присягнуть христіанину ложно; у васъ такая присяга ничего не

значитъ; я, поэтому, не повѣрю тебѣ, хоть бы ты мнѣ присягнулъ сто разъ, тысячу разъ, будто бы вы, жиды, не дѣлаете зла христіанамъ. Наши христіанскіе государи не должны допускать васъ, жидовъ, къ присягѣ противъ христіанъ, а напротивъ, должны по справедливости карать васъ за каждое преступленіе, зная, что вы не считаете дурнымъ дѣломъ ложно присягнуть предъ христіаниномъ. Вашъ царь Саулъ присягнулъ гаваонитамъ не воевать противъ нихъ, а потомъ нарушилъ присягу; за это Богъ въ продолженіе трехъ лѣтъ каралъ его землю. И теперь, слѣдуя примѣру вашего царя Саула, вы, жиды, ни во что ставите присягу, вопреки заповѣди Божіей, и Богъ за то самое караетъ земли и государства христіанскія голодомъ и разными смертоносными язвами. Богъ пересталъ карать іудеевъ за преступленіе Саула тогда, когда Давидъ приказалъ прибить ко кресту (?) и истребить съ лица земли сыновей Сауловыхъ; теперь надобно намъ, христіанамъ, васъ жидовъ, за клятвонарушенія ваши, убивать и истреблять; тогда Богъ перестанетъ насъ, христіанъ, карать голодомъ, войною, моровымъ повѣтріемъ и другими бѣдствіями".

Іудей требуетъ отъ своего противника доказательствъ, что іудеи причиняютъ зло христіанамъ. Христіанинъ приводитъ нѣсколько случаевъ, взятыхъ изъ разныхъ церковныхъ писателей—изъ Симеона Метафраста, Никифора, Баронія,—наконецъ останавливается на томъ, что іудеи крадутъ и убиваютъ христіанскихъ дѣтей, вытачивая изъ нихъ кровь. По этому обвиненію, онъ приводитъ болѣе десятка примѣровъ изъ хроники Райнольда, изъ какого-то Сиренія и изъ другихъ, въ особенности изъ польской книги: „Зеркало Польскаго Королевства". По извѣстіямъ, сообщаемымъ этими писателями, іудеи совершали такого рода варварства въ Швейцаріи, Германіи, Венгріи, Италіи, Англіи, Польшѣ и Литвѣ. Іудеи похищали христіанскихъ дѣтей, искалывали ихъ иглами, и такимъ образомъ добывали изъ нихъ кровь; нѣкоторые описывали истязанія надъ дѣтьми, совершаемыя въ видѣ пародіи надъ страданіями Іисуса Христа; ребенку клали на голову терновый вѣнецъ, прибивали ко кресту, прокалывали копьемъ бокъ и выпускали кровь. Самымъ ближайшимъ, по времени и мѣстности, приводится событіе, будто бы случившееся на Волыни въ селѣ Возникахъ въ 1598 году. Найдено было исколотое тѣло мальчика, какъ оказалось, замученнаго іудейскими раввинами въ день іудейской Пасхи. Каждый годъ, заключаетъ христіанинъ Галятовскаго, жиды должны умерщвлять, по крайней мѣрѣ, одного христіанскаго ребенка.

На замѣчаніе іудея, что іудейскій законъ велитъ іудеямъ беречься крови, соперникъ его возражаетъ ему, что Моисеевъ законъ уже существовалъ, а это, однако, не мѣшало іудеямъ приносить въ жертву бѣсамъ сыновей и дочерей своихъ и проливать невинную кровь, какъ говорится въ одномъ изъ псалмовъ. Но когда іудей задалъ ему вопросъ: зачѣмъ іудеямъ нужна эта кровь? противникъ его оказался слабъ. Книги, изъ которыхъ онъ черпалъ данныя для этого вопроса, давали разнорѣчивыя объясненія. Въ однѣхъ говорилось, что іудеи даютъ кровь замученныхъ ими дѣтей христіанамъ въ пищѣ и питьѣ, думая тѣмъ пріобрѣсть расположеніе христіанъ къ своему племени; другія, напротивъ, показывали, что іудеи сами употребляютъ эту кровь въ своихъ опрѣснокахъ, дабы избавиться отъ того особаго запаха, который іудей всюду носитъ съ собою; третьи объясняли, что это у іудеевъ такая тайна, которую знаютъ только немногіе передовые раввины, и они даютъ эту кровь больнымъ своимъ единовѣрцамъ въ крайнихъ случаяхъ, произнося при этомъ такія слова: „если распятый Христосъ есть истинный Мессія, то пусть кровь невиннаго человѣка, вѣровавшаго въ него, поможетъ тебѣ отъ грѣховъ твоихъ и приведетъ тебя въ вѣчную жизнь!“ Нѣкоторые, наконецъ, говорили, что дѣтская кровь нужна іудеямъ для волшебныхъ снадобій и дается съ орѣхами, яблоками и другими лакомствами. Изъ всего этого очевидно, что авторъ „Мессіи Правдиваго“ не составилъ себѣ опредѣленнаго понятія: зачѣмъ іудеи совершаютъ страшный таинственный обрядъ, въ которомъ обвиняли ихъ? Тѣмъ не менѣе, христіанинъ Галятовскаго, ведущій диспутъ съ іудеемъ, остается въ полной увѣренности, что іудеи похищаютъ христіанскихъ дѣтей, убиваютъ ихъ мучительнымъ образомъ и вытачиваютъ изъ нихъ кровь; а изъ этого онъ выводитъ такое заключеніе, что христіане, во избѣжаніе Божіей кары надъ собою, должны убивать іудеевъ и проливать ихъ кровь.

Христіанинъ переходитъ къ другимъ обвиненіямъ. Говорили, что іудеи занимаются чародѣйствомъ съ цѣлью наносить вредъ христіанамъ. Въ этомъ отношеніи, книга „Зеркало Польскаго Королевства“ доставила Галятовскому затѣйливый разсказъ. Въ Польшѣ одинъ іудей добивался отъ женщины-христіанки молока ея груди и обѣщалъ большія деньги. Женщина, посовѣтовавшись съ мужемъ, дала іудею коровьяго молока, увѣривши, что это молоко ея груди. Іудеи творили надъ молокомъ заклинанія, потомъ отправились къ висѣлицѣ, гдѣ висѣлъ трупъ казненнаго преступника, влили ему въ

ухо молока и спросили: что̀ онъ слышитъ?—Мычаніе скота,—произнесъ трупъ. Іудеи поняли, что женщина обманула ихъ. Тогда по всей Польшѣ сталъ падать скотъ; было бы тоже съ христіанами, еслибы женщина дѣйствительно продала іудею молоко отъ ея груди, вмѣсто коровьяго... Христіанинъ приводитъ изъ Баронія еще нѣсколько примѣровъ, показывающихъ, что іудеи занимаются волшебствомъ. Къ области чародѣйства относили и отравленіе; въ этомъ также оказывались виновными іудеи; авторъ приводитъ изъ Кромера извѣстіе, будто іудеи заражали ядомъ воду въ прудахъ и источникахъ и распространяли черезъ то моровое повѣтріе.

Христіанинъ упрекаетъ іудеевъ въ томъ, что они обманщики, составляютъ фальшивые документы, продаютъ мѣдь и желѣзо за золото или подмѣшиваютъ къ золоту и серебру металлы низшаго достоинства, принимаютъ отъ воровъ для сбыта краденыя вещи, дѣлаютъ тайно фальшивую монету. „Вы,—говоритъ христіанинъ,—всѣми способами стараетесь обмануть, обобрать христіанина, вы считаете это добрымъ дѣломъ. Вашъ талмудъ учитъ васъ этому. Вы опираетесь на тотъ примѣръ, какъ ваши предки когда-то взяли въ Египтѣ серебро и золото, дорогія одежды и убѣжали; имъ это не вмѣнилось въ грѣхъ; вы, жиды, насъ христіанъ считаете погаными наравнѣ съ египтянами и потому обираете насъ, какъ предки ваши обирали египтянъ. Божескій законъ не дозволяетъ вамъ брать лихву съ своихъ единоплеменниковъ, а дозволяетъ брать ее съ язычниковъ: моавитовъ, аммонитовъ... Вы считаете насъ, христіанъ, за такихъ же язычниковъ, какими были моавиты и аммониты, и потому берете съ христіанъ чрезмѣрные проценты. Со своими іудеями вы этого не дѣлаете. Есть у іудеевъ общественная казна, куда собираются деньги, пріобрѣтенныя лихоимствомъ и всяческимъ плутовствомъ; каждый іудей долженъ приносить туда плоды своихъ трудовъ такого рода. При окончаніи года, собранная сумма дѣлится на части: одна часть возвращается вкладчикамъ, другая идетъ на бѣдныхъ іудеевъ, третья на уплату податей, четвертая остается въ казнѣ. Вы платите государямъ подати тѣми деньгами, которыя вы содрали съ подданныхъ тѣхъ же государей; вы откупаете себѣ города, села, мѣста, аренды; обогащаетесь, чванитесь нарядными одеждами, строите себѣ богатые домы и божницы. Вы, жиды, алчете обладать христіанами, владычествовать надъ нами и поэтому-то вы, обманывая насъ, забираете себѣ наши деньги и имущества; вамъ хочется сдѣлать христіанъ своими слугами и подданными. За это слѣдуетъ

васъ или выгонять изъ государства, или обременять работою и трудомъ; слѣдуетъ нашимъ христіанскимъ императорамъ, князьямъ и всѣмъ панамъ, брать изъ жидовской казнохранительницы деньги на постройку церквей и убѣжищъ для больныхъ и убогихъ: пусть эти деньги пойдутъ въ уплату бѣднымъ христіанамъ, чтобъ они служили не жидамъ, а христіанскимъ господамъ. Справедливо будетъ обратить деньги, собранныя жидами, на пользу государству, потому что вѣдь эти деньги христіанскія. Не слѣдуетъ дозволять вамъ, жидамъ, строить свои божницы, а, напротивъ, надобно ихъ разорять, потому что въ вашихъ божницахъ вы произносите желанія христіанамъ того, что́ постигло несчастнаго Амана".

„Зачѣмъ же,—спрашиваетъ іудей,—вамъ разорять наши синагоги, когда мы не дѣлаемъ ничего худого вашимъ церквамъ?"

Здѣсь, казалось, было бы кстати христіанину Галятовскаго припомнить іудею способъ обращенія іудеевъ, арендаторовъ панскихъ имѣній, съ православными церквами: это въ числѣ другихъ причинъ и довело народъ до варварскаго избіенія іудеевъ въ Малороссіи, въ эпоху Хмельницкаго; Галятовскій долженъ былъ знать эту эпоху. Сомнѣній въ справедливости извѣстій о поруганіи іудеями церквей быть не можетъ, такъ какъ не только русскіе, но и польскіе историки повѣствуютъ о томъ же; даже римско-католическіе священники, при всей своей ненависти къ „схизмѣ", находили неприличными поступки пановъ, отдававшихъ въ распоряженіе іудеевъ православныя церкви. Отчего же Галятовскій объ этомъ не говоритъ ни слова? Быть можетъ, онъ не хотѣлъ объ этомъ упоминать, чтобъ не раздражить поляковъ, такъ какъ оскорбленіе церквей падало болѣе на нихъ, чѣмъ на іудеевъ, только пользовавшихся тѣмъ, что́ имъ дозволялось. Какъ бы то ни было, не касаясь въ своей книгѣ этого важнаго обстоятельства, Галятовскій довольствуется тѣмъ, что почерпнулъ изъ чужеземныхъ источниковъ, и повторяетъ свой жестокій приговоръ надъ іудейскимъ племененъ въ такихъ выраженіяхъ: „Мы, христіане, должны ниспровергать и сожигать жидовскія божницы, въ которыхъ вы хулите Бога; мы должны у васъ отнимать синагоги и обращать ихъ въ церкви; мы должны васъ, какъ враговъ Христа и христіанъ, изгонять изъ нашихъ городовъ, изъ всѣхъ государствъ, убивать васъ мечемъ, топить въ рѣкахъ и губить различными родами смерти".

Галятовскій оставилъ противъ мугамеданъ два сочиненія: оба написаны въ эпоху войны противъ турокъ, которая предпринята была совокупными силами Россіи и Польши. Война

эта сильно занимала нашего автора. Первое изъ упомянутыхъ сочиненій „Лебедь съ періемъ своимъ“ посвящено въ 1683 году гетману Ивану Самойловичу. По склонности къ символизму, господствовавшей въ тогдашнихъ литературныхъ пріемахъ, Галятовскій подъ именемъ Лебедя разумѣетъ христіанство или даже самого Спасителя; противоположный ему символъ мугамеданства—Орелъ. Въ посвященіи своемъ авторъ говоритъ, что Лебедь своимъ голосомъ и перомъ возбуждаетъ христіанъ на ратоборство противъ мусульманъ. Сочиненіе это написано по-польски, такъ какъ польскій языкъ былъ еще въ большомъ употребленіи между высшимъ классомъ въ Малороссіи; но существуетъ современный русскій переводъ, писанный по словянски церковною рѣчью и нигдѣ не напечатанный. Авторъ задается цѣлью изложить ученіе, вымыслы и способы, какъ христіане могутъ на войнѣ побѣдить бусурманъ и истребить ихъ гнусное имя съ лица земли.

Авторъ хочетъ разрѣшить себѣ вопросъ: почему мугамеданство такъ долго держится на свѣтѣ? Какъ человѣкъ благочестивый, привыкшій во всѣхъ событіяхъ ссылаться на волю Божію, онъ прежде всего становится на точку нравственно-богословскую: „Господь благъ; еще не исполнилась мѣра беззаконій мусульманскихъ; Богъ ожидаетъ обращенія съ другой стороны; Богъ, руководящій нравственнымъ усовершенствованіемъ христіанъ, находитъ нужнымъ для насъ же держать надъ нами этотъ бичъ; Богъ хочетъ испытать постоянство христіанъ въ вѣрѣ: будутъ-ли они служить ему, находясь въ неволѣ, и такъ-ли послужатъ, когда станутъ свободными? Какъ нѣкогда держалъ Онъ ассиріанъ вмѣсто жезла надъ Израилемъ, такъ теперь держитъ ересь мугамеданскую жезломъ надъ христіанами, чтобы христіане, терпя отъ невѣрныхъ озлобленіе, прибѣгали въ страхѣ къ своему Творцу съ покаяніемъ, ибо, живучи въ прохладѣ, просторѣ, и „властопитаніи“, люди забываютъ о Богѣ“. Но, кромѣ этихъ причинъ, Галятовскій находитъ еще, что христіанскіе государи не только не могутъ согласиться между собою и стать единодушно противъ враговъ Христа, но еще „хановъ, атамановъ, царей бусурманскихъ, мурзъ ихъ и прочихъ живыхъ и здравыхъ снабжаютъ“.

Галятовскій вспоминаетъ изъ Ветхаго Завѣта божескую заповѣдь объ избіеніи хананейскихъ народовъ и сравниваетъ съ непослушными израильтянами христіанскихъ государей, милостиво обращающихся съ мусульманами: „того ради,—заключаетъ онъ,—Богъ на самодержцевъ и государей зѣло

гнѣвенъ есть". Здѣсь повторяется тоже ученіе кровавой нетерпимости, которое такими рѣзкими чертами изложено въ „Мессіи" противъ іудеевъ. Московскому Государству должно было достаться при этомъ, хотя Галятовскій объ немъ не упоминаетъ: въ Московскомъ Государствѣ было болѣе мугамеданъ, чѣмъ въ какой бы то ни было иной христіанской землѣ, и ихъ не преслѣдовали, не убивали.

„Орелъ" въ спорѣ съ „Лебедемъ" указываетъ ему, что мугамеданство не только держится на свѣтѣ, но еще расширяется, и многіе народы приняли его. Какія же этому причины? спрашиваетъ авторъ. „Лебедь" даетъ объясненіе, что мугамедане мечемъ распространяютъ свою вѣру, а „смерть отъ меча люта страшна человѣкомъ, приневоляетъ ихъ къ принятію алкорана". Много помогаетъ мусульманству и то, что Мугамедъ дозволяетъ плотскія наслажденія и обѣщаетъ ихъ своимъ послѣдователямъ въ небесномъ царствіи: „понеже къ грѣху тѣлесному всѣ человѣцы отъ природженія склонны зѣло". Въ мугамеданствѣ, замѣчаетъ „Лебедь", все понятно, все близко чувственному человѣку; законъ же Христа „непостижимыя разуму вещи сказуетъ". Число мугамеданъ, по словамъ того же „Лебедя", умножается и отъ-того, что ихъ цари имѣютъ обыкновеніе, вмѣсто податей, собирать дѣтей христіанскихъ и отдавать ихъ „учиться прелести магометовой": послѣдніе остаются на всю жизнь ей преданными; наконецъ, люди, совершившіе преступленія въ христіанскихъ государствахъ, убѣгая къ бусурманамъ, находятъ у нихъ пріютъ и охраненіе, если примутъ ихъ вѣру. Но если мугамеданъ и много, что пользы изъ того? вѣдь и въ адѣ будетъ болѣе душъ, чѣмъ въ небесномъ царствіи, а всѣ мугамедане пойдутъ въ геенну огненную. Богъ даетъ невѣрнымъ временное счастіе; за то ихъ ожидаетъ по смерти вѣчное мученіе, а у христіанъ хотя здѣсь и отнимается временное благополучіе, за то дается по смерти вѣчное блаженство.

Но и на землѣ не долго уже господствовать мусульманству. Еще мученикъ Меѳодій изрекъ надъ ними пророчество: „и возстанетъ христіанское колѣно и будетъ ратоборствовати съ мусульманы, и мечемъ своимъ погубитъ ихъ и въ неволю загонитъ, и погибнутъ чада ихъ, и пойдутъ сынове измаиловы подъ мечъ въ плѣненіе и невольное утѣсненіе; отдастъ убо имъ Господь злобу ихъ, яко же они христіаномъ сотвориша". Бароній и кармелитъ Ѳома Брукселенскій доставляютъ нашему автору еще пророчества о паденіи мугамеданства; наконецъ, вотъ что онъ самъ устами своего „Лебедя" извѣщаетъ

въ утѣшеніе христіанамъ своего вѣка, ведущимъ борьбу съ исламомъ:

„Есть у муриновъ пророчество до сихъ поръ сохраняемое, что полунощный самодержецъ мечемъ своимъ покоритъ и подчинитъ своей державѣ святой градъ Іерусалимъ и все Турецкое царство. Этотъ полунощный самодержецъ есть царь и великій князь московскій. Онъ-то истребитъ бусурманскую скверную ересь и до конца погубитъ. Ты самъ, проклятый Мугамедъ, вдохновенный Богомъ или демономъ, ты самъ пророчествовалъ, что твое скверное и противное ученіе будетъ пребывать тысячу лѣтъ; но вотъ уже тысяча лѣтъ минула, даже „съ навершеніемъ“; въ маломъ времени погибнетъ твой богопротивый законъ и скверная ересь!“

„Лебедь“ объясняетъ слова Апокалипсиса (гл. 20): „ожиша и царствоваша со Христомъ тысящу лѣтъ“. Здѣсь—говоритъ онъ—разумѣются мученики, убитые отъ мугамеданъ: ихъ души со Христомъ царствуютъ.

Затѣмъ Галятовскій разсказываетъ исторію мугамеданства, описываетъ нравы мугамеданъ [1]).

Мугамедане обвиняются въ чародѣйствахъ, также какъ іудеи въ „Мессіи Правдивомъ“: одинъ мугамеданскій воевода начерталъ на землѣ кругъ, чародѣйственными заклинаніями накликалъ въ этотъ кругъ змѣй и намазалъ змѣинымъ ядомъ оружіе, которое дѣйствовало губительно;—татары вынимали сердца изъ тѣлъ христіанскихъ, мочили ихъ въ ядѣ, ставили на рожнахъ въ рѣкахъ и озерахъ, заражали воду и пившіе ее отравлялись... Галятовскій готовъ былъ, какъ кажется, обвинять въ чародѣйствѣ всѣхъ невѣрующихъ во Христа: то же, мы видѣли, сдѣлалъ онъ съ іудеями. Но съ мусульманами онъ обращается безпристрастнѣе; за іудеями онъ не призналъ ни одной свѣтлой черты. Говоря о мугамеданахъ, онъ ссылается, напротивъ, на свидѣтельство какого-то Варѳоломея Юрьевича, бывшаго четырнадцать лѣтъ въ плѣну у турокъ, и отзывается о своихъ религіозныхъ врагахъ въ такихъ выраженіяхъ:

„Они любятъ правду; кривды, обмана у нихъ отнюдь не обрѣтается, ни въ жительствѣ, ни въ походѣ; турки покрываютъ свое нечестіе исполненіемъ правды; не найдешь у нихъ ни юриста, ни прокуратора; сегодня отдавай то, что̀ обѣщалъ

[1]) Онъ руководствовался извѣстіями византійцевъ: Ѳеофана Кедрина, Евѳимія Зигабена, Евлогія мученика, также Баронія, важнѣйшаго для него источника свѣдѣній при описаніи нравовъ мусульманскихъ, хроникою Гвагнини и путешествіемъ на Востокъ Христофора Радзивилла Сиротки.

вчера. Въ большой чести у нихъ ты, святая царица—правда, всѣмъ чинамъ равная благотворительница! Ей-ей, отъ всѣхъ народовъ турки отличали себя правдою; и малыхъ дѣтей къ этому пріучаютъ и воспитываютъ такъ, чтобы они были правдивы"...

Но отъ такихъ превосходныхъ нравственныхъ качествъ мало пользы невѣрнымъ; по мнѣнію Галятовскаго, они, какъ некрещеные, все-таки всѣ пойдутъ въ адъ; съ ними надобно воевать, чтобъ избавить изъ-подъ ихъ власти нашихъ братій христіанъ, которымъ хуже, чѣмъ было іудеямъ въ Египтѣ и въ вавилонскомъ плѣненіи, или чѣмъ было римлянамъ при готѳахъ; имъ такъ худо, что ихъ жизнь можетъ развѣ сравниться съ положеніемъ умирающаго, который мучится передъ смертью и долгое время не можетъ испустить послѣдняго вздоха. Не въ силахъ заплатить положенной на нихъ тяжелой дани—бѣдные христіане, закованные по рукамъ и по ногамъ, ходятъ отъ двора до двора и просятъ, ради „проклятаго Магомета", милостыни на уплату за нихъ податей; ихъ бьютъ по подошвамъ большими палками, берутъ у нихъ дѣтей и продаютъ въ рабство. Съ особеннымъ участіемъ распространяется авторъ „Лебедя" о страданіяхъ плѣнниковъ: всѣхъ тяжелѣе,— замѣчаетъ онъ,—попавшимся въ плѣнъ духовнымъ и ученымъ, непривыкшимъ къ тѣлесной работѣ.

Наконецъ, въ „Лебедѣ" приводятся какія-то непонятныя слова, которыя въ переводѣ означаютъ пророчество, сохраняемое самими мусульманами о паденіи ихъ царства. „Явится какой-то турецкій царь, возьметъ царство, приметъ въ свою державу красное яблоко и будетъ господствовать, и будутъ мусульмане созидать себѣ домы, насаждать виноградъ, строить твердыни, плодить чадъ, но черезъ двѣнадцать лѣтъ послѣ того, какъ царь приметъ въ свою державу красное яблоко, христіанскій мечъ поразитъ турка и погубитъ имя его. Дай же Богъ, чтобы при державѣ великаго и непреодолимаго царя Ѳедора Алексѣевича всѣ христіанскіе народы обратили свое оружіе противъ мусульманъ, губителей нашей вѣры; этого и бѣдствующіе братія наши христіане всеусердно ожидаютъ и помогутъ намъ на общаго нашего лютаго врага! Азія при смерти, Африка мертвѣетъ, золотое яблоко отъ моря Балтійскаго до озера Меотійскаго, очнувшись отъ сна, не мало даетъ помощи; Греція съ Ѳракіею ожидаютъ избавленіе отъ христіанскаго оружія; за грѣхи свои они, подобно Израилю, повержены въ неволю; но познали они свои беззаконія и при-

носятъ вины свои предъ Богомъ: Богъ пошлетъ къ нимъ избавителя и возвратитъ ихъ къ прежней свободѣ скоро".

Другое, напечатанное по-польски, сочиненіе Галятовскаго противъ мусульманъ (Alkoran machometów, nauką heretycką y żydowską y pogańską napełniony, 1687) составлено въ формѣ диспута между алкораномъ и когелеѳомъ (борцомъ), и раздѣлено на двѣнадцать частей. Здѣсь излагается исторія Мугамеда, говорится объ его законѣ, о мугамедовомъ мечѣ, о чудесахъ лжепророка и пр. Когелеѳъ опровергаетъ алкоранъ и бьетъ его на всѣхъ пунктахъ, хотя дѣлаетъ достаточно промаховъ, показывающихъ, что Галятовскій читалъ безъ критики то, откуда черпалъ свои познанія. Всего интереснѣе для насъ то, что здѣсь, какъ въ „Лебедѣ", Галятовскій говоритъ о существованіи пророчества о томъ, что нѣкогда полуночный монархъ покоритъ турецкое государство; затѣмъ послѣдуетъ паденіе мусульманства и обращеніе мусульманъ ко Христу. Этотъ славный, предсказанный издавна подвигъ — предлежитъ совершить московскому государю. Галятовскій вспоминаетъ, какъ Тамерланъ бѣжалъ изъ Россіи со своими полчищами, устрашенный Божіею Матерью, какъ Димитрій (котораго онъ называетъ Семешка) разбилъ татаръ, какъ русскіе покорили Казань и Астрахань... Надлежитъ довершить то, что дѣлалось прежде. Галятовскій желаетъ, чтобы царь покорилъ Турцію, освободилъ Гробъ Господень, четырехъ патріарховъ вселенскихъ и порабощенные христіанскіе народы изъ-подъ мусульманской власти. Галятовскій, такимъ образомъ, въ литературѣ содѣйствовалъ развитію мысли о томъ, что на Россіи лежитъ избраніе судьбы, что ея назначеніе — освободить восточныхъ христіанъ и подчинить владычеству христіанской вѣры мусульманскій Востокъ; однимъ словомъ, чего не докончили въ свое время крестовые походы, то суждено докончить Россіи. Мысль эта обратилась въ народное вѣрованіе и у турецкихъ христіанъ и у русскаго народа. Ее повѣдали московскимъ государямъ съ Запада папы, укрывавшіе за этими надеждами намѣреніе подчинить себѣ русскую церковь; но та же мысль развивалась въ народѣ и въ литературѣ своимъ независимымъ путемъ.

Галятовскій былъ проповѣдникомъ. Проповѣдь сдѣлалась тогда необходимостью; духовный, сознавшій въ себѣ охоту къ писанію, скорѣе всего брался за проповѣдь. Галятовскій издалъ томъ проповѣдей, подъ названіемъ: „Ключъ Разумѣнія"; проповѣди сочинены на господскіе и богородичные праздники. Галятовскій смотрѣлъ на эту книгу, какъ на руководство: въ

предисловіи къ ней онъ предлагаетъ священникамъ читать изъ нея поученія народу. Проповѣди его имѣютъ характеръ болѣе догматическій и объяснительный, чѣмъ нравственно-поучительный. Толкуются народу догматы вѣры, объясняются значенія таинствъ, обрядовъ, и новозавѣтныхъ и ветхозавѣтныхъ. Проповѣдникъ чрезвычайно любитъ смѣлыя и затѣйливыя сравненія. Говоря, напр., о двухъ естествахъ Іисуса Христа, Галятовскій, для объясненія, указываетъ на человѣка, который знаетъ и богословіе, и философію: „вотъ,—говоритъ онъ,—и подобіе соединенія божественнаго съ человѣческимъ". Другое сравненіе двухъ естествъ—съ лукомъ, связаннымъ съ тетивою; лукъ означаетъ божественную, а тетива человѣческую природу. Въ проповѣди на Воскресеніе Христово онъ сравниваетъ Христа съ ихнеумономъ. Крокодилъ проглотилъ ихнеумона, а ихнеумонъ крокодилу разъѣстъ внутренности; такъ Христосъ поступилъ со смертью, которой подвергся. Галятовскій любитъ приводить въ проповѣдяхъ примѣры и анекдоты; встрѣчаются у него примѣры изъ древней исторіи: о Демокритѣ, Птоломеѣ, объ Аннибалѣ, берутся данныя изъ миѳологіи въ смѣшеніи съ христіанскими образами: являются аргонавты: дельфійскій оракулъ приказываетъ устроить божницу Дѣвѣ Маріи; отъ глубокой древности проповѣдникъ переходитъ въ болѣе близкій ему міръ, разсказываетъ анекдотъ о князѣ литовскомъ Витовтѣ, который приказалъ зашить живого человѣка въ медвѣжью шкуру. Эти-то примѣры, сравненія, анекдоты, придавали проповѣдямъ Галятовскаго большую занимательность, и „Ключъ Разумѣнія" былъ одною изъ самыхъ читаемыхъ книгъ въ Малороссіи даже въ близкое къ намъ время.

При своихъ проповѣдяхъ Галятовскій приложилъ правило о составленіи проповѣдей. „Старайся, говоритъ онъ, чтобы всѣ люди понимали то, что́ ты имъ говоришь въ своемъ поученіи; какой мудрый былъ проповѣдникъ Іоаннъ Златоустъ, но и его порицала женщина за трудно понимаемую проповѣдь!" Галятовскій въ своихъ собственныхъ проповѣдяхъ вѣренъ своему правилу: онѣ написаны по-малорусски и были удобопонятны въ той средѣ, гдѣ говорились. Не всѣ послѣдовали его примѣру впослѣдствіи, когда вмѣсто языка, близкаго къ народному, стали употреблять словяно-церковный, искусственный и понятный только для тѣхъ, которые ему учились предварительно.

Согласно духу схоластической мудрости, почерпнутой въ школѣ, Галятовскій въ своемъ руководствѣ учитъ проповѣд-

никовъ словоизвитію, построенію поученій на словахъ, именахъ, и вообще на внѣшнихъ признакахъ: находитъ, что неждaнные обороты привлекаютъ любопытство слушателей. „Можешь,—говоритъ онъ,—занять вниманіе людей, толкуя имъ какое-нибудь имя и всю проповѣдь построить на имени; напримѣръ, въ недѣлю (воскресенье) говори: недѣля называется оттого, что въ этотъ день ничего не дѣлаютъ, а только Богу молятся; или—на день Владиміра скажи, что Владиміръ оттого такъ называется, что владѣетъ міромъ; на Василія скажи, что Василій значитъ царь, ибо Василій Святой царствовалъ надъ своимъ тѣломъ". Галятовскій учитъ озадачивать слушателей какимъ-нибудь не сразу понятнымъ для нихъ заявленіемъ; напримѣръ: „на Вербное воскресенье, сказавши:—„Православные христіане! Прошу васъ и заявляю вамъ, чтобы вы непремѣнно ходили въ церковь и молились Богу; на этой седьмицѣ будетъ страшный судъ",—сойди прочь съ каѳедры. Это значитъ, что на страстной недѣлѣ будетъ читаться о судѣ надъ Іисусомъ Христомъ: вотъ оно и есть судъ страшный". Замѣчательны его наставленія какъ слѣдуетъ говорить надъ умершими. Галятовскій велитъ проповѣднику разсказывать какъ покойникъ творилъ добро, хранилъ православную вѣру, помогалъ бѣднымъ милостынью, давалъ пособіе церквамъ и монастырямъ, принималъ въ свой домъ странниковъ, выкупалъ плѣнныхъ изъ неволи и пр., хотя бы за покойникомъ и не вѣдомы были такія добродѣтели. „Можешь,—говоритъ онъ,—кромѣ того припомнить его фамилію, сказать, что она древняя, существуетъ сто лѣтъ или, пожалуй, тысячу лѣтъ на свѣтѣ, что она находилась въ родственной связи со знатными домами; можешь взять прозвище покойнаго; напр., если онъ назывался Броницкій, ты говори: онъ такъ назывался оттого, что боронилъ отчизну; или, напр., умершій назывался Любомирскимъ; ты говори; это онъ оттого Любомирскій, что миръ возлюбилъ. Можешь взять тоже крестное имя. Умершаго звали Стефаномъ, ты говори: Стефанъ значитъ вѣнецъ, и тутъ скажи, что покойникъ пріобрѣлъ себѣ вѣнецъ какъ-бы изъ цвѣтовъ или драгоцѣнныхъ камней; или, напр., умершаго звали Дороѳей; ты обратись къ слушателямъ и скажи: Православные христіане! Дороѳей значитъ даръ Божій. И нашъ Дороѳей, котораго видите на гробовыхъ носилкахъ, былъ истиннымъ даромъ для отчизны и для каѳолической церкви. Можешь также взять гербъ покойнаго: если въ гербѣ у него была стрѣла, ты припомни текстъ: покажи мя, яко стрѣлу избранну; если у него

въ гербѣ башня—скажи текстъ: бысть упованіе мое столпъ крѣпости" и пр.

Можно подозрѣвать, что тутъ проповодникъ съ юморомъ говоритъ о проповѣдяхъ своего времени. То же можно было бы сказать относительно наставленія, какъ слѣдуетъ говорить проповѣди на дни святыхъ. Галятовскій говоритъ: „проповѣдь, которую ты произносилъ въ день какого-нибудь святого, напр. Николая, можешь произнести на день другого святого, напр. Василія; только въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ ты говорилъ „Николая архіепископа Мирликійскаго", восхваляй Василія Великаго или Григорія Богослова и т. п. Можно даже то, что ты говорилъ объ Іоаннѣ Крестителѣ, перенести на Архистратига Михаила"...

Замѣчательно, какъ Галятовскій щадитъ своихъ слушателей и боится огорчить ихъ своими пастырскими угрозами. Въ проповѣди на день св. Георгія онъ коснулся ада, но ему стало жаль посылать туда грѣшныхъ слушателей, и онъ совѣтуетъ имъ не отчаяваться, не унывать. Правда, изъ св. писанія слѣдуетъ, что въ адѣ будетъ болѣе душъ, чѣмъ на небѣ, и такъ надобно же, чтобы адъ кѣмъ-нибудь наполнился—и вотъ проповѣдникъ утѣшаетъ на этотъ счетъ слушателей, напоминая имъ, что вѣдь на свѣтѣ много невѣрныхъ жидовъ, мугамеданъ, есть довольно всякихъ еретиковъ, аріанъ, несторіанъ, адамитовъ, монофизитовъ: будетъ кому наполнить адъ; а мы православные христіане,—говоритъ онъ, —будемъ надѣяться, что всѣ достигнемъ вѣчнаго спасенія. Точно также въ проповѣди на день св. Иліи онъ разразился противъ богачей, и какъ-бы забылъ, что въ день Георгія всѣмъ обѣщалъ рай: „Не могутъ,—сказалъ онъ теперь,—восхищены быть на небо люди богатые; ихъ души отягощены богатствами, сокровищами, маетностями; богачи за своими богатствами забываютъ о Богѣ: они злоупотребляютъ своими благами; они только ѣдятъ, пьютъ, веселятся, а бѣдныхъ людей забываютъ: не кормятъ ихъ, въ домъ къ себѣ не пускаютъ"... Но потомъ, проповѣдникъ сжалился надъ богачами и рѣшилъ, что и богатымъ можно достигнуть неба, если только они станутъ давать милостыню, помогать церквамъ и монастырямъ и пр.

Въ числѣ сочиненій Галятовскаго есть одно, писанное по-русски: „Души людей умерлыхъ". Здѣсь авторъ ведетъ насъ на тотъ свѣтъ, показываетъ намъ жилища праведниковъ и мѣста мученій грѣшниковъ—небо и адъ. Души праведныхъ размѣщаются по числу девяти ангельскихъ хоровъ небесной

іерархіи, сообразно тѣмъ обязанностямъ, которыя возложены на эти ангельскіе хоры по отношенію къ нашей временной жизни. Въ низшемъ хорѣ, собственно въ хорѣ *ангеловъ*,—которымъ поручено надзирать надъ душами человѣческими во время земного шествія,—обитаютъ крещеныя дѣти, убогіе, сироты, вдовы, и жившіе честно въ супружескомъ союзѣ; во второмъ, болѣе высокомъ хорѣ, *архангеловъ*, (которые до великихъ людей отъ Бога посольства справляютъ), священники и церковные учители; въ третьемъ, называемомъ имъ *князствами*, обязанномъ наблюдать надъ государствами, націями и провинціями, будутъ пребывать цари, цесари, князья, гетманы, воеводы и всякая старшина, если они чинили подначальнымъ людямъ правосудіе и не дѣлали имъ обидъ; четвертый хоръ называется *владзы*, воюющіе со злыми духами—съ ними пребываютъ рыцари, которые сопротивлялись злымъ духамъ и побѣждали грѣхъ; въ пятомъ хорѣ, называемомъ *моцарства*—чудотворцы; шестой хоръ *панства*—есть обитель дѣвственниковъ, пустынниковъ, иноковъ; седьмой *ѳроны*—тамъ справедливые судьи, въ осьмомъ—между херувимами—апостолы, епископы, митрополиты и пр.; девятый, высшій хоръ, *серафимы*, которые возбуждаютъ любовь къ Богу—тамъ мученики.

Противоположное небесамъ обиталище грѣшныхъ, пекло, раздѣляется на два отдѣла; первый называется *одхлань пекельная* (бездна), другой—*огненная геенна*. Въ первомъ сидѣли до Христа ветхозавѣтные праведники; они мукъ не терпѣли, но были удалены отъ Бога и ожидали Христа. Спаситель вывелъ ихъ изъ ада; они пребывали съ нимъ сорокъ дней на землѣ, а по вознесеніи его пребываютъ на небесахъ. Но Спаситель не вывелъ изъ ада египтянъ, моавитянъ и всякихъ язычниковъ, которые не ожидали Христа. Они теперь въ аду. Другое отдѣленіе ада—геенна огненная, изобилуетъ разными муками: неугасимый огонь будетъ удѣломъ развратниковъ, прелюбодѣевъ и гнѣвныхъ людей. Лютая зима достанется на долю высокомѣрныхъ богачей, безжалостныхъ къ страданіямъ нищеты; червь совѣсти будетъ грызть похитителей чужой собственности и клеветниковъ, похищающихъ у ближнихъ доброе имя. Нестерпимый смрадъ будетъ досаждать изнѣженнымъ щёголямъ, которые любили благовонія (кохаются въ пахучихъ перфумахъ), а тѣ, которые обжираются и не держатъ постовъ—осуждены будутъ на голодъ. Въ адѣ будетъ большая тѣснота: все пекло—говоритъ намъ богословъ—будетъ биткомъ набито грѣшниками, одни на самомъ днѣ, другіе по серединѣ, третьи наверху; словно кто наложитъ въ

бочку рыбы, заткнетъ бочку чопомъ (зашпунтуетъ). Затѣмъ авторъ описываетъ мытарства, которыя должна переходить душа человѣческая по освобожденіи отъ тѣла.

Другія сочиненія Галятовскаго, хотя менѣе предъидущихъ, но заключаютъ любопытныя черты для исторіи понятій и взглядовъ того времени. Книжечка, подъ названіемъ: „Небо новое, новыми звѣздами сотворенное“, напечатанная въ 1665 г., во Львовѣ, есть собраніе разсказовъ о чудесахъ Пресвятой Богородицы, выписанныхъ изъ разныхъ западныхъ писателей съ присовокупленіемъ того, что́ представляется происходившимъ въ Польшѣ, Литвѣ и Малороссіи. Здѣсь замѣчательно посвященіе Потоцкой, сестрѣ митрополита Петра Могилы, образчикъ той, забавной для нашего времени, лести, съ какою писаки XVII вѣка обращались къ знатнымъ особамъ, чая паденія крупицъ отъ щедротъ ихъ на свою долю.

Галятовскій производитъ домъ Могилъ отъ Муція Сцеволы, „валечнаго и отважнаго и горливаго (ревностнаго) къ отчизнѣ своей рыцера римскаго“, и называетъ домъ Могилъ —„небомъ, усѣяннымъ новыми звѣздами“. „Богъ,—выражается нашъ авторъ,—праотцу нашему Адаму сказалъ: земля еси и въ землю пойдеши, а я скажу Пресвятой Дѣвѣ Маріи: ты небо и пойдешь въ небо могилянское!“ Другая брошюра Галятовскаго: „Скарбница пожитечная“—(Полезная Сокровищница)—заключаетъ въ себѣ описаніе чудесъ иконы Пресвятой Богородицы, чествуемой подъ именемъ Елецкой въ Черниговскомъ монастырѣ того же имени, гдѣ Галятовскій былъ архимандритомъ. Во вступленіи къ этой книжечкѣ Галятовскій пускается въ объясненіе слова козакъ, и слѣдуетъ мнѣнію, по его выраженію, мудрыхъ людей, которые производятъ слово козакъ отъ козерога, небеснаго зодіака, потому что козаки ходятъ съ рогами, въ которыхъ насыпанъ порохъ, и какъ на высокомъ небѣ поднимается козерогъ, такъ козаки, проходя поля и море, поднимаются на стѣны и валы басурманъ и насыпаютъ изъ своихъ роговъ порохъ въ самопалы, изъ которыхъ стрѣляютъ въ непріятеля. Трудно найти болѣе подходящій образчикъ натянутыхъ и придуманныхъ объясненій, на которыя падка была схоластическая наука. Главный предметъ вниманія автора—Елецкій монастырь; его очень интересуетъ прошедшая судьба этого монастыря. Но гдѣ взять источниковъ? Малороссія бѣдна древними письменными памятниками: Великая Россія богаче; въ Москвѣ,—говоритъ онъ,—есть и русскіе лѣтописцы, и патерики знаменитыхъ русскихъ монастырей. Князья Одоевскіе и Воротынскіе сообщили ему

свѣдѣнія, переходившія у нихъ въ родѣ о томъ, какъ образъ Елецкой Богородицы (названной такъ оттого, что найденъ на еловомъ деревѣ) найденъ при предкѣ ихъ Святославѣ Ярославичѣ; но Галятовскій нашелъ еще у себя источникъ: „старые люди,—говоритъ онъ,—суть хроники живыя“. Черниговъ испыталъ большія перемѣны: прежде жительствовали въ немъ московскіе люди; но съ присоединеніемъ его къ Польшѣ, послѣ Смутнаго времени, наплыло туда другое населеніе; нужно было отыскать старожиловъ изъ прежняго населенія. Галятовскій отыскалъ ихъ: одному изъ нихъ было сто десять лѣтъ, другому полтораста, а третьему около двухъ сотъ лѣтъ —старость сомнительная. Трудно, не обидѣвши память Галятовскаго, рѣшить: кто солгалъ; тотъ-ли кто говорилъ о своихъ лѣтахъ Галятовскому, или самъ Галятовскій. Схоластическое образованіе заставляло при соблюденіи правилъ относительно формы смотрѣть очень легкомысленно на фактическую правду и „сочинять“ не считалось слишкомъ постыднымъ. Въ 1696 г. напечатана была въ Черниговѣ брошюра Галятовскаго: „Боги поганскіе“. Она посвящена царевнѣ Софіи. Въ своемъ предисловіи авторъ снова показалъ образчикъ лести, свойственной своему времени, прославлялъ Софію, находилъ соотвѣтствіе ея крестнаго имени съ названіемъ премудрости, и выразился о царскомъ домѣ въ такихъ выраженіяхъ: „Въ дому найяснѣйшихъ царей русскихъ каждый царь есть солнцемъ, царица есть мѣсяцемъ, царевичове и царевны суть звѣздами: бо свѣтятъ добрыми учинками“ (поступками). По ученію Галятовскаго, идолы языческихъ боговъ были не болванами, статуями, простою вещью, какъ объ нихъ отзывался нѣкогда Ветхій Завѣтъ, но жилищемъ злыхъ духовъ, и ссылается, въ подтвержденіе своего взгляда, на многихъ церковныхъ и свѣтскихъ писателей. Бѣсы, сидѣвшіе въ идолахъ, говорили иногда правду и предсказывали появленіе христіанства; но они же часто обманывали и подводили въ бѣду людей, употребляя въ своихъ прорицаніяхъ двусмысленныя выраженія, такъ что человѣкъ понималъ прорицаніе совсѣмъ не въ томъ смыслѣ, какой оно имѣло на самомъ дѣлѣ. Нигдѣ неумѣнье Галятовскаго отличать вымыселъ отъ фактической правды не высказалось такъ выпукло, какъ въ этомъ сочиненіи: взявши изъ „Освобожденнаго Іерусалима“ въ польскомъ переводѣ Кохановскаго разсказы о поступкахъ чародѣя Исмена, Галятовскій не поколебался принять ихъ за несомнѣнно-достовѣрныя историческія событія. Языческія божества для Галятовскаго не только предметъ исторіи и археологіи; они имѣютъ

живой, современный интересъ. Дѣятельность ихъ продолжается и понынѣ. „И теперь, — говоритъ онъ, — дьаволы чрезъ посредство чародѣевъ даютъ отвѣты и прорицанія; злые духи, обитавшіе въ идолахъ, и теперь разнымъ образомъ соприкасаются съ людьми: они то принимаютъ личину умершихъ людей, то создаютъ себѣ воздушное тѣло изъ облаковъ, показываютъ разныя вещи въ зеркалѣ, даютъ отвѣты чрезъ огонь, воду, чрезъ перстни“ и т. п. Для Галятовскаго борьба съ языческими божествами такая же, какою была борьба противъ іудейства и мусульманства. Но ратоборство нашего автора съ языческими божествами вообще слабѣе того, которое онъ велъ съ іудеями и мусульманами: сочиненіе „Боги поганскіе“ напечатано уже въ старости Галятовскаго, за два года до его кончины.

Можно упомянуть еще объ одномъ польскомъ сочиненіи Галятовскаго: „Алфавитъ еретиковъ“. Авторъ приводитъ въ азбучномъ порядкѣ всѣхъ, кого причисляетъ къ еретикамъ, показываетъ при этомъ значительную начитанность, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, смѣшеніе понятій: къ разряду еретиковъ онъ относитъ не только философовъ древности, но даже такихъ лицъ, которыя не ознаменовали себя никакими признаками умственной дѣятельности, напр., въ число еретиковъ попалъ Ксерксъ, потому только, что ему снился сонъ, а это подало Галятовскому поводъ толковать, что сны бываютъ отъ Бога, но бываютъ и отъ дьявола.

Со всѣмъ своимъ ученымъ невѣжествомъ, съ простонародными суевѣріями, привитыми въ младенчествѣ и не выбитыми школою (которая и не старалась объ ихъ искорененіи), съ легковѣріемъ ко всему печатному, съ раболѣпствомъ ко всему, что́ только носитъ на себѣ притязаніе православной церковности, съ дикимъ изувѣрствомъ, готовымъ жечь, топить въ водѣ, рѣзать всѣхъ, кто вѣруетъ не такъ, какъ слѣдуетъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ съ несомнѣннымъ дарованіемъ, которое видимо въ стройности изложенія, въ ясности слога, въ удободоступности рѣчи, и, главное, въ той живости, которая всегда бываетъ признакомъ дарованія, и которой никакъ и ничѣмъ не можетъ себѣ усвоить бездарность, Галятовскій, болѣе всякаго другого, можетъ назваться представителемъ своего вѣка въ южнорусской литературѣ.

Изъ другихъ малорусскихъ писателей XVII столѣтія болѣе всѣхъ приближается къ Галятовскому, но только съ одной стороны, какъ проповѣдникъ, Антоній Радивиловскій, игуменъ Пустынно-Николаевскаго монастыря въ Кіевѣ. Въ 1676 году

онъ напечаталъ Сборникъ своихъ проповѣдей подъ названіемъ: „Садъ Маріи Богородицы“, а въ 1688 подъ другимъ затѣйливымъ названіемъ: „Вѣнецъ Христовъ, съ проповѣдей недѣльныхъ аки съ цвѣтовъ рожаныхъ (розовыхъ) на украшеніе православно-каѳолической церкви исплетенный“. Эти проповѣди расположены по церковному кругу недѣль, захватывающему переходные праздники. Прежде всего авторъ дѣлаетъ посвященіе Христу. За посвященіемъ Христу слѣдуетъ посвященіе царевнѣ Софіи, которая сравнивается съ греческою царевною Пульхеріею, управлявшею дѣлами при своемъ царствовавшемъ братѣ. За обращеніемъ къ Софіи, слѣдуетъ обращеніе ко всякому читателю книги; авторъ объясняетъ, зачѣмъ книга называется вѣнцомъ розовымъ. Между прочимъ, онъ сдѣлалъ это для того, чтобы книгу его читали охотнѣе, подобно тому какъ врачи подправляютъ сахаромъ свои лекарства. Авторъ простодушно воображаетъ, что за его книгу охотнѣе примутся читатели, когда увидятъ заглавіе, напоминающее розовые цвѣты. Въ своихъ проповѣдяхъ Радивиловскій употребляетъ ту же, близкую къ народной рѣчи, удобопонятную рѣчь, какъ и Галятовскій, но уступаетъ ему въ даровитости, и проповѣди его представляютъ менѣе занимательности: Радивиловскій бываетъ часто растянутъ и вдается въ мелочи, въ пустые толки о словахъ; напр., одна изъ его проповѣдей на Ѳомину недѣлю основана вся на толкованіи: зачѣмъ Христосъ, явившись ученикамъ послѣ воскресенія, сталъ посреди ихъ, и по этому поводу сопоставляются разные случаи, когда въ св. Писаніи упоминается выраженіе „посреди“. Радивиловскій изобилуетъ сравненіями, приводитъ нерѣдко свидѣтельства древнихъ языческихъ писателей: Тацита, Плутарха, Цицерона, Плинія и другихъ, примѣры изъ древней исторіи [1]), образы изъ миѳологіи [2]), разные анекдоты [3]), случаи изъ повседневной жизни [4]), особенно щеголяетъ баснями,

[1]) Напримѣръ, вспоминаетъ, какъ гладіаторы намазывали себѣ масломъ тѣло и одинъ обсыпалъ своего противника пескомъ, чтобъ можно было ухватиться: онъ сравниваетъ его съ дьяволомъ, который ухищряется схватить насъ, намазанныхъ елеемъ благодати.

[2]) Напр., что древніе изображали миръ въ видѣ дѣвицы въ бѣлой одеждѣ, попирающей ногами всякаго рода оружіе, или сравниваетъ Сына Божія, Христа, побѣдившаго дьявола, съ сыномъ Юпитера, Персеемъ, побѣдителемъ Медузы.

[3]) Напр., о жидѣ, давшемъ христіанину деньги съ условіемъ, въ случаѣ неуплаты, вырѣзать изъ его тѣла кусокъ мяса, или напр., о дѣвицѣ, которая влюбилась въ молодца и не могла исцѣлиться отъ своей любви, пока не явился ей Христосъ и не сказалъ: люби меня!

[4]) Напр., разъ двое поспорили между собою за кирпичъ, и одинъ изъ нихъ усту-

которыя примѣняетъ къ религіознымъ предметамъ своеобразнымъ и страннымъ способомъ [1]). Въ проповѣди на день „Женъ мироносицъ“ Радивиловскій ставитъ въ большую заслугу мироносицамъ то, что онѣ пошли на гробъ Христа ночью, и при этомъ высказываетъ тотъ же суевѣрный страхъ предъ мертвецомъ, какой господствовалъ въ народѣ. „Домъ смерти,— говоритъ онъ, — есть домъ страха. Пусть мать любитъ, Богъ знаетъ какъ, своего сына (или сестра брата, или другъ друга и т. п.), а умри у нея дитя: едвали бы нашлась такая мать, которая бы рѣшилась пойти ночью къ мертвому сыну!“ Нравственно-поучительная сторона проповѣдей Радивиловскаго очень слаба и ограничивается общими словами, за немногими не важными исключеніями, гдѣ какъ-бы случайно онъ касается чертъ обычаевъ того общества, которому читаетъ свои проповѣди [2]).

Иной тонъ встрѣчаемъ мы у третьяго малорусскаго писателя, и, главное, проповѣдника — Лазаря Барановича. На жизненномъ пути онъ былъ не таковъ, какъ Галятовскій и Радивиловскій, которые не шагали далѣе скромнаго званія монастырскихъ настоятелей. Лазарь достигъ званія архіепископа черниговскаго, и, послѣ попавшагося въ плутняхъ Меѳодія, былъ много лѣтъ блюстителемъ митрополичьяго престола. Онъ участвовалъ въ политическихъ дѣлахъ своей родины и въ особенности игралъ важную роль послѣ измѣны Бруховецкаго въ 1668—1669 г. Подъ его настроеніемъ былъ избранъ въ гетманы Многогрішный и постановлены были глуховскія статьи.

Лазарь, самъ малоруссъ, очень соболѣзновалъ о неправо-

пилъ другому, изъ чего выводится, что большею частью ссоры бываютъ за твое и мое и прекращаться могутъ легко, когда кто скажетъ— твое.

[1]) Напр., левъ, оселъ и лисица условились охотиться за добычей. Поймавши добычу, стали дѣлить. Левъ поручилъ дѣлежъ ослу. Оселъ, не обративши достодолжнаго вниманія на то, что левъ есть царь и ему подобаетъ уваженіе, счелъ себя равнымъ льву и раздѣлилъ добычу на три равныя части. Левъ за то растерзалъ осла, и приказалъ дѣлить добычу лисицѣ. Лисица уступила льву большую часть. Кто тебя научилъ такъ поступить? спросилъ левъ.—Случай съ осломъ, отвѣчала лисица. Отсюда вытекаетъ, что такъ и Христосъ не вытерпитъ, когда кто въ гордости равняетъ себя ему и, получивши блага міра сего—славу, почести, богатства, приписываетъ чести столько же себѣ, сколько Христу.

[2]) Къ такимъ мѣстамъ принадлежитъ одна изъ его проповѣдей на Святой недѣлѣ: онъ порицаетъ грѣховное провожденіе христіанскихъ праздниковъ: когда же больше бываетъ ссоръ, нечистоты, прельщенія, пьянства, какъ не въ праздникъ? Въ первый день Воскресенія Христова празднуется Богу-Отцу, во вторый Богу-Сыну, въ третій Духу святому, придетъ день четвертый, или совсѣмъ минутъ праздники,—мы, какъ и прежде бывало, остаемся холодными къ богослуженію, не хотимъ смириться и покаяться въ грѣхахъ своихъ предъ духовнымъ отцомъ.

судіи и утѣсненіяхъ, которыя причиняло малороссіянамъ воеводское управленіе, и хлопоталъ о томъ, чтобъ избавить ихъ отъ суда и расправы великорусскихъ воеводъ, но не могъ успѣть, такъ-какъ проекты его, при всемъ ихъ краснорѣчіи, оказывались противными стремленію московской политики, хотѣвшей какъ можно тѣснѣе привязать къ себѣ поступившую подъ ея власть страну. Лазарь былъ человѣкъ съ житейскимъ благоразуміемъ, позволялъ себѣ говорить насколько было для него безопасно, умѣлъ и молчать и старался ладить съ сильными и угождать имъ. Патріархъ константинопольскій, признавая Іосифа Нелюбовича-Тукальскаго митрополитомъ, поручилъ Лазарю въ духовное управленіе лѣвобережную Малороссію, и почтилъ его отличіемъ, позволивши носить саккосъ, тогда какъ въ то время архіереи, кромѣ митрополита, надѣвали при богослуженіи фелони, наравнѣ со священниками, отличая себя отъ послѣднихъ только омофоромъ. Лазарь посвящалъ и посылалъ царю Алексѣю Михайловичу свои проповѣди, украшая ихъ заголовки затѣйливыми символическими рисунками, выражающими славу московской державы, и прилагая при нихъ объяснительныя вступленія, преисполненныя самой изысканной лести. Проповѣдникъ, отсылая въ Москву такимъ образомъ свой сборникъ „Трубы словесъ“, добивался, чтобы казна у него купила все изданіе; царь не согласился на это, приказавши только продавать его книгу обычнымъ порядкомъ; но все-таки ее навязывали по монастырямъ. Отношенія Лазаря Барановича къ гетману Многогрішному скоро охладились; когда на этого гетмана сдѣланъ былъ доносъ, Лазарь не защищалъ его, и когда, послѣ ссылки Многогрішнаго въ Сибирь, въ 1672 году козацкая рада выбрала иного гетмана, Самойловича, Лазарь находился на этой радѣ, приводилъ козаковъ къ присягѣ и сблизился-было съ новымъ гетманомъ.

Но прошло нѣсколько лѣтъ, Самойловичъ не взлюбилъ Лазаря. Въ Батуринъ къ гетману пріѣхалъ луцкій епископъ Гедеонъ, князь Четвертинскій. Самойловичъ, тайно отъ Лазаря, ходатайствовалъ за Гедеона въ Москвѣ, добивался, чтобы послѣдній сталъ митрополитомъ, а на Лазаря старался вообще набросить тѣнь. Въ Москвѣ тогда болѣе всего хотѣли, чтобы новый митрополитъ подчинился московскому патріарху. Четвертинскій былъ готовъ на это, тогда какъ Лазарь, по прежнему своему поведенію, казался менѣе надежнымъ, какъ постоянный защитникъ малороссійскихъ правъ. Правительство предоставило Малороссіи вольное избраніе митрополита: избранъ былъ

Четвертинскій въ 1686 году. Лазарь, старѣйшій изъ архіереевъ, былъ обойденъ; опираясь на грамоту, онъ не хотѣлъ повиноваться Гедеону, его оставили, но митрополитъ всячески унижалъ его, изъялъ изъ его управленія нѣсколько протопопій и называлъ его только епископомъ. Самойловичъ съ своей стороны дѣлалъ ему разныя непріятности. Послѣ паденія Самойловича, Лазарь какъ-бы ожилъ и отправилъ въ Москву съ своей стороны жалобу на поступки низверженнаго гетмана. Въ 1691 году скончался и другой недоброжелатель его, Гедеонъ; опять произошелъ выборъ, но и на этотъ разъ обошли Лазаря, а избрали печерскаго архимандрита Ясинскаго. Лазарь, уже престарѣлый, испросилъ себѣ отъ патріарха помощника, въ лицѣ черниговскаго архимандрита Ѳеодосія Углицкаго, котораго въ Москвѣ и посвятили въ санъ архіепископа съ тѣмъ, чтобы, по смерти Лазаря, онъ занялъ его мѣсто. Лазарь скончался въ 1694 году.

Участіе Лазаря въ литературѣ выразилось преимущественно проповѣдями. Онъ самъ поставлялъ себѣ это въ заслугу и дорожилъ славою проповѣдника. Его проповѣди изданы въ двухъ огромныхъ сборникахъ, in folio. Первый, напечатанный въ Печерской Лаврѣ въ 1666 году, подъ названіемъ: „Мечъ Духовный, еже есть глаголъ Божій“, заключаетъ въ себѣ слова и поученія на дни воскресные и переходящіе праздники, начиная отъ Пасхи и кончая великою субботою. Другой сборникъ, напечатанный тамъ же въ 1674 году, носитъ названіе: „Трубы Словесъ“, и заключаетъ проповѣди на дни святыхъ и непеременяемые праздники. Барановичъ отступилъ отъ способа, принятаго Галятовскимъ и Радивиловскимъ,— писать проповѣди языкомъ, близкимъ къ народной рѣчи. Онъ пишетъ на славяно-церковномъ языкѣ. Вычурность, напыщенность,—при скудости мысли, бѣдности воображенія и отсутствіи неподдѣльнаго чувства,— составляютъ отличительныя черты проповѣдей Лазаря. Всѣ онѣ, можно сказать, состоятъ изъ трескучихъ фразъ и до чрезвычайности скучны. Въ свое время онѣ могли нравиться развѣ книжникамъ, гонявшимся за словами и выраженіями, но едвали могли быть понятны народу. Впрочемъ, Лазарь, какъ кажется, и писалъ ихъ, имѣя въ виду болѣе всего понравиться Алексѣю Михайловичу, любившему изысканность и напыщенность рѣчи. Оба сборника посвящены царю [1]). Въ своихъ проповѣдяхъ Лазарь любитъ

[1]) На заглавномъ листѣ „Меча Духовнаго“ представлены символическія изображенія всадниковъ, ѣдущихъ восхищать Царствіе Божіе, образы царей Давида, Константина, наконецъ царя Алексѣя Михайловича, царицы, трехъ царевичей, родо-

обыкновенно вращаться на значеніи словъ и разныхъ внѣшнихъ признаковъ, щеголять сближеніями и противопоставленіями, растягиваетъ до уродливости тексты св. Писанія, ни мало ихъ не объясняя. Одно какое-нибудь слово побуждаетъ Барановича искать соотвѣтствія въ другомъ предметѣ, по поводу котораго можно найти и употребить подобное же слово; напр., Христосъ исцѣляетъ разслабленнаго въ овечей купели,— Христосъ есть агнецъ съ золотымъ руномъ; въ овечей купели пять притворовъ,—проповѣдникъ вспоминаетъ пять ранъ Христовыхъ, пять чувствъ человѣческихъ, и распространяется объ этомъ. Еще затѣйливѣе встрѣчаемъ мы такое сближеніе словъ въ проповѣди на день св. Георгія въ „Трубахъ Словесъ". Великомученикъ Георгій былъ колесованъ. Колесо тотчасъ приводитъ проповѣдника къ образу кольца обручальнаго и вѣнца—и вотъ, Георгій, яко дѣва чистая, обрученъ былъ Христу, а вмѣсто вѣнца принялъ колесо. Это колесо напоминаетъ небесный звѣздный кругъ; „ради небесъ Георгій творилъ кругъ на колесѣ"; но это же колесо напоминаетъ проповѣднику мірской грѣшный предметъ—пляску, отправляемую колесомъ, хороводомъ, и проповѣдникъ замѣчаетъ, что такое колесо ведетъ въ геенну огненную. Лазарь любитъ употреблять въ проповѣдяхъ молитвы, исполненныя вычурности и пустословія. Вотъ какъ обращается онъ къ Пресвятой Богородицѣ: „Аще быхомъ были центипедесъ стоножны (стоножки), всѣ мы бы къ Богородицѣ прилѣжно притекали яко грѣшныи. Аще быхомъ были арги (аргусы) стоочныи, всѣ мы бы на Тебя смотрѣли, яже милосердія двери намъ отверзаеши. Аще быхомъ были центимани сторучныи, всѣ мы бы Твоей ризѣ посвященней прикасалися".

Нѣсколько словъ были писаны Барановичемъ царю Алексѣю Михайловичу по разнымъ случаямъ жизни послѣдняго. По смерти царицы Марьи Ильинишны, Лазарь написалъ ему утѣшительное слово, наполненное разными избитыми фразами. Когда царь женился на второй женѣ, Лазарь прислалъ ему поздравительное слово. Когда царь совершалъ обрядъ явленія Ѳедора царевича народу, Лазарь, по этому поводу, написалъ слово, отличающееся крайнимъ воскуреніемъ: проповѣдникъ

словное царское дерево и пр. Самое видное мѣсто занимаетъ здѣсь надъ царемъ и его семействомъ изображеніе двухглаваго орла съ тремя вѣнцами. Въ предисловіи авторъ дѣлаетъ объясненіе, что этотъ орелъ есть символъ двухъ естествъ Христовыхъ; вѣнецъ посрединѣ—„Христосъ посреди", подъ ногами у орла луна—знаменіе варваровъ, которое орелъ сотретъ силою крестною. Орелъ паритъ по воздуху, онъ царь всѣхъ птицъ и покоряетъ ихъ своею властью.

сравниваетъ царя Алексѣя Михайловича съ Богомъ, показавшимъ надъ водами іорданскими возлюбленнаго сына своего, а царевичу Ѳедору влагаетъ въ уста слова Христа: „Отче! прослави Сына Своего“ и пр. Смерть Алексѣя Михайловича подала Лазарю поводъ написать стихами и напечатать „Плачъ о преставленіи царя и привѣтствіе новому“, а по смерти Ѳедора, когда возведены были на престолъ два царя, Лазарь сочинилъ книгу: „Благодать и Истина Христова“. Это — риторическое восхваленіе царей, перебитое стихами, въ родѣ слѣдующихъ:

„Іисусъ и Марія по пять литеръ маютъ,
„Иже пять пальцевъ маютъ, да ти складаютъ,
„Пять источникъ на крестѣ отъ Христа исплыли,
„Бы писаню тѣхъ именъ пять литеръ служили“ и пр. [1]).

Кромѣ русскихъ сочиненій, Лазарь написалъ и напечаталъ нѣсколько сочиненій на польскомъ. Таковыя: „Житія святыхъ“, „Стихотворное сочиненіе о случаѣ человѣческой жизни“, и „Новая мѣра старой вѣрѣ“. Послѣднее—сочиненіе полемическое, написанное въ защиту православія и вызванное нападками на Восточную церковь іезуита Бойми. Въ немъ, между прочимъ, Лазарь указываетъ намъ на одну изъ важныхъ причинъ перехода изъ православія въ католичество — на то, что вездѣ кричали, что православная вѣра есть вѣра хлопская.

[1]) При этой книгѣ приложена большая символическая гравюра, гдѣ изображается Христосъ, благословляющій царей,—женщина съ крыльями, ангелъ съ громовыми стрѣлами и копьями, храмъ премудрости на семи столбахъ, съ изображеніемъ на немъ орла съ сердцами на груди, изображенія царей, архіереевъ и пр. Эта гравюра замѣчательна по своему мастерскому исполненію.

Приписывается царю Алексѣю Михайловичу отъ Бога, вопи-
[illegible]
[illegible] Ѳеодору [illegible] изъ устъ [illegible] Христа: „Отче
[illegible] Сына Своего“ и пр. Смерть Алексѣя Михайловича подала Лазарю поводъ написать стихами и напечатать „Плачъ о преставленіи царя и прибытіе покоя“, а по смерти Ѳеодора, когда [illegible] были на престолѣ два царя, Лазарь посвятилъ книгу „Благодать и Истина Христова“ [illegible] восшествіе царей; первое стихами, въ родѣ слѣдующихъ:

„Іисусъ и Марія по пять литеръ имуть,
Наше пять пальцевъ имуть, да ти сказуютъ,
Пять [illegible] на крестѣ отъ Христа [illegible],
Въ писаніи тѣхъ имена пять литеръ служили“ и пр.[1]

Кромѣ русскихъ сочиненій, Лазарь написалъ и напечаталъ нѣсколько сочиненій на польскомъ языкѣ: „Книга [illegible]“, „Стихотворное сочиненіе о случаѣ [illegible]“, и „Новая мѣра старой вѣры“. Послѣднее — сочиненіе полемическое, написанное въ защиту православія и [illegible] на Востокѣ [illegible] іезуита [illegible]. Въ немъ между прочимъ Лазарь указываетъ на одну изъ главныхъ причинъ перехода изъ православія въ католичество — на то, что всѣ вѣрятъ, что православная вѣра есть вѣра хлопская.

1) При этой книгѣ приложена [illegible]

X.

ЕПИФАНІЙ СЛАВИНЕЦКІЙ, СИМЕОНЪ ПОЛОЦКІЙ И ИХЪ ПРЕЕМНИКИ.

Перенесеніе кіевской учености въ Москву было важнѣйшимъ событіемъ въ исторіи русской образованности XVII вѣка.

Событіе это, чрезвычайно плодовитое по своимъ послѣдствіямъ, началось постепенно, едва замѣтно, не сопровождалось никакими новыми учрежденіями и ничѣмъ торжественнымъ.

Изъ московскихъ бояръ выдавался тогда Ѳедоръ Михайловичъ Ртищевъ. Это былъ человѣкъ старой Руси, но лучшій человѣкъ, какого могла выработать старая Русь. Ревностно благочестивый, хранитель священныхъ преданій и обычаевъ старины, онъ не довольствовался, какъ другіе, однимъ соблюденіемъ внѣшнихъ пріемовъ набожности; онъ былъ изъ тѣхъ, которые ищутъ внутренняго смысла наружныхъ признаковъ; ученіе Христа увлекало его къ подвигамъ христіанской добродѣтели. Ртищевъ тратилъ значительныя суммы на выкупъ плѣнныхъ, которыхъ тогда было чрезвычайное множество въ мусульманскихъ земляхъ, помогалъ нуждающимся, построилъ и содержалъ больницу для убогихъ. Во время войны съ Польшею, сопровождая царя, Ртищевъ взялъ на себя попеченіе о раненыхъ и изнемогавшихъ отъ зимняго холода, приказывалъ подбирать ихъ и отвозить для пріюта въ нанятыя для нихъ помѣщенія, пользовалъ и содержалъ на свой счетъ, а по выходѣ ихъ давалъ имъ вспоможеніе. Ртищевъ очень любилъ читать книги духовнаго содержанія и посѣщать богослуженіе. Но ни то, ни другое не могло удовлетворять его въ своемъ тогдашнемъ видѣ. Не всѣ сочиненія святыхъ были ему доступны въ словянскомъ переводѣ, да и списки тѣхъ, которыя онъ могъ

читать, не отличались правильностью и однообразіемъ смысла. Ртищевъ видѣлъ, что нужны новые, болѣе правильные переводы; чтеніе самаго священнаго писанія возбуждало въ немъ желаніе провѣрить, правильно ли оно переведено въ томъ видѣ, въ какомъ было доступно для русскихъ. Печатныхъ изданій, кромѣ Острожскаго, не было; въ рукописныхъ были разнорѣчія.

Ртищевъ пришелъ къ тому, что было бы необходимо въ Москвѣ заняться переводами благочестивыхъ книгъ. Богослуженіе совершалось въ то время, какъ искони въ Москвѣ, небрежно, невѣжественно, неблагочинно. Ртищевъ настаивалъ на томъ, что надобно привести его въ достойный видъ и произвести пересмотръ богослужебныхъ книгъ. Царь Алексѣй Михайловичъ полюбилъ Ртищева. Характеръ этого боярина пришелся по душѣ тишайшему царю. Бояре же смотрѣли на Ѳедора Михайловича не совсѣмъ дружелюбно, даже съ насмѣшкою; при тогдашнемъ господствѣ внѣшности, тотъ, кто слишкомъ задумывался о внутреннемъ смыслѣ внѣшняго благочестія, казался для многихъ чудакомъ.

Ртищевъ зналъ, что въ Кіевѣ уже дѣлается то, о чемъ онъ помышлялъ, и, преданный всецѣло своей мысли, обратился туда.

Сношенія Малороссіи съ Москвою были частыя. Игумены малороссійскихъ монастырей просили у царей милостыни; за тѣмъ же обращалось еще къ царю Михаилу Ѳедоровичу и кіевское Братство. Въ 1640 году Петръ Могила уговаривалъ царя устроить въ своей столицѣ монастырь, въ которомъ бы старцы и братія кіевскаго Братскаго монастыря „дѣтей боярскихъ и простого сана людей грамотѣ греческой и словянской учили“. Такимъ образомъ, самъ преобразователь воспитанія въ Южной Руси первый обратился въ Москву и просилъ тамъ сдѣлать то, въ чемъ нуждалась Великая Русь. Достойно замѣчанія, что, въ своемъ письмѣ къ царю, Петръ Могила выразился, что онъ объ этомъ бьетъ челомъ государю паче всякихъ своихъ прошеній. Такъ занимала кіевскаго архипастыря мысль распространить начатое имъ дѣло на весь русскій міръ. Въ 1646 году Петръ Могила прислалъ преемнику Михаила царю Алексѣю въ подарокъ нѣсколько лошадей и разныя вещи, что̀ показываетъ его постоянное желаніе связи съ Москвою. Но, при дружелюбныхъ отношеніяхъ православной Малороссіи къ православной Москвѣ, у москвичей, однако, образовалось предубѣжденіе противъ малорусской образованности и заподозрѣвалась чистота правовѣрія кіевскихъ духовныхъ писателей и наставниковъ. Отчасти сами малоруссы возбуждали эти подозрѣнія. При жизни патріарха Филарета, одинъ кіевлянинъ, званіемъ игуменъ, доносилъ на учительное евангеліе своего зем-

ляка Кирилла Транквилліона Ставровецкаго. Оцѣнка этого сочиненія поручена была двумъ московскимъ книжникамъ: богоявленскому игумену Иліи и соборному ключарю Ивану Шевелю. Не зная языка, на которомъ было написано произведеніе южно-русскаго писателя, они находили еретическій смыслъ тамъ, гдѣ встрѣчались грамматическія особенности и непонятное для нихъ значеніе словъ [1]).

Москвичи считали себя однимъ только истинно православнымъ народомъ въ цѣломъ свѣтѣ; греки, давшіе Россіи крещеніе, потеряли надъ ними прежнее свое обаяніе; москвичи не довѣряли греческимъ книгамъ, потому что греки, живя подъ властью невѣрныхъ, воспитывались и печатали свои книги на Западѣ. Москвичи считали свои старые переводы болѣе правильными, чѣмъ греческіе подлинники въ томъ видѣ, въ какомъ послѣдніе были напечатаны; такой взглядъ особенно утвердили справщики книгъ при патріархѣ Іосифѣ. Самъ Никонъ вначалѣ раздѣлялъ этотъ взглядъ и говорилъ, что, какъ „малороссіяне, такъ и греки потеряли вѣру и крѣпость добрыхъ нравовъ; покой и честь ихъ прельстили, они своему чреву работаютъ и нѣтъ у нихъ постоянства“...

Появленіе кіевскихъ ученыхъ въ Москвѣ, очевидно, должно было встрѣтить противъ себя много враждебнаго, но бояринъ Ртищевъ, поддерживаемый царемъ, въ видѣ частнаго предпріятія, принялъ на свой счетъ пригласить и содержать нѣсколькихъ кіевскихъ ученыхъ, „ради обученія словенороссійскаго народа дѣтей еллинскому наказанію“.

Намъ, къ сожалѣнію, неизвѣстны первоначальныя сношенія Ртищева съ Кіевомъ по этому поводу, но, по его просьбѣ, нѣсколько ученыхъ монаховъ рѣшились оставить родину и служить дѣлу духовнаго просвѣщенія въ Московскомъ Государствѣ, осуществляя, такимъ образомъ, одну изъ завѣтныхъ мыслей покойнаго Петра Могилы. Главнымъ изъ этихъ пріѣзжихъ ученыхъ былъ іеромонахъ Братскаго монастыря Епифаній Славинецкій [2]).

[1]) Такъ, напр., у Транквилліона о распятіи Христа было выраженіе: „пригвоздили до креста“. Московскіе книжники возмутились этимъ, увидали здѣсь ересь, говорили, что слѣдуетъ писать: „ко кресту“, не понимая того, что „до креста“ по-малорусски и значило ко кресту: или, нашедши слово *рѣчь* —въ смыслѣ вещи (по-латыни res=rzecz), они приняли это слово въ томъ смыслѣ, въ какомъ оно употреблялось въ Великороссіи, и приписали автору такія мнѣнія, какихъ онъ вовсе не имѣлъ. Густынскіе монахи, какъ мы уже замѣтили, именемъ Исаіи Копинскаго увѣряли москвичей, что Могила измѣнникъ православію.

[2]) Подлинно неизвѣстно число всѣхъ прибывшихъ съ нимъ монаховъ. Впослѣдствіи кружокъ ученыхъ тружениковъ, работавшихъ подъ руководствомъ Епифанія, простирался до 30 чел., но въ число ихъ входили уже и великоруссы.

Воспитанникъ кіевомогилянской коллегіи, Епифаній докончилъ свое образованіе за-границей, а потомъ былъ преподавателемъ въ той же кіевской коллегіи, гдѣ учился самъ. Трудно было найти человѣка, болѣе годнаго для того, чтобы открыть собою въ Москвѣ рядъ ученыхъ. Епифаній обладалъ большою, по своему вѣку, ученостью: отлично зналъ греческій и латинскій языки, имѣлъ свѣдѣнія въ еврейскомъ языкѣ; онъ изучилъ писанія св. отецъ и всю духовную, греческую и латинскую литературу, зналъ хорошо исторію и церковную археологію. Онъ былъ характера кроткаго, сосредоточеннаго, предпочиталъ уединенную жизнь кабинетнаго ученаго всякимъ искательствамъ почестей, не терпѣлъ никакихъ житейскихъ дрязгъ, былъ всѣмъ сердцемъ преданъ наукѣ, но это не мѣшало ему примѣнять свою науку къ самымъ насущнымъ потребностямъ своего времени. Славинецкій былъ, словомъ, однимъ изъ тѣхъ ученыхъ, которые, живя кабинетными затворниками, работаютъ, однако, не безплодно для современныхъ нуждъ своего общества. Славинецкій умѣлъ уживаться со всѣми, никого не раздражалъ заявленіемъ о своемъ умственномъ превосходствѣ, и своею безукоризненною честностью пріобрѣлъ всеобщее уваженіе.

Никонъ, познакомившись съ нимъ, полюбилъ его, измѣнилъ свое предубѣжденіе противъ малоруссовъ и во всемъ положился на него въ важномъ дѣлѣ исправленія книгъ.

Первые труды Славинецкаго состояли въ переводахъ разныхъ сочиненій св. отецъ. Ртищевъ помѣстилъ его съ братіею въ новопостроенномъ Андреевскомъ Преображенскомъ монастырѣ на берегу Москвы-рѣки (между Калужскими воротами и Воробьевыми горами, гдѣ теперь домъ Общественнаго Призрѣнія). Кромѣ переводовъ книгъ, обязанностью кіевскихъ монаховъ было обученіе юношей: въ томъ же монастырѣ было основано училище.

Но не долго пришлось Славинецкому проживать въ этомъ уединеніи. Царь назначилъ его справщикомъ типографіи и перевелъ въ Чудовъ монастырь, гдѣ также было училище, переведенное туда изъ зданія типографіи. Славинецкому, главнымъ образомъ, поручили важное дѣло исправленія книгъ. Въ постоянныхъ ученыхъ занятіяхъ, Епифаній пробылъ въ Москвѣ 26 лѣтъ, проживая со своими сотрудниками также въ архіерейскомъ домѣ, въ Крутицахъ, гдѣ былъ прекрасный садъ, изобильно снабженный водою. Онъ постоянно оставался въ томъ же званіи іеромонаха, въ которомъ прибылъ изъ Кіева, и только однажды принялъ участіе въ общественномъ дѣлѣ, именно тогда, когда хотѣли судить Никона. Заявивши свое

мнѣніе, строго подкрѣпленное церковными законоположеніями, вѣрный своему скромному монашескому сану, не сталъ онъ спорить съ сановитыми противниками Никона, и воротился къ своему ученому уединенію. Жизнь Епифанія, какъ вообще жизнь ученаго труженика, протекала однообразно. Онъ весь отразился только въ своихъ ученыхъ трудахъ.

Исправленіе богослужебныхъ книгъ началъ Славинецкій неторопливо, съ надлежащею обдуманностью. Для этой цѣли былъ отправленъ на Востокъ Арсеній Сухановъ за разными старыми рукописями. Только окруживши себя громаднымъ количествомъ греческихъ и словянскихъ списковъ, принялся Епифаній за исправленіе книгъ. Помощниками ему были пріѣхавшіе съ нимъ земляки: Арсеній Сатановскій и Данило Птицкій, Арсеній грекъ,—затѣмъ нѣсколько великороссіянъ, справщиковъ и книгописцевъ печатнаго дѣла [1]).

Подъ руководствомъ Епифанія были напечатаны богослужебныя книги въ исправленномъ видѣ, въ томъ видѣ, въ какомъ до сихъ поръ остались онѣ въ употребленіи по церквамъ во всей Россіи и даже въ православныхъ краяхъ словянскаго міра. То были: Служебникъ съ предисловіемъ, составленнымъ Епифаніемъ, Часословъ, двѣ Тріоди—постная и цвѣтная, Слѣдованная псалтирь, Общая Минея, Ирмологъ. Къ тому же разряду богослужебной литературы, какъ объяснительную книгу, можно отнести Новую Скрижаль, переведенную съ греческаго и напечатанную въ 1656 году. Здѣсь объясняется литургія и другіе обряды восточной церкви. Къ этой книгѣ Епифаній приложилъ исторію начала исправленія книгъ въ Россіи, поводы, побудившіе къ этому предпріятію, дѣянія собора, состоявшагося въ Москвѣ по этому поводу, и опроверженія противъ нападокъ враговъ исправленія книгъ. Богослужебная реформа обыкновенно считается дѣломъ Никона, какъ вообще приписываются важныя перемѣны, учрежденія, устроенія, тѣмъ лицамъ, которыя занимали правительственныя должности, между тѣмъ какъ собственно всю работу исполняли подначальные имъ труженики, иногда мало извѣстные и незамѣтные. Противники богослужебной реформы окрестили ея послѣдователей именемъ никоніанъ. Но, если и справедливо принадлежитъ она патріарху Никону, сознавшему важность и необходимость предпринятыхъ исправленій, то еще съ большимъ правомъ надобно признать эту реформу дѣломъ Славинецкаго и работавшихъ подъ его

[1]) То были: священникъ Никифоръ, іеродіаконъ Моисей, бывшій игуменъ Сергій, Михаилъ Родостамовъ, Фролъ Герасимовъ и чудовскій монахъ Евѳимій, особенно привязанный къ Славинецкому:

руководствомъ тружениковъ, тѣмъ болѣе, что Никонъ, человѣкъ хотя умный, но мало ученый, на самомъ дѣлѣ во всемъ долженъ былъ полагаться на добросовѣстность и знанія Епифанія.

Вмѣстѣ съ исправленными богослужебными книгами, необходимо было также изданіе церковныхъ законоположеній въ исправленномъ видѣ. Епифаній перевелъ Правила св. Апостолъ, Правила вселенскихъ и помѣстныхъ соборовъ, Фотіевъ Номоканонъ съ толкованіями византійскихъ юристовъ Вальсамона и Властаря и Собраніе церковныхъ правилъ и византійскихъ гражданскихъ законовъ, составленное по-гречески Константиномъ Арменопуломъ.

Переводная дѣятельность Епифанія обратилась на писанія св. отецъ. Онъ перевелъ много сочиненій, изъ которыхъ нѣкоторыя были уже давно извѣстны и любимы въ словянскихъ переводахъ, но тѣмъ нужнѣе было издать ихъ въ болѣе правильномъ видѣ [1]). Переведено было имъ еще нѣсколько житій святыхъ: Алексѣя Божія человѣка, Ѳеодора Стратилата, великомученицы Екатерины. Житія этихъ святыхъ были уже прежде въ ходу у читателей и искажались вымыслами, а потому особенно полезнымъ казалось издать ихъ вновь какъ слѣдуетъ.

Одними религіозными сочиненіями не ограничился Епифаній въ своихъ переводахъ. Онъ перевелъ съ латинскаго нѣсколько свѣтскихъ книгъ по части педагогики, исторіи, географіи и даже анатоміи [2]): нельзя, однако, сказать, чтобы литературное достоинство переводовъ Епифанія могло привлекать къ нимъ много читателей .Переводчикъ, большой буквалистъ, хотѣлъ переводить какъ можно ближе къ подлиннику, и, вмѣсто того, чтобы передать смыслъ подлинника оборотами, свойственными языку, на который переводится, онъ куетъ произвольно словянскія слова на греческій ладъ, даетъ словянской рѣчи греческую конструкцію; вообще слогъ его переводовъ тяжелъ, теменъ, иногда непонятенъ [3]). Въ самомъ его переводѣ богослужебныхъ книгъ также встрѣчаются тяжелые и неудобопонятные обороты.

[1]) Нѣсколько сочиненій Аѳанасія Александрійскаго (четыре слова), Пятьдесятъ словъ Григорія Богослова, Бесѣда Іоанна Златоустаго на пятидесятницу, Іоанна Дамаскина О православной вѣрѣ, Слово о поклоненіи иконамъ. Они были печатаемы.

[2]) Уставы граждано-правительные; отъ Ѳукидидовы исторіи книга первая; о убіеніи краля аггельскаго; Гражданство и обученіе нравовъ дѣтскихъ; Географіи двѣ части Европа и Асія; Книга врачевская, Анатомія, съ латинскаго отъ книги Андрея Вессалія Брукселенска.

[3]) Въ видѣ образчика переводовъ выпишемъ, напр., объясненіе, что такое икона. „Всяка икона изьявительна есть и показательна, яко что глаголю, понежѣ человѣкъ ниже виднаго, нагое имать знаніе тѣломъ покровеннѣй души, ниже по немъ будущихъ, ниже мѣстомъ разстоящихъ и отсутствующихъ, яко мѣстомъ и лѣтомъ опи-

Главнѣйшею мыслью, занимавшею Славинецкаго всю жизнь, былъ новый ученый переводъ библіи; къ сожалѣнію, эта мысль не осуществилась. Вмѣсто новаго перевода, въ 1663 году, напечатана была библія съ острожскаго изданія съ нѣкоторыми небольшими поправками явныхъ ошибокъ (напримѣръ, вмѣсто: „изъядоша седмь кравъ—изыдоша седмь кравъ“, и т. п.) Въ предисловіи къ этой библіи, вѣроятно написанномъ самимъ Славинецкимъ, какъ главнымъ справщикомъ типографіи, приводятся двѣ главныхъ причины, воспрепятствовавшихъ болѣе ученому изданію библіи. Первая была—господствовавшій въ то время предразсудокъ, что у грековъ повредилось благочестіе, что ихъ книги испорчены, и самый правильный текстъ заключается въ старыхъ словянскихъ переводахъ; вторая причина, по выраженію предисловія, еще болѣе важная—„неудобоносимое время, настоятельство браней, вещей въ мірѣ оскудѣніе“, т.-е. неудачныя военныя обстоятельства и вслѣдствіе ихъ скудость средствъ, которыя необходимы были въ значительномъ количествѣ для этого предпріятія. „Всякому легко понять“— продолжаетъ предисловіе,—„что никакъ невозможно было начинать и доводить до конца этого предпріятія“. Но одно уже печатное изданіе библіи въ Москвѣ было новымъ явленіемъ для своего времени; Славинецкій же не оставилъ мысли о лучшемъ изданіи; и послѣ того, какъ прекратились тяжелыя войны, онъ сталъ неотступно просить царя, владыкъ и бояръ, разрѣшить новый переводъ священнаго писанія. „Мы,—говорилъ онъ,—не имѣемъ хорошо переведенной библіи; даже въ евангеліи есть погрѣшности; и мы за это терпимъ укоризну и крайнее безчестіе отъ иноземныхъ народовъ.“ Въ 1674 году соборъ, состоявшійся при участіи царя Алексѣя Михайловича, поручилъ Славинецкому сдѣлать новый переводъ библіи подъ наблюденіемъ Павла Сарскаго, исправлявшаго должность патріарха. Подъ рукою у Епифанія было двѣ печатныхъ греческихъ библіи и, сверхъ того, множество рукописей, какъ греческихъ, такъ и словянскихъ, изъ которыхъ многія были привезены Сухановымъ съ Востока. Но Епифаній успѣлъ перевести только Новый завѣтъ и Пятикнижіе. Смерть прекратила его труды.

Славинецкій примѣнилъ къ дѣлу свои филологическія знанія и издалъ два лексикона: одинъ филологическій, для объясненія словъ, встрѣчаемыхъ въ церковныхъ книгахъ и церков-

санный къ наставленію знанія и явленіе и народствованіе сокровенныхъ примыслися икона всяко же къ пользѣ и благодѣянію и спасенію, яко да столиствуемъ и являемымъ вещемъ разнаемъ сокровенная“ и пр.

номъ богослуженіи; другой—греко-словяно-латинскій, гдѣ помѣщено до 7000 словъ. Оба эти лексикона остались неизданными.

Епифаній писалъ проповѣди и поученія. Эта дѣятельность также соотвѣтствовала требованіямъ времени. Проповѣдь была тогда въ Великой Руси новостью. Съ XV вѣка тамъ никто не говорилъ проповѣдей, никто даже не считалъ полезнымъ дѣломъ говорить ихъ, напротивъ, тамъ думали, что онѣ могутъ подавать поводъ къ вольнодумству и ересямъ. Патріархъ Никонъ, первый изъ русскихъ іерарховъ, ввелъ въ богослуженіе проповѣди и поручилъ читать для народа поученія Епифанію, вполнѣ довѣряясь какъ его правовѣрію, такъ и учености. Переведенныя Епифаніемъ съ греческаго „Поученія Отцовъ Церкви" имѣли практическое примѣненіе и читались имъ въ храмахъ. Кромѣ переводныхъ проповѣдей, онъ написалъ около 50 словъ собственнаго сочиненія, которыя до сихъ поръ остаются въ рукописяхъ. Проповѣди Епифанія походятъ болѣе на диссертаціи, чѣмъ на поученія народу. Епифаній объясняетъ догматы и символы церкви, значеніе праздниковъ и разбираетъ ученымъ способомъ разныя стороны христіанскаго ученія. Проповѣди его испещрены множествомъ выписокъ изъ церковныхъ писателей; эти выписки приводятся въ рукописяхъ даже не въ переводѣ, такъ что въ такомъ видѣ онѣ могли читаться развѣ только ученымъ слушателямъ. Впрочемъ, какъ думаютъ, проповѣдникъ переводилъ эти мѣста во время произнесенія проповѣди. Нерѣдко Епифаній приводилъ мѣста изъ греческихъ философовъ и даже поэтовъ (но гораздо съ большей критикой, чѣмъ другіе малорусскіе проповѣдники). Слогъ его проповѣдей,—хотя значительно лучше слога переводовъ, изданныхъ подъ его руководствомъ,—страдаетъ, однако, вычурностью и напыщенными метафорами [1]). Есть нѣсколько проповѣдей, гдѣ Славинецкій захватываетъ вопросы современной жизни. Въ одной изъ такихъ проповѣдей, которая начинается словами: „Людіе, сѣдящіе во тьмѣ", проповѣдникъ говоритъ о пользѣ знакомства съ греческимъ языкомъ и вооружается противъ тогдашнихъ ревнителей невѣжества съ негодованіемъ, для примѣра вспоминаетъ о Маркѣ Катонѣ, не хотѣвшемъ распространенія греческаго просвѣщенія въ Римѣ. „Въ нынѣшнія времена,—говоритъ онъ,—много видимъ

[1]) Онъ увѣщеваетъ своихъ слушателей „изсѣчь душевредное стволіе неправды богоизощреннымъ сѣчивомъ покаянія, искоренить изъ сердецъ пагубный волчецъ лукавства, сожечь умо-вредное терніе ненависти божественнымъ пламенемъ любви, одождить мысленную землю душъ небеснымъ дождемъ евангельскаго ученія, наводнить ее слезными водами, возрастить на ней благопотребное быліе кротости, воздержанія, цѣломудрія, милосердія, братолюбія, украсить благовонными цвѣтами всякихъ добродѣтелей и воздать благой плодъ правды".

мы ослѣпленныхъ людей, которые возлюбили мракъ невѣдѣнія, ненавидятъ свѣтъ ученія, завидуютъ тѣмъ, которые хотятъ озарять ими другихъ, вредятъ имъ клеветами, лицемѣріемъ, обманомъ; подобно тому, какъ совы, по своей природѣ, любятъ мракъ и скрываются, когда засіяетъ солнечная заря, такъ и эти мысленныя совы, ненавистники науки, скроются въ любимый ими мракъ, когда ясная благодать пресвѣтлаго царскаго величества захочетъ разрушить тьму, прогнать темный обманъ и благоизволитъ возсіять свѣту науки и просвѣщать природный человѣческій разумъ." Эта же любовь къ просвѣщенію выражается у него въ поученіи къ іереямъ, гдѣ онъ даетъ священнику такое наставленіе: „пекись и промышляй всѣмъ сердцемъ и душою, сколько твоей силы станетъ, увѣщевай царя и всѣхъ могучихъ людей вездѣ устраивать училища для малыхъ дѣтей, и за это, паче всѣхъ добродѣтелей, ты получишь прощеніе грѣховъ своихъ!" Поученіе къ іереямъ замѣчательно также и въ другихъ современныхъ отношеніяхъ, такъ какъ проповѣдникъ даетъ наставленіе священникамъ: что́ они должны говорить своимъ духовнымъ дѣтямъ. Здѣсь касается Славинецкій ложнаго благочестія, приказываетъ не думать спастись молитвами святыхъ угодниковъ, пребывая самому во грѣхахъ, повелѣваетъ почитать иконы, но помнить, что это только изображенія, чествовать святыхъ, но только какъ рабовъ и служителей Божіихъ: „тѣ же — прибавляетъ проповѣдникъ,—которые хотятъ поклоняться иконамъ, какъ богамъ, достойны вѣчнаго огня." Замѣчательно наставленіе, которое онъ вмѣняетъ въ обязанность священнику дѣлать господамъ относительно ихъ рабовъ и подвластныхъ. „Будь для рабовъ твоихъ таковъ, какимъ хочешь, чтобъ былъ для тебя владыка. Не налагай на земледѣльцевъ работъ паче ихъ силы, не озлобляй ихъ, дабы вопль и стенанье ихъ не дошли до Господа. Пусть они имѣютъ праведное уравненіе въ работѣ и въ дани. Лучше получить мало пользы съ правдою, чѣмъ много съ неправдою. Посмотри, какъ тяжело пріобрѣтаютъ они потребное для себя: тѣ отправляются въ дальнее путешествіе по сушѣ и по водѣ, пріобрѣтаютъ себѣ достояніе долговременною разлукою съ домомъ, другіе несутъ ярмо вседневнаго страданія въ тяжелыхъ земледѣльческихъ работахъ и, собирая земные плоды, дорожатъ каждымъ зернышкомъ".

Въ словѣ о милостынѣ проповѣдникъ въ живыхъ краскахъ рисуетъ разныя положенія людского страданія, требующаго поддержки и пособія. Онъ не слишкомъ любитъ просящихъ милостыни и сердечнѣе относится къ тѣмъ, которые стыдятся или не могутъ просить, не хотятъ валяться и шататься

по улицамъ, а между тѣмъ горько страдаютъ. Таковы вдовы, оставшіяся безъ мужей въ нищетѣ съ малыми дѣтьми, съ возрастными дѣвицами: „дѣти хотятъ хлѣба, служители — платы, дѣвицы—одежды, сыновья—ученья или рукодѣлья, а между тѣмъ заимодавцы требуютъ долговъ, заводятъ тяжбы, берутъ залоги; онѣ же стыдятся просить“. Затѣмъ проповѣдникъ изображаетъ страданія сиротъ въ разныхъ положеніяхъ: „Вотъ покинутый младенецъ, онъ плачетъ; какъ его не помиловать? кто можетъ быть достойнѣе милосердія, какъ не глупое существо, не знающее своей бѣды? Вотъ дѣти, оставшіяся безъ родителей; попечителей у нихъ нѣтъ, или же попечители не радѣютъ о нихъ; вотъ возрастныя дѣвицы безъ одежды, безъ наученія, въ гладѣ, въ нуждѣ... А вотъ бѣдные крестьяне: у тѣхъ скотъ палъ, у того господинъ все взялъ, у другого воинъ все ограбилъ, а тутъ царь дани требуетъ, господинъ оброку... работать бы ему, да нечѣмъ“.... Къ числу достойныхъ сostраданія проповѣдникъ причисляетъ странника и пришельца: „не о томъ пришельцѣ говоримъ, который идетъ въ чужую страну для обогащенія, а о томъ, который зайдетъ туда по какой-нибудь нуждѣ, напр., ищетъ себѣ службы у добраго государя, или женится на чужеземкѣ, и вдругъ отъ разбоя, недуга или какого иного несчастія погубитъ все свое достояніе; нѣтъ у него пріятелей, нѣтъ знакомыхъ, и языка страны онъ не знаетъ. Такого надобно пожалѣть“. Но касаясь раздачи милостыни всякому встрѣчному, проповѣдникъ опровергаетъ господствовавшее тогда (и теперь оно существуетъ) на Руси мнѣніе, что слѣдуетъ давать всякому, кто попроситъ именемъ Христа. „Если ты видишь просителя здороваго и не состарѣвшагося, и даешь ему милостыню—то самъ дѣлаешься общникомъ грѣха. Стыдно смотрѣть, какъ размножились у насъ скитающіеся гуляки, обманщики, какъ много таскается по улицамъ здоровыхъ женщинъ съ малыми дѣтьми, а еще болѣе дѣвицъ. Иные за деньги нанимаютъ малыхъ дѣтей, и черезъ нихъ собираютъ милостыню, а ночи проводятъ во всякомъ безчинствѣ“. Онъ вооружается также противъ шатающихся монаховъ и монахинь, но вмѣстѣ указываетъ и на причины этого шатанія. „Настоятели тратятъ монастырское имѣніе на свое сластопитаніе, угощаютъ у себя вельможъ, содержатъ откормленныхъ лошадей, приготовляютъ себѣ вкусныя и дорогія снѣди, а бѣдной братіи даютъ негодную, суровую и гнилую пищу“. Онъ требуетъ, чтобы архіереи старались прекращать это безчинство, а мірское правительство, по его мнѣнію, должно

устраивать богадѣльни для престарѣлыхъ и больныхъ, обезпечивать ихъ и смотрѣть, чтобы призрѣваемые не бѣгали оттуда и не шатались по міру. Наконецъ, Епифаній предлагаетъ, для призрѣнія бѣдныхъ и для устраненія безчинства, составить братство или общество милосердія. Кто будетъ давать деньги, а кто помогать своимъ трудомъ. Каждое воскресенье будутъ братья сходиться для разсужденія между собою и выберутъ изъ среды своей десять распорядителей. Посторонніе посѣтители будутъ приходить и извѣщать братію о человѣческихъ нуждахъ. Братія будетъ обсуждать: кому, чѣмъ и сколько помочь, смотря по надобности; инымъ бѣднымъ можно давать временное пособіе, другимъ постоянное до самой смерти. Женщины могутъ составить свое общество милосердія и, собравши пожертвованія, еженедѣльно отсылать въ главное „всепріятелище"; наконецъ, Епифаній предлагаетъ устроить кассу, и давать изъ ней бѣднымъ взаймы, а если много будетъ денегъ въ кассѣ, то можно давать и имущимъ, но въ обоихъ случаяхъ безъ лихвы.

Мысль эта, повидимому, внушена была Славинецкому примѣромъ югозападныхъ братствъ съ тою значительною разницею, что общество, предлагаемое Славинецкимъ, было чисто благотворительное, тогда какъ югозападныя братства имѣли цѣлью защиту православія и обученіе дѣтей. Одна изъ проповѣдей Епифанія направлена противъ раскольниковъ, которыхъ онъ называетъ непокорниками, и обличаетъ не отъ лица своего, а отъ лица церкви, касаясь преимущественно тѣхъ писателей, которые разсѣявали въ народѣ сочиненія противъ исправленія книгъ. „Новоявленные учители тайно составляютъ ложныя писанія и тѣмъ въ народѣ производятъ толки и смятенія. Они сами стыдятся или боятся показать лицо свое. А кто призвалъ ихъ на дѣло тайнаго ученія, или, лучше сказать, народовозмущенія? Не Богъ, не архіереи; своимъ гордымъ самомнѣніемъ и тщеславнымъ умомъ дошли они до этого. Уже не то что мужчины, даже и женщины, которымъ Апостолъ учить не повелѣваетъ, пустились на это. Слѣпые невѣжды, едва привыкшіе читать по складамъ, не имѣющіе понятія о грамматикѣ, не то что о риторикѣ, философіи и богословіи, люди, даже не отвѣдавшіе ученія, дерзаютъ толковать божественное писаніе, или, лучше сказать, извращать его, оговариваютъ и осуждаютъ благоискусныхъ мужей въ словянскомъ и греческомъ языкѣ. Не видятъ невѣжды, что у насъ исправлялись не догматы вѣры, а только кое-какія выраженія, измѣненныя недомысліемъ и описками невѣжественныхъ писцовъ, или невѣжествомъ типографскихъ справщиковъ".

Кромѣ всѣхъ упомянутыхъ трудовъ, Славинецкій написалъ еще нѣсколько каноновъ, похвальныхъ словъ, утѣшительное посланіе къ княгинѣ Радивилловой, сочиненіе объ отшествіи съ престола Никона патріарха, сочиненіе „о псалмахъ, превращенныхъ отъ Аполлинарія“ и т. п. Еще не вполнѣ извѣстны и не изслѣдованы всѣ его сочиненія.

Славинецкій скончался 19 ноября 1675 года, завѣщавши кіевскому Братству свою библіотеку, которая, впрочемъ, была не велика. Кромѣ книгъ, послѣ него осталось восемьдесятъ червонцевъ и серебряные часы съ цѣпочкою цѣною въ 20 рублей. Червонцы были разосланы по разнымъ южнорусскимъ монастырямъ, а большая часть книгъ оставлена въ Москвѣ, кромѣ 31, отправленныхъ на кіевское Братство; за остальное выплачены деньги.

Епифаній Славинецкій погребенъ въ московскомъ Чудовомъ монастырѣ [1]).

За Епифаніемъ Славинецкимъ изъ западно-русскихъ пришельцевъ въ Москву никто не имѣлъ такого важнаго вліянія, какъ Симеонъ Петровскій Ситіяновичъ; по мѣсту, откуда прибылъ въ столицу, онъ обыкновенно называется Симеономъ Полоцкимъ.

Жизнь этого человѣка до переселенія его въ Москву намъ совершенно неизвѣстна. Есть основаніе думать, что онъ родился въ 1628 году, учился въ кіевской коллегіи, потомъ въ заграничныхъ учебныхъ заведеніяхъ и, по возвращеніи своемъ въ свое отечество, Бѣлоруссію, поступилъ въ монахи. Алексѣй Михайловичъ познакомился съ нимъ въ Полоцкѣ. Въ 1664 году Симеонъ прибылъ въ Москву и былъ помѣщенъ въ Спасскомъ монастырѣ за иконнымъ рядомъ. Съ нимъ пріѣхали его служители. Ему приказано было давать изъ дворца содержаніе; но остались его письма къ царю—любопытныя не столько для характера Полоцкаго, сколько по чертамъ тогдашняго порядка вещей. Несмотря на то, что Симеону отъ

[1]) На гробѣ его слѣдующая надпись:

„Преходяй человѣче! здѣ ставъ да взираеши,
Дондеже въ мірѣ семъ обитаеши;
Здѣ бо лежитъ мудрѣйшій отецъ Епифаній,
Претолковникъ изящный Священныхъ Писаній,
Философъ и Іерей въ монасѣхъ честный,
Его же да вселитъ Господь и въ рай небесный
За множайшіи его труды въ писаніихъ
Тщанно-мудрословные въ претолкованіихъ,
На память ему да будетъ
Вѣчно и не отбудетъ“.

самого государя назначено было содержаніе, Симеонъ принужденъ былъ нѣсколько разъ обращаться къ царю съ письмами и просить, чтобъ ему выдавали то, что было положено. Такимъ образомъ, кромѣ содержанія для себя и для своей прислуги, онъ просилъ, чтобы ему, согласно обѣщанію, выдавали дрова во время зимней стужи и кормъ его лошадямъ. Характеръ этого человѣка не былъ похожъ на характеръ Епифанія. Симеонъ не довольствовался скромными келейными учеными трудами; онъ безпрестанно напоминалъ о себѣ при дворѣ, кланялся государю, писалъ поздравительные стихи, восхваленія всякаго рода, и вошелъ въ такую милость, что сдѣлался учителемъ царевича Ѳедора, а предъ концомъ царствованія Алексѣя Михайловича увеселялъ царя и его дворъ комедіями своего произведенія.

Сочиненія Полоцкаго не показываютъ въ немъ большой учености; онъ вовсе не зналъ по гречески; Епифаній Славинецкій не долюбливалъ его, какъ часто не любятъ добросовѣстные труженики науки верхоглядовъ, и когда Симеонъ набивался къ нему въ сотрудники по исправленію книгъ, Епифаній отдѣлался отъ Симеона, хотя, по своему добродушію, охотно отвѣчалъ ему на разные вопросы, съ которыми обращался къ нему Симеонъ, гораздо меньше его ученый. Зато, не успѣвши пріобрѣсть значенія у строгаго ученаго, Симеонъ поспѣвалъ вездѣ и прославлялся какъ защитникъ православія противъ раскола, какъ богословъ, какъ проповѣдникъ, какъ стихотворецъ. Замѣчательнаго таланта у него не было ни на одно изъ этихъ призваній, но его сочиненія занимательны, такъ какъ касаются современныхъ вопросовъ жизни и представляютъ много своеобразнаго въ духѣ своего времени.

Въ 1667 году, въ разгаръ борьбы противъ раскольниковъ, патріархъ Іосифъ приказалъ напечатать составленную Симеономъ книгу подъ названіемъ: „Жезлъ Православія". Въ длинномъ предисловіи, исполненномъ болтовни, авторъ обращается съ сильными воскуреніями къ архіереямъ вообще, восхваляя ихъ великое значеніе. Само сочиненіе раздѣляется на двѣ части. Первая часть есть обличеніе челобитной попа Никиты Пустосвята, поданной царю противъ новоисправленныхъ книгъ и главнымъ образомъ противъ книги „Новая Скрижаль"; вторая часть сочиненія Полоцкаго направлена противъ челобитной попа Лазаря. Никита Пустосвятъ старается, на основаніи произвольно приданнаго смысла отрывочно взятыхъ фразъ, обличать Никона и исправителей книгъ въ ересяхъ. Симеонъ уличаетъ Никиту, что онъ не знаетъ грамматики, а потому не понимаетъ того, что читаетъ. Такимъ образомъ, взявши

одно мѣсто перевода, гдѣ изображается человѣкъ, носящій крестъ, Никита понялъ это мѣсто такъ, что тамъ говорится о Христѣ, тогда какъ шла рѣчь не о Христѣ, а о преступникѣ, осужденномъ на казнь [1]). Къ такому же разряду промаховъ принадлежитъ обличеніе Никиты противъ молитвы при крещеніи. Никита доказывалъ, будто выходитъ такой смыслъ, что призывается нечистый духъ (несмотря на нелѣпость этого замѣчанія, опровергнутаго еще Симеономъ Полоцкимъ, оно до сихъ поръ повторяется раскольниками въ числѣ важныхъ укоровъ), тогда какъ все произошло оттого, что невѣдающій хорошо словянской грамматики ревнитель старовѣрства не зналъ различія звательнаго падежа отъ именительнаго [2]).

Споръ Симеона съ Никитою заходитъ въ богословскія тонкости, напр.—о способѣ воплощенія Христова. Но тутъ Симеонъ, пустившись въ умствованія, невольно выказалъ вліяніе католичества, которое отразилось на немъ со времени посѣщенія римско-католическихъ училищъ. Онъ, между прочимъ, признаетъ временемъ пресуществленія святыхъ даровъ на литургіи произнесеніе священникомъ словъ Спасителя: „пріимите и проч.“, тогда какъ (что и поставлено было впослѣдствіи Симеону въ вину) восточная церковь мудрствовала иначе.

Споръ Симеона съ Никитою касался также вопросовъ о двуперстіи, о четвероконечномъ крестѣ (называемомъ раскольниками латинскимъ крыжемъ), о сугубомъ аллилуи и пр. Тонъ, съ которымъ Симеонъ вооружается противъ своего противника, переходитъ въ ругательство: Симеонъ называетъ его буесловцемъ, нечестивымъ, окаяннымъ, смраднымъ козлищемъ, свиньею, изрывающею вертоградъ церкви, разбойникомъ, удомъ согнившимъ и проч.

Споръ съ Лазаремъ вращается болѣе, чѣмъ споръ съ Никитою, въ области пріемовъ внѣшняго богослуженія, либо же касается придирокъ Лазаря къ словамъ и выраженіямъ въ переводахъ, которыми, для буквальной близости къ подлиннику или для грамматической правильности рѣчи [3]), въ новоисправ-

[1]) „Видѣвши сіе, годствуетъ въ Никитѣ, иже дерзавъ во богословскія глубины умъ свой пущати, се на брезѣ грамматическаго разума и въ мелкости ея утопаетъ, солнце хотѣвый соглядати, стези не видитъ. Пріидите сѣмо и малѣйшіи отроцы грамматическія хитрости рачителіе, виждьте и судите: о Христѣ Дамаскинъ монахъ написалъ сія! Виждьте, колико уменъ буесловецъ Никита! Не о Христѣ Господѣ сіе есть писано, но о татѣ и разбойницѣ или за иный который грѣхъ осужденномъ на смерть крестную человѣцѣ“.

[2]) „Да не снидетъ со крещающимся, молимся Тебѣ Господи, духъ лукавый, помраченіе помысловъ и мятежъ мыслей наводяй“.

[3]) Напр., вмѣсто: „смертію на смерть наступи“—смертію смерть поправъ; вмѣсто:

ленныхъ книгахъ замѣнены были прежнія однозначащія выраженія. Въ разныхъ обрядахъ, принятыхъ и установленныхъ тогда церковью, Лазарь усматриваетъ вліяніе то латинства, то армянства: зачѣмъ, напримѣръ, плащаницу ставятъ головою на полдень, зачѣмъ на Пасху читаютъ діаконы Евангеліе въ разныхъ мѣстахъ церкви; зачѣмъ попъ сидитъ на исповѣди, зачѣмъ архіереи благословляютъ обѣими руками, зачѣмъ введено пѣніе, напоминающее органы и проч., и проч.; на все отвѣчаетъ Симеонъ объяснительнымъ тономъ, но примѣшиваетъ иногда и ругательства. Въ особенности озлобился онъ за то, что Лазарь въ своей челобитной представлялъ царю, что неприлично дѣлаютъ, поминая его „тишайшимъ и кротчайшимъ", и слова въ ектеніяхъ „о всей палатѣ и воинствѣ" толковалъ такъ, какъ будто здѣсь говорится не о здравіи и спасеніи царя, не о его боярахъ и воинахъ, а о какихъ-то каменныхъ палатахъ и палатномъ воинствѣ. „О, клеветникъ Лазарь,—возражаетъ ему Симеонъ,—какъ это ты Бога не боишься и людей не стыдишься; будто мы, называя государя тишайшимъ и кротчайшимъ, ругаемся надъ именемъ великаго государя нашего. Невѣжда! Безумный злобникъ!.. А что ты клевещешь, будто мы не творимъ молитвъ о боярахъ, но молимся о каменныхъ палатахъ и о палатномъ воинствѣ, такъ такое обличеніе, вмѣсто отвѣта, лучше оплевать и обругать и тебѣ уста заградить жезломъ, какъ псу лаящему!.." „Затѣмъ объясняетъ ему Симеонъ, что слово „палата" замѣняетъ бояръ и воинство „чрезъ образъ грамматическій и риторскій, именуемый синекдохе, еже различными образы бываетъ, егда едино изъ другого коимъ либо обычаемъ познавается".

Въ 1670 году Симеонъ написалъ большое богословское сочиненіе, подъ названіемъ: „Вѣнецъ вѣры каѳолическія". Онъ беретъ такъ-называемый большой апостольскій символъ вѣры и по членамъ его распредѣляетъ разные богословскіе предметы, излагая ихъ въ формѣ вопросовъ и отвѣтовъ [1]). Такой способъ даетъ ему поводъ, на подобіе средневѣковыхъ схоластиковъ, задавать самые затѣйливые и мелочные вопросы, сообщаетъ

„его же величающе Тебѣ, Дѣва, ублажаемъ"—его же величающе Дѣву ублажаемъ; вмѣсто: „яко воистину блажити тя, Богородице"—яко воистину блажити тя, Богородицу; вмѣсто: „Христосъ воскресый изъ мертвыхъ, истинный Богъ нашъ, молитвами пречистыя его Матере"—молитвами пречистыя своея матере;—и тому подобное. Верхъ дѣтскости взглядовъ и понятій выразился въ томъ, что въ извѣстной пѣснѣ на литургіи „единъ святъ, единъ Господь Іисусъ Христосъ" въ словѣ Іисусъ Лазарь читаетъ союзъ соединительный и видитъ раздѣленіе лица Христова.

[1]) Три первыя главы составляютъ какъ-бы вступленіе: здѣсь говорится о томъ, что такое христіане, откуда ихъ вѣра, о ересяхъ, а затѣмъ четырнадцать главъ посвящены членамъ апостольскаго символа.

различныя мнѣнія объ этихъ вопросахъ, почерпаемыя то изъ восточныхъ, то изъ западныхъ писателей, а нерѣдко изъ апокриѳическихъ сочиненій. Зачѣмъ, напримѣръ, Христосъ родился въ декабрѣ? Въ какой часъ дня совершилось благовѣщеніе и рождество? Могъ ли Христосъ говорить тотчасъ послѣ своего рожденія? Зачѣмъ Христа пригвоздили ко кресту четырьмя, а не тремя гвоздями? Всю ли свою кровь, изліянную на крестѣ, воспріялъ Христосъ при воскресеніи или частицы ея остались и смѣшались съ землею? и пр., и пр. Слѣдуя за апостольскимъ символомъ, когда пришлось говорить о Творцѣ и твореніи, Симеонъ изложилъ своеобразную и уродливую систему космографіи, показывающую его знакомство съ западными астрологическими бреднями: результаты современныхъ ему научныхъ изслѣдованій мало до него прикасались. Существуетъ трое небесъ: эмпирейское, неподвижное, самое высшее, кристальное, движущееся съ неизреченною скоростію и—твердь, раздѣляющаяся на два пояса, первый—звѣздъ неподвижныхъ, а второй—планетъ. Планетное небо раздѣляется на семь круговъ или поясовъ по числу планетъ, извѣстныхъ тогда: (Кронъ, Дей, Аръ, солнце, Афродита, Ермій, луна). Симеонъ приводитъ баснословныя разстоянія отъ каждой планеты до другой. Отъ земли до тверди восемьдесятъ темъ миль (т.-е. 800,000), а отъ верха земли до эмпирейскаго неба такъ далеко, что если ѣхать туда со скоростью восьмидесяти миль въ часъ, то времени понадобилось бы 50,000 лѣтъ. Звѣзды описываются такъ: „веществомъ чисты, образомъ круглы, количествомъ велики, явленіемъ малы, качествомъ свѣтлы, дольнихъ вещей родительны (имѣютъ вліяніе на перемѣны въ воздухѣ). Планеты по мѣстоположенію ниже звѣздъ; иногда онѣ ходятъ по одному пути со звѣздами, а иногда по противоположному. Самая малѣйшая звѣзда въ восемьдесятъ разъ больше земли, а слѣдующая по величинѣ звѣзда превосходитъ пространство земли въ 170 разъ. Солнце въ 166 разъ больше земли; луна же въ 30 разъ меньше. Всякій часъ солнце совершаетъ 7,160 миль, изъ которыхъ каждая требуетъ человѣческой ходьбы два часа. Земля представляется круглою, черною, тяжелою, холодною; она кентръ (центръ) всего міра, мрачна, и содержитъ въ себѣ адъ. Землетрясеніе происходитъ отъ терзанія заключенныхъ въ ея нѣдрѣ духовъ.

Симеонъ останавливается съ большимъ вниманіемъ надъ созданіемъ и грѣхопаденіемъ человѣка, приводитъ разныя мнѣнія о томъ, сколько времени пробылъ Адамъ въ раю и болѣе склоняется къ тѣмъ, которые полагали, что первобытная чета

пробыла только три часа и согрѣшила въ шестой часъ дня, почему и Христосъ, искупляя человѣчество отъ прародительскаго грѣха, былъ распятъ въ шестой часъ дня. Разбирая вопросъ о чадородіи, Симеонъ приходитъ къ такому мнѣнію, что если бы люди не согрѣшили, то зачинались и рождались бы обыкновеннымъ способомъ, какъ теперь, но только съ тою разницею, что зачинались бы безъ необузданной страсти, а рождались безъ смрада, безъ болѣзни. Родители, проживши въ земномъ раю, уступали бы свое мѣсто дѣтямъ, а сами были бы возносимы на небеса, и такимъ образомъ умноженіе человѣческаго рода восполняло бы число падшихъ ангеловъ, такъ какъ человѣкъ для того и былъ созданъ, чтобъ замѣстить отпавшихъ отъ Бога духовъ. Злые ангелы, возмутившіеся противъ Бога, не принадлежали къ одному какому-нибудь чину, который всею своею корпораціею палъ и лишился блаженства; они были увлечены сатаною изъ разныхъ ангельскихъ чиновъ, самъ же сатана состоялъ въ числѣ самыхъ высокихъ и самыхъ близкихъ къ Богу духовъ небесныхъ. Въ главѣ о воскресеніи мертвыхъ автору приходятъ на мысль самые странные вопросы, напримѣръ, воскреснутъ ли мертвые съ волосами и ногтями, такъ какъ у человѣка, который ихъ въ теченіе своей жизни обрѣзывалъ, могло накопиться ихъ очень много? Этотъ вопросъ разрѣшается такъ: воскреснутъ, но настолько, насколько нужно для украшенія плоти. Воскреснутъ ли кишки?—Воскреснутъ —отвѣчаетъ Симеонъ:—но будутъ наполнены не смраднымъ каломъ, а преизрядными влагами. Сѣмени въ человѣкѣ не будетъ, такъ какъ Христосъ сказалъ: въ воскресеніи не женятся, не посягаютъ. Но вотъ еще вопросы. Все тѣло человѣка истлѣло, но всѣ его части должны воскреснуть. Какъ онѣ въ то время соединятся между собою? Могутъ ли разновидныя части соединиться, напримѣръ, кость съ костью, жилы съ кровью? и т. п.—Нѣтъ,—отвѣчаетъ нашъ мудрецъ:—только персть одновидныхъ частей можетъ соединиться; то, чтó было въ рукѣ, можетъ очутиться въногѣ, ибо это не измѣнитъ тождества лица человѣческаго, но персть разновидныхъ частей не можетъ быть смѣшана и то, чтó составляло жилы, не можетъ образовать крови, или то, чтó составляло мясо, не можетъ войти въ составъ крови или костей, иначе—все равно: если бы кто разрушилъ серебряный сосудъ съ золотою крышкою, потомъ изъ крышки сдѣлалъ сосудъ, изъ сосуда крышку: развѣ могъ бы сосудъ названъ быть прежнимъ сосудомъ?

Конецъ міра возбуждаетъ особенное вниманіе, и здѣсь появляются на сцену болѣе всего кстати разные вѣковые вымыслы

религіозной фантазіи. Антихристъ очень занимаетъ Симеона; авторъ приводитъ разныя мнѣнія объ этомъ лицѣ; одни признавали его воплощеннымъ дьяволомъ, другіе—человѣкомъ, слугою дьявола или, лучше сказать, какимъ-то полудьяволомъ, потому что выдумывали разсказы о его чудномъ происхожденіи на свѣтъ, и при этомъ дьяволъ играетъ важную роль. Симеонъ думаетъ, что Антихристъ будетъ человѣкъ, и подобно всѣмъ людямъ, будетъ имѣть у себя ангела хранителя, но предастся злу, отступитъ отъ Бога и ангелъ хранитель покинетъ его. Антихристъ—человѣкъ съ необыкновенными умственными способностями, онъ будетъ свѣдущъ, какъ никто, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ чрезвычайный лицемѣръ и свою могучую духовную силу обратитъ на пагубу, а не на пользу человѣческаго рода: онъ весь зло, хотя по наружности будетъ казаться образцомъ всѣхъ добродѣтелей. Ему будетъ помогать какой-то жрецъ изъ христіанскаго полка. Антихристъ введетъ поклоненіе богу Маозею (божество силы и успѣха). У него будутъ лжепророки и лжеапостолы, которыхъ онъ разошлетъ по землѣ привлекать къ своей вѣрѣ. Антихристъ достигнетъ могущества, онъ сдѣлается царемъ; столицею его будетъ Вавилонъ. Всякъ, кто подчинится ему, получитъ знаменіе на челѣ и на рукѣ, а у кого такого знаменія не будетъ, тотъ не можетъ ничего ни купить, ни продать. Царствуя въ Вавилонѣ, Антихристъ будетъ вести войны и побѣдитъ трехъ царей: египетскаго, афрійскаго и эѳіопскаго; Аравія ему не покорится. Гогъ и Магогъ возстанутъ, но нашъ богословъ самъ подлинно, кажется, не знаетъ, что такое эти Гогъ и Магогъ. Онъ приводитъ только мнѣніе (наиболѣе распространенное), что подъ этими именами разумѣются народы заклятые и замкнутые въ каспійскихъ горахъ, но, по другимъ толкованіямъ, это названія антихристовыхъ ратныхъ людей: Гогъ—дѣйствующіе тайно, а Магогъ—дѣйствующіе открыто. Но явятся Энохъ и Илія, и станутъ проповѣдывать противъ Антихриста; проповѣдь ихъ будетъ (сообразно апокалипсису) длиться тысячу двѣсти шестьдесятъ дней. Антихристъ убьетъ ихъ въ Іерусалимѣ. Они воскреснутъ изъ мертвыхъ, но вслѣдъ затѣмъ постигнетъ конецъ и Антихриста. Все царство его продолжится только три съ половиною года. Послѣ смерти и воскресенія Эноха и Иліи придется ему сидѣть на престолѣ только пятнадцать дней. Антихристъ притворится умершимъ, потомъ будто бы воскресшимъ, взойдетъ на гору Елеонскую, и дѣйствомъ діавола поднимется на воздухъ, но архистратигъ Михаилъ поразитъ его. Черезъ сорокъ пять дней потомъ начнется Страшный судъ.

Загорится земля и будетъ горѣть до половины своей атмосферы; моря не будетъ, но это не значитъ, чтобъ оно болѣе не существовало: оно не будетъ только солоно и бурно; явится знаменіе сына человѣческаго, вострубятъ ангелы, воскреснутъ мертвые.

Нашъ тайновидецъ задаетъ вопросъ: въ какое время дня и въ какое время года будетъ воскресеніе мертвыхъ, и рѣшаетъ, что это событіе произойдетъ весною въ апрѣлѣ, во время празднества пасхи, ровно въ полночь, тогда, когда и Христосъ воскресъ; нѣкоторые говорятъ напротивъ, что это должно послѣдовать утромъ на зарѣ, какъ и Христосъ, по ихъ мнѣнію, воскресъ съ появленіемъ денницы. Симеонъ соглашаетъ искусно два эти мнѣнія. Христосъ воскресъ въ полночь, но въ то время солнце нарочно тремя часами ранѣе обыкновеннаго восходило, а потому правы и тѣ, которые говорятъ о зарѣ и солнечномъ восходѣ; въ день воскресенія всѣхъ умершихъ, вѣроятно, будетъ такъ же, какъ было въ день воскресенія Господня.

Нѣкоторые толковали, будто воскресеніе произойдетъ такъ: прежде ангелы соберутъ въ кучу персть добрыхъ, и демоны въ другую кучу персть злыхъ, которыхъ они искушали, и Господь воскреситъ тѣхъ и другихъ, но Симеонъ не довѣряетъ этому: Христосъ ясно говоритъ, что отдѣлятся оживленные праведные отъ неправедныхъ, и вѣроятно, по соображеніямъ Симеона, собраніемъ персти и воскресеніемъ умершихъ займутся нарочно для того поставленные ангелы.

Страшный судъ будетъ происходить въ Іосафатовой долинѣ близъ Іерусалима подъ Елеонской горою. Но опять представляется вопросъ: какъ же могутъ помѣститься такъ много воскресшихъ людей на такомъ маломъ пространствѣ? Авторъ рѣшаетъ и этотъ вопросъ: часть судимыхъ будетъ стоять на воздухѣ ярусами одни надъ другими, а низшіе на землѣ—вотъ и помѣстятся. Судъ свой Господь будетъ производить вмѣстѣ со святыми угодниками, и всѣ воскресшіе будутъ раздѣляться на четыре разряда: одни будутъ судить со Христомъ, другіе будутъ судимы, оправданы и войдутъ во царствіе Божіе, третьи будутъ ввержены въ адъ, безъ суда: то язычники, іудеи, мусульмане, и вообще не получившіе крещенія; они беззаконно согрѣшили, беззаконно и погибнутъ, къ нимъ отнесены будутъ и некрещеныя дѣти. Четвертый разрядъ—грѣшники, осужденные за ихъ дѣянія праведнымъ судомъ въ геенну огненную на вѣчную муку. Страшный судъ будетъ продолжаться три часа, съ шестого часа дня до девятаго, въ тѣ часы, когда Христосъ висѣлъ на крестѣ.

Солнце перестанетъ двигаться; земля обновится, станетъ про-

зрачна, какъ стекло; она уже не будетъ производить ни звѣрей ни деревьевъ, она будетъ испещрена цвѣтами, но эти цвѣты слѣдуетъ принимать не въ буквальномъ смыслѣ, а въ духовномъ.

Кромѣ этого пространнаго сочиненія о вѣрѣ, Симеонъ Ситіяновичъ написалъ еще: „Книги краткихъ вопросовъ и отвѣтовъ катехистическихъ [1]). Это катехизисъ, расположенный въ такомъ порядкѣ: сперва излагается символъ вѣры; здѣсь отчасти сокращеніе Вѣнца съ затѣйливыми вопросами; далѣе слѣдуетъ о Молитвѣ Господней, о поклоненіи Дѣвѣ Маріи, о евангельскихъ блаженствахъ, о трехъ богословскихъ добродѣтеляхъ; затѣмъ слѣдуетъ десять заповѣдей,—потомъ о таинствахъ (о евхаристіи говорится относительно времени пресуществленія то, что признано несогласнымъ съ ученіемъ православной церкви), затѣмъ—примѣры вопросовъ, какіе могутъ задавать исповѣдующіе священники, примѣняясь къ случаямъ, встрѣчавшимся въ то время въ обыденной жизни, и подводя ихъ подъ ту или другую изъ заповѣдей божіихъ. Вопросы и отвѣты очень коротки.

Это сочиненіе, въ свое время напечатанное, по смерти автора подверглось осужденію церковной власти, а для насъ оно составляетъ одинъ изъ любопытныхъ памятниковъ XVII вѣка, какъ по тѣмъ случаямъ житейскимъ, которые вспоминаются въ качествѣ чертъ общества, среди котораго жилъ авторъ, такъ и по взглядамъ, господствовавшимъ тогда между людьми книжными. По поводу первой заповѣди авторъ касается замѣченнаго имъ у русскихъ неправильнаго мнѣнія, будто всякій человѣкъ можетъ спастись по своей вѣрѣ, лишь бы онъ былъ добръ и не дѣлалъ зла своимъ ближнимъ. „Это грѣхъ зѣло тяжкій,—говоритъ авторъ,—и зѣло частъ есть не только между невѣждами, но и между тѣми, которые считаются знающими (иже вѣжды водятся быти): никто не можетъ спастись внѣ соборной православной каѳолической единой церкви“. Добродушная натура невѣжественнаго русскаго человѣка по своему свойству менѣе, чѣмъ чья-нибудь, была наклонна къ нетерпимости,—нужно было грамотное невѣжество, чтобы возбуждать въ немъ фанатизмъ. Затѣмъ авторъ сдѣлалъ замѣчаніе также о признакѣ своего времени, о чтеніи св. писанія; возникшая борьба между церковью и расколомъ распространяла грамотность пуще школы; вкусъ къ чтенію

[1]) Напр., зачѣмъ Христосъ началъ свои страданія въ оградѣ?—Въ оградѣ зачася болѣзнь и смерть чрезъ перваго Адама, въ оградѣ вторый Адамъ восхотѣ врачевство начати, да вдастъ животъ.—Или: сколько язвъ бысть на тѣлѣ Господа?—Вящше пяти тысящъ!—Или: потребно ли было присутствовать бабѣ при рожденіи Спасителя?—На это дается отвѣтъ отрицательный, ибо Дѣва Святая родила безъ болѣзни, въ веселіи, и безъ всякой скверны.

и толкамъ о религіозныхъ предметахъ сталъ входить въ народъ, и вотъ Симеонъ, который въ другихъ своихъ произведеніяхъ такъ горячо говоритъ о необходимости заведенія училищъ—здѣсь хотя и признаетъ полезнымъ чтеніе св. писанія, но позволяетъ его только тѣмъ, которые имѣютъ грамматическое знаніе, и притомъ съ тѣмъ условіемъ, чтобъ они не отваживались сами излагать библейскія мѣста по-своему, а спрашивали бы объ этомъ у лицъ, болѣе ихъ свѣдущихъ; но онъ вовсе запрещаетъ читать библію невѣждамъ, и замѣчаетъ, что, къ его сожалѣнію, невѣжды-то болѣе всего бросаются на чтенія такого рода, хотятъ быть учителями, высоко думаютъ о своемъ собственномъ умѣ и стыдятся испрашивать совѣтовъ у другихъ. Наконецъ, по поводу первой заповѣди, Симеонъ говоритъ о разныхъ суевѣріяхъ, которыя представляются также грѣхомъ, оскорбляющимъ вѣру въ Бога. Русскіе держали у себя и носили на себѣ разныя записки, какъ врачевство противъ горячки и разныхъ болѣзней, или же какъ предохранительное средство противъ уязвленій. —Дозволительно ли (задаются вопросы) чрезъ рѣшето хотѣть узнать татя похищенной вещи? Можно ли снамъ вѣрити? Первое называется діавольскимъ, второе суетнѣйшимъ дѣломъ. Называется суевѣріемъ господствовавшій обычай по встрѣчамъ съ людьми и съ животными гадать о счастіи или несчастіи, объ успѣхѣ или неуспѣхѣ въ предпріятіи. Осуждаются всякія волхвованія, какъ-то: по церковному ключу, по псалтири.—Мы узнаемъ, что русскіе современники Симеона для отысканія воровъ и похищенныхъ ими предметовъ давали ѣсть сыръ, на которомъ чертили *незнаемыя* (тарабарскія) словеса, въ день усѣкновенія главы Іоанна Предтечи искали зелья, сообщающаго большую тѣлесную силу: все это признается грѣхомъ. Меньшимъ грѣхомъ считаетъ Симеонъ, если кто, напримѣръ, по невѣжеству отдаетъ почтеніе одинакимъ церковнымъ вещамъ предъ другими, сообразно ихъ цвѣту, величинѣ, помѣщенію, напр., говорятъ: пусть чтутся такія-то молитвы, а не другія, пусть будутъ такой величины свѣчи, а не болѣе, воскъ пусть будетъ бѣлый, а не желтый и т. п. Проходя вторую заповѣдь, катехизаторъ замѣтилъ, что невѣжды поклоняются иконамъ въ большей степени, чѣмъ такое поклоненіе предписано церковью (невѣжды не возводятъ ума своего на первообразное), однако, не вмѣняетъ имъ этого въ грѣхъ идолопоклонства, надѣясь, что такъ какъ они составляютъ часть церкви, то честь, творимая ими неправильно, дѣлается правильною (возводится къ первообразному) чрезъ общее церковное намѣреніе. По поводу третьей заповѣди авторъ коснулся русскаго обычая божиться и клясться, который, по его замѣ-

чанію, былъ особенно распространенъ у купцовъ, говорившихъ, что имъ если не побожиться, то не продать, нападаетъ также на привычки русскихъ произносить такія поговорки: „чтобъ меня чортъ взялъ, коли я не говорю правду“, или „это истина какъ Богъ!“ „Ни съ кѣмъ нельзя равнять Бога“, говоритъ Симеонъ.

Касаясь четвертой заповѣди, авторъ обличаетъ недостойное препровожденіе времени въ праздничные дни, господствовавшее въ его время во всѣхъ слояхъ русскаго общества. „Люди благороднѣйшіе цѣлые дни тратятъ на ловленіе (охоту). Ихъ жены и дѣвицы употребляютъ все утро на суетное украшеніе своего тѣла. Ремесленники проводятъ праздничные дни въ пьянствѣ [1]). Особенно негодуетъ Симеонъ на хороводы, обычное праздничное препровожденіе времени у простого народа. „Отъ демона или отъ змія приняли начало эти ликованія, ибо онъ привыкъ вертѣться кругомъ (яко же онъ круговожденіе обыче творити“)? Симеонъ не одобряетъ даже тѣхъ, которые проводятъ праздничные дни въ чтеніи и „словоположеніи“ (бесѣдахъ), нападаетъ на господъ, которые заставляютъ своихъ рабовъ въ праздникъ работать: это грѣхъ смертный; менѣе грѣшатъ тѣ, которые, какъ вошло въ обычай, ходятъ въ лѣсъ собирать орѣхи, грибы, ягоды, но все-таки грѣшатъ. Впрочемъ, авторъ позволяетъ и въ праздничный день работу въ случаѣ крайней нужды: напр., собираніе плодовъ, когда дожди или другія воздушныя перемѣны требуютъ поспѣшности, закланіе животныхъ и торгъ съѣстными припасами, когда случатся сряду нѣсколько праздниковъ, но онъ дозволяетъ такое занятіе въ праздникъ не долѣе трехъ часовъ.

Наибольшее число случаевъ приводится у Симеона по восьмой заповѣди. „Противъ этой заповѣди,—говоритъ онъ,— грѣшатъ у насъ всѣ: и большіе, и малые, и убогіе, и богатые. Грѣшатъ князи, отягощающіе неправедно низшій народъ различными данями, грѣшатъ правители, которые дурно распоряжаются народнымъ достояніемъ и обращаютъ въ свою корысть; грѣшатъ начальники, которые бываютъ обыкновенно хищники и народные кровопійцы;—грѣшатъ судьи и „законословцы“, искажающіе смыслъ закона и часто требующіе неправедной „мзды“. Далѣе катехизаторъ переходитъ къ людямъ, посвятившимъ себя низшаго рода занятіямъ и нападаетъ прежде всего на купцовъ, какъ они расхваливаютъ

[1]) Замѣчательно какъ авторъ опредѣляетъ, что значитъ быть пьянымъ: „тотъ истинно пьянъ, кто на другой день не помнитъ, что онъ дѣлалъ и что говорилъ, съ кѣмъ шелъ, какъ домой добрался и какъ спать легъ, а тотъ еще не совсѣмъ пьянъ, кто хотя и шатается, но все помнитъ“.

продаваемыя вещи, скрывая ихъ дурныя свойства, какъ иногда ихъ пріятели притворно покупаютъ товары, чтобы поднять цѣну и заставить настоящаго покупателя заплатить дороже, какъ на торжищахъ умышленно хулятъ товаръ, для того чтобы отбить другихъ отъ покупки, а самимъ или своимъ родичамъ купить подешевле и. т. п. Грѣшатъ противъ восьмой заповѣди и ремесленники, обманчиво исполняющіе свои работы, грѣшатъ стяжатели земли, плутовски захватывающіе предѣлы нивъ, грѣшатъ, наконецъ, толпы нищихъ, которые тогда особенно промышляли кражею.

Проповѣди Симеона Ситіяновича изданы въ двухъ огромныхъ книгахъ in folio. Въ одной изъ нихъ подъ названіемъ: „Обѣдъ Духовный", помѣщены поученія на всѣ воскресные дни года и на переходящіе праздники, а въ другомъ „Вечеря Духовная"—поученія на праздники непереходящіе, господскіе, богородичные, дни нѣкоторыхъ святыхъ, особенно чтимыхъ, а также поученія на разные случаи. Проповѣди Симеона проникнуты схоластическимъ пустословіемъ сообразно риторическимъ требованіямъ своего времени [1]). Онъ приводитъ нерѣдко древнихъ авторовъ, сообщаетъ изъ нихъ анекдоты (какъ напр. о Мидасѣ фригійскомъ, о Фаэтонѣ и т. п.), черпаетъ безъ разбора свѣдѣнія, какъ изъ св. отцовъ церкви, такъ изъ апокрифическихъ сочиненій. Симеонъ очень любитъ сравненія, но не многія у него удачны [2]). Симеонъ сильно старается сдѣлать свои проповѣди живыми и поэтическими, а онѣ наперекоръ ему отзываются сухостью; авторъ мало обладалъ

¹) Вотъ, для примѣра, до какихъ крайностей доходитъ у него страсть видѣть во всемъ символы и объяснять ихъ; напр., по поводу Рождества Христова развивается въ проповѣди такое положеніе: слово сгало плотію, а плоть трава, ибо сказано: человѣкъ яко трава. Слѣдовательно, Христосъ, родившись и ставши человѣкомъ, сталъ травою, „да мы скоти ту траву, то сѣно духовное ядуще отъ внутрь таимаго въ немъ слова воспріимемъ слово совершенное или разумъ". Или, напр., въ словѣ о блудномъ сынѣ, Симеонъ вещественнымъ предметамъ, упоминаемымъ въ евангельской притчѣ, насильно даетъ аллегорическій смыслъ: „Свиньи, которыхъ принужденъ пасти промотавшійся блудный сынъ—скверные и нечистые помыслы; сапоги, которые сыну даетъ отецъ—это сапоги крѣпости для путешествія къ безконечной жизни".

²) Къ числу самыхъ удачныхъ, по нашему мнѣнію, можно отнести (Поученіе въ недѣлю 9 но пятидесятницѣ) сравненіе житейскаго пути съ плаваніемъ по рѣкамъ: Люди благоденствующіе въ мірѣ словно сидятъ на покойномъ кораблѣ и плывутъ; имъ кажется, что мимо ихъ бѣгутъ горы, лѣса, города, а они сидятъ себѣ недвижимо; они видятъ, какъ одни богатѣютъ, другіе бѣднѣютъ, одни рождаются и возрастаютъ, другіе старѣются и умираютъ; здоровье и недуги, слезы и веселость смѣняютъ одно другое, и кажется имъ, что сами они стоятъ выше мѣры, прилагаемой къ другимъ, далеки отъ того, что́ постигаетъ другихъ, спокойны, беззаботны — какъ вдругъ все исчезаетъ и корабль ихъ доходитъ до пристанища гробнаго и приходится душѣ грѣшной сходить съ покойнаго корабля.

способностью творить образы и въ этомъ отношеніи стоитъ ниже Галятовскаго. За то едва ли кто изъ его современниковъ держался въ своихъ проповѣдяхъ болѣе нравственно-поучительнаго направленія и притомъ не въ однѣхъ только общихъ чертахъ. Симеонъ въ своихъ проповѣдяхъ, какъ и въ своемъ катехизисѣ, заглядывалъ въ подробности и особенности современной ему жизни.

Подобно Епифанію Славинецкому, Симеонъ сознавалъ и необходимость книжнаго просвѣщенія въ московской землѣ. Въ одной изъ своихъ проповѣдей на Рождество Христово, онъ отъ лица вселенскихъ патріарховъ, съѣхавшихся тогда въ Москву, обращается къ царю съ моленіемъ взыскать премудрость, заводить училища греческія, словянскія и другія, умножать спудеовъ (учащихся), отыскивать благоискусныхъ учителей и всѣхъ „честьми поощрять на трудолюбіе". Какъ монахъ, онъ выше всѣхъ знаній ставитъ богословіе; онъ помнитъ извѣстное выраженіе апостола Павла, въ которомъ многіе видѣли роковой приговоръ всякой наукѣ: „премудрость людская — буйство (глупость) есть у Бога". Но Симеонъ хочетъ дать этому выраженію примиряющій смыслъ: „Слѣдуетъ знать,— говоритъ онъ,—что этими словами не охуждаются свободныя художества: грамматика, риторика, философія и пр., они очень полезны въ гражданскомъ быту и споспѣшествуютъ духовной премудрости; здѣсь охуждается непокорство божьимъ словамъ естественнаго разума, изощреннаго хитростью этихъ художествъ; если кто, опираясь на естественныя причины, не хочетъ повиноваться божіему слову—вотъ мудрость міра сего!—вотъ буйство передъ Богомъ! Величайшее заблужденіе пытаться измѣрять мѣрою человѣческаго разума божественное, слишкомъ превосходящее умъ человѣческій. Какъ можетъ сова разсуждать о солнечномъ свѣтѣ, когда этотъ свѣтъ превосходитъ силу ея зрѣнія?" Потребность школьнаго ученія въ значительной степени возбуждалась въ Симеонѣ явленіемъ раскола, который онъ также громитъ въ своихъ поученіяхъ. Онъ хотѣлъ, чтобы люди правильно разсуждали о предметахъ вѣры, а расколъ являлъ примѣръ—чего можно ждать, если возьмутся за эти предметы круглые невѣжды. „Многіе еретики,—говоритъ онъ,—потонули въ глубинѣ священнаго писанія отъ неискуснаго плаванія; и наши нынѣшніе лжемудрецы, неискусные въ плаваніи, дерзко ворвались въ пучину писаній, думая добывать оттуда жемчугъ премудрости... Лучше было бы имъ стоять на берегу и помалу утолять жажду этой животворной водой... Нѣтъ, захотѣли они славы міра сего и, словно слѣпцы, пусти-

лись разсуждать о шарахъ, которыхъ никогда не видали. Нынѣ у насъ многіе хотятъ именоваться учителями св. писанія, а не учениками. Другихъ учатъ тому, чему сами никогда не учились. Въ мірскихъ наукахъ этого не бываетъ: тамъ прежде сами учатся, а потомъ другихъ учатъ, только священное писаніе таково, что всѣ себѣ приписываютъ право ученія, и какъ только человѣкъ что-нибудь складно скажетъ, другіе думаютъ, что это божій законъ. Чтó у насъ дѣлается: о богословіи разглагольствуютъ и взрослые, и отроки: и въ лѣсахъ дикіе люди бесѣдуютъ, и на торжищахъ скотопродавцы, и въ корчмахъ пьяные, и „*буія женища* (глупое бабье) *словопреніе дѣютъ безумное*, наперекоръ мужьямъ своимъ и церкви. Конечно, чтеніе св. писанія полезно всякому, и мужчинѣ, и женщинѣ. Но оно прилично только тому, у кого есть ключъ разумѣнія, а на это даетъ право одно ученіе“. Мысль о воспитаніи юношества сильно его занимала, и онъ много разъ возвращается къ ней въ своихъ проповѣдяхъ. Качества родителей, по его мнѣнію, не переходятъ на дѣтей по крови, все зависитъ отъ первыхъ укоренившихся привычекъ: „Но отчего,—задаетъ онъ себѣ вопросъ,—у несомнѣнно добрыхъ и честныхъ родителей бываютъ дурныя дѣти?“ Симеонъ приписываетъ это явленіе излишеству родительской любви, иначе, говоря нашимъ языкомъ, баловству: „если добрые родители не даютъ своимъ чадамъ подобающаго наказанія, а пускаютъ ихъ вести себя по волѣ ихъ юности, если не оскорбляютъ ихъ словомъ увѣщанія, не налагаютъ на нихъ язвъ, то отъ благихъ родителей произойдетъ злой плодъ!“ Въ другой проповѣди (недѣля разслабленнаго) Симеонъ разражается чрезвычайно суровымъ наставленіемъ и грозитъ лишеніемъ царства Божія тѣмъ родителямъ, которые не возлагаютъ ранъ на плечи злонравныхъ дѣтей своихъ: „Кто довольствуется однимъ словеснымъ увѣщаніемъ, тотъ непріятенъ Богу. Не щадите, родители, жезловъ вашихъ, угощайте дѣтей вашихъ не душевреднымъ лобзаніемъ, а нравоисправительнымъ біеніемъ“.

Такая суровость въ понятіяхъ о воспитаніи соотвѣтствуетъ строго монашескому взгляду, который отражается у Симеона и относительно другихъ явленій жизни. Требуя любви между людьми, онъ, однако, боится, чтобы любовь эта не была мягкая, не основывалась на пріятныхъ бесѣдахъ, на совмѣстномъ ядѣніи и питіи, на участіи въ развлеченіяхъ (егда собираются на игралища и баснословія). Монашескій аскетизмъ—для него высшій образецъ нравственнаго совершенства; женскаго сообщества надобно избѣгать, „полъ женскъ—тля... Одно зрѣніе на женщину заражаетъ человѣка ядомъ аспида“. Въ одной пропо-

вѣди (на 27 недѣлю по пятидесятницѣ) онъ сравниваетъ грѣшную душу съ женщиною: „какъ у женщины,—говоритъ онъ,—тонкій голосъ, такъ и у грѣшной души голосъ тонкій и скудный къ хваленію Бога. Жена скороглаголива, коснодвижима, скорогнѣвлива, завистлива, нелюботрудна, малонадежна—такова и грѣшная душа!“ Онъ не смѣетъ не уважать супружескаго союза, но, вспомнивши евангельскую притчу о томъ, который не пошелъ на званый пиръ, потому-что только что женился, говоритъ (на 28 недѣлю по пятидесятницѣ): „видите, не только беззаконное, но и законное сочетаніе иногда отклоняетъ насъ отъ Бога излишествомъ любви къ женѣ... Кто паче мѣры ревнитель женѣ, тотъ блудникъ; видите ли—и законные супруги иногда блудодѣйствуютъ!...“ Симеонъ нападаетъ на пристрастіе къ богатству, замѣчаетъ, что страсть къ обогащенію ведетъ къ жестокосердію и къ лѣни, однако боится слишкомъ нападать на богачей, среди которыхъ ему приходилось обращаться, и потому вмѣстѣ съ тѣмъ онъ оправдываетъ богатство, такъ какъ оно доставляетъ возможность давать милостыню. Постъ, которому давало такое важное значеніе благочестіе русскихъ, вызвалъ также обличенія Симеона (Поученія въ нед. сыр.): „У насъ,—говоритъ онъ,—многіе господа во время поста ходятъ печальные, мрачные, а между тѣмъ въ домахъ своихъ дѣлаются особенно злыми: тогда-то у нихъ прямое кажется кривымъ, сладкое горькимъ, жена опротивѣетъ, дѣти имъ досаждаютъ, слуги станутъ негодными и безъ вины виноватыми. Въ постъ они постятся, а передъ постомъ и разговѣвляясь, безмѣрно наѣдаются“. Онъ напоминаетъ, что прежде всего нужно поститься отъ дурныхъ дѣлъ [1]), вооружается также противъ лицемѣрнаго смиренія, которое особенно часто встрѣчалось въ пріемахъ знатныхъ лицъ при набожномъ Алексѣѣ Михайловичѣ. „Мы,—говоритъ онъ,—безпрестанно слышимъ, какъ иные сами называютъ себя грѣшниками, блудниками, а если кто другой въ чемъ-нибудь обличитъ ихъ, то кричатъ, что это неправда, а иногда и дланью согбенною уста заградятъ“.

Подробнѣе всего распространяется Симеонъ противъ пороковъ своего вѣка въ тѣхъ проповѣдяхъ, которыя писаны не по поводу праздниковъ и составляютъ особое приложеніе къ „Вечерѣ Духовной“. Изъ нихъ болѣе всѣхъ замѣчательны „Поученія къ іереямъ“ и „Поученія противъ суевѣрій“. Симеонъ соблазняется разными народными играми, въ которыхъ видитъ

[1]) Здѣсь онъ приводитъ басню, ходившую въ его время, будто если постящійся человѣкъ наступитъ на змія, то змій издохнетъ. Не опровергая этой басни, онъ предоставляетъ разсуждать о ней „естествословцамъ“.

остатки древняго язычества и идолопоклоненія: таковы скаканіе черезъ огонь и качели, называемыя въ то время „рѣли“ —повсемѣстная народная праздничная забава по городамъ и селамъ. Симеонъ съ презрѣніемъ называетъ ихъ висѣлицами и говоритъ, что, въ языческія времена, кто падалъ съ качель и убивался, тотъ считался принесеннымъ въ жертву богу, т.-е. бѣсу. И теперь, по мнѣнію проповѣдника, эта потѣха была совершаема въ честь бѣсамъ. Его возмущали суевѣрные способы врачеванія, какъ, напр., ношеніе дѣтей въ баню и мазаніе ихъ грязью съ разными причитаніями, съ цѣлью предохранить отъ дурного глазу, ношеніе наузовъ (узловъ), записокъ съ заговорами, струтіоновыхъ костей (?), шептанія, дуновенія, напѣванія, произнесенія непонятныхъ словъ и т. п. „Христосъ изгоняется, а баба пустословная вводится,—говоритъ Симеонъ, —тайна св. крещенія попирается, діаволъ ликуетъ“. Онъ вооружается противъ гаданій, примѣтъ, противъ народной вѣры въ предвѣщательное значеніе встрѣчъ волка, кривого или косого человѣка, монаха, женщины и пр. „Случится,—говоритъ Симеонъ,—человѣку, обуваяся, кашлянуть или, выходя изъ дому, споткнуться, онъ возвращается и не дѣлаетъ своего дѣла“. Съѣдятъ ли мыши платье, суевѣръ боится грядущей бѣды и заранѣе оплакиваетъ свою судьбу, не жалѣя дѣйствительнаго убытка, причиненнаго ему мышами. Идутъ двое друзей, на пути встрѣтятъ камень, пса или ребенка и думаютъ, что эти предметы разстроятъ ихъ дружбу, топчатъ камень, колотятъ пса, бьютъ по щекѣ ребенка... „Подобныхъ суевѣрій тысячи“, замѣчаетъ Симеонъ. Къ нимъ причисляетъ онъ легковѣрное признаніе истинными всякихъ чудесъ, которыя тогда безпрестанно появлялись и обыкновенно оказывались ложными,—вооружается противъ появленія ложныхъ мощей и т. п.

Въ проповѣдяхъ Симеона ощутительно подражаніе Славинецкому, по крайней мѣрѣ тамъ, гдѣ оба проповѣдника касались одного и того же предмета, какъ, напр., заведенія училищъ и обличеній раскола: есть одинакія сравненія, одинакія выраженія. Если Симеонъ и не списывалъ съ того, что говорилъ Славинецкій, то, должно быть, находился подъ его вліяніемъ.

Стихотворныя произведенія Симеона Ситіяновича писаны силлабическими риѳмованными стихами и лишены поэтическаго достоинства. Можно сказать, что къ этому роду литературы Симеонъ меньше имѣлъ природныхъ самобытныхъ дарованій, чѣмъ къ проповѣдничеству и богословствованію. Важнѣйшее изъ его стихотворныхъ сочиненій—переводъ Псалтыря. Мысль къ этому подалъ Симеону примѣръ польскаго поэта Яна Кохановскаго,

—что разумѣется умаляло значеніе труда Симеона въ глазахъ строгихъ московскихъ ревнителей православія. Псалтырь Симеона, какъ извѣстно, былъ однако любимымъ чтеніемъ Ломоносова [1]) и потому не остался безъ значенія въ нашей словесности. Кромѣ Псалтыря Симеонъ написалъ: „Вертоградъ многоцѣнный“—собраніе мѣстъ св. писанія и разныхъ описаній, отвлеченныхъ понятій и качествъ, „Риѳмологіонъ“—собраніе разныхъ стихотвореній, писанныхъ на торжественные случаи (въ томъ числѣ высокопарное восхваленіе Россіи—„Орелъ Россійскій въ солнцѣ представленный“). По смерти царя Алексѣя Михайловича Симеонъ написалъ „Гласъ“—разговоръ умершаго Алексѣя Михайловича съ Богомъ и своимъ наслѣдникомъ. Имъ потомъ сложена была „Гусль доброгласная“—поздравленіе Ѳеодору Алексѣевичу со вступленіемъ на престолъ и пр. Изъ произведеній, имѣющихъ притязаніе на поэзію, заслуживаютъ вниманія,—если не по внутреннему достоинству, то по значенію для своего вѣка,—драматическія сочиненія Симеона. Таковы комедіи: „О блудномъ сынѣ“, „О Навуходоносорѣ царѣ“, „О тѣлѣ златѣ и тріехъ отроцѣхъ въ пещи сожженныхъ“.

Комедія „О блудномъ сынѣ“ имѣетъ прологъ; затѣмъ она раздѣляется на шесть частей и кончается эпилогомъ. Въ восемнадцати стихахъ пролога объявляется предметъ пьесы; слушатели приглашаются ко вниманію и обнадеживаются получить велію пользу. Части пьесы—то же, что́ сцены или явленія.

Въ первой части отецъ говоритъ двумъ сыновьямъ своимъ, что по божіей благодати у него много богатства, сребра, золота, рабовъ, красная палата; все онъ вручаетъ своимъ дѣтямъ и даетъ имъ приличное нравоученіе. Старшій сынъ по природѣ домосѣдъ, онъ желаетъ остаться жить съ отцомъ и служить ему; тронутый этимъ отецъ даетъ ему благословеніе; но меньшаго

[1]) Приводимъ образчики изъ этого перевода:

„Иже въ помощи вышняго вручится,
Въ кровѣ небеснаго Бога водворится;
Господу речетъ: заступникъ мой еси,
Ты мя надежда, живый на небеси,
Онъ мя изъ сѣти ловящихъ избавитъ,
Слово мятежно далече отставитъ,
Плещма своими будетъ осѣняти,
Крилы своими отъ бѣдъ защищати“ и пр.
Или:—
„Помилуй мя, Боже, по твоей милости,
По множеству щедротъ сотри неправости,
Отъ беззаконія изволи омыти,
Отъ грѣха моего мене очистити“ и пр.

томитъ тѣсная домашняя жизнь; онъ предоставляетъ брату изживать лѣта красной юности при отеческой старости, у него на умѣ другое: онъ ищетъ славы [1]), свободы [2]), знаній [3]). Отецъ хотя скорбитъ о такихъ наклонностяхъ сына, но не хочетъ удерживать его, приказываетъ рабамъ приготовить возы и коней, дать сыну въ дорогу одеждъ, серебра, золота; велитъ осѣдлать турецкихъ коней и благословляетъ сына въ путь.

Во второй части блудный сынъ въ чужой странѣ со слугами. Онъ богатъ, на свободѣ; онъ вырвался изъ отеческаго дома какъ птенецъ изъ клѣтки [4]) и приказываетъ привести къ нему поболѣе такихъ слугъ, которые бы съ нимъ ѣли, пили и тѣшили его пѣніемъ. Приводятъ къ нему такого рода слугъ. Блудный сынъ приказываетъ дать имъ по сту рублей; одного изъ нихъ сажаетъ съ собою играть въ зернь (кости), другихъ заставляетъ играть между собою въ карты и тавлеи (шашки), обѣщая платить за того, кто проигрываетъ и, сверхъ того, награждать выигравшаго [5]). Подобныя забавы, вѣроятно, на самомъ дѣлѣ дозво-

¹) Вящшая мой умъ пользу промышляетъ,
Славу ти въ міръ весь простерти желаетъ,
Идѣ же востокъ и гдѣ западъ солнца;
Славенъ явлюся во вся міра конца.

²) Заключенъ видитъ ми си быти,
Въ отчинной странѣ юность погубити.
Богъ волю далъ есть: се птицы летаютъ,
Звѣріе въ лѣсахъ вольно пребываютъ.
И ты мнѣ, отче! изволь волю дати,
Разумну сущу весь міръ посѣщати.

³) Что стяжу въ дому? чему изучюся?
Лучше въ странствіи умомъ обогачуся,
Юньшихъ отъ мене отцы посылаютъ
Въ чюждыя страны, потомъ ся не хаютъ.

⁴) Бѣхъ у отца моего, яко рабъ плѣненный,
Во предѣлѣхъ домовыхъ, яко въ тюрьмѣ заминенный.
Не что бяще свободно по воли творити;
Ждахъ обѣда, вечери, хотяй ясти, пити,
Не свободно играти, въ гости не пущано,
А на красная лица зрѣти запрещено.
Во всякомъ дѣлѣ указъ, безъ того ничто же,
Ахъ! колика неволя, о мой Святый Боже?
Отецъ, яко мучитель, сына си томляше,
Ничесо же творити по воли даяше.
Нынѣ, слава Богови! отъ узъ освободихся,
Егда въ чуждую страну едва отмолихся.
Яко птенецъ изъ клѣтки на свѣтъ испущенный,
Желаю погуляти, тѣмъ быти блаженный.

⁵) Аще кто проиграется, та мнѣ утрата:
А кто добре выиграетъ, за трудъ гривна злата.

ляли себѣ тогдашніе богачи-кутилы, которые, при скудости развлеченій, со скуки заставляли своихъ служителей тѣшить себя. Начинается на сценѣ игра. Зернщикъ, игравшій съ блуднымъ сыномъ, обыгралъ его; блудный сынъ, сверхъ выигрыша, даритъ ему сто рублей. Въ заключеніе блудный сынъ напивается, и идетъ спать пошатываясь; слуги ведутъ его на постель.

Въ третьей части блудный сынъ, послѣ вчерашней игры и пьянства, на похмѣльѣ, жалуется на головную боль. Слуга совѣтуетъ ему выпить. Другой слуга совѣтуетъ призвать „сладкоигрателей и пѣвцовъ". Начинается музыка и пѣсни. Здѣсь, въ пьесѣ можно было, по желанію, включать какую угодно музыку и пѣсни; это разнообразило самую пьесу. По окончаніи игры и пѣсенъ, блудный сынъ приказываетъ заплатить слугамъ, но слуга-казначей объявляетъ, что вся сокровищница господина истощилась и едва у него остается столько, чтобы купить утромъ хлѣба. „Не скорби,—отвѣчаетъ ему блудный сынъ,—мои слуги дадутъ мнѣ взаймы". Но слуги, одинъ за другимъ, отступаются отъ него, смѣются надъ нимъ [1]), наконецъ, расхищаютъ остатки его имущества за недоплату обѣщаннаго жалованья, и говорятъ, что еще дѣлаютъ ему милость, оставляя его въ живыхъ. Блудный сынъ въ отчаяніи плачетъ.

Поразительна скудость поэтическаго вымысла у автора. Онъ не могъ изобрѣсти никакихъ искушеній, доведшихъ блуднаго сына до печальной нищеты, какъ только заставить его напиться и проиграться съ нанятыми слугами.

Въ четвертой части блудный сынъ безъ крова, безъ помощи, никѣмъ незнаемый на чужой сторонѣ, терпитъ голодъ, у него осталась послѣдняя одежда,—то было единственное средство еще хоть на разъ имѣть кусокъ хлѣба. Встрѣчается купчикъ, спрашиваетъ юношу: что за бѣда ему?—Вчера былъ богатъ,—отвѣчаетъ юноша,—сегодня погибаю отъ голода.—У меня есть хлѣбъ,—говоритъ купчикъ,—я продамъ. Отдай мнѣ за хлѣбъ свое платье, а я тебѣ на придачу свое отдамъ!—Блудный сынъ соглашается. Купчикъ оказываетъ ему еще одну услугу. Идетъ богатый человѣкъ; купчикъ рекомендуетъ ему несчастнаго юношу. Господинъ беретъ блуднаго сына къ себѣ на работу, но, посмотрѣвши на его руки, находитъ ихъ слишкомъ мягкими для тяжелой работы и говоритъ, что такому нѣженкѣ

[1]) Господь и мѣшокъ, то пріятель правый,
Людная пріязнь токмо для забавы.
.
Государь нашъ! челомъ біемъ тебѣ
За хлѣбъ и за соль, а слугъ ищи себѣ.

всего приличнѣе поручить пасти свиней; съ этой цѣлью господинъ передаетъ блуднаго сына своему приказчику [1]).

Свинопасы гонятъ поросятъ; приказчикъ велитъ имъ дѣлать свое дѣло, а самъ удаляется. Тогда одинъ пастухъ приказываетъ блудному сыну принести корыто съ рожками и поставить передъ свиньями; блудный сынъ, томясь голодомъ, самъ начинаетъ ѣсть рожки; свиньи подбѣгаютъ къ корыту; блудный сынъ ударилъ одну свинью; пастухи подняли шумъ. Явился приказчикъ: пастухъ доноситъ, что новый ихъ товарищъ не другъ, а врагъ свиней, ѣстъ у нихъ рожки, обижаетъ свиней, бьетъ ихъ, разогналъ свиней. Приказчикъ велитъ бить новаго пастуха плетьми; за сценой раздается его жалобный крикъ; потомъ его приводятъ на сцену избитаго; приказываютъ отыскать разбѣжавшихся свиней и грозятъ убить до смерти, если онъ ихъ не найдетъ. Всѣ удаляются; блудный сынъ остается одинъ, говоритъ монологъ, составляющій распространеніе извѣстныхъ словъ, произносимыхъ блуднымъ сыномъ въ евангельской притчѣ.

Въ пятой части отецъ грустить о сынѣ, не зная, гдѣ онъ и что́ съ нимъ, какъ вдругъ являются одинъ за другимъ вѣстники, извѣщаютъ, что сынъ приближается къ его дому, но въ нищенскомъ видѣ. Входитъ сынъ. Повторяется евангельская сцена прощенія въ распространенномъ видѣ. Отецъ съ сыномъ уходитъ, играютъ органы и пр., на сценѣ поютъ. Здѣсь опять предоставлено на непродолжительное время вставить по желанію музыку и пѣсню. Является старшій братъ. Разговоръ его съ отцомъ не болѣе какъ распространеніе евангельской притчи.

Въ шестой части блудный сынъ, разодѣтый уже какъ слѣдуетъ, разсказываетъ свою исторію и благодаритъ Бога.

Затѣмъ слѣдуетъ эпилогъ, гдѣ излагается нравоучительная цѣль представленія этой притчи [2]), а въ заключеніе говорится, что никого не хотѣли огорчить и на всякій случай просятъ прощенія.

Пьеса кончается музыкою.

Комедія „О Навуходоносорѣ царѣ“ не раздѣляется на части. Начало ея называется „предисловецъ“; онъ состоитъ

[1]) Посмотрѣвъ на руцѣ и пощупавъ, и паки глаголетъ:
О! нѣсть мозолей, зѣло мягки длани,
Бодрствуй отселѣ, лѣности престани.
Слышишь, приказчикъ, на село возьмите,
А свиньи пасти ему прикажите.

[2]) Юнымъ се образъ старѣйшихъ слушати,
На младый разумъ свой не уповати,
Старымъ—да юныхъ добре наставляютъ,
Ничто на волю младыхъ не спущаютъ.

изъ обращенія къ царю Алексѣю Михайловичу. Восхваляются добродѣтели царя, а въ противоположность имъ дѣлается указаніе на невѣріе и гордость Навуходоносора, объявившаго себя богомъ и повелѣвшаго бросить трехъ отроковъ въ печь за непослушаніе. Затѣмъ объявляется, что это событіе явится „комедійно" передъ царемъ и боярами [1]).

Навуходоносоръ со своими боярами, съ шестью слугами и шестью вооруженными воинами выходитъ на сцену, садится на царское мѣсто, величаетъ собственное могущество, называетъ себя богомъ боговъ и приказываетъ казначею выдать золото на изготовленіе его статуи, которой, по его повелѣнію, должны поклоняться всѣ народы. Казначей уходитъ исполнять царское приказаніе, а царь повелѣваетъ другому боярину, Зардану, устроить близъ статуи пещь, въ которую долженъ быть брошенъ всякій, кто не захочетъ поклоняться царскому изображенію. Въ глубинѣ сцены двѣ завѣсы. Пока за ними приготовляютъ статую и пещь, царь приказываетъ позвать музыкантовъ,—нужно чѣмъ-нибудь наполнить пьесу. Авторъ оставляетъ здѣсь мѣсто для такъ-называемыхъ „ликовствованій" („здѣ будутъ ликовствованія"). Публику занимали ими сколько угодно и какъ угодно.

Затѣмъ поднимается одна завѣса, показывается статуя, поднимается другая завѣса — показывается пещь. Бояринъ Амиръ докладываетъ царю, что уже всѣ люди стоятъ на полѣ Деирѣ. Царь обращается къ „гудцамъ" и приказываетъ играть. Начинаютъ „трубить и пискать". Всѣ люди падаютъ ницъ, но три отрока не кланяются; Амиръ велитъ ихъ изловить. Затѣмъ представляется то, чтó разсказано у Даніила пророка. Разъяренный царь требуетъ поклоненія, и отроки не повинуются, ихъ бросаютъ въ пещь. Является ангелъ, отроки поютъ свою пѣснь тѣми словами, какъ въ библіи. Царь, видя такое чудо, раскаявается, поклоняется истинному Богу, и приказываетъ почитать уцѣлѣвшихъ отроковъ. Комедія кончается эпилогомъ, съ обращеніемъ къ царю — съ благодарностью за выслушаніе дѣйства [2]). Въ заключеніе, желаютъ

[1]) То комидійно мы хощемъ явити,
И аки само дѣло представити.
Свѣтлости твоей и всѣмъ предстоящимъ
Княземъ, боляромъ, вѣрно ти служащимъ.
Въ утѣху сердецъ здрави убо зрите,
А насъ въ милости своей сохраните.

[2]) Благодаримъ тя о сей благодати,
Яко изволилъ дѣйства послушати,
Свѣтлое око твое созерцаше
Комидійное сіе дѣло наше.

царю мирнаго царствованія, побѣдъ, многолѣтія и небеснаго вѣнца.

Значеніе Симеона Ситіяновича въ русской исторіи, помимо его ученыхъ трудовъ, имѣетъ важность тѣмъ, что съ его именемъ соединяется зародышъ московской духовной Академіи — перваго высшаго учебнаго заведенія въ сѣверной Руси. Ему приписываютъ составленіе проекта или „привилегіи" на основаніе духовной Академіи: этотъ проектъ былъ написанъ при царѣ Ѳедорѣ Алексѣевичѣ отъ царскаго имени; но осуществиться ему было суждено уже по смерти царя [1]).

Въ этомъ проектѣ государь,—вспоминая благословеніе, данное святѣйшими патріархами восточными, бывшими въ Москвѣ при отцѣ его Алексѣѣ Михайловичѣ, на заведеніе училищъ,— соизволяетъ на заведеніе Академіи, въ которой преподаваться должны науки гражданскія и духовныя, начиная „отъ грамматики, піитики, риторики, діалектики, философіи разумительной, естественной и правной даже до богословіи, учащей вещей божественныхъ". Мѣсто для новой Академіи отводилось въ монастырѣ Заиконоспасскомъ въ Китай-городѣ, и на содержаніе ея приписывалось нѣсколько монастырей [2]), и пустынь. Кромѣ того, не возбранялось частнымъ благодѣтелямъ давать пожертвованія на пропитаніе и на одежду учениковъ. Начальникъ заведенія долженъ былъ называться „блюститель". Какъ блюститель, такъ и учители должны быть изъ православныхъ русскихъ или же грековъ, но греки допускались не иначе, какъ по свидѣтельству о своей непоколебимости въ православіи, подписанному вселенскими патріархами. Ученыхъ изъ Малороссіи и Литвы дозво-

[1]) До сихъ поръ еще вполнѣ не доказано, что дѣйствительно Симеонъ былъ авторомъ этого проекта, тѣмъ болѣе, что проектъ былъ подписанъ Ѳедоромъ уже по смерти Симеона. Но въ доказательство, что проектъ этотъ былъ еще ранѣе составленъ Симеономъ, можно привести то, что въ этомъ проектѣ есть цѣликомъ мѣста изъ Симеоновыхъ проповѣдей, заключающіяся въ его книгѣ „Вечеря Духовная"; кромѣ того, въ проектѣ предполагается помѣстить Академію въ Заиконоспасскомъ монастырѣ, гдѣ постоянно жилъ Симеонъ. (См. Ист. М. Ак. Смирнова, стр. 16). Во всякомъ случаѣ, еслибы даже не Симеонъ писалъ этотъ проектъ при его жизни (писать помимо его было некому, потому что ближе Симеона никто не былъ къ царю), то вліяніе Симеона на этотъ проектъ несомнѣнно уже и потому, что онъ былъ учителемъ царя Ѳедора, наконецъ весь проектъ пропитанъ нетерпимостью, свойственною духу западной церкви, а во вліяніи католичества современники не напрасно обвиняли Симеона.

[2]) Андреевскій (гдѣ заводилъ прежде училище Ртищевъ), Даниловъ, Строминскій, Пѣсножскій, Борисоглѣбскій и Медвѣдева пустынь со всѣми крестьянскими и бобыльскими дворами и угодьями.

лялось допускать въ званіе блюстителя и учителей не иначе, какъ съ большою осторожностью, сдѣлавши о нихъ строгое изслѣдованіе, а отнюдь не довѣрять ихъ словеснымъ и письменнымъ удостовѣреніямъ. Новообращенныхъ изъ другихъ вѣръ въ православную полагалось вовсе не допускать въ эти званія. Лица, вступавшія въ должности блюстителя и учителя, должны были приносить присягу въ томъ, что они неизмѣнно пребудутъ въ православной вѣрѣ. Всѣ, принадлежавшіе къ Академіи, какъ блюститель съ учителями, такъ и ученики, получали изъятіе отъ обычнаго для всѣхъ суда въ приказахъ. Учениковъ во всѣхъ дѣлахъ, исключая уголовныхъ, судилъ блюститель съ учителями, и даже по уголовнымъ дѣламъ нельзя было ихъ требовать въ приказъ безъ вѣдома блюстителя. Блюститель и учители во всѣхъ дѣлахъ были судимы собственнымъ судомъ, въ присутствіи уполномоченныхъ отъ царя и патріарха. Учители безъ разрѣшенія блюстителя и своихъ товарищей не могли переходить въ другую службу, а послѣ долгой службы въ Академіи они награждались особымъ жалованьемъ. Лучшимъ ученикамъ обѣщана по окончаніи курса отъ царя награда, а для поощренія обѣщано „неучившихся свободнымъ ученіямъ лицъ", кромѣ только „благородныхъ дѣтей", не возводить въ значительныя должности. Затѣмъ, кромѣ новозаводимаго училища въ Москвѣ, никому не дозволялось, безъ вѣдома блюстителя и учителей, держать въ своихъ домахъ домашнихъ наставниковъ для обученія греческому, латинскому, польскому, и другимъ иностраннымъ языкамъ.

Учреждаемая Академія не была, однако, однимъ только учебнымъ заведеніемъ. По проекту, она долженствовала быть чѣмъ-то въ родѣ инквизиціи или тайной полиціи по религіознымъ дѣламъ. Блюстители и учители должны были наблюдать, чтобы не являлись „неправомудрствующіе" въ вѣрѣ, не заводили распрей и раздоровъ, а если такіе люди явятся, то доносить о нихъ царю. Царь съ совѣта патріарха, по одному только свидѣтельству блюстителя и учителей, не принимая никакихъ „словесъ и разсужденій", обѣщалъ судить обвиненныхъ безъ всякаго помилованія. Равнымъ образомъ, блюститель и учители наблюдали, чтобы никто не держалъ у себя польскихъ и латинскихъ, лютерскихъ, кальвинскихъ, еретическихъ книгъ, а также волшебныхъ, чародѣйныхъ, гадательныхъ и всѣхъ вообще возбраняемыхъ церковью писаній. По доносу, сдѣланному блюстителемъ и учителями, виновный подвергался сожженію безъ всякаго милосердія. Въ числѣ возбраняемыхъ церковью ученій, особенно боялись такъ-называемой „естественной магіи". Блюститель и учители

должны были наблюдать, чтобы гдѣ-нибудь не проявились преподаватели этой науки, и, по ихъ доносу, такіе преподаватели, вмѣстѣ со своими слушателями, предавались сожженію. Всѣ переходящіе изъ другихъ вѣръ въ православную состояли подъ надзоромъ блюстителя съ учителями и записывались въ особыя книги. Стоило только донести на нихъ, что они не вполнѣ хранятъ православную вѣру и церковныя преданія—ихъ ссылали на Терекъ или въ Сибирь, а если бы оказывалось, что они держатся своей старой вѣры, изъ которой перешли въ православіе, то они осуждались на сожженіе. Равнымъ образомъ, чужеземцы, пришедшіе изъ другихъ государствъ, будучи прежде православной вѣры, за принятіе въ Россіи какой-нибудь другой вѣры, осуждались на сожженіе. Если кто изъ русскихъ или чужеземцевъ произнесетъ какое-нибудь укоризненное слово противъ православной вѣры или церковныхъ преданій или, напр., скажетъ что-нибудь противъ призыванія святыхъ, поклоненія иконамъ, почитанія мощей, тотъ предавался суду блюстителя и учителей, и осуждался на сожженіе. Наконецъ, всѣ иностранцы иныхъ вѣръ, пріѣзжавшіе въ Россію, такъ-называемые тогда „ученые свободныхъ наукъ люди", состояли подъ надзоромъ блюстителя и учителей Академіи, подвергались ихъ испытанію, получали отъ нихъ свидѣтельство на право свободно проживать, поступать на службу, получать царское жалованье, достигать почестей; и если блюститель съ учителями находили ихъ негодными пребывать въ Россіи, то ихъ высылали за границу. Таковъ былъ проектъ перваго высшаго училища въ Московскомъ Государствѣ, такова была заря ученаго образованія, которое грозило худшимъ мракомъ, чѣмъ прежнее невѣжество.

Симеонъ Петровскій-Ситіяновичъ скончался 25 августа 1680 года на пятьдесятъ второмъ году отъ рожденія и погребенъ въ Заиконоспасскомъ монастырѣ. Если при жизни онъ пользовался царскою милостью и почетомъ, то вскорѣ послѣ смерти имя его подверглось гоненію. Вопросъ, касавшійся его личности и сочиненій, былъ вмѣстѣ вопросомъ о судьбѣ и значеніи западнорусскихъ, преимущественно кіевскихъ ученыхъ въ Москвѣ, а вмѣстѣ съ ними шло дѣло и о принесенной ими съ собою наукѣ. Какъ ни слабыми могутъ намъ теперь казаться ихъ научныя средства, но въ московской Руси и они произвели потрясеніе. Уже важно то, что богослужебная реформа была дѣломъ, тѣсно связаннымъ съ ихъ прибытіемъ; но не одна она возстановила противъ нихъ цѣлую массу народа, отпавшаго отъ церкви въ нѣдрахъ православной церкви, при-

нявшей сдѣланныя трудомъ этихъ пришельцевъ исправленія; многіе ихъ не любили. Ихъ знанія, ихъ ученость отзывались чѣмъ-то чуждымъ, не истинно православнымъ, и притомъ явное превосходство ихъ свѣдѣній задѣвало гордость московскихъ книжныхъ людей; тайное нерасположеніе гнѣздилось въ сердцѣ многихъ, и самъ патріархъ Іоакимъ, жившій долго въ Кіевѣ и вообще знавшій малороссійскихъ ученыхъ на ихъ родинѣ, относился къ нимъ недружелюбно. Въ Москвѣ возникала такая мысль: ужъ если, по недостатку ученыхъ великоруссовъ, замѣнять ихъ иноземцами, то лучше приглашать грековъ, чѣмъ кіевлянъ. Безпрестанныя смуты и измѣны и безъ того бросали въ глазахъ великоруссовъ дурную тѣнь на малороссіянъ вообще: ихъ привыкали считать народомъ двоедушнымъ, непостояннымъ и ненадежнымъ. Такой взглядъ невольно переносился и на прибывавшихъ въ Москву ученыхъ. При Алексѣѣ, а еще больше при Өедорѣ они пользовались поддержкою царей, но послѣ смерти Өедора они лишились ея, когда въ церковныхъ дѣлахъ сталъ ихъ недругъ Іоакимъ. Нуженъ былъ съ ихъ стороны какой-нибудь поводъ къ явному обличенію ихъ въ неправославіи, чтобы поднялась противъ нихъ буря.

У Симеона былъ между учениками Семенъ Медвѣдевъ, подъячій приказа тайныхъ дѣлъ. Это былъ человѣкъ отъ природы способный и горячій. Жизнь съ книгами увлекала его. Онъ постригся въ монахи и по смерти Симеона Ситіяновича получилъ важное въ то время мѣсто въ Заиконоспасскомъ монастырѣ. Оно было особенно важно потому, что, какъ мы говорили, существовало уже предположеніе основать Академію и помѣстить ее въ Заиконоспасскомъ монастырѣ. Семенъ Медвѣдевъ, получившій въ монашествѣ имя Сильвестра, во всемъ вѣрный своему учителю, подобно ему выказывался при дворѣ своимъ умѣньемъ стиходѣйствовать. Когда царь Өедоръ женился на Апраксиной, Медвѣдевъ явился съ брачнымъ привѣтствіемъ (напеч. 1682), а когда, скоро послѣ того, царь отошелъ въ вѣчность, Сильвестръ написалъ „Плачъ и утѣшеніе“—длинное стихосплетеніе, состоящее изъ многихъ „плачей“ и многихъ соотвѣтствующихъ имъ утѣшеній. Началъ прежде всего плакать сугубоглавый орелъ россійскій, за плачемъ слѣдуетъ двѣнадцать стиховъ утѣшенія орлу, затѣмъ воинъ—тотъ воинъ, который начертанъ въ россійскомъ орлѣ, излилъ двадцать стиховъ плача; за это воину слѣдуетъ шестнадцать стиховъ утѣшенія; за воиномъ уже слѣдуетъ плачъ царицы; ей огромное утѣшеніе въ сорокъ восемь виршей; за царицею заплакали царевны, но онѣ плачутъ немного, имъ не каждой особо, а разомъ всѣмъ

одно длинное утѣшеніе; затѣмъ плачутъ всѣ Россіи одна за другою, Великая, Малая, Бѣлая, каждая плачетъ особо и каждой особое свое утѣшеніе.

Сильвестру очень хотѣлось быть начальникомъ новой Академіи. Но патріархъ Іоакимъ, не терпѣвшій Симеона Ситіяновича, не долюбливалъ и ученика его Сильвестра. Патріархъ уже отправилъ Прокопія Возницына въ Турцію искать просвѣтителей россійскаго юношества между греками, болѣе, по его мнѣнію, надежными, чѣмъ были малоруссы и ихъ питомцы.

Въ Константинополѣ въ 1683 году патріархъ Діонисій указалъ русскому посланцу на двухъ ученыхъ грековъ, братьевъ, которые были, по убѣжденію патріарха, способны положить основаніе школьному просвѣщенію въ Московскомъ Государствѣ. Случайно повторялось древнее событіе IX вѣка: подобнымъ образомъ константинопольскій патріархъ указалъ на двухъ братьевъ грековъ солунскихъ, способныхъ ввести между словянами крещеніе и съ нимъ вмѣстѣ книжную грамотность. Братья, на которыхъ указалъ тогда патріархъ Діонисій, назывались Лихудами. Если вѣрить показаніямъ ихъ самихъ, они происходили изъ очень древняго, знатнаго рода: предокъ ихъ, по имени Константинъ, въ XI вѣкѣ былъ зятемъ императора Константина Мономаха; тесть хотѣлъ сдѣлать его даже своимъ преемникомъ. Но тогда счастливѣе повезло Комненамъ, чѣмъ Лихудамъ. Лихуды, не получивши престола, продолжали быть знатнымъ родомъ Византійской имперіи. Въ 1453 году, Лихуды, не желая подчиняться невѣрнымъ завоевателямъ, ушли и поселились въ Кефалоніи. На этомъ-то островѣ родились и упомянутые два брата: старшій (род. въ 1633 г.) назывался Іоаннъ, второй (девятнадцатью годами моложе брата)—Спиридонъ. По обычаю, которому тогда слѣдовали многіе богатые греки, Лихуды послѣ перваго образованія, полученнаго на родинѣ отъ священника, учились въ Венеціи, потомъ въ Падуѣ, и пробыли долго въ Италіи. Іоаннъ, по возвращеніи на родину, былъ посвященъ въ санъ іерейскій; Спиридонъ почувствовалъ наклонность къ монашеской жизни и постригся подъ именемъ Софронія. За нимъ вскорѣ овдовѣлъ старшій братъ его, и также постригся подъ именемъ Іоанникія, оставивши міру двухъ сыновей.

Старшій братъ получилъ важное мѣсто начальника школъ въ двухъ городахъ, меньшой въ одномъ. Если вѣрить имъ, они уже имѣли важную власть и значеніе. Въ 1683 году они отправились въ Константинополь, какъ видно, показать передъ патріархомъ свои знанія. Патріархъ заставлялъ ихъ го-

ворить поученія. Въ это-то время онъ представилъ ихъ русскому посланцу,

Въ іюлѣ 1683 года они отправились въ Россію; они были на пути задержаны въ Польшѣ. Король Янъ Собѣскій принялъ ихъ отлично, но іезуиты, смекнувши, что эти греки готовятся быть водворителями книжнаго высшаго воспитанія въ той Московіи, куда сами іезуиты такъ напрасно хотѣли пробраться подъ тѣмъ же предлогомъ, упросили короля задержать Лихудовъ подъ какими-нибудь благовидными предлогами. Кажется, іезуитамъ хотѣлось попытаться склонить ученыхъ грековъ на свою сторону. Король возилъ Лихудовъ съ собой въ походъ противъ турокъ и заставлялъ ихъ вести диспуты съ іезуитами. Когда, наконецъ, братьямъ Лихудамъ надоѣло это праздное препровожденіе времени, они тайно ушли изъ Польши, добрались до Кіева, оттуда прибыли къ гетману Самойловичу и, при содѣйствіи послѣдняго, благополучно явились въ Москву 6 марта 1685 года. Пріѣздъ этихъ ученыхъ иноземцевъ былъ не по сердцу Сильвестру Медвѣдеву. Въ концѣ того же года онъ подалъ царевнѣ Софіи тотъ самый составленный, какъ думаютъ, Симеономъ при Ѳедорѣ Алексѣевичѣ проектъ или привилегію на основаніе Академіи, о содержаніи котораго мы говорили выше. Надежды Сильвестра не сбывались. Софія была благосклонна къ Сильвестру; но глава духовенства не промѣнялъ бы Лихудовъ на десятокъ учениковъ Ситіяновича. Лихудовъ помѣстили въ Богоявленскій монастырь. Тамъ Лихуды тотчасъ открыли школу, имъ дали учениковъ; вслѣдъ затѣмъ на деньги двѣ тысячи рублей, пожертвованныя однимъ грекомъ Мелетіемъ, начали строить большое зданіе для Академіи въ Заиконоспасскомъ монастырѣ; могучій тогда любимецъ царевны Софіи, Василій Голицынъ, давалъ на это дѣло пожертвованія. Въ 1686 году, по окончаніи постройки зданія, Лихуды перешли въ Заиконоспасскій монастырь. Такъ открылась московская духовная Академія, названная греко-латино-славянскою. Кромѣ прежнихъ учениковъ, которые поступили къ Лихудамъ съ самаго ихъ пріѣзда, въ Академію были переведены всѣ ученики прежней типографской школы и, сверхъ того, по царскому повелѣнію, поручено Лихудамъ учить „до сорока дѣтей знатныхъ родовъ, а затѣмъ немало изъ дѣтей всякихъ чиновъ“ поступало къ нимъ. Большихъ успѣховъ можно было на будущее время ожидать отъ преподаванія новоприбывшихъ наставниковъ: ученики чрезвычайно скоро научались объясняться по-гречески и по-латыни.

Теперь уже кіевляне и ихъ ученики должны были ожидать, что ученые греки не только подорвутъ ихъ вѣсъ и значеніе въ Москвѣ, но и постараются представить неправославнымъ ихъ воспитаніе, опиравшееся болѣе на латинскихъ книгахъ, чѣмъ на греческихъ. Уже одинъ изъ западно-русскихъ пришельцевъ, Бялободскій, написавшій сочиненіе о безразличіи церквей, въ присутствіи обоихъ царей, Ивана и Петра, держалъ диспутъ съ Лихудами, и потерпѣлъ пораженіе. Вслѣдъ затѣмъ Сильвестръ Медвѣдевъ, ненавидѣвшій пріѣзжихъ грековъ за то, что ему черезъ нихъ не удалось быть начальникомъ Академіи, вздумалъ обвинить Лихудовъ въ неправославіи. Были у Сильвестра друзья и сообщики и между ними окольничій Шакловитый, находившійся въ милости у царевны Софіи. Медвѣдевъ написалъ книгу, подъ названіемъ „Манна“; въ ней доказывалось, что въ таинствѣ евхаристіи хлѣбъ и вино претворяются въ тѣло и кровь въ моментъ произнесенія священникомъ словъ Христа: „пріимите и ядите...“ Лихуды отвѣчали на это сочиненіе опроверженіемъ, которое названо „Акосъ или врачеваніе, противополагаемое ядовитымъ угрызеніямъ зміевымъ“. Въ этомъ сочиненіи, написанномъ съ большою ученостью, Лихуды доказывали, что, по ученію православной церкви, одного произнесенія Христовыхъ словъ недостаточно для такого великаго дѣйствія и св. Дары прелагаются въ моментъ послѣдующаго затѣмъ призыванія св. Духа и произнесенія словъ: „преложи я Духомъ Твоимъ Святымъ“. Послѣ этихъ двухъ сочиненій открылась жаркая полемика по поводу вышеозначеннаго вопроса. Медвѣдевъ и его сторонники пустили въ ходъ сочиненіе кіевскаго игумена Өеодосія Сафоновича: „Выкладъ о церкви святой“, и отъ себя написали „Тетрадь на Іоанникія и Софронія Лихудовъ“, а монахъ Евөимій, бывшій ученикъ Славинецкаго, приставшій къ Лихудамъ, разразился противъ Медвѣдева ругательнымъ сочиненіемъ подъ названіемъ „Неистовное Бреханіе“. Затѣмъ Лихуды написали „Мечецъ Духовный“, сочиненіе, въ которомъ изложили въ формѣ діалоговъ свой споръ, происходившій во Львовѣ съ іезуитомъ Руткою, о всѣхъ различіяхъ между православною и римско-католическою церквами. Толки о времени пресуществленія изъ монашескихъ келій перешли въ мірскіе домы и даже на улицу. Люди, мало понимавшіе суть богословскихъ тонкостей, увлекались этимъ вопросомъ; торгаши, ремесленники и даже женщины стали спорить о времени пресуществленія. Церкви грозилъ новый расколъ. Патріархъ Іоакимъ принялъ сторону Лихудовъ. Нужно было заставить малороссійскихъ духовныхъ заявить съ своей стороны голосъ въ пользу Лихудовъ. Іоакимъ отнесся съ этимъ къ кiев-

скому митрополиту Гедеону и къ Лазарю Барановичу. Малороссійскіе архіереи были этимъ вопросомъ поставлены въ весьма неловкое положеніе: въ кіевской коллегіи давно уже учили о пресуществленіи такъ, какъ писалъ Медвѣдевъ; въ „Лиѳосѣ“ Петра Могилы изложено то же ученіе. Гедеонъ и Лазарь сперва было уклонялись отъ прямого отвѣта, но патріархъ пригрозилъ имъ соборомъ и приговоромъ четырехъ прочихъ вселенскихъ патріарховъ. Тогда оба архипастыря дали отвѣтъ въ смыслѣ ученія, проповѣдуемаго Лихудами.

Заручившись такимъ заявленіемъ, патріархъ Іоакимъ созвалъ соборъ. Въ это время началось дѣло Шакловитаго, повлекшее за собою паденіе Софіи. Медвѣдевъ также запутанъ въ это дѣло. Онъ бѣжалъ съ намѣреніемъ укрыться въ Польшѣ, но былъ схваченъ на пути, привезенъ въ Москву, принесъ передъ соборомъ покаяніе и, отрекшись отъ своихъ мнѣній, самъ переименовалъ свою книгу вмѣсто „Манна“—„Обмана“. Въ январѣ 1690 года Медвѣдева сослали въ Троицкій монастырь, но черезъ годъ, по доносу одного изъ соучастниковъ казненнаго уже Шакловитаго, онъ обвиненъ былъ въ соумышленіи съ Шакловитымъ и, послѣ страшныхъ пытокъ огнемъ, обезглавленъ 11 февраля 1691 года.

Патріархъ Іоакимъ, осудивши Медвѣдева и кіевское ученіе о пресуществленіи, велѣлъ составить отъ своего имени книгу, подъ названіемъ „Остенъ“. Книга эта написана Евѳиміемъ. Въ ней изложена вся исторія происходившаго спора. Въ добавленіе къ ней патріархъ іерусалимскій Досиѳей прислалъ собраніе свидѣтельствъ, доказывающихъ справедливость ученія Лихудовъ. Кіевская партія потерпѣла жестокое пораженіе. Московскій соборъ призналъ неправославными не только сочиненіе Медвѣдева, но и писанія Симеона Полоцкаго, Галятовскаго, Радивиловскаго, Барановича, Транквилліона, Петра Могилы и др. О Требникѣ Петра Могилы сказано, что эта книга преисполнена латинскаго зломудреннаго ученія и вообще о всѣхъ сочиненіяхъ малорусскихъ ученыхъ замѣчено, „что ихъ книги новотворенныя и сами съ собою не согласуются, и хотя многія изъ нихъ названы сладостными именами, но всѣ, даже и лучшія, заключаютъ въ себѣ душетлительную отраву латинскаго зломудрія и новшества“. Въ Москвѣ утвердилось-было мнѣніе, что приходящіе изъ Малороссіи и Бѣлоруссіи ученые заражены латинскою ересью, что, путешествуя за границею и довершая тамъ свое образованіе, они усвоиваютъ иноземныя понятія и обычаи, что не слѣдуетъ слушать ихъ и ѣздить къ нимъ учиться. Говорили, что „вмѣсто благословеннаго еллино-словянскаго ученія, они преподаютъ латин-

ское ученіе, отъ котораго ничего добраго нельзя надѣяться, кромѣ противности и рати на святую церковь. Въ давнія времена въ Малороссіи процвѣтало восточное благочестіе, какъ и у насъ великороссіянъ, оно благодатію Божіею, яко солнце, сіяетъ, а когда вошли туда злохитрые іезуиты и принесли туда ученіе латинское, что сталось? Куда дѣвались тамошніе князья великіе, православные: Острожскіе, Чарторійскіе, Четвертинскіе и иные".

Черезъ нѣсколько времени сила Лихудовъ поколебалась. Патріархъ іерусалимскій, Досиѳей, прежде благоволившій къ нимъ, не получивши отъ нихъ требуемой суммы въ пользу Гроба Господня, въ 1693 году написалъ къ обоимъ царямъ и къ патріарху Адріану, заступившему мѣсто умершаго Іоакима, что Лихуды—обманщики, тайные латинники, что они, получивши отъ патріарха благословеніе на обученіе греческому языку, учатъ латинскому и, вмѣсто богословскихъ наукъ, „забавляются" физикою и философіею; доносилъ на нихъ, что они фальшиво называютъ себя князьями, что на самомъ дѣлѣ они люди незнатнаго происхожденія, убогіе, ремесленные и пр. Справедливость патріаршаго донесенія поддерживали проживавшіе тогда въ Москвѣ греки, завидовавшіе Лихудамъ. По этимъ навѣтамъ Лихуды, въ 1694 году, были удалены отъ завѣдыванія Академіей и отъ преподаванія.

Вмѣсто нихъ стали управлять Академіею двое изъ ихъ учениковъ [1]), а въ 1699 году назначенъ былъ первый „ректоръ" Академіи Палладій Роговскій. Лихуды оставались нѣсколько лѣтъ въ Москвѣ и учили латинскому и итальянскому языкамъ. Царь Петръ нашелъ, что они могутъ быть ему полезными, назначилъ имъ жалованье, и приказывалъ родителямъ отдавать Лихудамъ дѣтей для обученія итальянскому языку, но греки не оставили ихъ въ покоѣ: они вооружили противъ нихъ патріарха Адріана и обвиняли ихъ уже въ политическихъ преступленіяхъ. Адріанъ донесъ царю, что Лихуды пересылаютъ въ Константинополь свѣдѣнія о Московскомъ Государствѣ. Враги Лихудовъ добились-таки, что, въ 1701 году, они были удалены въ Ипатіевскій костромской монастырь.

Удаленіе Лихудовъ изъ Академіи ободрило кіевскую партію. Въ числѣ переселившихся въ Москву малоруссовъ, былъ нѣкто Гавріилъ Домецкій. Онъ былъ архимандритомъ Симонова монастыря и составилъ для своей обители уставъ, подъ названіемъ „Киновіонъ, или изображеніе иноческаго житія". Уставъ этотъ

[1]) Николай Семеновъ и Ѳедоръ Поликарповъ.

соблазнялъ строгихъ великорусскихъ ревнителей древняго аскетизма. Въ этомъ уставѣ монахамъ вмѣнялись въ обязанность опрятность и чистота; больнымъ и недужнымъ монахамъ позволялось вкушать какую угодно пищу, хотя бы даже и въ постъ, потому что для нездороваго человѣка не должно быть поста, да и самый постъ, по уставу Домецкаго, долженъ состоять болѣе въ количествѣ, чѣмъ въ качествѣ принимаемой пищи и питья, а потому братіи подавалось вино, пиво, медъ, только некрѣпкіе и въ умѣренномъ количествѣ. Трапеза братіи полагалась здоровая и вкусная; признавались необходимымъ даже для иноковъ развлеченія, только приличныя и не безнравственныя. Такая снисходительность не мѣшала Домецкому вооружаться противъ пьянства, о чемъ отъ него осталась даже проповѣдь. „Что это за монашество,—говорили про этотъ уставъ великороссіяне, — когда въ монастырѣ ставятъ ушаты съ пивомъ и медомъ, а монахи между собою въ шахарду играютъ. Латинскія штуки! Польскій законъ!“

На соборѣ, поразившемъ анаѳемою Медвѣдева, во время общаго гоненія на кіевлянъ, Домецкій лишился званія архимандрита, но въ 1694 году новгородскій митрополитъ Іовъ пригласилъ его въ Новгородъ, и далъ въ управленіе Юрьевскій монастырь. Тогда Домецкій попытался выступить на защиту своихъ земляковъ и написалъ опроверженіе противъ книги „Остенъ“. „Можно ли давать такое названіе книгѣ,—выражался онъ:— Остенъ значитъ колъ прободающій, какъ будто церковь можетъ такъ сурово поступать! Неприлично обращаться къ архіереямъ невѣдомо отъ кого и говорить словно къ малымъ дѣтямъ: бей! коли! Несправедливъ „Остенъ“ къ ученымъ кіевскимъ: они первые и лучшіе защитники православной церкви. Патріархъ Никонъ хорошо сознавалъ это, когда вызывалъ ихъ изъ Кіева, и все дѣлалъ при ихъ помощи“. Затѣмъ Домецкій снова доказывалъ, что латинская церковь всегда была согласна съ греческою по вопросу о пресуществленіи и подтверждалъ свою мысль свидѣтельствомъ многихъ отцовъ церкви, особенно Златоуста.

Противъ Домецкаго поднялся инокъ Дамаскинъ, землякъ и давній пріятель митрополита Іова; онъ нападалъ на кіевскихъ ученыхъ вообще. „Почему можно познать кіевлянина?—говоритъ онъ.—Потому, что слышимъ отъ него хулу на четырепрестольныхъ патріарховъ, на греческіе монастыри и на всѣхъ грековъ; онъ читаетъ польскія и литовскія книги, и подражаетъ обычаямъ и нравамъ, которые, по нашему разумѣнію, не восточной части... Онъ Кіевъ паче мѣры хвалитъ, а въ Великой Россіи „книгъ не ска-

зываетъ“ (т.-е. не признаетъ, чтобъ были книги), ученія греческаго не любитъ, а латинское принимаетъ; самъ собою какъ сатана стоять хочетъ“. Обращая рѣчь къ малорусскимъ ученымъ, онъ говоритъ: „вы, новые мудрецы, выучите по латини b, c, d или немного поболѣе этого, да и величаетесь; другихъ унижаете, всякій санъ и архіерейскій, и священническій ни во что вмѣняете, людей искусныхъ въ св. писаніи обзываете неуками и невѣждами. Мы уважаемъ свободныя науки, но пусть онѣ передаются намъ такими людьми, которые со страхомъ слушаютъ и исполняютъ божественныя повелѣнія, а кто въ безстрашіи пребываетъ и въ сластяхъ, тому схоластическія науки не только не приносятъ пользы, но вредны. У такого помыселъ свирѣпѣетъ, обращается на то, что свыше мѣры; такой схоластикъ скорѣе, чѣмъ всякій неученый, сдѣлается пакостникомъ церковнымъ и ересеизобрѣтателемъ“.

Но этимъ не ограничился Дамаскинъ: онъ писалъ Іову посланіе за посланіемъ, убѣждалъ прогнать Домецкаго, не знаться съ малоруссами. „Призови,—говорилъ онъ,—лучше людей греческаго воспитанія, изволь поискать онаго красносодѣланнаго монастырскаго благочинія, которое нынѣ обрѣтается на Аѳонской горѣ, а не въ польскихъ, литовскихъ и малороссійскихъ странахъ; кіевляне все древнее благочестіе измѣнили, перешли отъ смиреннаго на гордое, отъ скромнаго на пышное; и въ одеждахъ, и въ поступкахъ, и въ нравахъ—все у нихъ латиноподобно. Если хочешь насладиться божественными книгами, вызови греческихъ переводителей и писцовъ и увидишь чудо преславное, а въ этихъ латинникахъ намъ нѣтъ никакой нужды. Можно, очень можно, обойтись безъ кіевлянъ: не Богъ посылаетъ ихъ на насъ, а сатана на прельщеніе...“ Навѣты Дамаскина, наконецъ, подѣйствовали: Іовъ удалилъ Домецкаго. Домецкій уѣхалъ въ Кіевъ, гдѣ оставался до смерти.

Но кіевской наукѣ этимъ не былъ нанесенъ ударъ. Дамаскинъ могъ вытѣснить Домецкаго изъ Новгорода, а между тѣмъ, въ Москвѣ, съ наступленіемъ XVIII вѣка, окончательно восторжествовали кіевляне. Малоруссъ Стефанъ Яворскій назначенный мѣстоблюстителемъ патріаршаго престола послѣ умершаго Адріана, внушилъ царю Петру, что кіевскіе ученые могутъ быть всего полезнѣе для русскаго просвѣщенія, и царь, задавшись мыслью пересадить въ Россію западное просвѣщеніе, увидѣлъ въ малорусскихъ духовныхъ превосходное орудіе для своихъ цѣлей; съ тѣхъ поръ малоруссы заняли мѣста преподавателей въ московской Академіи; преподаваніе шло по

кіевскому образцу; даже большинство учениковъ въ Москвѣ было изъ малороссіянъ [1]); наконецъ, на всѣ важнѣйшія духовныя мѣста возводимы были малороссіяне. Такъ не безплоднымъ осталось для русскаго просвѣщенія перенесеніе кіевской образованности въ Москву въ половинѣ XVII вѣка [2]).

[1]) Напр., въ 1764 году въ классѣ философіи изъ 34 учениковъ только было три великороссіянина.

[2]) Лихуды въ 1706 году, прибывши въ Новгородъ, замѣнили Домецкаго для митрополита Іова и завели, по его повелѣнію, два училища: одно—греко-латинское, другое — словянское для дѣтей всѣхъ званій и, кромѣ того четырнадцать такъ-наз. грамматическихъ школъ въ уѣздахъ новгородской епархіи. Въ 1709 году Софроній поступилъ на должность префекта московской духовной Академіи. Іоанникій проживалъ въ Новгородѣ до 1716 года, когда умеръ митрополитъ Іовъ; затѣмъ онъ перешелъ въ Москву и въ слѣдующемъ году скончался. Въ 1722 году Софроній былъ назначенъ архимандритомъ въ Рязань и прожилъ тамъ до своей смерти, случившейся въ 1730 году. У Іоанникія осталось двое сыновей, за которыми признано княжеское достоинство.

XI.

ЮРІЙ КРИЖАНИЧЪ.

Въ то время, когда кіевскіе монахи приносили съ собою въ Москву свою исключительно церковную ученость, съ узкими схоластическими взглядами и отжившими свое время предразсудками, въ области умственнаго труда въ Россіи явился человѣкъ съ свѣтлою головою, превосходившій современниковъ широтою взгляда, основательностью образованія и многосторонними свѣдѣніями. Это былъ Юрій Крижаничъ. Онъ былъ родомъ хорватъ, происходилъ изъ старинной, но обѣднѣвшей фамиліи, родился въ 1617 году отъ Гаспара Крижанича, небогатаго землевладѣльца. Лишившись отца на шестнадцатомъ году возраста, Юрій сталъ приготовлять себя къ духовному званію. Онъ учился сначала на родинѣ, въ Загребѣ, потомъ въ Вѣнской семинаріи, а вслѣдъ затѣмъ перешелъ въ Болонію, гдѣ занимался, кромѣ богословскихъ наукъ, юридическими. Владѣя въ совершенствѣ, кромѣ своего родного языка, нѣмецкимъ, латинскимъ и итальянскимъ, онъ, въ 1640 году поселился въ Римѣ и вступилъ въ греческій коллегіумъ св. Анастасія, спеціально учрежденный папами для распространенія Уніи между послѣдователями греческой вѣры. Въ это время Крижаничъ былъ посвященъ въ санъ загребскаго каноника. Онъ изучилъ тогда греческій языкъ, пріобрѣлъ большія свѣдѣнія въ византійской литературѣ и сдѣлался горячимъ сторонникомъ уніи. Его цѣлью было собрать всѣ важнѣйшія сочиненія такъ-называемыхъ схизматиковъ, т.-е. писавшихъ противъ догматовъ папизма. Плодомъ этого было нѣсколько сочиненій на латинскомъ языкѣ, а въ особенности „Всеобщая библіотека схизмати-

ковъ“. Это предпріятіе повело его къ ознакомленію съ русскимъ языкомъ, такъ какъ ему нужно было знать и сочиненія, писанныя по-русски противъ Уніи. Оставивши коллегіумъ, Юрій былъ привязанъ къ Риму до 1656 года, состоя членомъ иллирскаго общества св. Іеронима. Въ этотъ періодъ времени онъ, однако, не оставался постоянно въ Римѣ, былъ и въ другихъ мѣстахъ Европы и, между прочимъ, въ Константинополѣ, гдѣ еще основательнѣе познакомился съ греческою письменностью. Пребываніе его въ Константинополѣ оставило въ немъ самое враждебное чувство къ тогдашнимъ грекамъ, въ особенности за ихъ невѣжество, высокомѣріе и лживость. При всѣхъ своихъ ученыхъ работахъ Крижаничъ постоянно оставался словяниномъ, любилъ горячо свой народъ, и самымъ вопросомъ объ Уніи, занимавшимъ его спеціально, интересовался главнымъ образомъ по отношенію къ своему отечеству. Изучая долгое время исторію церкви и много думая надъ нею, онъ пришелъ, наконецъ, ко взглядамъ, которые по своей высотѣ расходились съ узкими воззрѣніями какъ сторонниковъ римской пропаганды, такъ и ихъ противниковъ. Его любовь къ словянству не могла помириться съ тѣмъ печальнымъ положеніемъ словянскаго племени, какое оно занимало въ исторіи европейской образованности. Церковныя распри раздѣляли словянъ; откуда бы ни исходили причины разъединенія церквей, онѣ одинаково были гибельны для словянства, онѣ были чужды ему. Крижаничъ уразумѣлъ, что вѣковой споръ между восточной и западной церковью истекаетъ не изъ самой религіи, а изъ мірскихъ политическихъ причинъ, изъ соперничества двухъ древнихъ народовъ—грековъ и римлянъ за земную власть, за титулы; римскій папа хотѣлъ властвовать надъ церковью по преданію о Римской имперіи, которая уже исчезла и нигогда не могла быть возстановлена, по мнѣнію Крижанича: „Пусть,—говорилъ онъ,—австрійскіе государи называются римскими императорами, могутъ носить это имя, но это будетъ суета и обманъ; того, чтò разорено, нельзя уже поставить на ноги“. Съ другой стороны и греки стали противъ Рима за свою земную власть. И въ Царьградѣ, новомъ Римѣ, царство ихъ погибло. Такимъ образомъ вопросъ о раздѣленіи церквей есть исключительно вопросъ грековъ и римлянъ, а къ словянамъ не долженъ относиться. Нечего имъ мѣшаться въ чужую распрю. Пусть себѣ выдумываютъ церковное главенство и въ Римѣ, и въ Царьградѣ, пусть патріархъ съ папою спорятъ за первенство,—словяне не должны изъ-за нихъ чинить раздора между собою, и защищать чужія привилегіи, чужую верховную власть, а должны

знать единое царство духовное, единую церковь, не имѣющую рубежей, распространенную во всемъ свѣтѣ. Крижаничъ пришелъ къ убѣжденію, что весь словянскій міръ долженъ сдѣлаться единымъ обществомъ, единымъ народомъ. При такомъ взглядѣ онъ естественно сосредоточилъ вниманіе на Россіи, какъ на самой обширной странѣ, населенной словянскимъ племенемъ. Не знаемъ, по какой причинѣ Крижаничъ былъ въ Вѣнѣ въ 1658 году. Въ это время туда пріѣхалъ московскій посланникъ Яковъ Лихаревъ съ товарищами. Русскіе послы, какъ и прежде бывало, набирали иноземцевъ, желавшихъ поступить на царскую службу, обѣщая имъ царское жалованье, „какого у нихъ и на умѣ нѣтъ“. Къ нимъ въ гостинницу „Золотого Быка“, гдѣ они остановились, явился Юрій Крижаничъ съ предложеніемъ своей службы царю. Первое впечатлѣніе, какое на него произвели русскіе, было тяжелое; онъ самъ послѣ сознавался, что его возмутило неряшество и зловоніе помѣщенія русскихъ пословъ. Тѣмъ не менѣе, однако, мысль служить всесловянскому дѣлу преодолѣла въ немъ все, и онъ, человѣкъ ученый и образованный, отправился искать отечества въ землѣ, считаемой на Западѣ варварскою и дикою.

Слѣдуя изъ Вѣны въ Москву, Крижаничъ въ первыхъ мѣсяцахъ 1659 года, проѣзжая черезъ Малороссію и уже приближаясь къ границамъ Великой Руси, наткнулся на войско царское, шедшее противъ Выговскаго. Крижаничъ повернулъ назадъ и пробылъ въ Малороссіи до октября, проживая въ Нѣжинѣ у Василія Золотаренка, бывшаго тогда нѣжинскимъ полковникомъ. Вѣроятно, онъ посѣщалъ и другія мѣста, какъ можно видѣть изъ того, что онъ познакомился съ тамошними учеными, наблюдалъ состояніе страны и народа, замѣчалъ безпорядки и пороки тамошняго общества и коснулся тогдашнихъ событій [1]).

Наконецъ, Крижаничъ прибылъ въ Москву, къ единому словянскому государю; но недолго пришлось, однако, ученому мужу въ словянской странѣ трудиться для своей любимой идеи всесловянства. Его воззрѣнія на единую, независимую отъ земныхъ споровъ церковь Христову, столько же были ложны съ точки зрѣнія защитниковъ обряднаго православія, какъ и латинствующаго католичества.

[1]) Существуютъ два сочиненія Крижанича, относящіяся до Малороссіи: одно—„Путно описаніе“, описаніе пути отъ Львова до Москвы; другое—„Бесѣда съ черкасомъ въ особѣ черкаса“. Въ послѣднемъ сочиненіи, отъ имени малорусса, онъ увѣщеваетъ жителей Малороссіи оставаться въ вѣрности царю и не входить въ союзъ съ поляками.

20-го января 1661 года Крижанича сослали въ Тобольскъ. Причины и подробности этого событія намъ неизвѣстны. Изъ намековъ, встрѣчаемыхъ въ его сочиненіяхъ, можно догадываться, что онъ открыто признавалъ себя принадлежавшимъ въ одно и то же время и римско-католической, и греческой церкви, готовъ былъ причащаться и въ русскомъ храмѣ, но не хотѣлъ принимать вторичнаго крещенія, а по московскимъ понятіямъ того времени, всякій, принимающій православіе, долженъ былъ вторично креститься. Впрочемъ, это только былъ одинъ изъ многихъ поводовъ, не дававшихъ ему поладить съ Москвою. Указъ о ссылкѣ его выданъ былъ изъ приказа лифляндскихъ дѣлъ, которымъ тогда завѣдывалъ Нащокинъ. Быть можетъ, его почему-нибудь заподозрѣвали въ недоброжелательствѣ къ Россіи по поводу тогдашнихъ шведскихъ и польскихъ дѣлъ. Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что его удалили не за какую-нибудь вину, а по подозрѣнію. Ссылка его была благовидно обставлена. Онъ отправленъ въ Тобольскъ не въ качествѣ опальнаго, а съ тѣмъ, чтобъ быть у государевыхъ дѣлъ, у какихъ пристойно. Ему положили жалованья семь рублей съ полтиною въ мѣсяцъ. Крижаничъ пробылъ въ ссылкѣ шестнадцать лѣтъ, не терялъ присутствія духа и написалъ тамъ самыя замѣчательныя свои сочиненія. По смерти царя Алексѣя Михайловича, 5-го марта 1676 года, Крижаничъ, получивши царское прощеніе, возвратился въ Москву. Дальнѣйшая судьба его неизвѣстна.

Не всѣ сочиненія этого замѣчательнаго человѣка являлись въ печати и не всѣ извѣстны ученымъ по рукописямъ. Крижаничъ, между прочимъ, оставилъ послѣ себя грамматику подъ названіемъ: „Граммaтично изказаніе". Эта грамматика, по его мнѣнію, русскаго или словянскаго языка, но это скорѣе какой-то особый имъ созданный всесловянскій языкъ. Онъ называетъ его „русскимъ" потому, что Русь есть корень всего словянства. „Всѣмъ единоплеменнымъ народамъ глава—народъ русскій и русское имя, потому что всѣ словяне вышли изъ русской земли, двинулись въ державу Римской имперіи, основали три государства и прозвались: болгары, сербы и хорваты; другіе изъ той же русской земли двинулись на западъ и основали государства ляшское и моравское или чешское. Тѣ, которые воевали съ греками или римлянами, назывались словинцы, и потому это имя у грековъ стало извѣстнѣе, чѣмъ имя русское, а отъ грековъ и наши лѣтописцы вообразили, будто нашему народу начало идетъ отъ словинцевъ, будто и русскіе, и ляхи, и чехи произошли отъ нихъ. Это неправда, русскій народъ испоконъ вѣка живетъ въ своей родинѣ, а остальные, вышедшіе изъ Руси, появились,

какъ гости, въ странахъ, гдѣ до сихъ поръ пребываютъ. Поэтому, когда мы хотимъ называть себя общимъ именемъ, то не должны называть себя новымъ словянскимъ, а стародавнимъ и коренным русскимъ именемъ. Не русская отрасль плодъ словенской, а словенская, чешская, ляшская отрасль—отродки русскаго языка. Наипаче тотъ языкъ, которымъ пишемъ книги, не можетъ поистинѣ называться словенскимъ, но долженъ называться русскимъ или древнимъ книжнымъ языкомъ. Этотъ книжный языкъ болѣе подобенъ нынѣшнему общенародному русскому языку, чѣмъ какому-нибудь другому словянскому. У болгаровъ нечего заимствовать, потому что тамъ языкъ до того потерянъ, что едва остаются отъ него слѣды; у поляковъ половина словъ заимствована изъ чужихъ языковъ; чешскій языкъ чище ляшскаго, но также немало испорченъ; сербы и хорваты способны говорить на своемъ языкѣ только о домашнихъ дѣлахъ, и кто-то написалъ, что они говорятъ на всѣхъ языкахъ и никакъ не говорятъ. Одно рѣченіе у нихъ русское, другое венгерское, третье нѣмецкое, четвертое турецкое, пятое греческое или валашское или альбанское; только между горами, гдѣ нѣтъ проѣзда для торговцевъ и инородныхъ людей, уцѣлѣла чистота первобытнаго языка, какъ я помню изъ моего дѣтства". Книжный языкъ западной Руси Крижаничъ считаетъ страшно испорченнымъ, какъ по причинѣ множества чужихъ словъ, такъ и по заимствованію оборотовъ, чуждыхъ духу словянской рѣчи. Я не могу читать кіевскихъ книгъ,—говоритъ онъ,—безъ омерзенія и тошноты. Только въ Великой Руси сохранилась рѣчь, пригодная и свойственная нашему языку, какой нѣтъ ни у хорватовъ и ни у кого другого изъ словянъ. Это оттого, что на Руси всѣ бумаги государственныя, приказныя, законодательныя и касающіяся народнаго устроенія писались своимъ домашнимъ языкомъ. Только тамъ, гдѣ есть государственное дѣло и народное законодательство на своемъ языкѣ, только тамъ языкъ можетъ быть обильнымъ и день-ото-дня устроиваться". Но съ русскимъ языкомъ Крижаничъ хочетъ слить сербско-хорватское нарѣчіе, и такимъ образомъ составить новый книжный словянскій языкъ—мысль, чрезвычайно смѣлая и естественно невозможная для одного лица. Самъ Крижаничъ сознаетъ это. „Не можетъ,—говоритъ онъ,—одинъ человѣкъ всего знать безъ испытанія и совѣта иныхъ, какъ мнѣ грѣшному случилось работать надъ этимъ дѣломъ. Живя въ отлученіи отъ человѣческаго общества и совѣта, я не могъ и не могу составить такой книги, въ которой по алфавитному порядку были бы разставлены и истолкованы всѣ слова. Что касается до этой

грамматики, то пусть послѣдующіе трудолюбцы обличатъ, прибавятъ и исправятъ то, что я пропустилъ и въ чемъ ошибся"...

Несмотря на всѣ недостатки этой грамматики, опытный филологъ словянскихъ нарѣчій, О. М. Бодянскій, замѣчаетъ, что Крижаничъ, котораго онъ называетъ отцомъ сравнительной словянской филологіи, „строго и систематически-стройно провелъ свою основную идею, сдѣлалъ много остроумныхъ, глубоко-вѣрныхъ и поразительныхъ замѣчаній о словянскомъ языкѣ и о разныхъ нарѣчіяхъ; первый подмѣтилъ такія правила и особенности, которыя только въ новѣйшее время обнародовали лучшіе европейскіе и словянскіе филологи, опираясь на всѣ пособія и богатства научныхъ средствъ".

Самый важный памятникъ литературной дѣятельности Крижанича—его политическія думы, такъ называемые „Разговоры о владѣтельствѣ". Это—сборникъ замѣчаній и размышленій о всевозможнѣйшихъ предметахъ общественной жизни, государственнаго устройства, безопасности страны, благосостоянія и воспитанія народа. Авторъ обличаетъ недостатки и пороки, встрѣчаемые въ Россіи, приводитъ для сравненія то, что́ видѣлъ онъ у другихъ народовъ или вычиталъ о нихъ въ книгахъ, и подаетъ совѣты относительно разныхъ улучшеній, по его мнѣнію, пригодныхъ для Россіи. Сочиненіе это написано языкомъ изобрѣтеннымъ, составляющимъ смѣсь словяно-церковнаго, русскаго и сербскаго съ примѣсью другихъ словянскихъ нарѣчій; часть его изложена по-латыни. Авторъ иногда принимается за форму діалога между лицами, которыхъ онъ назвалъ Борнеомъ и Хервоемъ.

Сперва авторъ разсуждаетъ о главныхъ экономическихъ сторонахъ жизни—о торговлѣ, о ремеслахъ, о земледѣліи и ископаемыхъ богатствахъ.

Крижаничъ полагаетъ, что Россія—страна, небогатая средствами для торговли: ея природа скудна и географическое положеніе не представляетъ удобствъ. Всего болѣе препятствуетъ торговлѣ неспособность русскихъ и вообще словянъ къ торговымъ занятіямъ, и поэтому они всегда проигрываютъ въ торговыхъ сношеніяхъ съ иностранцами; къ тому же русскіе купцы не знаютъ ариѳметики. Лучшее средство поднять торговлю—захватить оптовую торговлю съ иноземцами въ царскія руки, однако такъ, чтобъ это служило не отягощеніемъ для народа, а, напротивъ, облегченіемъ. Казна должна быть только посредницею между русскими и иностранцами. Казна не должна вмѣшиваться во внутреннюю торговлю. Казна будетъ покупать у русскихъ товары, стараясь платить за нихъ

подороже и сбывать иноземцамъ, а получаемые отъ послѣднихъ товары сбывать русскимъ съ наименьшею прибылью. Не слѣдуетъ допускать монополій (самотерства), исключая развѣ такого случая, когда откупщикъ взялся бы продать товаръ дешевле ходячей цѣны. Не должно допускать иноземцевъ къ торговлѣ внутри страны, дозволять имъ держать лавки или склады, имѣть въ Москвѣ намѣстниковъ, ходатаевъ или консуловъ... „Если бы нѣмцевъ на Руси не было,—говоритъ нашъ мыслитель,—торговля этого царства была бы въ лучшемъ положеніи. Нѣмцы настоящая саранча, скнипы, пагубная зараза земли". Предлагая нѣсколько средствъ для улучшенія торговли, Крижаничъ считаетъ полезнымъ, чтобы правительство не дозволяло никому открывать лавки съ товарами, пока не выучатся письму и счету. Въ отдѣлѣ о ремеслахъ Крижаничъ предлагаетъ, въ числѣ средствъ къ улучшенію ремеслъ въ Россіи, ввести, между прочимъ, такое правило, чтобы каждый рабъ, имѣющій болѣе одного сына, заявивши о себѣ въ приказѣ, отдавалъ одного изъ дѣтей учиться ремеслу съ тѣмъ, чтобы хорошо выучившійся получалъ свободу. Цѣлымъ городамъ, которые у себя заведутъ какое-нибудь ремесло, слѣдуетъ давать льготы отъ податей. Замѣтивши, что русскія женщины ничего не умѣютъ, Крижаничъ, для распространенія рукодѣлій, совѣтуетъ заводить школы для дѣвочекъ, которыхъ учили бы разнымъ рукодѣліямъ и хозяйственнымъ занятіямъ. При выходѣ замужъ такія воспитанницы должны будутъ показывать свидѣтельства о своемъ обученіи и успѣхахъ. „Земледѣліе,—по выраженію Крижанича,—всему богатству коренъ и основаніе; земледѣлецъ кормитъ и обогащаетъ и ремесленника, и торговца, и болярина и государя". Эта часть знакома Крижаничу хорошо; онъ, какъ видно, съ дѣтства приглядѣлся къ жизни поселянина и подробно распространяется о видахъ растеній, которыя, по его мнѣнію, годятся для воздѣлыванія въ Россіи, о земледѣльческихъ и домашнихъ орудіяхъ и т. п. По его мнѣнію, полезно было бы также разводить табакъ: онъ доказываетъ, что въ умѣренномъ употребленіи табака нѣтъ никакого грѣха, все равно, какъ въ умѣренномъ употребленіи вина. Касаясь вопроса о добываніи руды, Крижаничъ не думаетъ, чтобы Россія была очень богата рудами, вопреки всеобщему стремленію къ отысканію металловъ, и надѣется на пріобрѣтеніе этого рода богатствъ путемъ торговли. Въ главѣ о силѣ, Крижаничъ распространяется объ оружіи, объ одеждахъ воиновъ, о военныхъ пріемахъ; находитъ, между прочимъ, русское военное платье того времени неудобнымъ и

некрасивымъ: „наши воины,—говоритъ онъ,—ходятъ въ тѣсномъ платьѣ, будто зашитые въ мѣшокъ, головы у нихъ голыя, какъ у тельцовъ, а нечесанныя бороды дѣлаютъ ихъ скорѣе подобными дикарямъ, чѣмъ храбрымъ ратникамъ“.

Третій отдѣлъ сочиненія, самый обширнѣйшій, носитъ заглавіе „О мудрости“, и здѣсь-то авторъ проявляется всѣмъ своимъ существомъ. „Мудрость,—говоритъ Крижаничъ,—переходитъ отъ народа къ народу. Народы, въ древности отличавшіеся всякою умѣлостью, въ наше время впали въ невѣжество. Другіе, нѣкогда грубые и дикіе, теперь славятся мудростью, таковы: нѣмцы, французы, итальянцы. Въ послѣдніе вѣка они произвели много полезныхъ изобрѣтеній: компасъ, многогласное пѣніе, книгопечатаніе, часы, пушки, гравированіе и пр. Только о насъ, словянахъ, говорятъ, какъ будто намъ судьба во всемъ отказала и мы не можемъ ничему выучиться. Но вѣдь и остальные народы не въ одинъ день и не въ одинъ годъ выучивались другъ отъ друга; и мы можемъ научиться, если только будемъ имѣть охоту и прилежаніе. Теперь пришло время для нашего народа учиться; Богъ возвысилъ на Руси такое словянское государство, какому подобнаго не было въ нашемъ народѣ въ прежнихъ вѣкахъ,—а мы видимъ и у другихъ народовъ: когда государство возрастаетъ до высокой степени величія, тогда и науки начинаютъ процвѣтать въ народѣ“. Но прежде оказывается необходимымъ разогнать предразсудки, господствовавшіе на Руси противъ науки. Монахи были главными врагами ученія; они-то мѣшали, по выраженію Крижанича, стереть съ себя плѣсень старинной дикости, „они боятся, чтобы молодежь, научившись наукамъ, не пріобрѣла у людей бо́льшаго почета, чѣмъ старики“. Главный доводъ враговъ науки заключался въ томъ, что ученіе приноситъ съ собою ересь. „Но развѣ,—возражаетъ Крижаничъ,—на Руси поднялся расколъ не отъ глупыхъ безграмотныхъ мужиковъ и не отъ глупыхъ причинъ? Ради того, что срачица перемѣнена въ саванъ, или при аллилуіѣ приписано: слава тебѣ, Господи! и т. п.; не говорю уже о суевѣріи, которое немногимъ лучше ереси“. Что же такое знаніе? спрашиваетъ Крижаничъ. „Знаніе,—говоритъ онъ,—есть познаніе причинъ вещей; кто не знаетъ причинъ, тотъ и самой вещи не знаетъ. Возьмемъ въ примѣръ солнечное и лунное затмѣніе. Кто видитъ, что солнце и мѣсяцъ померкаетъ и не знаетъ отчего это происходитъ, тотъ ничего не знаетъ и не разумѣетъ, и боится бѣды отъ этого явленія, а кто знаетъ, что все это происходитъ по обыкновенному теченію небесныхъ тѣлъ, а не по какому-нибудь чуду, тотъ разумѣетъ самую вещь

и ничего не боится“. Затѣмъ Крижаничъ правильно объясняетъ законы затмѣнія, и въ этомъ стоитъ гораздо выше кіевскихъ и западно-русскихъ ученыхъ. Между всѣми мірскими науками самою благородною наукою считаетъ Крижаничъ политику, науку общественнаго и государственнаго строенія. Начало политической мудрости есть познаніе самихъ себя, познаніе природы своей страны, народной жизни, собственной силы и слабости законовъ, и обычаевъ своего народа, и средствъ благосостояніи его, такъ какъ, съ другой стороны, незнаніе самихъ себя есть корень общественнаго зла. Исходя изъ такой точки зрѣнія, Крижаничъ подвергаетъ безпощадной критикѣ всѣ стороны жизни русскихъ и словянъ, которыхъ онъ всегда старается поставить въ одну категорію народностей съ русскими. Языкъ— „самое совершенное орудіе мудрости“, у словянъ, по мнѣнію Крижанича, не отличается высокими достоинствами въ ряду другихъ европейскихъ языковъ. Онъ, по своей сущности, уступаетъ нѣмецкому, и потому неудивительно, что нѣмцы превосходятъ другіе народы. „Нашъ языкъ убогъ, непріятенъ для уха, искаженъ, необработанъ, ко всему недостаточенъ. Онъ самый неспособный къ пѣснямъ, музыкѣ, къ поэтической рѣчи, а въ переводѣ церковныхъ книгъ въ конецъ извращенъ и выдвинутъ изъ своего мѣста. Мы, словяне, между другими народностями являемся какъ-будто нѣмой человѣкъ на пиру. Мы не въ силахъ составить какой-нибудь благородный замыселъ, вести бесѣды о государственныхъ предметахъ или какого-нибудь иного мудраго разговора. Люди нашего народа, живучи въ чужой землѣ и научась чужому языку, таятъ свое происхожденіе и прикидываются не словянами. Ляхи много хвастаютъ своею вольностью, а я самъ видѣлъ такихъ, которые ложно выдавали себя за пруссаковъ“. Русская одежда, помимо своей неизящности и неудобства, порицается имъ за безполезную роскошь и яркость цвѣтовъ. „Чужіе народы,—говоритъ онъ,—ходятъ въ черныхъ и сѣрыхъ одеждахъ безъ золота и каменьевъ, безъ снурковъ и бисерныхъ нашивокъ; цвѣтныя ткани идутъ только на церковныя да на женскія одежды, а у насъ на Руси одинъ бояринъ тратитъ на свою одежду столько, сколько бы у другихъ стало на трехъ князей. Даже простолюдины обшиваютъ себѣ рубахи золотомъ, чего въ другихъ мѣстахъ не дѣлаютъ и короли. Нѣмцы въ жестокіе морозы ходятъ безъ шубъ, а мы не можемъ жить безъ того, чтобъ не закутаться въ шубу отъ темени до пятъ. Иноземцы укоряютъ насъ за грубость и нечистоту. Деньги мы прячемъ въ ротъ. Мужикъ держитъ полную братину вина и запуститъ туда оба пальца, и такъ гостю

пить подаетъ. Квасъ продаютъ мерзко. У многихъ посуда никогда не моется. Датскій посолъ о нашихъ послахъ сказалъ: „если эти люди еще разъ ко мнѣ придутъ, то я велю имъ сгородить свиной хлѣвъ, потому что гдѣ они постоятъ, тамъ полгода нельзя жить безъ смрада". Постройки наши неудобны, окна низки, мало воздуха, люди слѣпнутъ отъ дыма. Къ лавкамъ прибиты доски, а подъ досками вѣчный соръ". Сознаваясь въ дурныхъ качествахъ словянскаго племени, Крижаничъ скорбитъ о томъ, что иноплеменники презираютъ словянъ и сами словяне уничижаютъ себя, свой языкъ, свой народъ, отдаютъ во всемъ предпочтеніе иноземцамъ, а послѣдніе, пользуясь этимъ, поживляются насчетъ словянъ. „Ксеноманія, т.-е. чужебѣсіе—это смертоносная немощь, заразившая нашъ народъ... Ни одинъ народъ подъ солнцемъ не былъ искони такъ обиженъ и осрамленъ отъ иноплеменниковъ какъ мы, словяне, отъ нѣмцевъ, а между тѣмъ нигдѣ иноплеменники не пользуются тѣмъ почетомъ и выгодами, какъ у насъ на Руси, да у ляховъ. Откуда голодъ, притѣсненія, мятежи, всякая нужда народа русскаго, какъ не отъ иноплеменниковъ? Куда идутъ слезы, потъ, невольный постъ и подати, награбленныя съ народа русскаго? Все это пропиваютъ нѣмцы, торговцы, да полковники, да разныхъ народовъ послы, да крымскіе разбойники". Авторъ очень подробно распространяется о томъ злѣ, какое, по его мнѣнію, наносятъ всякіе иноземцы словянскому племени, приводитъ многіе примѣры печальныхъ послѣдствій для народовъ отъ потачки чужеземцамъ, сознаетъ, что общеніе съ иноземцами можетъ принести много добраго, но говоритъ, что надобно различать добро отъ зла, тѣмъ болѣе, что иноплеменники ничего намъ не даютъ даромъ, а всегда хотятъ, чтобы мы поплатились имъ съ лишкомъ. Они приносятъ къ намъ добрыя науки, но не думаютъ о нашемъ благѣ; иноземные духовные разоряютъ наше церковное устроеніе, обращаютъ святыню въ товаръ. За деньги посвящаютъ недостойныхъ пастырей, разрѣшаютъ браки, дозволяютъ одному мужу перемѣнить пять-шесть женъ; за деньги, безъ исповѣди, отпускаютъ грѣхи, скитаясь между нами, выпрашиваютъ милостыню. Такъ поступаютъ на Руси восточные пастыри, а западные, приходя изъ Рима къ ляхамъ, выдумали юбилеи, милостивые годы, объявляли прощеніе грѣховъ за милостыню, посылаемую въ Римъ, приходятъ къ намъ подъ видомъ торговли и приводятъ насъ къ крайнему убожеству. У ляховъ нѣмцы, шотландцы, армяне, жиды обладаютъ всѣми благами, упитываютъ свои желудки, а туземцамъ оставляютъ земледѣльческій трудъ, вое-

ваніе, да сеймовые крики, да судебныя хлопоты. На Руси вездѣ нищета, и народные торговцы да воры изъѣдаютъ весь тукъ земли нашей, а мы только глядимъ. Тѣ, подъ видомъ знатоковъ, приходятъ къ намъ со врачевствомъ, тѣ заводятъ рудокопни, дѣлаютъ стекла, оружіе, порохъ и пр., а никогда не научатъ дѣлать то же насъ, хотятъ на вѣки отъ насъ корыствоваться. Тѣ обѣщаютъ выучить насъ военному искусству, но такъ, чтобы всегда остаться нашими учителями. Иные говорятъ намъ, будто у нихъ есть какая-то тайная наука, невиданная на Руси, но не надобно вѣрить имъ; у нихъ ничего нѣтъ... Залили и затопили иноплеменники наши земли, нѣмцы выжили насъ изъ цѣлыхъ державъ: изъ Моравіи, изъ Поморья, изъ Силезіи, изъ Пруссіи; въ чешскихъ городахъ уже мало словянскаго рода. У ляховъ всѣ города набиты нѣмцами, жидами, армянами, шотландцами, итальянцами, а мы у нихъ холопы, землю для нихъ пашемъ, да войны ведемъ для ихъ пользы: они бы сидѣли себѣ въ каменныхъ домахъ, а насъ обзывали бы свиньями и псами! А на Руси, что дѣлается! Инородные торговцы вездѣ держатъ товарные склады и откупы и всякіе промыслы; вольно имъ ходить по нашей землѣ и покупать наши товары дешевою цѣною, а къ намъ привозить свои по дорогой цѣнѣ и притомъ безполезные... Гдѣ только есть пригожія мѣста для торговли—все это отняли у насъ нѣмцы, отогнали насъ отъ моря, отъ судоходныхъ рѣкъ, загнали въ широкое поле землю орать... Иные обольщаютъ насъ суетными именами академій и высшихъ училищъ, степенями докторовъ, магистровъ, но все это пустяки: земля наполняется множествомъ бездѣльныхъ писакъ и книжниковъ! Лучше было бы имъ въ молодости учиться полезнымъ и потребнымъ для народа ремесламъ, а то мудрые учители учатъ ихъ грамматикѣ, а не другимъ болѣе корыстнымъ знаніямъ: я еще не видалъ изъ нашего народа ни одного врача, математика, музыканта или архитектора..." Замѣчательно, что, при всей нищетѣ, какую видитъ Крижаничъ у русскихъ, онъ находитъ, что простой народъ на Руси все еще живетъ зажиточнѣе, чѣмъ во многихъ земляхъ, богаче одаренныхъ природою, гдѣ все обиліе достается только на долю достаточнаго класса. „На Руси,—говоритъ онъ,—убогіе люди, какъ и богатые, все еще ѣдятъ ржаной хлѣбъ, рыбу и мясо, а въ другихъ земляхъ мясо и рыба очень дороги, да и дрова на вѣсъ покупаютъ... Смѣются нѣмцы надъ тѣмъ, что русскіе ѣдятъ такую соленую рыбу, которую прежде почуешь носомъ,

чѣмъ увидишь глазомъ, а о томъ фарисеи не пишутъ, какъ у нихъ принесутъ на столъ сыръ съ червями...“

Переходя къ образу правленія, Крижаничъ является, съ одной стороны, защитникомъ самодержавія. Превосходство этого образа правленія для него выказывается изъ того, что самодержавный государь можетъ удобнѣе исправлять пороки и дурные обычаи, вкравшіеся въ его государство: „Государь созоветъ всѣхъ насъ и всѣ мы „ядрено“ будемъ помогать ему, всякій по своей силѣ, какъ устроить и обособить то, что полезно и добро для общества и всего народа“. Въ противоположность, авторъ указываетъ на ляховъ: „на Руси, по крайней мѣрѣ, одинъ господинъ имѣетъ власть живота и смерти, а у ляховъ сколько владѣтелей, столько королей и тирановъ, сколько бояръ, столько судей и палачей. Всякій можетъ уморить своего кліента, никто его объ этомъ не спроситъ и не накажетъ“.

Тѣмъ не менѣе, однако, Крижаничъ посвятилъ цѣлый отдѣлъ „О крутомъ владанію“, гдѣ преподалъ довольно жестокій урокъ русскому управленію: „Нѣкоторые люди думаютъ, —говоритъ онъ,—что тиранство въ томъ состоитъ, чтобы мучить невинныхъ людей лютыми муками, а не въ дурныхъ, отяготительныхъ для народа уставахъ; но дурные законы на самомъ дѣлѣ еще хуже лютыхъ мукъ. Если какой-нибудь государь установитъ дурные тяжелые для народа законы, наложитъ неправедныя дани, поборы, монополіи, кабаки, тотъ и самъ будетъ тираномъ и преемниковъ своихъ сдѣлаетъ тиранами. Если кто изъ преемниковъ его будетъ щедръ, милосердъ, любитель правды, но не отмѣнитъ прежнихъ отяготительныхъ законовъ, тотъ все-таки тиранъ. Мы видимъ этому примѣръ и на Руси. Царь Иванъ Васильевичъ былъ нещадный „людодерецъ и безбожный мясникъ, кровопійца и мучитель“. Въ наказаніе ему Богъ попустилъ такъ, что изъ трехъ сыновей одного онъ самъ убилъ, у другого Богъ умъ отнялъ, третьяго Борисъ Θедоровичъ малымъ убилъ; и такъ все царство отпало отъ рода царя Ивана. Борисъ возвысилъ „самодержіе“ (монополіи) и всякое народное обдирательство, созидалъ города и церкви на народное ограбленное добро, но Богъ взставилъ противъ него не боярина, не именитаго человѣка, а бродягу и растригу. Растрига лишилъ Бориса царства, уничтожилъ его племя и самъ за свою глупую наглость сгинулъ. Но на этомъ не престалъ бичъ Божій надъ нашимъ народомъ до тѣхъ поръ, пока „оная кровавая, плававшая въ сиротскихъ слезахъ казна“ вся не была разграблена иноплеменниками; пожаръ, истребившій Москву,

искоренилъ прежнее богомерзкое „людодерство“, и города, построенные на крови земледѣльцевъ, достались въ руки инымъ властителямъ. Но посмотрите, что̀ въ наше время случилось въ этомъ преславномъ русскомъ государствѣ! Вотъ всѣ поколѣнія державы русскаго народа, Малороссія и Бѣлоруссія обратились къ своему русскому государству, отъ котораго за нѣсколько вѣковъ были отторгнуты. Что же потомъ случилось! То же, что нѣкогда въ Израилѣ при Іеровоамѣ. Тогда нѣкоторые люди вѣрно совѣтовали и говорили: не отягощайте новыхъ подданныхъ, не гоняйтесь за великою казною и приходомъ; пусть лучше царь-государь имѣетъ большое войско, всегда готовое на его повелѣніе, пусть онъ имъ будетъ огражденъ, какъ стѣною, и съ его помощью истребитъ крымскихъ разбойниковъ. Но думѣ, привыкшей къ старымъ законамъ царя Ивана и царя Бориса, полюбилось иное; сейчасъ же установлены были проклятые кабаки. И вотъ, мои украинцы, новые подданные, какъ только отвѣдали законъ этой власти, сейчасъ раскаялись и опять къ ляхамъ обратились. А отчего это? Отъ обдирательства народа. Эти думники, совѣтующіе заводить монополіи, кабаки, и всячески угнетать бѣдныхъ подданныхъ, имѣютъ въ виду только ту корысть, которая у нихъ передъ глазами, а на будущее не смотрятъ, думаютъ пріобрѣсти своему государю большую казну, а приносятъ великое убожество и неисповѣдимую потерю. Такимъ-то путемъ идутъ дѣла въ этомъ государствѣ, начиная съ царя Ивана Васильевича, который положилъ начало жестокому правленію. Еслибъ можно было собрать вмѣстѣ всѣ деньги, неправеднымъ и безбожнымъ способомъ содранныя съ народа со временъ означеннаго царя Ивана Васильевича, то они бы не вознаградили десятой части тѣхъ потерь, которыя понесло это государство отъ жестокаго образа правленія. Недаромъ Сираховъ сынъ сказалъ, что нѣтъ ничего хуже алчности. За неправильныя обиды народу и за алчное обдирательство не только отнимается царство отъ одного рода и дается другому, но даже—отъ цѣлаго народа и передается другому народу. Примѣръ мы видимъ въ Римской имперіи: чужіе народы разорвали между собою римское царство. Ближайшій примѣръ намъ представляютъ ляхи. Отъ излишней расточительности ляшское государство прибѣгло къ обдирательству народа, дошло до крайней неурядицы, и попало въ чужую власть. Ляхи, не въ силахъ будучи удовлетворить своей расточительности, поневолѣ сдѣлались жестокими и безжалостными тиранами надъ своими подданными: тиранство

идетъ рядомъ съ расточительностью; всякій расточитель дѣлается тираномъ, если есть ему кого обдирать. И царь Иванъ, и царь Борисъ пошли по тому же пути, и до сихъ поръ государство ихъ идетъ тѣмъ же путемъ; но видите, къ какому концу готово прійти Польское королевство, и оно непремѣнно придетъ къ нему, если во время не опомнится... Не хочу быть пророкомъ, но пока свѣтъ и человѣческій родъ не измѣнятся, я крѣпко увѣренъ, что и этому царству придетъ время, когда весь народъ возстанетъ на ниспроверженіе безбожныхъ, жестокихъ законовъ царя Ивана и царя Бориса".

Далѣе Крижаничъ подробно разбираетъ дурныя стороны тогдашняго государственнаго и законодательнаго строя. „Въ прелютыхъ, тиранскихъ законахъ царя Ивана—говоритъ онъ, —всѣ приказные, начальствующія и должностныя лица должны присягать государю всѣми способами приносить государевой казнѣ прибыль и не опускать никакого способа къ умноженію ея. Вотъ беззаконный законъ! вотъ проклятая присяга! Изъ этого необходимо вытекаетъ, что приказные отъ царскаго имени, какъ для царя, такъ и для самихъ себя, всякимъ возможнымъ способомъ томятъ, мучатъ, обдираютъ несчастныхъ подданныхъ. А вотъ другой тиранскій законъ: высокіе совѣтники, связанные вышесказанною клятвою, приказнымъ людямъ въ уѣздахъ не даютъ никакого жалованья или даютъ малое, а между тѣмъ велятъ носить имъ цвѣтное и дорогое платье, и крѣпко запрещаютъ имъ брать посулы. Какой же промыселъ остается бѣднымъ людямъ на прожитье? Одно воровство. Правители областей, цѣловальники и всякія должностныя лица привыкли продавать правду и заключать сдѣлки съ ворами для своей частной выгоды. Одинъ правитель, пріѣхавши въ свою область, показалъ всему народу свою милость тѣмъ, что обѣщалъ никого не казнить смертью. Это значило: воруйте, братцы, свободно разбойничайте, крадьте, да мнѣ приносите! И за четыре года воры вѣрно исполняли приказаніе. То и дѣло, что носились вѣсти—тамъ людей зарѣзали, тамъ обобрали; дошло до того, что люди не могли спать спокойно въ своихъ избахъ; никто не былъ казненъ смертью—на то царское милосердіе! Но что этому причиною? Бѣдный подъячій сидитъ въ приказѣ по цѣлымъ днямъ, а иногда и по ночамъ, а ему даютъ алтынъ въ день или двѣнадцать рублей въ годъ, а въ праздники велятъ ему показываться въ цвѣтномъ платьѣ, которое одно стоитъ болѣе двѣнадцати рублей. Чѣмъ же ему кормить и себя, и жену и челядь? Чѣмъ же они живутъ? Легко понять: продажею правды. Неудивительно, что въ Мо-

свѣ много воровъ и разбойниковъ. Удивительно, какъ могутъ честные люди въ Москвѣ жить!.. Что можетъ быть неправеднѣе, какъ брать отъ суда въ казну всякіе пересуды и десятины. Посламъ также не дается достаточно на ихъ обиходъ. Отсюда происходитъ крайнее неуваженіе и холодность къ дѣлу, и многіе придавленные нуждою забываютъ пользу своего народа и за подарки входятъ съ иноземцами во всякія неприличныя сдѣлки. Хвастается Олеарій, что за деньги можно добыть изъ приказовъ какія угодно тайныя дѣла... Всѣ европейцы называютъ это преславное государство тиранскимъ; говорятъ, что русскіе ничего не дѣлаютъ иначе, какъ только принуждаемы бываютъ палками и батогами. Правда, русскіе люди дѣлаютъ все не изъ чувства чести, а изъ страха казни, но этому причиною жестокое правленіе, и если бы нѣмецкій или какой-либо другой народъ былъ подъ такимъ правленіемъ, то усвоилъ бы еще хуже нравы. Русскіе всѣми народами считаются лживыми, невѣрными, жестокосердыми, склонными къ кражѣ и убійству, невѣжливыми въ бесѣдѣ, нечистоплотными въ жизни. А отчего это? Оттого, что вездѣ кабаки, монополіи, запрещенія, откупы, обыски, тайные соглядатаи; вездѣ люди связаны, ничего не могутъ свободно дѣлать, не могутъ свободно употреблять труда рукъ и пота лица своего. Все дѣлается втайнѣ, со страхомъ, съ трепетомъ, съ обманомъ, вездѣ приходится укрываться отъ множества „оправниковъ“ (чиновниковъ), обдирателей, доносчиковъ или, лучше сказать, палачей. Привыкши всякое дѣло дѣлать скрытно, потакать ворамъ, всегда находиться подъ страхомъ и обманомъ, русскіе забываютъ всякую честь, дѣлаются трусами на войнѣ и отличаются всяческою невѣжливостью, нескромностью и неопрятностью... Если нужна имъ чья-нибудь милость, тутъ они сами себя унижаютъ, молятся, бьютъ челомъ до отвращенія... Нѣтъ нигдѣ на свѣтѣ такого мерзкаго, отвратительнаго, страшнаго пьянства, какъ на Руси, а всему причиною кабаки. Нигдѣ нельзя выпить пива или вина, какъ только въ царскомъ кабакѣ. А тамъ посуда такая, что годится въ свиной хлѣвъ. Питье премерзкое, и продается по бѣсовской цѣнѣ. Самые кабаки не вездѣ подъ рукою у людей; только въ большомъ городѣ по нѣскольку кабаковъ; иные мелкіе люди чуть не всю жизнь лишены вина, а какъ придется имъ выпить, то они бросаются безъ стыда, какъ бѣшеные, думаютъ, что исполняютъ Божью и царскую заповѣдь...“

Крижаничъ коснулся дозволенія, даваемаго нѣкоторымъ лицамъ приготовлять напитки по особымъ торжественнымъ

случаямъ, и видитъ въ этомъ средство пріученія народа къ пьянству, порицаетъ даже царскіе пиры, на которыхъ нельзя не пить подъ страхомъ прегрѣшить противъ Бога и царя. Авторъ оставилъ намъ нѣкоторыя черты тогдашняго пира: „хозяинъ,—говоритъ онъ,—только о томъ и хлопочетъ, чтобы поскорѣе напоить гостей и обратить ихъ въ свиней. Посадитъ гостей около пустого стола, сидятъ три-четыре часа безъ хлѣба и безъ всякой пищи, а между тѣмъ чарка идетъ кругомъ и многіе, выпивши натощакъ, опьянѣютъ и уже не думаютъ о пищѣ. Нигдѣ, ни у нѣмцевъ, ни у другихъ словянъ нѣтъ такого гадкаго пьянства, нигдѣ не видно, чтобы въ грязи, по улицамъ валялись мужчины и женщины, и умирали отъ пьянства. Въ Малороссіи люди также порядочно напиваются, но здѣшнее пьянство несравненно сильнѣе и отвратительнѣе тамошняго, а что всего глупѣе—это то, что у насъ сами правители—причина, заводчики и повелители этому злу“. Но въ чемъ же средство къ улучшенію? Какъ исправить такое общество, гдѣ правители явно дружатъ съ ворами? Какъ исправить алчныхъ должностныхъ лицъ, привыкшихъ къ грабежамъ и коварной изобрѣтательности? „Пусть государь будетъ архангелъ, говоритъ Крижаничъ, все-таки онъ не въ силахъ запретить грабежи, обиды и людскія обдирательства“. Одно есть средство—народная свобода, но авторъ не допускаетъ такой свободы, какъ у ляховъ, гдѣ никто никого не слушаетъ и гдѣ столько же тирановъ, сколько властителей. Такая свобода прямо ведетъ къ тираніи. „Пусть царь дастъ людямъ всѣхъ сословій пристойную, умѣренную, сообразную со всякою правдою свободу, чтобы на царскихъ чиновниковъ всегда была надѣта узда, чтобъ они не могли исполнять своихъ худыхъ намѣреній и раздражать людей до отчаянія. Свобода есть единственный щитъ, которымъ подданные могутъ прикрывать себя противъ злобы чиновниковъ, единственный способъ, посредствомъ котораго можетъ въ государствѣ держаться правда. Никакія запрещенія, никакія казни не въ силахъ удержать чиновниковъ отъ худыхъ дѣлъ, а думныхъ людей отъ алчныхъ, разорительныхъ для народа совѣтовъ, если не будетъ свободы“.

Затѣмъ Крижаничъ представляетъ царя говорящимъ къ своему народу и обѣщающимъ ему улучшеніе государственнаго строя и исправленіе законодательства. Царь остается самодержавенъ: онъ даетъ народу свободу, права, льготы, но даетъ добровольно, непринужденно и можетъ отнять данное, если съ противной стороны будутъ даны къ этому важные

поводы. Между тѣмъ тотъ же царь допускаетъ такія правила, которыя кладутъ контроль на его власть. Онъ и его преемники обязаны при вступленіи на престолъ давать присягу въ сохраненіи народной свободы, и только послѣ этой присяги народъ присягаетъ царю. Онъ теряетъ право на престолъ, если измѣнитъ вѣрѣ, если отдастъ дочь за иноземца, если будетъ отчуждать части государства, если введетъ въ государство иноземное войско, исключая случаевъ войны съ внѣшними непріятелями. Царь не можетъ жениться иначе, какъ на природной русской или на словянкѣ. Женщины не могутъ быть возводимы на престолъ. Послѣ смерти каждаго царя народный сеймъ дѣлаетъ пересмотръ и оцѣнку его правленія и требуетъ отъ преемника исправленія тѣхъ уставовъ, которые бы оказались противными народному благу. Жителямъ, исключая духовныхъ, оставлено прежнее раздѣленіе на служилыхъ и на платящихъ дань. Духовные будутъ изъяты отъ всякихъ поборовъ и повинностей и должны судиться собственнымъ судомъ. Высшій служилый классъ раздѣляется на три вида: князья, бояре и „племяне" (слово, которымъ Крижаничъ хочетъ замѣнить выраженіе „дѣти боярскія"). Считается полезнымъ утвердить въ государствѣ высшій аристократическій классъ, въ предотвращеніе того, чтобы цари не подпали подъ власть стрѣльцовъ, подобно тому, какъ римскіе императоры подъ власть преторіанцевъ или султаны подъ власть янычаръ, Но привилегіи, даваемыя высшему классу, никакъ не должны доходить до того, чтобы сильные люди держали у себя войско, творили судъ или расправу, собирали самовольно сеймы или закупали себѣ земли. Видно стараніе удержать земли въ общественномъ владѣніи, а потому одни бояре могутъ имѣть помѣстья. Людямъ высшаго класса присвоиваются разные почетные знаки, напр., гербы, высокія шапки, перья и т. п. Весь остальной народъ долженъ былъ платить поборы, но не иначе какъ въ случаѣ нужды государственной. Безъ нужды царь обязывался не брать никакихъ поборовъ. Не должно быть никакихъ кабаковъ и никакихъ монополій и пошлинъ. Города присылаютъ своихъ пословъ на сеймъ и, по ихъ желанію, устанавливается у нихъ порядокъ и власти, какъ высшія, такъ и меньшія. У городовъ свои судьи, но высшіе судьи изъ боярскаго рода. Иноземцамъ запрещается торговать внутри государства. Ненависть къ иноземцамъ простирается до того, что закономъ не дозволяется никому путешествовать за границей и принимать иностранцевъ на службу, кромѣ словянъ, которымъ во всемъ даются

равныя права съ русскими. Относительно просвѣщенія предлагается странное правило: „только дѣти высшихъ классовъ и то не всѣ, а самыя богатыя, могутъ учиться греческому и латинскому языкамъ, исторіи, философіи и политикѣ, а люди низшіе и убогіе должны заниматься полезными науками, такъназ. „трудовными“, математикою, астрономіею, медициною и пр. „Философія, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, если станетъ общимъ достояніемъ народа, то повлечетъ за собою многіе вопросы и волненія, будетъ отвращать людей отъ труда къ праздности, что мы и видимъ у нѣмцевъ. Не должно всѣ кушанья подправлять медомъ, потому что медъ производитъ тошноту; точно также и философію не слѣдуетъ передавать всему народу, а только сословію благородному и нѣкоторымъ изъ черни, для того призваннымъ, насколько это нужно для службы государю, иначе достойнѣйшій предметъ пошлѣетъ, и жемчугъ мечется передъ свиньями“.

Эти основы улучшеній, развитыя пространно у автора, показываютъ, что Крижаничъ былъ способнѣе подвергать критикѣ тотъ общественный строй, какой онъ нашелъ на Руси, чѣмъ изобрѣтать мѣры къ водворенію новаго порядка вещей. Возвышеніе аристократическаго класса, запрещеніе ѣздить за границу, раздѣленіе наукъ, изъ которыхъ однѣ предоставлялись одному, а другія другому классу, наконецъ, крайняя нетерпимость къ иноземцамъ, особенно нѣмцамъ, служили бы препятствіемъ къ тому преуспѣянію, котораго хотѣлъ достичь авторъ для русскаго народа. Ненависть къ иноземцамъ у Крижанича дѣлается понятною, какъ у словянина, котораго задушевною цѣлью было поднять свое униженное племя и обратить громадныя силы Руси на освобожденіе словянъ отъ чужеземцевъ, на возстановленіе ихъ и на устроеніе племенного союза между ними. Это ясно видно въ отдѣлѣ „Объ ширенію господства“. „Ты единый царь,—говоритъ онъ, обращаясь къ Алексѣю Михайловичу,—ты намъ данъ отъ Бога, чтобы пособить и задунайцамъ, и ляхамъ, и чехамъ, дабы они познали свое угнетеніе и униженіе, помыслили о своемъ просвѣтлѣніи и сбросили съ шеи нѣмецкое ярмо“. По мнѣнію Крижанича, нѣмцы и Россіи готовятъ это ярмо. „Ненасытима алчность нѣмецкая; всего имъ мало, хотѣлось бы имъ весь народъ и всю державу нашу пожрать однимъ глоткомъ. Не удалось имъ учинить въ Россіи того, что у нихъ было въ мысли, т.-е. захватить господство надъ народомъ, такъ какъ они уже захватили царственное величіе въ униграхъ, чехахъ, лахахъ, Литвѣ и въ другихъ странахъ, гнѣваются, скреже-

щутъ, рвутся отъ злости, какъ бы Русское государство подчинить своей власти. Нѣсколько разъ они уже подходили близко къ исполненію своего намѣренія, да только Богъ уничтожалъ ихъ высокомѣрныя думы и освободилъ отъ прелютаго ярма нѣмецкаго. А все таки-нѣмцы не отступаются отъ своей думы... Болгары, сербы, хорваты давно уже потеряли не только свое государство, но всю свою силу, языкъ, разумъ. Не разумѣютъ они, что такое честь и достоинство, не могутъ сами себѣ помочь, нужна имъ внѣшняя сила, чтобъ стать на ноги и занять мѣсто въ числѣ народовъ. Ты, царь, если не можешь въ настоящее тяжелое время пособить имъ поправиться совершенно и привести къ прежнему бытію ихъ государства, то по крайней мѣрѣ можешь исправить ихъ словянскій языкъ и открыть имъ умственныя очи природныя своими книгами, чтобы они познали свое достоинство и стали бы думать о своемъ возстановленіи. Чехи, а за ними недавно и ляхи, подверглись такой же печальной участи, какъ и задунайцы; ляхи хотя и хвастаютъ тѣнью независимаго королевства и своею безпутною свободою, но они, сами по себѣ, не могутъ выбиться изъ своего срама; нужна помощь извнѣ, чтобы поставить ихъ на ноги и возвратить къ прежнему достоинству. Эту помощь, это народное просвѣтлѣніе смысла, только ты, царь, съ Божьею помощью, можешь даровать ляхамъ...“

Крижаничу не нравится расширеніе русскихъ предѣловъ на сѣверъ и на востокъ. Онъ не раздѣляетъ мнѣнія тѣхъ, которые совѣтуютъ идти все далѣе и далѣе на востокъ Сибири и закладывать новые остроги. По его мнѣнію, надобно ограничиться частью Сибири, а съ дальнѣйшими народами заключить миръ. Какой-то нѣмецъ въ Сибири пророчилъ, что царь овладѣетъ Китаемъ. Крижаничъ по этому поводу говоритъ: „это врагъ хочетъ отвлечь насъ отъ возможныхъ дѣлъ и обратить на невозможное, чтобы русскій народъ пошелъ на глупое завоеваніе Китая, а Русскимъ государствомъ завладѣли бы нѣмцы и татары“. Не слѣдуетъ, по его мнѣнію, также думать о берегахъ Варяжскаго моря. Лучше обратиться къ Черному морю: „берега его и пристани будутъ болѣе выгодны и потребны, чѣмъ берега Варяжскаго моря. Крымскіе татары много вѣковъ уже обижаютъ окрестные народы. Пора уничтожить ихъ наглость и разбои. Русскому государству надлежитъ проживать въ мирѣ со всѣми сѣверными, восточными и западными народами, а воевать съ одними татарами. Дауры, калмыки и другіе восточные народы насъ не знаютъ, если мы

ихъ не ищемъ; шведы медлительны, тяжелы и немногочисленны; ляхи и литовцы ни на кого не идутъ войною, если ихъ не затронутъ. Одни крымцы всегда требуютъ откупа и дани, и никогда не перестанутъ нападать на насъ. Покуда же мы будемъ откупаться отъ нихъ дарами и терпѣть безпрестанные разбои и опустошенія, отдавать безбожному врагу чуть ли не доходы всей земли нашей, а свой народъ осуждать на голодъ и отчаяніе?... Крымская держава болѣе всѣхъ земель подручна Россіи. Тамъ превосходныя приморскія пристани. Туда будутъ доставляться изъ разныхъ странъ близкимъ путемъ товары, которые теперь нѣмцы чуть ли не за полсвѣта возятъ въ Архангельскъ. Крымская страна богата, можетъ производить вино, хлѣбъ, масло, медъ, годныхъ къ военному дѣлу лошадей, какихъ мало на Руси. Тамъ есть мраморъ, разный камень, много строевого дерева годнаго на постройку; не знаю, есть ли серебряная и мѣдная руда... Если только отъ Бога суждено русскому народу когда-нибудь обладать крымскою державою, то не безъ важныхъ причинъ могъ бы преславный царь или кто-нибудь изъ твоихъ преемниковъ перенести туда твою царскую столицу...“ Для успѣха противъ татаръ онъ считаетъ нужнымъ пригласить ляховъ, а по покореніи Крыма совѣтуетъ изгнать изъ страны всѣхъ мусульманъ, которые не захотятъ принять крещеніе.

Столько же, какъ нѣмцевъ, ненавидитъ Крижаничъ и грековъ. Онъ указываетъ на нихъ, какъ на слугъ турецкаго владычества, укоряетъ за плутовство въ торговлѣ; приводитъ въ примѣръ, какъ они стекольца продаютъ за драгоцѣнные камни и жемчугъ, какъ торгуютъ священными предметами. Греки льстятъ русскимъ и сочиняютъ нелѣпыя басни, будто бы для возвеличенія Россіи, а между тѣмъ злословятъ вообще всѣхъ словянъ, называютъ ихъ рабами, варварами, говорятъ, что русскихъ надобно вразумлять ударами кнута. Вопросъ о грекахъ приводитъ автора къ вопросу о соединеніи церквей. Хотя Крижаничъ, какъ мы сказали, въ исходной своей точкѣ относится безпристрастно къ древнему церковному спору, положившему начало раздѣленія церквей, и видитъ причину его во временныхъ и мірскимъ вопросахъ, а не въ сущности религій, но беретъ подъ свою защиту римскую церковь; доказываетъ, что она не можетъ быть признана ересью, какъ того хотятъ греки, опровергаетъ разныя басни, выдуманныя греками на римско-католическую церковь и на западныхъ христіанъ. Остаться чуждыми этого спора, считать въ основаніи обѣ церкви святыми, устранивши отъ себя спорные

пункты—вотъ, по его мнѣнію, положеніе, которое должны принять словяне. „Мы,—говоритъ онъ,—приняли святую вѣру отъ грековъ, ляхи отъ римлянъ. Мы должны хранить то, что́ приняли, но до ссоръ греческихъ и римскихъ намъ дѣла нѣтъ; пусть патріархъ и папа хоть въ бороды вцѣпятся за свое первенство, а мы не должны изъ-за нихъ вести между собою раздоры. Мы, напротивъ, должны мирить римлянъ съ греками. Постараемся выслушивать ихъ обоихъ по́-пріятельски. Отъ нашего народа, отъ болгаръ, начался раздоръ; нашъ народъ былъ причиною зла, пусть же нашъ народъ станетъ причиною добра...“

Кромѣ этого сочиненія, Крижаничъ написалъ еще по-латыни сочиненіе „О промыслѣ“, которое, какъ кажется, предназначалъ для наслѣдника престола, но должно быть оставилъ свое намѣреніе и посвятилъ его князю Ивану Борисовичу Рѣпнину. Сочиненіе это изложено въ формѣ діалога между двумя лицами, изъ которыхъ одно называется Валеріемъ, другое Августиномъ. Главная цѣль этого сочиненія указать дѣйствіе промысла Божія надъ царствомъ и царями; оно представляетъ менѣе интереса, чѣмъ предъидущее, заключаетъ въ себѣ до извѣстной степени повтореніе на иной ладъ того, что сказано въ послѣднемъ, но содержитъ также любопытныя черты, касающіяся современныхъ порядковъ и взгляда автора на нихъ. Въ припискѣ къ предисловію авторъ указываетъ недостатки правителей, и въ этомъ указаніи нельзя не видѣть яснаго намека на тогдашняго русскаго царя. „Есть люди,—говоритъ онъ,—облеченные властью, съ хорошими намѣреніями и съ желаніемъ добра для всѣхъ, съ готовностью управлять народомъ справедливо, но они не знаютъ силы вещей, они, невѣжды, не учились тому, что́ нужно знать имъ; они неопытны въ искусствѣ управлять, самомъ тонкомъ и трудномъ для изученія искусствѣ; они совращены ложными понятіями; ихъ окружаютъ льстецы, невѣжественные совѣтники, лицемѣры-архіереи, лжепророки, астрологи, алхимики, и Богъ отнимаетъ у нихъ благодать, наказывая какъ ихъ самихъ, такъ и цѣлый народъ, которымъ они управляютъ, за грѣхи ихъ“. Замѣчательна обличительная выходка Крижанича противъ господствовавшаго тогда преслѣдованія людей, обвиняемыхъ въ думѣ государя—противъ страшнаго *слова* и *дѣла*: „злобно толкуютъ (подслушанныя) чужія слова и обвиняютъ человѣка въ хулѣ на государя, когда на самомъ дѣлѣ не было никакой хулы; за невинныя слова людей тащатъ къ допросамъ, къ пыткамъ, замучиваютъ ихъ безпощаднымъ образомъ. Судьи же стараются угодить

царю, а при этомъ и въ свою пользу выжимаютъ деньги съ обиженныхъ". Съ горечью касается онъ того обычая ссылки безъ суда и яснаго осужденія, которому подвергался онъ, сидя въ Тобольскѣ. „Ни въ чемъ,—говоритъ онъ,—не высказываются такъ свойственныя тиранамъ изобрѣтательность, коварство, неправда и жестокость, какъ тогда, когда они ссылаютъ людей, или удаляютъ изъ столицы (ab urbe). Тиранъ прикидывается милостивымъ и, подъ личиною милосердія, мучитъ людей, сокрушаетъ (destruit) ихъ и тѣмъ самымъ держитъ всѣхъ остальныхъ въ какомъ-то паническомъ страхѣ, такъ что никто не можетъ считать свое положеніе безопаснымъ ни на одинъ часъ; всѣ ждутъ съ часу на часъ громового удара надъ собою... Такого рода жестокости были обычны греческимъ императорамъ, отличавшимся вообще тиранствами; у нихъ братъ брата, сынъ отца, ослѣпляли, оскопляли, ссылали..."

Но тотъ же Крижаничъ, такъ сильно вопіющій противъ тираніи и правительственнаго произвола, требуетъ немилосерднаго наказанія за человѣческія преступленія и блудодѣянія. Онъ негодуетъ на русскихъ, зачѣмъ они дозволяютъ жить посреди себя еретикамъ, зачѣмъ строго не преслѣдуютъ волшебниковъ и виновныхъ въ содомскомъ грѣхѣ. Онъ указываетъ на сожженіе такого рода преступниковъ на Западѣ, какъ на примѣръ достойный подражанія... Какъ католикъ, онъ желалъ бы, чтобъ русская церковь относилась дружелюбно и братски къ западной, устраняя только спорные пункты, главнымъ образомъ о папѣ; онъ хотѣлъ бы, чтобъ католики-словяне (иноплеменникамъ онъ вообще не даетъ мѣста) были принимаемы въ Россіи, какъ свои, но относится нетерпимо къ лютеранству и кальвинству: эти вѣры у него, какъ у истаго католика, не болѣе, какъ проклятыя ереси.

Кромѣ этихъ сочиненій Крижанича извѣстны: написанное имъ разсужденіе о св. крещеніи и обличеніе Соловецкой челобитной.

Сочиненіе о крещеніи опять-таки изложено въ формѣ діалога между лицами, изъ которыхъ одно называется Богданомъ, другое—Милошемъ. Богданъ изображаетъ собою тогдашняго русскаго; Милошъ—самого Крижанича. Цѣль сочиненія—показать неправильность перекрещиванія римскихъ католиковъ, присоединявшихся къ восточной церкви; вопросъ—очень близкій Крижаничу; въ его сочиненіи ясно видно, что онъ терпѣлъ отъ того, что не хотѣлъ подвергаться обряду перекрещиванія.

— Если ты,—говоритъ Богданъ Милошу,—умрешь не перекрестившись, то погибнешь отъ голода, наготы и срамоты, и

будешь погребенъ какъ скотина, а если перекрестишься, будешь сытъ и одѣтъ; теперь тебя называютъ еретикомъ, а тогда будешь для всѣхъ честенъ и дорогъ. Не перекрестишься — умирать тебѣ въ ссылкѣ, а перекрестишься—возвратятъ тебя въ Москву, будешь жить покойно, денегъ наживешь...

— Лучше мнѣ,—говоритъ на это Милошъ,—умереть безъ іерейскаго прощенія, чѣмъ оскверниться вторымъ крещеніемъ и отступить отъ Христа.

Видно, что Крижаничъ огорчался и тѣмъ, что его не хотѣли признавать въ санѣ священника, „Здѣшніе архіереи,— говоритъ онъ,—разсвящаютъ римско-католическихъ священниковъ и разстригаютъ иноковъ"... Еще сильнѣе томило его щедро надѣленную дѣятельную натуру то бездѣйствіе, на которое поневолѣ обрекала его ссылка въ дикій край. „Я никому не нуженъ,—говоритъ онъ: — никто не спрашиваетъ дѣлъ рукъ моихъ, не требуютъ отъ меня ни услугъ, ни помощи, ни работы, питаютъ меня по царской милости, какъ будто какую скотину въ хлѣву".

Въ обличеніи, которое обращено къ составителямъ Соловецкой челобитной, Крижаничъ,—предвидя, что первое возраженіе, какое противъ него сдѣлаютъ, будетъ упрекъ въ томъ, что онъ латинистъ,—счелъ нужнымъ заявить, что онъ хотѣлъ присоединиться къ восточной церкви, но отъ него потребовали второго крещенія, а на это онъ не могъ согласиться. Онъ объясняетъ, что „уважаетъ русскія книги и проклинаетъ латинскія, сущія ереси, а не вымышленныя. Какія же это сущія ереси? Лютерова, Кальвинова, Гусова и т. п. Онѣ латинскія, потому что затѣяны были въ латинскомъ народѣ, т.-е. въ такомъ народѣ, который принялъ латинское богослуженіе. Но дѣло идетъ не о томъ, что́ считается ересью въ нѣкоторыхъ русскихъ церковныхъ книгахъ. Въ нихъ взводятся на латинскій народъ сущія клеветы, видятъ ересь тамъ, гдѣ нѣтъ ее вовсе, клевещутъ на латинъ, будто они вѣруютъ и дѣлаютъ такъ, какъ они не вѣруютъ и не дѣлаютъ; говорятъ, что они проклинаютъ то, чего безъ нечестія проклинать нельзя".

И здѣсь Крижаничъ вѣренъ самому себѣ въ церковномъ вопросѣ; онъ католикъ, онъ защитникъ римско-католической церкви, но это не мѣшаетъ ему принадлежать всею душою, всѣмъ сердцемъ православной вѣрѣ. Онъ пишетъ, что у него даже было желаніе водвориться въ Соловецкой обители. „Много разъ,—пишетъ онъ,—я просилъ объ этомъ, да не могъ достать человѣка, который бы доставилъ мое слезное челобитье его царскому величеству".

Расколъ былъ довольно знакомъ Крижаничу; живучи въ Тобольскѣ, онъ часто бесѣдовалъ съ сосланнымъ туда Лазаремъ, видѣлъ тамъ и Аввакума [1]). Но какъ человѣкъ образованный, усвоившій взглядъ шире русскихъ богослововъ того времени, Крижаничъ не могъ придавать важности тѣмъ мелочамъ, за которыя такъ спорили раскольники съ православными. Онъ вспоминаетъ, что когда его везли въ Тобольскъ вмѣстѣ съ поддьякомъ Ѳедоромъ въ ссылку, то Ѳедоръ умывался изъ одного ковша съ нимъ, а когда онъ зачерпнулъ воды у татарина, Ѳедоръ не хотѣлъ болѣе умываться изъ этого ковша, считая его поганымъ. Крижаничъ видитъ въ этомъ не болѣе, какъ пустосвятство. Онъ не вдается въ вопросъ о перстосложеніи, объ измѣненіяхъ въ словахъ, именахъ и т. п. „Все это,—говоритъ онъ,—съ вашей стороны фарисейская святость, излишнее и ненужное благочестіе или, лучше сказать, нечестіе"... Сугубое аллилуія нѣсколько остановило его вниманіе, но и то не въ смыслѣ благочестія, а по отношенію къ исторіи богослуженія, тѣмъ болѣе, что объ этомъ предметѣ у него были изустныя состязанія съ Лазаремъ. Онъ признаетъ житіе Евфросина, сочиненіе, на которое опирались раскольники, положительно подложнымъ, и по поводу вопроса о томъ, сколько разъ слѣдуетъ произносить аллилуія, приводитъ примѣръ западной церкви, гдѣ произносятъ аллилуія въ разное время богослуженія и три раза, и два, и одинъ разъ. Вообще Крижаничъ совѣтуетъ различать молитвословіе отъ вѣры: молитвословіе подвергается измѣненіямъ, а вѣра остается единою, неизмѣнною; такъ, въ послѣдующія времена введены были различные виды богослуженія, посты, обряды, которыхъ не было прежде, а вѣра отъ этого не измѣнилась. Напрасно раскольники твердятъ, будто новоисправленныя книги неправильны и будто греческія книги, съ которыхъ сдѣланъ былъ переводъ, искажены. Есть множество старыхъ рукописей греческихъ въ библіотекахъ въ Парижѣ, Флоренціи, Венеціи; въ нихъ можно видѣть, что греческія печатныя богослужебныя книги не заключаютъ ничего еретическаго. Крижаничъ укоряетъ своихъ противниковъ въ не-

[1]) Встрѣча эта была довольно характерная: Аввакумъ, возвращаясь изъ Дауріи въ Москву черезъ Тобольскъ, хотѣлъ видѣть Крижанича. Крижаничъ, войдя къ нему, сказалъ: „Благослови отче!" Аввакумъ закричалъ ему: „не подходи, скажи: какой ты вѣры?" Крижаничъ отвѣчалъ: „Я вѣрую во все то, во что вѣруетъ св. апостольская церковь, и священническое благословеніе принимаю въ честь. О вѣрѣ готовъ объясняться передъ архіереемъ, а передъ тобою, который самъ подвергся сомнѣнію въ вѣрѣ, мнѣ широко говорить нечего. Если не хочешь благословить, благословитъ Богъ, а ты оставайся съ Богомъ".

послѣдовательности: они уважаютъ память Максима Грека, а между тѣмъ именно Максимъ Грекъ первый заявилъ о необходимости исправленія книгъ по греческимъ подлинникамъ и самъ исправлялъ нѣкоторыя явныя ошибки. Наконецъ, не придавая большой важности всѣмъ раскольническимъ пріемамъ по ихъ отношенію къ истинному благочестію, авторъ видитъ въ поступкахъ своихъ противниковъ тотъ великій грѣхъ, что они отрываются отъ церкви, не хотятъ слушать ея приказаній и тѣмъ нарушаютъ любовь, которая должна господствовать въ Христовой церкви. По отношенію къ расколу, онъ смотритъ такъ, что собственно раскольники не виноваты въ томъ, что предпочитаютъ старыя книги и соблюдаютъ такіе обряды, которые были измѣнены церковью. Въ предисловіи къ своей грамматикѣ онъ высказалъ яснѣе этотъ взглядъ. „Мое мнѣніе таково,—говоритъ онъ,—ошибки языка не могутъ вести къ осужденію, а исправленіе книгъ никого не спасаетъ: спасеніе даетъ намъ благочестивое сердце, неутомимое въ добродѣтеляхъ. Поэтому, еслибы церковныя книги и въ десять разъ были хуже переведены по отношенію къ рѣчи (не говоря о смыслѣ), то все-таки неисправленіе ихъ никому пе препятствовало бы спасаться. Не стоитъ изъ-за малыхъ причинъ поднимать церковный раздоръ, не слѣдуетъ соблазняться грамматическими ошибками и разорять духовную любовь“. Такого взгляда на расколъ еще не было у тѣхъ, которые спорили съ непокорными: Крижаничъ думалъ такъ, какъ стали думать о расколѣ наши духовные уже въ болѣе позднее время, когда просвѣщеніе отрѣшило ихъ отъ узкаго буквализма. Въ то время, когда писалъ Крижаничъ, православные, какъ и ихъ противники, придавали одинаковую важность внѣшности [1]).

Крижаничъ представляетъ собою выходящее изъ ряда явленіе. Въ его сочиненіяхъ встрѣчаются такія сужденія, которыя опередили тогдашнія ходячія понятія. Правда, Крижаничъ не былъ чуждъ предразсудковъ, свойственныхъ своему кругу и вѣку; его увлеченія переходятъ за предѣлы благора-

[1]) Крижаничъ въ своемъ „Обличеніи“ касается отчасти и римскаго католичества. Такъ, онъ находитъ правильнымъ, что на Западѣ читаютъ три символа вѣры: апостольскій, аѳанасьевскій и никейскій, а русская церковь знаетъ одинъ никейскій. Онъ упоминаетъ, что въ западной церкви говорятъ поученія и проповѣдуется слово Божіе, а греки давно уже перестали учить народъ, въ Великой Руси и никогда не говорятъ проповѣди,—что прежде была принята литургія св. Іакова, а потомъ, вмѣсто нея, составили литургію Василій и Іоаннъ Златоустъ; на Западѣ же въ употребленіи литургія св. Петра, но теперь она измѣнилась. Замѣчая, что прежде были священники и женатые и холостые, онъ не одобряетъ преградженія холостымъ людямъ пути къ священству.

зумія и правды; но съ тѣми же предразсудками и увлеченіями переплетаются и признаки проницательности и замѣчательно яснаго взгляда на предметы: Крижаничъ признаетъ существованіе волшебствъ, но уже не вѣритъ предсказаніямъ о паденіи Турецкой имперіи, которымъ такъ вѣрилъ Галятовскій въ силу своего кіевскаго воспитанія. Крижаничъ презираетъ астрологію, но уважаетъ астрономію и, какъ видно, имѣетъ въ ней свѣдѣнія. Намъ теперь можетъ показаться чудовищнымъ исключительное право родовитыхъ и зажиточныхъ людей учиться древнимъ языкамъ и философіи и оставленіе реальныхъ наукъ на долю прочаго народа; но нельзя вмѣстѣ съ тѣмъ не замѣтить, что Крижаничъ видитъ безплодіе и односторонность схоластическаго образованія, и хочетъ, чтобъ наука прямо служила пользѣ человѣческаго общества и содѣйствовала улучшенію его быта. Крижаничъ достаточно видѣлъ въ своей жизни докторовъ и магистровъ, чванившихся своими дипломами, надутыхъ свѣдѣніями въ такъ-называемыхъ свободныхъ наукахъ, но не знавшихъ куда приложить наборъ формулъ, заученныхъ въ школѣ. Эти люди при всѣхъ своихъ знаніяхъ ни на что не оказывались способными въ общественной жизни. Крижаничу не желательно было видѣть умноженіе такихъ ученыхъ въ Россіи, гдѣ еще не было никакой науки, но гдѣ уже грамотѣи показывали стремленіе ломать головы надъ предметами, отнюдь не содѣйствующими ни расширенію духовной дѣятельности, ни увеличенію матеріальнаго благосостоянія народа. Крижаничъ хочетъ просвѣщенія, но еще болѣе хочетъ онъ народнаго благосостоянія: вѣдь только сытый, одѣтый и укрытый отъ непогоды можетъ сознать потребность ученія; стало быть и ученіе должно быть таково, чтобъ оно способствовало и главнымъ образомъ направлялось къ тому, чтобъ всѣ были сыты, одѣты и укрыты. Для блага русскаго народа Крижаничъ прежде всего и паче всего требуетъ отмѣны господствовавшаго въ Россіи правила, по которому въ государствѣ все должно быть устроено какъ можно прибыльнѣе для государевой казны, да кромѣ того для воровъ, служившихъ государю за жалкія крохи, и, по скудости явнаго вознагражденія за службу, обиравшихъ всепоглощающую казну. Отъ Крижанича не ускользаетъ нищета, грубость и безнравственность русскаго народа, но онъ видитъ причину этихъ золъ въ законодательствѣ, духѣ и способѣ управленія. Онъ прежде всего требуетъ такого преобразованія, которое бы принесло съ собою иное коренное правило государственнаго строя, правило, совершенно противоположное тому, которое до сихъ поръ господствовало,—

правило, чтобъ какъ можно прибыльнѣе было для народа во всѣхъ отношеніяхъ. Съ превосходнымъ критическимъ взглядомъ на существовавшій въ то время на Руси порядокъ, Крижаничъ соединяетъ и замѣчательно вѣрное разумѣніе смысла русской исторіи предшествовавшаго времени [1]).

Нѣтъ сомнѣнія, что вражда Крижанича къ иноземцамъ, особенно къ нѣмцамъ, переходитъ въ крайность, но и здѣсь, при всѣхъ увлеченіяхъ, нельзя не отдать чести дальновидности Крижанича. Какъ западный словянинъ, Крижаничъ хорошо знаетъ, что́ сдѣлали для его соотчичей и соплеменниковъ нѣмцы: онъ страшится, чтобы того же не было и съ Россіею. Онъ сознаетъ превосходство нѣмцевъ во многомъ, что касается улучшенія быта и расширенія знаній (впрочемъ, помимо той мишуры, которая для болѣе слабыхъ умовъ, чѣмъ умъ Крижанича, представлялась чистымъ золотомъ). Но какая польза отъ этого превосходства будетъ для словянъ, если они отдадутся неосмотрительно на волю нѣмцевъ? Ничего—кромѣ порабощенія. Въ словянской странѣ, куда наплывутъ нѣмцы, дѣйствительно явится по наружности много лучшаго, чего въ этой странѣ прежде не было; но это лучшее будетъ служить къ пользѣ тѣхъ же нѣмцевъ, а словяне станутъ у нихъ рабочею силою. Крижаничъ не видѣлъ и видѣть не могъ нигдѣ примѣра, чтобы нѣмцы заботились о просвѣщеніи и благосостояніи словянъ; напротивъ, гдѣ только они соприкасались со словянами, тамъ всегда старались сдѣлать словянъ такъ или иначе своими работниками и покорить ихъ себѣ духовно и матеріально. Обезьянническое перениманіе пріемовъ чуждой образованности мало можетъ содѣйствовать самобытному развитію духовныхъ силъ народнаго творчества, а еще менѣе благосостоянію народной массы, которой болѣе всего добивался Крижаничъ. Послѣдующая исторія это и доказала: русскій человѣкъ не сдѣлался менѣе невѣжественъ, бѣденъ и угнетенъ оттого, что Россія наводнилась иноземцами, занимавшими государственныя и служебныя должности, академическія кресла и профессорскія каѳедры, державшими въ Россіи ремесленныя

[1]) Нельзя не обратить вниманія на то, что критическій умъ Крижанича, въ половинѣ XVII вѣка, призналъ прямо за чистую басню призваніе трехъ братьевъ, Рюрика, Синеуса и Трувора, басню, которую и до сихъ поръ нѣкоторые ученые упорно выдаютъ за истину. „Когда,—говоритъ Крижаничъ,—великій богатырь Владиміръ сдѣлался славенъ побореніемъ своихъ сопротивниковъ, а еще славнѣе принятіемъ христіанской вѣры, то люди, желая его восхвалить, выдумали эту сказку, чтобы придать ревность его племени“. Складъ имени Гостомысла не укрылся отъ проницательности Крижанича: „Выдумали, что нѣкто умыслилъ призвать гостей на Руси; и вотъ сказочникъ далъ призывателю соотвѣтственное имя: Гостомыслъ“.

мастерскія, фабрики, заводы и магазины съ товарами. Курная изба крестьянина нимало не улучшилась, какъ равно и узкій горизонтъ крестьянскихъ понятій и свѣдѣній не расширился оттого, что владѣлецъ сдѣлался полу-русскимъ человѣкомъ, убиралъ свой домъ на европейскій образецъ, изъяснялся чисто по-нѣмецки и по-французски и давалъ возможность иноземцамъ наживаться въ русскихъ столицахъ насчетъ крестьянскаго труда. Русскій духъ не пріобрѣлъ способности самодѣятельнаго творчества въ области науки, литературы, искусствъ, оттого что въ Россіи были иноземцы и объиноземившіеся русскіе, писавшіе на иноземныхъ языкахъ для иноземцевъ, а не для русскихъ; напротивъ, если эта самодѣятельность когда-либо проявлялась, то единственно тогда, когда русскій духъ сколько-нибудь освобождался отъ иноземнаго давленія. Только тогда и русская мысль могла творить что-нибудь имѣвшее цѣну самобытнаго проявленія человѣческаго достоинства. Духовное и матеріальное самоподчиненіе иноземному вліянію не можетъ содѣйствовать ни развитію народнаго образованія, ни увеличенію народнаго благосостоянія. Съ другой стороны надобно также признать, что общество, долго стоящее на низкой степени образованности, не можетъ иначе двинуться впередъ по пути улучшеній, какъ только сближаясь и знакомясь съ другими обществами, которыя уже стали выше его. Такимъ образомъ, если, съ одной стороны, для благосостоянія Россіи и ея самобытнаго движенія впередъ, ей нужно было избѣгать духовнаго и матеріальнаго порабощенія отъ иноземцевъ, то съ другой стороны, для той же цѣли ей необходимо было сближаться съ иноземцами, знакомиться съ пріемами ихъ быта, потому что только это знакомство могло пробудить въ русскихъ потребность воспитанія и выбора средствъ для достиженія этой потребности. Предстояла довольно скользкая средина; — удержаться на ней составляло сущность мудрости. Крижаничъ, какъ мыслитель, не удержался на ней. Крижаничъ впалъ въ односторонность, въ крайность, — скажемъ болѣе — въ нелѣпость; но Крижаничъ былъ правъ въ тѣхъ опасеніяхъ, которыя привели его къ этой нелѣпости.

Взглядъ Крижанича на старый вопросъ о раздѣленіи церквей стоитъ — по крайней мѣрѣ съ одной стороны — выше обычнаго въ его время отношенія къ этому вопросу. До тѣхъ поръ написаны были громадныя кучи книгъ въ защиту той и другой церкви, были принимаемы попытки примирить и согласить давнія недоумѣнія: все было напрасно. Крижаничъ требуетъ того, чего бы потребовалъ просвѣщенный христіанинъ нашего

времени. Онъ не разбираетъ предметовъ спора, а подходитъ прямо къ истинной причинѣ его. Эта причина—древнее соперничество духовныхъ властей, унаслѣдованное еще отъ болѣе древняго соперничества грековъ и римлянъ, а впослѣдствіи сплетшееся съ разными политическими явленіями, давно уже исчезнувшими. Единственный путь къ тому, чтобы эта, чуждая словянамъ въ своемъ источникѣ, причина не порождала раздора—безъ всякихъ попытокъ къ формальному соединенію церквей, всегда приводившихъ только къ противному,—уважать обѣ церкви, какъ равно христіанскія, не поднимать спорныхъ вопросовъ, забыть ихъ, обративъ вниманіе на болѣе существенное, общее какъ той, такъ и другой церкви. И въ наше время едва ли можно сказать что-нибудь болѣе благоразумнаго по этому предмету. Тѣмъ не менѣе однако, Крижаничъ не могъ стать на точку вполнѣ безразличнаго отношенія къ христіанскимъ вѣроисповѣданіямъ: онъ все-таки болѣе всего католикъ, и это въ особенности замѣтно въ его взглядѣ на протестантство, къ которому онъ не можетъ относиться съ равною любовію, какъ къ православію.

Что касается до всесловянской идеи, то ни у кого она не была выражена съ такою любовію и полнотою. Крижаничъ первый искалъ будущаго центра словянской взаимности въ Россіи, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не впадаетъ въ политическія утопіи, не мечтаетъ о всесловянскомъ царствѣ подъ московскимъ скипетромъ, не подвигаетъ царя къ нелѣпой мысли о завоеваніи словянъ, напротивъ, хочетъ достигнуть этого желаннаго единства путемъ сближенія духовнаго, поставивши племенное начало руководящею нитью, требуя предпочтенія словянъ другимъ иноземцамъ, хочетъ, чтобы всѣ словяне признаваемы были за единый народъ помимо всякихъ различій, условливаемыхъ церковными и государственными связями. Само собою разумѣется, нужна была работа вѣковъ, чтобы перевести во всеобщее сознаніе и приблизить къ осуществленію эту великую идею. Она была еще въ зародышѣ; ее заглушили надолго печальныя судьбы словянскихъ народовъ, подвергнувшихся, послѣ Крижанича, еще бо́льшему порабощенію отъ иноплеменниковъ. Идея эта стала входить въ историческую жизнь только въ XIX вѣкѣ, и скоро уклонилась въ различные пути; какъ неизбѣжно бываетъ со всѣми историческими задачами. Но какъ бы ни расходились между собою идущіе по этимъ различнымъ путямъ,—обратясь назадъ, они увидятъ въ Крижаничѣ своего общаго патріарха, и найдутъ въ его думахъ источникъ для своего примиренія. То, что̀ заявилъ

Крижаничъ, остается въ главной своей мысли неизмѣнною истиною: только Россія—одна Россія можетъ быть центромъ словянской взаимности и орудіемъ самобытности и цѣлости всѣхъ словянъ отъ иноплеменниковъ, но Россія просвѣщенная, свободная отъ національныхъ предразсудковъ, Россія—сознающая законность племеннаго разнообразія въ единствѣ, твердо увѣренная въ своемъ высокомъ призваніи и безъ опасенія съ равною любовію предоставляющая право свободнаго развитія всѣмъ особенностямъ словянскаго міра, Россія предпочитающая жизненный духъ единенія народовъ мертвящей буквѣ ихъ насильственнаго, временнаго сцѣпленія.

XII.

ЦАРЬ ѲЕДОРЪ АЛЕКСѢЕВИЧЪ.

Два царствованія первыхъ государей Романова дома были періодомъ господства приказнаго люда, расширенія письмоводства, безсилія закона, пустосвятства, повсемѣстнаго обдирательства работящаго народа, всеобщаго обмана, побѣговъ, разбоевъ и бунтовъ. Самодержавная власть была на самомъ дѣлѣ малосамодержавная: все исходило отъ бояръ и дьяковъ, ставшихъ во главѣ управленія и въ приближеніи къ царю; царь часто дѣлалъ въ угоду другимъ то, чего не хотѣлъ, чѣмъ объясняется то явленіе, что при государяхъ, несомнѣнно честныхъ и добродушныхъ, народъ вовсе не благоденствовалъ.

Еще менѣе можно было ожидать дѣйствительной силы отъ особы, носившей титулъ самодержавнаго государя по смерти Алексѣя Михайловича. Старшій сынъ его Ѳедоръ, мальчикъ четырнадцати лѣтъ, былъ уже пораженъ неизлечимою болѣзнью и едва могъ ходить. Само собою разумѣется, что власть была у него въ рукахъ только по имени.

Въ царской семьѣ господствовалъ раздоръ. Шесть сестеръ новаго государя ненавидѣли мачиху Наталью Кирилловну; съ ними за-одно были и тетки, старыя дѣвы, дочери царя Михаила; около нихъ естественно собрался кружокъ бояръ; ненависть къ Натальѣ Кирилловнѣ распространялась на родственниковъ и на сторонниковъ послѣдней.

Прежде всѣхъ и болѣе всѣхъ долженъ былъ потерпѣть Артамонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ, какъ воспитатель царицы Натальи и самый сильный человѣкъ въ послѣдніе годы прошлаго царствованія. Его главными врагами,—кромѣ царе-

венъ, въ особенности Софіи, самой видной по уму и силѣ характера, и женщинъ, окружавшихъ царевенъ—были Милославскіе, родственники царя съ материнской стороны, изъ которыхъ главный былъ бояринъ Иванъ Михайловичъ Милославскій, злобившійся на Матвѣева за то, что Артамонъ Сергѣевичъ обличалъ передъ царемъ его злоупотребленія и довелъ до того, что царь удалилъ его въ Астрахань на воеводство. Съ Милославскими за-одно былъ сильный бояринъ оружничій Богданъ Матвѣевичъ Хитрово; и у этого человѣка ненависть къ Матвѣеву возникла оттого, что послѣдній указывалъ, какъ Хитрово, начальствуя Приказомъ Большаго Дворца, вмѣстѣ со своимъ племянникомъ Александромъ обогащался незаконнымъ образомъ насчетъ дворцовыхъ имѣній, похищалъ въ свою пользу находившіеся у него въ завѣдываніи дворцовые запасы и бралъ взятки съ дворцовыхъ подрядчиковъ. Царь Алексѣй Михайловичъ былъ такой человѣкъ, что, открывая ему правду насчетъ бояръ, Матвѣевъ не могъ подвергнуть виновныхъ достойному наказанію, а только подготовилъ себѣ непримиримыхъ враговъ на будущее время. У Хитрово была родственница, боярыня Анна Петровна; она славилась своимъ постничествомъ, но была женщина злая и хитрая: она дѣйствовала на слабаго и больного царя вмѣстѣ съ царевнами и вооружала его противъ Матвѣева; сверхъ того врагомъ Матвѣева былъ окольничій Василій Волынскій, поставленный въ Посольскій приказъ, человѣкъ малограмотный, но богатый, щеголявшій хлѣбосольствомъ и роскошью. Созывая къ себѣ на пиры вельможъ, онъ всѣми силами старался возстановить ихъ противъ Матвѣева. Наконецъ, могущественные бояре: князь Юрій Долгорукій, государевъ дядька Ѳедоръ Ѳедоровичъ Куракинъ, Родіонъ Стрѣшневъ, также были нерасположены къ Матвѣеву.

Гоненіе на Матвѣева началось съ того, что по жалобѣ датскаго резидента Монса Гея, будто Матвѣевъ не заплатилъ ему 500 рублей за вино,—Матвѣева 4 іюля 1676 года удалили отъ Посольскаго приказа и объявили ему, что онъ долженъ ѣхать въ Верхотурье воеводою. Но это былъ только одинъ предлогъ. Матвѣевъ, доѣхавши до Лаишева, получилъ приказаніе тамъ остаться, и здѣсь начался рядъ придирокъ къ нему. Сперва потребовали отъ него какую-то книгу, лечебникъ, писанный цифрами, котораго у него не оказалось. Въ концѣ декабря сдѣлали у него обыскъ и привезли за карауломъ въ Казань. Его обвиняли въ томъ, что, завѣдуя государевою аптекою и подавая царю лекарство, онъ не допи-

валъ послѣ царя остатковъ лекарства. Лекарь Давидъ Берловъ доносилъ на него, что онъ вмѣстѣ съ другимъ докторомъ, по имени Стефаномъ, и съ переводчикомъ Спафари, читалъ „черную книгу“ и призывалъ нечистыхъ духовъ. Его доносъ подтверждалъ подъ пыткою холопъ Матвѣева, карликъ Захарка, и показывалъ, что онъ самъ видѣлъ, какъ, по призыву Матвѣева, въ комнату приходили нечистые духи и Матвѣевъ съ досады, что карликъ видѣлъ эту тайну, прибилъ его.

11 іюня 1677 года бояринъ Иванъ Богдановичъ Милославскій, призвавши Матвѣева съ сыномъ въ съѣзжую избу, объявилъ ему, что царь приказалъ лишить его боярства, отписать всѣ помѣстья и вотчины къ дворцовымъ селамъ, отпустить на волю всѣхъ его людей и людей его сына, и сослать Артамона Сергѣевича, вмѣстѣ съ сыномъ, въ Пустозерскъ. Вслѣдъ затѣмъ отправлены были въ ссылку двое братьевъ царицы Натальи Кирилловны, Иванъ и Аѳанасій Нарышкины. Перваго обвинили въ томъ, что онъ говорилъ человѣку, по фамиліи Орлу, такія двусмысленныя рѣчи: „ты Орелъ старый, а молодой Орелъ на заводи летаетъ: убей его изъ пищали, такъ увидишь милость царицы Натальи Кирилловны“. Эти слова были объяснены такъ, будто они относились къ царю. Нарышкина присудили бить кнутомъ, жечь огнемъ, рвать клещами и казнить смертью, но царь замѣнилъ это наказаніе вѣчною ссылкою въ Ряжскъ.

Въ первые годы своего царствованія Ѳедоръ Алексѣевичъ находился въ рукахъ бояръ, враговъ Матвѣева. Наталья Кирилловна съ сыномъ жила въ удаленіи, въ селѣ Преображенскомъ, и находилась постоянно подъ страхомъ и въ загонѣ. Въ церковныхъ дѣлахъ самовольно управлялъ всѣмъ патріархъ Іоакимъ, и царь не въ силахъ былъ воспрепятствовать ему притѣснять низложеннаго Никона и отправить въ ссылку царскаго духовника Савинова. Патріархъ Іоакимъ замѣтилъ, что этотъ близкій къ особѣ царя человѣкъ настроиваетъ молодого государя противъ патріарха, созвалъ соборъ, обвинилъ Савинова въ безнравственныхъ поступкахъ, и Савиновъ былъ сосланъ въ Кожеезерскій монастырь; царь долженъ былъ покориться.

Политика Москвы въ первыхъ годахъ Ѳедорова царствованія обращалась главнымъ образомъ на малороссійскія дѣла, которыя впутали Московское Государство въ непріязненныя отношенія къ Турціи. Чигиринскіе походы, страхъ, внушаемый ожиданіемъ нападенія хана въ 1679 г., требовали напряженныхъ мѣръ, отзывавшихся тягостно на народѣ. Цѣ-

лые три года всѣ вотчины были обложены особымъ налогомъ по полтинѣ съ двора на военныя издержки; служилые люди не только сами должны были быть готовы на службу, но и ихъ родственники и свойственники, а съ каждыхъ двадцати-пяти дворовъ ихъ имѣній они должны были поставлять по одному конному человѣку. На юго-востокѣ происходили столкновенія съ кочевыми народами. Еще съ начала царствованія Алексѣя Михайловича, калмыки, подъ начальствомъ своихъ тайшей, то дѣлали набѣги на русскія области, то отдавались подъ власть русскаго государя и помогали Россіи противъ крымскихъ татаръ. Въ 1677 году вспыхнула ссора между калмыками и донскими казаками; правительство приняло сторону калмыковъ и запрещало казакамъ безпокоить ихъ; тогда главный калмыцкій тайша или ханъ, Аюка, съ другими подначальными ему тайшами подъ Астраханью далъ русскому царю шертную грамоту, по которой обѣщался отъ имени всѣхъ калмыковъ находиться навсегда въ подданствѣ московскаго государя и воевать противъ его недруговъ. Но такіе договоры не могли имѣть надолго силы; донскіе казаки не слушали правительства и нападали на калмыковъ, отговариваясь тѣмъ, что калмыки первые нападали на казачьи городки, брали въ плѣнъ людей, угоняли скотъ. Калмыки съ своей стороны представляли, что миръ нарушенъ казаками, царскими людьми, а потому и шерть, данная царю, уже потеряла силу, и отказывались служить царю. Аюка сталъ переговариваться и дружить съ крымскимъ ханомъ, а его подчиненные нападали на русскія поселенія. Предѣлы западной Сибири безпокоили башкиры, а далѣе, около Томска, дѣлали набѣги киргизы. Въ восточной Сибири возмутились якуты и тунгусы, платившіе ясакъ, выведенные изъ терпѣнія грабительствами и насиліями воеводъ и служилыхъ людей, но были укрощены.

Во внутреннихъ дѣлахъ сначала происходило мало новаго [1]), подтверждались или расширялись распоряженія предыдущаго царствованія [2]). Въ народѣ не утихало волненіе, воз-

[1]) Такъ между прочимъ издано было нѣсколько распоряженій относительно вотчинъ; запрещено было давать вотчины и помѣстья церквамъ въ 1677 году.

[2]) Еще до ссылки Матвѣева расширена была привилегія, данная при Алексѣѣ Михайловичѣ серебряныхъ дѣлъ мастеру Ножевникову на исканіе серебряной, золотой и мѣдной руды. Ножевниковъ съ товарищами нѣсколько лѣтъ уже скитался по сѣвернымъ краямъ и не нашелъ руды. Теперь ему дозволено было искать руду, дорогіе камни и всякія ископаемыя богатства на Волгѣ, Камѣ и Окѣ. Видно, что правительство очень занимала мысль отысканія металловъ. Нелишнимъ считаемъ также упомянуть о подтвержденіи указа царя Алексѣя Михайловича, чтобы не посылать въ

бужденное расколомъ, напротивъ, все болѣе и болѣе принимало широкій размѣръ и мрачный характеръ. Фанатики заводили пустыни, завлекали туда толпы народа, поучали его не ходить въ церковь, не креститься тремя перстами, толковали, что приближаются послѣднія времена, наступаетъ царство антихриста, скоро затѣмъ міръ сей постигнетъ конецъ, и теперь благочестивымъ христіанамъ ничего не остается, какъ отрекаться отъ всѣхъ прелестей міра и добровольно идти на страданіе за истинную вѣру. Такія пустыни появлялись во многихъ мѣстахъ на сѣверѣ, на Дону, но особенно въ Сибири. Воеводы посылали разгонять ихъ, но фанатики сами сожигались, не допуская къ себѣ гонителей и въ этомъ случаѣ оправдывали себя примѣромъ мучениковъ, особенно св. Манеѳы, которая сожглась, чтобъ не поклониться идоламъ [1]).

Въ 1679 году царь Ѳедоръ Алексѣевичъ, уже достигшій семнадцатилѣняго возраста, приблизилъ къ себѣ двухъ любимцевъ: Ивана Максимовича Языкова и Алексѣя Тимоѳеевича Лихачева. Это были люди ловкіе, способные и, сколько можно заключить по извѣстнымъ намъ событіямъ, добросовѣстные. Языковъ былъ назначенъ постельничьимъ. Молодой царь, воспитанный Симеономъ Полоцкимъ, былъ любознателенъ, посѣщалъ типографію и типографскую школу, любилъ читать и поддавался мысли своего учителя Симеона образовать высшее училище въ Москвѣ. Мало-по-малу становится замѣтнѣе усиленіе правительственной дѣятельности. Изданъ рядъ распоряженій, прекращавшихъ злоупотребленія и запутанность въ дѣлахъ по владѣнію вотчинами и помѣстьями. Такъ, напр., вошло въ обычай, что владѣлецъ вотчины продавалъ или передавалъ другому—родственнику или же чужому по крови, послѣ себя свое имѣніе, съ условіемъ,

Москву рыбу, меньше указанной мѣры, а мелкую недорослую рыбу велѣно бросать обратно въ рѣку, чтобы не „перевести заводу". Распоряженіе это замѣчательно тѣмъ, что показываетъ заботливость правительства о сбереженіи рыбы, важной отрасли хозяйства.

[1]) Въ Тобольскомъ уѣздѣ, напр., чернецъ Данило съ единомышленниками завелъ пустынь, куда набралось до трехсотъ душъ обоего пола. Двѣ черницы и двѣ дѣвки всенародно бѣсновались, бились о землю, кричали, что видятъ Пресвятую Богородицу, которая повелѣваетъ имъ убѣждать людей, чтобъ не крестились тремя перстами, не ходили въ церковь, не поклонялись четырехконечному кресту, который есть не что иное какъ антихристова печать. Данило всѣхъ приходящихъ и старыхъ и малыхъ постригалъ въ монашество и убѣждалъ не допускать къ себѣ ратныхъ людей, но самимъ предать себя сожженію; съ этою цѣлью они заранѣе приготовили смолы, пеньки, бересту и, услышавши, что тобольскій воевода послалъ противъ нихъ отрядъ, сожглись въ своихъ избахъ. Ихъ примѣръ увлекъ другихъ къ такому же изувѣрскому подвигу.

чтобы тотъ содержалъ его вдову и дѣтей или родственниковъ —обыкновенно лицъ женскаго пола, напр., дочерей или племянницъ; получившій вотчину обязанъ былъ выдавать замужъ такихъ дѣвицъ какъ бы родныхъ сестеръ своихъ. Но такія условія не исполнялись и по этому поводу состоялся законъ отбирать такія вотчины, если владѣлецъ не исполнитъ условія, на которомъ получилъ вотчину, — и отдавать ихъ прямымъ обойденнымъ наслѣдникамъ. Бывали еще такія злоупотребленія: мужья насиліями и побоями принуждали женъ своихъ продавать и закладывать ихъ собственныя вотчины, полученныя въ приданое при выходѣ замужъ. Постановлено было не записывать въ помѣстномъ приказѣ, какъ дѣлалось до того времени, такихъ актовъ, которые совершались мужьями отъ имени женъ безъ ихъ добровольнаго согласія. Ограждены были также вдовы и дочери, получавшія послѣ мужьевъ и отцовъ прожиточныя имѣнія, которыя у нихъ нерѣдко отнимали наслѣдники. Въ это время вообще замѣтно желаніе, чтобы вотчины не выходили изъ рода владѣльцевъ, и потому запрещалось впредь отдавать по духовнымъ вотчины мимо прямыхъ наслѣдниковъ, а также и дарить ихъ въ чужія руки. Самыя помѣстья подчинялись тому же родовому началу: было постановлено, чтобы выморочныя помѣстья давались только родственникамъ, хотя бы и дальнимъ, прежнихъ владѣльцевъ. Родственникъ имѣлъ право законно искать возвращенія себѣ помѣстьевъ, поступившихъ въ чужой родъ. Такимъ образомъ помѣстное право почти исчезло и переходило въ вотчинное. Сынъ считалъ себя въ правѣ просить правительство дать ему помѣстье или какую-нибудь награду, слѣдовавшую его отцу за службу, если отецъ не успѣлъ ее получить.

Въ ноябрѣ того же 1679 года уничтожилось нѣкогда важное званіе губныхъ старостъ и цѣловальниковъ. Повсемѣстно велѣно было сломать губныя избы и всѣ уголовныя дѣла передавались вѣдѣнію воеводъ; вмѣстѣ съ тѣмъ уничтожались разныя мелкія подати на содержаніе губныхъ избъ, тюремъ, сторожей, палачей, издержка на бумагу, чернила, дрова и пр. Тогда же были уничтожены особые сыщики, присылаемые изъ Москвы по уголовнымъ дѣламъ, сборщики, также пріѣзжавшіе изъ Москвы, горододѣльцы и приказчики разныхъ наименованій: ямскіе, пушкарскіе, засѣчные, осадные, у житницъ головы и пр. Всѣ ихъ обязанности сосредоточивались въ рукахъ воеводъ. Правительство, вѣроятно, имѣло цѣлью упростить управленіе и избавить народъ отъ содержанія многихъ должностныхъ лицъ.

Въ мартѣ 1680 года предпринято было межеванiе вотчинныхъ и помѣщичьихъ земель — важное предпрiятiе, которое вызывалось желанiемъ прекратить споры по поводу рубежей, доходившiе очень часто до дракъ между крестьянами споривших сторонъ, а иногда и до смертоубiйства. Всѣмъ помѣщикамъ и вотчинникамъ предписано объявить о числѣ имѣющихся у нихъ крестьянскихъ дворовъ. Относительно самихъ крестьянъ не было сдѣлано важныхъ измѣненiй въ законодательствѣ, но изъ дѣлъ того времени видно, что крестьяне почти уже окончательно сравнялись съ холопами по своему положенiю, хотя все-таки юридически отличались отъ послѣднихъ тѣмъ, что въ крестьяне поступали по судной, а въ холопы по кабальной записи. Тѣмъ не менѣе, владѣлецъ не только бралъ своихъ крестьянъ въ дворовые, но даже бывали случаи, когда продавалъ вотчинныхъ крестьянъ безъ земли.

Лѣтомъ 1680 года царь Θедоръ Алексѣевичъ увидѣлъ на крестномъ ходѣ дѣвицу, которая ему понравилась. Онъ поручилъ Языкову узнать кто она, и Языковъ сообщилъ ему, что она дочь Семена Θедоровича Грушецкаго, по имени Агаθья. Царь, не нарушая дѣдовскихъ обычаевъ, приказалъ созвать толпу дѣвицъ и выбралъ изъ нихъ Агаθью. Бояринъ Милославскiй пытался разстроить этотъ бракъ, чернилъ царскую невѣсту, но не достигъ цѣли и самъ потерялъ влiянiе при дворѣ. 18 iюля 1680 года царь сочетался съ нею бракомъ. Новая царица была незнатнаго рода и, какъ говорятъ, по происхожденiю полька. При дворѣ московскомъ стали входить польскiе обычаи, начали носить кунтуши, стричь волосы попольски и учиться польскому языку. Самъ царь, воспитанный Симеономъ Ситiяновичемъ, зналъ по-польски и читалъ польскiя книги. Языковъ послѣ царскаго брака получилъ санъ окольничаго, а Лихачевъ заступилъ его мѣсто въ званiи постельничаго. Кромѣ того, приблизился къ царю молодой князь Василiй Васильевичъ Голицынъ, впослѣдствiи игравшiй важнѣйшую роль въ Московскомъ Государствѣ.

Заключенный въ это время миръ съ Турцiею и Крымомъ хотя и не былъ блистателенъ, но по крайней мѣрѣ облегчалъ народъ отъ тѣхъ усилiй, которыхъ требовала продолжительная война, и потому былъ принятъ съ большою радостью. Правительство обратилось къ внутреннимъ распоряженiямъ и преобразованiямъ, которыя показываютъ уже нѣкоторое смягченiе нравовъ. Такъ, еще въ 1679 году былъ составленъ, но потомъ повторенъ въ 1680 и, вѣроятно, приведенъ въ исполненiе законъ, прекращавшiй варварскiя казни отсѣченiя рукъ и

ногъ и замѣнявшій ихъ ссылкою въ Сибирь. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ позорное наказаніе кнутомъ замѣнилось пенею, какъ, напр., за порчу межевыхъ знаковъ или за корчемство. Въ челобитныхъ, подаваемыхъ царю, запрещалось раболѣпное выраженіе: чтобы царь умилосердился „какъ Богъ"; запрещалось простымъ людямъ при встрѣчѣ съ боярами вставать съ лошадей и кланяться въ землю. Для распространенія христіанства между магометанами въ маѣ 1681 года постановлено было отобрать крестьянъ христіанской вѣры отъ татарскихъ мурзъ, но оставлять имъ по прежнему власть надъ ними, если они примутъ христіанство; да сверхъ того положено поощрять принимавшихъ крещеніе инородцевъ деньгами.

Межеваніе земель, предпринятое въ прошломъ году, не только не достигало цѣли прекращенія дракъ по поводу границъ владѣній, но еще усиливало ихъ, потому что пока оно еще не было окончено, то возбуждало новые вопросы о границахъ; до правительства доходили слухи о безчинствахъ, которыя дѣлали вотчинники и помѣщики, о нападеніяхъ ихъ другъ на друга и убійствахъ. Въ маѣ 1681 года изданъ былъ законъ объ отнятіи спорныхъ земель у тѣхъ владѣльцевъ, которые начнутъ самоуправства и будутъ посылать своихъ крестьянъ на драку, и о строгомъ наказаніи крестьянъ, если они безъ вѣдома владѣльцевъ станутъ драться между собою за границы; велѣно было также ускорить дѣло размежеванія и умножить число межевщиковъ, выбираемыхъ изъ дворянъ и называемыхъ писцами. Вмѣсто того, чтобы по старому обычаю предоставить имъ брать такъ называемые кормы съ обывателей, имъ назначено было денежное жалованье, деньга съ четверти земли, а другая деньга давалась подъячему съ тѣми, которые съ нимъ были для подмоги.

Въ іюлѣ того же года вышло два важныхъ распоряженія: были уничтожены откупа на винную продажу и на таможенные сборы. Поводомъ къ этому измѣненію было то, что порядокъ отдачи на откупъ велъ за собою безпорядки и убытки казнѣ; откупщики винной продажи перебивали другъ у друга барыши и пускали дешевле свое вино, стараясь одинъ другого подорвать. Вмѣсто откуповъ опять введены были вѣрные головы и цѣловальники, выбранные изъ торговыхъ и промышленныхъ людей. Для избѣжанія безпорядковъ запрещались вообще изъятія и особыя права на домашнее производство хмѣльныхъ напитковъ, исключая помѣщиковъ и вотчинниковъ, которымъ позволялось приготовлять ихъ, но только внутри своихъ дворовъ и никакъ не на продажу.

Среди всѣхъ этихъ заботъ правительства умерла царица Агаѳья (14 іюля, 1681 года) отъ родовъ, а за нею и новорожденный младенецъ, крещенный подъ именемъ Иліи.

Не знаемъ, какъ подѣйствовало на болѣзненнаго царя это семейное несчастіе, но дѣятельность законодательная и учредительная не пріостанавливалась. Важное дѣло межеванія встрѣчало большія затрудненія: помѣщики и вотчинники жаловались на писцовъ, которымъ было поручено межеваніе, а писцы, которые были также изъ помѣщиковъ, на землевладѣльцевъ; такимъ образомъ правительство должно было отправлять еще особыхъ сыщиковъ для разбирательства споровъ между владѣльцами земель и межевщиками, и грозило тѣмъ и другимъ потерею половины ихъ помѣстій; другая половина отдавалась женѣ и дѣтямъ виновнаго. Сдѣланы были измѣненія въ порядкѣ приказнаго дѣлопроизводства: всѣ уголовныя дѣла, которыя производились частью въ Земскомъ приказѣ, а иногда и въ другихъ, велѣно было соединить въ одномъ Разбойномъ приказѣ; Холопій приказъ былъ уничтоженъ вовсе и всѣ дѣла изъ него перенесены были въ Судный приказъ. Наконецъ затѣвалось важное дѣло составленія дополненій къ Уложенію и по всѣмъ приказамъ велѣно было написать статьи по такимъ случаямъ, которые не были приняты во вниманіе Уложеніемъ.

Въ церковномъ быту совершались важныя преобразованія. Былъ созванъ церковный соборъ, одинъ изъ важныхъ въ русской исторіи. На этомъ соборѣ (какъ на Стоглавомъ и другихъ) отъ имени царя дѣлались предложенія или вопросы, на которые слѣдовали соборные приговоры. Возникла потребность основанія новыхъ епархій, особенно въ виду того, что вездѣ умножались „церковные противники". Правительство предлагало завести у митрополитовъ подначальныхъ имъ епископовъ, но соборъ нашелъ такой порядокъ неумѣстнымъ, опасаясь, что отъ этого между архіереями будутъ происходить распри о сравнительной ихъ „высости". Соборъ предпочелъ другую мѣру: учредить въ нѣкоторыхъ городахъ особыя независимыя епархіи. Такимъ образомъ были основаны архіепископства въ Сѣвскѣ[1]), въ Холмогорахъ [2]), въ Устюгѣ [3]), въ Енисейскѣ; вятская епископія возвышена была въ архіепископію; назначены были епи-

[1]) Города Сѣвскъ, Трубчевскъ, Путивль, Рыльскъ.

[2]) Холмогоры, Архангельскъ, Мезень, Кевроль, Пустозерскъ, Пинега, Вага съ пригородами.

[3]) Устюга, Сольвычегодскъ, Тотьма съ пригородами.

скопы: въ Галичѣ, Арзамасѣ, Уфѣ, Танбовѣ (Тамбовѣ)[1]), Воронежѣ [2]), Болховѣ [3]) и въ Курскѣ. На содержаніе новыхъ архіерействъ отводились разные монастыри съ ихъ вотчинными крестьянами и со всѣми угодьями. Со стороны царя было сдѣлано указаніе на отдаленныя страны Сибири, гдѣ пространства такъ велики, что отъ епархіальнаго города надобно ѣхать цѣлый годъ и даже полтора, и эти страны легко дѣлаются убѣжищемъ противниковъ церкви; но соборъ не рѣшился тамъ учреждать епархій „малолюдства ради христіанскаго народа", а ограничился постановленіемъ посылать туда архимандритовъ и священниковъ для наученія въ вѣрѣ.

По вопросу о противодѣйствіи расколу соборъ, не имѣя въ рукахъ матеріальной силы, главнымъ образомъ предавалъ это дѣло свѣтской власти; вотчинники и помѣщики должны извѣщать архіереевъ и воеводъ о раскольничьихъ сходбищахъ и мольбищахъ, а воеводы и приказные люди будутъ посылать служилыхъ людей противъ тѣхъ раскольниковъ, которые окажутся непослушными архіереямъ. Сверхъ того соборъ просилъ государя, чтобъ не давались никакія грамоты на основаніе новыхъ пустынь, въ которыхъ обыкновенно служили по старымъ книгамъ; вмѣстѣ съ тѣмъ велѣно уничтожить въ Москвѣ палатки и анбары съ иконами, называемыя часовнями, въ которыхъ священники совершали молебны по старымъ книгамъ, а народъ стекался туда толпами, вмѣсто того, чтобы ходить въ церкви и слушать литургію; наконецъ постановлено было устроить надзоръ, чтобъ не продавались старопечатныя книги и разныя писанныя тетрадки и листочки съ выписками изъ св. писанія, которыя были направлены противъ господствующей церкви въ защиту старообрядства и сильно поддерживали расколъ.

На этомъ же церковномъ соборѣ было обращено вниманіе на давнія безчинства, противъ которыхъ напрасно вооружались прежніе соборы: запрещалось монахамъ шататься по улицамъ, въ монастыряхъ держать крѣпкіе напитки, разносить по кельямъ пищу, устраивать пиры. Замѣчено было, что черницы во множествѣ по домамъ сидѣли, по перекресткамъ, и просили милостыню; большая часть ихъ даже никогда не жила въ монастыряхъ, ихъ постригали въ домахъ и онѣ оставались въ міру, нося черное платье. Такихъ черницъ велѣно было собрать и устроить для нихъ монастыри изъ нѣкоторыхъ, быв-

[1]) Танбовъ, Козловъ, Доброе Городище съ пригородами.

[2]) Воронежъ, Елецъ, Романовъ, Орловъ, Костянскъ, Коротоякъ, Усмань и пр. Сюда былъ назначенъ епископомъ св. Митрофанъ.

[3]) Болховъ, Мценскъ, Карачевъ, Кромы, Орелъ, Новосиль.

шихъ прежде мужескими. Монахинямъ запрещалось самимъ управлять монастырскими вотчинами, а это дѣло поручалось назначеннымъ отъ правительства старикамъ, дворянамъ. Запрещалось въ домовыхъ церквахъ держать вдовыхъ священниковъ, потому что, какъ замѣчено было, они вели себя безчинно. Обращено было вниманіе на нищихъ, которыхъ тогда накопилось повсюду чрезвычайное множество; они нетолько не давали никому проходу по улицамъ, но съ криками просили подаянія въ церквахъ во время богослуженія. Ихъ велѣно было разобрать, и тѣхъ, которые окажутся больными, содержать насчетъ царской казны, „со всякимъ довольствомъ", а лѣнивыхъ и здоровыхъ принудить къ работѣ. Дозволено было посвящать священниковъ въ православные приходы, находившіеся во владѣніяхъ Польши и Швеціи, но только съ тѣмъ, если послѣдуетъ объ этомъ просьба отъ прихожанъ съ надлежащими документами и съ грамотами отъ своего правительства. Это правило было важно въ томъ отношеніи, что подавало поводъ русской церкви вмѣшиваться въ духовныя дѣла сосѣдей [1]).

Въ томъ же ноябрѣ 1681 года состоялся указъ о созваніи собора служилыхъ людей для „устроенія и управленія ратнаго дѣла". Въ самомъ указѣ было обращено вниманіе на то, что въ прошедшія войны непріятели Московскаго Государства показали „новые въ ратныхъ дѣлахъ вымыслы", посредствомъ которыхъ одерживали верхъ надъ московскими ратными людьми; надлежало разсмотрѣть эти „нововымышленныя непріятельскія хитрости" и устроить войско такъ, чтобы въ военное время оно могло вести борьбу противъ непріятеля.

Соборъ собрался въ январѣ 1682 года. Выборные люди съ перваго же раза выразили сознаніе необходимости ввести европейское раздѣленіе войска на роты, вмѣсто сотенъ, подъ начальствомъ ротмистровъ и поручиковъ, вмѣсто сотенныхъ головъ. Вслѣдъ затѣмъ выборные люди подали мысль уничтожить мѣстничество, чтобы всѣ, какъ въ приказахъ, такъ и въ полкахъ и въ городахъ, не считались мѣстами, и поэтому всѣ такъ-называемые „разрядные случаи" искоренить, дабы они не служили поводомъ къ помѣхѣ въ дѣлахъ.

[1]) На сборѣ этомъ было замѣчено, что Риза Господня, присланная при патріархѣ Филаретѣ изъ Персіи, была разрѣзана на кусочки, которые хранились въ разныхъ мѣстахъ въ ковчегахъ: велѣно было всѣ эти кусочки собрать и держать въ одномъ ковчегѣ въ Успенской церкви. Въ Благовѣщенскомъ соборѣ было много частицъ мощей въ небреженіи: велѣно было большую часть ихъ раздать по монастырямъ и церквамъ, остальныя же хранить за царскою печатью, а въ великую пятницу, какъ прежде и дѣлалось, приносить для омовенія въ Успенскій соборъ.

Мы не знаемъ навѣрно, сами ли выборные люди по своему усмотрѣнію сдѣлали это предложеніе, или мысль эта была внушена имъ отъ правительства, во всякомъ случаѣ мысль эта достаточно созрѣла въ то время, потому что во все продолженіе предшествовавшихъ войнъ, по царскому повелѣнію, всѣ были безъ мѣстъ, а въ посольскихъ дѣлахъ мѣстничество уже давно было устранено. За два года передъ тѣмъ состоялся указъ, которымъ постановлялось устранить всякое мѣстничанье въ крестныхъ ходахъ: въ этомъ указѣ было сказано, что уже и прежде въ такихъ случаяхъ между служилыми людьми не наблюдалось мѣстничество, но въ послѣднее время стали являться челобитныя съ указаніемъ разныхъ прежнихъ случаевъ; поэтому-то на будущее время сочтено было необходимымъ поставить правиломъ, чтобы такихъ челобитныхъ болѣе не было подъ страхомъ наказанія. Такимъ образомъ, обычай считаться мѣстами самъ собою уже выходилъ изъ употребленія; служилые люди привыкли обходиться безъ мѣстничества; только немногіе приверженцы старыхъ предразсудковъ хватались за разрядные случаи для удовлетворенія своего тщеславія и докучали этимъ правительству. Оставалось только юридически уничтожить мѣстничество, чтобы на будущее время оно не вошло опять въ силу. Царь представилъ этотъ вопросъ на обсужденіе патріарха съ духовенствомъ и бояръ съ думными людьми. Духовенство признало мѣстническій обычай, противный христіанству, Божьей заповѣди о любви, источникомъ зла и вреда для царственныхъ дѣлъ; бояре и думные люди прибавили, что слѣдуетъ всѣ разрядные случаи искоренить совершенно. На основаніи такого приговора царь приказалъ сжечь всѣ разрядныя книги, дабы впередъ никто не могъ считаться прежними случаями, возноситься службою своихъ предковъ и унижать другихъ. Книги были преданы огню въ сѣняхъ царской передней палаты, въ присутствіи присланныхъ отъ патріарха митрополитовъ и епископовъ и назначеннаго для этого дѣла отъ царя боярина Михаила Долгорукова и думнаго дьяка Семенова. Всѣ, у кого въ домахъ были списки съ этихъ книгъ и всякія письма, относившіяся къ мѣстническимъ случаямъ, должны были доставлять въ разрядъ, подъ страхомъ царскаго гнѣва и духовнаго запрещенія. Затѣмъ вмѣсто разрядныхъ мѣстническихъ книгъ велѣно было въ разрядѣ держать родословную книгу и составить новую для такихъ родовъ, которые не записаны были въ прежней родословной книгѣ, по которымъ члены значились въ разной царской службѣ; всѣмъ позволено было держать у себя родословныя книги, но уже онѣ не имѣли

значенія при отправленіи служебныхъ обязанностей [1]). Несмотря на уничтоженіе мѣстничества, тогдашнее правительство не думало, однако, лишать служилыхъ людей отличій по знатности ихъ положенія. Такимъ образомъ установлялись правила, какъ слѣдуетъ каждому сообразно своему чину ѣздить по городу: бояре, окольничіе и думные люди могли, напр., ѣздить въ каретахъ и саняхъ въ обыкновенные дни на двухъ лошадяхъ, въ праздники на четырехъ, а на свадьбахъ на шести; другимъ же, ниже ихъ чиномъ, (спальникамъ, стольникамъ, стряпчимъ, дворянамъ) дозволялось зимою ѣздить въ саняхъ на одной лошади, а лѣтомъ верхами. Подобно тому же являться ко двору дозволено было сообразно чину.

Предстояло еще одно важное преобразованіе: въ декабрѣ 1681 года послѣдовалъ указъ: прислать въ Москву выборныхъ людей торговаго сословія со всѣхъ городовъ (кромѣ сибирскихъ), а также изъ государевыхъ слободъ и селъ „для уравненія людей всякаго чина въ платежѣ податей и въ отправленіи выборной службы". Но этотъ соборъ, сколько намъ извѣстно, не состоялся.

Царь между тѣмъ день ото дня ослабѣвалъ, но ближніе его поддерживали въ немъ надежду на выздоровленіе и онъ вступилъ въ новый бракъ съ Марѳой Матвѣевной Апраксиной, родственницей Языкова. Первымъ послѣдствіемъ этого союза было прощеніе Матвѣева.

Сосланный бояринъ нѣсколько разъ писалъ царю изъ ссылки челобитныя, оправдывая себя отъ ложно взведенныхъ на него обвиненій, просилъ ходатайства патріарха, обращался къ разнымъ боярамъ и даже къ своимъ врагамъ; такъ, напр., онъ писалъ къ злѣйшему изъ своихъ враговъ Богдану Матвѣевичу Хитрово, убѣждалъ воспомянуть прежнюю милость его къ нему и „работишку его", Матвѣева, поручалъ просить о томъ же боярыню Анну Петровну, которая, какъ мы сказали,

[1]) Тогда же былъ, вѣроятно, составленъ проектъ, по которому бояре, окольничіе и думные люди раздѣлялись на степени, не по роду, а по занимаемымъ ими мѣстамъ. Такимъ образомъ боярамъ давались разныя названія: однимъ по городамъ, надъ которыми ихъ назначали намѣстниками (напр., намѣстникъ астраханскій занималъ между намѣстниками четвертое мѣсто по важности города, а между боярами вообще одинадцатую степень; псковскій—между намѣстниками пятое мѣсто, между боярами тринадцатую степень; смоленскій—между намѣстниками шестое мѣсто, между боярами одинадцатую степень и т. д.), другимъ чины, переведенные съ греческаго языка и заимствованные изъ византійской придворной жизни, напр., бояринъ надъ пѣхотою, бояринъ надъ конною ратью, бояринъ и дворецкій и т. д. Въ этомъ проектѣ, не приведенномъ въ исполненіе вѣроятно за смертью царя Ѳеодора, виденъ зародышъ той чиновничьей лѣстницы, которую создалъ Петръ табелью о рангахъ.

постоянно клеветала на Матвѣева: „Я—писалъ онъ изъ Пустозерска—въ такое мѣсто посланъ, что и имя его настоящее *Пусто*зерскъ: ни мяса, ни калача купить нельзя; хлѣба на двѣ денежки не добудешь; одинъ борщъ ѣдятъ, да муки ржаной по горсточкѣ прибавляютъ, и такъ дѣлаютъ только достаточные люди; не то, что купить, именемъ Божьимъ милостыни выпросить не у кого, да и нечего. А у меня, что по милости государя не было отнято, то все водами, горами и переволоками потоплено, растеряно, раскрадено, разсыпано, выточено...“ Въ 1680 году, послѣ бракосочетанія царя съ Грушецкою, Матвѣева въ видѣ облегченія перевели въ Мезень съ сыномъ, съ учителемъ сына шляхтичемъ Поборскимъ и прислугою, всего до 30 человѣкъ, давали ему 156 рублей жалованья, и, кромѣ того, отпускали хлѣбнаго зерна, ржи, овса, ячменя. Но это мало облегчило его участь. Умоляя снова государя даровать ему свободу, Матвѣевъ писалъ, что такимъ образомъ „будетъ на день намъ холопемъ твоимъ и сиротамъ нашимъ по три денежки...“ „Церковные противники—писалъ Матвѣевъ въ томъ же письмѣ — Аввакумова жена и дѣти получаютъ по грошу на человѣка, а малые по три денежки, а мы, холопи твои, не противники ни церкви, ни вашему царскому повелѣнію“. Впрочемъ, мезенскій воевода Тухачевскій любилъ Матвѣева и старался чѣмъ только могъ облегчить судьбу сосланнаго боярина. Главный недостатокъ состоялъ въ томъ, что въ Мезени трудно было доставать хлѣба. Жители питались дичью и рыбою, которыя были тамъ въ большомъ изобиліи, но отъ недостатка хлѣба свирѣпствовала тамъ цынга.

Въ январѣ 1682 года, какъ только царь объявилъ своей невѣстой Маѳу Апраксину, отправленъ былъ капитанъ стремянного полка Иванъ Лишуковъ въ Мезень съ указомъ объявить боярину Артамону Сергѣевичу Матвѣеву и сыну его, что государь, признавъ ихъ невинность, приказалъ вернуть ихъ изъ ссылки, возвратить имъ дворъ въ Москвѣ, подмосковныя и другія вотчины и пожитки, оставшіеся за раздачею и продажею; пожаловалъ имъ въ вотчину изъ дворцовыхъ селъ Верхній Ландехъ съ деревнями (въ суздальскомъ уѣздѣ), и приказалъ свободно отпустить боярина съ сыномъ въ городъ Лухъ, давши имъ подорожную и ямскія подводы, а въ Лухѣ дожидаться новаго царскаго указа. Этой милостью Матвѣевъ былъ обязанъ просьбѣ царской невѣсты, которая была его крестница. Хотя царь и объявилъ, что признаетъ Матвѣева совершенно невиннымъ и ложно оклеветаннымъ, хотя передъ

освобожденіемъ Матвѣева велѣлъ отправить въ ссылку одного изъ его клеветниковъ, врача Давида Берлова, но не рѣшился, однако, возвратить боярина въ Москву:—очевидно, препятствовали царскія сестры, ненавидѣвшія Матвѣева, и молодая царица не имѣла еще настолько силы, чтобы привести царя къ такому поступку, который бы до крайности раздражилъ царевенъ. Тѣмъ не менѣе, однако, молодая царица въ короткое время пріобрѣла столько силы, что примирила царя съ Натальей Кирилловной и царевичемъ Петромъ, съ которыми, по выраженію современника, у него были „неукротимыя несогласія". Но недолго пришлось царю жить съ молодою женою. Черезъ два мѣсяца съ небольшимъ послѣ своей свадьбы, 27 апрѣля 1682 года, онъ скончался, не достигши 21 года отъ рожденія.

освобожденiемъ. Матвѣева велѣлъ отправить въ ссылку одного изъ его клеветниковъ, врача Давида Берлова, но не рѣшился, однако, возвращать боярина въ Москву:—очевидно, препятствовали царевна сестры, ненавидѣвшiя Матвѣева, и молодая царица не имѣла еще настолько силы, чтобы привести царя къ такому поступку, который бы до крайности раздражилъ царевенъ. Тѣмъ не менѣе однако, молодая царица въ короткое время прiобрѣла столько силы, что примирила царя съ Натальей Кирилловной и царевичемъ Петромъ, съ которыми, по выраженiю современника, у него были „неукротимыя несогласiя“. Но недолго пришлось царю жить съ молодою женою. Черезъ два мѣсяца съ небольшимъ послѣ своей свадьбы, 27 апрѣля 1682 года, онъ скончался, не достигши 21 года отъ рожденiя.

XIII.

ЦАРЕВНА СОФЬЯ.

Событія, послѣдовавшія по смерти царя Өедора, рѣзко бросаются въ глаза своимъ несходствомъ съ прежними явленіями исторической жизни въ Россіи. Во главѣ правленія стала дѣвица,—событіе небывалое до того времени на Руси. Но не слѣдуетъ видѣть въ немъ признака коренного измѣненія понятій, господствовавшихъ въ Россіи; событіе это совершилось само собою вслѣдствіе того, что царская семья очутилась въ такихъ условіяхъ, въ какихъ не была прежде. Царскія дочери до тѣхъ поръ жили затворницами, никѣмъ не видимыя, кромѣ близкихъ родственниковъ, и не смѣли даже появляться публично. Это зависѣло, главнымъ образомъ, отъ того монашескаго взгляда, который господствовалъ при московскомъ дворѣ и дошелъ до высшей степени силы при Романовыхъ. Боязнь грѣха, соблазна, искушенія, суевѣрный страхъ порчи, изглаза,—все это заставляло держать царевенъ взаперти. Величіе ихъ происхожденія не допускало отдачи ихъ въ замужество за подданныхъ, а отдавать ихъ за иностранныхъ принцевъ было трудно, потому что тогдашнее благочестіе приходило въ соблазнъ при мысли о брачномъ союзѣ съ неправославными. Надобно замѣтить, что вообще уединеніе женщинъ, а въ особенности дѣвицъ, господствовавшее въ высшемъ классѣ московскихъ людей, исходило не изъ народныхъ обычаевъ и не было тѣмъ гаремнымъ положеніемъ женскаго пола, на которое онъ осужденъ на Востокѣ; оно происходило изъ опасенія грѣха и соблазна, истекало изъ того благочестія, которое считало монашество высшимъ богоугоднымъ образцомъ жизни и призна-

вало нравственнымъ долгомъ каждой христіанской души приближаться къ этому образцу [1]). Теремное удаленіе женщинъ отъ общества могло быть то строже, то слабѣе, смотря по тому, въ какой степени кругъ, въ которомъ онѣ жили, подчинялся такому монашескому взгляду. Гдѣ болѣе было желанія, чтобъ домъ походилъ на монастырь, тамъ отъ женщины, ради сохраненія ея цѣломудрія, не только тѣлеснаго, но и душевнаго, требовали строгаго затворничества; гдѣ, напротивъ того, меньше къ этому стремились, тамъ женщина была менѣе связана. Притомъ же умъ всегда очень уважался на Руси; и умной личности женскаго пола не трудно было заявить себя, если только въ томъ семейномъ кругу, въ которомъ она находилась, ослабнутъ связывавшія ее путы монашескихъ приличій. Дочери царей Михаила Өедоровича и Алексѣя Михайловича, людей крайне набожныхъ и строго соблюдавшихъ всякую мелочную обрядность благочестія, естественно были осуждены на теремное заключеніе при жизни своихъ отцовъ, и выходили только въ церковь. Постоянный строгій надзоръ тяготѣлъ надъ ними. Но со смертью Алексѣя Михайловича этотъ надзоръ прекратился. Мачихи онѣ не терпѣли и притомъ не считали себя нравственно обязанными повиноваться еще слишкомъ молодой женщинѣ. Старшій братъ Өедоръ былъ въ такомъ состояніи, что не только не могъ присматривать надъ сестрами, а самъ нуждался въ присмотрѣ и уходѣ; другой братъ, Иванъ, былъ молодъ и слабоуменъ, о Петрѣ и говорить нечего: онъ былъ еще ребенокъ. Шесть царевенъ очутились на полной свободѣ, могли вести себя, какъ угодно; по ихъ сану никто изъ подданныхъ не смѣлъ имъ перечить. Нѣкоторыя изъ нихъ воспользовались своей свободой только для того, чтобы нарядиться въ польское платье или же для того, чтобы заводить любовныя связи; третья изъ нихъ по возрасту, Софья, хотя также вела далеко не постную жизнь, но отличалась отъ другихъ замѣчательнымъ умомъ и способностями. Она болѣе своихъ сестеръ приблизилась къ Өедору, и почти не отходила отъ него, когда онъ страдалъ своими недугами; такимъ образомъ, она пріучила бояръ, являвшихся къ царю, къ своему присутствію, сама привыкла прислушиваться къ разговорамъ о государственныхъ дѣлахъ и, вѣроятно, до извѣстной степени уже участвовала въ нихъ при своемъ передовомъ умѣ. Ей было тогда за 25 лѣтъ. Иностранцамъ она казалась вовсе некрасивою и отличалась тучностью, но послѣдняя на Руси считалась красотою въ женщинѣ.

[1]) Отъ этого женщина пожилая свободно обращалась въ обществѣ, и если была умна, то пользовалась даже нѣкоторымъ значеніемъ.

Смерть царя Ѳедора съ перваго же разу возбудила важный вопросъ: кто будетъ царемъ? Положеніе было почти такое же, какъ по смерти Грознаго. Изъ двухъ царевичей старшій Иванъ былъ слабоуменъ, болѣзненъ и вдобавокъ подслѣповатъ, младшій Петръ былъ десяти лѣтъ, но выказывалъ уже необычайныя способности. Возведеніе Ивана на престолъ повлекло бы за собою на все время царствованія необходимость передать правленіе въ чужія руки и естественно прежде всего усилило бы значеніе власти Софьи, какъ самой умной изъ особъ царской фамиліи. Избраніе Петра потребовало бы также боярской опеки на непродолжительное время. Нужно было рѣшить вопросъ тотчасъ же, и вотъ, въ самый день смерти Ѳедора, какъ только ударъ колокола возвѣстилъ Москвѣ о кончинѣ царя, бояре съѣхались въ Кремль. Между ними большинство уже было на сторонѣ Петра; главными руководителями его партіи были два брата Голицыныхъ: Борисъ и Иванъ, и четверо Долгорукихъ (Яковъ, Лука, Борисъ и Григорій), Одоевскіе, Шереметевы, Куракинъ, Урусовъ и др. Бояре эти прибыли на совѣтъ даже въ панцыряхъ, опасаясь смятенія. Бывшій любимецъ царскій, Языковъ, не выказывалъ явнаго расположенія ни къ той, ни къ другой сторонѣ.

Патріархъ Іоакимъ, какъ самое почетное лицо послѣ царя, предсѣдательствовалъ въ этомъ совѣтѣ духовныхъ и свѣтскихъ сановниковъ и держалъ къ нимъ рѣчь о необходимости немедленнаго выбора между двумя братьями умершаго бездѣтнаго царя, — „скорбнымъ главою“ Іоанномъ и отрокомъ Петромъ. Онъ спрашивалъ: кого желаютъ избрать царемъ? Совѣтъ раздѣлился: большинство было за Петра, нѣкоторые поддерживали право первородства царевича Ивана. Чтобы прекратить неудомѣніе, патріархъ предложилъ совершить избраніе царя согласіемъ всѣхъ чиновъ Московскаго Государства.

Немедленно созваны были на Кремлевскую площадь служилые, всякаго званія гости, торговые, тяглые и всякихъ чиновъ выборные люди.

За нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ, въ декабрѣ 1681 года царь Ѳедоръ указалъ созвать земскій соборъ „для уравненія людей всякаго чина въ платежѣ податей и въ отправленіи выборной службы“. Выборные люди были тогда на лицо въ Москвѣ, и могли явиться, по зову патріарха, для выбора царя немедленно въ Кремль именно потому, что уже находились въ Москвѣ по другому дѣлу.

Выборные люди были спрошены съ Краснаго крыльца патріархомъ въ такомъ смыслѣ:

„Изволеніемъ и судьбами Божьими, великій государь царь Θедоръ Алексѣевичъ всея Великія, и Малыя, и Бѣлыя Россіи, оставя земное царствіе, переселился въ вѣчный покой. Остались по немъ братія его, государевы чада: великіе князья Петръ Алексѣевичъ и Іоаннъ Алексѣевичъ. Кому изъ нихъ быть преемникомъ? или обоимъ вмѣстѣ царствовать? Объявите единодушнымъ согласіемъ намѣреніе свое передъ всѣмъ ликомъ святительскимъ, и синклитомъ царскимъ, и всѣми чиновными людьми".

Неудивительно, что всѣ чины Московскаго Государства высказались въ пользу Петра. Слабоуміе Ивана было всѣмъ извѣстно. Вѣроятно, многимъ также извѣстны были и проблески необыкновенныхъ способностей младшаго царевича. Выборные закричали:

„Да будетъ единый царь и самодержецъ всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи царевичъ Петръ Алексѣевичъ!"

Но раздались и противные голоса. Главнымъ крикуномъ былъ дворянинъ Максимъ Исаевичъ Сумбуловъ. Онъ началъ доказывать, что первенство принадлежитъ Ивану Алексѣевичу [1]). Его поддерживали немногіе, особенно изъ стрѣльцовъ.

Патріархъ снова сдѣлалъ вопросъ:

„Кому на престолѣ Россійскаго царства быть государемъ?"

Раздались-было снова голоса въ пользу Ивана, но ихъ покрылъ громкій крикъ:

„Да будетъ по избранію всѣхъ чиновъ Московскаго Государства великимъ государемъ царемъ Петръ Алексѣевичъ".

Новоизбранный царь находился въ это время въ хоромахъ, гдѣ лежало тѣло Θедора. Патріархъ и святители отправились къ нему, нарекли царемъ и благословили крестомъ, а потомъ посадили на престолѣ, и всѣ бояре, дворяне, гости, торговые, тяглые и всякихъ чиновъ люди принесли ему присягу, поздравляли его съ восшествіемъ на престолъ и подходили къ царской рукѣ.

Тяжело это было царевнѣ Софьѣ, но и она, вмѣстѣ съ сестрами, должна была подходить къ Петру и поздравлять съ избраніемъ на царство сына ненавистной мачихи.

Во всѣ концы Московскаго Государства отправлены были гонцы приводить къ присягѣ народъ. Послали звать Матвѣева въ Москву.

На другой день отправлялось погребеніе Θедора. Трупъ царя несли стольники въ саняхъ, а за нимъ въ другихъ саняхъ несли

[1]) Впослѣдствіи Сумбуловъ былъ за это пожалованъ Софьей думнымъ дворяниномъ; но когда Петръ взялъ верхъ, Сумбуловъ удалился въ Чудовъ монастырь.

молодую вдову Мароу Матвѣевну. Софья только одна изъ царевенъ, въ противность обычаю, шла за гробомъ, рядомъ съ Петромъ, которому одному, какъ царю, слѣдовало присутствовать при погребенiи по тогдашнему церемонiалу. Софья такъ громко голосила, что покрывала вопль цѣлой толпы черницъ, которыя по обряду должны были причитывать надъ умершимъ. По окончанiи погребенiя Софья, возвращаясь домой, всенародно вопила и причитывала: „Братъ нашъ, царь Өедоръ, нечаянно отошелъ со свѣта отравою отъ враговъ. Умилосердитесь, добрые люди, надъ нами, сиротами. Нѣтъ у насъ ни батюшки, ни матушки, ни брата царя. Иванъ, нашъ братъ, не избранъ на царство. Если мы чѣмъ передъ вами или боярами провинились, отпустите насъ живыхъ въ чужую землю къ христiанскимъ королямъ...“

Народъ былъ сильно встревоженъ словами Софьи, и особенно озадаченъ былъ обвиненiемъ кого-то въ отравленiи царя.

Въ тотъ же день начались пререканiя у Софьи съ царицею Натальею. Петръ, не дождавшись конца длиннаго обряда погребенiя царя, простился съ мертвымъ братомъ, и ушелъ. Софья, вернувшись во дворецъ, послала отъ имени всѣхъ сестеръ монахинь упрекать царицу Наталью—зачѣмъ молодой царь ушелъ до окончанiя погребенiя. „Дитя долго не ѣло“, отвѣчала Наталья Кирилловна; братъ ея Иванъ Нарышкинъ при этомъ сказалъ: „Кто умеръ, тотъ пусть лежитъ, а царь не умеръ“.

Нарышкины тотчасъ подняли голову, особенно этотъ самый молодой Иванъ Кирилловичъ, недавно вернувшiйся изъ ссылки; онъ началъ высокомѣрно обращаться съ боярами и хотѣлъ разыгрывать роль правителя государства за малолѣтствомъ царя. Всѣ видѣли и замѣчали, что, по молодости лѣтъ, это ему вовсе не пристало.

Казалось, трудно было оспорить законность царствованiя Петра, царскаго сына, избраннаго волею Земли. Нарушенiе народной воли могло совершиться только путемъ бунта—и для этого въ Москвѣ нашелся готовый, горючiй матерiалъ.

Въ царствованiе Алексѣя Михайловича, какъ мы уже говорили, во времена безпрестаныхъ бунтовъ, стрѣльцы были вѣрными охранителями царской особы. Царь ласкалъ ихъ преимущественно передъ другими служилыми людьми. Они получали лучшее противъ другихъ жалованье, не участвуя въ тяглѣ, могли свободно заниматься торговлею и промыслами, даже богатый нарядъ ихъ показывалъ особую благосклонность къ нимъ царя: ихъ кафтаны украшались разноцвѣтными, шитыми золотомъ, перевязями, на ногахъ были у нихъ цвѣтные сафьянные сапоги, а на головахъ бархатныя шапки съ собольими опушками. Цар-

скія милости и отличія привели ихъ, однако, скоро къ тому, что они начали зазнаваться и неохотно терпѣли то, что безропотно сносили всѣ русскіе люди того времени. Ихъ начальники обращались съ ними такъ, какъ вообще въ то время обращались начальники съ подчиненными: посылали ихъ работать на себя, заставляли покупать на собственный счетъ нарядную одежду, которая должна была имъ идти отъ казны, удерживали ихъ жалованье въ свою пользу, били батогами, переводили противъ воли изъ города въ городъ и т. п. Еще зимою, при жизни Өедора, стрѣльцы подали жалобу на своихъ начальниковъ, но Иванъ Максимовичъ Языковъ, который разбиралъ эту жалобу, приказалъ перепороть кнутомъ челобитчиковъ. Въ апрѣлѣ, за нѣсколько дней передъ смертью царя, цѣлый полкъ билъ челомъ на своего полковника Семена Грибоѣдова, что онъ своихъ подчиненныхъ обираетъ, бьетъ, посылаетъ на себя работать и т. п. На этотъ разъ Языковъ, разобравъ дѣло, приказалъ Грибоѣдова посадить въ тюрьму, а вслѣдъ затѣмъ Грибоѣдовъ, по царскому указу, лишенъ полковничьяго чина, вотчинъ и сосланъ въ Тотьму. По воцареніи Петра, стрѣльцы смекнули, что теперь на „верху" будутъ въ нихъ нуждаться, и 30 апрѣля подали челобитную разомъ на всѣхъ своихъ полковниковъ, числомъ шестнадцать, кромѣ того, на одного генералъ-маіора солдатскаго бутырскаго полка; вмѣстѣ съ тѣмъ они грозили, что расправятся сами, если имъ не учинятъ правосудія. Бояре, заправлявшіе тогда дѣлами, боялись раздражить выходившую изъ терпѣнія вооруженную толпу и думали привязать къ себѣ стрѣльцовъ уступчивостью: они дали челобитчикамъ обѣщаніе отставить полковниковъ, и тотчасъ велѣли посадить этихъ полковниковъ подъ стражу въ рейтарскомъ приказѣ, но стрѣльцы требовали выдачи ихъ головою для расправы имъ самимъ и не довольствовались обѣщаніемъ наказать виновныхъ по розыску. Патріархъ хотѣлъ во что бы то ни стало предупредить самовольную расправу стрѣльцовъ надъ своими начальниками, такъ какъ она могла послужить примѣромъ и поводомъ всеобщаго неуваженія къ власти; патріархъ отправилъ по всѣмъ полкамъ духовныхъ лицъ уговаривать, чтобы стрѣльцы ничего не дѣлали своимъ полковникамъ и ожидали царской расправы. Стрѣльцы соглашались предоставить расправу правительству, но единогласно требовали чтобы съ виновныхъ взысканы были взятые ими неправильно поборы, и чтобы, кромѣ того, они были наказаны батогами.

На слѣдующій день, перваго мая, удалены были изъ дворца Языковъ съ сыномъ и Лихачевы съ ихъ друзьями. Это было сдѣлано, съ одной стороны, въ угоду стрѣльцамъ, съ другой

—оттого, что Нарышкины не любили ихъ. Вмѣсто отставленныхъ стрѣлецкихъ полковниковъ, назначены были другіе, угодные стрѣлецкому кругу, а обвиненныхъ вывели передъ рейтарскимъ приказомъ для наказанія и правежа. Стрѣльцы подавали на нихъ счеты. Имъ вѣрили на-слово безъ всякаго изслѣдованія. Сначала полковниковъ одного за другимъ, раздѣвши, „клали на землю", и въ присутствіи цѣлой толпы стрѣльцовъ двое палачей били ихъ батогами до тѣхъ поръ, пока стрѣльцы не закричатъ довольно. Тѣхъ, на которыхъ особенно были злы стрѣльцы, клали по два и по три раза; другимъ досталось меньше. Это было собственно наказаніе; затѣмъ слѣдовалъ правежъ, продолжавшійся цѣлыхъ восемь дней. Несчастныхъ полковниковъ били ежедневно два часа по ногамъ до тѣхъ поръ, пока они не заплатили того, что̀ на нихъ насчитывали; въ заключеніе ихъ выслали изъ Москвы.

Нарышкины и ихъ сторонники потачкою, данною стрѣльцамъ, сами, такъ сказать, разлакомили ихъ къ самоуправству и заохотили къ бунтамъ. Теперь стрѣльцамъ все стало ни почемъ. Они толпами ходили по улицамъ, грозили боярамъ, дерзко обращались со своими начальниками, а нѣкоторыхъ даже сбросили съ каланчи. Тутъ-то сторонники Софьи нашли удобный случай обратить разнузданное войско для перемѣны правительства. Выборные люди, избравшіе Петра на царство, 6 мая, были распущены; соборъ объ уравненіи податей и службъ былъ отсроченъ. Быть можетъ, это сдѣлалось по вознямъ тѣхъ, которые замышляли переворотъ. Трудно рѣшить, въ какой степени сама Софья заправляла этимъ дѣломъ, но она, безъ сомнѣнія, знала о замыслѣ поднять стрѣльцовъ, составленномъ ея благопріятелями. Главными зачинщиками были: бояринъ Иванъ Михайловичъ Милославскій, двое Толстыхъ и князь Иванъ Хованскій, прозванный „тараруемъ". Хованскій, призвавъ къ себѣ одного за другимъ вліятельныхъ стрѣльцовъ, говорилъ имъ: „Видите, въ какомъ вы теперь ярмѣ у бояръ; а кого царемъ выбрали? Стрѣлецкаго сына по матери; теперь уже не даютъ вамъ ни платья, ни корму, а что дальше будетъ? Станутъ отправлять васъ и сыновъ вашихъ на тяжелыя работы, отдадутъ васъ въ неволю постороннему государю. Москва пропадетъ; вѣру православную искоренятъ. Съ королемъ польскимъ вѣчный миръ постановили по Поляновскому договору! Отъ Смоленска отреклись... Теперь пусть Богъ насъ благословитъ защищать отечество наше: не то что саблями и ножами, зубами надобно кусаться..." Такія подущенія начали распространяться между стрѣльцами; какая-то малороссіянка, Ѳедора Родимица, шаталась между ними и раздавала деньги отъ

имени Софьи. Изъ новопоставленныхъ стрѣлецкихъ начальниковъ, нѣкоторые ходили тайно къ боярину Милославскому, который тогда притворился больнымъ и никуда не выходилъ изъ дому, и сдѣлались горячими сторонниками предполагаемаго переворота. Изъ этихъ стрѣлецкихъ начальниковъ болѣе всѣхъ дѣйствовалъ тогда подполковникъ Циклеръ. Возмутители волновали стрѣльцовъ разсказами о томъ, будто бы Нарышкины намѣрены произвести розыскъ надъ стрѣльцами, которые силою истребовали наказаніе своимъ начальникамъ; будто бы зачинщиковъ хотятъ казнить, другихъ разсылать по городамъ и вообще забрать стрѣльцовъ въ крѣпкія руки.

День ото дня возростало между стрѣльцами волненіе, при помощи распространяемыхъ всякаго рода слуховъ и сплетенъ. 11 мая пріѣхалъ въ Москву Артамонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ. Зная, какая роль ожидаетъ его при новомъ царѣ, всѣ спѣшили къ нему съ поздравленіемъ и сами стрѣльцы поднесли ему хлѣбъ-соль. Артамонъ Сергѣевичъ съ перваго же разу высказалъ неодобреніе послѣднихъ дѣйствій правительства. Онъ былъ недоволенъ уже и тѣмъ, что братьевъ царицы Натальи слишкомъ рано по ихъ лѣтамъ возвели въ высшее достоинство: одинъ изъ нихъ, Иванъ, былъ сдѣланъ бояриномъ и оружничимъ, достигнувши едва 23-лѣтняго возраста. Но еще болѣе порицалъ Матвѣевъ крайнюю слабость, выказанную по отношенію къ стрѣльцамъ, и говорилъ: „они таковы, что если имъ хоть немного попустить узду, то они дойдутъ до крайняго безчинства...“ Слова эти тотчасъ стали извѣстны между стрѣльцами, и Матвѣевъ сдѣлался у нихъ врагомъ. Два дня спустя, 14 мая, стала ходить между стрѣльцами такая сплетня: братъ царицы Натальи, Иванъ, надѣвалъ на себя царскій нарядъ, садился на тронъ, примѣривалъ на свою голову царскій вѣнецъ, и говорилъ, что онъ ему идетъ лучше, чѣмъ кому-нибудь другому; вдова царя Ѳедора, Марѳа Матвѣевна, царевна Софія и царевичъ Иванъ стали его за это укорять, а онъ бросился на царевича и вѣрно задушилъ бы его, еслибы царица и царевичъ не закричали и на крикъ ихъ не прибѣжали караульные и не отняли царевича изъ рукъ Нарышкина. Эта сплетня пущена была только предварительно, чтобы приготовить стрѣльцовъ къ другому слуху, который сильнѣе долженъ былъ ихъ взволновать. 15 мая, во вторникъ, въ полдень, когда бояре собрались на совѣтъ, между стрѣльцами раздался крикъ: „Иванъ Нарышкинъ задушилъ царевича Ивана Алексѣевича!“ Самый день былъ выбранъ какъ-бы преднамѣренно, чтобы напомнить объ убіеніи Димитрія царевича, совершонномъ именно 15 мая. Поднялась тревога; стрѣльцы схватились за оружіе, уда-

рили въ набатъ во многихъ церквахъ; огромная толпа со знаменами и барабаннымъ боемъ бросилась съ криками въ Кремль. Затворить отъ нихъ воротъ не успѣли. Въ Кремлѣ стояло много боярскихъ каретъ. Стрѣльцы напали на кучеровъ, побили ихъ, перерубили лошадямъ ноги, и бросились на дворецъ. Бояре метались, не зная, что́ имъ дѣлать: немногіе изъ нихъ успѣли выскочить изъ Кремля; другіе въ страхѣ прятались по угламъ во дворцѣ. Стрѣльцы вопили: „Давайте сюда губителей царскихъ, Нарышкиныхъ! они задушили царевича Ивана Алексѣевича! А не выдадите—всѣхъ предадимъ смерти!“ Тогда по совѣту Матвѣева и патріарха, царица Наталья, взявши за руки царевичей, Петра и Ивана, въ сопровожденіи патріарха и бояръ вышла на Красное крыльцо. Стрѣльцы, увѣренные, что царевича Ивана нѣтъ на свѣтѣ, были поражены его появленіемъ и спрашивали: „точно ли ты прямой царевичъ Иванъ Алексѣевичъ?“ Иванъ отвѣчалъ: что онъ „живъ, никто не думалъ его изводить, ни на кого не имѣетъ злобы и ни на кого не жалуется“. Но стрѣльцы, настроенные возмутителями, закричали: „Пусть молодой царь отдастъ корону старшему брату! Выдайте намъ всѣхъ измѣнниковъ! Выдайте Нарышкиныхъ; мы весь ихъ корень истребимъ! Царица Наталья пусть идетъ въ монастырь!“

Патріархъ сошелъ-было съ лѣстницы и сталъ уговаривать мятежниковъ, но они закричали ему: „Не требуемъ совѣта ни отъ кого; пришло намъ время разобрать: кто намъ надобенъ!“ Между стрѣльцами было много раскольниковъ, и потому понятно, что увѣщанія патріарха не подѣйствовали. Стрѣльцы мимо патріарха вломились на крыльцо. Большинство бояръ въ ужасѣ убѣжали съ крыльца во дворецъ, но не убѣжали съ ними начальникъ стрѣлецкаго приказа Михаилъ Юрьевичъ Долгорукій, Артамонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ и Михаилъ Алегуковичъ Черкасскій. Долгорукій прикрикнулъ-было на стрѣльцовъ, пригрозилъ имъ висѣлицею и коломъ. Стрѣльцы за это сбросили его съ крыльца на разставленныя копья, изрубили въ куски; потомъ стрѣльцы бросились на Матвѣева. Матвѣевъ отодвинулся отъ нихъ къ царицѣ, взялъ за руку Петра. Стрѣльцы оттащили его отъ царя. Князь Черкасскій сталъ отбивать Матвѣева у стрѣльцовъ, повалилъ его на землю, легъ на него, закрывалъ его собою. Стрѣльцы избили Черкасскаго, разорвали на немъ платье, вытащили изъ-подъ него Матвѣева и сбросили на копья. Царица въ ужасѣ убѣжала съ сыномъ и царевичемъ въ Грановитую палату.

Стрѣльцы ворвались во дворецъ; у нихъ былъ, составленный заранѣе возмутителями, списокъ обреченныхъ на смерть,

числомъ до сорока человѣкъ. Первою жертвою ихъ во дворцѣ былъ отставленный стрѣлецкій начальникъ Горюшкинъ и Юреневъ, которые вздумали-было защищать входъ во дворецъ. Но главною цѣлью поисковъ мятежниковъ были Нарышкины. Стрѣльцы бѣгали по царскимъ покоямъ, заглядывали въ чуланы, шарили подъ кроватями, переворочали постели, тыкали копьями въ престолъ и жертвенники въ придворныхъ церквахъ, вездѣ искали Нарышкиныхъ, и принявши за Аѳанасія Нарышкина молодого стольника Ѳедора Салтыкова, убили его, а узнавши свою ошибку, послали тѣло убитаго съ извиненіемъ къ его отцу. Думный дьякъ Ларіоновъ спрятался, по однимъ извѣстіямъ, въ трубу, по другимъ—въ сундукъ; его вытащили, сбросили съ крыльца на копья и разсѣкли на части: „Ты,—кричали они,—завѣдывалъ стрѣлецкимъ приказомъ и насъ вѣшалъ! Вотъ тебѣ за это!“ Тогда же ограбили его домъ и нашли у него каракатицу, которую онъ держалъ въ видѣ рѣдкости. „Это змѣя,—кричали стрѣльцы,—вотъ этою-то змѣею онъ отравилъ царя Ѳедора.“ Убили затѣмъ сына Ларіонова Василія, за то, что зналъ про змѣю у отца и не донесъ. Наконецъ, стрѣльцы добрались до Аѳанасія Нарышкина, брата царицы Натальи; они нашли его подъ престоломъ церкви Воскресенія на Сѣняхъ: его указалъ имъ карликъ царицы Хомякъ. Стрѣльцы вытащили Аѳанасія, поволокли на крыльцо и сбросили на копья. Но Ивана Нарышкина никакъ не могли найти. Онъ запрятался въ теремъ восьмилѣтней царевны Натальи, младшей сестры Петра.

Между тѣмъ другіе стрѣльцы поймали въ Кремлѣ между Чудовымъ монастыремъ и патріаршимъ дворомъ князя Григорія Ромодановскаго съ сыномъ Андреемъ. Они истязали старика, рвали ему волосы и бороду. „Помнишь,—кричали они,—какія ты намъ обиды творилъ подъ Чигириномъ, какъ голодомъ насъ морилъ, ты сдалъ Чигиринъ туркамъ измѣною“. Ромодановскаго съ сыномъ постигла та же участь, какъ и другихъ.

„Любо ли? любо ли?“ кричали убійцы, расправляясь со своими жертвами, а другіе, махая шапками, кричали въ отвѣтъ: „Любо! любо!“ Изуродованныя тѣла убитыхъ тащили стрѣльцы на площадь; передъ ними въ поруганіе, какъ будто для почета, шли другіе стрѣльцы и кричали: „Бояринъ Артамонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ ѣдетъ! Бояринъ Долгорукій! Бояринъ Ромодановскій ѣдетъ! Дайте дорогу!“

Выступивши изъ Кремля, стрѣльцы бросились въ домъ князя Юрія Долгорукова и стали извиняться, что убили его сына Михаила за угрозы имъ. Старикъ приказалъ отворить имъ

погреба свои. Стрѣльцы ковшами напились боярскаго меду и вина и ушли со двора, какъ вдругъ за ними вслѣдъ побѣжалъ холопъ князя Долгорукова и донесъ имъ, что старый князь сказалъ своей невѣсткѣ, женѣ убитаго Михаила: „не плачь, щуку съѣли да зубы остались; скоро придется имъ сидѣть на зубцахъ Бѣлаго и Земляного города“. Услышавши это, стрѣльцы вернулись въ домъ Долгорукова, схватили больного старика, изрубили, выбросили за ворота на навозную кучу, а сверхъ трупа наложили соленой рыбы и приговаривали: „ѣшь, князь, вкусно! это тебѣ за то, что наше добро ѣлъ“ [1]). День былъ тогда ясный, но къ вечеру поднялась такая буря, что москвичамъ казалось, что преставленіе свѣта наступаетъ. На ночь стрѣльцы разставили караулы въ Кремлѣ и Бѣломъ городѣ, чтобы никого не пропускать, въ надеждѣ на другой день продолжать свою расправу.

На другой день, часовъ въ десять утра, опять раздался набатъ; стрѣльцы съ барабаннымъ боемъ и криками явились ко дворцу и требовали выдачи Ивана Нарышкина. Имъ отвѣтили, что его нѣтъ. Снова стрѣльцы ворвались во дворецъ искать свою жертву, убили думнаго дьяка Аверкія Кириллова, убили бывшаго своего полковника Дохтурова, потребовали выдачи иноземнаго врача Даніэля, котораго обвиняли въ отравленіи Ѳедора, и такъ какъ нигдѣ не могли найти его, то въ досадѣ убили его помощника Гутменша и 22-лѣтняго сына Даніэлева, Михаила; хотѣли-было умертвить и Даніэлеву жену, но царица Марѳа Матвѣевна выпросила ей жизнь. Несмотря на всѣ поиски, стрѣльцы все-таки не могли отыскать Ивана Нарышкина. Царицына постельница Клушина запрятала его въ чуланъ и заложила подушками. Стрѣльцы шарили повсюду, тыкали копьями подушки, за которыми скрывался бояринъ, но не нашли его. Вмѣсто него, по ошибкѣ, былъ убитъ схожій съ нимъ юноша, родственникъ Нарышкиныхъ, Филимоновъ. Хотѣли-было тогда стрѣльцы умертвить отца царицы Натальи; царица слезами вымолила ему жизнь. Стрѣльцы согласились пощадить его только съ тѣмъ, чтобъ онъ немедленно былъ сосланъ въ Кирилло-бѣлозерскій монастырь и постригся въ монахи. Троихъ его несовершеннолѣтнихъ сыновей приговорили также отправить въ ссылку.

Не нашедши Ивана, толпа съ криками и непристойными ругательствами вышла изъ Кремля, разставивши опять караулы у воротъ. Они кричали, что не усмирятся до тѣхъ поръ, пока

[1]) Тогда же другіе стрѣльцы замучили одного изъ Нарышкиныхъ, по имени Ивана Ѳомича, въ его собственномъ домѣ на Замоскворѣчьи.

имъ не выдадутъ Ивана Нарышкина и доктора Даніэля. По всей Москвѣ происходило безчинство; были и убійства. Тогда погибъ и бывшій любимецъ Θедора Языковъ, котораго нашли въ домѣ одного священника. Ему отрубили голову на площади.

17 мая, рано утромъ, въ Нѣмецкой слободѣ поймали въ одеждѣ нищаго и въ лаптяхъ несчастнаго Даніэля. Опять ударили набатъ; стрѣльцы, напившіеся до безобразія, въ однѣхъ рубахахъ съ бердышами и копьями, шли огромною толпою ко дворцу и вели впереди свою жертву; къ нимъ вышла царица Марθа Матвѣевна и царевны. Онѣ увѣряли разъярившихся стрѣльцовъ, что Даніэль невиновенъ, что онѣ сами отвѣдывали лекарство, которое подавали царю. Все было напрасно. Даніэля повели въ застѣнокъ, пытали, а потомъ разсѣкли на части.

Но стрѣльцы этимъ не удовольствовались, настойчиво требовали выдачи Ивана Нарышкина, и говорили, что не уйдутъ изъ дворца, пока имъ не выдадутъ его.

Тутъ царевна Софія начала говорить царицѣ Натальѣ: „Никоимъ образомъ нельзя тебѣ избыть, чтобъ не выдать Ивана Кирилловича Нарышкина. Развѣ намъ всѣмъ пропадать изъ-за него?“

Царица отправилась съ царевной въ церковь „Спаса за Золотою Рѣшеткою“ и приказала привести туда Ивана.

Иванъ Нарышкинъ вышелъ изъ своего закоулка, причастился св. Таинъ и соборовался. Софія изъявляла сожалѣніе объ его судьбѣ и сама дала царицѣ Натальѣ образъ Богородицы, чтобъ та передала своему брату. „Быть можетъ, — говорила Софія, — стрѣльцы устрашатся этой св. иконы и отпустятъ Ивана Кирилловича“. Бывшій при этомъ бояринъ Яковъ Одоевскій сказалъ царицѣ Натальѣ: „Сколько тебѣ, государыня, ни жалѣть брата, а отдать его нужно будетъ; и тебѣ, Иванъ, идти надобно поскорѣе. Не всѣмъ изъ за тебя погибнуть“.

Царица и царевны съ Нарышкинымъ вышли изъ церкви и подошли къ золотой рѣшеткѣ, за которою уже ждали стрѣльцы. Отворили рѣшетку; стрѣльцы, не уважая ни иконы, которую несъ Нарышкинъ, ни присутствія царственныхъ женщинъ, бросились на Ивана съ непристойною бранью, схватили за волосы, стащили внизъ по лѣстницѣ и проволокли черезъ весь Кремль въ застѣнокъ, называемый Константиновскимъ. Тамъ подвергли его жестокой пыткѣ, оттуда повели на Красную площадь, подняли на копьяхъ вверхъ, потомъ изрубили на мелкіе куски и втаптывали ихъ въ грязь.

Стрѣлецкое возмущеніе тотчасъ повлекло за собою и другія смуты: взбунтовались боярскіе холопы. Стрѣльцы имъ пота-

кали, и вмѣстѣ съ ними напали толпою на Холопій приказъ, разломали сундуки, отбили замки, разорвали кабальныя книги и разныя государевы грамоты. Стрѣльцы, присвоивая себѣ право распоряжаться законодательствомъ, кричали: „Даемъ полную волю на всѣ четыре стороны всѣмъ слугамъ боярскимъ. Всѣ крѣпости на нихъ разодраны и разбросаны.“ Но большая часть освобожденныхъ холоповъ возвращалась къ своимъ прежнимъ господамъ, а иные воспользовались своей свободой, чтобъ вновь закабалить себя другимъ.

Царевна Софія, какъ-бы изъ желанія прекратить безчинства, призвала къ себѣ выборныхъ стрѣльцовъ и объявила, что назначаетъ на каждаго стрѣльца по десяти рублей. Эта сумма, независимо отъ обыкновеннаго жалованья, идущаго стрѣльцамъ, будетъ собрана съ крестьянъ имѣній церковныхъ и приказныхъ людей. Сверхъ того, стрѣльцамъ предоставлено было продавать имущество убитыхъ и сосланныхъ ими лицъ [1]). Наконецъ, по просьбѣ стрѣльцовъ, положено было выплатить имъ, пушкарямъ и солдатамъ за нѣсколько лѣтъ назадъ заслуженное жалованье, что́ составляло 240,000 рублей. Софія наименовала стрѣльцовъ „надворною пѣхотою“ и уговаривала болѣе никого не убивать и оставаться спокойными. Она назначила надъ ними главнымъ начальникомъ князя Хованскаго. Стрѣльцы очень любили его и постоянно величали своимъ „батюшкою“. Кириллъ Нарышкинъ былъ постриженъ и отправленъ въ Кирилло-бѣлозерскій монастырь.

Стрѣльцы составляли всю силу въ Москвѣ; стрѣльцы были преданы Софьѣ, предавали ей въ руки верховное правленіе, но ни Софья, ни стрѣльцы не докончили своего дѣла: на престолѣ всетаки оставался Петръ, а за нимъ была Русская земля, избравшая его царемъ. Надобно было придать дѣлу благовидность.

И вотъ, по наущенію Хованскаго, дѣйствовавшаго ревностно въ пользу Софьи, выборные стрѣльцы принесли царевнѣ челобитную, писанную уже не только отъ имени стрѣльцовъ, но и „многихъ чиновъ Московскаго Государства“, въ которой заявлялось желаніе, чтобы на престолѣ царствовали оба брата, а въ заключеніи челобитной было сказано, что если кто тому воспротивится, то стрѣльцы опять придутъ съ оружіемъ и будетъ „немалый мятежъ“. Софія передала эту просьбу боярской думѣ. Дум-

[1]) Сосланные тогда были, кромѣ Нарышкиныхъ, двое Лихачевыхъ: постельничій Алексѣй и казначей Михайло Тимоѳеевичи; двое Языковыхъ: окольничій Павелъ Петровичъ и чашникъ Семенъ Ивановичъ; сынъ Матвѣева Андрей; двое думныхъ дьяковъ, одинъ думный дворянинъ, трое стольниковъ и прежніе смѣненные стрѣлецкіе начальники.

ные люди собрались въ Грановитой Палатѣ, пригласили патріарха и властей. Нѣкоторые, посмѣлѣе, заикнулись-было, что двумъ царямъ быть не приходится, но другіе сообразили, что если станутъ противиться, то ихъ постигнетъ судьба Матвѣева и другихъ думныхъ людей, противныхъ стрѣльцамъ, и разочли, что лучше имъ теперь же заслужить благосклонность Софьи и стрѣльцовъ. Они стали доказывать, что двуцарствіе будетъ не только не вредно, но даже полезно для правленія государствомъ, и приводили примѣры изъ византійской исторіи, когда разомъ царствовали двое государей. Для бóльшаго освященія этого нововведенія нужно было утвердить его земскимъ соборомъ, подобно тому какъ и Петръ получилъ царство черезъ земскій соборъ, но выборные люди, бывшіе въ Москвѣ, уже разъѣхались. Собирать ихъ вновь для новаго выбора было опасно: могло выйти, что они стали бы упорно на свой прежній выборъ, и служилые люди, дворяне и дѣти боярскіе, по приговору собора, принялись бы укрощать возникшее въ Москвѣ стрѣлецкое своеволіе и посягательство произвести самовольно переворотъ въ государствѣ. Прибѣгнули къ обману: созвали разнаго званія людей, находившихся въ Москвѣ, готовыхъ говорить то, чтó прикажутъ имъ стрѣльцы, и дали этому сборищу видъ земскаго собора. Это сборище 26 мая единогласно приговорило быть на престолѣ двумъ царямъ, и старшинство предоставить Ивану Алексѣевичу. Черезъ три дня, 29 мая стрѣльцы подали боярамъ новую челобитную, чтобы, по молодости обоихъ государей, правленіе было вручено царевнѣ Софіи Алексѣевнѣ. Вслѣдъ затѣмъ въ разосланной во всѣ концы государства грамотѣ извѣщалась вся Россія, что, по челобитью всѣхъ чиновъ Московскаго Государства, царевичъ Иванъ Алексѣевичъ, прежде добровольно уступившій царство брату своему Петру, согласился, послѣ долгаго отказа съ своей стороны, вступить на царство вмѣстѣ съ братомъ, а по малолѣтству государей царевна Софія Алексѣевна, „по многомъ отрицаніи, согласно прошенію братіи своей, великихъ государей, склоняясь къ благословенію святѣйшаго патріарха и всего священнаго собора, призирая милостивно на челобитіе бояръ, думныхъ людей и всего всенароднаго множества людей всякихъ чиновъ Московскаго Государства, изволила воспріять правленіе...“ Затѣмъ объявлялось, что государыня царевна будетъ сидѣть съ боярами въ Палатѣ, думные люди будутъ докладывать ей о всякихъ государственныхъ дѣлахъ, и ея имя будетъ писаться во всѣхъ указахъ съ именами царей. Такъ совершалось похи-

щеніе верховной власти при помощи войска, напоминавшаго римскихъ преторіанцевъ и турецкихъ янычаръ.

Но образовавшееся вновь правительство находилось въ необходимости потакать стрѣльцамъ, которые его создали и поддерживали. 6 іюня стрѣльцы опять подали челобитную, написанную стрѣльцомъ Алексѣемъ Юдинымъ, самымъ близкимъ человѣкомъ къ Хованскому. Челобитная эта подавалась отъ имени не однихъ стрѣльцовъ, но также пушкарей, солдатъ, гостей, посадскихъ людей, ямщиковъ и жителей московскихъ слободъ. Стрѣльцы представляли совершенное ими убійство вѣрною службою государямъ и просили, чтобы за такую службу на Красной площади былъ поставленъ столпъ съ написанными на немъ именами „побитыхъ злодѣевъ“ и съ описаніемъ преступленій, за которыя они были убиты, чтобы стрѣльцамъ и людямъ другихъ сословій, участвовавшимъ въ убійствахъ, даны были похвальныя жалованныя грамоты за красными печатями, чтобы ни бояре и никто другой не смѣлъ обзывать ихъ бунтовщиками и измѣнниками подъ страхомъ безпощаднаго наказанія. Желая имѣть на своей сторонѣ торговыхъ людей, стрѣльцы хотѣли угодить имъ и въ той же челобитной домогались, чтобы во всѣхъ приказахъ и во всѣхъ городахъ, гдѣ только есть пріемъ и расходъ царской казны, сидѣли выборные люди изъ торговаго сословія. Зато челобитчики отказались отъ всякаго общенія съ боярскими людьми (холопами), которые стали „пріобщаться къ нимъ въ совѣтъ“, чтобы сдѣлаться свободными. Правительство безпрекословно согласилось на все и издало печатную грамоту въ смыслѣ поданной челобитной. Стрѣлецкимъ полковникамъ Циклеру и Озерову было поручено поставить столпъ на площади, какого хотѣли стрѣльцы.

Стрѣлецкій бунтъ возбудилъ надежду, что теперь можно добиться и другихъ перемѣнъ. Поднялись раскольники, пораженные проклятіемъ собора и преслѣдуемые мірскою властію. До сихъ поръ самые рьяные изъ нихъ бѣгали въ лѣса, пустыни; другіе, которыхъ было гораздо больше, въ страхѣ притаились и съ виду казались покорными. Въ стрѣлецкомъ званіи было такихъ на половину; Москва и подгородныя слободы были наполнены раскольниками или склонными перейти въ расколъ. Какъ только почуяли они нетвердость тяжелой руки, давившей ихъ, тотчасъ подняли голову. Стали въ Москвѣ открыто расхаживать проповѣдники и поучали народъ не ходить въ оскверненную церковь, не креститься тремя перстами, не почитать четвероконечнаго креста. „Неучи-мужики и бабы,—говоритъ современникъ,—незнающіе складовъ, толпами собирались тогда на Красной пло-

щади и совѣщались какъ утвердить имъ старую вѣру, а чуть только кто противникъ скажетъ слово, на того сейчасъ нападутъ, и всенародно прибьютъ, воображая, что этимъ они правую вѣру обороняютъ". Самъ Хованскій, и прежде втайнѣ державшійся старообрядства, теперь заявилъ себя явно сторонникомъ старой вѣры.

Стрѣльцы одного изъ полковъ, собравшись на сходку, положили составить челобитную государямъ противъ патріарха и просить возстановленія старой вѣры, но между ними не нашлось мудреца, который бы могъ хорошо сложить подобную челобитную. Такого мудреца нашли имъ жители Гончарной слободы, въ лицѣ монаха по имени Сергія. Когда этотъ монахъ вмѣстѣ съ четырьми слобожанами сложилъ челобитную и далъ ее прочитать передъ стрѣльцами своему товарищу, Саввѣ Романову, стрѣльцы изумились и пришли въ умиленіе. „Мы еще не слыхали, — говорили они, —такого слога, такого описанія ересей. Надобно, братья, постоять намъ, за старую вѣру и кровь свою пролить за Христа. Мы за тлѣнное дѣло чуть головъ своихъ не положили, а какъ не умереть за вѣру?"

Доложили Хованскому. Привели къ нему Сергія. Сергій прочиталъ ему свою челобитную. Выслушавши ее, Хованскій похвалилъ сочинителей, но сказалъ: „Ты, отче, какъ я вижу, инокъ смиренъ, тихъ, немногословенъ, не будетъ тебя на такое великое дѣло; противъ нихъ надобно ученому человѣку отвѣтъ держать".

„Хоть я и немногословенъ, отвѣтилъ Сергій, да вѣрую словесамъ Сына Божія: не пецытеся, како и что возглаголите".

Но тутъ другіе раскольники сказали, что когда придется до спора, то за это дѣло возьмется Никита Пустосвятъ, который хотя по неволѣ и покорился собору, но теперь крѣпко стоитъ за правую вѣру.

„Зналъ я его, — сказалъ Хованскій, —противъ того имъ нечего говорить! Тотъ всѣмъ уста загородитъ! Никто не устоитъ противъ Никиты. Я вамъ во всемъ буду помогать, хоть самъ и не искусенъ на это дѣло, а того и въ умѣ своемъ не держите, чтобъ васъ по старому стали казнить, вѣшать и жечь въ срубахъ!"

Раскольники настаивали, чтобъ соборъ былъ всенародно на Лобномъ мѣстѣ или въ Кремлѣ, въ присутствіи царей и патріарха, въ пятницу, 23 іюня, до вѣнчанія царей, которое было назначено въ воскресенье. „Намъ, —говорили они, —хочется, чтобы цари государи вѣнчались въ истинной православной вѣрѣ христіанской, а не въ латино-римской". Хованскій хотѣлъ-было уговорить ихъ отложить этотъ соборъ, увѣряя, что

цари будутъ вѣнчаться по старому, но раскольники настояли на своемъ, чтобъ соборъ былъ въ пятницу.

Въ назначенный день утромъ раскольники двинулись въ Кремль стройнымъ ходомъ. Никита несъ крестъ, Сергій Евангеліе, другой монахъ Савватій икону Страшнаго Суда. Къ нимъ приставали мужчины и женщины изъ народа, сами не понимая, чтó вокругъ нихъ дѣлается. Хованскій, показывая видъ, что не знаетъ, зачѣмъ пришли эти люди, вышелъ къ нимъ въ сопровожденіи приказныхъ, и спрашивалъ:

„Коея ради вины пріидосте, отцы честные?“

Никита отвѣчалъ: „Пріидохомъ великимъ государемъ челомъ побить о старой, православной христіанской вѣрѣ, чтобъ велѣли патріарху служить по старымъ книгамъ и служили бы на семи просфорахъ, а не на пяти, а крестъ на просфорахъ былъ бы истинный, тресоставный крестъ, а не крыжъ двоечастный. Если патріархъ не изволитъ служить по старымъ книгамъ, такъ пусть велятъ ему государи дать намъ правильное свое разсмотрѣніе: зачѣмъ онъ по старымъ книгамъ не служитъ, и намъ возбраняетъ служить? Зачѣмъ предаетъ проклятію и засылаетъ въ дальное заточеніе тѣхъ, что по старымъ книгамъ читаютъ и поютъ? Пусть дастъ намъ отвѣтъ на письмѣ: какія ереси нашелъ онъ въ старыхъ книгахъ? Пусть отвѣтитъ намъ: благочестивы или неблагочестивы были прежніе цари, великіе князья и святѣйшіе патріархи, которые по старымъ книгамъ служили и пѣли? А мы, Богу помогающу, въ конецъ обличимъ всякія затѣйки и ереси въ новыхъ книгахъ“.

Хованскій взялъ отъ нихъ челобитную, пошелъ во дворецъ и, воротившись, сказалъ:

„Противъ этой челобитной будетъ дѣла недѣли на три; надобно книги свидѣтельствовать. Патріархъ упросилъ государей до среды: въ среду приходите послѣ обѣдни“.

„А какже государей будутъ вѣнчать?“ спросилъ Никита.

„По старому, какъ я вамъ говорилъ“, отвѣтилъ Хованскій.

„Пусть патріархъ служитъ литургію на семи просфорахъ,—сказалъ Никита,—и крестъ на просфорахъ пусть будетъ истинный, а не крыжъ“.

„Вели же напечь просфоръ и принеси сюда; я патріарху поднесу и велю служить по старому“, отвѣчалъ Хованскій.

Раскольники разошлись.

Въ воскресенье толпы народа наполнили весь Кремль, ожидая выхода государей къ вѣнчанію. Никита съ просфорами, испеченными нѣкоею искусною вдовицею, отправился къ собору,

но не могъ пробраться за толпою народа и въ досадѣ вернулся назадъ. Совершилось вѣнчаніе по обычному чину.

Раскольники хлопотали, чтобы всѣ стрѣльцы подписались подъ челобитной, и чтобы такимъ образомъ противники ихъ увидали на сторонѣ раскола опасную для себя силу. Тутъ оказалось, что расколъ между стрѣльцами не такъ былъ крѣпокъ, какъ думали фанатики. Не всѣ стрѣльцы и пушкари приложили руки къ челобитной. Многіе говорили: „это дѣло не наше, а патріаршее. Если намъ руки прикладывать, такъ и отвѣтъ надобно давать противъ патріарха и властей. Мы не умѣемъ отвѣчать. Да съумѣютъ ли старцы дать отвѣтъ противъ такого собора? Они только намутятъ и уйдутъ". Но не прикладывая рукъ къ челобитной, стрѣльцы все-таки положили на томъ, чтобъ не давать никого жечь и вѣшать за вѣру.

3 іюля явились къ Хованскому выборные стрѣльцы по его приказанію.

„Всѣ ли готовы стоять за старую вѣру?" спросилъ ихъ Хованскій.

„Не только стоять, но и умереть готовы", отвѣчали ему.

Хованскій ввелъ ихъ въ Крестовую палату къ патріарху. Патріархъ ласково уговаривалъ ихъ не мѣшаться въ духовныя дѣла, которыя не касаются ихъ, какъ людей военныхъ; но книжники, пришедшіе вмѣстѣ со стрѣльцами, надѣясь на Хованскаго, вступили съ патріархомъ въ споръ о старыхъ и новыхъ книгахъ, и требовали, чтобы патріархъ съ властями вышелъ на Лобное мѣсто для всенароднаго пренія о вѣрѣ.

Настала среда, 5 іюля. Раскольники двинулись въ Кремль. Никита несъ крестъ; другіе несли Евангеліе, икону Страшнаго Суда, образъ Богородицы, множество старыхъ книгъ, аналои, подсвѣчники со свѣчами. За ними валила огромная толпа народу. У Архангельскаго собора поставили аналои, разложили образа и книги, зажгли свѣчи. Патріархъ прежде всего выслалъ къ нимъ священника съ печатными тетрадями, въ которыхъ обличался Никита, какъ онъ на соборѣ принесъ повинную и отрекся отъ старой вѣры. Стрѣльцы набросились на этого священника, и вѣроятно убили бы его, если бы не спасъ его монахъ Сергій, сочинитель челобитной. Священника поставили на скамьѣ и велѣли начать чтеніе. Его прерывали постоянно криками и бранью; наконецъ Сергій сказалъ ему:

„Всуе трудишися, никто тебя не слушаетъ!"

Вмѣсто священника, сталъ читать самъ Сергій свое обличеніе противъ церковнаго „премѣненія". Говорилъ къ на-

роду и Никита, стоя на подмосткахъ, называлъ православныя церкви хлѣвами и амбарами и приправлялъ свою рѣчь разными непотребными словами.

Между тѣмъ отъ патріарха пришли звать раскольниковъ въ Грановитую палату: „Тамъ будутъ царица и царевны, а передъ всѣмъ народомъ имъ быть зазорно“.

Тутъ народъ завопилъ: „А! патріархъ стыдится передъ всѣмъ народомъ дать свидѣтельство отъ божественныхъ писаній. Здѣсь подобаетъ быть собору, да и какъ помѣститься въ палатѣ такому множеству!“

Во дворцѣ произошло смятеніе. Патріархъ не хотѣлъ выходить на площадь, а звалъ раскольниковъ въ Грановитую палату. Царевна Софія собиралась идти въ Грановитую палату. Хованскій сталъ уговаривать ее не ходить, говорилъ, что стрѣльцы поднимутъ бунтъ и патріарху будетъ худо, а если она туда пойдетъ съ боярами, то всѣхъ побьютъ. Софія поняла, въ чемъ дѣло, видѣла, что Хованскій хочетъ дѣйствительно поднять бунтъ противъ патріарха, и потому намѣревается устроить такъ, чтобы присутствіе царевны не стѣсняло буйства раскольниковъ; съ другой стороны, она была увѣрена въ преданности къ себѣ стрѣльцовъ. „Да будетъ воля Божія,—сказала Софія,—я не оставлю церкви Божіей и ея пастыря!“

Вмѣстѣ съ Софіею рѣшились идти въ Грановитую палату царица Наталья Кирилловна и царевны: Татьяна Михайловна и Марья Алексѣевна.

Хованскій обратился къ боярамъ и говорилъ: „Пожалуйте, попросите царевну, чтобъ она не ходила въ Грановитую палату съ патріархомъ. А если васъ не послушаетъ, то пусть будетъ вамъ извѣстно, что насъ всѣхъ побьютъ, какъ недавно нашу братью побили и разграбятъ домы наши“.

Приступили бояре къ Софіи, умоляли освободить и себя и всѣхъ ихъ отъ напрасной смуты. Софія отвѣчала: „Я готова за св. церковь положить свою голову“.

Затѣмъ, обратившись къ Хованскому, она сказала: „Посылай святѣйшаго патріарха, чтобы онъ со всѣми властями и книгами шелъ къ намъ въ Грановитую палату“.

Хованскій исполнилъ приказаніе. Было уже около четырехъ часовъ пополудни. Патріархъ, напуганный Хованскимъ, въ ужасѣ, со слезами, не чая себѣ живота, отправилъ впередъ себя множество книгъ и рукописей греческихъ и словянскихъ. Съ ними пошли: холмогорскій архіепископъ Аѳанасій, воронежскій Митрофанъ, тамбовскій Леонтій и нѣсколько другихъ духовныхъ. Обиліе древнихъ книгъ должно было показывать

противникамъ, что у православныхъ есть сильныя средства защиты. За ними слѣдовалъ и патріархъ съ восемью митрополитами и четырьмя архіепископами. Звонили въ колокола.

Всѣ усѣлись по чину въ Грановитой палатѣ; на царскомъ тронѣ сѣла Софія съ теткою Татьяною, а близъ нихъ царица Наталья и царевна Марья [1]). Были съ ними бояре и думные люди. Хованскій пригласилъ Никиту и Сергія въ Грановитую палату и поклялся, что имъ ничего дурного не будетъ.

Тогда Никита и товарищи его взяли крестъ, Евангеліе, свѣчи, аналои, положили книги на головы и двинулись на Красное крыльцо. Тутъ произошла драка. По извѣстіямъ раскольниковъ, причиною ея было то, что какой-то православный попъ зацѣпилъ Никиту за волосы, а стрѣльцы начали тузить поповъ. Пришелъ Хованскій, прекратилъ безпорядокъ и провелъ раскольниковъ въ Грановитую палату.

Они разставили аналои, разложили на нихъ священныя вещи и книги и поставили передъ образами зажженныя свѣчи въ подсвѣчникахъ, принесенныхъ съ собою.

„По какой причинѣ пришли въ царскія палаты и чего требуете отъ насъ?“ спросилъ патріархъ.

„Пришли царямъ государямъ побить челомъ, чтобы дали свое царское разсмотрѣніе съ вами, новыми законодавцами, чтобъ служба Божія была по старымъ служебникамъ“.

Патріархъ сказалъ: „Это не ваше дѣло. Простолюдинамъ не подобаетъ исправлять церковныхъ дѣлъ и судить архіереевъ. Архіереевъ только архіереи и судятъ, а вамъ должно повиноваться матери своей церкви; у насъ книги исправлены съ греческихъ и съ нашихъ харатейныхъ книгъ по грамматикѣ. Вы же грамматическаго разума не коснулись, и не знаете, какую силу онъ въ себѣ содержитъ“.

„Мы не о грамматикѣ пришли съ тобою говорить,—отвѣчалъ Никита,— а о церковныхъ догматахъ. Вотъ я тебя спрошу, а ты отвѣчай: зачѣмъ на литургіи вы берете крестъ въ лѣвую руку, а тройную свѣчу въ правую? Развѣ огонь честнѣе креста?“ Тутъ началъ-было ему объяснять холмогорскій архіепископъ Аѳанасій, какъ вдругъ Никита замахнулся на него рукою и закричалъ: „что ты, нога, выше головы ставишься! Я не съ тобою говорю, а со святѣйшимъ патріархомъ“.

Софія вскочила съ своего мѣста и закричала: „Что это такое! Онъ при насъ архіерея бьетъ! Безъ насъ навѣрное убилъ бы его!“

[1]) Сынъ Артамона Матвѣева Андрей говоритъ, что при этомъ были и цари.

„Нѣтъ, государыня,—сказали изъ толпы,—онъ не билъ, а только рукою отвелъ“.

„Помнишь ли, Никита,—сказала Софія,—какъ блаженной памяти отцу нашему и святѣйшему патріарху и всему освященному собору ты принесъ повинную и поклялся великою клятвою: аще впередъ стану бить челомъ о вѣрѣ, да будетъ на мнѣ клятва св. отецъ и семи вселенскихъ соборовъ. Такъ говорилъ ты въ то время, а нынѣ опять за то же дѣло принялся!“

„Что далъ повинную, я въ томъ не запираюсь,—возражалъ Никита.—Далъ за мечомъ и срубомъ! Я подавалъ челобитную, а мнѣ никто не отвѣчалъ изъ архіереевъ, только Семенъ Полоцкій книгу на меня сложилъ „Жезлъ“. Позволишь, государыня, я буду отвѣчать противъ „Жезла“; а останусь виноватъ, дѣлайте со мной, что̂ хотите!“

„Нѣтъ тебѣ дѣла говорить съ нами; и на очахъ нашихъ тебѣ не подобаетъ быть!“ сказала Софія.

Затѣмъ Софія опять сѣла на свое мѣсто, и приказала думному дьяку читать раскольничью челобитную.

Какъ дочитали до того мѣста, гдѣ сказано было, что чернецъ Арсеній, еретикъ и жидовскій обрѣзанецъ, вмѣстѣ съ Никономъ поколебали душу царя Алексѣя Михайловича, Софія опять вскочила со своего мѣста и, взволнованная, сказала:

„Если Никонъ и Арсеній были еретики, такъ и отецъ и братъ нашъ были еретики! Значитъ, цари не цари, архіереи не архіереи; мы такой хулы не хотимъ слышать. Мы пойдемъ прочь изъ царства!“

„Какъ можно изъ царства вонъ идти! Мы за государей головы свои положимъ“, говорили думные. Но между раскольниками раздались такіе голоса: „И пора вамъ, государыня, давно въ монастырь. Полно-да царствомъ мутить! Намъ бы здоровы были отцы наши государи, а безъ васъ-да пусто не будетъ!“

Софія прослезилась и, обратясь къ стрѣльцамъ, начала говорить:

„Эти мужики на васъ развѣ надѣются? Вы были вѣрные слуги дѣду нашему, отцу и брату, оборонители церкви святой, и у насъ зоветесь слугами. Зачѣмъ же такимъ невѣждамъ попускаете чинить крикъ и вопль въ нашей палатѣ?“

Выборные стрѣльцы успокоивали ее. Софія сѣла на свое мѣсто.

Челобитную дочитали. Начался споръ. Патріархъ и архіереи указывали на древніе харатейные списки, обличали нелѣпыя ошибки и опечатки въ Филаретовомъ служебникѣ. Малоученые раскольники, не въ силахъ будучи одолѣть против-

никовъ доводами, только поднимали вверхъ руки, показывали двуперстное сложеніе и кричали: „вотъ какъ! вотъ какъ!“

Уже стало вечерѣть. Раскольникамъ объявили, чтобы они расходились и что имъ будетъ указъ послѣ.

Раскольники вышли со всѣми своими аналоями, книгами, образами и кричали во все горло, поднимая два пальца вверхъ: „Побѣдихомъ! Побѣдихомъ! Вотъ какъ вѣруйте!“ Толпы народа слѣдовали за ними. Расколоучители остановились на Лобномъ мѣстѣ и стали поучать народъ, а оттуда отправились въ церковь „Спаса въ Чигасахъ“, отслужили со звономъ благодарственный молебенъ и потомъ уже разошлись по домамъ.

Софія позвала къ себѣ выборныхъ стрѣльцовъ, обласкала ихъ, приказала напоить медомъ и виномъ въ такомъ количествѣ, что на десять человѣкъ было вынесено по ушату. „Не промѣняйте насъ—говорила имъ Софія — и все Россійское государство на какихъ-нибудь шестерыхъ чернецовъ“.

„Мы, государыня,—отвѣчали ей стрѣльцы,—не стоимъ за старую вѣру. Это дѣло патріарха и всего освященнаго собора“.

По приказанію царевны, преданные ей стрѣльцы стремяннаго полка схватили Никиту Пустосвята, съ нимъ другихъ пятерыхъ расколоучителей и привели ихъ въ приказъ. Никитѣ отрубили голову на площади. Его товарищей разослали въ ссылку. Раскольники притихли.

Раскольничье дѣло показало Софіи, что ей необходимо избавиться отъ опеки тѣхъ, которые до того времени служили ей опорою. Князю Хованскому Софія болѣе всего обязана своимъ возвышеніемъ. Этотъ бояринъ, какъ покровитель раскола, теперь началъ явно дѣйствовать въ разрѣзъ съ видами Софіи. Сама Софія даровала ему опасное могущество, назначивши начальникомъ стрѣльцовъ. Всѣ стрѣльцы были ему преданы больше, чѣмъ царевнѣ, и готовы были на все, что бы онъ ни затѣвалъ. Чувствуя свою силу, Хованскій зазнался, величался своимъ происхожденіемъ отъ Гедимина, началъ высокомѣрно обращаться съ прочими боярами, говорилъ въ глаза боярамъ, что отъ нихъ Московское Государство только терпитъ вредъ, что имъ, Хованскимъ, держится все царство, что когда его не станетъ, въ Москвѣ будутъ ходить по колѣно въ крови. Всѣ бояре его не терпѣли; онъ поссорился съ сильнымъ бояриномъ Иваномъ Михайловичемъ Милославскимъ, съ которымъ вмѣстѣ за-одно подготовлялъ переворотъ, установившій двоевластіе.

Въ дни, слѣдовавшіе за казнью Никиты, стрѣльцы, надѣясь на Хованскаго, безпрестанно волновались, самовольничали. Царская семья жила въ постоянномъ страхѣ, ожидая новаго нашествія

на дворецъ. Бояре каждую минуту боялись за свою жизнь; духовенство опасалось раскольничьяго бунта. Въ іюлѣ, тотчасъ послѣ казни Никиты, какой-то крещеный татарскій царевичъ Матвѣй распустилъ между стрѣльцами слухъ, будто хотятъ извести стрѣльцовъ; стрѣльцы толпою били челомъ царямъ, чтобъ выдали имъ всѣхъ бояръ. На этотъ разъ бояре избавились отъ бѣды; схватили царевича Матвѣя, принудили подъ пыткою отказаться отъ своего извѣта, а потомъ приказали четвертовать. Но за Матвѣемъ явились другіе въ такомъ же родѣ возмутители. Этихъ возмутителей также пытали и казнили. Стрѣльцы самовольно подвергли пыткѣ и смерти одного своего полковника Янова. День ото дня опасность увеличивалась для царскаго семейства и бояръ. Въ августѣ Хованскій разсорился со всею царскою думою за то, что дума не одобряла предположеннаго имъ налога съ дворцовыхъ волостей въ пользу стрѣльцовъ по 25 рублей на человѣка. Вышедши изъ думы къ стрѣльцамъ, Хованскій сказалъ: „Дѣти, знайте, мнѣ бояре грозятъ за то, что я вамъ добра хочу! Мнѣ стало дѣлать нечего! Какъ хотите, такъ и промышляйте“. Стрѣльцы заволновались еще сильнѣе.

19-го августа разнесся слухъ, будто во время крестнаго хода,—который бываетъ въ этотъ день въ Донской монастырь,—стрѣльцы хотятъ перебить всю царскую семью, всѣхъ бояръ, и возвести на престолъ Хованскаго. Все царское семейство не участвовало въ этомъ крестномъ ходѣ и на другой же день перебралось въ Коломенское село. Затѣмъ бояре стали разъѣзжаться изъ Москвы: часть ихъ отправлялась къ царямъ, другіе разъѣхались по своимъ вотчинамъ. Изъ всѣхъ думныхъ людей остался въ Москвѣ одинъ Хованскій; онъ во всемъ потакалъ стрѣльцамъ. Около его кареты всегда шло по пятидесяти стрѣльцовъ съ ружьями, а на дворѣ стоялъ стрѣлецкій караулъ, человѣкъ во сто. По Москвѣ ходили угрожающіе для стрѣльцовъ слухи; говорили, будто боярскіе люди, по наущенію своихъ господъ, нападутъ на стрѣлецкихъ женъ и дѣтей, въ то время, когда стрѣльцы будутъ на праздникѣ новолѣтія 1 сентября. Наступилъ этотъ праздникъ, на немъ не было ни царей, ни бояръ, и народу пришло мало.

На другой день, второго сентября, въ Коломенскомъ селѣ оказалось прилѣпленнымъ къ воротамъ подметное письмо отъ имени одного московскаго стрѣльца и двухъ посадскихъ. Въ немъ извѣщалось, что Хованскій собирается убить обоихъ государей, царицу Наталью, царевну Софію, патріарха и архіереевъ; одну изъ царевенъ думаетъ отдать за своего сына, а прочихъ постричь въ монастыри; затѣваетъ перебить бояръ, кото-

рые не любятъ старой вѣры,—возмутить по городамъ посадскихъ и крестьянъ, чтобы они перебили воеводъ, приказныхъ, господъ и боярскихъ людей, а потомъ хочетъ самъ взойти на престолъ и выбрать народомъ такого патріарха и архіереевъ, которые бы любили старыя книги. „Хованскій,—сказано было въ этомъ письмѣ,—призывалъ къ себѣ нѣсколько человѣкъ посадскихъ и стрѣльцовъ, давалъ имъ деньги, поручая волновать народъ, и обѣщалъ стрѣльцамъ отдать имущество и вотчины убитыхъ людей“ [1]).

Софія со всѣмъ царскимъ семействомъ немедленно переѣхала въ монастырь Саввы Сторожевскаго, и 5 сентября разослала съ гонцами по разнымъ городамъ грамоту ко всѣмъ служилымъ людямъ, а также и къ боярскимъ слугамъ. Въ этой грамотѣ извѣщалось все служилое сословіе Московскаго Государства, что стрѣльцы, по наущенію Хованскаго, произвели мятежъ и убійства 15 и 16 мая: это дѣло, прежде признанное царскою грамотою за вѣрную службу царямъ,—теперь оглашалось воровствомъ и измѣною; далѣе разсказывалось, какъ, по наущенію Хованскаго, раскольники приходили въ Кремль, какъ Никита билъ архіерея; наконецъ объявлялось, что бояринъ князь Хованскій съ сыномъ своимъ Андреемъ, при помощи воровъ и измѣнниковъ, „мыслятъ зло государямъ“: хотятъ перебить безъ останку всѣхъ бояръ, окольничихъ, думныхъ и ближнихъ людей. „Помните Господа Бога и свое обѣщаніе,—говорилось въ грамотѣ,—послужите намъ, великимъ государямъ, для очищенія отъ воровъ и измѣнниковъ царствующаго града Москвы. Идите къ намъ, великимъ государямъ, со всею своею службою и запасами тотчасъ, безсрочно съ великимъ поспѣшеніемъ, днемъ и ночью, ничѣмъ не отговариваясь, чтобы скорымъ собраніемъ устрашить воровъ и измѣнниковъ и не допустить ихъ до большаго дурна и до расширенія воровства...“

Проживши въ Саввиномъ монастырѣ до 13 сентября, царская семья переѣхала въ село Воздвиженское, какъ будто къ престольному празднику, и отсюда посланъ былъ указъ, чтобы къ 18 сентября съѣхались туда къ царямъ всѣ бояре, окольничіе, думные люди, стольники, стряпчіе, московскіе дворяне и жильцы.

Наканунѣ назначеннаго срока, 17 сентября,—день имянинъ

[1]) Доносчики въ заключеніе говорили: „когда Господь Богъ все утишитъ, тогда мы вамъ, государямъ, объявимся; именъ намъ своихъ написать невозможно; а примѣты у насъ: у одного на правомъ плечѣ бородавка черная, у другого на правой ногѣ, поперекъ берца, рубецъ, посѣчено, а третьяго объявимъ мы потому, что у него примѣтъ никакихъ нѣтъ.“

Подписано: „вручить государынѣ Царевнѣ Софьѣ Алексѣевнѣ.“

Софіи,—село Воздвиженское наполнилось огромнымъ множествомъ знатныхъ людей. Хованскій съ сыномъ Андреемъ еще не пріѣхали, но уже были на пути. Послѣ обѣдни царевна Софія созвала думу и приказала прочитать подметное письмо.

Думные люди, уже озлобленные противъ Хованскаго, приговорили его казнить смертью. Софія отправила боярина князя Лыкова съ отрядомъ схватить Хованскихъ на дорогѣ и привести въ Воздвиженское.

Старый Хованскій, поѣхавшій отдѣльно отъ сына, остановился отдохнуть въ патріаршемъ селѣ Пушкинѣ и, по тогдашнему боярскому обычаю, велѣлъ себѣ раскинуть шатеръ. Лыковъ окружилъ его ставку и, узнавши, что сынъ Хованскаго, Андрей, находится въ своей подмосковской вотчинѣ, послалъ взять его.

Взяли Хованскаго отца, связали и повезли, а за нимъ вслѣдъ отправили и Хованскаго сына. Когда Лыковъ подвезъ Хованскихъ къ царскому двору, вышли посланные и сказали, чтобы онъ не въѣзжалъ съ ними во дворъ, а остановился у воротъ. Изъ двора вышли всѣ думные люди и сѣли на скамьяхъ передъ воротами. Думный дьякъ Шакловитый читалъ приговоръ: Хованскихъ обвиняли въ неправильномъ распоряженіи денежною казною въ пользу стрѣльцовъ, въ потачкѣ наглому невѣжеству стрѣльцовъ, въ неправомъ судѣ, въ дерзкихъ рѣчахъ, въ подущеніи раскольниковъ, въ неповиновеніи царскимъ указамъ и пр. Затѣмъ прочитано было подметное письмо; дьякъ произнесъ: „воровскія дѣла ваши съ этимъ письмомъ сходны. Злохитрый замыселъ вашъ обличился. Государи приказали васъ казнить смертью“.

„Господа бояре,—сказалъ старикъ Хованскій, — извольте выслушать: кто былъ настоящій заводчикъ бунта стрѣлецкаго, отъ кого онъ умышленъ и учиненъ. Донесите ихъ царскимъ величествамъ, чтобы намъ съ ними дали очныя ставки, а такъ скоро и безвинно насъ бы не казнили. Если же мой сынъ такъ дѣлалъ, какъ написано въ сказкѣ (приговорѣ), то я предаю его проклятію“.

Допустить Хованскаго до такого рода оправданія — значило раскрывать много такого, что̀ хотѣли утаить. Бояринъ Милославскій болѣе всѣхъ этого боялся и далъ знать царевнѣ Софьѣ о словахъ Хованскаго. Софья выслала приказаніе немедленно исполнить приговоръ.

Стрѣлецъ стремяннаго полка отрубилъ головы—сначала отцу, потомъ сыну. Казнь исполнялась передъ дворцовыми воротами у московской большой дороги.

Совершивши такое дѣло, Софья боялась мщенія стрѣльцовъ за ихъ „батюшку“, и тотчасъ разослала думныхъ людей

32*

по городамъ торопить служилыхъ, чтобы они какъ можно скорѣе шли къ Троицѣ, а сама вслѣдъ затѣмъ отправилась туда же съ царскою семьею и заперлась въ монастырѣ. Тамъ было базопаснѣе, стѣны крѣпки, на стѣнахъ пушки; оборону Троицкой лавры взялъ на себя ближній бояринъ, любимецъ Софьи, князь Василій Васильевичъ Голицынъ.

Опасенія Софьи оказались не напрасны; у Хованскаго былъ еще меньшой сынъ Иванъ, занимавшій должность комнатнаго стольника при царѣ Петрѣ. Онъ убѣжалъ въ Москву, принесъ извѣстіе о смерти отца, говорилъ, что бояре идутъ на Москву съ тѣмъ, чтобъ истребить всѣхъ стрѣльцовъ и сжечь ихъ дворы. Стрѣльцы заволновались, захватили въ свои руки Кремль, овладѣли пушечнымъ дворомъ, забрали орудія и порохъ, разставили караулы у всѣхъ московскихъ воротъ,—ожидали, что на нихъ нападутъ боярскіе люди, по приказанію своихъ господъ. Патріархъ былъ въ опасномъ положеніи. Онъ уговаривалъ стрѣльцовъ покориться, а они за то грозили убить его, какъ только бояре пошлютъ противъ нихъ своихъ людей.

Прошло нѣсколько дней: на Москву нападенія не было. Стрѣльцы, узнавши, что царская семья у Троицы, убѣдили патріарха послать туда чудовскаго архимандрита Адріана звать царей въ Москву.

Но Софья уже не боялась стрѣльцовъ. Въ крѣпкій монастырь не такъ легко было имъ проникнуть, какъ въ кремлевскій дворецъ; притомъ же туда безпрестанно отовсюду собирались служилые. Она потребовала, чтобъ стрѣльцы прислали по двадцати человѣкъ лучшей братьи отъ каждаго полка.

Самонадѣянность и наглость стрѣльцовъ смѣнилась малодушіемъ. Тѣ, которымъ приходилось идти въ числѣ выборныхъ, считали себя обреченными на смерть. Всѣ стрѣльцы думали, что имъ теперь будетъ „конечный переводъ". Московскіе люди, которые прежде такъ боялись ихъ, теперь подсмѣивались надъ ними, и говорили: „куда вамъ, мужикамъ, владѣть разумными людями и государямъ указывать"! Стрѣльцы съ покорностью упросили патріарха, чтобы онъ отправилъ съ ихъ выборными какого-нибудь архіерея.

Выборные отправились къ Троицѣ и съ ужасомъ поминутно встрѣчались на дорогѣ съ ратными людьми, созванными для укрощенія стрѣльцовъ. Явившись передъ Софьей, выборные пали ницъ, во всемъ повинились. Царевна, проговоривши имъ приличное нравоученіе, сказала, чтобы немедленно всѣ

полки надворной пѣхоты (стрѣльцовъ) подали повинную челобитную за общимъ рукоприкладствомъ.

Выборные воротились въ Москву съ этимъ приказаніемъ. При участіи патріарха, стрѣльцы составили требуемую челобитную, обѣщались впередъ не самовольствовать и не мѣшаться въ чужія дѣла. Софья объявила имъ, что если кто впередъ станетъ хвалить прежнія дѣла стрѣльцовъ, тотъ будетъ казненъ смертью; тому же подвергается и всякій, кто будетъ слышать о такихъ похвалахъ и не донесетъ. Сами стрѣльцы, конечно по внушенію Софьи, били челомъ о томъ, чтобы сломать столпъ, поставленный въ оправданіе ихъ злодѣяній. Софья съ царскимъ семействомъ вступила въ Москву. Новоприбывшіе служилые люди заняли всѣ караулы въ Кремлѣ. Всѣмъ боярскимъ людямъ объявлена похвала за вѣрность своимъ господамъ; но стрѣлецкія смуты не остались безъ послѣдствій: множество холоповъ и крестьянъ во время этихъ смутъ покинули своихъ прежнихъ владѣльцевъ, и въ слѣдующіе годы правительство издавало распоряженія, чтобы ловить бѣглыхъ, наказывать и препровождать къ прежнимъ господамъ. Начальство надъ стрѣльцами повѣрено было Шакловитому. Это былъ человѣкъ рѣшительный. Стрѣльцы попытались-было начать прежнія буйства, но Шакловитый тотчасъ же казнилъ пятерыхъ изъ нихъ, а потомъ со всѣхъ полковъ удалилъ изъ Москвы въ украинные города наиболѣе задорныхъ и безпокойныхъ.

Съ этихъ поръ Софья именемъ двухъ царей безпрекословно семь лѣтъ управляла государствомъ. Во внутреннихъ дѣлахъ не происходило никакихъ важныхъ измѣненій, кромѣ кое-какихъ перемѣнъ въ дѣлопроизводствѣ [1]). Правительство по прежнему противодѣйствовало обычному шатанію народа и дѣлало распоряженіе объ удержаніи жителей на старыхъ мѣстахъ. Разбои усиливались; даже люди знатныхъ родовъ выѣзжали на дорогу съ разбойничьими шайками [2]). Помѣщики дрались между собою, наѣзжали другъ на друга со своими людьми, жгли другъ у друга усадьбы; ихъ крестьяне, по ихъ приказанію, дѣлали нападенія одни на другихъ, истребляли хлѣбъ на поляхъ и производили пожары. Межеваніе, начатое при Ѳедорѣ, продолжаясь при Софьѣ, приводило къ самымъ крайнимъ безпорядкамъ. Помѣщики, недовольные межеваніемъ, посылали своихъ крестьянъ на межевщиковъ съ оружіемъ, не давали имъ

[1]) Какъ, напр., замѣна Разбойнаго приказа Сыскнымъ.

[2]) Таковы были: князья Лобановъ-Ростовскій и Иванъ Микулинъ; они разбивали людей на Троицкой дорогѣ подъ Москвою: ихъ наказали кнутомъ.

мѣрить земли, рвали веревки, а нѣкоторыхъ межевщиковъ поколотили и изувѣчили. За такія самоуправства правительство опредѣлило наказывать кнутомъ и ссылать въ Сибирь; но безчинства отъ этого не прекращались. Небогатые помѣщики находились подъ произволомъ богатыхъ, владѣвшихъ многими крестьянами; кто былъ сильнѣе, тотъ у сосѣда отнималъ землю. И бѣдняку трудно было тягаться съ богачемъ. Въ самой Москвѣ происходили въ то время безпрестанныя безчинства, воровства и убійства. Правительство дѣлало распоряженіе подъ строгимъ наказаніемъ, чтобы въ городѣ не стрѣляли изъ ружей, не дрались на кулачкахъ, не сшибали съ ногъ людей и не били полицейскихъ служилыхъ (капитановъ и стрѣльцовъ). Но самою важною причиною смутъ былъ расколъ, который не только не прекращался отъ преслѣдованій, но возрасталъ въ страшныхъ размѣрахъ. Въ 1682 году, послѣ казни Никиты Пустосвята разослана была грамота ко всѣмъ архіереямъ, чтобъ они сыскивали раскольниковъ и предавали ихъ казни. Еще строже былъ указъ конца 1684 года. Велѣно было хватать всякаго, кто не ходилъ въ церковь, не исповѣдывался, не пускалъ къ себѣ священника въ домъ; такихъ приказано было подвергать пыткѣ; если обвиненный подъ пыткой обвинялъ кого-нибудь въ соучастіи, и того велѣно хватать, давать ему очныя ставки, производить объ немъ обыскъ и, въ случаѣ сомнѣнія, пытать. Покаявшіеся были отправлены для исправленія къ духовному начальству, а непокорныхъ велѣно было сжигать живьемъ. За укрывательство раскольниковъ и за недонесеніе положено было бить кнутомъ. Но напрасно правительство думало испугать раскольниковъ огнемъ: они сами сожигались, воображая себѣ, что тѣмъ приносятъ жертву Богу. Такія ужасающія явленія безпрестанно повторялись повсюду и выказались въ самомъ чудовищномъ видѣ въ Олонецкой землѣ. Въ 1687 году, нѣкто расколоучитель Емельянъ Ивановъ изъ Повѣнца сошелся съ другимъ фанатикомъ Игнатіемъ, который завелъ себѣ пустынь близъ Каргополя, считаемъ былъ за святого мужа и совратилъ многихъ каргопольцевъ. Они съ толпою послѣдователей захватили Палеостровскій монастырь на Онежскомъ озерѣ. Когда противъ нихъ послано было войско подъ начальствомъ Мишенскаго, раскольники зажгли монастырь; ратные люди потушили пожаръ; часть раскольниковъ съ Игнатіемъ сгорѣла [1]), а Емельянъ съ остальными убѣжалъ. Два года его отыскивали, онъ скрывался со своими товарищами въ непроходимыхъ лѣсахъ. Рат-

[1]) По извѣстіямъ раскольниковъ, ихъ сгорѣло 2,700 человѣкъ.

ные люди, не поймавши Емельяна, свирѣпствовали надъ другими раскольниками и безъ жалости разоряли пристанища поселянъ, гдѣ жители упорствовали въ расколѣ. Въ 1689 году Емельянъ опять очутился въ Палеостровскомъ монастырѣ, вмѣстѣ съ соловецкимъ монахомъ Германомъ; съ ними было до 500 человѣкъ. Девять недѣль сидѣли они запершись въ монастырѣ. На всѣ убѣжденія сдаться они отвѣчали ругательствами противъ церкви, отстрѣливались отъ ратныхъ людей и наконецъ, когда увидѣли невозможность держаться долѣе, зажгли монастырь и всѣ сгорѣли. Вездѣ, гдѣ собирались толпы раскольниковъ, припасались ими горючія вещества, чтобы прибѣгнуть къ этому средству спасенія, когда придутъ гонители. Являлись учители, проповѣдывавшіе, что даже и безъ гоненія самое богоугодное дѣло сжечься, и уговаривали цѣлыя толпы мужчинъ, женщинъ и дѣтей предавать себя „крещенію огнемъ", царствія ради небеснаго.

Изъ внѣшнихъ дѣлъ правленія Софьи самымъ важнымъ событіемъ было заключеніе въ 1680 году съ Польшею мира, прекратившаго долговременную тяжелую распрю за Малороссію. Какъ слѣдствіе этого мира былъ походъ въ Крымъ Василія Васильевича Голицына, погубившій гетмана Самойловича [1]). Черезъ два года былъ предпринятъ другой походъ, къ которому, также какъ и къ первому, склонили Россію Австрія и Польша. Кромѣ того, бывшій константинопольскій патріархъ Діонисій, низложенный турецкимъ правительствомъ за расположеніе къ Россіи, убѣждалъ русскихъ воспользоваться удобнымъ случаемъ для освобожденія христіанъ отъ турецкаго ига, потому что между самими турками тогда происходили междоусобія (султанъ Магометъ IV былъ низверженъ войскомъ и на его мѣсто посаженъ братъ его Сулиманъ II), а австрійцы и венеціанцы одерживали верхъ надъ турками. Молдавскій господарь Щербанъ съ своей стороны убѣждалъ московское правительство послать войско на турокъ и увѣрялъ, что всѣ христіане, находящіеся подъ турецкою властью, возстанутъ при появленіи русскаго войска. При такихъ блестящихъ надеждахъ московское правительство двинуло весною 1689 года 112,000 войска на Крымъ, съ войскомъ было до 350 пушекъ. Начальство взялъ на себя любимецъ Софьи Голицынъ. Къ нему примкнулъ малороссійскій гетманъ Мазепа со своими козаками. Русское войско прошло черезъ степь, одержало верхъ въ битвѣ съ ханомъ и дошло до Перекопа. Но Голицынъ не рѣшился перейти на полуостровъ.

[1]) См. біогр. „Преемники Богдана Хмельницкаго".

Его испугалъ недостатокъ воды, особенно чувствительный при сильномъ майскомъ знов. Остановившись подъ Перекопомъ, Голицынъ завелъ переговоры съ ханомъ и, не дождавшись ихъ окончанія, поспѣшно отступилъ, убѣгая отъ преслѣдовавшихъ его татаръ.

Этотъ неудачный походъ совершенно уронилъ Голицына. На него стали смотрѣть какъ на неспособнаго труса, но Софья силилась представить и этотъ походъ геройскимъ дѣломъ. Не только самъ Голицынъ получилъ въ награду вотчину, 300 рублей денежной прибавки къ жалованью и разные подарки, но и всѣ участники похода были щедро награждены. Софья до слѣпой страсти была предана этому человѣку. Въ письмахъ своихъ она называла его: „свѣтомъ батюшкою, душою своею, сердцемъ своимъ“, и т. п. [1]).

Любовь Софьи не спасла Голицына, а его неудачный походъ въ Крымъ сдѣлался ближайшимъ поводомъ къ паденію самой царевны. Давняя вражда Софьи съ царицей Натальей и Нарышкиными, ея нелюбовь къ Петру не прекращались съ лѣтами. Софья была правительницею государства только при малолѣтствѣ царей. Оба царя пришли въ совершенный возрастъ. Иванъ Алексѣевичъ еще въ 1684 году сочетался бракомъ съ Прасковіей, дочерью боярина Ѳедора Борисовича Салтыкова. По своему малоумію онъ не угрожалъ Софьѣ потерею власти. Но вотъ и Петръ достигъ шестнадцати лѣтъ, окружилъ себя „потѣшными“—молодежью, собранною вначалѣ изъ товарищей дѣтскихъ игръ царя, а потомъ изъ охотниковъ разнаго званія.

[1]) Приводимъ для образчика одно изъ этихъ писемъ: „Свѣтъ мой братецъ васенка, здравствуй батюшка мой на многія лѣта и паки здравствуй, Божіею и пресвятыя Богородицы и твоимъ разумомъ и счастіемъ побѣдивъ агаряны, подай тебѣ Господи и впредь враги побѣждати, а мнѣ свѣтъ мой, вѣры не имѣется што ты къ намъ возвратитца, тогда вѣры поиму, какъ увижю во объятіяхъ своихъ тебя, свѣта моего. А что, свѣтъ мой, пишешь, чтобы я помолилась, будто я вѣрна грѣшная передъ Богомъ и недостойна, однакоже дерзаю, надѣяся на его благоутробіе, аще и грѣшная. Ей всегда того прошю, штобы свѣта моего въ радости видеть. Посемъ здравствуй, свѣтъ мой, о Христѣ на вѣки неищетные. Аминь“. Въ другомъ своемъ письмѣ, писанномъ въ Крымъ, Софья высказываетъ ту же горячую любовь къ своему любимцу... „Батюшка мой платить за такіе твои труды неисчетные радость моя, свѣтъ очей моихъ, мнѣ вѣры не имѣтца, сердце мое, что тебя, свѣтъ мой, видѣть. Великъ бы мнѣ день той былъ, когда ты, душа моя, ко мнѣ будешь; еслибы мнѣ возможно было, я бы единымъ днемъ тебя поставила передъ собою. Писма твои, врученны Богу, къ намъ всѣ дошли въ цѣлости изъ подъ Перокопу... Я брела пѣша изъ Воздвиженскова, толко подхожу къ монастырю Сергія Чудотворца, къ самымъ святымъ воротамъ, а отъ васъ отписки о бояхъ: я не помню, какъ взошла, чла идучи, не вѣдаю, чѣмъ его свѣта благодарить за такую милость его и матерь его, пресвятую Богородицу, и преподобнаго Сергія, чудотворца милостиваго...“

Петръ проводилъ съ ними время въ воинскихъ упражненіяхъ, строилъ земляныя крѣпости и бралъ ихъ, а въ 1688 году, увидя однажды старое заброшенное судно, получилъ страстное желаніе строить суда, плавать по морю и началъ свои первые опыты на Переяславскомъ озерѣ. Царица Наталья, страшась козней Софьи, боялась отлучекъ сына и его горячности, а потому поспѣшила его женить. 27 января 1689 года Петръ сочетался бракомъ съ Евдокіей Ѳедоровной Лопухиной, дочерью окольничаго. Событіе было важное и даже можно сказать роковое для Софьи, такъ какъ по русскимъ понятіямъ женатый человѣкъ считался совершеннолѣтнимъ и Петръ въ глазахъ своего народа получилъ полное нравственное право избавить себя отъ опеки сестры.

Еще ранѣе этого времени, въ 1687 году, Софья, предупреждая ожидаемую опасность со стороны Петра, затѣвала вѣнчаться царскимъ вѣнцомъ. Для этого ей нужна была опора стрѣльцовъ. Шакловитый, преданный ей всею душою, подготовилъ челобитную какъ будто отъ всѣхъ чиновъ Московскаго Государства и началъ склонять стрѣльцовъ содѣйствовать своему плану. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ чернилъ передъ ними царицу Наталью и Нарышкиныхъ, увѣрялъ, что они имѣютъ злые умыслы на Софью, при этомъ дѣлалъ намеки на возможность избіенія Нарышкиныхъ и даже на убійство самого Петра; козни его не удавались: нашлось только всего пять человѣкъ, готовыхъ на какое угодно смѣлое дѣло. Мысль о вѣнчаніи на царство Софьи была оставлена. Въ 1689 году, іюля 8, былъ крестный ходъ въ Казанскій соборъ. Софья прежде всегда участвовала въ подобныхъ крестныхъ ходахъ, вмѣстѣ съ обоими царями, какъ правительница государства. Петръ на этотъ разъ послалъ ей сказать, чтобъ она не ходила: это имѣло такой смыслъ, что Петръ уже не считалъ ее правительницею. Софья не послушалась и пошла за крестами, а Петръ черезъ то самъ не пошелъ въ крестный ходъ, и уѣхалъ изъ Москвы.

Возвратился Голицынъ изъ своего вторичнаго крымскаго похода. Петръ не соглашался назначать ему и его товарищамъ награды, и хотя на этотъ разъ не сталъ спорить съ сестрою, но когда Голицынъ и другіе участники крымскаго похода, получившіе награды, явились къ Петру съ благодарностію за награды, то Петръ не пустилъ ихъ къ себѣ на глаза. Тутъ Софія увидѣла, что ея власти скоро будетъ конецъ. Оставалось или покориться своей судьбѣ, или отважиться на попытку сдѣлать переворотъ. Шакловитый хотѣлъ-было взволновать стрѣльцовъ такимъ же порядкомъ, какъ дѣлалось прежде,—уда-

рить въ набатъ и поднять тревогу, какъ будто царевнѣ угрожаетъ опасность; но стрѣльцы, за исключеніемъ очень немногихъ, сказали, что они по набату дѣла не станутъ начинать. Софья ухватилась-было за средство, которое ей такъ удалось въ былыя времена съ Хованскимъ. Въ царскихъ хоромахъ „на верху" появилось подметное письмо, въ которомъ предостерегали царевну, что ночью, съ 7-го на 8-е августа явятся изъ Преображенскаго „потѣшные" царя для убіенія царя Ивана Алексѣевича и всѣхъ его сестеръ. Шакловитый вечеромъ 7-го августа призвалъ четыреста стрѣльцовъ съ заряженными ружьями въ Кремль, а триста поставилъ на Лубянкѣ. Его подручники [1]) начали наущать стрѣльцовъ, что надобно убить „медвѣдицу", старую царицу, а „если сынъ станетъ заступаться за мать, то и ему спускать нечего". Но и это не удалось. Пятисотный стрѣлецкаго стремянного полка Ларіонъ Елизарьевъ съ семью другими стрѣльцами составилъ замыселъ предупредить Петра. Двое изъ его товарищей, Мельновъ и Ладогинъ отправились ночью въ Преображенское извѣстить царя, что противъ него затѣвается недоброе.

Пробужденный отъ сна Петръ выскочилъ въ одной сорочкѣ, босой, бросился въ конюшню, сѣлъ на коня и ускакалъ въ ближайшій лѣсъ. Туда принесли ему платье. Онъ одѣлся, и вмѣстѣ съ Гавриломъ Головкинымъ во весь духъ пустился въ Троицкую лавру, куда поспѣлъ черезъ пять часовъ. Къ нему на другой же день прибыла туда мать, жена, преданные бояре, потѣшные и стрѣльцы Сухарева полка. Утромъ съ ужасомъ узнала Софья и ея приверженцы о бѣгствѣ Петра. Елизарьевъ со своими товарищами и полковникъ Циклеръ, прежде самый ревностный сторонникъ Софьи, тотчасъ уѣхали къ Петру и откровенно объявили ему, что давно уже Шакловитый старается подвинуть стрѣльцовъ на умерщвленіе царицы Натальи и приверженныхъ Петру бояръ. Петръ приказалъ написать грамоты во всѣ стрѣлецкіе полки, чтобы къ 18 августа къ нему явились въ Троицу всѣ полковники и начальники съ десятью рядовыми стрѣльцами отъ каждаго полка для важнаго государева дѣла.

Софья принимала свои мѣры: разставляла караулы по Земляному городу и приказывала всѣ грамоты, какія будутъ отъ Петра, доставлять къ ней. Созвавши къ себѣ полковниковъ, она грозила имъ отрубить головы, если они пойдутъ къ Троицѣ. Сама, между тѣмъ, видя неудачу своихъ замысловъ, Софья думала примириться на время съ Петромъ и посылала къ нему

[1]) Никита Гладкій, Кузьма Черный, Стрижевъ, Петровъ и Кондратьевъ.

одного за другимъ двухъ бояръ, Троекурова и Прозоровскаго, и убѣждала брата возвратиться въ Москву для примиренія. Эти бояре вернулись безъ успѣха. Софья отправила къ Троицѣ патріарха Іоакима, но тотъ сдѣлалъ еще хуже для Софьи: онъ остался у Троицы. Патріархъ, тотчасъ послѣ смерти Ѳеодора, былъ сторонникомъ Петра; онъ только по необходимости согласился на двуцарствіе и въ душѣ не былъ расположенъ къ Софьѣ, тѣмъ болѣе, что Софья оказывала благосклонность къ врагу патріарха Сильвестру Медвѣдеву, а приверженцы царевны поговаривали о сверженіи Іоакима съ патріаршества и о поставленіи, вмѣсто него, Сильвестра.

Царь Петръ, не дождавшись стрѣльцовъ, которыхъ требовалъ къ Троицѣ, послалъ въ другой разъ грамоту въ Москву съ прежнимъ приказаніемъ явиться къ нему всѣмъ полковникамъ и начальнымъ людямъ съ десятью рядовыми изъ каждаго полка, да, сверхъ того, приказывалъ явиться изъ всѣхъ московскихъ сотенъ и слободъ всѣмъ старостамъ съ десятью тяглецами; на этотъ разъ за ослушаніе обѣщалась смертная казнь. Пять полковниковъ, много урядниковъ и рядовыхъ стрѣльцовъ отправились къ Троицѣ.

Софья, видя, что борьба съ Петромъ неравна, устроить съ нимъ мировую черезъ другихъ не удается, сама поѣхала къ Петру, но ее не пустили и приказали воротиться назадъ изъ села Воздвиженскаго.

Вслѣдъ за нею прибылъ, 1-го сентября, недавно отъѣхавшій изъ Москвы къ Троицѣ стрѣлецкій полковникъ Нечаевъ съ требованіемъ выдать Шакловитаго, Медвѣдева и другихъ сообщниковъ, на которыхъ указали стрѣльцы.

Софья до того была раздражена этимъ требованіемъ, что приказала-было отрубить Нечаеву голову, но опомнилась, разсудивши, что этимъ поступкомъ въ ея положеніи она скорѣе проиграетъ, чѣмъ выиграетъ. Она собрала стрѣльцовъ и говорила имъ въ такомъ смыслѣ:

„Письма, что привезли изъ Троицы, составлены ворами. Какъ можно выдавать людей? Они подъ пыткою оговорятъ другихъ, людей добрыхъ; девять человѣкъ девять-сотъ оговорятъ. Злые люди разсорили меня съ братомъ, выдумали какой-то заговоръ на жизнь младшаго царя; изъ зависти къ вѣрной службѣ Ѳеодора Шакловитаго, за то, что онъ день и ночь трудится для безопасности и добра государства, они очернили его зачинщикомъ заговора. Я сама хотѣла уладить дѣло, узнать причину козни и поѣхала къ Троицѣ, а братъ, по наущенію злыхъ совѣтниковъ, не допустилъ меня къ себѣ и не велѣлъ

туда ѣхать, и я воротилась со стыдомъ. Сами знаете, какъ я управляла государствомъ семь лѣтъ, принявши правленіе въ смутное время; подъ моимъ правленіемъ заключенъ честный и твердый миръ съ нашими сосѣдями христіанскими государями, враги вѣры христіанской приведены въ ужасъ и страхъ нашимъ оружіемъ. Вы, стрѣльцы, за вашу службу получили важныя награды, и я къ вамъ всегда была милостива. Не могу повѣрить, чтобы вы стали мнѣ невѣрны и повѣрили измышленіямъ враговъ мира и добра! Они ищутъ головы не Шакловитаго, а моей и моего брата Ивана. Я обѣщаю вамъ награду, если останетесь мнѣ вѣрны и не будете мѣшаться въ это дѣло, а тѣ, которые будутъ непослушны и начнутъ творить смуту, будутъ наказаны. Помните: если пойдете къ Троицѣ, здѣсь останутся ваши жены и дѣти...“

Потомъ Софья позвала къ себѣ толпу посадскихъ и говорила имъ рѣчь въ томъ же духѣ. Стрѣльцовъ и служилыхъ иноземцевъ поили виномъ, даже Нечаеву поднесли водки.

Между тѣмъ Петръ, не получая отвѣта отъ Нечаева, послалъ снова требованіе выдать Шакловитаго со всѣми сообщниками, и приказывалъ служилымъ иноземцамъ прибыть къ нему къ Троицѣ. Генералъ Гордонъ, начальникъ иноземцевъ, по поводу этого царскаго приказанія обратился къ завѣдывавшему иноземнымъ приказомъ, князю Василью Васильевичу Голицыну. „Я доложу объ этомъ старшему царю“—сказалъ Голицынъ Гордону. Но Гордонъ не счелъ нужнымъ ждать доклада,—онъ понималъ, что Голицынъ только тянетъ время, выжидая, не обратятся ли обстоятельства къ пользѣ Софьи. Гордонъ отправился 5 сентября къ Троицѣ съ служилыми иноземцами и былъ принятъ очень ласково. Петръ допустилъ иноземцевъ къ своей рукѣ и велѣлъ имъ дать по чаркѣ водки.

Переходъ иноземцевъ привелъ дѣло Софьи еще ближе къ печальной развязкѣ. На стрѣльцовъ не было надежды. Они похватали подручниковъ Шакловитаго, черезъ которыхъ онъ прежде пытался взволновать стрѣльцовъ, и отвезли ихъ къ Троицѣ. Въ числѣ схваченныхъ главнѣйшій былъ Обросимъ Петровъ, который передъ тѣмъ уже нѣсколько дней скрывался у пономаря, и чуть только попытался выйти,—тотчасъ былъ схваченъ. Онъ во всемъ сознался еще до пытки.

Ясно, что отозвались Софьѣ и смерть Хованскаго, и сборъ служилыхъ для укрощенія стрѣлецкаго своеволія, и грамота, въ которой стрѣльцамъ поставили въ воровство переворотъ, произведенный ими въ пользу Софьи. Не было теперь у стрѣльцовъ большого желанія отважиться на черезъ-чуръ смѣлое дѣло за ту,

которая уже показала имъ, какъ она благодаритъ за услуги и какъ можно положиться на ея обѣщанія. На московскія сотни и слободы еще менѣе можно было надѣяться Софьѣ, когда стрѣльцы, люди военные, не шли за нею. Софья съ Шакловитымъ рѣшились попытаться поднять за себя Россію: это уже значило, какъ говорится, все поставить на карту разомъ.

Шакловитый изготовилъ грамоту къ людямъ всѣхъ чиновъ Московскаго Государства отъ имени Софьи. Правительница приносила жалобу всему народу не на Петра, а на его родственниковъ Нарышкиныхъ: „они ни во что ставятъ старшаго царя Ивана, забросали его комнату полѣньями, изломали его царскій вѣнецъ; потѣшные Петровы дѣлаютъ людямъ насилія, а царь Петръ никакихъ челобитныхъ не слушаетъ и пр.". Но этой грамотѣ не суждено было быть разосланною.

6 сентября, уже вечеромъ, толпа стрѣльцовъ явилась передъ дворцомъ и требовала выдачи Шакловитаго. Софья думала подѣйствовать на нихъ твердостью и угрозами и сказала повелительно, что не выдастъ, и что они не должны мѣшаться въ ея дѣла. „Если намъ не выдадутъ Шакловитаго,—закричали стрѣльцы—то мы ударимъ въ набатъ!" Бояре, окружавшіе Софью, испугались: „Государыня царевна,—сказали они,—нельзя имъ перечить, нельзя спасти Шакловитаго; будетъ бунтъ; тогда мы всѣ пропадемъ: лучше его выдать". Софьи оставалось послушаться. Шакловитый былъ выданъ и на другой день около часа пополудни привезенъ къ Троицѣ.

Вечеромъ, около пяти часовъ, въ тотъ же день, прибылъ къ Троицѣ Василій Васильевичъ Голицынъ съ нѣсколькими думными людьми [1]). Царь не допустилъ ихъ къ себѣ. Имъ велѣно было ждать рѣшенія.

Начались допросы и пытки. Шакловитый сначала во всемъ запирался, но послѣ первой пытки сталъ виниться на половину, а когда его повели пытать въ другой разъ, то, не допустивши до пытки, сознался, что разговаривалъ со стрѣльцами о томъ, какъ бы произвести пожаръ въ Преображенскомъ селѣ и убить царицу, однако упорно отрицалъ умыселъ на жизнь царя Петра. Шакловитый обвинялъ въ соучастіи и Василія Васильевича Голицына.

У Василія Голицына былъ двоюродный братъ Борисъ, ревностнѣйшій приверженецъ Петра, любимецъ его и главный рас-

[1]) Съ бояриномъ Леонтіемъ Романовичемъ Неплюевымъ, окольничимъ Венедиктомъ Андреевичемъ Змѣевымъ, думнымъ дворяниномъ Григоріемъ Ивановичемъ Калачовымъ, и думнымъ дьякомъ Емельяномъ Игнатьевичемъ Украинцевымъ.

порядитель, какъ оказалось, по слѣдствію надъ заговорщиками. Обвиненіе въ измѣнѣ ложилось пятномъ на весь родъ Голицыныхъ. Заступленію Бориса обязанъ былъ Василій Голицынъ тѣмъ, что его хотя наказали, но за другія вины. 9 сентября онъ былъ призванъ во дворецъ вмѣстѣ съ сыномъ Алексѣемъ. Думный дьякъ прочиталъ ему приговоръ, по которому онъ лишался боярства и вмѣстѣ съ сыномъ и семьею ссылался въ Каргополь: это постигало его за то, что онъ, мимо царей, подавалъ доклады царевнѣ Софьѣ и, сверхъ того, за дурныя распоряженія во время крымскаго похода, причинившія разореніе государству и отягощеніе народу [1]). Боярина Неплюева осудили на ссылку въ Пустозерскъ за дурное управленіе въ Сѣвскѣ, гдѣ онъ прежде былъ намѣстникомъ; Змѣевъ удаленъ въ свои костромскія вотчины; прочихъ простили. Напрасно Василій Голицынъ написалъ въ свое оправданіе длинное объясненіе въ семнадцати пунктахъ; царь не читалъ его.

11 сентября, въ 10 часовъ вечера, противъ Лавры, у большой дороги, вывели преступниковъ на смертную казнь при большомъ стеченіи народа. Шакловитому отрубили голову топоромъ. Тоже сдѣлали стрѣльцамъ: Обросиму Петрову и Кузьмѣ Чермному. Полковнику Семену Рязанцеву велѣли положить голову на плаху, потомъ велѣли ему встать, дали нѣсколько ударовъ кнутомъ и отрѣзали кусокъ языка. Такому же наказанію подвергли еще двоихъ [2]).

Наконецъ Петръ отправилъ къ старшему брату письмо, въ которомъ представлялъ, что имъ обоимъ, будучи въ совершенномъ возрастѣ, пора править государствомъ самимъ, а не дозволять третьему лицу, сестрѣ, вмѣшиваться въ правленіе. Съ своей стороны Петръ обѣщался почитать, какъ отца, старшаго брата. Слабоумный Иванъ не прекословилъ.

Вслѣдъ за письмомъ Петра отправленъ былъ въ Москву бояринъ Троекуровъ съ приказаніемъ Софьѣ переселиться въ Новодѣвичій монастырь. Софья нѣсколько дней упрямилась и успѣла еще переслать письмо и деньги своему другу, Василію Голицыну. Наконецъ, въ концѣ сентября она поневолѣ должна была ѣхать

[1]) Генералъ Гордонъ въ своихъ запискахъ разсказываетъ, что Борисъ Голицынъ, принявши отъ Шакловитаго послѣднее признаніе, не показалъ его тотчасъ Петру, чтобъ уничтожить изъ признанія то, что касалось Василія Голицына; но Нарышкины донесли объ этомъ царю. Борисъ извинялся передъ царемъ, что было уже поздно и онъ по этой причинѣ не показалъ бумаги тотчасъ. Петръ не лишилъ его милости и довѣрія, но царица Наталья и Нарышкины питали къ нему за это злобу.

[2]) Пятидесятника Муромцева и стрѣльца Лаврентьева; наказанныхъ сослали въ Сибирь.

въ монастырь. Ей дали просторное помѣщеніе окнами на Дѣвичье поле, позволили держать при себѣ свою кормилицу, престарѣлую Вяземскую, двухъ казначей и девять постельницъ. Изъ дворца отпускалось ей ежедневно опредѣленное количество разной рыбы, пироговъ, саекъ, караваевъ хлѣба, меду, пива, браги, водки и лакомствъ. Царицамъ и царевнамъ позволено было посѣщать ее во всякое время. Она могла свободно ходить внутри монастыря, участвовать въ храмовыхъ праздникахъ, но у воротъ постоянно стояли караулы изъ солдатъ полковъ Семеновскаго и Преображенскаго. Вдова царя Ѳедора, Марѳа Матвѣевна, и супруга царя Ивана, Прасковья Ѳедоровна, очень рѣдко посѣщали Софью, но сестры были съ нею по прежнему дружны и вмѣстѣ втихомолку ругали Петра и жаловались на свою судьбу.

Съ паденіемъ Софьи началась самобытная дѣятельность Петра, и вмѣстѣ съ тѣмъ наступалъ и новый періодъ въ исторіи Россіи. Вниманіе Петра, какъ извѣстно, обратилось на югъ: была построена карабельная вефрь въ Воронежѣ, и начаты походы въ Азовъ. Въ январѣ 1696 года скончался болѣзненный, слабоумный Иванъ. Двоевластіе кончилось. Азовъ былъ взятъ. Петръ началъ десятками отправлять своихъ подданныхъ учиться за-границу, а въ началѣ 1697 года рѣшился ѣхать туда самъ инкогнито, подъ именемъ урядника преображенскаго полка Петра Михайлова, т.-е. въ томъ чинѣ, въ какомъ онъ состоялъ тогда, начавши, для примѣра другимъ, военную службу съ низшаго чина. Его неутомимая дѣятельность, его недовольство старыми порядками, посылка людей за границу и, наконецъ, неслыханное до того времени намѣреніе самому ѣхать учиться у иноземцевъ, уже возбудили противъ него злые умыслы. 23 февраля, когда царь, готовясь къ отъѣзду, веселился на прощаніе съ боярами у своего любимца иноземца Лефорта, ему дали знать, что пришелъ съ доносомъ пятисотенный стрѣлецъ, Ларіонъ Елизарьевъ (тотъ самый, который предувѣдомилъ Петра о замыслахъ Шакловитаго) съ десятникомъ Силинымъ. Ихъ позвали къ царю и они объявили, что Иванъ Циклеръ, уже пожалованный въ думные дворяне, собирается убить царя. Циклеръ передъ тѣмъ только получилъ отъ царя назначеніе построить Таганрогъ и былъ этимъ недоволенъ. Оказавши важную услугу Петру въ дѣлѣ Шакловитаго, онъ ожидалъ, что будетъ важнымъ человѣкомъ у царя и обманулся, такъ что онъ сдѣлался врагомъ царя, которому такъ услужилъ въ прежніе годы.

Циклеръ былъ схваченъ и подъ пыткою показалъ на окольничаго Соковнина, заклятаго старовѣра, брата боярыни Морозо-

вой и княгини Урусовой (признаваемыхъ раскольниками до сихъ поръ за мучеництъ). Соковнинъ подъ пыткою сознался, что дѣйствительно говорилъ о возможности убить государя, такъ какъ государь ѣздитъ или одинъ, или съ малымъ числомъ людей. Соковнинъ при этомъ оговорилъ зятя своего, Ѳедора Пушкина, и сына его Василія. Вражда къ Петру происходила, по ихъ показанію, оттого, что царь началъ посылать людей за море учиться, невѣдомо чему. Обвиненные притянули къ дѣлу двухъ стрѣлецкихъ пятидесятниковъ. Всѣхъ ихъ присудили къ смертной казни. Циклеръ передъ казнью объявилъ, что въ прежніе годы, во время правленія Софьи, царевна и покойный бояринъ Иванъ Милославскій уговаривали его убить царя Петра. Петръ приказалъ вырыть изъ земли гробъ Милославскаго и привезти въ Преображенское село на свиньяхъ. Гробъ открыли; Соковнину и Циклеру рубили прежде руки и ноги, потомъ отрубили головы: кровь ихъ лилась въ гробъ Милославскаго. Пушкину и другимъ отрубили головы. На Красной площади былъ поставленъ столпъ съ желѣзными спицами, на которыхъ были воткнуты головы казненныхъ.

Вслѣдъ затѣмъ Петръ усилилъ караулъ у воротъ Новодѣвичьяго монастыря, а самъ уѣхалъ за-границу.

Въ то время, какъ Петръ въ Голландіи учился строить корабли, а потомъ ѣздилъ по Европѣ присматриваться къ иноземнымъ обычаямъ, въ Москвѣ управляли бояре, согласно начертаніямъ царя. Московскимъ стрѣльцамъ пришла тяжелая пора. Прежде они спокойно проживали себѣ въ столицѣ, занимаясь промыслами, величались значеніемъ царскихъ охранителей, всегда готовые, какъ мы видѣли, обратиться въ мятежниковъ. Теперь ихъ выслали въ отдаленные города на тяжелую службу и притомъ на скудномъ содержаніи. Четыре полка (Чубарова, Колзакова, Чернаго и Гундертмарка) были отправлены въ Азовъ. Черезъ нѣсколько времени, на смѣну имъ, послали другіе шесть полковъ. Прежніе четыре полка думали-было, что имъ позволятъ изъ Азова возвратиться въ Москву, какъ вдругъ имъ приказали идти въ Великія Луки, на литовскую границу, въ войско князя Ромодановскаго. Они повиновались, но въ мартѣ 1698 года многимъ стало невыносимо: сто пятьдесятъ-пять человѣкъ самовольно ушли изъ Великихъ Лукъ въ Москву бить челомъ отъ лица всѣхъ товарищей, чтобъ ихъ отпустили по домамъ. Въ прежнія времена случаи самовольнаго побѣга со службы были не рѣдкостью и сходили съ рукъ, но на этотъ разъ начальникъ Стрѣлецкаго приказа, бояринъ Троекуровъ, велѣлъ имъ немедленно идти назадъ, а четырехъ выборныхъ, которые къ нему пришли

объясняться, за дерзкія слова приказалъ сейчасъ же засадить въ тюрьму. Стрѣльцы отбили своихъ товарищей, буянили и не хотѣли идти изъ Москвы. Бояре двинули на нихъ солдатъ Семеновскаго полка и выгнали изъ Москвы силою.

Стрѣльцы воротились къ пославшимъ ихъ товарищамъ. Ромодановскій въ это время, по указу, пришедшему изъ Москвы, долженъ былъ распустить всѣхъ своихъ служилыхъ людей, но такое распоряженіе не простиралось на стрѣльцовъ; ихъ четыре полка велѣно было разставить по западнымъ пограничнымъ городамъ, а тѣхъ, которые самовольно ходили съ челобитной въ Москву, сослать въ Малороссію на вѣчныя времена. Стрѣльцы заволновались и не выдали Ромодановскому своихъ товарищей, ходившихъ въ Москву: Ромодановскій, распустивши передъ тѣмъ служилыхъ, не имѣлъ возможности схватить виновныхъ стрѣльцовъ. Стрѣльцы, пошумѣвши, ушли, какъ будто повинуясь приказанію идти въ назначенные имъ города, и на дорогѣ, на берегу Двины, 16 іюня устроили кругъ. Тутъ одинъ изъ ходившихъ въ Москву, стрѣлецъ Масловъ, стоя на телѣгѣ, началъ читать письмо отъ царевны Софьи, въ которомъ она убѣждала стрѣльцовъ придти къ Москвѣ, стать таборомъ подъ Новодѣвичьимъ монастыремъ и просить ее снова на державство, а если солдаты станутъ не пускать ихъ въ Москву, то биться съ ними.

Стрѣльцы порѣшили идти на Москву. Раздавались голоса о томъ, что надобно перебить всѣхъ нѣмцевъ, бояръ, самого царя не пускать въ Москву и даже убить его за то, что „сложился съ нѣмцами“. Впрочемъ, это были только одни толки, а не приговоръ всего круга.

Когда въ Москвѣ заслышали, что идутъ къ столицѣ стрѣльцы, то на многихъ жителей напалъ такой страхъ, что они съ имуществомъ разъѣзжались по деревнямъ. Бояре, не допуская стрѣльцовъ до столицы, выслали противъ нихъ на встрѣчу войско въ числѣ 3700 чел. съ 25 пушками. Начальство надъ этимъ войскомъ взялъ бояринъ Шеинъ съ двумя генералами: Гордономъ и княземъ Кольцо-Мосальскимъ. Высланное боярами московское войско встрѣтилось со стрѣльцами 17 іюня близъ Воскресенскаго монастыря. Сначала Шеинъ отправилъ къ нимъ въ станъ генерала Гордона. Гордонъ потребовалъ, чтобы стрѣльцы немедленно ушли въ назначенныя имъ мѣста и выдали бы сто сорокъ человѣкъ изъ тѣхъ, которые только передъ тѣмъ ходили въ Москву: ихъ считали главными зачинщиками бунта.

„Мы,—отвѣчали стрѣльцы,—или умремъ, или непремѣнно

будемъ въ Москвѣ хоть на три дня, а тамъ пойдемъ, куда царь прикажетъ".

„Васъ къ Москвѣ не пропустятъ. Объ этомъ не помышляйте"—сказалъ имъ Гордонъ.

„Развѣ всѣ помремъ, тогда въ Москвѣ не будемъ", отвѣчали стрѣльцы.

Двое старыхъ стрѣльцовъ начали объяснять Гордону свои нужды, какъ стрѣльцы терпятъ и голодъ и холодъ, какъ строили крѣпости, тянули суда съ пушечною и оружейною казною вверхъ Дономъ отъ Азова до Воронежа,—какъ имъ даютъ мѣсячнаго жалованья столько, что едва достаетъ на двѣ недѣли, говорили, что теперь они хотятъ только повидаться съ женами и дѣтьми своими. Толпа стрѣльцовъ подтверждала справедливость сказаннаго двумя ихъ товарищами.

„Я совѣтую вамъ,—сказалъ Гордонъ,—чтобы каждый полкъ особо обдумалъ и посовѣтовался о томъ, чтó вы дѣлаете".

„Мы всѣ за-одно"—возражали ему стрѣльцы.

„Такъ знайте же,—сказалъ Гордонъ,—если вы теперь не примете милости его царскаго величества и мы принуждены будемъ силою привести васъ къ повиновенію, тогда уже не будетъ вамъ пощады. Даю вамъ сроку четверть часа".

Гордонъ отъѣхалъ въ сторону и черезъ четверть часа опять послалъ къ нимъ за отвѣтомъ. Но стрѣльцы стояли на своемъ.

Шеинъ отправилъ къ стрѣльцамъ Кольцо-Мосальскаго. Тогда изъ толпы стрѣльцовъ вышелъ десятникъ Зоринъ съ челобитной, гдѣ, между прочимъ, говорилось, будто воевода Ромодановскій хотѣлъ ихъ рубить, неизвѣстно за что, а въ заключеніе объяснялось, что стрѣльцы затѣмъ пришли къ Москвѣ, что въ Москвѣ „великое страхованіе, городъ затворяютъ рано вечеромъ и поздно утромъ отворяютъ, всему народу чинится наглость; они слышали, что идутъ къ Москвѣ нѣмцы и то знатно послѣдуя брадобритію и табаку во всесовершенное благочестія исповерженіе".

И въ стрѣлецкомъ станѣ и въ станѣ Шеина отслужили молебны, приготовились къ бою.

Шеинъ послалъ противъ стрѣльцовъ Гордона съ 25 пушками, а между тѣмъ каралерія стала окружать ихъ станъ.

Поставивши свои пушки, Гордонъ два раза высылалъ къ стрѣльцамъ дворянъ съ совѣтомъ опомниться и покориться.

„Мы васъ не боимся,—сказали стрѣльцы,—у насъ самихъ есть сила".

Тогда Гордонъ приказалъ дать залпъ, но такъ, что ядра пролетѣли надъ головами стрѣльцовъ.

Стрѣльцы подняли крикъ, замахали шапками и произносили имя св. Сергія.

То былъ ихъ условленный знакъ.

Тогда Гордонъ приказалъ выстрѣлить по нимъ изъ пушекъ и положилъ многихъ на мѣстѣ. Стрѣльцы смѣшались. Гордонъ далъ другой, третій, четвертый залпъ; стрѣльцы бросились въ разсыпную. Оставалось только ловить и вязать ихъ. Убито у нихъ было 29 человѣкъ и ранено 40.

Тотчасъ дали знать въ Москву; бояре приказали Шеину произвести розыскъ. Начались пытки кнутомъ и огнемъ. Стрѣльцы повинились, что было у нихъ намѣреніе захватить Москву и бить бояръ, но никто изъ нихъ не показалъ на царевну Софью. Шеинъ самыхъ виновныхъ приказалъ повѣсить на мѣстѣ, а другихъ разослать по тюрьмамъ и монастырямъ подъ стражу [1])

Бояре полагали, что судъ тѣмъ и кончился, но не такъ посмотрѣлъ на это дѣло Петръ, когда къ нему въ Вѣну пришло извѣстіе о бунтѣ стрѣльцовъ. „Это,—писалъ онъ Ромодановскому,—сѣмя Ивана Милославскаго растетъ...“ и тотчасъ поскакалъ въ Москву.

Царь прибылъ въ столицу 25 августа, а на другой день 26-го въ Преображенскомъ селѣ началъ дѣлать то, чтó такъ возмущало стрѣльцовъ; Петръ началъ собственноручно обрѣзывать бороды боярамъ и приказалъ имъ одѣться въ европейское платье, какъ будто желая сразу нанести рѣшительный ударъ русской старинѣ, подвигнувшей на бунтъ стрѣльцовъ.

Съ половины сентября начался новый розыскъ. Изъ разныхъ монастырей велѣно было свезти стрѣльцовъ: затѣмъ иныхъ размѣстили по московскимъ монастырямъ, а другихъ содержали въ подмосковныхъ селахъ подъ крѣпкимъ карауломъ. Число всѣхъ содержавшихся стрѣльцовъ было 1714 чел. [2]).

Допросъ происходилъ въ Преображенскомъ селѣ подъ руководствомъ князя Ѳедора Юрьевича Ромодановскаго, завѣдывавшаго Преображенскимъ приказомъ. Устроено было четырнадцать застѣнковъ и каждымъ застѣнкомъ завѣдывалъ одинъ изъ думныхъ людей и ближнихъ бояръ Петра. Признанія добывались пытками. Подсудимыхъ сначала пороли кнутомъ до крови на вискѣ (т.-е. его привязывали къ перекладинѣ за связанныя назадъ руки); если стрѣлецъ не давалъ желаемаго отвѣта, его клали на раскаленныя уголья. По свидѣтельству современниковъ, въ Преображенскомъ селѣ ежедневно курилось до тридцати

[1]) По показанію Гордона, казнено было до 130 чел., а по монастырямъ разослано 1845 чел.

[2]) Изъ отправленныхъ Шеиномъ плѣнныхъ убѣжало изъ монастырей 109 чел.

костровъ съ угольями для поджариванья стрѣльцовъ. Самъ царь съ видимымъ удовольствіемъ присутствовалъ при этихъ варварскихъ истязаніяхъ. Если пытаемый ослабѣвалъ, а между тѣмъ нуженъ былъ для дальнѣйшихъ показаній, то призывали медика и лечили несчастнаго, чтобъ подвергнуть новымъ мученіямъ. Подъ такими пытками стрѣльцы сперва сознались, что у нихъ было намѣреніе поручить правленіе царевнѣ Софьѣ и истребить нѣмцевъ, но никто изъ нихъ не показывалъ, чтобы царевна сама подущала ихъ къ этому замыслу. Петръ подозрѣвалъ сестру и приказалъ пытать стрѣльцовъ сильнѣе, чтобы вынудить у нихъ показанія, обвиняющія Софью. Тогда нѣкоторые стрѣльцы показали, что одинъ изъ ихъ товарищей (который въ розыскѣ не оказывался) Васька Тума привезъ изъ Москвы письмо отъ имени Софьи, получивши его черезъ какую-то нищую. Это письмо передано было пятидесятнику Обросимову, а тотъ передалъ его стрѣльцу Маслову, послѣдній читалъ это письмо передъ полками на Двинѣ. Слѣдуя этимъ показаніямъ, нашли нищую; но она ни въ чемъ не созналась и умерла въ мученіяхъ подъ пыткою. Взяли кормилицу Софьи Вяземскую и четырехъ ея постельницъ, подвергли ихъ жестокимъ пыткамъ. Показанія этихъ женщинъ были таковы, что изъ нихъ можно было только, при сильныхъ натяжкахъ, обвинить Софью. Сама Софья, допрошенная Петромъ, объявила, что никогда не посылала никакихъ писемъ въ стрѣлецкіе полки. Сестра ея Мароа сказала только, что слышала отъ своей служительницы Жуковой о желаніи стрѣльцовъ придти въ Москву и возвести на царство Софью. Жукову подвергли пыткѣ; она наговорила на одного полуполковника. Этого въ свою очередь подвергли пыткѣ, а Жукова потомъ сказала, что она его оговорила напрасно. Когда же ее снова стали пытать, она опять обвиняла его: это можетъ служить образчикомъ, какого рода были отбираемыя тогда показанія.

30 сентября, у всѣхъ воротъ московскаго Бѣлаго города разставлены были висѣлицы. Несмѣтная толпа народа собралась смотрѣть, какъ повезутъ преступниковъ. Въ это время патріархъ Адріанъ, исполняя предковскій обычай, наблюдаемый архипастырями, просить милости опальнымъ, пріѣхалъ къ Петру съ иконою Богородицы. Но Петръ былъ еще до этого нерасположенъ къ патріарху за то, что послѣдній повторялъ старое нравоученіе противъ брадобритія; Петръ принялъ его гнѣвно. „Зачѣмъ пришелъ сюда съ иконою?—сказалъ ему Петръ:—убирайся скорѣе, поставь икону на мѣсто и не мѣшайся не въ свои дѣла. Я побольше тебя почитаю Бога и Пресвятую

Богородицу. Моя обязанность и долгъ передъ Богомъ охранять народъ и казнить злодѣевъ, которые посягаютъ на его благосостояніе". Патріархъ удалился. Петръ, какъ говорятъ, собственноручно отрубилъ головы пятерымъ стрѣльцамъ въ селѣ Преображенскомъ. Затѣмъ длинный рядъ телѣгъ потянулся изъ Преображенскаго села въ Москву; на каждой телѣгѣ сидѣло по два стрѣльца; у каждаго изъ нихъ было въ рукѣ по зажженной восковой свѣчѣ. За ними бѣжали ихъ жены и дѣти съ раздирающими криками и воплями. Въ этотъ день перевѣшано было у разныхъ московскихъ воротъ 201 человѣкъ.

Снова потомъ происходили пытки, мучили, между прочимъ, разныхъ стрѣлецкихъ женъ, а съ 11 октября до 21 въ Москвѣ ежедневно были казни; четверымъ на Красной площади ломали руки и ноги колесами, другимъ рубили головы; большинство вѣшали. Такъ погибло 772 человѣка, изъ нихъ 17 октября 109-ти человѣкамъ отрубили головы въ Преображенскомъ селѣ. Этимъ занимались, по приказанію царя, бояре и думные люди, а самъ царь, сидя на лошади, смотрѣлъ на это зрѣлище. Въ разные дни подъ Новодѣвичьимъ монастыремъ повѣсили 195 человѣкъ прямо передъ кельями царевны Софьи, а троимъ изъ нихъ, висѣвшимъ подъ самыми окнами, дали въ руки бумагу въ видѣ челобитныхъ. Послѣднія казни надъ стрѣльцами совершены были въ февралѣ 1699 года. Тогда въ Москвѣ казнено было разными казнями 177 человѣкъ.

Тѣла казненныхъ лежали неприбранныя до весны, и только тогда велѣно было зарыть ихъ въ ямы близъ разныхъ дорогъ въ окрестностяхъ столицы, а надъ ихъ могилами велѣно было поставить каменные столпы съ чугунными досками, на которыхъ были написаны ихъ вины; на столпахъ были спицы съ воткнутыми головами.

Софья, по приказанію Петра, была пострижена подъ именемъ Сусанны въ томъ же Новодѣвичьемъ монастырѣ, въ которомъ жила прежде. Сестра ея, Марѳа, пострижена подъ именемъ Маргариты и отправлена въ Александровскую слободу въ Успенскій монастырь. Прочимъ сестрамъ запрещено было ѣздить къ Софьѣ, кромѣ Пасхи и храмового праздника Новодѣвичьяго монастыря.

Несчастная Софья въ своемъ заключеніи томилась еще пять лѣтъ подъ самымъ строгимъ надзоромъ и умерла въ 1704 году.

XIV.

РОСТОВСКІЙ МИТРОПОЛИТЪ ДИМИТРІЙ ТУПТАЛО.

Говоря о важныхъ русскихъ историческихъ дѣятеляхъ XVII вѣка, нельзя умолчать о духовномъ лицѣ, дѣйствовавшемъ преимущественно въ концѣ XVII столѣтія; оно имѣетъ важное значеніе не только для своего времени, но и для послѣдующихъ временъ по тому благочестивому уваженію, какое къ его памяти оказываетъ русскій народъ.

Св. Димитрій (по происхожденію малороссіянинъ) занимаетъ одно изъ самыхъ блестящихъ мѣстъ въ кругу кіевскихъ ученыхъ, распространявшихъ по Русской землѣ начатое Петромъ Могилою дѣло русскаго просвѣщенія. Онъ родился въ мѣстечкѣ Макаровѣ, верстахъ въ пятидесяти отъ Кіева, на правой сторонѣ Днѣпра, въ декабрѣ 1651 года. Отецъ его былъ козацкій сотникъ по имени Савва Григорьевичъ Туптало, мать называлась Марья, ребенокъ названъ былъ въ крещеніи Даниломъ [1]). Когда онъ достигъ отроческаго возраста, родители отдали его учиться въ Кіевъ. Отецъ Данила былъ ктиторомъ Кирилловскаго монастыря и, вѣроятно, проживалъ въ самомъ Кіевѣ. Одаренный отъ природы живымъ воображеніемъ и глубиною чувства, Данило предался религіозной созерцательности и рѣшился постричься. Печальная судьба Малороссіи, какъ видно, содѣйствовала такому настроенію: кругомъ себя онъ видѣлъ кровь, слезы, нищету; одна бѣда влекла за собой

[1]) Говоря о своемъ рожденіи въ дневникѣ, онъ сказалъ: „и въ тотъ часъ воеводиня Радзивилова... и крещеніемъ святымъ просвѣщенъ“. Вѣроятно, она была его воспріемницей: это была должно быть жена Януша Радзивилла, молдавская княжна, сестра жены Тимоѳея Хмельницкаго.

другую бѣду, и не предвидѣлось исхода плачевному состоянію края. Въ Кіевѣ даже ученіе не могло идти своимъ обычнымъ порядкомъ. Естественно было предаться мысли о непрочности земныхъ благъ и искать пристанища въ иноческой жизни. Въ 1668 году Данило былъ постриженъ въ кіевскомъ Кирилловскомъ монастырѣ игуменомъ Мелетіемъ Дзикомъ [1]) и нареченъ Димитріемъ. Несмотря на молодость, онъ скоро обратилъ на себя вниманіе своимъ необыкновеннымъ даромъ слова; на 25-мъ году отъ роду, въ 1675 году, онъ былъ посвященъ въ Густынскомъ монастырѣ Лазаремъ Барановичемъ въ іеромонахи. Съ этихъ поръ начались странствованія Димитрія изъ монастыря въ монастырь, изъ края въ край. Гдѣ только онъ ни поселялся, тамъ начиналъ говорить поученія, и къ нему стекались толпы народа; слава о новопоявившемся знаменитомъ проповѣдникѣ переходила изъ города въ городъ. Архіепископъ Лазарь Барановичъ перевелъ его изъ Густынскаго монастыря къ себѣ въ Черниговъ, и Димитрій пробылъ около двухъ лѣтъ проповѣдникомъ при Лазарѣ Барановичѣ. Отправившись въ Литву, для поклоненія чудотворной иконѣ, находившейся въ Новодворскомъ монастырѣ, Димитрій былъ сначала приглашенъ на короткое время для проповѣдничества въ Вильно, а потомъ бѣлорусскій епископъ Ѳеодосій Василевичъ убѣдилъ его переселиться въ Слуцкъ; Димитрій проповѣдывалъ тамъ въ Преображенскомъ монастырѣ. Но въ концѣ 1679 года скончался его покровитель Ѳеодосій, а вслѣдъ за нимъ окончилъ жизнь другой его благопріятель, ктиторъ Преображенскаго монастыря Скочкевичъ. Проговоривши надъ послѣднимъ надгробное слово [2]), Димитрій черезъ мѣсяцъ уѣхалъ изъ Слуцка на родину. Молодого проповѣдника на перерывъ приглашали изъ разныхъ мѣстъ Малороссіи. Гетманъ Самойловичъ убѣдилъ его поселиться въ Батуринѣ, а затѣмъ, по его ходатайству, Лазарь Барановичъ, въ 1681 г., назначилъ Димитрія игуменомъ Максаковскаго монастыря. Лазарь, любившій, какъ извѣстно, играть словами, сказалъ Димитрію при этомъ такую любезность: „Вы называетесь Димитріемъ и потому я желаю вамъ не только игуменства, но и митры. Пусть Димитрій получитъ митру“. На слѣдующій годъ Димитрій былъ сдѣланъ Батуринскимъ игуменомъ. Но пребываніе въ

[1]) Въ Ростовѣ въ келіи Димитрія сохраняется современная картина, изображающая, какъ молодой Данило, кланяясь въ ноги отцу и матери, испрашиваетъ ихъ родительскаго благословенія на поступленіе въ монастырь. Члены семьи въ малороссійскихъ одеждахъ того времени.

[2]) За которое получилъ, по его словамъ, шесть локтей добраго голландскаго полотна.

Батуринѣ было ему не совсѣмъ по душѣ; въ слѣдующемъ же году онъ оставилъ игуменство и удалился въ Кіево-печерскую лавру, гдѣ былъ принятъ радушно архимандритомъ Варлаамомъ Ясинскимъ. Здѣсь Димитрій началъ составлять сборникъ житій святыхъ—Четіи Минеи. Трудъ этотъ былъ намѣченъ еще Петромъ Могилою, но остался безъ исполненія. Черезъ два года мы застаемъ Димитрія снова въ Батуринѣ игуменомъ Николаевскаго монастыря. Не знаемъ, какъ отнесся Димитрій къ паденію Самойловича, но оно не имѣло на него дурного вліянія. Преемникъ Самойловича Мазепа былъ также благосклоненъ къ Димитрію. Окончивши половину своихъ Миней, Димитрій возвратилъ въ Москву бывшія у него Макарьевскія Минеи [1]), извѣщалъ объ окончаніи своего труда и просилъ благословенія патріарха Іоакима на печатаніе, но такъ какъ благословеніе долго не получалось, то Димитрій, не дожидаясь его, отдалъ свои Минеи въ печать въ Кіево-печерскую лавру, подъ надзоромъ архимандрита Варлаама. Патріархъ, узнавши объ этомъ, былъ очень недоволенъ, придирался, требовалъ перепечатки нѣкоторыхъ мѣстъ, запрещалъ печатать далѣе безъ своего разрѣшенія; однако Димитрій отклонилъ отъ себя дальнѣйшія преслѣдованія. Онъ, вмѣстѣ съ Мазепой, побывалъ въ Москвѣ въ самое смутное время паденія Софьи (въ 1689 г.,) и успѣлъ понравиться Іоакиму, который далъ ему благословеніе продолжать свой трудъ. По возвращеніи на родину, Димитрій проживалъ въ Батуринѣ и трудился надъ своими Минеями. Преемникъ Іоакима, патріархъ Адріанъ, не только не придирался къ печатанію, но, поставивши на кіевскую митрополію печерскаго архимандрита Варлаама, особенно просилъ его содѣйствовать печатанію Димитріевыхъ Миней.

Въ 1692 году Димитрій опять оставилъ игуменство, чтобы исключительно заняться Минеями; но въ 1694 году его заставили принять игуменство въ Глуховскомъ монастырѣ, а въ 1697 году преемникъ Лазаря Барановича, Іоаннъ Максимовичъ, вызвалъ его въ Черниговъ и сдѣлалъ архимандритомъ Елецкаго монастыря. Занимаясь Минеями, Димитрій не переставалъ писать и говорить проповѣди. Черезъ два года его перевели въ Новгородъ-Сѣверскій Спасскій монастырь, и здѣсь въ 1700 году онъ окончилъ три чети (четверти) своихъ Миней и напечаталъ въ Лаврѣ; вслѣдъ затѣмъ судьба нежданно призвала его въ далекій край.

[1]) Ихъ выписалъ изъ Москвы Иннокентій Гизель, который думалъ писать Минеи, но не успѣлъ.

Петръ Великій искалъ достойное духовное лицо для замѣщенія каѳедры сибирскаго митрополита и приказалъ кіевскому митрополиту Варлааму прислать къ нему въ Москву такого архимандрита, который бы годился на это мѣсто. Варлаамъ указалъ на Димитрія. Въ февралѣ 1701 года Димитрій, по царскому приказанію, пріѣхалъ въ Москву, а марта 23-го былъ рукоположенъ въ архіерейскій санъ.

Но Димитрій, достигши ужъ 50 лѣтъ отъ роду, былъ слабъ здоровьемъ; тяжело было бы ему ѣхать въ далекую невѣдомую и притомъ суровую страну. Онъ впалъ въ недугъ. Петръ, узнавши объ этомъ, самъ пріѣхалъ къ нему и замѣтилъ, что Димитрій болѣе печаленъ, чѣмъ боленъ, и приказалъ сказать ему откровенно причину своей тоски. „Меня,—сказалъ Димитрій,—посылаютъ въ суровый край, вредный для моего здоровья, а на мнѣ лежитъ послушаніе—окончить „Житія Святыхъ“.—„Оставайся въ Москвѣ“—сказалъ ему на это Петръ.

Димитрій остался въ Москвѣ, сблизился и подружился со своимъ землякомъ Стефаномъ Яворскимъ, занимавшимъ тогда мѣсто блюстителя патріаршаго престола, и продолжалъ заниматься своими Минеями.

Въ январѣ 1702 года, по смерти ростовскаго митрополита Іосафа, Петръ назначилъ Димитрія въ Ростовъ. Это было послѣднее мѣстопребываніе Димитрія. Пріѣхавши въ свою епархію, онъ тотчасъ же указалъ въ соборной церкви мѣсто для своего погребенія и сказалъ: „се покой мой, здѣ вселюся во вѣкъ вѣка“.

Здѣсь окончилъ онъ свой многолѣтній трудъ „Житія Святыхъ“, которыя были напечатаны вполнѣ въ 1705 году въ типографіи Кіево-печерской лавры. По своему обыкновенію, Димитрій и въ Ростовѣ говорилъ постоянно проповѣди; въ Ростовѣ, какъ и въ Малороссіи полюбили его и стекались къ нему слушатели. Но въ великорусскомъ краѣ потребовалась отъ него еще иного рода дѣятельность. Димитрій, познакомившись съ великорусскимъ духовенствомъ, ужаснулся крайняго невѣжества и отсутствія внутренняго благочестія. „Нерадивые іереи, —говоритъ онъ въ своемъ увѣщаніи къ священникамъ,—лѣнятся ходить къ убогимъ больнымъ для исповѣди и причастія, а ходятъ только къ богатымъ, и многіе бѣдняки умираютъ безъ св. таинъ... Случилось намъ на пути въ Ярославль заѣхать въ одну деревню и спросить тамошняго попа: „гдѣ у тебя животворящія Христовы тайны?“—Попъ не разумѣлъ моего слова. Я спросилъ: „гдѣ тѣло Христово?“—Попъ опять не понялъ моего слова. Тогда одинъ изъ бывшихъ со мною священниковъ

спросилъ его: „гдѣ запасъ?“—Тогда попъ взялъ „неопрятный“ (зѣло гнусный) сосудецъ и показалъ въ немъ хранимую въ небреженіи великую святыню... Удивяся о семъ, неба и земли ужаснитеся концы. Пречистыя Христовы тайны держитъ священникъ не въ церкви на престолѣ, а у себя между клопами, тараканами и сверчками, съ которыми и онъ самъ и домашніе его живутъ и почиваютъ“. Чтобы пресѣчь такія злоупотребленія, Димитрій писалъ нѣсколько увѣщаній духовнымъ съ наставленіемъ, какъ вести себя, и видѣлъ необходимость положить начало книжному просвѣщенію. Онъ завелъ въ Ростовѣ духовное училище или семинарію, которая раздѣлялась на три класса и имѣла при Димитріѣ до 200 учениковъ. Онъ содержалъ это училище изъ собственныхъ доходовъ, занимался имъ съ большой любовью, самъ повѣрялъ успѣхи учениковъ, наблюдалъ за ихъ нравственностью и благочестіемъ, а лѣтомъ собиралъ ихъ у себя въ загородной своей дачѣ, объяснялъ имъ самъ лично мѣста изъ св. писанія, обращался съ ними чрезвычайно кротко, по-отечески, и былъ очень любимъ ими. Это былъ первый образчикъ великорусскихъ семинарій. Кромѣ общаго невѣжества, надъ великорусскимъ краемъ тяготѣло еще другое зло—расколъ; и противъ этого зла счелъ обязанностію выступить Димитрій. Онъ написалъ большое сочиненіе противъ раскола—„Розыскъ о раскольничьей брынской вѣрѣ“, а когда отъ Петра послѣдовалъ указъ о томъ, чтобы всѣ обрили бороды, то Димитрій написалъ сочиненіе о брадобритіи, въ которомъ доказывалъ, что бритье бородъ не составляетъ грѣха. Самъ Димитрій разсказываетъ, какъ два нестарые великорусса остановили архіерея при выходѣ изъ церкви послѣ литургіи и спрашивали его: какъ онъ думаетъ? Они готовы лучше положить голову на плаху для отсѣченія, чѣмъ бороды. — А что́ отростетъ,—спросилъ Димитрій:—борода или голова?—Борода, сказали ему.—Такъ лучше вамъ отдать бороду, чѣмъ голову; борода будетъ отростать столько разъ, сколько ее будутъ брить, а отсѣченная голова не пристанетъ къ тѣлу, развѣ—въ воскресеніе мертвыхъ!—Димитрій говорилъ бородолюбцамъ, что напрасно они боятся брить бороду, воображая себѣ, будто этимъ исказятъ образъ и подобіе Божіе; доказывалъ, что образъ и подобіе Божіе совсѣмъ не въ тѣлѣ, не въ зримомъ образѣ человѣка, а въ его душѣ. Петръ нашелъ въ Ростовскомъ митрополитѣ поддержку своимъ преобразовательнымъ планамъ въ этомъ отношеніи. Димитрій, при своемъ строгомъ благочестіи, не могъ раздѣлять уваженія великоруссовъ къ бородамъ, такъ

какъ родился въ Малороссіи, гдѣ козаки давно уже брили бороды и гдѣ этотъ обычай дѣлался всенароднымъ.

Димитрій былъ большой постникъ и, какъ разсказываютъ, ѣдалъ въ великую четыредесятницу только разъ въ недѣлю. Онъ вообще отличался умѣренностью въ жизни, былъ кротокъ, простодушенъ и охотно помогалъ бѣднякамъ. Въ своемъ духовномъ завѣщаніи, написанномъ за два года до смерти, Димитрій выразился о себѣ такъ: „Съ восемнадцатилѣтняго возраста до приближенія моего къ гробу я не собиралъ ничего, кромѣ книгъ; у меня не было ни золота, ни серебра, ни излишнихъ одеждъ... Пусть никто не трудится искать послѣ меня какихъ-нибудь складовъ“. Качества Димитрія еще при жизни возвышали его въ глазахъ благочестивыхъ людей.

Недаромъ боялся Димитрій Сибири; и менѣе суровый климатъ Ростовскаго края зловредно подѣйствовалъ на его здоровье, ослабленное многолѣтними трудами и строгимъ постничествомъ. Уже въ 1708 году Димитрій жаловался, что не въ состояніи работать: глаза ослабѣли, очки уже не могли ему помогать, рука при писаніи дрожала... Въ 1709 году Димитрій сталъ страдать удушливымъ кашлемъ и 27-го ноября скончался. Его нашли въ кельи мертвымъ, стоящимъ на колѣняхъ для молитвы. Другъ Димитрія, Стефанъ Яворскій, похоронилъ его въ мѣстѣ, указанномъ самимъ Димитріемъ по пріѣздѣ въ Ростовъ. Послѣ покойнаго, Стефанъ взялъ его многочисленныя книги, перешедшія въ библіотеку московской синодальной типографіи.

Литературные труды Димитрія имѣютъ важное значеніе именно потому, что были сильно распространены въ русскомъ обществѣ до послѣдняго времени. Едва ли какой другой духовный писатель имѣлъ такой обширный кругъ читателей. Самымъ распространеннымъ сочиненіемъ Димитрія были, безъ сомнѣнія, его Четіи Минеи, имѣвшія нѣсколько изданій. Составляя ихъ, онъ пользовался Макарьевскими Минеями, рукописью Симеона Метафраста, доставленною ему съ Аѳона, русскими прологами, патериками и разными западными сборниками. Хотя составитель сознавалъ, что не все бывшее у него въ рукахъ имѣло одинаковую степень достовѣрности въ качествѣ источниковъ, и потому многое не вносилъ въ свой сборникъ, тѣмъ не менѣе, однако, нельзя сказать, чтобы Димитрій подвергалъ строгой критикѣ сказанія, которыми пользовался.

Проповѣди Димитрія (которыхъ осталось множество и изъ которыхъ не всѣ еще извѣстны) представляютъ собственно мало чертъ, важныхъ для исторіи своего времени, какъ по своему

складу, такъ и по содержанію: это такія проповѣди, которыя могли быть примѣнимы ко всякой странѣ и во всякое время. Но онѣ не остались безъ значенія въ исторіи русскаго просвѣщенія по тѣмъ внутреннимъ достоинствамъ, которыя сдѣлали ихъ любимою книгою русскихъ людей на долгое время. Вліяніе кіевской схоластики отразилось во многомъ и на нихъ,—это замѣтно въ стремленіи пускаться въ символизмъ. Такъ, напр., въ своей проповѣди на Вербное Воскресеніе, Димитрій задаетъ вопросъ: зачѣмъ Христосъ въѣхалъ въ Іерусалимъ, сидя на ослѣ?—и выводитъ, что это совершилось по подобію осла съ грѣшникомъ [1]). Въ другой проповѣди онъ приглашаетъ всѣ деревья преклонить верхи свои предъ терномъ, и деревьямъ даетъ символизацію святыхъ: финикъ—это праведникъ; маслина—учители церковные; виноградъ—это вообще люди, жительствующіе по Бозѣ; а тернъ знаменуетъ страданіе... Подобно кіевскимъ проповѣдникамъ, онъ приводитъ въ своихъ проповѣдяхъ разные анекдоты изъ древней исторіи, и басни, которымъ простодушно вѣритъ; напримѣръ, разсказывая извѣстную басню о птицѣ Фениксѣ, которая проживши однимъ воздухомъ, безъ пищи и питья пятьсотъ лѣтъ, сама себя сожигаетъ, чтобы изъ ея пепла образовался зародышъ новой птицы—онъ допускаетъ дѣйствительное существованіе такой птицы, живущей будто бы въ Аравіи и Индіи... Или, напр., говоря о Дельфійскомъ оракулѣ, онъ готовъ его прорицаніе признать истиннымъ [2]). Но если Димитрій во многихъ чертахъ своихъ проповѣдей и въ схоластическомъ построеніи многихъ изъ нихъ отдавалъ дань тому кругу, въ которомъ воспитанъ, за то проповѣди его стоятъ гораздо выше проповѣдей всѣхъ его предшественниковъ настолько, насколько онѣ были плодомъ не упражненія на заданную тему, а истиннаго вдохновенія, которымъ была преисполнена даровитая и любящая натура проповѣдника. Проповѣди Димитрія отличаются живостью образовъ, и въ особенности глубиною чувства; въ послѣднемъ едва ли кто изъ русскихъ проповѣдниковъ и послѣ Димитрія превосходилъ его. Онѣ писаны на языкѣ церковнословянскомъ, съ примѣсью русской рѣчи. Такой языкъ даже въ то время, когда эти проповѣди писались, былъ слишкомъ

[1]) „Лѣнивъ оселъ, лѣнивъ и грѣшникъ: многимъ біеніемъ едва убѣдиши осла въ яремъ, а развращеннаго грѣшника и наказаньми многими неудобь обратить можеши ко исправленію: оселъ, аще и біемый, не скоро грядетъ, въ пути едва волочится, а бѣгати скоро никогда же вѣсть: и грѣшникъ не спѣшитъ ко спасенію, аще иногда и біемый бываетъ различными отъ Бога попущеньми“...

[2]) „Знать, по повелѣнію Божію, въ наученіе человѣкомъ, паче естества своего камень проглаголалъ чудесне“...

книжнымъ и удаленнымъ отъ обыкновеннаго разговорнаго языка. Въ послѣдующія времена, при дальнѣйшемъ развитіи литературнаго языка, онъ казался устарѣлымъ, а между тѣмъ проповѣди Димитрія долго читались съ большею охотою, чѣмъ сочиненія другихъ, болѣе новыхъ проповѣдниковъ. Проповѣди его имѣютъ ту замѣчательную особенность, что при книжномъ языкѣ, при несвойственныхъ русской рѣчи оборотахъ онѣ отличаются ясностью и какъ-то легко читаются. Нѣкоторыя изъ проповѣдей Димитрія, прочитанныя въ церкви и теперь могутъ произвести то же потрясающее впечатлѣніе на слушателей. Такова между прочимъ его превосходная проповѣдь на день женъ Мvроносицъ, замѣчательная и тѣмъ, что въ ней встрѣчаемъ примѣнительность къ своему времени, чего у Димитрія вообще мало. Проповѣдникъ припоминаетъ слова, произнесенныя Ангеломъ къ женамъ Мvроносицамъ при гробѣ воскресшаго Спасителя: „возста, нѣсть здѣ!“ „Гдѣ же Христосъ по своемъ воскресеніи? Конечно вездѣ, какъ Богъ, но не вездѣ своею благодатью“. И вотъ проповѣдникъ ищетъ его. „Не въ храмахъ ли онъ, воздвигнутыхъ въ его честь? Нѣтъ, его домъ святой сдѣлался разбойничьимъ вертепомъ. Соберутся люди въ церковь, будто на молитву, а между тѣмъ празднословятъ о уплѣ, о войнѣ, о пиршествахъ, осуждаютъ другихъ, ругаются надъ ближними, разбиваютъ хульными словами ихъ доброе имя; иные, стоя въ храмѣ, будто и молятся устами, а въ умѣ своемъ помышляютъ о семьѣ, о богатствѣ, о сундукахъ, о деньгахъ; иной дремлетъ стоя въ церкви, а иной помышляетъ о воровствѣ, убійствѣ, прелюбодѣяніи или замышляетъ месть своему ближнему. Случается вдобавокъ, что духовныя лица, пьяные бранятся между собою, сквернословятъ и дерутся въ алтарѣ. Нѣтъ, не храмъ это божій, а вертепъ разбойниковъ: благодать божія отгоняется отъ оскверненнаго св. мѣста, какъ пчела, гонимая дымомъ. Нѣкогда Господь бичемъ отъ вервій изгналъ продающихъ и купующихъ изъ церкви. А что, если бы онъ теперь видимо пришелъ въ святой свой храмъ съ этимъ бичемъ? Но нѣтъ, Господи, уже то время прошло, когда ты изгонялъ безчинниковъ изъ храма; нынѣ наше окаянное время настало; уже мы тебя изгоняемъ; теперь можно сказать о храмѣ Господнемъ: нѣсть здѣ Бога; былъ, да пошелъ прочь. Возста, нѣсть здѣ“... Но вѣдь писаніе учитъ, что всякій человѣкъ есть храмъ божій. Стало быть во всякомъ человѣкѣ можно искать Христа. Но что же? „Многіе,—говоритъ Димитрій,—крещены и просвѣщены истинною вѣрою, но мало такихъ, въ которыхъ бы Господь обиталъ, какъ въ своемъ храмѣ: и воръ крещенъ, и тать, и разбойникъ и прелю-

бодѣй, и всякій злодѣй просвѣщенъ правовѣріемъ, но Христа въ немъ не спрашивай: нѣстъ здѣ. Развѣ давно когда-то былъ Христосъ въ этомъ ворѣ въ младенческіе годы, а когда онъ пришелъ въ возрастъ, отошелъ отъ него Христосъ! Возста, нѣсть здѣ! Иной на видъ кажется добродѣтельнымъ, благочестивымъ, онъ богомолецъ, постникъ, нищелюбецъ, подвижникъ... Но все это лицемѣріе.. Не ищи въ немъ Христа. Нѣсть здѣ! Трудно сыскать драгоцѣнный жемчугъ въ морской глубинѣ, золото, серебро въ нѣдрахъ земли; а еще труднѣе—Христа, обитающаго въ людяхъ. Многіе изъ насъ только по имени христіане, а живутъ по скотски, по свински. Крестомъ Христовымъ ограждаемся, а Христа на крестѣ распинаемъ своими мерзкими дѣлами"... Проповѣдникъ начинаетъ искать Христа въ людяхъ разныхъ званій. „Посмотримъ,—говоритъ онъ,—на духовнаго сановника и спросимъ его: съ какимъ намѣреніемъ и желаніемъ достигъ ты своего сана? Ради славы и чести Божіей или для своей славы и чести? Ради ли пріобрѣтенія душъ человѣческихъ во спасеніе, или для пріобрѣтенія собственныхъ богатствъ? По истинѣ, не одинъ бы нашелся, который достигъ этого сана не для пользы людей, а для своей корысти. Не служить пришелъ спасенію человѣческихъ душъ, а для того, чтобы ему служили подначальные..." [1]) Посмотримъ—продолжаетъ онъ,—на низшія духовныя власти, наіереевъ и дьяконовъ, и спросимъ каждаго: что́ тебя привело въ священный чинъ? желаніе ли спасти себя и иныхъ? Нѣтъ, ты пошелъ сюда для того, чтобы прокормить себя, жену и дѣтей. Поискалъ Іисуса не для Іисуса, но для хлѣба куса. Иной, взявши ключъ разумѣнія, и самъ не входитъ и входящихъ не пускаетъ, а иной и ключа разумѣнія не бралъ. Самъ ничего не равумѣетъ: слѣпецъ слѣпцовъ водитъ, и купно въ яму впадаютъ. Не скоро здѣсь сыщешь Христа: нѣсть здѣ! Можетъ быть въ монастыряхъ поискать Христа? но и въ нихъ все испортилось. Ничего не стало... Не въ народѣ ли поискать Христа? Но гдѣ же болѣе воровства, какъ не въ народѣ? Если есть въ народѣ какіе-нибудь добрые люди, такъ и тѣ за своими дѣлами и утѣсненіями забыли Бога и отъ молитвы отступили. Не въ людяхъ ли великихъ, боярахъ и судіяхъ искать Христа? Но къ нимъ нѣтъ доступа. Скажутъ: не пора, инымъ временемъ придешь; да не зачѣмъ и ходить къ нимъ. Въ нихъ едва ли когда и бывалъ Христосъ: въ наши злыя времена и правда

[1]) При этомъ, какъ-бы боясь раздражить духовныя власти, онъ дѣлаетъ оговорку: „Простите меня, превысочайшія власти духовныя, я не о всѣхъ говорю, а только о нѣкоторыхъ и въ томъ числѣ о себѣ".

скудна и милосердія нѣтъ; а гдѣ ни правды, ни милосердія, тамъ не ищи Христа: нѣсть здѣ!

„Гдѣ же обрести его? Придется сѣтовать съ Магдалиною, говорящею: взяша Господа моего отъ гроба и не вѣмъ, гдѣ положиша его. Грѣхи наши взяли отъ насъ Господа нашего и не знаемъ гдѣ искать его. Иной кто-нибудь скажетъ: Господь со мною и я съ нимъ, я вѣрую въ него, молюсь ему и поклоняюсь ему. А что изъ того, что ты поклоняешься? Поклонялись ему и тѣ, которые во время его вольнаго страданія прегибали передъ нимъ колѣна, а потомъ били по главѣ тростью. Ты кланяешься Христу и бьешь Христа, потому что озлобляешь и мучишь своего ближняго, насилуешь его и грабишь, отнимаешь у него неправильно достояніе; ты молишься Христу и плюешь ему въ лицо, испуская изъ устъ твоихъ скверныя слова, укоряя и осуждая своего ближняго...“

Въ этой проповѣди Димитрій задѣлъ и раскольниковъ. „Наша церковь такъ умалилась отъ раскола, что съ трудомъ можно найти истиннаго сына церкви: чуть пе въ каждомъ городѣ выдумывается новая, особая вѣра. Простые мужики и бабы догматизуютъ о сложеніи трехъ перстовъ, да о томъ, какой крестъ неправый и новый, а иные хотя и остаются въ церкви, но притворно: у нихъ нѣтъ Христа, нѣтъ Бога. Нѣсть здѣ!“...

Кромѣ множества проповѣдей болѣе или менѣе талантливо написанныхъ, Димитрій оставилъ по себѣ много благочестивыхъ размышленій и наставленій [1]), написалъ катехизисъ въ вопросахъ и отвѣтахъ, „Зерцало православнаго исповѣданія вѣры“, „Лѣтопись“—(священная исторія съ нравоучительными размышленіями), сочиненіе неоконченное.

По значенію для исторіи своего вѣка, самое важнѣйшее сочиненіе Димитрія есть безспорно „Розыскъ о брынской вѣрѣ“, (брынскою назвалъ онъ раскольничью вѣру оттого, что раскольники гнѣздились въ Брянскихъ или Брынскихъ лѣсахъ), раздѣленный на три части: 1) о раскольничьей вѣрѣ, 2) о раскольничьемъ ученіи, и 3) о раскольничьихъ дѣлахъ. Въ первой части, доказавши несправедливость раскольничьихъ обвиненій на православную церковь, Димитрій обличаетъ раскольничьихъ учителей въ томъ, что они по своему невѣжеству писали такъ, что изъ ихъ словъ невольно выходятъ еретическія мнѣнія. Замѣчательно, что расколъ во времена Димитрія раздробился до того, что на-

[1]) Напр. „Врачевство Духовное“, „Внутренній человѣкъ въ клѣти сердца своего уединенъ“, „Боговдохновленное наставленіе христіанское“, „Апологія во утоленіе печали человѣка“; нѣсколько размышленій подъ разными названіями, относящимися къ страстямъ Христовымъ и пр.

считывали до 22 толковъ. Во второй части „Розыска“ авторъ критически доказываетъ ложность разныхъ ученій. Главное зло, по мнѣнію Димитрія, въ томъ, что раскольники „чутъ только умѣютъ читать и писать, тотчасъ считаютъ себя великими богословами и учителями вѣры“. Димитрій подробно распространяется о брадобритіи, доказываетъ, что борода не имѣетъ никакого значенія въ дѣлѣ религіи и даже тѣ правила, какія существовали о небритіи бороды, считаетъ происходящими отъ временъ господства иконоборства. Димитрій отвергаетъ раскольничьи бредни объ антихристѣ, о приближеніи послѣднихъ временъ, когда храмы должны сдѣлаться хлѣвами и истинные христіане будутъ спасаться въ пустыняхъ, доказываетъ неправильное примѣненіе раскольниками словъ св. писанія о нерукотворенныхъ храмахъ, которыя раскольники приводили для того, чтобы не ходить въ церковь. Димитрій вооружается при этомъ противъ иконоборцевъ и отвергающихъ поклоненіе св. мощамъ и, повидимому, имѣетъ здѣсь въ виду уже не старообрядцевъ, а такихъ отщепенцевъ отъ церкви, которые не стояли подобно старообрядцамъ за букву, а, напротивъ, думали оторваться отъ буквы. Отщепенцы этого рода, какъ оказывается, не переставали существовать въ Россіи съ XVI вѣка, а, можетъ быть, и съ болѣе ранняго времени. Такимъ образомъ, мы узнаемъ, что въ Ростовѣ одинъ посадскій человѣкъ по имени Трофимъ, призванный Димитріемъ, по доносу одного попа, не только не сталъ кланяться иконамъ, но началъ приводить противъ иконопоклоненія такіе доводы, которые обыкновенно приводились лютеранами и кальвинистами. Подобное говоритъ Димитрій и относительно поклоненія мощамъ: „Я слышалъ недавно объ одномъ лжеучителѣ и развратителѣ людей божіихъ, который тайно училъ не почитать мощей“. Въ опроверженіе такихъ ученій, противныхъ православной церкви, Димитрій въ своемъ „Розыскѣ“ подробно распространяется о законности почитанія того и другого. Замѣчательно, что Димитрій встрѣчалъ такихъ раскольниковъ, которые исторію евангельскую считали только притчею, а не дѣйствительно происходившимъ событіемъ и всему хотѣли давать только аллегорическое значеніе. „Никогда не происходило того,—говорили они,—чтобы Христосъ пятью хлѣбами и двумя рыбами накормилъ пять тысячъ народа въ пустынѣ. Это одна притча. Пустыня—это жилище язычниковъ, къ которымъ Христосъ пришелъ, оставивши іудеевъ. Пять хлѣбовъ—пять чувствъ, двѣ рыбы—двѣ книги: Евангеліе и Апостолъ. Лазарево воскрешеніе не было на дѣлѣ; это одна притча. Болящій Лазарь—это умъ, побѣждаемый немощью человѣческою; смерть Лазаря—грѣхи; сестры Лазаревы, Мареа—плоть, Марія—душа;

гробъ—житейскія заботы; камень на гробѣ—сердечная окаменѣлость; воскресеніе Лазарево—раскаяніе во грѣхахъ. Входъ Христа въ Іерусалимъ тоже одна притча. Ослица—жидовскій родъ; жеребенокъ—язычники; Христосъ оставляетъ жидовъ и переходитъ къ язычникамъ и пр.“ „И другія чудесныя Христовы дѣянія, — говоритъ Димитрій, — описанныя въ евангельской исторіи, безумные раскольничьи мудрецы считаютъ притчею, а не дѣйствительными событіями; они разсѣяваютъ между простымъ народомъ свои плевелы и облыгаютъ евангельскую повѣсть“. Все это едва ли можетъ относиться къ старообрядчеству, а напротивъ, свидѣтельствуетъ, что рядомъ со старообрядствомъ развились въ русскомъ народѣ гораздо ранѣе возникшія раціональныя умствованія, приведшія къ явленію такихъ сектъ, какъ молокане, духоборцы и пр.

Третья часть „Розыска“ въ особенности замѣчательна тѣмъ, что въ ней собраны разныя извѣстія изъ исторіи раскола и, между прочимъ, о раскольничьихъ самосожженіяхъ. Нѣкоторыя событія были извѣстны Димитрію ближайшимъ образомъ. „Доносилъ мнѣ,—пишетъ Димитрій,—одинъ старый іеромонахъ Игнатій, что въ Пошехонскомъ уѣздѣ, гдѣ онъ былъ прежде попомъ, сожглось разомъ 1920 чел., по наученію боярскаго крестьянина Ивана Десятины. Сожигатели устроиваютъ въ лѣсахъ большія избы и засадятъ въ нихъ душъ по сту, по двѣсти, а маленькимъ дѣтямъ прибьютъ гвоздями одежду къ лавкѣ, на которой ихъ усадятъ, потомъ обложатъ избу соломой, хворостомъ, и зажгутъ. Другая подобная страшная секта называется морильщики; сожигатели подговариваютъ людей къ самосожженію, а морильщики проповѣдуютъ такое ученіе: Какая польза оставаться въ этой жизни? Вѣры правой на землѣ уже нѣтъ. Отцовъ духовныхъ нѣтъ. Архіереи и священники—волки; церкви—хлѣвы; антихристъ уже царствуетъ въ мірѣ; страшный судъ наступаетъ. Кто хочетъ истинно спастись, тотъ долженъ подражать мученикамъ и исповѣдникамъ и скончаться отъ голода и жажды, чтобы, избавившись отъ вѣчныхъ мукъ, воцариться со Христомъ. Пострадаемъ же здѣсь недолго, чтобы не пріобщиться къ тѣмъ, которые, оставивши истинную вѣру, гонятъ и мучатъ насъ за нее. Есть у этихъ морильщиковъ въ лѣсахъ избы съ маленькими дверцами, а иногда и вовсе безъ дверецъ, и землянки; уговорятъ простаковъ и засадятъ иногда одного, а иногда двухъ или трехъ и болѣе—на голодную смерть. Бѣдняки посидятъ два-три дня, потомъ кричатъ, умоляютъ, чтобы ихъ выпустили, но никто

ихъ не слушаетъ; они въ безуміи бросаются другъ на друга и кто кого одолѣетъ, тотъ того загрызаетъ".

Во времена Димитрія вполнѣ существовало главное развѣтвленіе раскола на поповщину и безпоповщину: *поповщина* — послѣдователи Аввакума; они принимали только тѣхъ священниковъ, которые или были посвящены до исправленія книгъ, или, будучи священниками, вступая въ поповщину отвергались отъ православной церкви; перекрещивали тѣхъ, которые къ нимъ приставали; *безпоповщина*—уже и тогда раздѣлялась на разные оттѣнки (волосатовщина, андреевщина, иларіоновщина, стефановщина, козминищина, серапіоновщина, и пр.). Всѣ безпоповцы соглашались въ томъ, что не считали возможнымъ какое-нибудь священство на землѣ послѣ исправленія книгъ, предоставляя мірянамъ самимъ совершать такіе обряды и богослуженія, какіе по Кормчей позволялись въ крайнемъ случаѣ мірскимъ лицамъ. Они отвергали бракъ и учили, что лучше жить безъ вѣнчанія, чѣмъ вѣнчаться по еретически. Изъ нихъ-то являлись сожигатели. Замѣчательнымъ толкомъ по своей уродливости является такъ-называемая *христовщина,* возникшая на Окѣ въ селѣ Павловѣ-Перевозѣ: нѣкто назвалъ себя Христомъ, подобралъ красивую дѣвицу изъ села Ландеха, назвалъ ее Богородицею, и ходилъ съ нею по селамъ и деревнямъ. Одинъ монахъ Пахомій видѣлъ его и разсказывалъ Димитрію, какъ въ селѣ Работки на Волгѣ, сорокъ верстъ ниже Нижняго-Новгорода, собралось множество народа въ пустой и ветхой церкви. Мнимый Христосъ вышелъ изъ алтаря къ людямъ; на головѣ у него было обверчено что-то на подобіе вѣнца, какъ пишутъ на иконахъ, а къ вѣнцу прицѣплены клочки бумаги съ изображеніемъ херувимовъ („а быть можетъ — замѣчаетъ простодушно Димитрій—это были бѣсы"). Люди падали передъ нимъ на землю и вопили: „Господи! помилуй насъ! Создатель нашъ, помилуй!" „Недавно—говоритъ далѣе Димитрій—появились какіе-то *рогожники* или *рубищники*, шатавшіеся по міру въ рогожахъ и выдававшіе себя за святыхъ..." „Наконецъ—замѣчаетъ Димитрій—есть такіе толки, которые не пристаютъ ни къ поповщинѣ, ни къ безпоповщинѣ, и не принимаютъ никакого крещенія; живутъ безъ вѣнчанія и чужды христіанства: какое уже тамъ христіанство, когда крещенія нѣтъ!" Кромѣ нихъ, по словамъ Димитрія, существовали еще и *субботники,* постившіеся въ субботу. Димитрій приводитъ, какъ догадку, что это возобновленіе секты жидовствующихъ, открытыхъ въ Новгородѣ при великомъ князѣ Иванѣ Васильевичѣ.

„Знайте, правовѣрные,—говоритъ Димитрій въ заключеніи „Розыска“,—что всякій, ведущій дружбу съ раскольниками и дающій имъ подаяніе, есть врагъ самому Христу... Сынъ, любящій врага отца своего, не любитъ самого отца и за то недостоинъ, чтобы отецъ любилъ его. Такъ и христіанинъ, если любитъ враговъ Христовыхъ, раскольниковъ и еретиковъ, то значитъ не любитъ истинно Христа и самъ Христосъ его не любитъ... Если ты Христа истинно любишь, удаляйся отъ тѣхъ, которые хулятъ церковь, лаютъ на нее, какъ псы, воютъ, какъ волки и на части терзаютъ ее...“

По свидѣтельству современниковъ, Димитрій писалъ и драматическія сочиненія, заимствуя сюжеты изъ священной исторіи. Ему приписываютъ шесть драмъ, изъ которыхъ издана (Лѣт. рус. лит. т. IV) такъ-называемая „Рождественская драма или комедія“. Какъ кажется, она болѣе прочихъ была распространена и, вообще, можетъ служить образчикомъ рождественскихъ виршей въ формѣ дѣйствій и разговоровъ. Здѣсь перемѣшаны символическія олицетворенія разныхъ отвлеченныхъ понятій съ евангельскими событіями Рождества Іисуса Христа. Самой драмѣ предшествуютъ антипрологъ и прологъ. Въ антипрологѣ Человѣческая Натура скорбитъ о своемъ паденіи, о затемнѣніи своихъ душевныхъ способностей, объ ожидающей ее смерти. Надежда утѣшаетъ ее, обѣщая возстановленіе золотого вѣка, а съ Надеждою вмѣстѣ являются Любовь, Кротость, Незлобіе, Радость; но противъ Надежды возстаетъ Разсужденіе и говоритъ, что Человѣческую Натуру ожидаетъ не золотой, а желѣзный вѣкъ, —и вмѣстѣ съ Разсужденіемъ заговорили Брань, Ненависть, Ярость, Злоба, Плачъ. Натура въ отчаяніи призываетъ Смерть. Является Смерть и величается своимъ владычествомъ надъ родомъ человѣческимъ. Смерть хочетъ возсѣсть на престолъ, но Жизнь не допускаетъ ее, обѣщаетъ Человѣческой Натурѣ безсмертіе [1]). Самая драма начинается также символическимъ разговоромъ Земли съ Небомъ. Земля скорбитъ о своемъ горѣ: „Увы! Увы! за грѣхъ Адама и Евы я осуждена производить волчецъ, вмѣсто прекрасныхъ цвѣтовъ. Я была прекрасна, доброплодна, рождала не оранная, а теперь я тощая, полита пóтомъ. Никогда не возвратиться мнѣ къ первому состоянію, не освятиться по проклятіи“!— „Не сѣтуй, Земля“, говоритъ ей Небо, „тебя ожидаетъ честь больше прежней“. Милость Божія подтверждаетъ обѣщаніе Неба.

[1]) Короткій прологъ заключается въ одномъ разсужденіи о кратковременности житія.

Возвѣщается Землѣ пришествіе Спасителя, раздается ангельское пѣніе: „Слава вышнихъ Богу“, а между тѣмъ изъ ада является Вражда, призываетъ Вулкана и циклоповъ: „Куйте— восклицаетъ Вражда—копья, стрѣлы, цѣпи, сотворю пролитіе крови...“

Затѣмъ драма переходитъ въ міръ дѣйствительности. Вотъ три пастыря: двое ушли за покупками въ городъ, третій Борисъ остался при овцахъ и безпокоится за товарищей. Они приходятъ. Одинъ изъ нихъ горбатый старичекъ, кривой на одинъ глазъ, по имени Аврамъ; другой молоденькій Аѳоня. Аврамъ сознается, что зашелъ „на кружало за алтынецъ выпить винишка“. Борисъ спрашиваетъ его: А мнѣ-то не купилъ?

Аврамъ: Никакъ купилъ и тебѣ: какъ вѣдь не купить?
—Малецъ, вынь ми съ кошеля. Не зволишь ли испить?
Борисъ: Нутко сядьте-жъ и сами поразъ напьемся.
— Хлѣба купили ли?..
Аѳоня: Есть.
Борисъ: Гораздо подкрѣпимся.
Аѳоня: Вотъ тебѣ хлѣбъ, вотъ тебѣ соль, вотъ и калачи!
Кушай, старичекъ, здоровъ, а на насъ не ворчи.
Аврамъ: Да кушаймо-жъ поскоряя, пора идти къ стаду.
Чсобъ иногда какой волкъ не влѣзъ въ ограду.

Въ это время раздается хоръ ангеловъ. Пастухи съ кусками во рту смотрятъ другъ на друга и не понимаютъ, что́ дѣлается вокругъ нихъ. Наконецъ, Аѳоня глядитъ на небо и говоритъ, что видитъ высоко птичекъ; но Аврамъ, поднявъ голову къ небу, говоритъ: Братъ, кажется, робятка стоятъ невелички?

На это Аѳоня говоритъ:
Судари! и хто видалъ робята съ крылами?
Птицы-то залетѣли межи облаками?...

Пастыри успокоились, продолжали свой ужинъ, собираясь идти къ овцамъ, какъ къ нимъ является ангелъ и возвѣщаетъ имъ, что близъ Виѳлеема, въ вертепѣ, между воломъ и осломъ, въ ясляхъ лежитъ новорожденный Спаситель человѣческаго рода, презнаменитый царь. Но Аврамъ говоритъ ему:

Чаю тебѣ, государь, къ князямъ послали,
Штобъ они великому царю поклонъ дали,
Не къ намъ, нищимъ пастухамъ. Что, ты заблудилъ?
Или не вслухалъ? вѣстникъ къ намъ такій не ходилъ!

Но ангелъ объявилъ имъ, что именно ихъ, нищихъ пастуховъ, призываетъ къ себѣ царь царей, пастырь пастырей. „Государь,—говоритъ ему Борисъ,—надобно же что-нибудь

нести ему на поклонъ, чтобъ не велѣлъ, какъ нашъ князь, выпроводить вонъ въ шею!"

Ангелъ отвѣчаетъ ему: „Господь не требуетъ вашего добра, не хочетъ себѣ даровъ. Онъ всѣмъ даритъ! Несите ему въ даръ чистое сердце".

Ангелъ сталъ невидимъ, пастыри одѣваютъ новыя лапти и чулки и идутъ къ вертепу.

Вотъ какъ выражаютъ пастыри свое впечатлѣніе при видѣ младенца Христа:

…„И подушечки нѣту, одѣяльца нѣту,
Чимъ бы тебе нашему согрѣтися свѣту!
На небѣ, якъ сказуютъ, въ тебе полатъ много;
А здѣсь, что въ вертепишку лежиши убого,
Въ яслѣхъ, на остромъ сѣнѣ, между буи скоты,
Нища себя сотворивъ, всѣмъ даяй щедроты!
Это намъ деревенскимъ здѣ лежать прилично,
А тебѣ, Спасителю, этакъ необычно…"

За поклоненіемъ пастырей слѣдуетъ исторія поклоненія волхвовъ. Олицетворенное „Любопытство Звѣздочетское" видитъ на небѣ новую звѣзду и не можетъ понять: что́ это за звѣзда? Оно пересчитываетъ всѣ извѣстныя ему звѣзды и созвѣздія. Новая звѣзда ни къ чему не подходитъ. Любопытство вызываетъ изъ гроба мудраго Валаама. Валаамъ возвѣщаетъ, что это та самая звѣзда, о которой онъ нѣкогда пророчествовалъ, — звѣзда, долженствующая явиться въ послѣдніе вѣка отъ Іакова. Любопытство говоритъ, что хочетъ увѣриться въ истинѣ словъ его и пошлетъ за этою звѣздою волхвовъ; затѣмъ закрываетъ гробъ Валаама, произнося: „Почивай съ миромъ"!

Сцена измѣняется. Иродъ на престолѣ, окруженный вельможами, восхваляетъ ихъ вѣрную службу, а они прославляютъ его величіе. Въ упоеніи счастья, Иродъ приказываетъ потѣшать себя пѣснями. Пѣвцы воспѣваютъ Аполлона и музъ. Въ это время приходитъ посланникъ отъ трехъ волхвовъ, названныхъ тремя царями, и ломанымъ языкомъ [1]) проситъ пропустить ихъ для поклоненія новому царю іудейскому. Иродъ приходитъ въ ярость: кто смѣетъ называться царемъ іудейскимъ, когда онъ еще живъ? Вельможи совѣтуютъ ему притвориться, принять милостиво царей и вывѣдать отъ нихъ: что это за загадочный царь? Иродъ соглашается съ ними. Передъ нимъ три волхва — цари разсказываютъ о явленіи

[1]) Твою землю Виѳлеемъ пошелъ, поклонился
Нову царю іудейску, да домъ воротился и проч.

звѣзды, о дарахъ, которые они несутъ новорожденному. Иродъ отпускаетъ ихъ съ тѣмъ, чтобъ они зашли къ нему на возвратномъ пути, и онъ самъ тогда пойдетъ поклониться новому царю. Слѣдуетъ сцена поклоненія волхвовъ. Затѣмъ—8-е явленіе пьесы: Иродъ, не дождавшись волхвовъ, понялъ, что они его обманули, собираетъ раввиновъ, которые объяснили ему, что, по пророчествамъ, въ Виѳлеемѣ долженъ родиться мужъ, который будетъ обладать всѣми народами. Тогда, прогнавши раввиновъ, Иродъ обращается за совѣтомъ къ своимъ сенаторамъ, и одинъ изъ сенаторовъ подаетъ ему мысль перебить въ Виѳлеемской землѣ всѣхъ младенцевъ до двухлѣтняго возраста. 9-е, 10-е и 11-е явленія представляютъ избіеніе младенцевъ и „длинный плачъ и рыданіе подобіемъ плачевной Рахили“. Въ 12-мъ явленіи Ироду приносятъ головы убитыхъ дѣтей, Иродъ въ восторгѣ приказываетъ пѣвцамъ пѣть торжественныя пѣсни, плескать въ длани, а самъ въ упоеніи засыпаетъ на своемъ тронѣ.

Между тѣмъ слышится голосъ Невинности. Это голосъ крови младенцевъ, вопіющій къ Богу объ отомщеніи, голосъ проклятія кровопійцѣ: „Отвори несытую змѣиную гортань свою, пей кровь, которой ты жаждешь... Пей пролитыя слезы матерей, пей выплаканныя съ ними глаза, смотрѣвшіе на лютую десницу воиновъ, избивавшихъ насъ, агнцевъ, для твоей трапезы! Изъ крови нашей ты уготовилъ намъ порфиру, упестрилъ ее жемчугомъ материнныхъ слезъ“. На голосъ Невинности Истина произноситъ грозный приговоръ вѣчной муки тирану.

Иродъ просыпается отъ сна и ощущаетъ страшную болѣзнь въ тѣлѣ. Призываютъ врача, а между тѣмъ ужасный смрадъ распространяется отъ больного. „Готовьте ему гробовое ложе—говоритъ врачъ,—а сами бѣгите; смрадъ исходящій отъ него смертеленъ“. Всѣ покидаютъ Ирода. Тиранъ умираетъ въ страшныхъ мукахъ.

16-е явленіе: Иродъ въ аду. „О, какія муки!—говоритъ Иродъ:—горю, горю. Зачѣмъ я рождался на свѣтъ! Проклятъ родитель! Проклята мать! Проклятъ день, часъ, когда я былъ рожденъ! Прокляты дни, часы, годы, прожитые мною! Прокляты вельможи, совѣтовавшіе мнѣ убійство! Прокляты воины, не пощадившіе незлобныхъ младенцевъ! Но паче всѣхъ проклятъ я, терпящій здѣсь муку. Ахъ, мука великая, мука безконечная, мука во вѣки вѣковъ! Смотрите на меня гордые и не гордитесь, а то будете со мною въ этой пропасти!..“

Слѣдуетъ разговоръ Смерти съ Жизнью. „Торжествую—говоритъ Смерть:—я побѣдила, напоила кровью Виѳлеемскую

землю, покосила, какъ траву подъ росою, четырнадцать тысячъ и, наконецъ, повергла царя Ирода въ гортань Цербера! Я властвую надъ человѣкомъ; я сильна и буду обладать имъ во всѣ вѣки. Сяду на престолѣ. Возложу вѣнецъ на главу мою"...

„Не торжествуй—говоритъ ей Жизнь:—развѣ меня, Жизни, нѣтъ на землѣ? Не умретъ естество человѣческое, во вѣки живо будетъ! Я сяду на престолѣ навѣки, и возведу съ собою человѣческое естество. Славой и честью его увѣнчаю"...

Человѣческое Естество преклоняется передъ Жизнью и Жизнь возлагаетъ на него вѣнецъ.

Въ послѣднемъ, 18-мъ явленіи (короткомъ), Крѣпость Божія произноситъ нравоученіе о карѣ злодѣевъ и о наградѣ кроткимъ сердцемъ, а затѣмъ въ эпилогѣ ко всѣмъ слушателямъ обращается поздравленіе и просьба простить „согрѣшившихъ въ дѣйствѣ" (несовершенство исполненія).

Несмотря на схоластическое построеніе этой драмы, нельзя не признать (при сравненіи съ произведеніями Симеона Полоцкаго и другихъ) за ея авторомъ несомнѣнное поэтическое дарованіе.

BAYERISCHE STAATS-BIBLIOTHEK MUENCHEN

7р Зк обб Томм

Государств. Центральная Книжная Палата
БЮРО МЕЖДУНАРОДНОГО КНИГООБМЕНА.

BSB Bayerische StaatsBibliothek
MIDZ Münchener DigitalisierungsZentrum Digitale Bibliothek

Kostomarov, Nikolaj Ivanovič,

Russkaja istorija v žizneopisanijach eja glavnějsich dějatelej N. Kostomarova

Bd.: 2

1886

Russ. 230 s-2
urn:nbn:de:bvb:12-bsb11887945-7